

ФРЕНК ХЕРБЕРТ

ЗЕЛЁНЫЙ
МОЗГ

ФРЕНК ХЕРБЕРТ

ЗЕЛЁНЫЙ МОЗГ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА
XX века

Frank HERBERT

Whipping star
The green brain
The eyes of Heisenberg

«Amber, Ltd»

«Sigma-Press»

Moscow

1993

Фрэнк ХЕРБЕРТ

*Звезда под бичом
Зеленый мозг
Глаза Гейзенберга*

романы

**г. Ангарск
«Амбер, Лтд.»
Издательство «Сигма-Пресс»
Москва
1993**

ББК 84.7 США
Х39

Перевод с английского

ISBN 5-88358-014-9

©Амбер, Лтд. 1992 г.

Звезда
под бичом

Посвящается, с признательностью и восхищением, Луртону Блассингейму, который помог мне выбрать время, чтобы написать эту книгу.

Его звали Фурунео. Алехино Фурунео. Он напомнил себе об этом, когда ехал в город, чтобы заказать сверхдальние переговоры. Перед такими переговорами разумно было повторить свое имя. Ему было шестьдесят семь лет, и он помнил много случаев, когда люди в снигтер транс сверхдальней связи забывали, кто они и откуда родом. Именно это, более чем стоимость переговоров и неприятность общения с Тапризиотами, вели к снижению числа таких переговоров. Но сейчас Фурунео знал, что не может доверить кому-нибудь другому этот разговор с чрезвычайным агентом Джорджем Х. Маккай-ем.

Было 8:08 утра по местному времени планеты, называемой Сердечность, системы Сфич.

— Судя по всему, это окажется очень трудным, — бормотал он, говоря скорее для себя, чем для двух охранников, которых он прихватил с собой, дабы оградить себя от прослушивания.

Они даже не кивнули, понимая, что от них и не ждут ответа.

Было еще прохладно из-за ночного ветра, дующего со снежных равнин гор Билли к морю. Они приехали в город Дивизион из горной местности на обычной наземной машине, не пытаясь прятать или скрывать свою связь с Бюро Саботажа, но и не имея особого желания привлекать внимание. У многих сенсов были основания возмущаться Бюро.

Именно поэтому Фурунео приказал, чтобы машину остановили за пределами пешеходного центра города, и оставшийся путь они прошли, как обычные горожане.

Десять минут спустя они вошли в приемную нужного им здания. Это был учебный центр Тапризиота, один из почти двадцати, существующих во вселенной — большая честь для такой маленькой планеты, как Сердечность.

Приемная комната была не более пятнадцати метров в ширину и около тридцати пяти метров в длину. У нее были желтовато-коричневые стены с вмятинами в них, как будто когда-то они были мягкими, а кто-то бросал в них маленьким мячом, согласно какой-то случайной прихоти. Вдоль правой

стороны, где стоял Фурунео со своими охранниками, была высокая скамейка. Она занимала три четверти длины стены. Многофасетные вращающиеся лампы бросали на ее поверхность узорные тени. Наверху скамейки стоял Тапризиот.

Тапризиоты бывали разной формы, напоминая отпиленные куски обгоревших хвойных деревьев с обрубками торчащих где попало конечностей, а речевые придатки, похожие на иглы, колыхались даже тогда, когда они молчали. Ножная подпорка этого экземпляра отбивала нервный ритм на поверхности, где она стояла.

В третий раз с тех пор, как они вошли, Фурунео спрашивал:

— Вы передатчик?

Ответа не было.

Тапризиоты были такими. Не было смысла сердиться. Все равно это ни к чему бы не привело. Но Фурунео все же позволил себе выразить досаду. Чертовы Тапризиоты!

Один из охранников за Фурунео кашлянул.

«Будь проклята эта задержка,» — думал Фурунео.

Все Бюро было в состоянии нервного возбуждения с момента получения сверхтревожного послания о деле Абнетт. И то, что он собрался сообщить, могло бы стать первым настоящим прорывом. Он даже ощущал от этого легкую дрожь нетерпения. Это сообщение могло стать самым важным из тех, что ему когда-либо приходилось делать. И притом непосредственно Маккаю.

Солнце только еще добиралось до гор Билли, распространив оранжевый веер света от застекленной двери, через которую они вошли.

— Похоже на то, что долго нам придется ждать этого Таппи, — пробормотал один из его охранников.

Фурунео слегка кивнул. За свои шестьдесят семь лет он изучил несколько ступеней терпения, особенно на пути вверх по лестнице к своему настоящему положению планетарного агента Бюро. И им сейчас оставалось только одно: спокойно выжидать. По каким-то совершенно таинственным причинам Тапризиоты выдерживали свое собственное время. Да и в запасе у него не было ничего, чем бы он мог купить услугу, которая ему была так нужна сейчас. Без передатчика-Тапризиота провести такие переговоры в межзвездном пространстве нереально!

Странный этот талант Тапризиотов многие ученые использовали, не понимая его сути. Сенсационная пресса изобиловала многими теориями о том, каким путем он достигается. Но единственное, что можно было сказать: любая из этих теорий могла быть правдой. Вероятно, Тапризиоты действительно делали свои вызовы способом, родственным связи, осуществляемой среди супругов Пан Спечи креше — но и это ничего не разъясняло в их сути.

По собственному убеждению Фурунео, Тапризиоты искажали пространство путем, похожим на способ Калеванского прыжка в проем, скольжения между измерениями. Если только именно так объяснять Калеванские прыжки в проем. Большинство экспертов отрицали эту теорию, указывая на то, что это потребовало бы энергии, равной энергии, производимой довольно крупными звездами.

Что бы там ни делали Тапризиоты, чтобы сделать такой вызов, определенным было лишь одно: это включало человеческую щитовидную или ее эквивалент у остальных сенсов.

Тапризиот на высокой скамейке стал двигаться из стороны в сторону.

— Может быть, нам скоро повезет, — сказал Фурунео.

Напряжение на его лице исчезло, он подавил чувство неловкости. Это был, в конце концов, учебный центр Тапризиотов. Ксенобиологи говорили, что репродукция Тапризиотов была делом воспитания, но ксеноксы всего не знали. Посмотрите хотя бы на ту мешанину, которую они сделали при анализе коммуникативной чувствительности Пан Спечи.

— Путча, путча, путча, — сказал Тапризиот на скамейке, сжимая свои речевые иглы.

— Что-нибудь не так? — спросил один из охранников.

— Как, черт возьми, я могу об этом узнать? — рявкнул Фурунео. Он посмотрел в лицо Тапризиота и сказал: — Вы передатчик?

— Путча, путча, путча, — сказал Тапризиот. — Это замечание, которое я сейчас переведу единственным способом, который доводит смысл до таких, как вы сами, потомков Сол/Земли. Вот, что я сказал: «Я хочу узнать о вашей искренности.»

— Вы должны доказать вашу искренность этому чертову Тапризиоту? — спросил один из охранников. — Мне кажется...

— Никто тебя не спрашивал, — отрубил его Фурунео. Любая пробная атака Тапризиота может быть приветствием. Разве этот дурак не знает этого?

Фурунео отделился от своих охранников и подошел к месту, расположенному под скамьей.

— Я бы хотел заказать переговоры с Джорджем Х. Маккаем чрезвычайным представителем Бюро Саботажа. — сказал он. — Ваш робот-швейцар узнал, проверил меня и взял мой плату. Вы передатчик?

— Где этот Джордж Х. Маккай? — спросил Тапризиот.

— Если бы я знал, то отбыл бы на личную встречу с ним через прыжок в пространство, — сказал Фурунео. — Это важные переговоры. Вы передатчик?

— Дата, время и место, — сказал Тапризиот.

Фурунео вздохнул и расслабился. Он оглянулся назад на своих охранников, дал им знак занять посты у обеих дверей комнаты, подождал, пока они исполнили приказ. Ни к чему, чтобы кто-нибудь, даже случайно, подслушал этот разговор. Затем он повернулся, дал требуемые местные координаты.

— Не присядете ли на пол, — предложил Тапризиот.

— Благодарю бессмертных за это, — пробормотал Фурунео. Однажды он делал вызов, когда передатчик повел его на горный склон в проливной дождь и ветер и заставил его вытянуться в положении голова ниже ног перед тем, как открыть межпланетный контакт. Он сообщил центру данных Бюро об этом случае, где они надеялись когда-нибудь раскрыть секрет Тапризионитов, но этот вызов стоил ему насморка, с которым он промучился несколько недель.

Фурунео сел.

Черт возьми! Пол был холодным.

Фурунео был высоким мужчиной, двух метров ростом без каблучков и восемьдесят четыре килограмма весом. Волосы его были черные с налетом седины на висках. У него был толстый нос и большой рот со странно прямой нижней губой. Он предпочел сесть правым боком. Один раздраженный гражданин сломал ему левое бедро во время одного из его первых визитов в Бюро. Эта травма опровергла всех медиков, которые говорили ему: «Оно не будет несколько вас беспокоить после того, как заживет.»

— Закройте глаза, — пропищал Тапризиот.

Фурунео повиновался, попытался принять более удобное положение на холодном, жестком полу, но видя бесполезность попыток, отказался.

— Думайте о контакте, — приказал Тапризиот.

Фурунео думал о Джордже Х. Маккае, воссоздавая его образ в мыслях — приземистый маленький мужчина, ярко-рыжие волосы, лицо, как у рассерженной лягушки.

Контакт начался с завихрений перенасыщенного ощущения. В своем собственном представлении Фурунео стал красным потоком, вплетающимся в звуки серебряной лиры. Тело его куда-то ушло. Ощущение вращалось вокруг странного ландшафта. Небо было бесконечно большим кругом, а горизонт его медленно вращался. Он чувствовал звезды, поглощенные пучиной одиночества.

— Что за десять миллионов дьяволов!

Мысль взорвалась внутри Фурунео. Ее нельзя было обойти. Он узнал ее сразу же. Контактеры часто противились вызову. Они не могли отвергнуть его независимо от того, что они делали в то время, но они могли-таки дать почувствовать тому, кто делал вызов, свое неудовольствие.

— Оно никогда не отказывает! Оно никогда не отказывает!

До Маккая сейчас уже должны бы доходить внутренние позывные, его щитовидная железа должна быть включена сильно отдаленным контактом.

Фурунео настроился выслушать проклятия. Когда они, наконец, иссякли, он представился и сказал:

— Сожалею, что мог причинить вам какие-либо неудобства, но максимально-настороженный не мог сказать, где вы находитесь. Вы должны знать, что я не стал бы делать этот вызов, если бы он не был таким важным.

Более или менее стандартное начало.

— Какого черта я должен знать, важен этот вызов или нет? — требовательно спросил Маккай. — Перестаньте бубнить и приступайте к делу.

Это было неожиданное продолжение гнева, не характерное даже для властолюбивого Маккая.

— Я прервал какое-нибудь важное дело? — осмелился спросить Фурунео.

— Просто я стоял здесь в телесуде и получал развод, — сказал Маккай. — Разве вы не представляете, какие у нас

тут важнейшие события, следя, как я бормочу про себя в сниггертрансе? Приступайте к делу!

— Прошлой ночью под городом Дивизион, здесь на планете Сердечность, прибило к берегу Калеванский бичбол, — сказал Фурунео, — ввиду смертности, помешательств и послания от максимально-настороженного от Бюро, я подумал, что было бы лучше сразу поставить вас в известность. Ведь этот случай касается вас, не так ли?

— Это что, у вас там такие шутки? — громко спросил Маккай.

Вместо обиды, Фурунео напомнил себе об интересах Бюро. Это была личная мысль, но Маккай без сомнения ухватил в ней настроение.

— Ну? — потребовал Маккай.

«Может Маккай намеренно пытается нервировать меня? — удивился Фурунео. — Как мог функционировать один из руководителей Бюро — замедлять деятельность правительства — и сохранять оперативность во внутренних делах без таких вызовов, как этот? В обязанности агентов входило поддерживать гнев против правительства, потому что оно дало ход нестабильности и темпераменту тех, кто не имел необходимого личного контроля и способности думать в условиях психического стресса, но зачем передавать эту обязанность и изливать этот постоянный гнев на собственного агента?»

Некоторые из этих мыслей очевидно пробивались через передатчика Тапризиота, потому что Маккай отмечал их, отдавая Фурунео умственным пренебрежением.

— Вы что там за отсебятину порете, — сказал Маккай.

Фурунео вздрогнул, встряхнулся и пришел в себя. Черт, он уже был близок к тому, чтобы потерять свое я! Только завуалированное предупреждение в словах Маккайа насторожило его, позволив прийти в чувство. Фурунео начал перебирать в памяти другие интерпретации на реакцию Маккайа. То, что он прервал его развод, не могло идти в счет. Если слухи были правильные, этот безобразный маленький агент был женат пятьдесят или более раз.

— Вы еще заинтересованы в этом деле бичбола? — осмелился спросить Фурунео.

— В нем есть Калеванец?

— Предположительно.

— А вы что, не проверяли? — поучительный тон Маккая говорил о том, что Фурунео была доверена самая важная операция, а он провалил ее из-за наследственной тупости.

Теперь, уже будучи полностью насторожен к некой не высказанной опасности, Фурунео сказал:

— Я действовал согласно моим инструкциям.

— Инструкциям, — с насмешкой изрек Маккай.

— Вероятно, предполагается, что я должен рассердиться, да? — спросил Фурунео.

— Я буду там, как только позволят служебные обстоятельства — самое большее, в пределах восьми нормативных часов, — сказал Маккай. — А вам тем временем следует поступать согласно вашим инструкциям, то есть держать бичбол под постоянным наблюдением. Наблюдатели должны быть охмелевшими от наркотика-ангерита. Это для них единственная защита.

— Постоянное наблюдение, — сказал Фурунео.

— Если появится Калеванец, вы должны задержать его, чего бы вам это не стоило.

— Калеванец... задержать его.

— Завяжите с ним разговор, просите его о сотрудничестве, любыми способами, — сказал Маккай. А поучительные интонации предполагали, что странно было бы для агента Бюро спрашивать о таких прописных истинах, касающихся выполнения надлежащих ему обязанностей.

— Восемь часов, — сказал Фурунео.

— И не забудьте про ангерит.

Маккай, находившийся на планете медового месяца Туталси, провел еще час, завершая бракоразводные процедуры, затем вернулся на плавающий дом, который они пристроили около острова цветов любви. «Даже напиток Туталси, дающий забвение, не подействовал на него, — думал Маккай. — Эта женитьба была напрасно потраченным усилием. Она, к сожалению, не знала достаточно о Млисс Абнетт, несмотря на то, что когда-то они были знакомы. Но это было в другом мире.»

Эта жена была у него пятьдесят четвертая, у нее была чуть более светлая кожа, чем у любой из его прежних, но и была она в значительной мере большей мегерой. У нее это было не первое замужество, и она быстро проявила признаки подозрений относительно второстепенных мотивов Маккая.

Воспоминания принесли Маккаю чувство вины. Он свирепо отбросил всякие чувства. На разные приличия просто не было времени. На кон было поставлено слишком много. Тупая женщина!

Она уже выехала из плавающего дома, и Маккай ощущал невзгоды бытия. Он разметал идиллию, которую был призван создавать плавающий дом. Как только он уедет, плавающий дом вернется к своей прежней любезности. Это были мягкие создания, подверженные чувствительному раздражению.

Маккай уложил вещи, отставил в сторону набор инструментов. Он проверил его: набор стимулирующих средств, острые орудия различного предназначения, взрывчатые вещества, чейгены, различные защитные очки, пентраты, пачка унифлеша, растворители, минипьюторы, мониторы жизни Тапризиотов, голосканирующие бланки, рупторы, компараторы... все было в порядке. Набор инструментов представлял собой специально изготовленный бумажник, который он спрятал во внутренний карман ни на что не похожей куртки.

Он положил несколько смен белья в сумку, разместил остальные свои принадлежности в специальный контейнер Бу Сабов и оставил их для отправки под присмотром пары сторожевых псов. Они, казалось, разделяли негодование плавающего дома. Они остались неподвижными даже тогда, когда он ласково похлопал их.

Эх, ну что же...

И все же он чувствовал себя виноватым.

Маккай вздохнул, вытащил свой секретный ключ глаз С. Этот прыжок в пространство, кажется, обойдется Бюро в круглую сумму мегакредитов. Планета Сердечность находилась на полпути к их вселенной.

Казалось, что прыжки через глаз С в пространство все еще работают исправно, но Маккаю беспокоило то, что он должен совершить это путешествие с помощью средства, которое предоставили Калеванцы. Жуткая ситуация. Прыжки в пространство стали такими обычными, что большинство сенсов принимали их безоговорочно. Маккай принял их как должное, даже раньше максимально настороженного. А сейчас он сам себе удивлялся. Непреднамеренное признание демонстрировало приспособляемость рациональной мысли — обычная характерная черта всех ученых. Калеванский артефакт

стал известен Конфедеративным сенсам только девятнадцать лет назад. Но в то время было известно, что только восемьдесят три Калеванца устанавливают контакт Кон Сент — первый с помощью дара прыжка в пространство и восемьдесят два других.

Маккай подкинул ключ в руке и ловко поймал его.

Почему Калеванцы отказывались расстаться со своим даром, если все не будут называть его глаз С? Что такого важного для них в этом названии?

«Я уже должен быть в пути,» — сказал себе Маккай. Но он все еще медлил.

Восемьдесят три Калеванца.

Максимально настороженный был недвусмыслен в своем требовании к сохранению тайны и в своем общем описании проблемы: Калеванцы исчезали один за другим. Исчезновение — если так можно было назвать эту акцию Калеванцев. И каждое исчезновение сопровождалось мощной волной смертей сенсов и сумасшествий сенсов.

Не возникал вопрос, почему эта проблема попала в ведение Бу-Сабов вместо того, чтобы решаться каким-нибудь полицейским агенством. Правительство отбивалось, как могло: влиятельные люди надеялись дискредитировать Бу-Саб. Маккай находил, что в этом есть резон, когда думал о том, почему именно его избрали для решения этой проблемы.

«Кто ненавидит меня?» — размышлял он, вставляя свой персонально настроенный ключ для прыжка в пространство. Ответ был таков, что многие люди ненавидели его. Миллионы людей.

Дверь для прыжка начала гудеть в ауре ужасающих энергий. Вортальная трубка двери распахнулась. Маккай напрягся для преодоления мелкого сопротивления в проходе двери, шагнул через трубку. Это было подобно плаванию в воздухе, который становился черной патокой — но по внешнему виду совершенно нормальный воздух. Но черная патока.

Маккай очутился в довольно обычном офисе: обычное гудение занятых за работой за столами, мигающие световые узоры идущие с потолка, вид из одной прозрачной стены на склон горы. Вдали видны крыши города Дивизион, закрытого серыми скучными тучами, а позади светящееся серебром море. Имплантированные в мозг часы Маккай показали ему, что уже день, восемнадцатый час из двадцатичестьчасовых

суток. Это была планета Сердечность, мир, расположенный в 200.000 световых лет от планеты океана Туталси.

Позади него вортальная труба двери для прыжка захлопнулась с треском, подобным разряду электричества. В воздух проник слабый запах озона.

Комнатные сторожевые собаки стандартной модели были хорошо натренированы, как отметил Маккай, чтобы создавать удобства своим хозяевам и гостям. Одна из них надавила ему сзади под колени, пока он не уронил свою сумку и не занял место, не по своей воле. Собака стала массировать ему спину. Очевидно, ей дали инструкцию создавать ему удобства, пока кого-то вызывали.

Маккай настраивался на слабые звуки нормальной обстановки, окружающей его. Во внешнем проходе слышались шаги сенса. По звуку их можно было сказать, что это Рив: характерное для них проволакивание пятки предпочитаемой ноги. Где-то шел отдаленный разговор, и Маккай смог различить несколько мегва-галактических слов, но похоже, что разговор шел на многих языках.

Он начал терять терпение, что вызвало у его комнатной собаки взрыв волновых движений, чтобы успокоить его. Навязанное ему бездействие угнетало его. Где этот Фурунео? Маккай упрекал себя. У Фурунео, вероятно, много планетарных обязанностей, как агента Бу-Саба. И он может не знать всей неотложности их проблемы. Это могла быть одна из планет, где слабо распространен Бу-Саб. Боги бессмертия знали, что Бюро всегда может найти работу.

Маккай начал рассуждать о своей роли в делах сенсов. Когда-то, много веков тому назад, кон-сенсы с психологическим принуждением «делать хорошо», захватили правительство. Лишенные мучительных терзаний, смеси угрызений и самобичевания, лежащих в основе их принуждения, они искоренили практически все задержки и волокиты в правительстве. Огромная машина с ее неуместной властью над жизнью сенсов набирала ход, двигаясь все быстрее и быстрее. Законы выдумывались и принимались в один и тот же час. Входили в обиход незаконные присвоения, которые тратились в течение двух недель. Но все Бюро с самыми невероятными целями вырастали и разрастались, как какие-то сумасшедшие грибные наросты.

Правительство стало огромным деструктивным колесом без рулевого, крутящееся с такой скоростью, что сеяло хаос везде, чего бы оно не касалось.

В отчаянии кучка сенсов организовала Корпус саботажа, чтобы замедлить это колесо. Лилась кровь и процветали другие формы насилия, но движение колеса было замедлено. Позже Корпус стал Бюро, а Бюро было (чем бы оно ни было сегодня) организацией, ведомой в свои собственные коридоры энтропии группой сенсов, которые предпочитали тонкую диверсию насилию... но были готовы к насилию, если в нем появлялась необходимость.

Справа от Маккая открылась дверь. Его собака успокоилась. Вошел Фурунео, пристраивая рукой прядь седых волос за левое ухо. Его большой рот выдерживал прямую линию, что являлось признаком недовольства.

— Вы рано, — сказал он, похлопывая собаку, отправляя ее на место напротив Маккая и усаживаясь сам.

— Это место безопасное? — спросил Маккай. Он оглядел стену, куда глаз С провел его. Дверь для прыжка исчезла.

— Я передвинул дверь вниз по своей трубе, — сказал Фурунео. — Это место настолько безопасно, насколько я в силах сделать это.

Он сел, ожидая, что Маккай даст объяснения.

— Этот бичбол все еще там? — Маккай кивнул в сторону прозрачной стены и моря вдалеке.

— Мои люди получили приказ вызвать меня, если он начнет какое-нибудь движение, — сказал Фурунео. — Он пристал к берегу точно так, как я говорил, вмуровался в осколок скалы и с тех пор...

— Вмуровался?

— Так, по крайней мере, кажется.

— Никаких признаков чего-то внутри?

— Насколько видно, никаких. Кажется бичбол... немного ударился. Есть несколько вмятин. С чего бы это все?

— Вы, несомненно, слышали о Млисс Абнетт?

— Кто о ней не слышал?

— Недавно она истратила несколько своих квинтиллионов, чтобы нанять Калебанца.

— Нанять? — Фурунео потряс головой. — Я не знал, что такое возможно.

— Да, но едва ли могло прийти кому-нибудь в голову.

— Я читал максимально настороженного, — сказал Фурунео. — Связь Абнетт с этим делом там не объяснена.

— Она, знаешь ли, изобретательна насчет разных трюков, — сказал Маккай.

— Я думаю ее натренировали на это.

— Да, но это не исключает одной важной вещи. Она так уж устроена, что не может вынести вида страданий сенса.

— Даже так?

— Поэтому ее решение нанять Калеванца выглядит достаточно естественно.

— Как жертвы! — сказал Фурунео.

Маккай видел, что Фурунео начал понимать. Кто-то сказал однажды, что проблема с Калеванцами в том, что они никогда не оставляют следов, по которым можно что-то узнать. И это, конечно, правда. Если бы вы могли представить актуальность, существо, чье присутствие нельзя отрицать, но которое заставляет ваш разум сомневаться в ваших чувствах всякий раз, когда вы пытаетесь смотреть на него — тогда вы можете себе представить, что такое Калеванец.

«Они — это закрытые окна, уходящие в вечность,» — как выразил это поэт Масард.

В дни первых Калеванцев Маккай посещал все лекции Бюро и все их обсуждения. Он пытался вспомнить сейчас одно такое заседание, подсказываемое неожиданным ощущением того, что оно содержало что-то значимое для решения настоящей проблемы. В нем было что-то «о трудностях коммуникации в ауре несчастья». Точное содержание от него ускользало. «Странно,» — думал он. Было такое ощущение, как будто созданная Калеванцами проекция создавала эффект влияния на память сенса, родственное эффекту видения сенса.

Именно здесь и крылась истинная причина неприятного ощущения сенса в отношении Калеванцев. Их артефакты были реальны — двери для прыжка глаза С, бичболы, в которых, как полагали, они живут — но никто никогда по-настоящему не видел Калеванца.

Фурунео, следя за тем, как этот маленький гном-агент сидит и думает, вспомнил язвительную байку о Маккае, о том, что он находился в Бу-Сабе даже раньше, чем родился.

— Она наняла «мальчика для битья», да? — спросил Фурунео.

— Что-то в этом роде.

— Максимально настороженный говорил о смертях и случаях сумасшествия...

— Все ваши люди получили дозу ангерита? — спросил Маккай.

— Я получил поручение, Маккай.

— Хорошо. Кажется, ангер способен создать какую-то защиту.

— Калеканцы стали... исчезать, — сказал Маккай. — И каждый раз, когда уходит один из них, есть много смертей и... других неприятных последствий — физические и умственные расстройства, сумасшествие...

Фурунео кивнул в направлении моря, оставив вопрос недосказанным.

Маккай вздрогнул.

— Мы должны пойти взглянуть. Но вся чертовщина в том, что до вашего вызова существовало предположение, что во вселенной остался только один Калеканец, которого наняла Абнетт.

— Ну, и как вы собираетесь поступить?

— Прекрасный вопрос, — сказал Маккай.

— Калеканец Абнетт, — сказал Фурунео. — Тогда здесь возможно хоть какое-то объяснение с его стороны.

— Не было возможности взять у него интервью, — сказал Маккай. — Мы не знаем, где она прячет его или ее.

— Не знаю... — заморгал Фурунео. — Сердечность — это довольно тихая заводь.

— Это то, о чем я думаю. Вы говорили, что этот бичбол выглядит потрепанным?

— Это странно, не так ли?

— Еще одна странность вдобавок ко многим.

— Говорят, что Калеканец не уходит очень далеко от своего шара, — сказал Фурунео. — И они любят парковать их у воды.

— Какие попытки вы сделали, чтобы выйти на общение с ним?

— Обычные. А как вы узнали о том, что Абнетт наняла Калеканца?

— Она поведала другу, который поведал другу, который... И один из Калеканцев бросил намек на это прежде, чем исчез.

— Какие-нибудь сомнения, что исчезновения и все остальное связано?

— Давай пойдем постучим в дверь к нему и узнаем, — сказал Маккай.

Самая последняя бывшая жена Маккая заняла обычную позицию в отношении к Бу-Сабу. «Они используют тебя,» — протестовала она.

Он думал об этом несколько минут, размышляя о том, могло ли это быть причиной того, что он сам с легкостью использовал других. Конечно, она была права.

Маккай думал об ее словах сейчас, когда они с Фурунео спешили в наземной машине к берегу Сердечности. В голове у Маккая был один вопрос: «Как они используют меня на этот раз?» Если отбросить возможность, что его подставили, как фигуру для жертвования, в запасе оставалось еще много других возможностей. Возможно его юридическое образование было тем, в чем они нуждались? Или они могли бы воспользоваться неортодоксальными способами, чтобы наладить отношения между видами? Очевидно, они питали какую-то надежду на какой-то особый вид официального саботажа — но что это за вид? Почему инструкции ему были такими неполными?

«Вы найдете и войдете в контакт с Калеванцем, которого наняла Млисс Абнетт, или найдете любого другого Калеванца для контакта с сенсом, и вы должны принять соответствующие меры.»

Соответствующие меры?

Маккай потряс головой.

— Почему они выбрали вас для этой переделки? — спросил Фурунео.

— Они знают, как использовать меня, — сказал Маккай.

Наземная машина, которую вел охранник, сделала резкий поворот, и вид скалистого берега открылся перед ними. Что-то блесело вдали среди обрывов застывшей черной лавы, и Маккай заметил два авиакара, нависших над скалами.

— Это? — спросил он.

— Да.

— Сколько сейчас по местному времени?

— Около двух с половиной часов до заката, — сказал Фурунео, правильно истолковав озабоченность Маккая. — Ангелит защитит нас, если там есть Калеванец и он решит... исчезнуть?

— Я искренне в это верю, — сказал Маккай. — Почему мы не прибыли сюда авиакаром?

— Люди здесь на Сердечности привыкли видеть меня в наземной машине, если я не занят работой и мне не нужна скорость.

— Вы хотите сказать, что никому в городе еще не известно об этой штуке?

— Только охране побережья этого участка, а они у меня получают зарплату.

— Вы довольно круто проводите здесь операции, — сказал Маккай. — Вы не боитесь, что перестараетесь?

— Стараемся как лучше, — сказал Фурунео. Он постучал по плечу водителя.

Наземная машина притормозила у поворота тропы, ведущей на мыс скалистых островов и на низкий уступ остывшей лавы, где остановился бичбол Калеванца.

— Знаете, я вот думаю, знаем ли мы в действительности, что представляют собой эти бичболы.

— Это дома, — проворчал Маккай.

— Это все говорят.

Фурунео вышел. Холодный ветер вызвал боль в бедре.

— Отсюда мы пойдем пешком, — сказал он.

Во время подъема по узкой тропинке к выступу из застывшей лавы были такие моменты, когда Маккай благодарил всевышнего, что под одеждой его была закреплена гравитационная сеть. Если он упадет, она ограничит скорость спуска до скорости, не приводящей к травме. Но против других ушибов, которые он мог бы получить в прибое у основания скал, она ничего не могла сделать, и уж вообще никакой защиты от нее нельзя было ожидать от пронизывающего ветра и обдающих потоков брызг.

Он пожалел, что на нем нет костюма с подогревом.

— Холоднее, чем я ожидал, — сказал Фурунео, прыгнув на уступ. Он помахал авиакарам. Один опустил крылья, сохраняя свое место в медленном движении по кругу над бичболом.

Фурунео отправился по уступу, а Маккай последовал за ним, перепрыгнув волну прибоя, несущего брызги. Шум ударов прибоя о скалы был здесь громче, и приходилось почти кричать, чтобы слышать друг друга.

— Видите, — кричал Фурунео. — Он выглядит, как будто его изрядно побили.

— Полагают, что эти штуки не разрушаются, — сказал Маккай.

Бичбол был около шести метров в диаметре. Он плотно сидел на уступе, а около полуметра поверхности дна спрятались во вмятины в скале, как будто он расплавил место посадки.

Маккай направился к подветренной стороне шара, обойдя Фурунео на последних нескольких метрах. Он стоял там, засунув руки в карманы, и дрожал. Круглая поверхность шара не защищала от холодного ветра.

— Он больше, чем я ожидал, — сказал Фурунео, становясь рядом с ним.

— Первый, которого вы видите так близко?

— Да.

Маккай обводил взглядом шар. Кнопки и зубчатый орнамент покрывали его поверхность из матового металла. Ему показалось, что неровности тоже представляют какой-то рисунок. Вероятно, сенсоры? Может быть какие-нибудь контрольные приборы? Прямо перед ним было то, что казалось трещиной, вероятно, от столкновения. Она находилась внизу поверхности, которая на ощупь руки Маккай не представляла никаких неровностей.

— А что если они ошибаются насчет этих штук? — спросил Фурунео.

— М-м-м?

— Что, если это совсем не дома Калеванцев?

— Не знаю. Вы помните, что там в инструкции?

— Вы находите «ниппельную штамповку» и стучите по ней. Мы уже пытались. Как раз налево от вас есть такая.

Маккай направился туда, и по дороге его обдало душем холодных брызг, принесенных порывом ветра. Он потянулся, уже изрядно дрожа от холода, и постучал в указанную штамповку.

Ничего не последовало.

— На каждом обсуждении, которые я посещал, говорилось, что в этих штуках где-то есть дверь, — проворчал Маккай.

— Но они же не говорили, что дверь открывается каждый раз, когда стучат, — сказал Фурунео.

Маккай продолжал обход шара, нашел еще одну ниппельную штамповку и постучал.

Ничего.

- И там мы тоже стучали, — сказал Фурунео.
- Я чувствую себя полным идиотом, — сказал Маккай.
- Может быть, никого нет дома.
- Дистанционный контроль? — спросил Маккай.
- Или покинутый, брошенный.

Маккай указал на тонкую зеленую линию примерно длиной в метр с подветренной стороны.

— Что это?

Фурунео сгорбился, укрываясь от струй и ветра, и устоялся на линии.

— Что-то не помню, чтобы видел ее.

— Хорошо бы знать побольше об этих чертовых штуковинах, — ворчал Маккай.

— Может, мы недостаточно громко стучим, — сказал Фурунео.

Маккай сжал губы, раздумывая. Наконец, он вынул свой набор инструментов, извлек кусок взрывчатки слабого действия.

— Идите на другую сторону, — сказал он.

— Вы уверены, что нужно использовать это? — спросил Фурунео.

— Честно говоря, нет. Но...

— Ну, ладно, — сказал Фурунео, удаляясь за шар.

Маккай приложил кусок взрывчатки вдоль зеленой линии, прикрепил бикфордов шнур и присоединился к Фурунео.

Вскоре послышался глухой удар, который почти заглушал прибор.

Маккай почувствовал какое-то внутреннее беспокойство и стал размышлять. А что, если этот Калеванец рассердится и начнет применять оружие, о котором мы никогда не слышали? И все же он устремился на другую сторону.

Над зеленой полосой появилась овальная дыра, как будто в шар засосало засов.

— Видимо, вы нажали на правильную кнопку, — сказал Фурунео.

Маккай подавил чувство раздражения, которое, как он знал, является результатом ангерита, и сказал:

— Да, подставьте-ка мне ногу.

Он заметил, что Фурунео почти идеально справляется с реакцией наркотика.

С помощью Фурунео Маккай забрался в отверстие и заглянул внутрь. Его приветствовал слабый пурпурный свет, и что-то похожее на движение в полутьме.

— Что-нибудь видно? — спросил Фурунео.

— Не знаю, — Маккай вскарабкался вовнутрь на покрытый ковром пол. Он согнулся и стал изучать обстановку в пурпурном свечении. Зубы его стучали от холода. Комната вокруг него, очевидно, занимала самый центр шара — низкий потолок, мерцающие радуги на внутренней поверхности слева от него, внушительная выемка в форме поварешки, прямо напротив его, крошечные шпильки, ручки и кнопки на стене справа.

В чаше поварешки возникло ощущение движения.

Внезапно Маккай понял, что находится в присутствии Калеванца.

— Что вы там видите? — слышался голос Фурунео.

Не отводя взгляда от чаши, он слегка повернул голову.

— Здесь внутри Калеванец.

— Мне нужно войти?

— Нет. Скажите вашим людям и будьте наготове.

— Ладно.

Маккай все свое внимание обратил на чашу черпака. В горле у него пересохло. Он никогда не был один в присутствии Калеванца. Эта роль обычно отводилась научным сотрудникам, вооруженным известными лишь посвященным инструментами.

— Я... ах, да, Джордж Маккай, Бюро Саботаж, — сказал он. В чаше произошло какое-то колебание, сразу же за этим движением последовал эффект светящегося значения: «Я принимаю ваше знакомство.»

Маккай поймал себя на том, что вспоминает поэтическое описание Масарарда в «Разговоре с Калеванцем.»

«Кто может сказать, как разговаривает Калеванец?» — писал Масарард. — «Слова их приходят к вам, как манипуляции шеста небес с девятью лентами. Инструкция подсказывает, что такие слова светятся. Я говорю, что Калеванец разговаривает. Когда вам посылаются слова, разве это не речь? Пошлите мне ваши слова, Калеванец, и я расскажу вселенной, как вы разумны.»

Испытав на себе слова Калеванца, Маккай решил, что Масарард — осел с претензиями. Калеванец засветился. Его сообщение запечатлелось в мозгу сенса, как звук, но уши его

ничего не слышали. Это был эффект такого же порядка, какой Калеванец проводил и на глаза. Вы чувствуете, что видите что-то, но ваши органы зрения отказываются согласиться с вами.

— Я надеюсь, что мое... что я не побеспокоил вас, — сказал Маккай.

— Я не обладаю тем, что воспринимает беспокойство, — сказал Калеванец. — Вы пришли со спутником?

— Мой спутник снаружи, — сказал Маккай. — Нет никаких причин для беспокойства.

— Приглашаю вашего спутника, — сказал Калеванец.

Маккай поколебался, а потом произнес:

— Фурунео! Давайте, сюда.

Планетарный агент присоединился к ним, согнувшись слева от Маккай в пурпурном полумраке.

— Черт возьми, как на улице холодно, — сказал Фурунео.

— Низкая температура и высокая влажность, — согласился Калеванец. Маккай, который повернулся, чтобы посмотреть, как входит Фурунео, увидел, как из твердой стены рядом с открытым отверстием появилось прикрытие. Ветер и брызги перестали сюда проникать. Температура в шаре начала подниматься.

— Мне уже становится жарко, — сказал Маккай.

— Что?

— Жарко. Помните совещания? Калеванцы любят, чтобы воздух был жарким и сухим.

Он уже чувствовал, как его сырая одежда начинает прилипать к потной коже.

— Это точно, — сказал Фурунео. — Что происходит?

— Нас пригласили, — сказал Маккай, — Мы не побеспокоили его, потому что у него нет органа, воспринимающего беспокойство.

Он снова повернулся к чашевидному углублению.

— Где он?

— Вот в этой штучке в виде черпака.

— Да... я, уф... да.

— Вы можете обращаться ко мне, называя меня Фанни Мэ, — сказал Калеванец. — Я представляю свой вид и отвечаю требованиям, которые равнозначны для женщины.

— Фанни Мэ, — сказал Маккай с предчувствием бесперспективности беседы. Как можно увидеть это чертово существо? Где у него лицо? — Мой спутник Алехино Фурунео,

планетарный агент на планете Сердечность от Бюро Саботажа.

Фанни Мэ? Черт возьми!

— Принимаю ваше знакомство, — сказал Калеванец. — Разрешите ознакомиться с целью вашего визита?

Фурунео почесал за правым ухом: — Как это мы слышим? Он потряс головой: — Я не могу этого понять, но...

— Не обращайтесь внимания, — сказал Маккай. А сам предупредил себя: «А теперь помягче.» Как надо допрашивать этих существ? Нематериальное присутствие Калеванца, странный способ, которым он воспринимает слова этого существа — все это сочеталось с раздражением, производимым ангеритом.

— Я... мои инструкции, — сказал Маккай, — Я ищу Калеванца, который работает по найму Млисс Абнетт.

— Я принимаю ваши вопросы, — сказал Калеванец. Принимает мои вопросы?

Маккай попытался поворачивать голову из стороны в сторону, надеясь найти угол, под которым он мог бы получить видение того, что могло бы принять узнаваемые субстанции.

— Что вы делаете? — спросил Фурунео.

— Пытаюсь увидеть это.

— Вы ищите видимую субстанцию? — спросил Калеванец.

— Уф-ф, да, — сказал Маккай.

«Фанни Мэ? — подумал он. — Это было подобно первой встрече с планетами Говачии: первый человек Земли встречает первого лягушачьего вида Говачина, а Говачин представляет себя как Уильям. Где это среди девяносто тысяч миров Калеванец выкопал это имя? И почему?»

— Я даю зеркало, — сказал Калеванец, — которое отражает внешнюю проекцию вдоль плоскости существа.

— Мы что, увидим это? — заинтересовался Фурунео. — Никто никогда не видел Калеванца.

— Ш-ш-ш.

Полуметровый овал, из чего-то зеленого, синего и розового, не имеющий видимой связи с пустотой присутствия Калеванца, материализовался над гигантской чашей.

— Думайте об этом, как о сцене, на которой я представляю собственное я, — сказал Калеванец.

— Вы что-нибудь видите? — спросил Фурунео.

Зрительные органы Маккай ощутили ограничительные линии, чувство отдаленной жизни, чьи бесплотные ритмы танцевали внутри цветного овала, как море, ревущее в пустой ракушке. Он вспомнил о своем одноглазом друге и трудности сфокусировать внимание одного глаза без риска быть втянутым в свободное пространство. Почему бы этому чертову дураку просто не купить себе новый глаз? Почему бы...

Он сделал глотательное движение.

— Это самая удивительная вещь, которую я когда-либо видел, — зашептал Фурунео — Вы видите ее?

Маккай описал свое зрительное ощущение.

— Это то, что видите вы?

— Скорее догадываюсь, чем вижу, — сказал Фурунео.

— Попытка видимого изображения не получается, — сказал Калеванец. — Вероятно, я использую недостаточную степень контрастности.

Думая, не ошибается ли он, Маккай понял, что заметил печальное настроение в словах Калеванца. Возможно ли, что Калеванцам не нравится то, что их нельзя увидеть?

— Это чудесно, — сказал Маккай. — Сейчас мы можем обсуждать Калеванца, который...

— Вероятно, внешний облик не связывается, — сказал Калеванец, прерывая. — Мы входим в состояние, для которого не существует лекарств. Это равносильно тому, «Как спорить с ночью», как говорят вам ваши поэты.

Ощущение огромного вздоха вылетело от Калеванца и прошло над Маккаем. Это была печаль, огненная обреченность мрака. Он подумал, что, может быть, не сработало воздействие ангерита. Сила эмоций принесла с собой ужас.

— Вы чувствуете это? — спросил Фурунео.

— Да.

Маккай почувствовал, что глаза ему жжет. Он заморгал, различая элемент цветка, плавающий в овале — ярко красный, на фоне пурпура комнаты, а внутри него переплетались черные прожилки. Медленно он распускался, закрывался, распускался. Он хотел дотянуться, потрогать его горстью сострадания.

— Как прекрасно, — прошептал он.

— Что это? — зашептал Фурунео.

— Я думаю, что мы видим Калеванца.

— Мне хочется плакать, — сказал Фурунео.

— Держи себя в руках, — предупредил Маккай. Он кашлянул. Через него проникали сплетения эмоций. Они были, как частицы, отколотые от целого и отпущенные на свободу, чтобы искать свои рисунки. Воздействие ангерита затерялось в этой смеси.

Образ медленно исчезал из овала. Эмоциональный поток утихал.

— У-и-и-и, — выдохнул Фурунео.

— Фанни Мэ, — осмелился заговорить Маккай. — Что это...

— Я та, кого наняла Млисс Абнетт, — сказал Калеванец. — Правильно я употребила глагол?

— Точно, — сказал Фурунео. — Прямо в точку.

Маккай взглянул на него, на то место, где они входили в шар. Там, где была дыра, не осталось и следа. Жара в комнате становилась невыносимой. Правильное употребление глагола? Он посмотрел на изображение Калеванца. Что-то еще шевелилось сверху овала, но это не поддавалось описанию.

— Она задала вопрос? — спросил Фурунео.

— Помолчите минутку, — рявкнул Маккай. — Мне надо подумать.

Тикали секунды. Фурунео чувствовал, как с шеи за воротник струится пот. Он ощущал его кончиками губ.

Маккай сидел тихо, уставившись в гигантский черпак. Калеванец, нанятый Абнетт. Он все еще чувствовал последствия эмоционального смятения. Какие-то потерянные воспоминания требовали его внимания, но он никак не мог извлечь их и проанализировать.

Фурунео, наблюдавший за Маккаем, начал подумывать о том, уж не загипнотизирован ли Чрезвычайный агент.

— Вы еще думаете? — зашептал он.

Маккай тогда кивнул.

— Фанни Мэ, где ваш наниматель?

— Не разрешается давать координаты, — сказал Калеванец.

— Она на этой планете?

— Различные измерения, — сказал Калеванец.

— Я не думаю, что вы двое говорите на одном языке, — сказал Фурунео.

— Из того, что я читал и слышал о Калеванцах, это является существенной проблемой, — сказал Маккай, — трудность коммуникации.

Фурунео вытер пот со лба.

— Вы пытались наладить с Абнетт сверхдальний контакт? — спросил он.

— Не будьте тупицей, — сказал Маккай. — Это то, что я сразу же попытался сделать.

— Ну, и?

— Либо Тапризиоты говорят правду и не могут наладить контакт, или она отводит их каким-то образом. Какое это имеет значение? Предположим, я наладил контакт. Как это поможет мне выяснить, где она находится? Как я могу возбудить дело против ученика, который не носит ученическую форму?

— Как она могла подкупить Тапризиотов?

— Откуда я знаю? Ну взять хотя бы то, как она могла нанять Калеванца?

— Понятия о ценности меняются, — сказал Калеванец.

Маккай закусил верхнюю губу.

Фурунео оперся о стенку за ним. Он знал, что привело сюда Маккай. Постоянно встречаясь со странными видами сенсов, никогда нельзя предсказать, что может вызвать их недовольство. Даже то, как ты сформулируешь вопрос, может привести к недоразумению. Они должны были назначить в помощь Маккаю эксперта Зено. И очень странно, что они не сделали этого.

— Абнетт предложила вам что-то ценное, Фанни Мэ? — наконец осмелился задать вопрос Маккай.

— Я предлагаю суждение, — сказал Калеванец. — Абнетт нельзя судить по способу восприятия... дружеский, прекрасный, хороший, добрый.

— Это... ваше суждение? — спросил Маккай.

— Ваш вид запрещает бичевание сенсов, — сказал Калеванец. — Абнетт приказывает, чтобы меня бичевали.

— Почему... вы просто не откажетесь? — спросил Маккай.

— Обязательство контракта, — сказал Калеванец.

— Обязательство контракта, — пробормотал Маккай, взглянув на Фурунео, который вздрогнул.

— Спроси, где ее собираются бичевать, — сказал Фурунео.

— Бичевание идет ко мне, — сказал Калеванец.

— Под бичеванием вы имеете в виду, что вас вздуют, — уточнил Маккай.

— Объяснение «вздуют» предполагает наличие пены, — сказал Калеванец. — Для этого нет подходящего термина. Абнетт приказывает, чтобы меня выпороли.

— Это существо говорит, как компьютер, — сказал Фурунео.

— Позвольте мне урегулировать этот вопрос, — сказал Маккай.

— Компьютер излагает как механическое приспособление, — сказал Калеванец. — А я живая.

— Он не хотел вас оскорбить, — сказал Маккай.

— Оскорбление не переводится.

— Эта порка доставляет вам боль? — спросил Маккай.

— Объясните боль.

— Причинит вам неприятные ощущения?

— Сообщение принято. Такое ощущение объяснимо. Объяснение не встречает соединительной ткани.

«Не встречает соединительной ткани?» — подумал Маккай.

— Вы бы хотели, чтобы вас высекли? — спросил он.

— Выбор сделан, — сказал Калеванец.

— Ну... сделали бы вы такой выбор, если бы вновь заключили контракт? — спросил Маккай.

— Путаная мысль, — сказал Калеванец. — Если переделывать снова подразумевает повторение, я не имею голоса в повторении. Абнетт посылает Паленки с плетью, и происходит порка.

— Паленки, — сказал Фурунео. Он вздрогнул.

— Надо было ожидать, что это будет что-то в этом роде, — сказал Маккай. — Что еще можно было бы выбрать, чтобы исполнить эту процедуру, кроме созданий без мозгов и с массой послушных мышц?

— Но Паленки! Не могли бы мы поохотиться на...

— Мы знали с самого начала, что она собирается использовать, — сказал Маккай.

— Где вы можете поохотиться на Паленки?

Он вздрогнул. Почему не могут Калеванцы понять концепцию того, что за кем-то охотятся? Это чистая семантика, или у них нет соответствующих нервных связей?

— Понимаю нервы, — сказал Калеванец. — Любое чувство должно обладать связями контроля. Но боль... прерывание значения кажется непреодолимым.

— Вы говорите, что Абнетт не может выносить вида боли, — напомнил Фурунео Маккаю.

— Да. Как она будет наблюдать за поркой?

— Абнетт видит мой дом, — сказал Калеванец.

Когда другого объяснения не последовало, Маккай сказал:

— Я не понимаю. Какое это имеет отношение ко всему этому.

— Это мой дом, — сказал Калеванец. — Мой дом включает... наводку? Глаз мастера С. Абнетт обладает связями, за которые она платит.

Маккай подумал, может быть, Калеванец ведет с ним какую-то саркастическую игру. Но во всей информации о них не содержалось ни единого намека на сарказм. Слово «совмещение понятий» — да, но никаких очевидных оскорблений или уверток. Как же так, не понимать, что такое боль?

— Абнетт, мне кажется, еще та смесь стервы... — пробормотал Маккай.

— Физически не смешана, — сказал Калеванец. — Изолированная и презентабельная в соответствии с вашими стандартами... Однако, если вы имеете в виду психику Абнетт, «смешение» передает точное описание. То, что я могу видеть в психике Абнетт, все спутано. Конвульсии странного цвета смещают мое чувство видения очень необычным образом.

Маккай задохнулся от волнения.

— Вы видите ее психику?

— Я вижу все психическое.

— Ну вот и приехали со своей теорией о Калеванцах, которые не могут видеть, — сказал Фурунео. — Все иллюзии, да?

— Как... как это возможно? — спросил Маккай.

— Я занимаю положение среднее между физическим и умственным, — сказал Калеванец. — Так ваши друзья сенсы именуют это в своей терминологии.

— Чуть, — сказал Маккай.

— Вы достигаете разрыва значения, — сказал Калеванец.

— Почему вы согласились на предложение Абнетт? — спросил Маккай.

— Не вижу общей связи с ранее сказанным, — сказал Калеванец.

— Вы достигли разрыва значения, — сказал Фурунео.

— Так я и полагаю, — сказал Калеванец.

— Я должен найти Абнетт, — сказал Маккай.

— Я дам предупреждение, — сказал Калеванец.

— Следи за ней, — прошептал Фурунео. — Я чувствую ярость, не связанную с действием ангерита.

Маккай погрузился в молчание.

— Какое предупреждение, Фанни Мэ?

— Потенциальные возможности в вашей ситуации, — сказал Калеванец. — Я позволяю моей... моей персоне? Да, моей персоне попасться в ловушку ассоциаций, которые друзья сенсы могут интерпретировать, как недружеские.

Маккай почесал в затылке, размышляя о том, насколько близко они подошли к тому, что обычно обоснованно называют коммуникацией. Он хотел напрямую войти и спросить об исчезновении Калеванцев, смертях и сумасшествиях, но боялся возможных последствий.

— Недружественные, — поправил он.

— Понимаю, — сказал Калеванец, — жизнь, которая течет во всех, несет субтермальные соединительные ткани. Каждая единица остается связанной, пока окончательное разъединение не отторгает ее от... сети? Да, подходящий термин: сеть. Сама не осознавая свои связи, я передаю связи другим единицам в ассоциации с Абнетт. Если бы личностное разъединение могло преодолеть себя, все единицы, связанные в одно, могли бы разделить это.

— Разъединение? — спросил Маккай, не уверенный, так ли он это понял, боясь, что все-таки не так.

— Взаимопереплетения происходят от контактов между сенсами, не имеющими одного происхождения, с линейными связями осознания, — сказал Калеванец, проигнорировав вопрос Маккай.

— Я не совсем уверен в том, что вы понимаете под «разъединением», — продолжал настаивать Маккай.

— В этом контексте, — сказал Калеванец, — «окончательное разъединение» означает в вашей терминологии противоположное удовольствию существования.

— Вы идете в никуда, — сказал Фурунео. Голова его раскалывалась, пытаясь связать импульсы, излучающие коммуникативные высказывания Калеванца с речью.

— Похоже на ситуацию семантического распознавания,
— сказал Маккай. — Черно-белые высказывания, но мы пытаемся найти интерпретацию между ними.

— Все между, — сказал Калеванец.

— Предполагает противоположное удовольствию, — пробормотал Маккай.

— Наш термин, — напомнил ему Фурунео.

— Скажите мне, Фанни Мэ, — сказал Маккай. — Мы, другие сенсы, называем это «окончательное разъединение» смертью?

— Предположительно приблизительный термин, — сказал Калеванец. — Отрицание взаимного присутствия, конечное разъединение, смерть — кажется, все это похожее описания.

— Если вы умрете, много других собираются тоже умереть, так ли это? — спросил Маккай.

— Все пользователи глаза С. Все, кто связаны.

— Все? — спросил потрясенный Маккай.

— Все такие в вашей... волне? Трудная концепция. У Калеванцев для этой концепции есть название... плоскость? Плангуальность существ? Полагаю, что нет подходящего термина. Проблема скрылась в визуальном исключении, которое затемняет взаимную ассоциацию.

Фурунео тронул Маккай за руку.

— Она что, говорит, что если умрет, то все, кто пользовался глазом С, умрут вместе с ней?

— Похоже на это.

— Я не верю в это.

— Все доказательства, кажется, указывают на то, что мы должны ей верить.

— Но...

— Я хотел бы знать, находится ли она в опасности ближайшей смерти, — размышлял вслух Маккай.

— Если вы даете премию, я бы сказал, что это хороший вопрос, — сказал Фурунео.

— Что предшествует вашей «конечной разъединенности», Фанни Мэ? — спросил Маккай. — И кто вас направляет к этой конечной разъединенности?

— Безо всякого выбора, все направляются в конечную разъединенность.

Маккай вытер лоб. Температура внутри шара неуклонно повышалась.

— Я выполняю долг чести, — сказал Калеванец. — Знакомлю вас с перспективой. Сены вашей... плангуальности, кажется, неспособны, у них нет средств уйти от влияния моей связи с Абнетт. Сообщение понято?

— Маккай, — сказал Фурунео, — вы имеете понятие о том, сколько сенсов пользовались прыжком в пространство глаза С?

— Черт возьми, почти все.

— Сообщение понято? — повторил Калеванец.

— Я не знаю, — простонал Маккай.

— Трудное совмещение понятий, — сказал Калеванец.

— Все предшествует конечной разъединенности.

— Я все же не верю этому, — сказал Фурунео.

— Вам лучше следовало бы поверить, — сказал Маккай, — это все совпадает с тем, что говорили некоторые другие Калеванцы, и близко к тому, что получено из посланий, которые они оставили.

— Понимаете, уход компаньонов создает разъединение, — сказал Калеванец. — Разрыв равносителен беспорядку.

— Что-то в этом роде, — сказал Маккай. — Скажите мне, Фанни Мэ, есть ли непосредственно близкая опасность вашей разъединенности?

— Объясните «непосредственно близкий», — сказал Калеванец.

— Скорой, — рявкнул Маккай. — Короткое время.

— Концепция времени трудная, — сказал Калеванец.

— Сколько еще порок вы способны пережить?

— Объясните «пережить», — сказал Калеванец.

— Сколько порок, пока вы не испытаете конечное разъединение? — спросил Маккай, пытаясь подавить отчаяние, усиливаемое воздействием ангерита.

— Вероятно, десять порок, — сказал Калеванец. — Может быть, меньше числа. Может быть, больше.

— А ваша смерть убьет всех нас? — спросил Маккай, надеясь, что он неправильно понял.

— Меньшее число, чем все, — сказал Калеванец.

— Вы все еще думаете, что понимаете ее? — спросил Фурунео.

— Боюсь, что понимаю ее!

— Друзья Калеванцы, — сказал Калеванец, — понимающие, что попадают в ловушку, достигают удаления. Таким образом они избегают разъединения.

— Сколько Калеванцев осталось в нашей... плоскости? — спросил Маккай.

— Единственная единица, представленная мной, — сказал Калеванец.

— Только одна, — пробормотал Маккай. — Это чертовски тонкая нить!

— Я не понимаю, как смерть одного Калеванца может вызвать весь этот хаос, — сказал Фурунео.

— Объясняю сравнением, — сказал Калеванец. — Ученый вашей плангвальности объясняет реакцию как звездную предопределенность. Звездная масса вступает в состояние расширения. В этом состоянии звездная масса поглощает и уменьшает все субстанции других видов энергии. Все субстанции, встреченные звездным взрывом, изменяются. Таким образом, конечная разъединенность личного я протекает наряду со связями соединительных тканей глаза С и преобразует суть всех встречающихся единиц.

— Звездная предопределенность, — сказал Фурунео, тряс головой.

— Неправильный термин, — спросил Калеванец. — Вероятно, энергия я.

— Она говорит, — сказал Маккай, — что использование дверей глаза С каким-то образом связано с ее жизнью. Ее смерть вырвется, как взрыв звезды наравне с теми, кто связан в этой сети, и убьет нас.

— Это вы думаете, что она это говорит, — заявил Фурунео.

— Это то, чему я должен верить из того, что она говорит, — сказал Маккай. — Наша коммуникация может быть тонкой, но я думаю, что она искренна. Разве вы до сих пор не чувствуете излучение ее эмоций?

— Можно сказать, что два вида разделяют эмоции только в самом широком смысле, — сказал Фурунео. — Она даже не может понять, что мы понимаем под болью.

— Ученый вашей плангвальности, — сказал Калеванец, — объясняет эмоциональную базу коммуникации. Не имея эмоциональной общности, схожесть понятий неопределенна. Понятие эмоция не составляет определенности для Калеванца. Предполагается трудность коммуникации.

Маккай кивнул себе. Он мог предвидеть и другую трудность: проблема того, произносятся или говорятся слова Ка-

лебанцем необдуманно или усложняются еще и несовпадением понятий.

— Я полагаю, что вы правы в одном, — сказал Фурунео.

— В чем?

— Мы должны признать, что поняли ее.

Маккай попытался проглотить комок в пересохшем горле.

— Фанни Мэ, — сказал он, — вы объяснили эту перспективу окончательного разъединения Млисс Абнетт?

— Проблема объяснена, — сказал Калеванец. — Друзья Калеванцы пытаются исправить ошибку. Абнетт не удастся понять или считаться с последствиями. Соединительные ткани трудные.

— Соединительные ткани трудные, — пробормотал Маккай.

— Все соединительные ткани одного глаза С, — сказал Калеванец. — Сам глаз мастера С создает взаимные проблемы.

— Может, вы будете уверять меня в том, что и это вы понимаете, — запротестовал Фурунео.

— Абнетт понимает сам глаз мастера С, — сказал Калеванец. — Соглашение контракта дает Абнетт право пользования. Один глаз мастера С. Абнетт пользуется.

— Итак, она открывает дверь пространства и посылает через нее Паленки, — сказал Фурунео. — Почему бы нам не остаться здесь и не схватить ее?

— Да она же успеет закрыть дверь даже раньше, чем мы сможем приблизиться к ней. — взвыл Маккай. — Нет, в том, что говорит Калеванец, есть еще одно. Она говорит, что существует только один глаз мастера С, контрольная система, вероятно, для всех дверей в пространстве... и Фанни Мэ здесь контролирует ее, или операцию канала, или...

— Или что? — обозлился Фурунео.

— Абнетт контролирует глаз С правом покупки, — сказал Калеванец.

— Понимаешь, что она хочет сказать? — спросил Маккай.

— Вы можете перехватить у нее это право, Фанни Мэ?

— Условия найма не требуют вмешательства.

— Но вы сами можете пользоваться дверью глаза С? — продолжал настаивать Маккай.

— Все пользуются, — сказал Калеванец.

— Это безумство, — рявкнул Фурунео.

— Безумство предполагает отсутствие должного прогресса мысли при взаимном принятии логических терминов, — сказал Калеванец. — Безумство часто оказывает влияние суждения одного вида на другой. А отсюда и интерпретация.

— Кажется, у меня уже чешется рука, — сказал Фурунео.

— Поймите, — сказал Маккай, — смерти, случаи безумия вокруг исчезновений Калеванцев подтверждают нашу интерпретацию. Мы имеем дело с чем-то взрывающимся и опасным.

— Поэтому мы найдем Абнетт и остановим ее.

— Вы говорите так, будто это пустяк, — сказал Маккай.

— Вот вам инструкции. Выбирайтесь отсюда и поставьте в известность Бюро. Сообщение Калеванца не будет показано на вашей пленке, но вы должны держать все это в своей памяти. Скажите им, чтобы они оценили вас за это.

— Правильно. А вы остаетесь?

— Да.

— Что я должен сказать о вас, чем вы заняты?

— Я хочу найти сообщников Абнетт и ее местонахождение.

Фурунео кашлянул. О боги подземелья, ну и жарко же!

— Вы подумали о... ну знаете, «просто постучите»?

Он сделал движение, чтобы зажечь чейген.

— Существует предел того, что может пройти через дверь прыжка, и как быстро, — успокоил Маккай. — Вы должны знать об этом.

— Может быть эта дверь другая?

— Сомневаюсь.

— После того, как я сообщу, что потом?

— Тихо сиди наготове там, пока я не позову или они не передадут мне какое-нибудь послание. О, да, начинайте поиски на Сердечности... так, на всякий случай.

— Конечно, — Фурунео колебался. — Еще вопрос — с кем мне контактировать в Бюро? С Билдуном?

Маккай взглянул вверх. Почему должен Фурунео спрашивать, с кем контактировать? Что он пытается сказать?

Наконец до Маккайа дошло, что в озабоченности Фурунео есть логическая основа. Директор Бу-Саба Наполеон Билдун был Пан Спечи, пятидержавный сенс, только по внешности человек. Так как Маккай, человек, был официально ответственным за это дело, это могло, очевидно, повлечь за собой контроль, исключая других членов Кон-сенсов. В смутные

времена всякие межвидовые различия, политическая борьба могли иметь весьма неожиданное значение. Сюда следовало бы вовлечь более широкий круг директората.

— Спасибо, — сказал Маккай, — Я как-то с этой насущной проблемой упустил из виду сей важный момент.

— Да уж, эти насущные проблемы.

— Понимаю. Все правильно, я был привлечен к этому делу нашим директором Осмотрительности.

— Питчелом Сайнером?

— Да.

— Он, Лаклан и Билдун Пан Спечи. Кто еще?

— Прихватите кого-нибудь из юридического отдела.

— Обязательно человека?

— В ту минуту, когда вы войдете в контакт с этими, они уже все получают сообщение, — сказал Маккай. — Они привлекают других до принятия официального решения.

Фурунео кивнул:

— Еще одно.

— Что?

— Как я отсюда выберусь?

Маккай посмотрел на огромную чашу.

— Хороший вопрос. Фанни Мэ, как мой компаньон может выйти отсюда?

— Куда он хочет идти?

— К себе домой.

— Связи очевидны, — сказал Калеванец.

Маккай почувствовал разряд в воздухе. Уши ему заложило из-за изменения давления. Прозвучал как бы звук извлечения пробки из бутылки. Он поежился. Фурунео исчез.

— Вы послали его домой? — спросил Маккай.

— Правильно, — сказал Калеванец. — Желаемое место назначения видимо. Послан с быстротой. Избежит перепада температур ниже должного уровня.

Маккай, чувствуя, как пот катится по щекам, сказал:

— Хотел бы я знать, как вы делаете это. Вы действительно можете видеть наши мысли?

— Видеть только сильно связывающие ткани, — сказал Калеванец.

«Разъединение значения,» — подумал Маккай.

Замечание Калеванца о температуре снова напомнило о себе. Какой же тогда должен быть там уровень температуры?

Черт возьми! Здесь все кипит. Кожа его зудела от пота. В горле пересохло. Должный уровень температуры?

— Что является противоположностью «должного»? — спросил он.

— Фальшивый, — сказал Калеванец.

Маккай опешил. Как может «фальшивый» быть противоположным «должному»? Он провел рукой по лбу, стараясь собрать пот на рукав куртки.

Мысль о том, что каждый сенс, кто пользовался дверью в пространство, умрет, если этот Калеванец отдаст концы, давила на сознание Маккаю. Мышцы начинали неметь. Кожа его стала липкой от пота, но не весь пот был от жары. В воздухе был голос смерти. Он представил себя окруженным всеми умоляющими сенсами — квадриллионы квадриллионов. Помогите нам!

Все, кто пользовался дверью для прыжка.

Черт бы побрал всю эту дьявольщину! Неужели он правильно понял Калеванца? Хотя это было лишь логическое предположение смерти и случаи безумия вокруг исчезновений Калеванцев говорили, что он должен исключить любую другую интерпретацию.

Звено за звеном, эта ловушка захлопывалась. Она наполнит вселенную плотью смерти.

Движущийся овал над гигантской чашей вдруг заколыхался наружу, стал сокращаться, поплыл вверх, вниз, влево. У Маккай возникла мысль о расстройстве собственного рассудка. Овал исчез, но глаза его все еще следили за неприсутствующим Калеванцем.

— Что-нибудь случилось? — спросил Маккай.

Вместо ответа в глубине за Калеванцем открылась дверь глаза С. В отверстии стояла женщина, фигура уменьшенная, как будто вы смотрите в другой конец телескопа. Маккай узнал ее по всем виденным им передачам видеонОВОСТЕЙ, а также из-за собственных обзоров брифингов, которыми он был занят при подготовке к выполнению этого задания.

Он встретился лицом к лицу с Млисс Абнетт в свете, который стал чуть краснее, пока она проходила через дверь для прыжка.

Было очевидно, что над ее персоной хорошо потрудились парикмахеры Красоты Стедиона. Он взял это на заметку, чтобы потом проверить. Фигура ее демонстрировала юношеские изгибы женских прелестей. Лицо в обрамлении светло-

голубых волос концентрировалось на ярко-красных губах. Широко расставленные зеленые глаза и резко изогнутый нос довершали странный контраст — достоинство против кривизны. Это была королева с изъятиями, возраста на грани старческого с юношеским. Должно-быть, ей было по крайней мере восемьдесят стандартных лет, но парикмахеры красоты достигли этой поразительной комбинации: явно видимая женская привлекательность и отдаленное властолюбие.

Дорогое тело было одето в длинное платье из серых дождевых жемчужин, которое облегло ее движение за движением, как сверкающая кожа. Она подошла к вертикальной трубе. Когда она приблизилась, края трубы отсекли сначала ступни, затем ноги, затем бедра, талию.

Маккай почувствовал, что колени его уже целую вечность находятся в этом проходе. Он оставался в согнутом положении возле того места, где вошел в бичбол.

— Ах-х, Фанни Мэ, — сказала Млисс Абнетт. — У вас гость.

Влияние двери для прыжка заставляло ее голос звучать слегка хрипло.

— Я Джордж Х. Маккай, Чрезвычайный Агент, — сказал он.

«Что это, от чего сузились ее зрачки,» — размышлял Маккай. Она остановилась в трубе, откуда были видны лишь голова и плечи в круглую трубу.

— А я Млисс Абнетт, частное лицо.

«Частное лицо! — подумал Маккай. — Эта стерва контролирует производительные мощности по крайней мере пятисот миров». Маккай медленно поднялся на ноги.

— У Бюро Саботажа к вам официальное дело, — сказал он, давая ей возможность покончить с формальностями.

— Я частное лицо, — пролаяла она. Голос ее был полон гордости и тщеславия, но его портила раздражительность.

Сердце Маккай приняло эту открывшуюся слабость. Это был особого рода недостаток, который часто сопровождает богатство и власть. У него был опыт использования таких недостатков.

— Фанни Мэ, я ваш гость? — спросил он.

— Конечно, — сказал Калеванец. — Я открывала вам дверь.

— Я ваш хозяин, Фанни Мэ? — властно потребовала Абнетт.

— Действительно, вы наняли меня.

Затаенный скрытый взгляд появился на лице Абнетт. Глаза ее сузились, превратившись в щелочки.

— Очень хорошо. Тогда приготовьтесь выполнять обязательства...

— Один момент, — сказал Маккай. Он чувствовал отчаяние. Зачем она так спешит? Что это за слабая прихоть в ее глазах?

— Гости не вмешиваются, — сказала Абнетт.

— Бюро Саботажа выносит свои собственные решения о вмешательстве, — сказал Маккай.

— Ваша юрисдикция имеет границы! — отпарировала она.

Маккай услышал в этом заявлении начало многих действий: нанятые оперативники, гигантские суммы, затраченные в виде взяток, утвержденные соглашения, договоры, слухи, усеянные тем, как ее правительство неправильно обошлось с этой хорошей и гордой леди, широкий круг личных забот, чтобы оправдать, что? Насилие над его личностью? Нет, он этого не думал. Более выгодно эту личность дискредитировать, замазать его грязными делами.

Мысль обо всей этой власти неожиданно заставила Маккая призадуматься над тем, почему он делает себя уязвимым в этих делах. Почему он выбрал Бюро Саботажа? «Потому что мне трудно угодить, — сказал он себе. — Я агент по выбору.» Сейчас в этом выборе не было пути назад. Казалось, что Бюро Саботажа было всегда и везде на пути, который выводил в высокие сферы.

Казалось, и на этот раз Бюро Саботажа взвалило на свои плечи большинство вселенских сенсов. Там покоился хрупкий груз, страшный и опасный. И он уже запустил в него свои когти.

— Согласен, у нас есть ограничения, — нахмурился Маккай, — но у меня сомнения в том, увидите ли вы их когда-нибудь. Итак, что здесь происходит?

— Вы не агент полиции, — рявкнула Абнетт.

— Вероятно, я должен вызвать полицию, — сказал Маккай.

— На каких основаниях? — улыбнулась она. Она его поймала на этом и знала об этом. Ее юридический штат объяснил ей статью в Уставе Федерации Кон-сенсов.

«Когда члены различных видов имеют официальное соглашение о связи, из которой они извлекают взаимные выгоды, стороны, заключающие соглашения, должны быть единственными судьями оговоренных выгод при условии, что их соглашение не нарушает закона, условностей или юридических обязательств, связывающих упомянутые стороны, заключившие контракт; при условии далее, что упомянутое официальное соглашение было достигнуто на добровольной основе и не заключает в себе нарушения спокойствия в обществе».

— Ваши действия повлекут за собой смерть этого Калекбанца, — сказал Маккай. Он, конечно, не надеялся, что подобный аргумент убедит Абнетт, но какое-то время эта дискуссия давала.

— Вы должны установить, что концепция Калекбанцев о разъединении соответствует точно понятию «смерть», — сказала Абнетт. — Вы не можете сделать этого, потому что это неправда. Так зачем вы вмешиваетесь? Это просто безвредная игра между заключающими контракт сторонами.

— Более чем игра, — сказал Калекбанец.

— Фанни Мэ! — рявкнула Абнетт. — Ты не должна вмешиваться! Помни о нашем соглашении!

Маккай устоял в направлении неприятия Калекбанца и попытался понять спектральное свечение, которое отвергали его органы чувств.

— Различайте конфликт между идеалами и структурой... — говорил Калекбанец.

— Вот именно, — сказала Абнетт. — Я уверена, что Калекбанцы не страдают от боли, что у них нет даже такого термина для ее обозначения. Если мне доставляет удовольствие устроить видимую порку и наблюдать за реакцией...

— Вы уверены, что она не страдает от боли? — спросил Маккай.

И снова на лице Абнетт заиграла улыбка:

— Я никогда не видела, чтобы она страдала от боли. А вы?

— А вы видели, чтобы она делала что-то?

— Я видела, как она приходит и уходит.

— Вы страдаете от боли, Фанни Мэ? — спросил Маккай.

— Нет ссылки на это понятие, — сказал Калекбанец.

— Эти порки могут привести к вашей конечной разъединенности? — спросил Маккай.

— Объясните «привести к», — сказал Калекбанец.

— Есть связь между поркой и вашей конечной разъединенностью?

— Общие связи вселенной включают в себя все события, — сказал Калеванец.

— Я хорошо плачу за свою игру, — сказала Абнетт, — так что перестаньте вмешиваться, Маккай.

— Как вы платите?

— А вот это уже не ваше дело!

— Это мое дело, — сказал Маккай. — Фанни Мэ?

— Не отвечай ему, — рявкнула Абнетт.

— Я могу еще вызвать полицию и офицера Суда Осмотрительности, — сказал Маккай.

— Да, пожалуйста, — подхватила Абнетт, — Вы, конечно, готовы отвечать по иску о вмешательстве в официальное соглашение между согласившимися членами различных видов?

— Я все еще могу получить предписание, — сказал Маккай. — Ваш настоящий адрес?

— Я отказываюсь отвечать, мне нужен защитник.

Маккай взглянул на нее. Она опять его обыграла. Он не мог обвинить ее в побеге, мешающем следствию, пока преступление не доказано. Чтобы доказать преступление, он должен заставить суд представить ей соответствующие документы в присутствии свидетелей, привести ее в суд и позволить ей встретиться с обвинителями. А ее защитники будут связывать его по рукам и ногам на каждом шаге на этом процессе.

— Допускается суждение, — сказал Калеванец. — В контракте Абнетт ничего не сказано, что она не должна открыть сумму контракта. Наниматель предоставляет воспитателей.

— Воспитателей? — спросил Маккай.

— Очень хорошо, — уступила Абнетт. — Я обеспечиваю Фанни Мэ самыми хорошими учителями и учебными пособиями, которые только может предоставить наша цивилизация. Она впитывала нашу культуру. Все, что она просила, она получила. А это не дешево.

— И она до сих пор не понимает, что такое боль? — настоятельно потребовал Маккай.

— Надеюсь получить должные источники, — ответил Калеванец.

— У вас будет время получить эти источники? — спросил Маккай.

— Время — трудная концепция, — сказал Калеванец. — Заявление учителя гласит: «Относительность времени к учению бывает различной у различных видов.» Время обладает длиной, неизвестным качеством, к которому применяется термин длительность, субъективными и объективными измерениями. Путано.

— Давайте приступим к этому официально, — сказал Маккай. — Абнетт, вы знаете, что убиваете этого Калеванца?

— Разъединение и смерть не одно и то же, — запротестовала Абнетт. — Разве не так, Фанни Мэ?

— Существуют широкие различия между различными волнами бытия, — сказал Калеванец.

— Я спрашиваю вас официально, Млисс Абнетт, — сказал Маккай, — рассказала вам эта Калеванка, называющая себя Фанни Мэ, о последствиях события, которое она называет окончательное разъединение?

— Вы только что слышали, как она сказала, что не существуют точных эквивалентов наших понятий.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Но вы и не ставите прямого вопроса.

— Фанни Мэ, — сказал Маккай, — вы описали Млисс Абнетт последствия...

— Согласно связывающим тканям контракта, — сказал Калеванец.

— Вы же видите, — отпарировала Абнетт, — она связана соглашением, а вы вмешиваетесь.

Абнетт жестом приказала кому-то не видимому в вортальной трубе двери в пространство.

Отверстие неожиданно вдвое увеличилось в диаметре. Абнетт отступила, оставив полголовы и один глаз видимыми для Маккай. На заднем плане можно было различить толпу наблюдающих сенсов. А вместо Абнетт мелькнули формы огромной черепахи — гигантского Паленки. Сотни его маленьких ног замелькали под массивным телом. Единственная рука, растущая на макушке головы с круглыми глазами, тащила длинный бич в ладони с двумя большими пальцами. Рука просунулась в трубу, дернула кнут, преодолевая сопротивление двери для прыжка, пустила кнут вперед. Кнут щелкнул над вдавленной чашей.

Прозрачная струя зелени упала дождем с невидимого местонахождения Калеванца. Она на мгновение заблестела, как цветной взрыв фейерверка, и рассыпалась.

Мычание экстаза послышалось из вортальной трубы.

Маккай, стараясь побороть нахлынувшее чувство расстройств, прыгнул вперед. Мгновенно дверь глаза С закрылась, отрубив искалеченную руку Паленки и бич, которые упали на пол комнаты. Рука извивалась и поворачивалась, медленнее... медленнее.

Наконец, затихла.

— Фанни Мэ? — сказал Маккай.

— Да?

— Бич ударил тебя?

— Объясните «бич ударил».

— Встретил твою субстанцию!

— Приблизительно.

Маккай подошел поближе к чаше. Он все еще был расстроен, но знал, что это могло бы быть и побочным воздействием ангерита, и происшествия, которому он стал свидетелем.

— Опишите ощущение порки, — сказал он.

— У вас нет должных понятий.

— Попытаюсь понять.

— Я вдохнула субстанцию бича и выдохнула свою субстанцию.

— Вы дышали этим?

— Приблизительно.

— Ну, ладно... опишите ваши физические реакции.

— Нет общих физических понятий.

— Любую реакцию, черт побери!

— Бич не совместим с моим улсррк.

— Вашим чем?

— Нет общих понятий.

— Что это была за зеленая струя, когда он ударил вас?

— Объясните «зеленая струя».

— По соотносению с длиной волны и описанием капель воды в воздухе, с боковым выходом в действие волны ветра, — Маккай думал, что он хотя бы приблизительно передал идею зеленой струи.

— Вы наблюдали это явление? — спросил Калеванец.

— Да, я видел его.

— Чрезвычайно!

Маккай колебался, странная мысль заполнила его ум. Может быть, для Калеванца мы так же нематериальны, как они кажутся нам.

Он спросил.

— Все существа обладают субстанцией, относительно своему собственному квантому существования, — сказал Калеванец.

— Но вы видите нашу субстанцию, когда вы смотрите на нас?

— Крупные трудности. Ваш вид повторяет этот вопрос. Нет определенного ответа.

— Попробуйте объяснить. Начните с того, что расскажите мне о зеленой струе.

— Зеленая струя — неизвестное явление.

— Но чем она может быть?

— Вероятно, интерпланарное явление, реакция на выдох моей субстанции.

— Есть ли предел тому, сколько субстанции вы можете выдыхать?

— Отношение квантума определяет ограничения вашей плоскости. Между планарными началами существует движение. Движение изменяет относительное отношение.

— Нет простых референтов? — удивился Маккай. — Но ведь должны же быть! — Он обсудил этот вопрос с Калеванцем, но вопросы и ответы становились для них все менее и менее понятными.

— Но ведь должно же быть что-то постоянное, — взорвался Маккай.

— Соединительные ткани обладают явлением постоянности, которое вы ищите, — сказал Калеванец.

— Что такое соединительные ткани?

— Нет...

— Референтов! — вскипел Маккай. — Тогда зачем же использовать термин?

— Термин лишь приближается к явлению. Сплетение заграждения — еще один термин, выражающий что-то похожее.

— Сплетенное заграждение, — забормотал Маккай. Тогда. — Сплетение заграждений?

— Ученый Калеванец предлагает этот термин после дискуссии с сенсом Лаклаком, обладающим редким даром внутреннего видения.

— Один из ваших обсуждал это с каким-то Лаклаком, да? Кто этот Лаклак?

— Личность непередаваемая, нет занятия, известного и понятного.

— Ого? Какое его значение?

— Дантист.

Маккай сделал резкий выдох, задержал дыхание и потряс головой, заведенный в тупик.

— Вы понимаете, что такое дантист?

— Все виды, требующие переваривания источников энергии, должны сокращать эти источники до удобной формы.

— Вы имеете в виду, что они откусывают? — спросил Маккай.

— Объясните «откусывают».

— Я думал, что вы понимаете, что такое дантист.

— Дантист — это тот, кто поддерживает систему, с помощью которой сенсы формируют энергию для пищеварения. — сказал Калеванец.

— Сплетенное заграждение, — бормотал Маккай. — объясните, что вы понимаете под заграждением.

— Должное соответствие родственных частей в формировании системы.

— Мы идем в никуда, — огрызнулся Маккай.

— Каждое существо где-то, — сказал Калеванец.

— Но где? Например, где вы?

— Планарные отношения необъяснимы.

— Давайте попробуем что-нибудь еще, — сказал Маккай.

— Я не слышал, чтобы вы читали или писали.

— Сокращение того, что вы называете письмом к сравнимым связывающим тканям, предполагает временно-постоянную коммуникацию, — сказал Калеванец. — Конечно, не реально определенную, однако, из временно-постоянных или требуемых соединительных тканей.

— Ну ладно... давайте перейдем к глаголу видеть, — сказал Маккай. — Скажите мне, что вы понимаете под действием видения?

— Видеть — получать чувственное понимание внешней энергии, — сказал Калеванец.

Маккай закрыл лицо руками. Он чувствовал, что у него уже нет духа, мозг онемел от излучающей бомбардировки Калеванца. Какие же у них органы чувств? Он знал, что та-

кой вопрос только отошлет их в погоню за очередными тер-минами.

Он мог бы, конечно, слушать все это глазами или другим органом, грубым и неприспособленным для такой задачи. Слишком многое зависело от того, что он делает. Воображение Маккая уже чувствовало спокойствие, которое последовало бы за смертью этого Калеванца — огромное уединение. Остались бы, вероятно, несколько младенцев — увы, все равно обреченных. Все хорошее, прекрасное и злое... все что мы чувствуем... все уйдет. Только существа, никогда не проходившие через дверь в пространство, останутся. А ветры, цвета, яркие запахи, пение птиц — это будет продолжать существовать после хрустального извержения всех, кто чувствует.

Но мечты и чувства уйдут, затеряются в океане смерти. Будет особый вид тишины, не будет прекрасных речей, пронизанных стрелами значений.

Кто может утешить вселенную за такую потерю?

Наконец, он опустил руки и сказал: — Есть где-нибудь то, чтобы вы могли взять это... ваш дом, где Млисс Абнетт не могла бы добраться до вас?

— Уйти возможно.

— Ну так сделайте это!

— Не могу.

— Почему?

— Соглашение запрещает.

— Так нарушьте это чертово соглашение!

— Бесчестные действия приносят окончательное разъединение для всех сенсов на вашей... допускаем волну, как предпочтительный термин. Волну. Намного ближе, чем плоскость. Пожалуйста, употребляйте понятие волна, вместо плоскости, когда используете его в нашей дискуссии.

«Это просто невыносимо,» — подумал Маккай.

Он поднял руки, жестом выражая поражение, и в этом движении почувствовал, как тело его дернулось, когда дальний вызов затронул его щитовидную железу. Начало поступать послание, и он знал, что тело его перешло в снигхтертранс, бормоча и усмехаясь, а иногда вздрагивая.

Но на этот раз он не сопротивился вызову.

— Питчел Сайнер, здесь, — сказал вызывающий.

Маккай представил директора Бюро Разделения, маленького Лаклака, сидящего в своем прекрасно убранном окру-

жении, в задней части Централа. Сайнер мог быть расслабленным, пряди кудрей откинута, лицо открыто, лучшие домашние собаки ублажают его плоть, натренированные миньоны сами проводят работу, нажимая кнопки.

— В хорошее же время вы вызвали меня, — сказал Маккай.

— В какое время я вызывал?

— Ну... вы, конечно, уже получили послание Фурунео совершенно...

— Какое послание?

Маккай почувствовал, как будто мозг его коснулось перемалывающее колесо, выстреливающие идеи, как искры. Не получили послание от Фурунео?

— Фурунео, — сказал Маккай, — ушел отсюда довольно давно...

— Я вызываю, — прервал Сайнер, — потому что чертовски долго ни от одного из вас нет никаких вестей, а охранники Фурунео обеспокоены. Один из них... Куда должен был идти Фурунео и как?

Наконец-то до Маккай дошло.

— Где родился Фурунео?

— Родился? На Лэнди-5. А что?

— Я думаю, вы найдете его там. Калеванец использовал свою систему глаза С и послал его домой. Если он еще не вызывал, лучше за ним послать. Он должен был...

— В Лэнди-5 только три Тапризиота и одна дверь для прыжка. Эта планета для удалений, полная затворников и...

— Тогда понятна задержка. А тем временем здесь ситуация...

Маккай начал излагать ситуацию.

— Вы верите в это... это окончательное разъединение? — прервал его Сайнер.

— Мы вынуждены верить в это. Все доказательства говорят, что это именно так.

— Ну может быть, но...

— Мы не можем себе позволить этого может быть, Сайнер.

— Нам лучше связаться с полицией.

— Думаю, что этого-то она от нас и хочет.

— Хочет, чтобы мы... но зачем?

— Кто должен был бы подписывать жалобу?

Молчание.

— До вас доходит картина? — настаивал Маккай.

— Это на вашу ответственность, Маккай.

— Ну, всегда так. Но если мы правы, это не имеет значения, не так ли?

— Я собираюсь предложить, — сказал Сайнер, — чтобы мы вышли на высший уровень, Бюро Центральной Помощи — только для консультации. Согласен?

— Обсудите это с Билдуном. А тем временем я хочу чтобы было сделано следующее. Соберите совет Бюро Кон-Сенсов, составьте еще одно максимально-настороженное послание Главного внимания на Калеванцев, но привлечите и Паленкисов и начинайте поиск Абнетт.

— Мы не можем делать этого, и вы знаете почему.

— Но мы должны.

— Когда вы принимали эту должность, вы получили полное разъяснение почему мы...

— Чрезвычайное разъединение не означает, что мы должны сидеть сложа руки, — сказал Маккай. — Если вы так рассуждаете, тогда до вас не дошло значение...

— Маккай, я не могу поверить...

— Отключайтесь, Сайнер, — сказал Маккай, — я собираюсь вызвать, минуя вас, Билдуна.

Молчание.

— Прервите контакт, — приказал Маккай.

— Этого не потребуется.

— Неужели?

— Я пошлю агентов к Абнетт сразу же. Я понял ситуацию. Если мы предположим, что...

— Мы предположим, — сказал Маккай.

— Приказы пойдут, конечно, от вашего имени, — сказал Сайнер.

— Можете вообще отстраниться от этого дела, — сказал Маккай. — А сейчас пошлите людей в Ларик — парикмахерскую Красоты в Стедион. Она там недавно была. Я также имею бич, который она...

— Бич?

— Я только что присутствовал на одной из таких порок. Абнетт прервала связь, когда рука ее Паленки была в двери глаза С. Отрубила руку. У Паленки отрастет другая рука, а она может нанять еще других Паленкисов, но бич и рука могут дать нам ключ. Паленкисы не практикуют генную метку,

насколько я знаю, но это лучшее, что мы имеем на данный момент.

— Я понимаю. Что вы собираетесь предпринять?

— Об этом еще следует подумать.

— Не лучше ли вам зайти и изложить сообщение непосредственно на транскодер?

— В этом положусь на вас. Не думаю, что мне следует показываться некоторое время на Централ.

— М-м-м... Понятно, что вы имеете в виду. Она попытается связать вас по рукам встречным иском.

— Да, я упустил кой-какие детали. Так вот, что я видел. Когда она открыла дверь, она практически заполнила ее, но я смог увидеть что-то, что показалось мне окном. Если это было окно, оно выходило на облачное небо. Это означает дневной свет.

— Облачное?

— Да, а что?

— Сегодня здесь все утро было облачно.

— Не думаете же вы, что она... нет, она бы не стала.

— Вероятно нет, но мы должны прочистить весь Централ. С ее то деньгами, нельзя точно определить, кого бы она могла еще купить.

— Да... хорошо. Паленки. Панцирь его был со странным рисунком — треугольники, ромбы, красные и оранжевые, и веревка или змея желтая, идущая вокруг и через него.

— Признаки фелюма, — сказал Сайнер.

— Да, но какого семейства Паленки?

— Хорошо, мы проверим это. Что дальше?

— Позади нее во время порки была толпа сенсов. Я видел Прейменгов, не мог не заметить тех проводников щупальцев. Были некоторые Читры, несколько Соборипов, некоторые Ривы...

— Похоже на ее обычную группу приспешников. Узнал кого-нибудь из них?

— Я попытаюсь позднее через ИД, но я не мог бы назвать никаких имен в этой толпе. Но там был один Пан Спечи, и он был заморожен сценой, если не ошибаюсь.

— Уверены?

— Все, что я знаю, это то, что я видел, а я видел шрамы на лбу — хирургическая операция эго, в этом я уверен, как и в том, что я в снитгертрансе...

— Но это против каждого Пан Спечи, легально, моральное, этическое...

— Шрамы были пурпурные, — сказал Маккай. — Это заметно, не так ли?

— Прямо в открытую, никакого макияжа или чего-либо, чтобы скрыть шрамы?

— Ничего. Если я прав, то он был единственный Пан Спечи с ней. Другой бы убил его при виде ее.

— Где же она могла быть, где только один Пан Спечи?

— Убей меня бог. О, да, и там были еще несколько людей — в зеленой форме.

— Охранники дома Абнетт.

— Я тоже так подумал.

— Порядочная толпа, чтобы спрятаться.

— Если кто и может позволить себе, так это она.

— Еще одно, — сказал Маккай. — Я чувствовал запах дрожей.

— Дрожей?

— Несомненно. Всегда есть перепад давления через дверь для прыжка. Дуло в нашу сторону. Дрожи.

— Да, целый короб наблюдений.

— Вам не показалось, что я был рассеян?

— Не больше, чем обычно. Вы абсолютно уверены насчет Пан Спечи?

— Я видел его глаза!

— Запавшие, фасеты сглаживающие?

— Так мне показалось.

— Если нам удастся получить Пан Спечи для официального осмотра, это дало бы нам рычаг. Соккрытие преступника, это уже кое-что.

— Очевидно, у вас не такой большой опыт с Пан Спечи, — сказал Маккай. — Как вам удалось стать директором Различения.

— Ладно, Маккай, давайте не...

— Вы знаете прекрасно, что любой Пан Спечи взорвался бы, если бы увидел этого парня. Наш наблюдатель попытался бы нырнуть через дверь для прыжка и...

— И...

— Абнетт бы закрыла ее на нем. Она бы получила половину нашего наблюдателя, а у нас бы осталась другая половина.

— Но это было бы убийство.

— Несчастный случай, не более.

— У этой женщины действительно большой вес, надо признать, но...

— И она получит наши потайные места, и при этом она будет играть на том, что она частное лицо, а мы пытаемся саботировать ее.

— Паршиво, — согласился Сайнер. — Надеюсь, вы не делали официальных выпадов в ее сторону.

— Почему же, делал.

— Что?

— Я взял ее на официальную заметку.

— Маккай, вас ведь предупреждали делать это с...

— Послушайте, мы хотим, чтобы она начала официальное дело. Проверьте у юристов. Она может попытаться сделать встречный иск лично против меня, но если она возбудит дело против Бюро, мы можем добиться слушания в сератори, это уже не личная конфронтация. Ее штат юристов может посоветовать ей это. Нет, она попытается...

— Она может не пойти в суд и не будет возбуждать дело против Бюро, — сказал Сайнер, — но она обязательно направит против нас своих ищек. И вряд ли можно выбрать для этого более неподходящее время. Билдун уже почти полностью отслужил свой срок. И сейчас в любое время он может проходить креше. Ты знаешь, что это значит.

— Кресло Директора Бюро нарасхват, — сказал Маккай. — Я это ожидал.

— Да, но вокруг этого сейчас поднимается настоящая буря.

— Вы соответствуете своему месту, Сайнер.

— Вы тоже, Маккай.

— Я «прохожу».

— Вот это будет денек! А что действительно меня беспокоит, так это Билдун. Он взорвется, когда услышит об этом единственном Пан Спече. Он все мог бы привести к...

— Он уладит с этим, — сказал Маккай, вкладывая в это больше уверенности, чем чувствовал.

— И вам здесь могут подложить мину. Я надеюсь вы знаете, что я не прохожу.

— Мы все знаем, что вы хотите эту работу, — сказал Маккай.

— Могу себе представить все сплетни.

— Но разве она не стоит этого?

— Я дам вам знать.
— Уверен, что это так и будет.
— Да, еще одно, — сказал Сайнер. — Как вы собираетесь избавиться от Абнетт?

— Я собираюсь стать учителем школы, — сказал Маккай.

— Я полагаю, мне не надо этого объяснять, — сказал Сайнер. Он прервал контакт.

Маккай все еще находился в пурпурном полумраке бич-бола. Пот заливал все тело. Температура была, как в духовке. Он раздумывал над тем, что жир его может поубавиться от такой жары. Конечно, потеря воды... В этот момент, когда он подумал о воде, он ощутил сухость в горле.

— Вы все еще там? — прохрипел он.

Молчание.

— Фанни Мэ?

— Я остаюсь в своем доме, — сказал Калеванец.

Ощущение того, что он слышит слова, не слушая их, дошло до сознания Маккай, ангерит, введенный в организм, отдавался запоздалой реакцией ярости. Черт бы побрал этого сверх тупицу Калеванца! Втянул нас в настоящую заваруху!

— Вы хотите сотрудничать с нами? — спросил Маккай.

— Насколько мне позволит контракт.

— Хорошо. Тогда настаивайте на том, чтобы Абнетт пригласила меня к вам в качестве вашего учителя.

— Вы выполняете функцию учителя?

— Вы чему-нибудь научились уже у меня? — спросил Маккай.

— Все смешанные соединительные ткани обучают.

— Соединительные ткани, — пробормотал Маккай. — Должно быть, я старею.

— Объясните «старею», — сказал Калеванец.

— Не обращайтесь внимания. Первым делом, мы должны обсудить ваш контракт. Может быть, есть способ прервать его. По каким законам он выполняется?

— Объясните «законы».

— Какая почетная система принуждения? — выпалил Маккай.

— По естественной чести соединительных тканей сенсов.

— Абнетт не знает, что означает честь.

— Я понимаю честь.

Маккай вздохнул.

— У вас были свидетели, подписи и всякого рода такие процедуры?

— Все мои товарищи Калеванцы, свидетельствующие соединительные ткани. Подписи не понятно. Объясните.

Маккай решил не вдаваться в исследование концепции подписей, вместо этого он спросил:

— При каких обстоятельствах вы могли бы отказаться выполнять ваш контракт с Абнетт?

После длительной паузы Калеванец сказал:

— Изменение обстоятельств несет изменение отношений. Если Абнетт не выполнит ее соединительные связи или попытается дать другое определение его сути, это может привести к действиям, ведущим к разъединению.

— Конечно, — сказал Маккай. — Это весомо.

Он потряс головой, изучил пустоту над гигантской чашей. Калеванцы! Вы не можете видеть их, не можете слышать их, не можете понять их.

— Использование вашей системы глаза С доступно мне? — спросил Маккай.

— Вы действуете в качестве моего учителя.

— А это означает да?

— Ответ утвердительный.

— Ответ утвердительный, — отозвался эхом Маккай. — Прекрасно. Вы можете также переносить для меня предметы, посылать туда, куда я их направляю?

— Пока соединительные ткани остаются очевидны.

— Я надеюсь, это означает, что это тоже утвердительный ответ, — сказал Маккай. — Вы знаете, что рука Паленки и кнут на полу вашей комнаты?

— Знаю.

— Я хочу, чтобы вы их послали в специальную комнату Централа. Вы можете это сделать?

— Думайте о комнате, — сказал Калеванец.

Маккай повиновался.

— Соединительные ткани имеются, — сказал Калеванец.

— Вы желаете послать эти предметы на место исследования?

— Совершенно верно.

— Послать сейчас?

— Немедленно.

— Однажды, да. Многократные посылки недоступны нашим возможностям.

— У-уф?

— Предметы в пути.

Когда Маккай стал моргать, рука и кнут вырвались из поля его зрения, сопровождаемые резким треском взорвавшегося воздуха.

— Способ работы Тапризиотов похож на то, что делаете вы, транспортируя объекты? — спросил Маккай.

— Транспортировка по заказу — это низший энергетический уровень, — сказал Калеванец. — Парикмахеры красоты еще более низкий.

— Догадываюсь, — сказал Маккай. — Ну ладно, не обращайтесь внимания. Тут произошло одно небольшое дело с моим другом Алехино Фурунео. Я полагаю, вы его послали домой?

— Правильно.

— Вы послали его не в тот дом.

— Существа имеют только один дом.

— У нас, сенсов, больше, чем один дом.

— Но я вижу соединительные ткани!

Маккай чувствовал, что волна излучения от Калеванца переключилась на него.

— Несомненно, — сказал он. — Но у него сейчас другой дом прямо здесь на планете Сердечность.

— Меня наполняет удивление.

— Вероятно. Остается вопрос, можете ли вы исправить эту ошибку?

— Объясните ситуацию.

— Можете вы послать его в дом на планете Сердечность.

Пауза, затем:

— Это место не его дом.

— Но вы можете послать его туда?

— Вы желаете этого?

— Я желаю этого.

— Ваш друг разговаривает с Тапризиотом.

— Ах, даже так! — сказал Маккай. — Тогда вы можете слышать его разговор?

— Содержание послания не доступно. Соединительные ткани видны. У меня есть сознание того, что ваш друг обменивается информацией с сенсом другого вида.

— Каким сенсом?

— Тем, кого вы называете Пан Спечи.

— Что случится, если вы пошлете Фурунео в... его дом здесь на Сердечности прямо сейчас?

— Нарушение соединительной ткани. Но обмен посланиями находится на этой линейности. Я посылаю его туда.

— Вы послали его?

— Но не соединительные ткани, которые вы передаете.

— Он сейчас здесь на Сердечности?

— Он занимает место не в своем доме.

— Надеюсь, что в этом мы с ним солидарны.

— Ваш друг, — сказал Калеванец, — желает присутствия с вами.

— Он хочет прийти сюда?

— Правильно.

— Ну что ж, а почему бы и нет? Ладно перенесите его.

— Какая цель в присутствии вашего друга в моем доме?

— Я хочу, чтобы он остался с вами и следил за Абнетт, пока я отлучусь по другим делам.

— Маккай?

— Да.

— Будет ли для вас новым знание, что присутствие ваше или другого представителя вашего вида продлевает мое столкновение на вашей волне?

— Это прекрасно.

— Ваше присутствие сокращает порку.

— Я тоже это подозреваю.

— Подозреваю?

— Я понимаю!

— Понимание вероятно. Соединительные ткани показательны.

— Не могу даже высказать вам, каким счастливым это делает меня, — сказал Маккай.

— Вы хотите, чтобы ваш друг был здесь?

— Что делает Фурунео?

— Фурунео обменивается коммуникацией с... помощником.

— Могу себе представить.

Маккай потряс головой из стороны в сторону. Его изматывала путаница при каждой попытке в этой беседе понять друг друга. И никакого способа наладить управление этого процесса. Совсем никакого выхода. В тот самый момент, когда им казалось, что они приходят уже к самому тесному общению, как раз и приходило понимание того, что они оказались в самой далекой от понимания точке.

— Когда Фурунео закончит разговор, перенесите его сюда, — сказал Маккай. Он снова согнулся у стены. О боги подземелья! Жара была почти невыносимой. Почему Калекбанцам нужна такая жара? Может быть, эта жара дает им еще что-нибудь, может быть, волны видимости, может быть, выполняет какую-то функцию, о которой другие сэнсы еще и не догадываются.

Маккай понял, что их диалог не более чем обмен шумами — звуками теней. Разум удалялся, перелетал с планеты на планету. Они с Калекбанцем вели бой не в том направлении, стараясь выбраться из этого хаоса. Если бы они проиграли, то смерть унесла бы все невинное и безгрешное, все хорошее и плохое. Лодки бы стали дрейфовать по бесконечным океанам, башни бы обрушились, балконы бы искорежились, и одни лишь звезды двигались бы по неизменным небесам.

Волна сравнительно холодного воздуха сказала Маккаю, что прибыл Фурунео. Повернувшись, Маккай увидел планетарного агента, распростертого перед ним.

— Во имя разума! — заорал Фурунео, усаживаясь рядом с ним. — Что вы делаете со мной?

— Мне нужно было подышать свежим воздухом, — сказал Маккай.

Фурунео с изумлением поглядел на него:

— Что?

— Рад видеть вас, — сказал Маккай.

— Так вы знали об этом? Это все ваши проделки?

— Небольшое недоразумение, — сказал Маккай. — Лэндли-5 — ваш дом.

— Но он не мой!

— Оставляю этот вопрос вам на обсуждение с Фанни Мэ, — сказал Маккай. — Вы уже начали поиски на Сердечности?

— Я только что запустил это дело, и вдруг вы...

— Да, но вы уже начали его?

— Я уже начал.

— Хорошо. Фанни Мэ займет вас рассуждениями по различным вопросам и перенесет сюда ваших людей для доклада то мере того, как они будут вам нужны. Не так ли, Фанни Мэ?

— Соединительные ткани остаются верными. Контракт решает.

— Хорошая девочка.

— Я уже почти забыл, что здесь так жарко, — сказал Фурунео, вытирая со лба пот. — Итак, я могу вызывать сюда людей, еще что?

— Вы будете следить за Абнетт.

— И?

— В тот момент, когда она или один из ее палачей Паленки появится здесь, вы будете вести голосканическую запись всего, что здесь происходит. У вас есть набор инструментов?

— Конечно.

— Прекрасно. Когда будете сканировать, держите инструменты как можно ближе к двери для прыжка.

— Она, вероятно, закроет дверь, как только увидит, что я делаю.

— Не рассчитывайте на это. Да, еще одно!

— Да?

— Вы мой помощник учителя.

— Ваш кто?

Маккай объяснил ему о положении в соглашении Калекбанца.

— Поэтому она не сможет отделаться от нас, не нарушив условий контракта с Фанни Мэ, — сказал Фурунео. — Толково.

Он сжал губы.

— Это все?

— Нет. Я хочу, чтобы вы с Фанни Мэ обсудили соединительные ткани.

— Соединительные ткани?

— Соединительные ткани. Я хочу чтобы вы попытались узнать, что, из десяти миллиардов чертей, Калекбанец имеет ввиду, говоря о соединительных тканях.

— Соединительные ткани, — сказал Фурунео. — Есть ли какой-либо способ выключить здесь эти печи?

— Вы могли бы это взять в качестве следующей темы дискуссии: Попробуйте открыть причину для всей этой жары.

— Если я до этого не расплавлюсь. Где вы будете?

— На охоте — при условии, что мы с Фанни Мэ согласимся на соединительных тканях.

— Что-то вы говорите невразумительное.

— Ах, да. Я попытаюсь взять след — может быть, Фанни Мэ пошлет меня туда, где есть дичь.

— А-а, — сказал Фурунео. — Не попадите в капкан.

— Может быть. Фанни Мэ, вы слушали?
— Объясните «слушали».
— Ладно, не обращайтесь внимание.
— Но внимание нужно всегда.
— Маккай закрыл глаза, проглотил слюну и сказал:
— Фанни Мэ, вы ознакомлены с обменом информацией, который только что закончился здесь, между мной и моим другом?

— Объясните «закончился».
— Вы ознакомлены? — прорычал Маккай.
— Расширение мало способствует коммутации, — сказал Калеванец. — Я обладаю желательным осведомлением — предположительно.

— Предположительно, — пробормотал Маккай, — тогда можете вы послать меня в такое место около Абнетт, где она не была бы осведомлена обо мне, а я мог бы быть осведомлен о ней?

— Отрицательно.
— Почему так?
— Особая оговоренность в контракте.
— Ох, — Маккай склонил голову в раздумье, затем спросил:

— Ну ладно, можете вы меня послать в такое место, где я мог бы быть осведомлен об Абнетт с помощью моих личных усилий?

— Возможность. Позволяет исследование соединительных тканей.

Маккай подождал. Жара была ощутимой вещью внутри бичбола, ощутимым вторжением в его чувства. Он видел, что она уже начинает удушать Фурунео.

— Я видел свою мать, — сказал Фурунео, заметив, что Маккай на него смотрит.

— Это здорово, — сказал Маккай.

— Она плавала с друзьями, когда Калеванец бросил меня прямо в бассейн к ним. Вода была чудесная.

— Не сомневаюсь, что они были удивлены.

— Они приняли это за великую шутку. Хотел бы я знать, как работает эта система глаза С.

— Не только вы, но и миллиарды миллиардов остальных. Меня одна лишь мысль о потребностях энергии кидает в дрожь.

— Я могу использовать эту дрожь прямо сейчас. Знаете, это прямо сказочное ощущение — одну минуту стоишь и разговариваешь со старым другом, в следующий момент проваливаешься в пустоту здесь на Сердечности. Как вы полагаете, что он подумал?

— Вероятно, решил, что это волшебство.

— Маккай, — сказал Калеванец. — Я вас люблю.

— Вы что? — взорвался Маккай.

— Люблю вас, — повторил Калеванец. — Симпатия одной личности к другой личности. Такая симпатия переступает границы видов.

— Я догадываюсь об этом, но...

— Так как я владею этой универсальной симпатией к вашей личности, соединительные ткани открываются, позволяя выполнение вашей просьбы.

— Вы можете послать меня в место возле Абнетт?

— Утвердительно. Соответствие желания. Да.

— Где это место? — спросил Маккай.

Однако вместо ответа он получил порцию холодного воздуха, падение плащия на пыльную землю и покрытую мхом скалу, к которой, собственно, и был обращен его вопрос. Мгновение он смотрел на скалу, не отрывая взгляда и приходя в себя. Скала была с метр высотой и содержала маленькие прожилки желто-белого кварца с отражающими сверкание капельками, разбросанными в них. Скала стояла на открытом лугу под далеким желтым солнцем. Положение солнца сказало Маккаю, что прибыл он сюда или в разгар утра, или в разгар местного дня.

За скалой, лугом и кольцом желтых кустов простирался плоский горизонт, прерываемый высокими белыми шпилями города.

— Любит меня? — спросил он скалу.

Бич и отрубленная рука Паленки прибыли в нужную лабораторию Бюро Саботажа в то время, пока она была временно свободна. Заведующий лабораторией, ветеран Бюро по имени Трееж Тулук, склоненный в спине Рив, вышел в это время на конференцию, которая состоялась в связи с сообщением Маккай.

Как и большинство спиносклоненных, Тулук был Ривом запаха — ид. У него было тело среднего по величине Рива, два с половиной метра высоты, трубообразное, педальной би-

фуркации, вертикальная лицевая щель с манипулятивными разгибателями, свисающими с нижнего угла. От долгого обращения с людьми и гуманоидами он выработал быструю сутулящуюся походку, склонность к одежде с карманами и не присущую для Ривов манеру речи с циничной тональностью. Четыре глазных трубки, выступающие наверху лицевой щели, были зеленые и мягкие.

Вернувшись с конференции, он сразу же узнал предметы на полу лаборатории. Они соответствовали описанию Сайнера. Тулук немного пожаловался себе по поводу беззаботной манеры доставки, но скоро забылся в сложностях исследования. Вместе с ассистентами, которых он вызвал, прежде, чем отделить кнут и руку, сделали голосканирование.

Как они и ожидали, генная структура Паленки не содержала данных, позволяющих его идентифицировать. Рука не подходила ни к одному из нескольких Паленкисов в картотеке Кон Сенсов. Однако Тулук заполнил карту ДНА и надлежащее послание. Они потребовались бы при идентификации первоначального владельца руки, если возникнет такая необходимость.

В то же самое время продолжалось изучение кнута. Из компьютера вышло сообщение об артефакте следующего характера: «Кнут для быка, копия древнего орудия на Земле...» Он был сделан из шкуры быка, факт, который доставил Тулуку и его помощникам вегетарианцам несколько кратких мгновений отвращения, так как сначала они приняли его за синтетический.

— Болезненный анахронизм, — так назвал кнут один из помощников Тулука Читер. Другие были согласны с таким суждением, даже Пан Спечи, для которого периодические превращения в тип плотоядного в цикле креше, были необходимы для выживания.

Тогда их внимание привлекло любопытное построение в линию в некоторых из молекул клеток. Изучение кнута и руки продолжалось своим ходом.

Маккай принял вызов с далекого расстояния, когда стоял у обочины грязной дороги, километрах в трех от скалы. Он прошел это расстояние пешком со все возрастающим раздражением по поводу этого странного окружения. Город, как он скоро обнаружил, был миражом, висящим над пыльной равни-

ной с высокой травой и низкорослыми колючими кустарниками.

На равнине было почти так же жарко, как и в бичболе Калеванца.

До сих пор единственными живыми существами, которые он встретил, были видимые издали рыжеватые животные и бесчисленные насекомые — прыгающие, ползающие, летающие. Дорога имела две параллельные колеи и была ржаво-красного цвета заброшенного железа. Казалось, что она исходит из отдаленной линии синих гор справа от него, спускаясь прямо через равнину к потемневшему от жары горизонту слева от него. На дороге не было прохожих, за исключением одного его, и даже ни одного облака пыли, позволяющего заметить где-то скрытое передвижение.

Маккай был почти рад почувствовать, как его охватывает снигтертранс.

— Это Тулук, — сказал вызывающий. — Мне сказали связаться с вами, как только получу данные для сообщения. Надеюсь, что вторгся к вам в удобный момент.

Маккай, который, как идущий в поход, питал уважение к компетентности Тулука, сказал:

— Давайте приступим.

— По поводу руки не так много, — сказал Тулук. — Конечно, это Паленки. Мы можем идентифицировать первоначального владельца, если когда-либо получим его. Было, по крайней мере, одно предыдущее восстановление этого члена. По виду это похоже на отсечение мечом.

— Что относительно отметок фелюма?

— Мы еще проверяем.

— Кнут?

— Это совсем другое дело. Он из настоящей кожи быка.

— Настоящей?

— В этом нет сомнения. Мы можем идентифицировать первого владельца шкуры, хотя я сомневаюсь, что он может разгуливать где-то в округе.

— У вас мрачное чувство юмора. Что еще?

— Кнут — тоже анахронизм. Кнут для быка, в стиле древней Земли. Мы получили оригинал ИД по компьютеру и отнесли к эксперту музея для подтверждения. Он полагал, что конструкция немного груба, но достаточно близка, чтобы оставить мало сомнений в том, что это копия настоящего оригинала. Сравнительно недавно изготовлен.

— Где они могли взять оригинал, с которого можно снять копию?

— Мы это проверяем, и это может оказаться ключом. Такие вещи не слишком обычны в обиходе.

— Недавно изготовлен, — сказал Маккай. — Вы уверены?

— Животное, с которого снята шкура, было убито около двух стандартных лет назад. Внутриклеточное строение все еще реактивно на катализ.

— Два года. Где бы они могли взять настоящего быка?

— Это сужает круг. В округе есть несколько для натуральных съемок в различных развлекательных средствах и подобного рода целях. Несколько отсталых планет, где у них нет технологии для изготовления искусственного мяса, все еще выращивают скот для пищи.

— Чем глубже мы копаем это дело, тем оно становится все более запутанней, — сказал Маккай.

— Вот, пока что все. Да, на кнутах есть пыль закваски.

— Закваски! Так вот откуда этот запах дрожжей.

— Да, и он все еще довольно сильный.

— Что они могли бы делать с таким быстро портящимся порошком? — спросил Маккай. — Конечно, нет признаков напоминающего устройства — но это не имеет значения.

— Это, конечно, только предположение, — сказал Тулук, — но они могли бы использовать надписи с закваской, которыми делают рисунки на Паленки.

— А почему бы нет?

— Может быть, чтобы придать ими ложный феллум?

— Вероятно.

— Если вы чувствовали закваску после того, как кнут просунулся внутрь, должно было вокруг остаться хоть немного. Вы думали об этом?

— Комната была не достаточно большая, и там было жарко.

— Правильно, жара могла бы объяснить это. Сожалею, но больше у нас для вас ничего нет.

— Это все?

— Ну, может быть, не так много от этого пользы, но кнут хранился в висячем положении, опираясь на тонкую стальную пластинку.

— Сталь? Вы уверены?

— Уверен.

— Кто еще до сих пор пользуется сталью?

— Не такая уж это и редкая вещь на новых планетах. Р и Р даже изготавливают ее, чтобы строить.

— Дико.

— Чего только не бывает!

— Знаете, — сказал Маккай, — мы ищем отсталую планету, а мне кажется, что именно на ней и нахожусь.

— А где вы?

— Вы не знаете?

Маккай объяснил предисторию.

— Иногда у вас, полевых агентов, встречаются ужасные случаи, — сказал Тулук.

— Не тот ли это случай?

— У вас монитор. Я мог бы попросить этого Тапризиота установить ваше местонахождение. Хотите использовать статью, связанную с монитором?

— Знаете, ведь эта статья предполагает открытую планету, — сказал Маккай. — Я не думаю, что это достаточно чрезвычайная ситуация, чтобы я рисковал оставить нас банкротами. Давайте посмотрим, может быть, я смогу установить это место сначала каким-нибудь другим путем.

— Тогда чем бы я мог вам помочь?

— Вызовите Фурунео. Скажите ему, чтобы он дал мне еще шесть часов, затем пусть Калеванец доставит меня назад.

— Доставить вас, правильно. Сайнер сказал, что вы где-то, где нет двери глаза С. Он может доставить вас в любое место?

— Думаю, что так.

— Я сразу же вызову Фурунео.

Маккай шел уже почти два часа, когда увидел дым. Тонкая спираль его стояла в воздухе на фоне далеких гор.

Во время этого перехода Маккаю показалось, что он очутился в таком месте, где можно умереть от жажды и голода прежде, чем ноги принесут его в безопасное общество цивилизованных собратьев. На него напало настроение самообвинения, уже не первый раз он осознавал, что какой-то случай в механизме, который он принимал как само собой разумеющийся, может оказаться фатальным.

Ну а механизм его собственного мозга? Он проклинал себя за то, что воспользовался системой глаза С Калеванца таким способом, когда знал о ненадежности коммуникации с этим существом.

Ходьба.

Вы никогда не думали, что пешком можно добраться до безопасности?

Маккай ощущал дьявольскую ошибку в отношении сенса к механизмам. Опора на такие силы ставит ваши собственные мышцы в невыгодное положение во вселенной, где вы могли бы полагаться на эти мышцы в любой момент.

Такой, как сейчас.

Казалось, что он уже приближается поближе к дыму, хотя горы казались такими же далекими, как и прежде.

Ходьба.

Изо всех этих тупых чертовских пиковых положений. Ну почему эта Абнетт выбрала место, подобное этому, чтобы начать эту затею с вывертами? Если это, конечно, то место, где она начиналась. Если Калеванец не сделал еще одной ошибки в коммуникации.

Если любовь могла бы найти путь. Ну что же общего может иметь любовь со всем этим?

Маккай тащился вперед, жалел, что не взял хоть немного воды. Сначала жара на бичболе, теперь эта. В горле у него было так, как будто он развел там костер. Пыль, поднимаемая ногами, лишь добавляла неприятностей. Каждый шаг поднимал вверх облако бледной красноты с узкой дороги. Пыль забила горло и нос. На вкус она отдавала плесенью.

Он похлопал набор инструментов в кармане куртки. Чейген мог бы прожечь тонкую дыру в этой иссушенной земле, мог бы даже добраться до воды. Но как бы он смог поднять эту воду в свою страдавшуюся глотку?

Вокруг масса насекомых. Они жужжали и летали кругом, ползали на краю дороги, пытались временами взлететь на его обнаженную кожу. Наконец, он взял стимулятор из набора и понес его, как веер, установив на среднюю мощность. Он очистил воздух вокруг его лица. Когда приближалась туча насекомых, то капли его попадали на зудящих и снующих насекомых, оглушенно падавших позади Маккай.

Он вдруг осознал, что слышит звук — низкий, неясный, отдающийся. Как будто по чему-то били. Что-то полое и резонирующее. Звук исходил откуда-то издали, где стоял в воздухе дым.

«Это могло быть и естественное явление,» — сказал себе Маккай. Могли быть дикие животные. Дым мог быть естественным огнем. Но на всякий случай он вынул из набора чей-

ген и положил его в боковой карман, откуда мог бы достать его быстрее.

Шум стал громче и реже, как будто он усиливался, чтобы отличать последовательные стадии его приближения. Заслоны из колючих кустов и небольшие возвышения на равнине скрывали источник шума.

Все еще следуя по дороге, Маккай поднялся на небольшое возвышение.

Его охватила печаль. Он был заброшен на какой-то отсталый, Пораженный бедностью мир, место, которое леденило взор. Ему была отведена роль в истории с моралью, в волшебной истории с подрезанными крыльями. Он был истомившийся путник, и жажда жгла его неистребимо. Где-то в нем поселилась мука. Он шел в странном, загадочном сне, который растает в просыпающемся роке одинокой Калеванки.

Погребальный звон, который принесла бы смерть Калеванца, угнетал его. Он перевернул все в его душе и выкачал всю его легкость. Собственная его смерть была бы затерянным лопнувшим пузырьком в таком мировом пожаре.

Маккай потряс головой, чтобы отогнать прочь такие мысли. Страх мог бы лишить его всей чувствительности. Он не мог позволить себе такого.

Только одно он сейчас знал наверняка: солнце садилось. Оно опустилось, по крайней мере, на две ширины к горизонту с тех пор, как он отправился в этот глупый поход.

Так что же, во имя всех бесконечных чертей на земле, там так гремело? Оно накатывалось на него, как езда в раскаленном зное: монотонное и непрекращающееся. Он чувствовал, что в висках у него стучит, как раздражающий отсчет: удар-тик, удар-тик...

Маккай взошел на очередной подъем и остановился. Он стоял на краю неглубокой котловины, очищенной от колючих кустов. В центре котловины, внутри колючей изгороди было приблизительно двадцать остроконечных хижин, покрытых травой. Казалось, что они построены из глины. Из дыр в нескольких крышах струился дым, и спирали его поднимались из ям с огнем возле других хижин. Черные точки скота паслись в долине, периодически поднимая голову, а во рту у них торчали колючие неровные пучки коричневой травы.

Загорелые юноши с длинными палками охраняли скот. Другие мужчины, женщины и дети с черными спинами были заняты разными делами внутри колючей ограды.

Маккай, среди предков которого были черные с планеты Каолех, почувствовал, что эта сцена его удивительно волнует. Она затронула генетическую память, которая вибрировала неровным ритмом. Где во вселенной люди могли быть доведены до такого примитивного уровня жизни? Пейзаж был, как сцена из учебника о темных веках древнего Египта.

Большинство детей были голые, как и некоторые из мужчин. На женщинах были юбки из полос.

«Могло ли это быть каким-то странным возвращением к природе?» — размышлял Маккай.

Обнаженность особенно не беспокоила его. Раздражающим было сочетание.

Узкая дорога вела в котловину и через колючий забор, простиралась дальше и исчезала за гребнем на противоположной стороне.

Маккай начал спускаться. Он надеялся, что в деревне ему дадут воды.

Размеренный шум шел из большой хижины недалеко от центра селения. Около хижины стояла в ожидании телега с двумя колесами, запряженная в упряж из четырех огромных двурогих животных.

Маккай рассматривал телегу, пока приближался. Между высокими бортами были навалены грудой странные артефакты — плоские, похожие на доску вещи, рулоны безвкусно кричащей материи, длинные палки с острыми металлическими концами.

Стук прекратился, и Маккай заметил, что его увидели. Дети с визгом помчали между хижинами, указывая на него. Взрослые поворачивались с медленным достоинством и изучали его.

Над сценой воцарилась странная тишина.

Маккай вошел в деревню через пролом в колючей изгороди. Бесстрастные черные лица поворачивались, наблюдая за его продвижением. В нос Маккаю ударило гниющим мясом, навозом, едкой вонью, природу которой он и не пытался установить, дымом дерева и горящего мяса.

Тучи черных насекомых роем вились вокруг животных, запряженных в телегу, не замечая, казалось, медленного размахивания хвостов.

Когда Маккай приблизился, из большой хижины вышел белый человек с рыжей бородой. На нем была шляпа с плоскими полями, пыльная черная куртка и серовато-коричневые брюки. В руке у него был кнут такого же образца, которым пользовался Паленки. Увидев кнут, Маккай понял, что пришел в нужное место.

Мужчина ожидал в дверях — злобные глаза, угрожающая фигура, тонкие губы, различимые сквозь бороду. Он бросил один взгляд на Маккай, кивком головы позвал нескольких черных мужчин слева от Маккай, послал их к телеге, и снова обратил внимание на пришельца.

Два высоких чернокожих подошли и встали у голов запряженных животных.

Маккай рассматривал содержимое телеги. Предметы, похожие на доски, как он увидел, были загнуты и разрисованы странными узорами. Они напомнили ему о раскраске Паленки. Ему не понравилось, как смотрят на него двое мужчин у голов запряженных животных. Там крылась опасность. Маккай держал правую руку в кармане куртки, держа пальцами трубку чейгэна. Он чувствовал и видел, как черные жители приближались к нему сзади. Он чувствовал, что спина его открыта и уязвима.

— Я Джордж Х. Маккай, Чрезвычайный агент, — сказал он, останавливаясь в десяти шагах от белого мужчины с бородой. — А вы?

Мужчина сплюнул в пыль и произнес что-то похожее на: — Гетнабент.

Маккай проглотил слюну. Он не понял приветствия. Странно, подумал он. Он не поверил, что Кон Сенство включало языки, совершенно ему неизвестные.

— Я с официальным поручением от Бюро, — сказал Маккай. — Дайте об этом знать всем людям.

Так, все формальности соблюдены.

Бородатый пожал плечами и произнес:

— Каудервелш.

Кто-то позади Маккай сказал:

— Крол'икидо!

Бородатый взглянул в направлении голоса позади Маккай.

Маккай переключил внимание на кнут. Человек тянул его конец позади себя по земле. Заметив взгляд Маккай, он взмахнул кистью, поймал гибкий конец кнута двумя паль-

цами, которые он поднял от ручки. Он продолжал в упор смотреть на Маккая.

В том, как мужчина обращался с кнутом, чувствовался профессионализм, который заставил Маккая содрогнуться.

— Где вы взяли этот кнут? — спросил он.

Человек посмотрел на предмет в руке.

— Пич, — сказал он. — Броженбуллер.

Маккай подошел поближе и протянул руку к кнуту.

Бородатый потряс головой из стороны в сторону и усмехнулся. Ошибки быть не могло, что это ответ.

— Мэйкели, — сказал он. Он постучал ручкой кнута о борт телеги, показал на сваленный груз.

Еще раз Маккай рассмотрел содержимое телеги. Старинные предметы ручной работы, в этом не было сомнения. Он знал, что мог бы извлечь большую выгоду за тайные и разукрашенные вещи. Это могли быть артефакты, которые приносят покупателю скуку, производимые на фабриках автоматами бесконечными сериалами дубликатов. Хотя, если они изготовлялись в этой деревне, то вся операция была похожа на труд рабов. Или рабство, что было практически тем же самым.

Игра Абнетт могла бы приобрести еще более злобные тона, но тогда были бы более понятны мотивы.

— Где Млисс Абнетт? — спросил он.

Ответ был весьма интересным. Бородатый дернул головой и воззрился на Маккая. Окружающая толпа испустила неразличимый крик.

— Абнетт? — спросил Маккай.

— Сиос Абнетт, — сказал бородатый.

Толпа вокруг них начала скандировать:

— Эпах Абнетт! Эпах Абнетт! Эпах Абнетт!

— Руик! — закричал бородатый.

Крик внезапно прекратился.

— Как называется эта планета? — спросил Маккай. Он взглянул на напряженно смотрящие на него черные лица. — Где это место?

Никто не ответил.

Маккай встретился взглядом с бородатым. Тот перевел свой упорный взгляд в хищнический оценивающий взгляд, кивнул один раз, как будто он пришел к какому-то решению.

— Диопонг, — сказал он.

Маккай нахмурился, ругнулся про себя. На каждом повороте в этом чертовом деле встречаются трудности в коммуникации. Он увидел здесь достаточно, чтобы потребовать от полицейского агентства начала широкомасштабного расследования. Нельзя же держать людей в таком первобытном состоянии. За этим местом, должно быть стоит Абнетт. Кнут, реакция на ее имя, запах в деревне говорили о болезни Абнетт. Маккай внимательно смотрел на людей вокруг него и увидел шрамы на руках и груди. Шрамы от бича? Если это так, то Абнетт не спасут ее деньги. Ей пришлось бы тогда еще раз пройти через процедуру расследования, но на этот раз более тщательного...

Что-то взорвалось позади за шеей Маккая. Он попытался вытащить из кармана рэйген, но мышцы отказались повиноваться. Тело его обмякло от ужасного сотрясения. Взгляд заволокла кровавая дымка.

За головой снова что-то взорвалось.

Маккай провалился в кошмарное забытие. Когда он оседал, в мозгу его была мысль о мониторе. Если бы они убили его, Тапризиот где-нибудь получил сигнал и послал бы окончательное сообщение о некоем Джордже Х. Маккае.

— Это мне даст огромную пользу, — говорила темнота.

Маккай понял, что взошла луна. Эта светящаяся прямо перед ним вещь должна была быть луной. Сознание говорило ему, что он уже какое-то время смотрит на эту луну, удивляясь ей и не приходя в полное сознание. Луна поднялась из темноты над парализованным очертанием примитивных крыш.

Следовательно, он все еще находился в деревне.

Луна болталась непостижимо близко.

Затылок и левая часть головы Маккая начали болезненно пульсировать. Он проанализировал ощущения своего избитого тела и понял, что лежит на улице на спине, кисти и лодыжки его к чему-то прочно привязаны, лицо повернуто в небо.

Возможно, это другая деревня.

Он попробовал прочность веревок, но ослабить их не смог.

Это было унижительное положение: плащ на спине, ноги и руки расставлены и вытянуты в стороны.

Некоторое время он наблюдал, как меняющаяся карта здешних странных созвездий движется в поле его зрения. Где же находится это место?

Свет огня вспыхнул где-то слева от него. Он замигал и опустился в оранжевую мглу. Маккай попытался повернуть туда голову, застыв от боли, которая пронзила его от шеи через весь череп.

Он застонал.

Вдали в темноте вскрикнуло животное. За криком последовал хриплый рычащий рев. Тишина. Затем еще один рев. Звуки изменяли ночь для Маккай, переводя его в новые измерения. Он услышал тихий звук приближающихся шагов.

— Мне показалось, он стонал, — сказал мужчина.

Человек говорил на стандартном языке галактики. Две тени вышли из ночи и встали у ног Маккай.

— Ты думаешь, он в сознании? — это был женский голос, маскируемый стортером.

— Он дышит, как будто он в сознании, — сказал мужчина.

— Кто там? — прохрипел Маккай. Собственный голос отдался в черепе агонией раскалывающейся боли.

— Хорошо, что ваши люди знают, как выполнять инструкции, — сказал человек. — Представьте, что было бы, если б он тут бегал на свободе!

— Как вы попали сюда, Маккай? — спросила женщина.

— Я пришел пешком, — прорычал Маккай. — Это вы, Абнетт?

— Он пришел пешком! — огрызнулся мужчина.

В его голосе явно был оттенок чуждого произношения. Это голос человека или гуманоида? Среди сенсов только Пан Спечи может выглядеть, как человек — потому что они формировали мышцы по человеческому образцу.

— Если вы не освободите меня, — сказал Маккай, — за последствия я не ручаюсь.

— Ты сам за них ответишь, — сказал мужчина. В голосе его был смех.

— Нам надо наверняка знать, как он сюда попал, — сказала женщина.

— Ну и что это меняет?

— Огромная разница. Что если Фанни Мэ нарушает контракт?

— Но это невозможно! — засопел мужчина.

— Нет ничего невозможного. Он не мог бы попасть сюда без помощи Калеванца.

— Может быть, есть другой Калеванец?

— Фанни Мэ говорит, что нет.

— Послушайте, надо разделаться с этим нахалом немедленно, — сказал мужчина.

— А что если у него монитор? — спросила она.

— Фанни Мэ говорит, что ни один Тапризиот не может установить, где это место!

— Но Маккай здесь!

— И имел вызов с дальнего расстояния после того, как прибыл сюда, — сказал Маккай. «Ни один Тапризиот не может определить, где находится это место? — размышлял он. — На что бы могло натолкнуть его это заявление?»

— У них не будет времени найти нас или что-нибудь предпринять, — заявил мужчина. — Я говорю, что с ним надо разделаться.

— Это было бы не очень умно, — сказал Маккай.

— Посмотрите-ка, кто это нам толкует об уме, — засмеялся мужчина.

Маккай напрягся, чтобы различить детали лиц, но они оставались сплошными тенями. Но что это такое с голосом мужчины? Стортер изменял голос женщины, но зачем ей было об этом беспокоиться?

— В меня вмонтирован пожизненный монитор, — сообщил Маккай.

— Я полагаю, чем скорее, тем лучше, — сказал мужчина, словно не замечая сообщения Маккай.

— Я не вынесу этого, — сказала, почти простонала женщина.

— Убейте меня, и монитор начнет передавать, — сказал Маккай. — Тапризиоты засекут это место и узнают всех вокруг меня. Если они даже не узнают место, они узнают, кто вы.

— Меня трясет от одной перспективы, — сказал мужчина.

— Мы должны узнать, как он сюда попал, — сказала женщина.

— Ну, и что это меняет?

— Это глупый вопрос!

— Итак, Калеванец нарушил контракт.

— Или в нем есть щель, о которой мы не знали.

— Ну, так заткни ее.

— Я даже не знаю, можем ли мы. Иногда я размышляю, насколько мы действительно понимаем друг друга. Каковы соединительные ткани?

— Абнетт, зачем вы носите этот стортер? — спросил Маккай.

— Почему вы называете меня Абнетт? — спросила она.

— Вы можете изменить голос, но не можете спрятать болезнь или манеру поведения, — сказал Маккай.

— Это Фанни Мэ послала вас сюда? — потребовала она.

— Разве не говорили вам, что это невозможно? — задал встречный вопрос Маккай.

— А он храбрец, — хихикнула женщина.

— Ну и что ему это дает?

— Я не думаю, что Калеванец мог нарушить наш контракт, — сказала она. — Ты помнишь статью о защите? Похоже, что она послала его сюда, чтобы отделаться от него.

— Поэтому давай отделаемся от него и мы.

— Это не то, что я имела в виду.

— Ты знаешь, что мы должны сделать это.

— Ты заставляешь его страдать, а я не выношу этого, — закричала женщина.

— Тогда уходи и предоставь его мне.

— Я не могу выносить даже мысли о том, что он страдает! Разве непонятно?

— Он не будет страдать.

— Ты должен быть уверен.

«Это, конечно, Абнетт, — думал Маккай, вспоминая об ее условии не присутствовать при сцене боли. — Но кто же тогда другой?»

— У меня болит голова, — сказал Маккай. — Вы знаете об этом, Млисс? Ваши люди практически выбили мне мозги.

— Какие мозги? — спросил мужчина.

— Мы должны доставить ему врача, — сказала она.

— Будь благоразумна, — рявкнул мужчина.

— Ты слышал, что он сказал. У него болит голова.

— Млисс, прекрати это!

— Ты произнес мое имя, — сказала она.

— Ну, а что это меняет? Он уже узнал тебя.

— А что если он убежит?

— Отсюда?

— Но он же попал сюда, не так ли?

— За что мы должны быть благодарны!

— Он страдает, — сказала она.

— Он лжет!

— Он страдает. Я же вижу.

— А что если мы отправим его к врачу, Млисс? — спросил мужчина. — Как только мы сделаем это, он убежит. Агенты Бюро Саботажа такие изобретательные, ты же знаешь.

Молчание.

— У нас нет выхода, — сказал мужчина. — Фанни Мэ послала его нам, а мы должны его убить.

— Ты хочешь свести меня с ума, — воскликнула она.

— Он не будет страдать, — сказал мужчина.

Молчание.

— Я обещаю, — сказал мужчина.

— Это точно?

— Разве я уже не сказал?

— Я уйду отсюда, — сказала она. — Я не хочу знать, что с ним будет. Ты никогда не должен упоминать его имени, Чео. Ты слышишь?

— Да, дорогая, я слышу тебя.

— Я уйду, — сказала она.

— Он собирается изрубить меня на маленькие куски, — сказал Маккай, — а я буду кричать от боли все это время.

— Заткни ему глотку, — завизжала она.

— Уходи, дорогая, — сказал мужчина. Он обнял ее. — Ну, ну, успокойся, иди.

В отчаянии Маккай сказал:

— Абнетт! Он собирается причинить мне ужаснейшую боль. Вы же знаете об этом.

Она начала рыдать, когда мужчина уводил ее.

— Пожалуйста... пожалуйста, — просила она. Звук ее плача замолк в ночи.

«Фурунео, — думал Маккай, — ну не тяни же. Заставь эту Калеванку пошевелиться. Я хочу исчезнуть отсюда. Сейчас!»

Он попытался натянуть свои узы. Они растянулись уже достаточно, чтобы он почувствовал, что дошел до их окончаний. Но он чувствовал также, что колышки совсем не движутся.

«Давай, давай, Калеванка! — думал Маккай. — Ты же не послала меня сюда умирать. Ты сказала, что любишь меня.»

После нескольких часов вопросов, контрвопросов, проб, контрпроб и бессмысленных ответов, Фурунео вызвал охранника, чтобы он сменил его на вахте у Калеванца. По просьбе Фурунео Фанни Мэ открыла портал и выпустила его на

уступ из застывшей лавы подышать свежим воздухом. На уступе было холодно, особенно после жары в бичболе. Ветер стих. Прибой все еще бил по стене скалы и наступал на стену из лавы под бичболом. Но прилив отступал, и только несколько ослабевших струй увлажняли уступ.

«Соединительные ткани, — с горечью думал Фурунео. — Она говорит, что это не связки, тогда что же это?» Он еще не помнил такого другого случая, когда чувствовал такое опустошение.

— То, что простирается от одного до восьми, — сказал Калеванец, — это есть соединительные ткани. Правильное употребление глагола-связки «есть»?

— Угу.

— Глагол идентичности, — сказал Калеванец. — Странная концепция.

— Нет, нет, а что вы имеете в виду под одним до восьми?

— Всекие несвязуемые осколки, — сказал Калеванец.

— Вы имеете в виду разорванные соединительные ткани?

— До разорванных соединительных тканей.

— Что в конце концов значит это до, и как оно может быть связано с тканями?

— Вероятно, более внутреннее, — сказал Калеванец.

— Сумасшествие, — сказал Фурунео, тряся головой. Затем спросил:

— Внутреннее?

— Несвязанное место соединительных тканей, — сказал Калеванец.

— Но мы опять вернулись к тому, с чего начали, — простонал Фурунео. — Что такое соединительные ткани?

— Незаполненное пространство между, — сказал Калеванец.

— Между чем? — заревел Фурунео.

— Между одним и восемью.

— О-о-о-ох, нет!

— Также между одним и X, — сказал Калеванец.

Как делал до него Маккай, Фурунео закрыл лицо руками. Наконец он сказал:

— Что находится между единицей и восьмеркой, кроме двух, трех, четырех, пяти, шести и семи?

— Бесконечность, — сказал Калеванец. — Открытая концепция. Ничто содержит все. Все содержит ничего.

— Знаете, что я думаю? — спросил Фурунео.

— Я не читаю мыслей, — ответил Калеванец.

— Я думаю, что вы ведете с нами свою игру, — сказал Фурунео. — Вот, что я думаю.

— Соединительные ткани принуждения, — сказал Калеванец. — Это способствует пониманию?

— Принуждать... принуждение?

— Рискните движение, — сказал Калеванец.

— Рискните что?

— То, что остается на месте, когда остальное движется, — сказал Калеванец. — Это и будет соединительная ткань. Концепция бесконечности опустошается без соединительной ткани.

— О бо-о-же-е! — застонал Фурунео.

В этот момент он попросил, чтобы его выпустили на улицу отдохнуть.

Фурунео не продвинулся ближе и в понимании того, почему Калеванец поддерживал такую высокую температуру в бичболе.

— Последствие быстроты, — сказал Калеванец, давая разные варианты ответов с понятиями скорости. Или:

— Вероятно, концепция генерированного движения подходит лучше.

— Какого-то рода трение? — попробовал вариант Фурунео.

— Некомпенсированное отношение измерений, вероятно, соответствует ближайшей аппроксимции, — ответил Калеванец.

Сейчас, анализируя все эти приведшие его в тупик определения, Фурунео дышал на руки, чтобы согреть их. Солнце уже зашло, и холодный ветер начинал сдвигать воду к отвесной скале.

«Либо я замерзну до смерти, либо испекусь, — думал он. — Где же в этой вселенной Маккай.»

В этот момент Тулук вызвал его на дальний контакт через одного из Тапризиотов Бюро. Фурунео, который искал более укрытого пространства с подветренной стороны бичбола, почувствовал включение щитовидной железы. Он поставил ногу, которую заносил на ступеньку для подъема, вниз и твердо замер в неглубокой лужице воды, потеряв все телесные ощущения. Мозг и вызов слились воедино.

— Это Тулук из лаборатории, — назвался вызывающий. — Извинения за вторжение и все прочее.

— Я думаю, что вы просто заставили меня поставить ногу в холодную воду, — сказал Фурунео.

— Ну что ж, вот вам еще немного холодной воды. Вы должны просить этого дружелюбного Калеванца забрать Маккая через шесть часов, время истекает, начиная отсчет от четырех часов и пятидесяти одной минуты тому назад. Синхронизируйте.

— Стандартное измерение?

— Конечно стандартное!

— Где он?

— Он не знает. Там, куда его послал Калеванец. Есть какие-нибудь предположения о том, как это делается?

— Это делается с помощью соединительной ткани, — сказал Фурунео.

— Это точно? Что такое соединительные ткани?

— Когда я узнаю, вы будете первым, кому я сообщу.

— Это похоже на временные противоречия, Фурунео.

— Вероятно. Ну ладно, дайте мне вытащить ногу из воды. Она, вероятно, уже вмерзла туда.

— Вы синхронизировали временные координаты для возвращения Маккая?

— Да, конечно. И надеюсь, что она не пошлет его домой.

— Как так?

Фурунео объяснил.

— Звучит неутешительно.

— Рад, что вы разделяете мои чувства. Еще минуту назад я подумывал, что вы недостаточно серьезно относитесь к нашей проблеме.

Среди Ривов серьезность и искренность являются почти такими же основополагающими, как у Тапризиотов, но Тулун уже давно работал среди людей, чтобы чувствовать юмор.

— Ну что же, каждый по своему сходит с ума, — сказал он.

Это был афоризм Рива, но он звучал достаточно близко к тому, что испытывал Фурунео. Кратковременная ярость, усиленная ангеритом, охватила его, и казалось, что его Я ускользает от него. Он с трудом нащупывал путь к нормальному умственному состоянию.

— Вы почти потерялись? — спросил Тулук.

— Не можете ли вы отключиться и дать мне вынуть ногу из воды?

— У меня создается впечатление, что вы устали, — сказал Тулук. — Отдохните немного.

— А когда? Я убежден, что не засну в жаровне Калеванца. Я бы тогда проснулся готовеньким блюдом к столу людоедов.

— Иногда вы, люди, выражаетесь в безобразной манере, — сказал Рив. — Но вам лучше оставаться в готовности некоторое время. Маккаю может понадобиться пунктуальность.

Было темно, но ей не нужен был свет для темных мыслей. БЧерт бы побрал этого Чео с его садистским инструментом! Это была ошибка, финансировать хирургическую операцию, которая превратила Пан Спечи в чудачество замороженного я. Почему он не захотел оставаться таким, каким был, когда они встретились впервые? Таким экзотичным... таким... таким волнующим.

Хотя он до сих пор остается полезным. И, несомненно, это он первым увидел великолепные возможности в их открытии. Это, по крайней мере, остается волнующим.

Она оперлась на собачку на стуле с мягким мехом, одну из редких кошачьих адаптивов, которых научили ублажать хозяев мурлыканьем. Успокаивающие вибрации проходили сквозь мышцы, как будто ища способ подавить озлобленность. Так приятно расслабляет.

Она вздохнула.

Ее квартира занимала верхнее кольцо вышки, которую они построили в своем мире, уверовав в то, что это потайное место безопасно, так как находится вне досягаемости закона или связи, за исключением того, что даровано одному единственному Калеванцу, которому и жить-то осталось всего ничего.

Но как сюда попал Маккай? И что Маккай хотел сказать тем, что он уже получил вызов от Тапризиота?

Собачка, чувствуя ее настроение, прекратила мурлыкать, когда Абнетт села прямо. Неужели Фанни Мэ лжет. Или остался еще один Калеванец, который может найти это место?

Или все дело в том, что слова Калеванца трудно понять? Но до сих пор эта система не давала сбой. Этот мир был местом, где ключ лежал только в одной голове — голове мадам Млисс Абнетт.

Она села прямо на собачку.

И смерть будет без страданий, чтобы сделать это место навсегда безопасным — этот огромный оргазм смерти. Толь-

ко одна дверь, и смерть закроет ее. Все выжившие, все отобранные ею, будут продолжать жить в счастье здесь, вдали от... соединительных тканей.

Чем бы они там не были.

Она встала, начала ходить взад и вперед в темноте. Коврик, такое же существо, как собачка на стуле, вздыбил пушистую поверхность при ласке ее ног.

Улыбка изумления появилась на ее лице.

Несмотря на сложности и странное время, которое для этого требовалось, они вынуждены были увеличить темп бичевания. Необходимо было уничтожить Фанни Мэ, как можно быстрее. Убить без страданий, среди других жертв это была единственная перспектива, которую она хотела и могла рассматривать.

Но необходимо поспешить.

Фурунео оперся в полудреме о стену внутри бичбола. В полусне он проклинал жару. Его биологические часы сказали ему, что осталось чуть больше часа до времени, когда следует возвратить Маккая. Фурунео попытался объяснить временной график Калеванке, но она продолжала настаивать на том, что не понимает.

— Длина расширяется и сокращается, — сказала она. — Они искривляются и перемещаются слабыми движениями между собой. Таким образом, время остается непостоянным.

Непостоянным?

Вортальная труба глаза С распахнулась прямо над гигантским овалом Калеванки. Лицо и голые плечи Абнетт появились в отверстии.

Фурунео оторвался от стены, потряс головой, чтобы восстановить бодрствование и внимание. Чертовщина, здесь так жарко!

— Вы Алехино Фурунео, — сказала Абнетт. — Вы знаете меня?

— Я знаю вас.

— Я узнала вас сразу, — сказала она. — Я узнаю большинство ваших тупиц, планетарных агентов Бюро, по одному их виду. Я нахожу, что это даже выгодно.

— Вы здесь для того, чтобы высечь этого бедного Калеванца? — спросил Фурунео. Он нащупал в кармане голоскап, повернул его в положение, обращенное к двери, как и приказал Маккай.

— Не заставляйте меня закрывать дверь, прежде чем мы проведем небольшую дискуссию, — сказала она.

Фурунео колебался. Он не был чрезвычайным агентом, но нельзя быть планетарным агентом, не понимая, когда можно не подчиниться приказу старшего агента.

— Что обсуждать? — спросил он.

— Ваше будущее.

Фурунео уставился ей прямо в глаза. Пустота в них ужаснула его. Этой женщиной правит принуждение.

— Мое будущее? — спросил он.

— Будет ли у вас это будущее, — сказала она.

— Стоит ли тратить время на угрозы?

— Чео говорит мне, — сказала она, — что вы имеете возможность вписаться в наш проект.

По какой-то причине, которую он не мог объяснить, Фурунео узнал, что это ложь. Странно, что она так выдала себя. Губы ее дрожали, когда она произнесла имя — Чео.

— Кто это Чео? — спросил он.

— На данный момент это не имеет значение.

— Ну, так что же такое этот ваш проект?

— Выживание.

— Прекрасно, — сказал он. — Что еще нового?

Он раздумывал, что она сделает, если он вытащит голограмму и начнет запись.

— Фанни Мэ послала Маккая охотиться за мной? — спросила она.

Этот вопрос был важен для нее, Фурунео мог заметить это. Маккай, наверное, завертел там веселенькое дельце.

— Вы видели Маккая? — спросил он.

— Я отказываюсь обсуждать вопрос о Маккае, — сказала она.

«Это сумасшедшая ответственность, — думал Фурунео. — Но она сама завела разговор о Маккае.»

Абнетт сжала губы, изучая его.

— Вы женаты, Алехино Фурунео? — спросила она.

Он нахмурился. Губы ее снова задрожали. Она наверняка знала о его семейном положении. Если для нее важно разузнать все о нем, то трижды важно было знать его слабые и сильные стороны. В чем же состоит ее игра?

— Моя жена умерла, — сказал он.

— Как печально, — пробормотала она.

— Я пережил это, — сказал он сердито. — Нельзя жить прошлым.

— Ага, но здесь-то вы можете и ошибаться, — сказала она.

— К чему вы ведете, Абнетт?

— Давайте посмотрим, — сказала она, — ваш возраст шестьдесят семь стандартных лет, если я правильно запомнила.

— Вы правильно запомнили, и это вы чертовски хорошо знаете.

— Вы молоды, — сказала она. — Вы выглядите даже моложе. Догадываюсь, что вы жизнерадостный человек, который наслаждается жизнью.

— Как все нормальные люди...

Кажется ясно, какова будет взятка, думал он.

— Мы наслаждаемся жизнью, когда у нас есть необходимые составляющие, — сказала она. — Странно, что такой человек, как вы, находите в этом дурацком Бюро?

Это было достаточно близко к той мысли, которую изредка Фурунео вынашивал в себе, но он начал размышлять об этом Чео и таинственном проекте с его возможностями. Что же они предлагают?

Мгновение они изучали друг друга. Это была взвешенная оценка двух соперников, которые готовы вступить в схватку.

«Может она предложит себя,» — размышлял Фурунео. Она была привлекательной женщиной: щедрый рот, большие зеленые глаза, приятный овал лица. Он видел голоскапы ее фигуры, которые делали с нее парикмахеры красоты. Она следила за собой со всей дорогостоящей тщательностью, которую могли дать ей ее деньги. Но будет ли она предлагать себя? Он находил, что здесь что-то не сходится. Мотивы и ставки не совпадают.

— Чего вы боитесь? — спросил он.

Это была хорошая атака в открытую, но она ответила ему с удивительной нотой искренности:

— Страдания.

Фурунео попытался проглотить слюну в пересохшем горле. Он был связан обетом безбрачия после смерти Мады, но это была особого рода женитьба. Она была выше слов и телесной близости. Если есть что-то основное и твердое, соединительная ткань в этой вселенной, то это была их любовь. Ему стоило только закрыть глаза, чтобы вызвать в памяти ее присутствие. Этого нельзя было заменить ничем, и Абнетт

должна знать об этом. Она ничего не могла ему предложить, потому что это нельзя получить никогда. Или могла бы?

— Фанни Мэ, — сказала Абнетт, — вы готовы выполнить просьбу, которую я сделала?

— Соединительные ткани поддерживают, — сказал Калебанец.

— Соединительные ткани, — взорвался Фурунео. — Что такое соединительные ткани?

— Я действительно не знаю, — сказала Абнетт, — но я могу использовать их, не понимая их значения.

— Что вы там говорите? — спросил Фурунео настойчиво. Он раздумывал над тем, почему по коже его неожиданно прошел озноб, несмотря на эту жару.

— Фанни Мэ, покажите ему.

Вортальная труба двери для прыжка открылась, закрылась, зарыбила. Внезапно в ней не стало больше Абнетт. Дверь вновь открылась. Теперь она выходила на солнечный берег джунглей, мягко вздымающуюся поверхность океана, овальную яхту, висящую в пространстве отверстия, и песчаную полосу пляжа. Навесы задней палубы яхты были открыты солнцу, открывая почти в центре палубы молодую женщину, вытянувшуюся в безмятежном покое на раскачивающемся гамаке лицом вниз. Тело ее впитывало солнечные лучи, приглушенные солнечным фильтром.

Фурунео устался, не в состоянии сдвинуться с места. Молодая женщина подняла голову, пристально посмотрела в море и легла снова.

Голос Абнетт шел прямо над его головой, очевидно из другой двери для прыжка, но он не мог оторвать взгляда от хорошо сохранившейся в памяти сцены.

— Вы узнаете это? — спросила она.

— Это Мада, — прошептал он.

— Совершенно точно.

— О, боже правый, — прошептал он. — Когда вы сканировали это?

— Это ваша возлюбленная, вы уверены в этом? — спросила Абнетт.

— Это... это наш медовый месяц, — прошептал он. — Я даже знаю этот день. Друзья взяли меня посмотреть морской купол, а ей не нравилось плавать, и она осталась.

— Как вы определяете точный день?

— На краю расчищенного пространства дерево. Оно расцвело в этот день, а я не заметил этого. Видите зонтичный цветок?

— О, да. Значит, у вас не вызывает сомнений достоверность этой сцены?

— Итак, у вас даже тогда были там снуперы, направленные на нас? — выдохнул он.

— Не снуперы. Мы снуперы. Это происходит сейчас.

— Но этого не может быть! Это было почти сорок лет тому назад!

— Приглушите голос, а то она услышит вас.

— Как она может услышать меня? Она уже мертва...

— Это происходит сейчас, говорю я вам! Фанни Мэ?

— В лице Фурунео концепция сейчас содержит относительные соединительные ткани, — сказал Калеванец. — Настоящая сущность сцены — правда.

Фурунео потряс головой из стороны в сторону.

— Мы можем захватить ее из этой яхты и взять вас двоих в такое место, в котором вас никогда не найдет Бюро, — сказала Абнетт. — Что вы скажете на это, Фурунео?

Фурунео вытер слезы, которые бежали по щекам. Он ощущал запах моря, благоухание цветущего дерева. Все-таки это должно быть запись. Должна быть.

— Если это сейчас, почему она не видит нас? — спросил он.

— По моему указанию Фанни Мэ скрывает нас из ее вида. Звук, однако, переносится. Приглушите голос.

— Вы лжете, — зашептал он.

Как будто по сигналу женщина скатилась с гамака, встала и стала восхищаться цветущим деревом. Она напевала песню, знакомую Фурунео.

— Я думаю, вы знаете, что я не лгу, — сказала Абнетт. — Это наш секрет, Фурунео. Это наше открытие о Калеванцах.

— Но... как может...

— Если дать нужные соединительные ткани, чем бы они там не являлись, даже прошлое открыто нам. Только Фанни Мэ из всех Калеванцев остается, чтобы соединить нас с этим прошлым. Ни один Тапризиот, никакое Бюро, ничто не сможет достать нас там. Мы можем пойти туда и освободиться навсегда.

— Все это трюк, — сказал он.

— Вы же видите это. Вдыхаете этот запах.

— Но почему... что вы хотите?

— Вашу помощь в маленьком деле, Фурунео.

— Как?

— Мы боимся, что кто-нибудь откроет наш секрет раньше, чем мы к этому готовы. Если, однако, кто-то, кому Бюро доверяет, будет здесь наблюдать и сообщит — даст ложное сообщение...

— Какое ложное сообщение?

— Что не будет здесь больше никаких пороков, что Фанни Мэ счастлива, что...

— Почему я должен делать это?

— Когда Фанни Мэ достигнет своей... окончательной разьединенности, мы можем быть далеко отсюда в безопасности. И вы со своей возлюбленной. Правильно, Фанни Мэ?

— Правдивая суть в утверждении, — сказал Калеванец.

Фурунео напряженно всматривался в дверь для прыжка. Мада! Она была прямо там. Она перестала напевать и прикрыла тело от солнца. Если бы Калеванец придвинул двери чуть-чуть поближе, он знал, что смог бы вытянуться и коснуться своей возлюбленной.

Боль в груди Фурунео заставила его ощутить там сжатие. Прошлое!

— Я... я там где-то? — спросил он.

— Да, — сказала Абнетт.

— И я вернусь на яхту?

— Если это было так на самом деле.

— Ну, и что бы я там нашел?

— Ваша невеста ушла, исчезла.

— Но...

— Вы бы подумали, что какое-то морское существо или существо из джунглей убило ее. Вероятно, она поплыла и...

— И она прожила после этого тридцать один год, — прошептал он.

— И вы можете получить те тридцать один год снова, — сказала Абнетт.

— Я... я был бы таким же. Она...

— Она бы узнала вас.

— Неужели? — изумился он. Вероятно — да. Да, она бы узнала его. Она бы могла даже подойти к пониманию необходимости, которая крылась за этим решением. Но он ясно видел, что она не простила бы. Только не Мада.

— При особой заботе она могла бы не умереть тридцать один год назад, — сказала Абнетт.

Фурунео кивнул, но соглашался он со своими мыслями.

Она бы не простила ему никогда, даже если бы он вернулся молодым человеком на пустую яхту. А этот молодой человек не умирал.

«Да и я никогда бы не смог простить себя, — думал он. — Даже каким бы молодым я ни был, никогда не простил бы все эти прекрасные ушедшие годы.»

— Если вы обеспокоены, — сказала Абнетт, — изменением вселенной или ходом истории и всякой прочей ерундой, забудьте про это. Фанни Мэ говорила мне, что она работает не так. Вы измените одну изолированную ситуацию. Новая ситуация уходит из этого дела, а все остальное остается в общем совсем таким же.

— Понятно.

— Вы согласны на такую сделку? — спросила Абнетт.

— Что?

— Так сказать Фанни Мэ, чтобы она взяла ее для вас?

— Вы зря беспокоились, — ответил Фурунео. — Я не могу согласиться на такое.

— Вы шутите!

Он повернулся и, пристально посмотрев на нее, увидел, что маленькая дверь для прыжка открыта прямо над его головой. Только ее глаза, нос и рот можно было видеть через отверстие.

— Я не шучу.

Стала видна часть ее руки, когда она подняла ее, указывая на другую дверь.

— Посмотрите туда на то, что вы отвергаете. Смотрите, я говорю! Можете вы честно сказать мне, что не хотите все это вернуть назад?

Он повернулся.

Мада пошла назад к гамаку, улеглась лицом вниз на подушку. Фурунео помнил, что нашел ее в таком положении, когда вернулся с прогулки на морской купол.

— Вы ничего мне не предлагаете, — сказал он.

— Но я! Это правда, все, что я говорила вам!

— Вы дура, — сказал он, — если не видите разницу между тем, что мы имели с Мадой, и тем, что вы предлагаете мне там...

Что-то свирепо сжимающее схватило его за горло, задушив застрявшие слова. Руки Фурунео захватили пустоту, когда его тащили вверх... вверх... Он чувствовал, что голова его преодолевает сопротивление двери для прыжка. Шея его была ровно на границе стыка, когда дверь закрылась. Тело его упало в бичбол.

— Ты дура, Млисс! — бушевал Чео. — Ты законченная, полнейшая, безмозглая дура! Если бы я не вернулся назад, когда я...

— Ты убил его! — выдохнула она, отступая назад от окровавленной головы на полу своей гостиной. — Ты... ты убил его! И тогда, когда я почти что...

— Когда ты почти что все разрушила, — огрызнулся Чео, резко придвинув к ней свое лицо, покрытое шрамами. — Что вы, люди, имеете вместо мозгов?

— Но, он был...

— Он уже готов был вызвать своих помощников и рассказать им обо всем, что ты выболтала ему!

— Я не потерплю, чтобы ты разговаривал со мной таким тоном!

— Когда ты кладешь на плаху мою голову, я буду разговаривать с тобой так, как хочу.

— Ты заставил его страдать! — обвиняла она его.

— Он не чувствовал ничего подобного, что чувствовал я. Только ты одна, только ты заставила его страдать.

— Как ты можешь говорить такое? — она отшатнулась от лица Пан Спечи с расширенными от испуга глазами.

— Ты мычишь тут, что не способна терпеть страдания, — рычал он, — но ты любишь их. Ты сеешь их вокруг себя! Ты знала, что Фурунео не примет твоего тупейшего предложения, но ты мучила его этим, тем, что он потерял. И ты не считаешь это страданием?

— Послушай, Чео, если ты...

— Он страдал вплоть до того момента, когда я положил этому конец, — сказал Пан Спечи. — И ты знаешь это.

— Прекрати это, — взвизгнула она. — Я не хотела! Он не страдал!

— Он страдал, и ты знала об этом, каждую секунду, ты знала это.

Она бросилась к нему и стала бить кулаками в его грудь.

— Ты лжешь! Ты лжешь! Ты лжешь!

Он схватил ее за запястья и поставил на колени. Она опустила голову. Слезы бежали у нее по щекам.

— Ложь, ложь, ложь, — бормотала она.

Более мягким, более рассудительным тоном он сказал:

— Млисс, послушай меня. У нас нет способа узнать, сколько еще проживет Калеванец. Будь разумной. У нас есть лишь ограниченное число раз, когда мы можем пользоваться глазом С, и мы должны использовать его с максимальной выгодой. Мы уже потратили массу времени. Мы не можем больше позволить себе таких грубых ошибок, Млисс.

Она продолжала смотреть вниз, отказываясь взглянуть на него.

— Ты знаешь, что я не люблю сурово обходиться с тобой, Млисс, — сказал он, — но мой способ лучше — как ты неоднократно сама говорила об этом. Мы должны сохранить единство своего собственного я.

Она кивнула, не глядя на него.

— Давай пойдем сейчас к остальным, — сказал он. — Плаути придумал забавную новую игру.

— Только одно.

— Да?

— Давай спасем Маккая. Он был бы интересным дополнением к...

— Нет.

— Какой от этого будет вред? Он мог бы даже быть полезным. Не похоже на то, чтобы он использовал свое драгоценное Бюро или еще что-нибудь, чтобы усилить...

— Нет! Кроме того, вероятно, уже слишком поздно. Я уже послал Паленки с... ну, ты понимаешь.

Он отпустил ее запястье.

Абнетт поднялась, ноздри ее раздувались. Когда она взглянула на него, слезы выглядывали из под ресниц, голова опущена вперед. Вдруг правая нога ее вылетела вперед, зацепила Чео твердой пяткой по левой надкостнице.

Он отскочил назад, схватившись одной рукой за ушибленное место. Несмотря на боль, он был изумлен:

— Ты видишь, — сказал он, — ты действительно любишь страдание.

Затем она повисла на нем, целуя его и извиваясь. Они так и не пошли к остальным участвовать в новой игре Плаути.

Когда жизненный монитор Фурунео стал издавать сигнал о его смерти, Тапризиоты стали сканировать зону бичбола. Они обнаружили только Калеванца и четырех охранников в кружащихся над ним сторожевых кораблях. Рассуждение о действиях, мотивах или вине не входило в круг обязанностей Тапризиота. Они просто сообщили о смерти, ее месте и сенсах, которые были доступны их сканерам.

В результате этого четырех охранников подвергали в течение нескольких часов жесточайшему допросу. Другое дело Калеванец. Чтобы решить, какие действия предпринять в отношении Калеванца, была собрана в полном составе Конференция Бюро Саботажа. Смерть Фурунео произошла при чрезвычайно загадочных обстоятельствах: нет головы, невразумительные ответы Калеванца.

Когда Тулук вошел в комнату конференции по разбудившему его вызову, Сайнер колотил рукой по столу. Он использовал свой средний боевой отросток с совершенно не присущей Лаклаку для подобного места эмоциональной интенсивностью.

— Мы не будем действовать, пока не вызовем Маккая! — сказал Сайнер. — Это слишком тонкая вещь!

Тулук занял свое место у стола, наклонился к упору Ривов, предусмотренному для его вида, мягко заговорил:

— Вы разве еще не установили контакт с Маккаем. Предполагалось, что Фурунео прикажет Калеванцу...

Он еще ничего не знал. Сразу несколько присутствующих начали объяснять ему создавшееся положение.

Наконец, Тулук сказал:

— Где тело Фурунео?

Ему ответили, что охранники несут его сейчас в лабораторию.

— Полицию задействовали?

— Конечно.

— Что-нибудь об исчезнувшей голове?

— Ни одного признака.

— Вероятно, результат действия двери для прыжка, — сказал Тулук. — Полиция берет это дело?

— Мы этого не допустим. Дело идет об одном из нас.

Тулук кивнул.

— Тогда я со Сайнером. Мы не будем ничего предпринимать без консультации с Маккаем. Это дело было поручено

ему, когда мы еще не предполагали о его масштабе. Он все еще старший.

— Может мы должны пересмотреть это решение? — спросил кто-то в конце стола.

Тулук покачал головой.

— Не годится, — сказал он. — Кто взялся за это первый, тот и главный. Фурунео мертв, а он должен был вернуть назад Маккая уже порядочное время тому назад

Билдун, Пан Спечи, шеф Бюро Саботажа, молча следил за этим обменом мнениями с большим вниманием. Он был обладателем «я» группы пятидержавной жизни в течении семнадцати лет — обычное среднее время для своего вида. Хотя эта мысль подействовала на него таким образом, который не был понятен другим видам, он знал, что должен отказаться от старшинства в пользу самого молодого члена своего круга очень скоро. Смена начальства могла бы пройти быстрее, если бы не было такого напряжения в руководстве. «Какую ужасную цену приходится платить на службе сенсам», — думал он.

Внешность гуманоида, которую генетически формировал и принимал его вид, имел тенденцию увлекать других гуманоидов забыть существенно чуждый характер Пан Спечи. Хотя придет время, когда они уже не смогут избежать этого знания дела Билдуна. Друзья его в Кон Сенстве увидят изменение в ясельной группе в самом начале — сияние глаз, ротовое отверстие...

«Лучше не думать об этом,» — предупреждал он себя. Именно сейчас ему нужны были все его способности.

Он чувствовал, что не живет больше в своем собственном я, и это было чувство тончайшей пытки для Пан Спечи. Но черная угроза уничтожения всей жизни сенсов, которая висит над его вселенной, требовала пожертвовать своими личными страхами. Нельзя допустить смерти Калеванца. Пока он не удостоверится, что Калеванец выживет, он должен цепляться за любую соломинку, которую протягивает ему жизнь, перетерпеть любой террор, отказаться оплакивать то, что являлось почти смертью я, которая скрывается в ночных кошмарах Пан Спечи. Всем им грозила куда более страшная смерть.

Он видел, что Сайнер смотрит на него с невысказанным вопросом.

Билдун произнес два слова:

— Доставьте Тапризиота.

Кто-то из сидящих рядом с дверью поспешил выполнить приказание.

— Кто был последним в контакте с Маккаем? — спросил Билдун.

— Полагаю, что я, — ответил Тулук.

— Тогда вам будет легче, — сказал Билдун. — Покороче. Тулук сморщил лицевою щель в знак согласия.

Ввели Тапризиота, помогли ему встать на стол. Он пожаловался, что слишком грубо обошлись с его речевыми иголками, что место для него неудобно. Что ему не дали достаточно времени подготовить свою энергию.

Только после того, как Билдун назвал условие чрезвычайного положения для специального контакта для Бюро, он согласился действовать. Тогда он расположился перед Тулуком и сказал:

— Дата, время и место.

— Тулук дал координаты.

— Закройте лицо, — приказал Тапризиот.

Тулук повиновался.

— Думайте о контакте, — пропищал Тапризиот.

Тулук думал о Маккае.

Время проходило, контакта не было. Тулук открыл лицо, взглянул.

— Закройте лицо! — приказал Тапризиот.

Тулук повиновался.

Билдун сказал:

— Что-нибудь случилось?

— Соблюдайте тишину, — сказал Тапризиот. — Беспокойте место моего расположения.

Его речевые иголки зашевелились:

— Путча, путча, — сказал он. — Вызов будет, когда разрешит Калеванец.

— Контакт через Калеванца? — предположил Билдун.

— Другой способ невозможен, — сказал Тапризиот. — Маккай изолирован в соединительных тканях другого существа.

— Я не знаю, как ты достигнешь его, ты просто должен это сделать любым способом, — приказал Билдун.

Внезапно Тулук дернулся, когда снитгертранс включил его щитовидную железу.

— Маккай? — сказал он, — здесь Тулук.

Слова, произносимые бормотанием в сниггертрансе, были едва слышны для других вокруг стола.

Говоря как можно спокойнее, Маккай сказал:

— Маккая не будет через тридцать секунд, если вы не вызовете Фурунео и не прикажете ему, чтобы Калеванец взял меня отсюда.

— Что случилось? — спросил Тулук.

— Меня привязали к кольям, а в пути уже Паленки, чтобы убить меня. Я могу уже рассмотреть его в свете костра. Он несет то, что похоже на топор. Он собирается разрубить меня. Вы знаете, как они...

— Я не могу вызвать Фурунео. Он...

— Тогда вызови Калеванца.

— Вы знаете, что я не могу вызвать Калеванца!

— Сделайте это, дурачок!

Так как Маккай приказал это, предполагалось, что ему известно, что такой вызов можно сделать. Тулук прервал контакт и послал требование Тапризиоту. Но это уже противоречило разуму: Все данные говорят, что Тапризиоты не могут связываться с Калеванцами.

Для наблюдателей в комнате конференции более очевидное бормотание и смешки сниггертранса прекратились, на момент возвратились, исчезли. Билдун готов был рывкнуть вопрос Тулуку, но заколебался. Трубочатое тело Рива оставалось таким... тихим.

— Интересно, почему Тапризиот сказал, что он должен сделать вызов через Калеванца, — прошептал Сайкер.

Билдун покачал головой.

Читер, сидящий возле Тулука, сказал:

— Знаете, могу поклясться, что он приказал Тапризиоту вызвать Калеванца.

— Чушь, — сказал Сайнер.

— Я не понимаю этого, — сказал Читер. — Как мог Маккай пойти куда-то и не знать, где он?

— Тулук вышел из сниггертранса или нет? — спросил Сайнер, и голос его был ужасен. — Он ведет себя так, как будто никого здесь нет.

Все сенсы за столом знали, что имел в виду Сайнер. Неужели Рив был пойман на зов? Может быть, Тулук умер, ушел в тот странный сон, из которого личность никогда не возвращается?

— Ну! — взревел кто-то.

Все собравшиеся сенсы отшатнулись от стола, когда Маккай выпал дрожа из ниоткуда в потоке пыли и грязи. Он приземлился спиной на стол прямо перед Билдуном, который привстал на стуле.

Маккай был в крови, глаза сверкали, рыжие волосы сбились в ужасный клубок.

— Ну, — прошептал Маккай. Он повернулся на бок, увидел Билдуна и, как будто это все объясняло, добавил:

— Топор уже опускался.

— Какой топор? — строго спросил Билдун, опускаясь на место.

— Тот, которым Паленки целился отсечь мне голову.

— Что?..

Маккай сел, потерял свои разорванные запястья, где он был привязан. Вскоре он перенес эти манипуляции на лодыжки. Он был похож на божественную лягушку Говачи.

— Маккай, объясните, что здесь происходит, — приказал Билдун.

— Я... ах, да-да, еще бы доля мгновения, и было бы уже поздно, — сказал Маккай. — Что заставило Фурунео ждать так долго? Ему было сказано шесть часов, не более. Разве он, — Маккай посмотрел на Тулука, который лежал тихий, прямой, как часть серой трубки, что являлась подпоркой для Ривов.

— Фурунео мертв, — сказал Билдун.

— Ой, черт возьми, — мягко сказал Маккай. — Как?

Билдун коротко объяснил, а затем спросил:

— Где вы были? Что это там за Паленки с топором?

Маккай, все еще сидя на столе, четко в сжатой форме и в хронологической последовательности изложил суть. Звучало это так, как будто он рассказывал о каком-то третьем лице. А завершил он сообщение таким заявлением:

— Понятия не имею, где я был.

— Они собирались разрубить вас? — спросил Билдун.

— Топор уже опускался, — сказал Маккай. — Он был уже вот здесь.

Он держал руку примерно в шести сантиметрах от своего носа.

Сайкер кашлянул и сказал:

— Что-то случилось с Тулуком.

Все повернулись.

Тулук лежал на своей подпорке, глазная щель была закрыта. Тело его было здесь, но самого не было.

— Он... потерялся? — Билдун резко выдохнул и отвернулся. Если Тулуку не удастся вернуться назад... это было бы подобно потере эго Пан Спечи!

— Кто-нибудь там, потряхните этого Тапризиота, — приказал Маккай.

— Зачем беспокоиться? — это был мужчина из Отдела Права. — Они никогда не дают ответ на прямой вопрос о... вы знаете.

Чувствуя неловкость, он взглянул на Билдуна, который сидел, не поворачивая лица.

— Тулук вошел в контакт с Калеванцем, — сказал Маккай, вспомнив. — Я сказал ему... это был единственный способ, каким он мог выполнить приказ, так как Фурунео был мертв.

Он встал на столе, прошел по нему до его конца и встал, склонившись над Тапризиотом.

— Вы, — закричал он. — Тапризиот!

Молчание.

Маккай провел пальцем по руке с голосовыми иглками. Они защелкали, как линии деревянных трещеток, но никакого вразумительного звука не исходило от Тапризиота.

— Говорят, к ним не надо прикасаться, — сказал кто-то.

— Приведите сюда другого Тапризиота, — приказал Маккай.

Кто-то побежал выполнять приказ.

Маккай вытер пот со лба. Нужны были все его резервы, чтобы сдержать дрожь. Во время опускания топора Паленки он попрощался со вселенной. Прощание было последним и бесповоротным. До сих пор он чувствовал, что не отошел, что следит за ликом кого-то другого, существа в его собственной плоти, похожего существа, но действительно незнакомца. Эта комната и действия вокруг него была какой-то искаженной игрой, очищенной до полной стерильности. В тот момент, когда он принимал собственную смерть, он понял, что осталось несчетное количество того, что он хотел бы пережить. Этой комнаты и его обязанностей агента Бюро Саботажа не было среди тех желаний. Старая реальность была затоплена эгоистическими воспоминаниями.

Второго Тапризиота ввели в комнату, иглки его выражали жалобы. Его водрузили на стол, но он все время возражал:

— У вас уже есть Тапризиот! Почему вы беспокоите?

Билдун повернулся к столу, изучая сцену, но продолжал оставаться молчаливым и замкнутым. Никогда еще никого не удавалось вернуть из ловушки вызова с дальнего расстояния.

Маккай взглянул на нового Тапризиота.

— Вы можете войти в контакт с этим Тапризиотом? — потребовал он.

— Путча, путча, — начал второй Тапризиот.

— Я искренен, — взорвался Маккай.

— Ахсида день-день, — просвистал второй Тапризиот.

— Я сложу вас в кучу с чьими-нибудь дровами, если вы не добьетесь этого, — прорычал Маккай. — Можете вы войти в контакт?

— Они вонзились в контакт с Калеванцем, — сказал второй Тапризиот.

— Что вы имеете в виду под «вонзились»? — настаивал на своем Маккай.

— Связаны, — ответил Тапризиот.

— Можно вызвать каждого из них? — спросил Маккай.

— Скорее развязать, чем вызвать, — сказал Тапризиот.

— Смотрите, — сказал Сайнер.

Маккай резко повернулся.

Тулук сжимал свою лицевую щель. Челюстной выпрямитель вышел и задвинулся.

Маккай затаил дыхание.

Лицевая щель Тулука открылась и он сказал:

— Захватывающе.

— Тулук, — сказал Маккай.

Щель расширилась. Глаза Рива выставились.

— Да?

Затем он сказал:

— Ах, это вы Маккай. Вам все-таки удалось.

— Вы делаете вызов сейчас? — спросил второй Тапризиот.

— Уберите его, — приказал Маккай.

Свистящие протесты:

— Если вы не вызываете, зачем беспокоить?

Тапризиота вынесли из комнаты.

— Что с вами случилось, Тулук? — спросил Маккай.

— Трудно объяснить, — сказал Рив.

— Попробуйте.

— Вклинивание, — сказал Тулук. — Это имеет что-то общее с планетарными связями, соединительными связями вызова друг с другом в открытом космосе. С этим вызовом была какая-то проблема, вероятно, расстыковка через звездную массу. А это был контакт с Калеванцем... Кажется, я не нахожу нужных слов.

— Вы понимаете, что случилось?

— Думаю, да. Знаете, я не ощущал, где живу.

Маккай уставился на него:

— Что?

— Что-то здесь не так, — сказал Тулук. — Ах, да: Фурунео.

— Вы сказали что-то о том, где живете, — попытался подойти с другой стороны Маккай.

— Да, какое-то космическое пространство, — сказал Тулук. — Я живу в мире со многими... ах сипоничными? Да, с сипоничными жителями.

— О чем вы говорите? — спросил Маккай.

— Я был действительно в контакте с Калеванцем во время моего вызова к вам, — сказал Тулук. — Очень странно, Маккай. Было такое ощущение, что мой вызов идет через дырочку в черном занавесе, а дырочка эта — Калеванец.

— Итак, вы вошли в контакт с Калеванцем, — подсказал Маккай.

— О, да. Я действительно вошел. — Челюстные выпрямители Тулука двигались таким образом, что выражали эмоциональную обеспокоенность. — Я видел... ах, много кадров параллельных фильмов. Конечно, я не по-настоящему их видел. Это был глаз.

— Глаз? Чей глаз?

— То есть дырочка, — объяснил Тулук. — Естественно, это и наш тоже глаз.

— Вы что-нибудь понимаете из всего этого, Маккай, — спросил Билдун.

— У меня такое впечатление, что он говорит, как Калеванец, — сказал Маккай. Он пожал плечами. — Зараженный, вероятно. Запутанный?

— У меня тоже такое подозрение, — сказал Билдун, — что коммуникацию Калеванца можно понять только будучи в определенной стадии безумия.

Маккай вытер пот вокруг губ. Он чувствовал, что почти может понять, что сказал Тулук. Значение витало где-то на грани понимания.

— Тулук, — сказал Билдун, — попытайтесь рассказать нам, что с вами произошло. Вы понимаете меня?

— Я пытаюсь.

— Продолжайте, — сказал Маккай.

— Вы вошли в контакт с Калеванцем, — сказал Билдун. — Как это делалось? Нам всегда говорили, что это невозможно.

— Частично, это было потому, что Калеванец, казалось, управляет моим вызовом к Маккаю, — сказал Тулук. — Потом... Маккай приказал мне вызвать Калеванца. Вероятно, он слышал.

Тулук закрыл глаза, казалось, он в забытьи.

— Продолжайте, — сказал Билдун.

— Я... это было, — Тулук потряс головой, открыл глаза, умоляюще посмотрел на присутствующих. Со всех сторон на него смотрели любопытные, испытывающие глаза. — Представьте себе две паутины, — сказал он. — Обыкновенные паутины. Не такие, что плетут по нашей команде... а то, что делают в естественной обстановке. Представьте, что они должны... контактировать друг с другом... определенное соответствие между ними, совпадение.

— Как прикус зубов? — спросил Маккай.

— Вероятно. Во всяком случае, это необходимое соответствие, эта форма, требуемая для контакта, предполагает должные соединительные ткани.

Маккай сделал резкий выдох.

— Так, что же такое в самом деле эти соединительные ткани?

— Я иду сейчас? — прервал его первый Тапризиот.

— Черт возьми! — сказал Маккай, — Ктонибудь, избавьте нас от этого существа.

Тапризиота спешно удалили из комнаты.

— Тулук, что такое соединительные ткани? — требовательно спросил Маккай.

— Это важно? — спросил Билдун.

— Вы можете поверить мне на слово, пусть он ответит. — сказал Маккай. — Это важно, Тулук?

— М-ммм, — сказал Тулук. — Вы понимаете, конечно, что искусственность может быть отточена до такой точки, где

фактически ее нельзя отличить от первоначальной реально-сти?

— Что общего это имеет с соединительными тканями?

— Как раз та точка, где есть единственная отличительная черта между оригиналом и искусственным, это и есть соединительная ткань.

— Уф-ф? — сказал Маккай.

— Посмотрите на меня, — сказал Тулук.

— Я и так смотрю на вас.

— Представьте себе, что вы берете пищевую субстанцию и производите в ней точный во плоти дубликат моей персо-ны, — сказал Тулук.

— Точный, во плоти...

— Вы же можете это сделать, не так ли? — спросил Ту-лук.

— Конечно. Но зачем?

— Просто представьте то. Не задавайте вопросов. Точный дубликат готов и включает единицы целлюлозной массы. Эта плоть впиталась бы во все мои заполняющие клетки и ре-флексy. Задайте ему такой же вопрос, который задаете мне, и он ответил бы вам точно так же. Даже мои товарищи не смогли бы отличить нас.

— Ну и что? — сказал Маккай.

— Была бы между нами какая-то разница? — спросил Ту-лук.

— Но вы сказали...

— Была бы одна разница, не так ли?

— Временной элемент...

— Более того, — сказал Тулук. — Можно бы сказать, что это копия? Ну возьмите собаку в стуле, на котором сидит Сер Билдун — это другое дело, не так ли?

— У-ф-ф?

— Это бездушное животное, — сказал Тулук.

Маккай устался на собачку, на которую указывал Ту-лук. Это был продукт генетического формирования, генной хирургии и отбора. Какую возможную разницу здесь можно представить? Что собачка является животным — как бы от-даленными не были ее предки?

— Что ест эта собака? — спросил Тулук.

— Пищу, приготовленную для нее, что же еще? — Мак-кай повернулся к Риву и изучающе посмотрел на него.

— Но ни эта собачка, ни ее пища не являются теми же самыми, как плоть их предков, — сказал Тулук. — Искусственная пища — это бесконечная, серийная цепь протеинов. Собачка — эта плоть, впавшая в транс в своей работе.

— Конечно! Ее такой и сделали.... — Глаза Маккая широко раскрылись. Он начинал понимать то, что объяснял Тулук.

— Маккай, вы понимаете этот вздор? — спросил Билдун. Маккай попытался проглотить комок в пересохшем горле.

— Калеванец видит только эти... утонченные различия? — спросил он.

— И ничего более, — сказал Тулук.

— Значит, он не видит нас, как... фигуры или... размеры, или...

— Или как протяженности во времени так, как мы понимаем время, — сказал Тулук. — Вероятно, мы являемся узловыми точками на стоячей волне. Время для Калеванца — не есть нечто, выхваченное из тьюбика. Это скорее линия, на которой переплетаются ваши чувства.

— Ха-ааа, — выдохнул Маккай.

— Я не могу понять, в чем это может помочь нам хоть немного, — сказал Билдун. — Наша главная проблема найти Абнетт. У вас есть хоть малейшее понятие о том, Маккай, куда Калеванец послал вас?

— Я видел над собой созвездие, — сказал Маккай. — Прежде, чем я уйду, мы получим запись моего мозга о том, что я видел, а компьютер проверит по звездной карте.

— При условии, что это расположение находится в записи мастера, — сказал Билдун.

— А что там насчет культуры рабов, с которыми столкнулся Маккай? — спросил один из штата юристов. — Мы бы могли запросить...

— Разве вы не слышали? — спросил Маккай. — Наша задача найти Абнетт. Я думал, что мы уже получили ее, но теперь мне кажется, что это будет не так легко. Где она? Как мы можем явиться в суд и сказать: «В каком-то неизвестном месте в неизвестной галактике женщина, предположительно Млисс Абнетт, но которую я не видел, якобы проводит...»

— Но что же тогда нам делать, — спросил штатный юрист.

— Если Фурунео мертв, кто же охраняет Фанни Мэ? — спросил Маккай.

— Внутри там четыре охранника, следят... и четыре снаружи наблюдают за ними, — сказал Билдун. — Вы уверены, что у вас нет никакой другой зацепки, чтобы понять, в каком месте вы были?

— Никакой.

— Иск Маккая сейчас не пройдет, — сказал Билдун. — Нет — лучшим шагом могло бы быть обвинение ее в укрывании, — он вздрогнул, — беглеца Пан Спечи.

— А мы знаем, кто этот сбежавший? — спросил Маккай.

— Нет еще. Мы еще не наметили четкий курс. — Он взглянул на представителя Юридического Отдела, женщину, сидящую рядом с Тулуком. — Ганаман?

Ганаман откашлялась. Это была хрупкая женщина, густая копна каштановых волос, лежащих мягкими волнами, длинное овальное лицо с мягкими голубыми глазами, небольшой нос и подбородок, широкие полные губы.

— Вы думаете, это следует обсуждать на совете сейчас? — спросила она.

— Да, иначе я не вызвал бы вас, — сказал Билдун.

На мгновение Маккай подумал, что этот упрек может вызвать слезы на глазах Ганаман, но затем он увидел сдвинутые вниз концы губ и оценивающий взгляд, которым она прошла по присутствующим в конференц-зале. Он видел, что она умна, и знал, что здесь были те, кто был падок на этот пол.

— Маккай, — сказала она, — вы что Тапризиот? Разве нам необходимо, чтобы вы стояли на столе?

— Благодарю вас за напоминание, — сказал он. Он спрыгнул, увидел напротив нее собачку, снова уставился на нее с преувеличенным вниманием.

Наконец, она обратила взор на Билдуна и сказала:

— Чтобы ввести всех в курс дела. Абнетт и один Паленки пытались высечь Калеванца два часа тому назад. Действуя согласно нашему приказу, охранник воспрепятствовал бичеванию. Он отрубил руку Паленки чэйгенем. В результате этого юридический штат Абнетт уже подает судебный запрет.

— Значит, они заранее были уже готовы, — сказал Маккай.

— Очевидно, — согласилась она. — Они выдвигают обвинение в якобы незаконном саботаже, в правонарушении, заключающемся в пресечении осуществления законных прав незаконным путем со стороны Бюро, в нанесении увечья, на-

рушении дисциплины, причинении злостного вреда, умышленном должностном преступлении.

— Правонарушение, заключающееся в пресечении осуществления законных прав незаконным путем со стороны Бюро? — спросил Маккай.

— Это робото-легуменный случай, а не юрисдикция Говачинов, — сказала Ганаман. — Мы не должны оправдывать поверенного прежде, чем войдем... — она замолчала, не закончив предложения, пожала плечами. — Ну, вы все это знаете. Бюро Саботажа должно держать ответ за коллективную ответственность в последствиях незаконных и порочных действиях, совершенных его агентами в превышении власти, разрешенной им...

— Минуточку! — прервал Маккай. — Это смелее, чем я ожидал от этой компании.

— И они обвиняют, — продолжала Ганаман, — Бюро в том, что оно виновно в тяжелом преступлении пренебрежения в неудачной попытке предотвратить тяжкое преступление и не привлечении к ответственности нарушителя после таких полномочий.

— Они называли имена, или это Джон Такой-то? — спросил Маккай.

— Никаких имен.

— Если они так храбры, значит в отчаянном положении, — сказал Маккай.

— Почему?

— Они знают, что мы не собираемся сидеть сложа руки и не дадим убивать наших людей, — сказал Билдун. — Они знают, что у нас есть копия контракта с Калеванцем, и она дает Абнетт право единоличного контроля над дверью для прыжка Калеванца. Никто не мог быть ответственен за смерть Фурунео, и преступник...

— Никто другой, кроме Калеванца, — сказал Маккай.

— В комнате наступила гробовая тишина.

Наконец, Тулук сказал:

— Вы ведь не верите всерьез...

— Я — нет, — сказал Маккай. — Но я не могу доказать свою веру робото-легуменному суду. Хотя это и предоставляет интересную возможность.

— Голова Фурунео, — сказал Билдун.

— Правильно, — сказал Маккай. — Мы потребуем голову Фурунео.

— Что если они заявят, что Калеванец спрятал голову, — спросила Ганаман.

— Я не собираюсь спрашивать их об этом, — сказал Маккай. — Я собираюсь спросить Калеванца.

Ганаман кивнула, устремив на Маккая пристальный взгляд с искренним восхищением. — Умно, — выдохнула она. — Если они попытаются вмешаться, они виноваты. Но если мы получим голову... — она посмотрела на Тулука.

— А что в этом случае, Тулук? — спросил Билдун. — Думаете сможем получить что-то из мозга Фурунео?

— Это зависит от того, сколько времени прошло между смертью и нашим вмешательством, — сказал Тулук. — Вы знаете, что перезапись нервной памяти имеет пределы.

— Знаем, — сказал Билдун.

— Да, — сказал Маккай. — Мне теперь остается только одно, не так ли?

— Похоже на то, — сказал Билдун.

— Вы отзовете охрану или я? — спросил Маккай.

— Нет-нет, минуточку, — сказал Билдун. — Я знаю, что вы должны вернуться в этот бичбол, но...

— Один, — сказал Маккай.

— Почему?

— Я могу потребовать голову Фурунео перед свидетелями, — сказал Маккай, — но этого не достаточно. Им нужен я. Я удрал от них, и они понятия не имеют о том, сколько я знаю об их потайной дыре.

— А правда, сколько вы знаете? — спросил Билдун.

— Мы уже это проходили, — сказал Маккай.

— Поэтому, вы видите себя сейчас в качестве наживки?

— Ну, я не стал бы формулировать это таким образом, — сказал Маккай, — но если я буду один, они бы могли начать торговаться со мной. Они бы могли даже...

— Они могли бы даже укоротить вас! — гаркнул Билдун.

— Не думаете же вы, что игра не стоит свеч? — спросил Маккай. Он внимательно посмотрел на окружающих.

Ганаман кашлянула.

— Я вижу выход, — сказала она.

Все посмотрели на нее.

— Мы можем поставить Маккая под надзор Тапризиота, — сказала она.

— И он готовенькая жертва, если будет сидеть там в сниггертрансе, — сказал Тулук.

— Не будет, если контакты Тапризиота будут минимальными через несколько секунд, — сказала она.

— И пока я не попрошу помощи, Тапризиот будет отключаться, — сказал Маккай. — Хорошо.

— Мне это не нравится, — сказал Билдун. — Что если...

— А вы думаете, что они заговорят со мной в открытую, если увидят, что там полно охранников? — спросил Маккай.

— Нет, но если мы не сможем предотвратить...

— Мы не можем, и вы это знаете.

Билдун взглянул на него.

— Нам нужны эти контакты между Абнетт и Маккаем, если мы собираемся попытаться использовать встречное нанесение на карту, чтобы определить ее местонахождение, — сказал Тулук.

Билдун смотрел в стол перед собой.

— Этот бичбол имеет определенные координаты на планете Сердечность, — сказал Маккай. — Сердечность имеет известный планетарный период. В момент каждого контакта бичбол будет показывать место в космосе — линия наименьшего сопротивления для контакта. Достаточное количество контактов опишет конус...

— С Абнетт где-то в нем, — прибавил Билдун, оторвав взгляд от стола. — При условии, что вы правы в отношении этой штуки.

— Соединительные ткани вызова должны искать свои связи в открытом космосе, — сказал Тулук. — Между точками вызова не должно быть больших звездных масс, водородных облаков серьезных размеров, групп большой планетарной...

— Я понимаю теорию, — сказал Билдун. — Но не существует теории о том, что они могут сделать с Маккаем. Им бы понадобилось две секунды, чтобы захлопнуть дверь для прыжка на его шее и... — и он сжал пальцы вокруг своего горла.

— Итак, вы хотите, чтобы Тапризиот вызывал меня каждые две секунды, — сказал Маккай. — Работайте на эстафете. Держите цепь агентов в...

— А что, если они не будут пытаться войти с тобой в контакт? — спросил Билдун.

— Тогда мы должны будем саботировать их, — сказал Маккай.

Вернувшись в бичбол, Маккай решил, что это не такой уж загадочный дом, как некоторые, которые он видел. Было жарко, да, но этого требовали необходимые специфические условия для жизни его владельца. Сенсы существовали в местах и с более жарким климатом. Гигантская чаша, где можно было отметить отсутствие Калеванца, — ну, хорошо — его можно, положим, приравнять с диваном. Ручки на стенах, катушки, освещение и всякая всячина — все это было почти привычным по внешнему виду, хотя Маккай искренне сомневался, что понимает их назначение. Автоматизированные дома Бридавай, например, имели более незнакомые приборы контроля.

Потолок был здесь немного низким, но он мог бы встать, не сутулясь. Пурпурный мрак был не более странным, чем разнообразное свечение Говачинов, где большинство сенсов из других миров должны были надевать защитные очки, когда приходили к друзьям в гости. Покрытие на полу бичбола не похоже было на привычный живой организм, но было мягким. На данный момент от него пахло пироцином, стандартным моющим дезинфицирующим средством, и в такой жаре запах был малоприятным.

Маккай потряс головой. Звук похожий на жужжание мухи от контакта Тапризиота через каждые две секунды действовал на нервы, но он чувствовал, что может справиться с раздражением.

— Ваш друг достиг окончательно разъединения, — сказал Калеванец. — Его субстанцию убрали.

«Под субстанцией читайте тело и кровь,» — перевел Маккай. Он надеялся, что перевод достиг некоторой степени точности, но он предупреждал себя, чтобы чрезмерно не обольщаться этим.

«Если бы у нас здесь был хоть небольшой поток воздуха, — думал Маккай. — Просто легкий бриз.»

Он вытер со лба пот, выпил одну из кружек воды, которыми заблаговременно запасся.

— Вы все еще там, Фанни Мэ? — спросил он.

— Вы наблюдаете мое присутствие?

— Почти.

— Это наша общая проблема — видеть друг друга, — сказал Калеванец.

— Вы уже увереннее употребляете время глагола, я заметил это, — сказал Маккай.

— У меня уже с ними меньше трудностей, да?
— Надеюсь.
— Я отдаю глаголу центральное место, — сказал Калеванец.

— Я не думаю, что мне стоит это объяснять, — сказал Маккай.

— Очень хорошо, соглашаюсь.

— Я бы хотел еще раз попытаться понять, как распределяются по времени порки? — сказал Маккай.

— Когда фигуры достигают должной пропорции, — сказал Калеванец.

— Вы уже говорили это. Какие фигуры?

— Уже? — спросил Калеванец. — Это означает раньше?

— Раньше, — сказал Маккай. — Правильно. Вы говорили раньше о фигурах.

— Раньше, перед и уже, — сказал Калеванец. — Да, времена различного сопряжения, путем линейного изменения пересекающихся соединительных тканей.

«Время для Калеванца — это положение на линии, — напомнил себе Маккай, вспомнив попытку объяснения Тулука. Я должен искать тонко отточенные различия, это все, что это создание видит.»

— Какие фигуры? — повторил Маккай.

— Фигуры, определяемые линиями длительности, — сказал Калеванец. — Я вижу много линий длительности. Странно, но вы несете визуальное ощущение только одной линии. Очень странно. Другие объясняют это своему я, но понимание не наступает... чрезвычайное суждение. Свое я обожает молекулярную акселерацию, но... обмен поддерживания приводит в замешательство.

«Приводит в замешательство!» — думал Маккай.

— Что такое молекулярная акселерация? — спросил он.

— Учителя определяют молекулу как мельчайшую физическую частицу элементарного или составного. Правильно?

— Правильно.

— Это несет трудность понимания, если не приписывается своим «я» к перцептивной разнице между нашими видами. Скажем вместо этого, что молекула, вероятно, самая маленькая физическая частица, которую видят виды. Правильно?

«Какая разница? — думал Маккай. — Все это чушь. Как они выходят на молекулу и акселерацию из должной пропорции фигур, не имеющих дефиниции?»

— Почему акселерация? — продолжал настаивать он.

— Акселерация всегда встречается вдоль линий конвергенции, которые мы используем, когда говорим друг с другом.

«Ох, черт возьми!» — подумал Маккай. Он поднял кувшин с водой, отпил и захлебнулся, когда глотал. Он наклонился вперед, чтобы отдышаться. Когда он справился с этим, он сказал:

— Жара здесь! Молекулярное ускорение!

— Разве эти концепции не перемешиваются? — спросил Калеванец.

— Не обращайтесь на это внимание! — выдавил из себя Маккай, все еще сплевывая воду. — Когда вы говорите со мной... это то, что ускоряет молекулы?

— Ваше я полагает это правильное условие.

Маккай осторожно поставил кувшин с водой, закрыл его крышкой. Он начал смеяться.

— Не понимаю эти термины, — протестовал Калеванец.

Маккай покачал головой. Слова Калеванца все еще воспринимались им в беззвучном качестве, но он заметил определенные ворчливые нотки... свехноты. Акценты? Он отбросил их в сторону. Хотя, в этом что-то было.

— Не понимаю, — продолжал настаивать Калеванец.

Это показалось Маккаю еще смешнее.

— О-о, боже мой, — выдохнул он, когда восстановил дыхание, — восточная мудрость остается верной во все времена, хотя никто не знает ее истинного смысла. О, боже мой. Разговор — это просто горячий воздух.

Он снова затрясся от смеха.

Наконец он лег на спину и глубоко вдохнул. Немного погодя он сел, сделал еще глоток воды, закрыл кувшин.

— Учите, — скомандовал Калеванец. — Объясните эти необычные термины.

— Термины? О-о... конечно. Смех. Это наш обычный ответ на нефатальное удивление. Никакого другого значимого коммуникативного содержания.

— Смех, — сказал Калеванец. — Другие узловые встречи с термином встречаются.

— Другие узловые... — Маккай не закончил мысль. — Вы хотите сказать, что слышали это слово раньше?

— Раньше. Да. Я... сама... Я пыталась понять термин «смех». Мы исследуем значение сейчас?

— Давайте не будем, — запротестовал Маккай.

— Отрицательный ответ? — спросил Калеванец.

— Правильно — отрицательный. Мне гораздо более любопытно узнать, что вы говорили о... обмене поддерживания. Так вы сказали, не правда ли? Обмен поддержания ставит в тупик?

— Я пытаюсь определить позицию для ваших странных одиночных дорожек, — сказал Калеванец.

— Одиночных дорожек, так вот как вы думаете о нас, а? — спросил Маккай. И вдруг почувствовал себя маленьким и ненужным.

— Отношение соединительных тканей один ко многим, многие к одному, — сказал Калеванец. — Обмен поддержания.

— Ну, и как, в конце концов, мы придем к окончательному завершению разговора? — спросил Маккай.

— Вы ищете позиционные референты для помещения порки, это начало разговора, — сказал Калеванец.

— Помещения... да.

— Вы понимаете эффект глаза С? — спросил Калеванец.

Маккай медленно выдохнул. Из всего, что он знал о Калеванцах, ни один Калеванец не заводил разговор об эффекте глаза С добровольно. Как использовать механизм дверей для прыжка — «раз-два-три» — это да, это все, что они могут объяснить. Но не эффект, не теорию.

— Я... ух, пользуюсь дверью для прыжков, — сказал Маккай. — Я знаю кое-что о том, как собирается и настраивается механизм контроля...

— Механизм не совпадает с эффектом.

— У-уф, конечно, — согласился Маккай. — Слово не есть явление.

— Точность! Мы говорим — Я перевожу, вы понимаете? — мы говорим: «Термин избегает узла.» Вы улавливаете неточность термина, собственное я думает.

— Я... уф, улавливаю неточность его, — согласился Маккай.

— Рекомендую линию неточности как хорошую мысль, — сказал Калеванец. — Собственное я, мне кажется, мы

приближаемся к истинной коммуникации. Это меня удивляет.

— Вы удивляетесь этому?

— Отрицательно. Это удивляться обо мне.

— Великолечно, — сказал Маккай, упавший духом. — И это вы называете коммуникацией?

— Понимание расплывается... уходит? Да — понимание уходит, когда мы обсуждаем соединительные ткани. Я наблюдаю соединительные ткани вашей... психики. Под психикой я понимаю «другое собственное я». Правильно?

— Почему бы нет? — спросил Маккай.

— Я вижу, — сказал Калеванец, не обращая внимания на упавшее настроение Маккай, — рисунок психики, можно сказать, ее цвет. Подходы и продолжения касаются моего осведомления. Я иду через это к развитию разума и, возможно, понимаю, что вы имеете в виду под термином «звездная масса». Мое я понимает, что у вас не точное понимание явления звездной массы, Маккай.

— Неточное понимание этого? Ох, конечно... конечно.

— Хорошо! Сейчас идет понимание ваших... странствий? Трудное слово, Маккай. Очень вероятно, что это неопределенный обмен. Странствие означает движение вдоль одной линии для вас. Оно не существует для нас. Один движется, все движется на собственной плоскости Калеванца. Эффект глаза С сочетает эти движения и видения. Я вижу вас в другом месте вашего желаемого странствия.

Интерес Маккай снова возрос при этой странной прогулке, и он сказал:

— Вы видите нас... то, что двигает нас с одного места на другое?

— Я слышу, сенс вашей плоскости говорит сходство, Маккай. Сенс говорит: Я увижу вас в двери. Так? Видение движений.

«Видение движений? — размышлял Маккай. Он вытер пот со лба, с носа. — Как чертовски жарко! Какое это имеет отношение к «обмену сохранения»? Чем бы оно там не являлось!»

— Звездная масса сохраняется и изменяется, — сказал Калеванец. — Но вы не видите через свое я. Соединительная ткань глаза С прерывает длительность. Вы называете это... уединение? Этот Калеванец существует один, собственное я на своей плоскости. Одиноко.

«Все мы одиноки,» — думал Маккай.

И эта вселенная скоро будет одинокой, если он не сможет найти путь, чтобы избежать этой общей могилы. Почему эта проблема действительно должна зависеть от такой запутанной коммуникации?

Разговаривать с Калеванцем в условиях такого напряжения, было особого рода пыткой. Он хотел ускорить процесс понимания. Он чувствовал, как время летит мимо него. Скорость выворачивала его желудок. Он шел со временем, возвращаясь к нему — и начал он, кажется, идти не с той ноги.

Он думал о судьбе только одного ребенка, который никогда не пользовался дверью для прыжка. Этот младенец будет плакать... и некому будет откликнуться на его зов.

Ужасающая всеобщность угрозы висела над ним.

Все исчезнет!

Он подавил вспышку раздражения при ж-ж-жужжании инструкций Тапризиота. Это, по крайней мере, было товариществом.

— Тапризиоты посылают нам вести через пространство таким же способом? — спросил он. — Они видят вызов?

— Тапризиот очень слабый, — сказал Калеванец. — Тапризиот не обладает энергией Калеванцев. Энергией собственного я, вы понимаете?

— Нет. Хотя может быть.

— Тапризиот видит слабо, на короткое расстояние, — сказал Калеванец. — Тапризиот не видит через звездную массу собственного я. Иногда Тапризиот просит... подкрепления! Усилия! Калеванец оказывает услуги. Обмен сохранения, вы неточно понимаете? Тапризиот тратит, мы тратим, вы тратите. Все тратят энергию. Вы называете требование энергии вызова... голод, не так?

— О-ох, чертовщина! — сказал Маккай. — Я не понимаю половину того...

Мускулистая рука Паленки, держащая кнут, просунулась в пространство над гигантской чашей. Кнут щелкнул, послал фонтан зеленых искр в пурпурную полутьму. Рука и кнут исчезли прежде, чем Маккай смог пошевелиться.

— Фанни Мэ, — прошептал Маккай, — вы еще там?

Молчание... затем:

— Не смех, Маккай. Вещь, которую вы называете удивление, но не смех. Я прерываю там линию. Внезапность, это порка.

Маккай выдохнул, сделал заметку на биологических часах о времени инцидента, передал координаты для следующего контакта Тапризиота.

«Нет смысла говорить о боли, — думал Маккай. — Так же бесполезно исследовать вдох кнута или выдох субстанции... или обмена сохранения, или голод, или звездные массы, или передачу энергии видения Калекбанцами другим сенсам. Коммуникация была нарушена.»

Они уже добились кое-чего, хотя в одном Тулук прав. Контакты глаза С для порки требовали расчета по времени или периодичности, которую можно было идентифицировать. Вероятно, здесь была вовлечена линия видения. С уверенностью можно было сказать лишь одно: нога Абнетт ступает где-то на реальной планете. Она и толпа ее психодрузей — ее психо-фанатов! — у всех у них было расположение в пространстве, которое можно было определить. У нее были Паленки, ренегаты Ривы, отщепенец Пан Спечи — и только богам известно кто еще. У нее также были парикмахеры Красоты, Тапризиоты, а этот Калекбанец использовал тот же вид энергии, чтобы делать их работу.

— Могли бы мы снова попытаться, — спросил Маккай, — установить место, где находится планета Абнетт?

— Контракт запрещает.

— Вы должны выполнять его, да? Даже до смерти?

— Выполнять до окончательной разъединенности, да!

— А это довольно близко, не так ли?

— Положение окончательной разъединенности становится видимым для собственного я, — сказал Калекбанец. — Вероятно, это означает близко.

И опять рука с бичом вошла внутрь, и опять озарила воздух дождем зеленых брызг и исчезла.

Маккай ринулся вперед, встал рядом с огромной чашей. Он никогда еще раньше не подходил так близко к Калекбанцу. Возле чаши было жарче, и он чувствовал пощипывание вдоль рук. Дождь зеленых брызг не оставлял следов на ковровом покрытии никакого вещества, ничего. Маккай чувствовал нескончаемое влечение к отсутствию Калекбанца, тревожную напряженность этой близости. Он заставил себя отвернуться. Ладони его были мокры от страха.

«Чего еще мне здесь бояться?» — спрашивал он себя.

— Эти два нападения последовали довольно близко к другу, — сказал Маккай.

— Позиционная приближенность заметна, — сказал Калеванец. — Следующая связанность более отдаленная. Вы говорите «дальше». Правильно?

— Да. Следующая порка будет последней?

— Собственное я не знает, — сказал Калеванец. — Ваше присутствие уменьшает интенсивность порки. Вы... отражаете? Ах, отталкиваете!

— Несомненно, — сказал Маккай. — Хотел бы я знать, почему ваш конец означает конец всех.

— Вы переносите собственное «я» с глазом С, — сказал Калеванец. — Так?

— Так. И это породило всю нашу систему.

— Почему? Вы обучаете с объяснения этого?

— Она охватила всю чертову вселенную. Она... она создала специализированные планеты — планеты медового месяца, планеты гинекологии, планеты педиатрии, планеты видов спорта, планеты библиотек... Даже Бюро Саботажа имеет почти целую собственную планету. Без этой системы сейчас уже никто не обходится. Последние цифры, которые я видел, говорят, что только доля процента населения сенсов никогда не пользовалась дверью для прыжка глаза С.

— Правда. Такое использование создает соединительные ткани, Маккай. Ты должно быть неправильно понимаешь это. Соединительные ткани должны разрушаться с моей разъединенностью. Разрушение ведет к окончательной разъединенности для всех, кто пользовался дверью для прыжка глаза С.

— Если вы так говорите... Я все равно до сих пор ничего не понимаю.

— Получается, Маккай, что мои товарищи выбрали меня для... координатор? Неточный термин. Воронка? Вероятно, распределитель. Нет, это тоже неточный термин. А! Я, собственное я, являюсь глазом С!

Маккай пошатнулся от такой волны отчаяния, которую не мог сдержать. Он хотел криком выразить свой протест. Слезы катились по его щекам, он не сдерживал их. Рывания душили его. Печаль! Тело его тянулось к ней, но эмоция выходила не из него.

Она медленно уходила.

Маккай бесшумно выпустил струю воздуха через рот. Он все еще дрожал от прохождения этой эмоции. Это была эмоция Калеванца, он понял это. Но она вышла, как волна жара

в комнату, смела и затронула все нервные рецепторы на своем пути.

Печаль.

Ответственность за все те надвигающиеся смерти. В этом не было сомнения.

Я есть глаз С.

Во имя всего святого, что же Калеванец имел в виду, делая такое странное утверждение? — он думал о прохождении каждой двери для прыжка. — Соединительные ткани? Вероятно, нити. Каждый, кто попадал под эффект глаза С, тянул за собой свои собственные нити через двери для прыжка. Так ли это? Фанни Мэ использовала слово «воронка». Каждый путешественник проходил через ее... руки? Ну или что там еще. И когда она прекратит существование, нити порвутся. Все умрут.»

— Почему нас не предупредили об этом, когда вы предложили нам эффект глаза С? — спросил Маккай.

— Предупредили?

— Да! Вы предложили...

— Не предложили. Товарищи объясняли эффект. Сенсы вашей волны выражали великую радость. Они предложили обмен сохранения. Вы называете это плата, не так?

— Нас должны были бы предупредить.

— Зачем?

— Ну да, вы же не живете вечно, не так ли?

— Объясните термин "вечно".

— Вечно... всегда. Бесконечность!

— Сенсы вашей волны ищут бесконечность?

— Не для каждого отдельного индивидуума, но для...

— Вида сенсов, они ищут бесконечность?

— Конечно.

— Почему?

— А разве не все так?

— А как относительно других видов, которым ваши должны дать дорогу? Вы не верите в эволюцию?

— Эво... — Маккай резко затряс головой. — А какое отношение она имеет к вашему этому?

— Все существа приходят и уходят, — сказал Калеванец.

— Имеют день прихода и день ухода. День правильный термин? День — единица времени, отпущенная линейность,

нормальная продолжительность существования — понимаешь?

Рот Маккай двигался, но слова не выходили.

— Длина линии, время существования, — сказал Калеванец. — Приблизительный перевод, правильно?

— Но что дает вам право... положить нам конец? — обрета голос, спросил Маккай.

— Право не предполагает, Маккай, — сказал Калеванец. — Данные условия должных соединительных тканей, другой из моих приятелей возьмет глаз С... контроль над глазом С до того, как достигнет окончательной разъединенности. Необычные... обстоятельства отвергают такое решение здесь. Млисс Абнетт и... союзники укорачивают вашу дорогу из одной линии. Мои друзья ушли.

— Они убежали за ней, пока у них было время. Я понимаю, — сказал Маккай.

— Время... да, ваша линия одиночной дороги. Это сравнение дает подходящую концепцию. Неадекватную, но достаточно точную.

— И вы уверены, что вы последний из Калеванцев на нашей... волне?

— Собственное я одинокое, — сказал Калеванец. — Окончательный конечный Калеванец. Да. Собственное я подтверждает описание.

— Разве не было никакого способа спастись? — спросил Маккай.

— Спасти? А-ах... избежать? Ускользнуть! Ускользнуть от окончательного разъединения. Вы это предлагаете?

— Я спрашиваю, разве у вас не было пути убежать, так, как ваши... как сделали ваши товарищи?

— Путь существует, но для вашей волны результат тот же.

— Вы могли спастись, но это означало бы наш конец, не так ли?

— Вы не обладаете концепцией чести? — спросил Калеванец. — Спасти себя, потерять честь.

— Туше, — сказал Маккай.

— Объясните «туше», — сказал Калеванец. — Новый термин.

— А-а, это очень древний термин.

— Термин линейного начала, вы говорите? Да, эти лучше с узловой частотностью.

— Узловой частотностью?
— Вы говорите — часто. Узловая частотность содержит часто.
— Вы имеете в виду то же самое, понятно.
— Не то же самое, похожее.
— Принимаю исправление.
— Объясните «туше». Какое значение передает этот термин?

— Значение передает... да. Это термин в фехтовании.

— Фехтование? Вы подразумеваете ограждение?

Маккай объяснил фехтование, как только мог, уходя в историческое прошлое владения мечом, концепцию единоборства, соревнования.

— Эффективное касание! — перевел Калеванец, произнеся слова, выразил определенное удивление. — Узловое пересечение! Туше! Ах-ах! Этот термин содержит то понятие, за что мы находим ваш вид таким привлекательным. Это понятно! Линия удара: туше! Поражена значением «туше»!

— Окончательное разъединение, — огрызнулся Маккай.
— Туше! Как далеко ваше следующее туше хлыстом?

— Пересечение туше бича! — сказал Калеванец. — Вы ищете позицию линейного перемещения, да. Оно двигает меня. Мы еще пока занимаем, вероятно, наши линейности; но собственное я предполагает, что другому виду нужны эти размеры. Тогда мы уходим, покидаем наше существование. Не так?

Когда Маккай не ответил, Калеванец сказал:

— Маккай, вы неправильно поняли значение?

— Думаю, что собираюсь саботировать вас, — пробормотал Маккай.

Чео, замороженный-эго Пан Спечи, уставился вдаль через лес, на заход солнца за морем. «Хорошо, — думал он, — что идеальный мир имеет такое море.» Эта башня, которую Млисс приказала построить в городе с меньшими зданиями и шпилями, имела вид, который включал также далекую долину и горы.

Постоянный ветер дул ему в левую щеку, шевелил белые волосы. На нем были зеленые брюки и рубашка из сетки тусклого золотисто-серебряного цвета. Одежда придавала утонченный вид его гуманоидной внешности, открывая странный рельеф инородных мышц то тут, то там по всему телу.

Улыбка изумления была на губах, но не в глазах. Глаза его были, как у Пан Спечи, многофасетные, блестящие — хотя фасеты были со сглаженными углами после операции по изменению внешности. Глаза его следили за движениями различных сенсов на улицах и мостах внизу под ним. в то же самое время они сообщали ему о небе над головой (отдаленная стая птиц, потоки облаков на закате солнца), они говорили ему о виде на море и близлежащей балюстраде. «Надо, наконец, снести ее,» — подумал он.

Он взглянул на античный хронограф, который дала ему Млисс. Грубая вещь, но она показывала ему час захода. Они должны были отделиться от системы биологических часов Тапризиотов. Этот грубый прибор показывал, что до следующего контакта оставалось два часа. Контроль глаза С был бы более точен, но ему не хотелось двигаться.

Они не могут остановить нас.

Но, может быть, они могут...

Тогда он подумал о Маккае. Как этот агент Бюро Саботаж нашел это место? А найдя его, как он пришел сюда? Маккай сидит в бичболе сейчас с Калеванцем — очевидно, приманка. Приманка!

Для чего?

Чео не нравились противоречивые эмоции, волнами прокатывающиеся через все тело. Он нарушил самый основной закон Пан Спечи. Он украл свое ясельное эго и бросил четырех жен на бездумное существование, заканчивающееся бездумной смертью. Инструменты ренегата хирурга использовали орган, который объединяет всю пятидержавную семью Пан Спечи во всем космосе. Хирургическая операция оставила шрам на лбу Чео и шрам в душе, но он никогда не представлял, что найдет такое удовольствие в своем новом бытии.

Ничто не могло взять у него его эго.

Но он был и одинок.

Конечно, с этим покончит только смерть, но все существа стоят перед ее лицом.

А благодаря Млисс у него было убежище, из которого его не мог достать ни один Пан Спечи... если не... но очень скоро не будет другого Пан Спечи. Совсем не будет организованных других сенсов, за исключением той горстки, которую Млисс привезла сюда в свою Ару с сумасшедшими бурами и неграми.

Неожиданно на вышку осмотра позади него стремительно вошла Абнетт. Уши его, столь же чувствительные, как и глаза, отметили по ее шагам эмоции — скуку, озабоченность, постоянный страх, которые отравляли ей существование.

Чео повернулся.

Он заметил, что она побывала у парикмахера Красоты. Рыжие волосы обрамляли ее прекрасное лицо. У Маккая, вдруг вспомнил Чео, тоже рыжие волосы. Она бросилась в наклоненное кресло с собачкой и вытянула ноги.

— Что за спешка? — спросил он.

— Эти парикмахеры Красоты, — огрызнулась она. — Они хотят домой!

— Пошли их.

— Но где я найду других?

— Очень важная проблема, не так ли?

— Опять ты издеваешься надо мной, Чео. Не смей.

— Тогда скажи им, что им нельзя домой.

— Я сказала.

— Ты им сказала почему?

— Конечно, нет! За кого ты меня принимаешь!

— Но ты же сказала Фурунео.

— Я уже получила урок. Где мои юристы?

— Они уже ушли.

— Но у меня есть еще вопросы, чтобы обсудить с ними.

— А это не ждет?

— Ты же знал, что у нас есть дела. Почему ты разрешил им уйти?

— Млисс, но ты действительно не хочешь понять, что у них есть и свои дела.

— Виноват Калеванец, — сказала она. — Это наше обоюдное дело, и никто не может вмешиваться. А что это за другое дело, которое эти туполобые хотели обсудить?

— Млисс, перестань!

— Чео.

Глаза Пан Спечи внезапно заблестели.

— Как хочешь. Они передали требование от Бюро Саботажа. Они спрашивали Калеванца про голову Фурунео.

— Его..., — она побледнела. — Но как они узнали, что мы...

— Это был очевидный ход при данных обстоятельствах.

— Что ты им сказал? — прошептала она. Она пристально смотрела в его лицо.

— Я сказал им, что Калеванец закрыл дверь для прыжка глаза С как раз тогда, когда Фурунео входил по своей собственной воле.

— Но они знают, что у нас монополия на глаз С, — сказала она, голос ее стал сильнее. — А впрочем, черт с ними!

— Ах, — сказал Чео, — но Фанни Мэ переносит Маккая и его друзей. Это говорит о том, что у нас нет монополии.

— Точно так же я говорила раньше, не так ли?

— Это дает нам прекрасную возможность тактики проволочек, — сказал он. — Фанни Мэ послала голову куда-то, а мы не знаем, куда.

Она сделала глубокий вдох:

— Это... то, что ты им сказал?

— Конечно.

— Но если они допросят Калеванца?

— Они получают, как и обычно, путанный ответ.

— Ты очень умно поступил, Чео.

— Разве не поэтому ты держишь меня здесь?

— Я держу тебя здесь по своим таинственным причинам, — сказала она, улыбаясь.

— И от этого я завишу, — сказал он.

— Ты знаешь, сказала она. — Я буду скучать о них.

— Скучать о ком?

— О тех, кто охотится за нами.

Билдун стоял в дверном проеме персональной лаборатории Тулука, он стоял спиной к внешней комнате, где ассистенты Рива делали большую часть своей работы. Глубоко посаженные фасетные глаза шефа Бюро Саботажа сверкали огнем, который никак не соответствовал спокойствию гуманоидного лица Пан Спечи.

Он чувствовал себя слабым и печальным. Он чувствовал, что все они существуют в сокращающейся пещере, в месте без ветра и звезд. Время нависло над всеми. Над теми, кого он любил, и над теми, кто хотел бы, чтобы он умер. Вся любовь сенсов в этой вселенной умрет. Вселенная станет бездомной, охваченной меланхолией.

Траурные чувства наполнили его гуманоидную плоть: снега, листья, солнце — вечно одинокие.

Он чувствовал необходимость действия, решения, но боялся последствий всего, что мог сделать. К чему бы он ни

притронулся, могло согнуться, стать пылью, проходящей сквозь пальцы.

Он видел, что Тулук работает на скамье у противоположной стены. Между двумя зажимами перед ним был растянута во всю длину кнут для быков из сырой кожи. Параллельно с сырой кожей и на миллиметр ниже был металлический шест, который держался в воздухе без видимой опоры. Между сырой кожей и шестом можно было видеть блики миниатюрных молний, которые плясали по всей длине пространства. Тулук сидел согнувшись и смотрел на показатели датчиков, установленных в скамейке под прибором.

— Я не помешаю? — спросил Билдун.

Тулук повернул кнопку на скамейке, подождал, повернул еще раз. И ловко поймал шест, лишенный невидимой опоры. Водрузив шест на подпорку у задней стены над скамейкой, наконец повернулся к Билдуну.

— Что за глупый вопрос?

— Это все после, — сказал Билдун. — У нас проблемы.

— Без проблем у нас бы не было работы.

— Не думаю, что мы получим голову Фурунео, — сообщил Билдун.

— Прошло уже так много времени, что мы едва ли смогли бы получить надежную запись нервов, — сказал Тулук. Он развернул лицевую щель в форме S. Такое выражение, как он знал, вызывало изумление у других сенсов, но которое для Рива означало глубокую мысль. — Что говорят астрономы о расположении звезд, которое видел Маккай на этой планете?

— Они полагают, что в коде мозга могла быть ошибка.

— Даже так? Почему?

— Во-первых, нет ни единого намека, ни слабейшего субъективного показателя изменения звезд.

— Все видимые звезды имели одинаковую световую интенсивность?

— Очевидно.

— Странно.

— А ближайшее сходство расположения, — сказал Билдун, — это то, что уже больше не существует.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ну... есть Большая Медведица, Малая Медведица, различные другие созвездия и сходные знаки зодиака, но... — он пожал плечами.

Тулук тупо уставился на него.

— Что «но»? — сказал он, наконец.

— О, извините, задумался, — встрепенулся Билдун. — Мы, Пан Спечи, когда решали копировать человеческую форму, изучали их историю довольно тщательно. Это расположение звезд такое, которое было видно с их древней планеты.

— Понятно. Еще одна странность, вроде той, что я обнаружил в материале бича.

— А что там?

— Очень странно. Части этой кожи выдают субатомную структуру особого расположения.

— Особенного? Какого?

— Выстроенные в линию. Точно выстроенные в линию. Я ничего подобного этому не видел никогда, кроме определенных явлений довольно жидкой энергии. Как будто бы материал был подвергнут особой силе или давлению. В результате это каким-то образом похоже на неомазерное построение светового кванта.

— Это потребовало бы огромной энергии?

— Предположительно.

— Но что могло вызвать ее?

— Я не знаю. Интересно, но это не похоже на постоянное изменение. Структура показывает характеристики, подобные пластиковой памяти. Она медленно возвращается назад к сравнительно знакомым формам.

Билдун услышал выражение, которое выдавало обеспокоенность:

— Сравнительно знакомым? — спросил он.

— Сейчас объясню. Эти субатомные структуры и полученные в результате сверхструктуры единиц генетической передачи проходят медленную эволюцию. Мы можем путем сравнения структур датировать некоторые образцы в границах двух или трех тысяч стандартных лет. Так как клетки скота составляют основной протеин для культурной пищи, мы имеем довольно полную запись их в течении действительно очень долгого периода жизни. Странность в отношении образцов этого куска сырой кожи, — Тулук жестикулировал челюстными выпрямителями, — состоит в том, что этот образец очень древний.

— Насколько древний?

— Вероятно, несколько сотен тысяч лет.

Билдун переваривал это с минуту, а потом сказал:

— Но раньше вы говорили нам, что эта сырая кожа лишь двухлетней давности.

— Так оно и есть согласно нашим тестам на катализ.

— Могло это давление строения структуры спутать образцы?

— Предположительно.

— Значит вы сомневаетесь в этом?

— Да.

— И вы не пытаетесь сказать мне, что этот бич перенесен через время?

— Я не пытаюсь говорить вам ничего, кроме фактов, о которых я докладывал. Два теста, прежде считавшихся надежными, не согласуются с датировкой материала.

— Путешествие во времени невозможно, — сказал Билдун.

— Так мы всегда полагали.

— Мы знаем это. Мы знаем об этом с точки зрения математики и практики. Это художественный вымысел, миф, занимательная концепция, используемая владельцами увеселительных заведений. Мы отвергаем его, и мы остаемся без парадоксов. Возможно только одно объяснение: давление на построение молекул, каково бы оно ни было, изменило структуру.

— Если бы сырую кожу... пропустили через какого то рода податомный фильтр, тогда мог бы получиться подобный эффект, — сказал Тулук. — Но так как у меня нет такого фильтра, ни энергии, способной произвести это теоретическое сжатие, я не могу опротестовать его.

— Но у вас, наверное, появились какие-то мысли по этому поводу?

— Да, я не могу предположить фильтр, который бы сделал это, не уничтожив материала, подвергаемого таким силам.

— Тогда, из того что вы говорите, — сказал Билдун, повышая тон до гневного бессилия, — получается, что невозможный прибор сделал невозможное этому невозможному куску... сы... сы...

— Да, сэр, — сказал Тулук.

Билдун заметил, что помощники Тулука во внешней комнате поворачиваются к нему лицом, показывая признаки заинтересованности. Он шагнул в лабораторию Тулука и закрыл за собой дверь.

— Я пришел сюда, надеясь, что вы уже нашли что-то, что могло бы усилить нашу позицию, — сказал Билдун, — а вы мне задаете новые головоломки.

— Ваше недовольство не может изменить факты, — возразил Рив.

— Могу догадаться об этом.

— Структура клеток руки Паленки была выстроена точно таким же образом, — сказал Тулук, — но только в месте разреза.

— Вы предвосхитили мой вопрос.

— Он был очевиден. Прохождение через дверь для прыжка не идет в счет. Мы посылали несколько наших людей через дверь для прыжка с различными материалами и тестировали образцы клеток — живых и мертвых — для контроля.

— Две головоломки в час — это больше, чем я бы хотел, — сказал Билдун.

— Две?

— У нас есть двадцать восемь установленных случаев, когда Абнетт либо порола Калеванца, либо пыталась сделать это. Это достаточно, чтобы показать нам, что они не определяют конус в пространстве. Если она не переправляется с планеты на планету, эта теория неправильна.

— Получив возможность контролировать глаз С, они могли бы делать это.

— Мы так не думаем. Это на нее не похоже. Она из птичек, вьющих гнезда. Ей нужна цитадель. Она из тех, кто делает рокировку в шахматах, даже когда в этом нет необходимости.

— Она могла бы посылать своих Паленкисов.

— Но они все время с ней.

— Всего мы собрали шесть бичей и шесть рук, — сказал Тулук. — Вы хотите, чтобы я повторил тесты со всеми?

Билдун уставился на Рива. Вопрос был не похож на него. Тулук был педантичен и тщателен в работе.

— А сами вы считаете, что надо делать? — спросил Билдун.

— Вы говорите, что у нас двадцать восемь образцов. Двадцать восемь — это совершенное эвклидово число. Это четыре раза по семь. Число действительно указывает на выборность наугад. Наша ситуация, очевидно, исключает выборность наугад. Следовательно организационной структурой является

такая работа, которая не кроется за аналитическим перечислением, как то, что мы только что произвели. Я бы хотел подвергнуть полному анализу прибывание в космосе — как в измерениях времени, так и физических измерениях — сравнить любые сходства, которые мы...

— Вы бы поставили ассистентов на другие руки и бичи, чтобы выверить их.

— Это само собой разумеется.

Билдун потряс головой:

— То, что делает Абнетт, это невозможно!

— Если она делает это, как это может быть невозможным?

— Но они же должны быть где-нибудь! — рявкнул Билдун.

— Я нахожу странным, — сказал Тулук, — эту черту, которая у вас общая с людьми, когда вы утверждаете очевидное в такой экспрессивной манере.

— Ай, ладно, идите к черту! — сказал Билдун. Он повернулся и вывалился из лаборатории.

Тулук, подбежав за ним к двери, открыл ее и обратился к удаляющейся спине.

— На мой, Рива, взгляд мы уже находимся в аду!

Он, ворча, вернулся на свою скамью. Люди и Пан Спечи — невозможные создания. За исключением Маккая. Да, был еще один человек, который временами приближался по аналитическим способностям к сенсам, способным к высокой логике. Ну, впрочем, у каждого вида есть исключения из правил.

С помощью усилий коммуникации, которую он все еще не мог понять до конца, Маккай уговорил Калеванца открыть внешнюю дверцу в борту бичбола. Это позволило волне воздуха, наполненной брызгами, дойти до места, где сидел Маккай. К тому же в этом был еще один плюс: команда наблюдателей снаружи могла держать Маккай под визуальным контролем. Он только что пришел к выводу, что Абнетт может и не клюнуть на приманку. В таком случае надо будет искать другое решение.

Визуальный контакт с наблюдателями позволил также удлинить паузы между контрольными вызовами Тапризиота. Маккай нашел, что такая частота менее утомительна.

Утреннее солнце прорывалось через верх отверстия в бичбол. Маккай подставил руку солнечному лучу и почувство-

вал его теплоту. Он знал, чему подвергается, представляя из себя удобную мишень, но присутствие наблюдателей делало такую атаку маловероятной. Кроме того, он устал и был измотан постоянным состоянием готовности и полон странными эмоциями, являющимися следствием воздействия ангерита. Движение казалось пустым усилием. Если они хотят убить его, они попытаются сделать это. Смерть Фурунео доказывало это. Маккай почувствовал особую боль при мысли о смерти Фурунео. В этом планетарном агенте было что-то, заслуживающее восхищения и привязанности. Это была нелепая бессмысленная смерть — здесь один, в ловушке. Она не продвинула их в поисках Абнетт, только поставила весь этот конфликт на новую ступень насилия. Она показала неопределенность жизни индивидуума — а через эту жизнь, уязвимость жизни всех.

Тогда он почувствовал опустошающую душу ненависть к Абнетт. Этой сумасшедшей женщине!

С трудом ему удалось подавить приступ ярости.

Оттуда, где он сидел, Маккай мог рассмотреть весь уступ из застывшей лавы до скалистого ряда базальтовых столбов и мшистой поверхности морской растительности, оставляемой у основания скалы удаляющимся приливом.

— Предположим, мы в этом совсем не правы, — говорил он, обернувшись через плечо к Калеванцу. — Предположим, мы совсем не общаемся друг с другом. Что если мы просто производим шум, предполагая в нем коммуникативное содержание, которого не существует.

— Я не могу понять, Маккай. Смысл до меня не доходит.

Маккай слегка повернулся. Калеванец делал что-то странное с воздухом вокруг того места, где находился. Овальная сцена, которую он раньше видел, еще раз замерцала перед его взором и исчезла. С одной стороны гигантской чаши появился золотой ореол, поднялся вверх, как кольцо дыма, произвел треск электрического разряда и исчез.

— Мы предполагаем, — сказал Маккай, — что когда вы мне что-то говорите, я отвечаю значимыми словами, прямо относящимися к вашему высказыванию — и что вы делаете то же самое. Но это может быть совсем не то, не коммуникация.

— Невероятно.

— Так, это невероятно. А что это вы там делаете?

- Делаете?
- Вся эта деятельность вокруг вас, что это?
- Пытаюсь сделаться видимой на вашей волне.
- Вы можете сделать это?
- Возможно.

Красное сияние в форме колокольчика образовалось над чашей, вытянулось в прямую линию, возвратилось в форму колокольчика, начало вертеться, как детская скакалка.

— Что вы видите? — спросил Калеванец.

Маккай описал быстрые движения красной линии.

— Очень странно, — сказал Калеванец. — Я сгибаю творческую деятельность, а вы сообщаете видимые ощущения. Вам нужно еще то отверстие во внешние условия?

— Открытый борт? Оно делает пребывание здесь в многократной степени более удобным.

— Удобство — концепция, которое собственное я не может понять.

— Это отверстие мешает вам стать видимой?

— Оно производит магнетическое отвлечение, не более.

Маккай пожал плечами.

— Как много еще порок вы можете выдержать?

— Объясните «много».

— Вы снова покинули дорожку, — сказал Маккай.

— Правильно! Это уже достижение, Маккай.

— Как это может быть достижением?

— Собственное я покидает коммуникативную дорожку, и вы достигаете осведомленности в этом.

— Хорошо, это достижение. Где Абнетт?

— Контракт...

— ... запрещает открывать ее местонахождение, — закончил Маккай. — Может быть, вы можете в таком случае, сказать мне, перемещается ли она с планеты на планету или находится на одной планете?

— Это помогает установить ее местонахождение?

— О, пятьдесят семь чертей, как я могу об этом знать?

— Вероятность меньше, чем пятьдесят семь элементов, — сказал Калеванец. — Абнетт занимает относительно статическое положение на специфической планете.

— Но мы не можем найти закономерность ее нападений на вас, и где они начинаются, — сказал Маккай.

— Вы не можете видеть соединительные ткани, — сказал Калеванец.

Быстрое вращение красной линии замигало и исчезло из гигантской чаши вверху. Внезапно оно сменило цвет на сияющий желтый, исчезло.

— Вы только что исчезли, — сказал Маккай.

— Не моя личность видима, — сказал Калеванец.

— Как это?

— Вы видите не личность собственного я.

— Это то, что я и сказал.

— Не сказал. Эта видимость вам не представляет мою личность. Вы идите видимый эффект.

— Так я вас не видел, да? Это просто некий эффект, который вы создали?

— Правильно.

— Я не думал, что это были вы. Вы, наверное, что-то другой формы. Я же действительно что-то замечаю: бывают моменты, когда вы лучше употребляете время глаголов, я даже замечал некоторые довольно правильные конструкции.

— Собственное я неправильного понимания доходит до меня, — сказал Калеванец.

— Да, хорошо... может быть, в конце концов, вам трудно дается язык.

Маккай встал, вытянулся, подвинулся поближе к открытому борту, намереваясь выглянуть. Когда он двинулся, мерцающая серебристая петля упала из воздуха, на то место, где он только что был. Он резко повернулся и успел увидеть, как она ускользнула через маленькую вортальную трубу двери для прыжка.

— Абнетт, это вы? — резко спросил он.

Ответа не последовало, дверь для прыжка захлопнулась и исчезла.

Охранники, следящие снаружи, бросились к борту. Один из них окликнул:

— С вами все в порядке, Маккай?

Маккай дал ему знаком понять, чтобы он замолчал, вынул из кармана чэйген, и взял его в ладонь.

— Фанни Мэ, — сказал он, — они пытаются поймать и убить меня, как они сделали с Фурунео?

— Наблюдай их сущность, — сказал Калеванец. — Фурунео не существует, намерения наблюдений неизвестны.

— Вы видели, что только что здесь произошло? — спросил Маккай.

— Собственное я сохраняет осведомленность об использовании глаза С, определенную деятельность лиц нанимателя. Деятельность прекращается.

Маккай потер шею левой рукой. Он размышлял, смог ли бы он использовать чэйген достаточно быстро, чтобы пресечь любые попытки, которые они могли предпринять прямо над его головой. Эта серебристая вещь, упавшая в комнату, была подозрительно похожа на петлю.

— Может быть они так поймали Фурунео? — спросил Маккай. — Они опускали петлю на его шею из двери для прыжка?

— Прерывность мешает личности собственного я, — сказал Калеванец.

Маккай пожал плечами и прекратил бесплодные попытки. Это был более или менее такой ответ, который они получали каждый раз, когда пытались спросить Калеванца о смерти Фурунео.

Странно, но Маккай заметил, что голоден. Он вытер пот со лба и с лица и чертыхнулся, выдыхая. У него не было действительной уверенности в том, что те слова, которые он сейчас услышал от Калеванца, представляли собой реальную коммуникацию. Даже если предположить в этих словах какую-то долю коммуникативности, как может он положиться на интерпретацию Калеванца или его честность? Когда эта чертова вещь говорила, то она излучала такое чувство искренности, что не верить ей было невозможно. Маккай потер подбородок, пытался ухватить ускользающую мысль. Странно. Он был здесь голодный, злой и напуганный. И некуда было убежать. Они должны были решить эту проблему. Он знал, что это не подлежит сомнению. Каким бы несовершенным ни было действительное общение с Калеванцем, предупреждением этого создания не стоило пренебрегать. Слишком много сенсов уже погибло или сошло с ума.

Он потряс головой, пытаясь избавиться от жужжащего, как муха, вызова Тапризиота.

Черт бы побрал этот надзор! Вызов, однако, не прерывался. Это был Сайнер, Лаклак, Директор Разобщения. Сайнер заметил эмоциональное расстройство Маккай, но вместо прерывания контакта включил его.

— Нет! — разъярился Маккай. Он чувствовал, как немеет все при впадении в сниггертранс. — Нет, Сайнер! Прервите!

— Но что-то случилось, Маккай?

- Прервите, идиот, или мне конец!
- Ну... хорошо, но вы чувствовали...
- Прервите!

Сайнер прервал контакт.

Снова почувствовав свое тело, Маккай почувствовал, как на нем затягивается петля, дыхание его прервалось. Его тянули в маленькую дверь для прыжка. Он слышал шум от открытого борта, там что-то кричали, но ответить не мог. Шея его горела огнем. Грудь болела. Мозг ослеплен паникой. Он заметил, что уронил чэйген в снигтертрансе. Он был беспомощен. Руки его тщетно цеплялись за петлю.

Что-то схватило его за ноги. Добавочный вес затянул петлю, но замедлил подъем.

Внезапно поднимающая сила уступила. Маккай упал, распластавшись и сцепившись с кем-то, кто схватил его за ноги.

Мгновенно произошло несколько событий. Охранники подняли его на ноги. Голоскан, удерживаемый Ривом, был поднят над его лицом к двери для прыжка, захлопнувшейся с электрическим разрядом. Сразу несколько рук освободили Маккай от петли.

Маккай вдохнул, закашлялся, еще раз сделал вдох. Он мог бы рухнуть, если бы ему не помогли окружившие его.

Постепенно он осознал, что в бичбол вошли пять других сенсов: два Рива, Лаклак, Пан Спечи и человек. Человек и один из Ривов приводили в чувство Маккай, убирая петлю и поддерживая его. Оператором голоскана был Рив, который был занят исследованием своего прибора. Другие осматривались вокруг с чэйгенами в руках. Наконец, трое сенсов заговорили все сразу.

— Все в порядке! — прохрипел Маккай, пресекая вопросы. Горло его болело, когда он говорил. Он выхватил кусок петли из конечностей Рива и рассмотрел его. Веревка была из серебристого материала, который Маккай не мог распознать. Он был перерезан чэйгеном.

Маккай посмотрел на охранника с голосканом и спросил:

— Что вы получили?

— Нападение совершено замороженным-эго Пан Спечи, сэр, — ответил охранник-Рив. — Я получил хорошую запись его лица. Мы попытаемся установить личность с помощью ИД.

Маккай бросил ему перерезанный кусок петли:

— Возьмите это с собой в лабораторию тоже. Скажите Ту-луку, чтобы он исследовал его основную структуру. Может быть на ней есть... несколько клеток Фурунео. А остальные...

— Сэр?

— Да?

— Сэр, у нас есть приказ. Если будет сделана попытка покушения на вашу жизнь, мы должны остаться здесь с вами.

— Он передал Маккаю чэйген.

— Я полагаю, вы уронили его.

Маккай сердито засунул его в карман.

Контакт Тапризиота заполнил мозг Маккай.

— Прервите его! — рявкнул он.

Но контакт не прерывался. Это был Билдун в настроении, не допускающем никаких глупостей и непослушания.

— Что там происходит, Маккай?

Маккай объяснил.

— Вокруг вас сейчас охранники?

— Да.

— Кто-нибудь видел нападающих?

— Мы получили запись голоскана. Это был замороженный-эго Пан Спечи.

Маккай почувствовал, как от шефа Бюро к нему поступила эмоциональная дрожь. Он ощутил чувство ужаса, когда последовала резкая команда:

— Я хочу, чтобы вы немедленно вернулись в Централ.

— Послушайте, — попытался спорить Маккай. — Я здесь самая лучшая приманка, которая у нас есть. Они хотели умертвить меня по какой-то...

— Назад и сейчас! — сказал Билдун. — Я прикажу, чтобы вас насильно доставили сюда, если вы вынудите меня к этому.

Маккай уступил. Он никогда еще не чувствовал такого ужасного настроения у вызывающего.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Вы все равно останетесь приманкой, Маккай, где бы вы ни находились — там или здесь. Если вы им нужны, они придут за вами. Я хочу, чтобы вы были здесь, где мы можем обеспечить вашу охрану.

— Что-то случилось? — спросил Маккай.

— Вы чертовски правы, что-то случилось! Все те бичи, которые мы исследовали, исчезли. Лаборатория разгромлена,

а один из помощников Тулука мертв — отрезана голова и... головы нет.

— Хм-м, черт возьми, — сказал Маккай. — Я уже иду.

Чео сидел, скрестив ноги на голом полу в прихожей своих апартаментов. Резкий оранжевый свет из соседней комнаты лежал полосой его тени за его спиной, как что-то безжизненное из ночи. В руках у него был отрезок петли, который остался после того, как его срезали в закрывающейся двери для прыжка.

Чертовское вмешательство! Этот огромный Лаклак с чэй-геном был быстр! И Рив с голосканом сделал запись через дверь для прыжка — сомнения в этом быть не могло. Сейчас они уже начали охоту по его следу, задавая вопросы, показывая голосканную фотографию его лица.

Конечно, это им мало что даст. Но все же...

Глаза Чео сверкали под крыльями света как драгоценные камни. Он уже почти слышал, как оперативник Бюро говорил: «Вы узнаете этого Пан Спечи?»

Раскатистое рычание, заменяющее смехок Пан Спечи, сотрясло его. Черта с два даст им этот поиск! Ни один друг или знакомый прежних дней едва ли узнает его лицо сейчас, когда медики так изменили его. Ах, да — переносица и расположение глаз были прежними но...

Чео тряхнул головой. Что ему беспокоиться? Никто, абсолютно никто не может остановить его в убийстве Калекбанца, все эти догадки будут лишь теоретическими.

Он тяжело вздохнул. Руки его сжимали кусок веревки так крепко, что мышцы заболели. Ему понадобилось несколько усилий биения сердца, чтобы расслабиться. Он встал на ноги, отбросил кусок веревки к стене.

Чео кивнул себе. Они должны убрать охрану от Калекбанца или Калекбанца от охранников. Он потер шрамы на лбу, заколебался. Этот звук был позади него? Он медленно повернулся, опуская руку.

В дверях внешнего вестибюля стояла Абнетт. Оранжевый свет создавал красные искорки в жемчужинах, вкрапленных в ее платье. Она сдерживала выражение гнева на лице, состояние ее психики выдавали страх и мрачные опасения.

— И давно ты там стоишь? — спросил он, пытаясь сохранить спокойный тон.

— Ну? — Она шагнула в комнату, закрыла дверь. — Что ты делал?

— Рыбачил, — сказал он.

Она оглядела комнату злым взглядом, увидела в углу кипу бичей. Они были брошены туда на что-то смутно круглое и волосатое. Мокрое красное пятно расплзлось на полу под кучей. Она побледнела, прошептала. — Что там?

— Убирайся отсюда, Млисс, — сказал он.

— Что ты делал? — взвизгнула она, метнувшись к нему.

«Я должен сказать ей, — подумал он. — Действительно, я должен ей сказать».

— Я работал, чтобы спасти нашу жизнь, — сказал он.

— Ты убил кого-то, не так ли? — прошипела она.

— Он не страдал, — сказал Чео, голос его был усталым.

— Но ты...

— Что такое еще одна смерть среди квадриллионов, которые мы планируем? — спросил он. Именем всех чертей Говачина, она надоедливая стерва!

— Чео, я боюсь.

Зачем она так хнычет?

— Успокойся, — сказал он. — У меня есть план, как отделить Калеканца от охранников. Когда нам удастся это, мы сможем приступить к ее уничтожению, и дело сделано.

Она проглотила комок в горле, сказала:

— Она страдает, я знаю, что она страдает.

— Что за чушь! Ты же слышала, что она отрицает это. Она даже не знает, что такое боль. Нет соответствующих понятий!

— А что, если мы ошибаемся? Что, если все это просто неправильное понимание?

Он приблизился к ней, стоял и смотрел на нее сверху.

— Млисс, у тебя есть представление о том, как мы будем страдать, если план провалится?

Она вздрогнула. Наконец, голос ее стал почти нормальный, когда она спросила:

— Каков твой план?

Маккай чувствовал сигналы опасности от каждого нервного Мокончания. Он стоял с Тулуком в лаборатории Рива. Место должно было бы быть успокаивающе знакомым, но Маккай чувствовал, что стены как будто бы раздвинулись, открывая лабораторию в беспредельный космос, из которого может

прийти нападение. Как бы он не поворачивался, он чувствовал, что его спина подвергается угрозе. Абнетт и ее друзья предприняли отчаянные усилия. Факт отчаяния говорил о том, что она уязвима. Вот если бы только он смог понять, в чем ее уязвимость. Где она уязвима? Каковы ее слабости?

И где она спряталась?

— Это очень странный материал, — сказал Тулук, выпрямляясь на скамье, где он исследовал серебристую веревку.

— Очень странный.

— В чем его странность?

— Он не может существовать.

— Но он же вот здесь, — сказал Маккай.

— Я вижу это, друг мой.

Тулук вытянул челюсть, задумчиво почесал правую губу лицевой щели. Когда он повернулся, чтобы посмотреть на Маккай, стал виден один его оранжевый глаз.

— Ну? — сказал Маккай.

— Единственная планета, на которой мог бы расти этот материал, прекратила существование несколько тысячелетий тому назад, — сказал Тулук. — Было только одно место — особое сочетание химии и солнечной энергии...

— Мы должно быть ошибаемся! Этот материал здесь.

— Вы помните рассказ о новой звезде там? — спросил Тулук. — Планета называлась Рап. Полное название Рапвин.

— Рапвин.

— Вы слышали о ней?

— Не думаю.

— Да, ну ладно... это странная структура. Среди прочих особых черт имеет короткий жизненный век. Еще одно: концы ее не изнашиваются, даже когда ее отрезают. Видите?

Тулук выбрал несколько нитей из отрезанного конца, вытянул и отпустил их. Они снова встали в прежнее положение.

— Это называлось: внутреннее давление. По этому поводу были разные мнения. Сейчас я склонен считать...

— Короткая жизнь, — прервал Маккай. — Как короткая?

— Не более пятнадцати или двадцати стандартных лет при самых идеальных условиях.

— Но планета...

— Тысячелетия тому назад, да.

Маккай тряхнул головой, чтобы встряхнуть мозги. Глаза его подозрительно осматривали кусок серебристой веревки.

— Очевидно, кто-то нашел другое место, где можно, кроме Рапа, выращивать его.

— Вероятно. Но им удавалось все это время держать это в секрете.

— Мне не нравится то, что, по-моему, вы думаете, — сказал Маккай.

— Это самое заковыристое утверждение, которое я когда-либо слышал от вас, — сказал Тулук. — Однако, значение его довольно ясно. Вы полагаете, что я считаю возможным путешествие во времени или...

— Невозможно! — рявкнул Маккай.

— Я занимался самым интересным математическим анализом этой проблемы, — сказал Тулук.

— Число игр нам не может помочь.

— Ваше поведение самое не соответствующее духу Маккай, — сказал Тулук. — Иррациональное. Поэтому я попытаюсь не загружать ваш мозг слишком большим количеством формул. Однако, это больше, чем игра для...

— Путешествие во времени, — сказал Маккай. — Чушь!

— Наши обычные формы восприятия имеют тенденцию вмешиваться в процесс мышления для анализа этой проблемы, — сказал Тулук. — Поэтому я опускаю эти способы мысли.

— И все-таки попробуйте объяснить.

— Если мы рассмотрим серию отношений, что мы получим? Мы получим ряд точек в пространстве. Абнетт занимает место на специфической планете, как и Калеванец. Нам дана действительность соприкосновения между двумя точками, серия событий.

— Так?

— Мы должны предположить образец этих точечных контактов.

— Ну как же, они могут быть взяты наугад...

— Две специфичные планеты, чьи орбиты описывают ясный рисунок в космосе. Рисунок, ритм. Другими словами, Абнетт и ее команда будут атаковать с большей частотой. Перед нами стоит система, которая отрицает привычный анализ. Она имеет временной ритм, переводимый в точно-серийный ритм. Она пространственна и темпоральна.

Маккай чувствовал заинтересованность в аргументе Тулука, как силу, поднимающую его мозг из облака.

— Какая-то форма отражения, может быть? — спросил он, — она может и не быть путешествием во...

— Это не дуга! — запротестовал Тулук. — Простое квадратичное уравнение не дает здесь эллиптических функций. Следовательно, мы имеем дело с линейным расположением.

— Линии, — прошептал Маккай. — Соединительные ткани.

— Да? Ах, да. Линейные отношения, которые описывают движущиеся поверхности через какую-то форму или формы измерения. Мы не можем быть уверены во взгляде Калеканца на измерения, но наши собственные — это другое дело.

Маккай сжал губы. Тулук углублялся в высокие материи, абстракции, но в аргументации Тулука была явно просматриваемая элегантность.

— Мы можем рассматривать все формы пространства, как количества, определяемые другими количествами, — сказал Тулук. — У него есть методы решения таких форм, если нам надо найти неизвестное.

— Ага, — пробормотал Маккай. — Точки измерения N.

— Вот именно. Сначала мы рассматриваем наши данные как серию измерений, которая определяет движущиеся точки, понятия, что они также определяют пространство между точками.

Маккай кивнул.

— Классическая совокупность, продленная в n раз.

— Вот теперь вы начинаете говорить уже как знакомый мне Маккай. Конечно, совокупность измерений n . А что такое время в данной проблеме? Мы знаем, что время это совокупность одного измерения. Но нам даны, если вы вспомните, ряд точечных измерений в пространстве и время.

Маккай беззвучно свистнул, восхищаясь логикой Рива, а затем сказал:

— Мы имеем либо одну постоянную изменяемую, либо n постоянно изменяемых. Прекрасно!

— Именно так. И путем сокращения бесконечных подсчетов мы находим, что наша проблема имеет отдельное существование внутри различных рамок времени. Следовательно, Абнетт занимает другое измерение времени от того, в котором находится бичбол. Неизбежное заключение.

— Может быть, мы не имеем дело с явлением перемещения во времени в классическом смысле художественной литературы, — сказал Маккай.

— Эти тонкие различия видит Калеванец, — сказал Маккай. — Эти соединительные ткани, эти нити...

— Паутины расположены во многих вселенных, — сказал Тулук.

— Вероятно. Давайте предположим, что индивидуальные жизни закручивают эти нити паутины.

— Движения материи, несомненно, закручивают их тоже.

— Согласен. И они пересекаются. Они соединяются. Они сочетаются таинственными путями. Они становятся связанными. Некоторые из нитей паутины крепче, чем другие. Вы знаете, я испытал это препятствие, когда я сделал вызов, который спас вам жизнь. Я могу представить, что некоторые из этих нитей вновь вплетены, соединены, присоединены — выбирайте любое — чтобы воссоздать условия давно прошедших времен в наших измерениях. Может быть сравнительно простая проблема для Калеванца. Калеванец мог бы даже и не понимать проблему повторного создания так, как мы ее понимаем.

— Покупаю вашу мысль.

— Что это потребует? — призадумался Тулук. — Вероятно, определенную пикантность опыта, что-то, что придает достаточную крепость линиям, нитям; паутины прошлого, чтобы их можно было взять, обработать, вновь создать первоначальное расположение содержания.

— Вы просто бросаетесь словами, играя ими туда, сюда, — возразил Маккай. — Как можно вновь создать планету или пространство вокруг...

— А почему бы нет? Что мы знаем о вовлеченных силах? Для ползущего насекомого три ваших шага могут быть целым днем путешествия.

Маккай чувствовал аргументы убедительными, несмотря на врожденную осторожность.

— Правда, — согласился он, — что глаз С Калеванца дает нам способность проходить через световые годы.

— Такое обычное явление, что мы уже не удивляемся, каких огромных затрат энергии оно должно требовать. Подумайте, что такое путешествие означало бы для нашего гипотетического насекомого! И мы можем получить только самое приблизительное представление о возможных энергетических затратах Калеванца.

— Нам никогда не следовало бы принимать глаз С, — сказал Маккай. — у нас были совершенно надежные корабли

ФГЛ и метаболическая суспензия. Мы должны были бы сказать Калекбанцам, чтобы они совершали прыжки в своих собственных коллективных соединительных тканях!

— И лишить себя реального временного контроля над нашей вселенной? Нет, клянусь вашей жизнью, Маккай. Чтобы нам действительно следовало сделать, так это сначала испытать дар. Мы должны были бы предусмотреть опасность. Хотя мы были слишком околдованы им.

Маккай поднял левую руку и почесал бровь, он почувствовал приближение опасности. Она обрушилась на спину, взорвалась ударом по руке. Он почувствовал там боль, что-то ударило до кости. Несмотря на шок, он резко повернулся, увидел поднятую руку Паленки с блестящим лезвием. Рука выходила из узкой вортальной трубы. Через отверстие были видны голова Паленки и рядом с ним справа лицо Пан Спечи — яркий шрам на лбу, один фасетный сверкающий глаз.

На какую-то долю секунды Маккай увидел, как лезвие начинает опускаться к его лицу, зная, что оно сможет ударить прежде, чем среагируют его шокированные мышцы. Он чувствовал, что металл касается его лба, и увидел, как оранжевый свет чэйгеновского луча прошел мимо лица.

Маккай стоял застывший, мышцы скованы. Это была мигрень. Он увидел удивление на лице Пан Спечи, увидел, как изуродованная рука Паленки начала падать на пол, все еще сжимая изуродованные остатки металла. Сердце Маккай билось так, как будто он бежал целый час. Он почувствовал, как горячая влага растекается по левому виску. Она побежала по щеке, по подбородку и за воротник. В руке пульсировала боль, и он увидел, как с кончиков пальцев капала кровь.

Дверь для прыжка глаза С замигала и исчезла.

Затем кто-то встал рядом с ним, прижимая компресс к голове, где коснулся ее металл.

Задело?

Еще раз он готовился к неожиданной смерти от руки Паленки, опускающей лезвие...

Он увидел, что Тулук наклоняется, чтобы обрести душевное равновесие.

— И снова ему не хватило доли секунды, благодаря вам, Тулук, — сказал Маккай.

Удивительно, но в голосе его не было волнения.

На Централе день был в разгаре, когда Тулук послал за Маккаем, чтобы тот вернулся в лабораторию. Две команды

охранников сопровождали Маккая. Они наблюдали за потолком, стенами, полом. Они следили друг за другом и за пространством вокруг друг друга. У каждого сенса был наготове чэйген.

Маккай провел два часа с Ганаман и ее пятью помощниками юристами. Юридический отдел был занят поисками всей собственности Абнетт, они были готовы ухватиться за любую запись, которая могла им попасться, но все это было где-то в разряженной атмосфере формул, хотя, вероятно, из этого могло что-то получиться. Они получили приказ телесуда, который воспроизводился тысячи раз, дающий вооруженным членам Бюро достаточно полномочий на поиски в большинстве миров за пределами Говачина, находящихся под его юрисдикцией. Официальные лица Говачина оказывали им всяческую помощь — вовлекая в операцию значительные силы охраны, очищая от подозрений всех подведомственных полицейских агентов.

Им помогали полиция Преступления Номер Один на Централле и повсюду. Им давали охрану, дали доступ к делам, обычно недоступным для Бюро Саботажа, временно придав им компьютеры идентификации.

Конечно, это было действие, но оно поражало Маккаю своим слишком абстрактным и кольцевым характером. А им нужны были конкретные действия против Абнетт, которые бы наматывались методично на катушку, сужая круг ее действия, пресекая все ее попытки скрыться.

Он чувствовал, что живет сейчас в каком-то вихре.

Петли, ножи, двери для дверей, которые превратились в орудия убийства — в этом конфликте, который возник между ними, не было места для пощады.

Никакие его действия не снижали скорости того темного урагана, который повис над вселенной сенсов. Нервы его были напряжены до такой степени, что давали ощущение грубой и всеохватывающей неадекватности. Вселенная обращала свой застекленный взор, полный усталости, которая наполняла его. Его преследовали слова Калекбанца: «энергия собственного я... видение движений... я глаз С».

В маленькой лаборатории Тулука набилось восемь охранников. Они вели себя смирно и как бы извинялись — свидетельство того, что Тулук протестовал в своей откровенно саркастической манере, присущей Ривам.

При появлении Маккай Тулук взглянул на него и снова вернулся к анализу металлического расщепления, поддерживаемого в состоянии стаза субатомным полем под банком разноцветных ламп на своей скамье.

— Занятный материал, эта сталь, — сказал он, наклоняя голову так, чтобы дать возможность одной из своих коротких и наиболее чувствительных конечностей получше взять образец для тестирования.

— Так это сталь, — сказал Маккай, следя за операцией. Каждый раз, когда Тулук прикасался к металлу, он выбрасывал сверкающую струю пурпурных искр. Они напомнили Маккаю о чем-то, что находилось где-то рядом в его памяти. Он никак не мог нащупать ассоциацию. Поток искр. Он замотал головой.

— Там на скамейке тест-таблица, — сказал Тулук. — Вы можете взглянуть на нее, пока я здесь закончу.

Маккай взглянул направо, увидел длинный свиток весь исписанный. Он подошел еще на два шага, чтобы дотянуться до бумаги, взял ее и начал изучать. Она была заполнена акkuratным почерком Тулука.

Субстанция: сталь, сплав на основе железа. Образец содержит небольшие объемы магнезии, углекислого газа, серы, фосфора и кремния, немного никеля, циркония и вольфрама с примесью хрома, молибдена и ванадия.

Источник сравнения: соответствует стали Второго века, используемой человеческим политическим объединением Японии для производства мечей периода Возрождения самураев.

Закалка: образец сильно закален только на режущем крае, остальная часть меча остается мягкой.

Измеренная длина оригинала старинного предмета: 1,01 м.

Ручка: льняной шнур обматывает кость и залакирован.

(См: прилагаются анализы лака, кости и шнура)

Маккай взглянул на прилагаемый лист: Кость из зуба морского млекопитающего, переделана после использования на каком-то другом старинном предмете, неизвестного состава, но содержащего бронзу.

Анализ льняного шнура был не менее интересен. Он был сравнительно недавнего производства и показывал те же самые субмолекулярные характеристики, как и прежние образцы сырой кожи.

Лак был еще более интересным. Основу его составлял испаряющийся растворитель, который был определен как производное от угольной смолы, но очищенный сок был из древнего укоккового насекомого, исчезнувшего тысячелетия назад.

— Вы приступаете к части, касающейся лака? — спросил Тулук, взглянув на него, поворачивая лицевую щель в сторону, чтобы увидеть Маккая.

— Да.

— Ну, а что вы теперь думаете о моей теории?

— Я поверю во все, что работает, — огрызнулся Маккай.

— Ну как ваши раны? — спросил Тулук, возвращаясь к анализу металла.

— Поправляюсь, — Маккай дотронулся до содранной кожи на виске. — А что вы сейчас делаете?

— Этот материал был изготовлен путем ударов молотом, — сказал Тулук не оглядываясь. — Я восстанавливаю образец ударов, которые формировали его.

Он отключил поле стази и ловко поймал металл вытянутой конечностью.

— Зачем?

Тулук бросил металл на скамейку, подверг его давлению и взглянул на Маккая.

— Секрет производства мечей, таких как этот, тщательно охранялся, — сказал он. — Он передавался в семьях от отца к сыну веками. Нерегулярность ударов молотом, используемая каждым ремесленником, следовала характерным образцам до такой степени, что производителя можно было легко определить безо всяких сомнений, проанализировав этот образец. Коллекционеры выработали метод определения истинного производства старинных изделий. Он так же точен, как снимок глаза или даже более точен, чем отпечатки пальцев.

— Итак, что вы узнали?

— Я провел тест дважды, — сказал Тулук, — чтобы быть совершенно уверенным. Несмотря на тот факт, что ревивификация клеток лака и шнура показывают, что этот меч был изготовлен не более восьмидесяти лет назад, сталь была изготовлена ремесленником, который умер столько тысяч лет назад, что я даже не могу точно сказать. Звали его Канимура, и у меня есть точные доказательства этого факта.

Интерфон над скамьей Тулука прозвонил дважды, и на нем появилось лицо Ганаман из отдела юристов.

— А, вот вы где, Маккай, — сказала она, глядя мимо Тулука.

— Ну, что еще? — спросил Маккай, мозг его все еще переваривал заявление Тулука.

— Нам удалось получить эти судебные запреты, — сказала она. — Они наложили запрет на все имущество и производство Абнетт во всех мирах сенсов за исключением Говачина.

— А что относительно ордеров на арест? — спросил Маккай.

— Конечно, и это тоже, — сказала Ганаман. — Вот почему я звоню. Вы просили, чтобы вас немедленно известили об этом.

— Говачин сотрудничает с нами?

— Они согласны объявить чрезвычайное положение Кон Сенсов, относящихся к их юрисдикции. Это позволит полиции Федерации и агентам Бюро Саботажа действовать там для задержания подозреваемых.

— Прекрасно, — сказал Маккай. — Если бы сейчас мне еще сказали, как найти ее, я думаю, я смог бы добраться до нее.

Ганаман смотрела с экрана недвусмысленно хмуро.

— Как?

— Да, — огрызнулся Маккай. — Как.

Сообщение об образце феллюма Паленки уже ожидало Маккай, когда он вернулся в офис Билдуна на стратегическое совещание. Совещание было назначено на более раннее время дня, но дважды откладывалось. На Центrale была уже почти полночь, но большинство сотрудников Бюро оставались на своих местах, особенно охранники. Медицинский отдел подготовил капсулы Ста-мерта и ангерита. Отряд охраны, сопровождающий Маккай, пришел в состоянии такой резкой готовности, которая являлась всегда результатом воздействия этой смеси.

Собачка на стуле Билдуна подняла лапки и массировала ему спину, когда в офис вошел Маккай. Открыв один глаз из драгоценных камней, Билдун сказал:

— Мы получили сообщение о Паленки — рисунок панциря, который вы голосканировали. — Он закрыл глаз и вздохнул. — Он там, на моем столе.

Маккай приласкал собачку, послал ее на место и сказал:

— Глаза устали от чтения. Что там в нем.

— Феллюм корабельной песни, — сказал Билдун. — Четкая идентификация. Ах, дружок, я тоже устал.

— Итак, — сказал Маккай. Его мучил соблазн дать сигнал собачке начать массаж. Наблюдение за массажем Билдуна было привлекательным. Но Маккай знал, что тогда он наверняка заснет. Охранники, которые беспокойно двигались по комнате, должно быть, тоже устали, как и он. Они бы обязательно были против, если бы ему вздумалось вздремнуть.

— Мы получили ордера на арест и взяли руководителя феллюма корабельной песни, — сказал Билдун. — Кажется, это товарищ феллюма, который нам нужен.

— Правда?

— Мы пытаемся проверить, но как тут быть уверенным? Они ведь не ведут письменных документов. Это просто со слов Паленки, насколько ему возможно верить.

— Несомненно, клялся также и своей рукой, — сказал Маккай.

— Конечно, — Билдун остановил массаж и сел прямо. — Правда, рисунки идентификации феллюма можно использовать незаконно.

— Паленки нужно три или четыре недели, чтобы вновь вырастить руку, — сказал Маккай.

— Ну, и что это означает?

— Она должна иметь в запасе несколько десятков Паленки.

— Насколько нам известно, она может иметь их хоть миллион.

— Этот руководитель феллюмов отрицает, что этот рисунок использовался нелегальным Паленки?

— Да, но не очень убедительно.

— Он лгал, — сказал Маккай.

— А почему вы уверены в этом?

— Согласно юрис-диктуму Говачина подделка феллюма является одним из восьми самых грубых нарушений Паленков. И Говачин должен знать, так как они обязаны воспитывать Паленкисов в соответствии с законом, когда Р и Р приносит этих одноруких черепаш во владение Кон Сенса.

— Хм, — сказал Билдун. — Как может юрист не знать об этом. Я заставлял их расследовать это с самого начала.

— Привилегированный юридический исходный факт, — сказал Маккай. — Поблажки между видами и прочее. Вы знаете, как Говачин относится к достоинству индивидуума, сохранению тайны и всякому такому.

— Они выставят вас из зала суда, если узнают, что вы говорили такое, — сказал Билдун.

— Нет. Они просто назначат меня прозектором на следующие десять или что-нибудь около того дел в их юрисдикции. Если прозектор принимает дело и ему не удастся вынести приговор, то вы знаете, что они его казнят.

— А если вы отклоните дело?

— Зависит от дела. Я могу получить приговор от одного до двадцати по некоторым из них.

— От одного до — вы имеете в виду стандартных лет?

— Я не имею в виду минуты, — прорычал Маккай.

— Ну, тогда зачем мы все это говорим?

— Я хочу, чтобы вы позволили мне сломать этого лидера феллюмов.

— Сломать его? Как?

— Вы хоть представляете, как важна для Паленки тайна руки?

— Некоторое представление. А что?

— Некоторое представление, — пробормотал Маккай. — Когда-то в первобытные времена Паленкисы заставляли преступников съедать их руки, а затем запрещали отращивать новую руку. Равносильно потере лица, но даже еще более великая травма, сродни чему-то глубокому и эмоциональному для Паленкисов.

— Вы же несерьезно предлагаете...

— Конечно, нет.

Билдун вздрогнул.

— У вас, людей, все-таки кровожадные натуры. Иногда, мне кажется, мы не понимаем вас.

— Где этот Паленки? — спросил Маккай.

— Что вы собираетесь делать?

— Допросить его! А вы что подумали?

— После того, что вы только что сказали, не был уверен.

— Ну, полноте, Билдун. Эй, вы! — Маккай жестом показал на лейтенанта охраны, Рива. — Приведите сюда Паленки.

Охранник посмотрел на Билдуна.

— Делайте то, что вам сказали, — сказал Билдун.

Охранник сделал неопределенный жест конечностью, но повернулся и вышел из комнаты, дав знак половине команды следовать за ним.

Через десять минут в офис Билдуна ввели руководителя феллюма Паленкисов. Маккай узнал змеевидный рисунок на щитке Паленки, кивнул себе: «Все правильно, феллюм Корабельной песни.» Теперь, когда он увидел его, он сделал идентификацию сам.

Многочисленные ноги Паленки затормозили, и он встал перед Маккаем. Лицо черепахи повернулось к нему в позе ожидания.

— Вы действительно заставите меня съесть руку? — спросил он.

Маккай осуждающе посмотрел на лейтенанта Рива.

— Он спросил меня, что вы за человек, — объяснил Рив.

— Я рад, что вы дали такое точное описание, — сказал Маккай. Он взглянул в лицо Паленки:

— А вы что думаете?

— Я думаю, невозможно, сэр Маккай. Сенсы давно уже не позволяют такие варварства.

Рот черепахи произносил слова безо всяких эмоций, но рука, свисающая справа от макушки головы, сжималась жестом неопределенности.

— Я могу сделать что-нибудь похуже, — сказал Маккай.

— Что похуже? — спросил Паленки.

— Посмотрим... Ну! Вы можете поручиться за каждого члена вашего феллюма, вы это, кажется, утверждаете?

— Правильно.

— Вы лжете, — сказал Маккай бесстрастным голосом.

— Нет!

— Как название вашего феллюма? — спросил Маккай.

— Я могу сказать это только братьям феллюма.

— Или Говачину? — сказал Маккай.

— Вы не Говачин.

Тоном бесстрастного брюзжания Говачин Маккай начал описывать вероятную неприглядную родословную, дурные привычки, возможные наказания за такое поведение. Он закончил речь выкриком идентификации Говачин, уникальным эмоциональным словосочетанием, с помощью которого он должен был удостоверить свою личность перед судом Говачина.

Наконец, Паленки сказал:

— Вы человек, которого они допустили к юридическому месту. Я слышал о вас.

— Как название вашего феллюма? — потребовал Маккай.

— Меня называют Байрдч из Анка, — сказал Паленки, и в голосе его чувствовалась сдержанность.

— Ну, Байрдч из Анка, вы лжец.

— Нет!

Рука сжалась.

В поведении Паленки чувствовался сейчас ужас. Это были те признаки ужаса, которые Маккай научился распознавать, имея дело с Говачинами. Он теперь знал привилегированное имя Паленки, он мог требовать его руку.

— Вы совершили тяжкое преступление, за которое полагается смертная казнь, — сказал Маккай.

— Нет! Нет! Нет! — запротестовал Паленки.

— То, что другие сенсы в этой комнате не знают, — сказал Маккай, — это то, что братья феллюма делают генную хирургическую операцию, чтобы закрепить рисунок индивидуума на их щитках. Опознавательные знаки врастают в панцирь. Разве это не так?

Паленки молчал.

— Это правда, — сказал Маккай. Он заметил, что охранники собрались вокруг них плотным кольцом, заинтересованные этой беседой.

— Вы! — сказал Маккай, резко указав на лейтенанта Рива. — Заставьте ваших людей встать наизготовку!

— Наизготовку?

— Они должны следить за каждым углом в этой комнате, — сказал Маккай. — Вы хотите, чтобы Абнетт убила нашего свидетеля?

Обескураженный лейтенант повернулся и стал выкрикивать приказания своей команде, но охранники уже задвигались, приступив к тщательному наблюдению за комнатой. Лейтенант Рив гневно потряс своей конечностью и замолчал.

Маккай обратил свое внимание на Паленки.

— А сейчас, Байрдч из Анка, я собираюсь задать вам несколько особых вопросов. Я уже знаю ответы на некоторые из них. Если я вас поймаю хоть на одной лжи, я буду вынужден прибегнуть к варварству. На кон здесь поставлено слишком многое. Вы понимаете меня?

— Сэр, я не могу поверить, что...

— Кого из своих товарищей феллюма вы продали в рабство Млисс Абнетт? — потребовал Маккай.

— Рабство — это высшая мера наказания, — выдохнул Паленки.

— Я уже сказал вам, что вам вменяется в вину серьезнейшее нарушение, карающееся смертной казнью, — сказал Маккай. — Отвечайте на вопрос.

— Вы просите меня осудить самого себя?

— Сколько она вам платит? — спросил Маккай.

— Кто, что мне платит?

— Сколько вам платит Абнетт?

— За что?

— За ваших товарищей из феллюма.

— Каких товарищей из феллюма?

— Это и есть вопрос, — сказал Маккай. — Я хочу знать, сколько вы продали, сколько вам заплатили, и где Абнетт взяла их.

— Вы это серьезно?

— Я записываю наш разговор, — сказал Маккай. — Я собираюсь скоро созвать Объединенный Совет Феллюмов, продемонстрировать им запись и предложить им решить вашу судьбу.

— Они посмеются над вами! Какие доказательства могли бы вы...

— Я имею ваш собственный виноватый голос, — сказал Маккай. — Мы проведем анализ кодера всего, что вы здесь сказали, и вручим эту запись вашему совету.

— Кодер голоса? Что это такое?

— Это прибор, который анализирует самые тонкие нюансы интонации голоса, чтобы определить, какие утверждения правдивы, а какие ложные.

— Я никогда не слышал о таком приборе!

— Черт возьми, мало найдется сенсов, которые знали бы все приборы, которые используют агенты Бюро Саботажа, — сказал Маккай. — А сейчас я даю вам еще один шанс. Сколько ваших товарищей вы продали?

— Почему вы делаете Это со мной? Что такого важного с этой Абнетт, что вы игнорируете всю учтивость между видами и лишаете меня права...

— Я пытаюсь спасти вашу жизнь, — сказал Маккай.

— А сейчас кто лжет?

— Если мы не найдем и не остановим Абнетт, — сказал Маккай, — черт возьми, почти все сенсы нашей планеты, за исключением только что родившихся крошек, умрут. Да и у них нет никакого шанса выжить без поддержки взрослых. Могу в этом поклясться.

— Это торжественная клятва?

— Клянусь яйцом моей руки, — сказал Маккай.

Паленки опустил голову. Единственная рука его извивалась.

— Сколько вы продали? — спросил Маккай.

— Только сорок пять, — прошипел Паленки.

— Это все! Я клянусь! — блестящий жир страха начал заливать глаза Паленки. — Она предложила так много, что выбранные сами соглашались. Она обещала безграничное количество яиц!

Паленки со страхом посмотрел на Билдуна, который сгорбившись сидел за столом с угрюмым лицом.

— Она не объяснила, только сказала, что нашла новые миры вне юрисдикции Кон Сенса.

— Где эти миры? — спросил Маккай.

— Я не знаю! клянусь яйцом моей руки! Я не знаю.

— Как оформлялась сделка? — спросил Маккай.

— Там был один Пан Спечи.

— Что он делал?

— Он предложил моему фелльюму прибыли из двадцати миров на сто стандартных лет.

— О-о-о-о! — сказал кто-то за спиной Маккай.

— Когда и где состоялась эта сделка? — спросил Маккай.

— В доме моих яиц только год назад.

— Прибыль на сто лет, — пробормотал Маккай. — Безопасное дело. Вы и ваш феллюм не проживете и частичку того срока, если ей удастся то, что она планирует.

— Я не знал. Клянусь, я не знал. Что она делает?

Маккай проигнорировал вопрос и спросил:

— Есть у вас хоть малейший намек на то, где могут находиться эти миры?

— Клянусь, нет, — сказал Паленки. — Приносите ваш голосокодер. Он докажет, что я говорю правду.

— Для вашего вида нет такой вещи, как голосокодер, — сказал Маккай.

Паленки уставился на него, а затем сказал:

— Пусть сгниют твои яйца.

— Опишите нам Пан Спечи, — сказал Маккай.

— Я отказываюсь сотрудничать с вами!

— Вы уже далеко зашли в этом, — сказал Маккай, — а мое дело единственное в городе.

— Дело?

— Если вы будете сотрудничать, все присутствующие в этой комнате забудут о вашей принадлежности к серьезному преступлению.

— Очередной трюк, — огрызнулся Паленки.

Маккай посмотрела на Билдуна и сказала:

— Я думаю, нам лучше созвать совет Паленкисов и дать им всю записку.

— Согласен, — сказал Билдун.

— Подождите, — сказал Паленки, — как я могу быть уверен, что вам можно доверять?

— Никак, — сказал Маккай.

— Но тогда у меня нет выбора, вы это хотите сказать?

— Да, я это хочу сказать.

— Пусть ваши яйца протухнут, если вы предадите меня.

— Все до одного, — согласился Маккай. — Опишите вашего Пан Спечи.

— Он был с замороженным эго, — сказал Паленки. — Я видел шрамы, и он хвастал этим, чтобы показать, что я могу ему доверять.

— Опишите его.

— Все Пан Спечи похожи друг на друга. Я не знаю — но шрамы его были пурпурные. Я помню это.

— У него было имя?

— Он назвался Чео.

Маккай взглянул на Билдуна.

— Его имя означает: новые значения для старых идей, — сказал Билдун. — Оно взято из одного из наших старинных диалектов. Очевидно, алиас.

Маккай повернулся к Паленки.

— Какое соглашение он дал вам?

— Соглашение?

— Контракт... доверенность! Как он гарантировал оплату?

— А-а. Он назначил товарищей феллюма, которых я выбрал, управляющими на выбранных мирах.

— Чисто, — сказал Маккай. — Простые соглашения о найме. Кто бы смог доказать противозаконность этого?

Маккай вытащил набор инструментов, вынул голоскан, настроил его на проекцию, сделал нужную запись. Вскоре скан, который удалось сделать охраннику Риву через дверь для прыжка, затанцевал в воздухе около Паленки. Маккай медленно прокрутил целый круг проекции, давая возможность Паленки увидеть лицо Пан Спечи под разными углами.

— Это Чео? — спросил он.

— Шрамы соответствуют, тот же рисунок. Точно такой же.

— Это надежное ИД, — сказал Маккай, взглянув на Билдуна. — Паленкисы могут идентифицировать разнообразные линии лучше, чем любые другие виды вселенной.

— Рисунки нашего феллюма чрезвычайно сложные, — похвастался Паленки.

— Мы знаем, — сказал Маккай.

— А как нам это может помочь? — спросил Билдун.

— Если бы я знал, — вздохнул Маккай.

Маккай и Тулук спорили по поводу задержки теории времени регенерации, не обращая внимания на отряд охранников, хотя было заметно, что они считают аргумент интересным.

К тому времени эта теория обсуждалась всеми в Бюро — это было приблизительно шесть часов спустя после допроса руководителя феллюма Паленкисов Байрдча из Анка. У нее было столько же противников, сколько и сторонников.

По настоянию Маккайа они перешли в одну из комнат для тренировки различных видов, чтобы проверить теорию Тулука, сравнивая явления субатомного построения, обнаруженного в сырой коже и других органических материалах, захваченных у Абнетт.

Мысль Тулука заключалась в том, что построение могло бы указать на какой-то пространственный вектор, дающий ключ к потайному месту Абнетт.

— В нашем измерении должен быть какой-то вектор фокуса, — настаивал Тулук.

— Даже если это правда, какая нам от нее польза? — спрашивал Маккай. — Она не в нашем измерении. Я говорю, что мы возвращаемся к тому, что Калэбанец...

— Вы слышали, что сказал Билдун. Вы никуда не пойдете. Мы предоставим бичбол охранникам, а сами сосредоточимся на...

— Но Фанни Мэ является единственным источником новых данных!

— Фанни?.. ах, да, Калеванец.

Тулук ходил по комнате. Он наметил маршрут в виде овала возле центра комнаты обучения, плотно засунул конечности в нижнюю часть лицевой щели, оставив открытыми только глаза и дыхательно-речевое отверстие. Сгибающееся раздвоение, которое служит ему в качестве ног, вело его вокруг собачки, которая занималась Маккаем, затем в точку возле охранника Лаклака на одном продолжении центра обучения, затем назад вдоль смешанной шеренги охранников, которые ходили вокруг от стола, на котором Маккай машинально чертил что-то в раздумье, затем позади Маккай и снова тем же путем.

Там и нашел его Билдун, он помахал шагающему Риву, чтобы он остановился.

— На улице толпа газетчиков, — прорычал он. — Я не знаю, откуда у них известия, но они хорошие. Их можно описать одним простым предложением: «Калеванцы вернулись в стоящую под угрозой вселенную!» Маккай, вы имеете к этому какое-нибудь отношение?

— Абнетт, — сказал Маккай, не отрывая взгляда от замысловатого чертежа, который он заканчивал.

— Но это безумие!

— Я никогда не утверждал, что она в здравом уме. Вы знаете, сколько агентств новостей, широковещательных систем и других средств массовой информации находится под ее контролем?

— Ну, да, конечно, но...

— Кто-нибудь присоединился к ней в этой угрозе?

— Нет, но...

— И вам не кажется это странным?

— Как мог кто-нибудь из этих людей знать, что она...

— Как могли они не знать об отношениях Абнетт с Калеванцами? — зло спросил Маккай. — Особенно после разговора с вами!

Он поднял и швырнул свой чертеж на пол, зашагал в коридор между рядами охранников.

— Подождите, — рявкнул Билдун. — Куда вы идете?

— Рассказать им об Абнетт.

— Вы не в своем уме? Это то, что ей нужно, чтобы связат нас по рукам и ногам — клевета и дело по обвинению в клевете!

— Мы можем потребовать появления ее в суде в качестве обвинителя, — сказал Маккай. — Следовало бы подумать об этом раньше. Надо играть в открытую. Совершенная защита правда обвинения.

Билдун догнал его, и они двинулись по коридору защитного кордона охранников. Тулук замыкал с тыла.

— Маккай, — окликнул Тулук, — вы чувствуете торможение процессов мышления?

— Подождите, пока я не посоветуюсь по этому поводу юристами, — сказал Билдун. — Конечно, в самой идее что-то есть...

— Маккай, — повторил Тулук, — вы...

— Приберегите это для другого случая! — рявкнул Маккай. Он остановился и повернулся к Билдуну. — Сколько нас еще остается времени, как вы полагаете?

— Кто знает?

— Может быть, пять минут? — спросил Маккай.

— Конечно больше.

— Но вы не знаете.

— Я держу охрану у Калембанца... они сводят нападения Абнетт к минутам...

— И вы думаете, нет места для случайности, так?

— Естественно, но я бы...

— Ну, да. Я собираюсь рассказать газетчикам там...

— Маккай, у этой женщины щупальца тянутся в самые неожиданные сферы правительства, — предупредил Билдун.

— Мы даже понятия не имеем о том, что те вещи, которыми мы обнаружили в... у нас еще достаточно данных для продолжения...

— С ней какие-то действительно могучие силы, да?

— В этом нет сомнения.

— Так вот почему мы все время топчемся на месте.

— Вы создадите панику!

— Нам и нужна паника. Паника поднимет все виды сенсаций, которые попытаются войти в контакт — друзья, сообщники, враги, сумасшедшие. К нам рекой потечет информация. А мы должны получать новую информацию!

— А что если эти выродки, — Билдун кивнул на улицу — откажутся поверить вам? Они уже слышали, как вы изре-

кали некоторые довольно странные вещи, Маккай. Что если они устроят из вас посмешище?

Маккай заколебался. Никогда еще раньше он не видел, чтобы Билдун занимался такой никчемной болтовней, сенс, который отличался таким умом, блестящим умением внутреннего взгляда, аналитическими способностями. Может быть, Билдун один из тех, кого купила Абнетт? Невозможно! Но присутствие с замороженным эго Пан Спечи в этой ситуации должно быть вызвало огромный травматический шок среди представителей этого вида. Да и сам Билдун скоро должен претерпеть крушение своего эго. Что вообще происходит в психике Пан Спечи, когда приближается этот момент, когда они возвращаются к бездумной форме младенчества? Может быть, это действует в форме эмоционального безумства отрицания? Может быть, оно затормозило мысль?

Тихим голосом, предназначенным только для слуха Билдуна, Маккай спросил:

— Вы готовы выступить, как шеф Бюро?

— Конечно, нет!

— Мы знаем друг друга долго, — прошептал Маккай. — Я думаю, мы понимаем и уважаем друг друга. Вам бы не удержаться в этом кресле, если бы я претендовал на него. Вы знаете об этом. А теперь откровенно, как другу. Вы действуете сейчас, как следует действовать в условиях кризиса?

Волны гнева прокатились по лицу Билдуна, затем их сменяла задумчивая хмурость.

Маккай ждал. Если бы произошла смена эго, она послала бы Билдуна в разрушительный коллаж. Из молодой школы Билдуна выступила бы молодая личность, сенс, знающий все, что знает Билдун, но имеющий глубокие отличия в эмоциональной сфере. Может, настоящий шок ускорил этот кризис? Маккай надеялся, что это не так. Он искренне восхищался Билдуном, но в данном случае личные отношения должны были быть отодвинуты в сторону.

— Что вы собираетесь делать? — пробормотал Билдун.

— Я не пытаюсь выставить вас на посмешище или ускорить какой-нибудь... естественный процесс, — сказал Маккай. — Но настоящая ситуация не терпит промедления. Если вы не ответите правдиво, я буду претендовать на место шефа Бюро и подниму грандиознейший шум!

«Я справляюсь со своими обязанностями как полагается?» — задумался Билдун. Он тряхнул головой. — Вам ясен

ответ на этот вопрос так же, как и мне. Но вам придется объяснить также и несколько ошибок, Маккай.

— А всем нам? — спросил Маккай.

— Вот именно! — сказал Тулук, приблизившись к ним. Он перевел взгляд с Билдуна на Маккай. — Извините меня, но у нас, Ривов, чрезвычайно тонкий слух. Я слышал. Но я должен прокомментировать. Волны шока, или как бы вы это ни называли, которые сопровождают уход Калеванцев и оставляющие позади такую смерть и безумство, что мы должны напичкиваться ангеритом и прочим...

— Поэтому наши мыслительные процессы испорчены, — сказал Билдун.

— Хуже, — сказал Тулук. — Это обширное поле деятельности оставило отражения. Средства массовой информации не будут смеяться над Маккаем. Все сенсы чувствуют в ответах то странное беспокойство, которое мы ощущаем. Это называется «периодическое сумасшествие сенсов», и этому ищут объяснения...

— Мы теряем время, — сказал Маккай.

— А что бы вы предприняли на моем месте? — спросил Билдун.

— Несколько вещей, — сказал Маккай. — Во-первых, я хочу, чтобы в Стедионе объявили карантин, чтобы не было никакого доступа к парикмахерским красоты, никаких перемещений ни с планеты, ни на планету.

— Это же безумство. Какое объяснение мы могли бы дать?

— А когда это Бюро Саботажа должно было давать объяснения? — спросил Маккай. — Наша обязанность — замедлить действие правительства.

— Вы знаете, что мы ходим по острию ножа, Маккай?

— Во-вторых, — как ни в чем не бывало, сказал Маккай, — следует воспользоваться статьей о чрезвычайном положении и заставить Тапризитоов уведомлять нас о каждом вызове со стороны друзей и сообщников Абнетт.

— Они скажут, что мы пытаемся взять у них их функции, — заволновался Билдун. — Если об этом узнают, будет восстание, физическое насилие. Вы знаете, как ревниво охраняют свою неприкосновенность большинство сенсов. Кроме того, статья о чрезвычайном положении не была для этого предназначена, это идентификация, процедура затягивания в пределах нормального...

— Если мы не сделаем этого, все мы умрем, и Тапризиоты вместе с нами, — сказал Маккай. — Для них должно быть это тоже ясно. Нам нужно их добровольное сотрудничество.

— Не знаю, смогу ли я убедить их в этом, — засомневался Билдун.

— Вы должны попытаться.

— Ну, а что мы с этого будем иметь?

— Тапризиоты и парикмахеры Красоты действуют каким-то способом, похожим на действия Калеванцев, но без... таких затрат энергии, как у последних, — сказал Маккай. — Я в этом убежден. Все они пользуются одним источником энергии.

— Что нам дает, если мы блокируем парикмахеров Красоты?

— Абнетт долго без них не выдержит.

— У нее, вероятно, свои штаты парикмахеров Красоты.

— Но Стедион — их цитадель. Если ввести карантин, тогда деятельность парикмахеров Красоты прекратится повсеместно.

Билдун посмотрел на Тулука.

— Тапризиоты понимают больше в соединительных тканях, чем они говорят, — сказал Тулук. — Я думаю, что они лучше будут слушать вас, если вы им скажите, что последний оставшийся Калеванец скоро войдет в окончательную разъединенность. Я думаю они поймут значение этого.

— Если вы не против, то объясните значение этого мне. Если Тапризиоты могут использовать эти... эти... Они должны знать, как избежать катастрофы!

— А кто-нибудь спрашивал их? — спросил Маккай.

— Парикмахеры Красоты... Тапризиоты... — пробормотал Билдун. А затем спросил:

— Что еще у вас на уме?

— Я собираюсь вернуться в бичбол, — сказал Маккай.

— Там я не смогу так надежно защитить вас.

— Я знаю.

— Комната там слишком мала. Если бы Калеванец сошел бы...

— Она не сдвинется. Я уже спрашивал.

Билдун глубоко вздохнул, совсем как человек. Пан Спечи вобрали в себя больше, чем просто форму, когда решили перестроиться по образцу людей. «Хотя, — как напомнил себе Маккай, — между ними были глубокие различия. Люди

лишь смутно могли догадываться о том, как мыслят Пан Спечи. Что в самом деле думает сейчас этот гордый Пан Спечи, когда стоит на пороге неминуемой реверсии. Скоро возникнет новая личность, впитавшая в себя все собранные тысячелетиями данные, все...»

Маккай сжал губы, вдохнул и резко выдохнул.

Как Пан Спечи передают эти данные один другому? Они говорят, что всегда были связаны, обладатель эго и товарищи по молодежной школе, дремлющий и активный, слюнявый пожиратель плоти и думающий эстет. Соединены? Как?

— Вы понимаете соединительные ткани? — спросил Маккай, глядя в фасетные глаза Билдуна.

Билдун пожал плечами.

— Я вижу куда вы клоните, — сказал он.

— Ну и?

— Вероятно, мы, Пан Спечи, обладаем этой способностью, — сказал Билдун, — но если это так, то это происходит в подсознании. Больше я ничего не могу сказать. Вы слишком глубоко вклиниваетесь в неприкосновенность личности.

Маккай кивнул. Неприкосновенность личности была заключительной оборонительной цитаделью существования Пан Спечи. Чтобы отстоять ее, они способны даже на убийство. Ни логика, ни разум не могли бы воспрепятствовать автоматической реакции, если таковая задета. Билдун проявил великое дружелюбие, высказав свое предупреждение.

— Мы находимся в отчаянном положении, — сказал Маккай.

— Согласен, — ответил Билдун с нотками глубочайшего достоинства в голосе. — Вы можете поступать так, как вы изложили.

— Благодарю, — сказал Маккай.

— Все это под вашу ответственность, Маккай, — добавил Билдун.

— Если будет кому нести эту ответственность, — сказал Маккай. Он отворил дверь навстречу толпе газетчиков. Их сдерживали шеренга охранников. Маккаю показалось, при первом взгляде на эту сцену, что все, вовлеченные в эту суматоху, уязвимы в этом направлении.

Когда прибыл Маккай, толпа уже образовывала освещенный утренним светом палисад над бичболом.

«Слухи летят быстро,» — подумал он.

Дополнительные отряды охраны, вызванные в предвосхищении этой сцены, оттесняли сенсов, пытавшихся добраться до края скалы, образуя заслон на уступе из лавы. Воздушные машины различных видов блокировались заслоном из летательных аппаратов Бюро Саботажа.

Маккай, стоя возле бичбола, взглянул на оживленное движение. Утренний ветерок принес тонкое облако морских брызг на щеку. Он воспользовался дверью для прыжка, чтобы попасть в штаб квартиру Фурунео, оставил там распоряжения, а летательный аппарат Бюро доставил его на уступ из лавы.

Борт бичбола оставался открытым, заметил он. Смешанные отряды охраны сновали в беспорядочном движении вокруг бичбола, настороженно следя за каждым участком окружения. Специальные охранники следили через отверстие в борту, внутри корабля другие охранники напряженно несли свою нелегкую вахту.

«Здесь, на Сердечности, день еще только вступил в свои права, но истинные временные связи смешивали обязательные системы времени, — думал Маккай. — В штабквартире Централа была ночь, в здании совета Тапризиотов, где Билдун, должно быть, сейчас спорил, был вечер... и только невозмутимый космос знал, какое время было там, где у Абнетт была база всех операций.»

Он пробивал себе путь, расталкивая плечами охранников, проник на борт, воспользовался чьей-то помощью и осмотрел знакомый пурпурный полумрак бичбола. Здесь внутри, вдали от ветра и дождя, было значительно теплее, но не так тепло, каким помнил это место Маккай.

— Калеванец разговаривал? — спросил Маккай Лаклака, одного из охранников, несущих вахту внутри.

— Я не называю это разговором, но ответ был недавно.

— Фанни Мэ, — сказал Маккай.

Тишина.

— Вы еще здесь, Фанни Мэ? — спросил Маккай.

— Маккай? Вы призываете присутствие, Маккай?

Маккай почувствовал, что ощутил слова сначала на глазах яблоках, а затем передал их в органы слуха. Слова были определенно слабее, чем он их помнил.

— Сколько порок она перенесла за последний день? — спросил Маккай Лаклака.

— Местный день? — спросил Лаклак.

— Какая здесь разница?

— Я полагаю, что вы просите точных данных. — В голосе Лаклака звучала обида.

— Я пытаюсь узнать, не подвергалась ли она недавно нападению, — сказал Маккай. — Голос ее звучит слабее, чем был тогда, когда я был здесь раньше.

Он пристально посмотрел в гигантскую чашу, где Калелебанец сохранял свое неприсутствие.

— Атаки были прерывающиеся и единичные, но не очень успешные, — сказал Лаклак. — Мы еще набрали хлыстов и рук Паленки, хотя, как я понимаю, их недостаточно успешно переправляли в лабораторию.

— Маккай призывает присутствие Калелебанского себя, называемого Фанни Мэ? — спросил Калелебанец.

— Я приветствую вас, Фанни Мэ, — сказал Маккай.

— Вы обладаете новыми соединительными связями, Маккай, — сказал Калелебанец, — но ваш рисунок сохраняет узнаваемость. Я приветствую вас, Маккай.

— Ваш контракт с Абнетт все еще ведет нас всех к окончательной разъединенности? — спросил Маккай.

— Интенсивность близости, — сказал Калелебанец. — Мой наниматель желает разговор с вами.

— Абнетт? Она хочет говорить со мной?

— Правильно.

— Вы могли бы позвать меня в любое время, — сказал Маккай.

— Абнетт передает просьбу через мое я, — сказал Калелебанец. — Она просит передачи по ожидаемой соединительной ткани. Эта соединительная ткань, которую вы воспринимаете под названием «сейчас». Вы правильно поняли, Маккай?

— Я ухватил правильно, — усмехнулся Маккай. — Так пусть она говорит.

— Абнетт требует, чтобы вы послали спутников из присутствия.

— Один? — спросил Маккай. — Что заставляет ее думать, что я соглашусь на это?

В бичболе становилось жарче. Он вытер пот со лба.

— Абнетт говорит о мотиве сенсов, называемом «любопытство».

— У меня свои условия для такой встречи, — сказал Маккай. — Скажи ей, что я не соглашусь, пока она не даст за-

верений в том, что не будет нападать на вас и на меня во время разговора.

— Я даю такую уверенность.

— Вы даете?

— Вероятность в уверенности Абнетт кажется... неполной. Приблизительное описание. Уверенность собственного я идет интенсивная... сильная. Прямая? Вероятно.

— Почему вы даете заверения?

— Наниматель Абнетт показывает сильное желание для разговора. Контракт включает такую услугу. Очень близкий термин. Услугу.

— Вы гарантируете нашу безопасность, не так ли?

— Сильное заверение, не более.

— Никаких нападений во время разговора, — продолжал настаивать Маккай.

— Так выдает соединительная ткань, — сказал Калебанец.

Охранник Лаклак за спиной усмехнулся и сказал.

— Вы понимаете эту чушь?

— Возьмите ваш отряд и выметайтесь отсюда, — сказал Маккай.

— Сэр, но у меня приказ...

— Отменяю ваши предписания! Я действую в соответствии с полномочиями Чрезвычайного агента в полном согласии на самостоятельные решения самого шефа. Убирайтесь!

— Сэр, — сказал Лаклак, — во время самой последней порки девять охранников сошли с ума, несмотря на принятые дозы ангерита и других различных препаратов, которые, как мы полагали, защитят нас. Я не могу нести ответственность за...

— Вы будете нести ответственность за станцию прибора на ближайшей покинутой планете, если немедленно не выполните мой приказ, — сказал Маккай. — Я позабочусь о том, чтобы вами полностью овладела скука после официального суда...

— Я не буду обращать внимание на ваши угрозы, сэр, — сказал Лаклак. — Однако я посоветуюсь с самим Билдуном, если вы отдаете такой приказ.

— Тогда консультируйтесь, да побыстрее! Там на улице Тапризиот.

— Очень хорошо, — Лаклак отдал честь, выполз с борта на улицу. Его товарищи в бичболе продолжали нести беспо-

койную вахту, время от времени бросая обеспокоенные взгляды на Маккая.

«Все они храбрые сенсы, — думал Маккай, — раз продолжают выполнять долг перед лицом известной угрозы. Даже Лаклак продемонстрировал чрезвычайную отвагу — настойчиво отстаивал свои полномочия.»

Хотя это нервировало его, Маккай ждал.

Странная мысль пришла к нему в голову: «Если все сенсы умрут, все электростанции вселенной вынуждены будут остановиться, — это привело его к странному ощущению — Это созерцание конца механических вещей и коммерческого предпринимательства.

На смену им придут зеленые, растущие вещи — деревья с золотистым светом в ветвях. И пустые звуки металлических безмянных приборов, вещей из пластика и стекла заглухнут, так как их некому будет слушать.

Собачки на стульях умрут от голода. Протеиновые композиты не помогут, распадутся.

Он подумал о своем теле: оно тоже распадется.

Вся живая плоть во вселенной распадется.

Все исчезнет в мгновение, и само время останется немерным, потому что некому его будет измерять.»

Наконец Лаклак снова появился на борту и сказал:

— Сэр, мне было дано указание подчиняться вашим приказам, но оставаться вне корабля, соблюдая визуальный контакт, и при первом признаке опасности возвратиться на корабль.

— Если это единственное, что мы можем сделать, пусть будет так, — сказал Маккай. — Давайте, шевелитесь.

Через минуту Маккай оказался один на один с Калеванцем. Ощущение того, что каждое место в этой комнате, которое находилось за его спиной, находилось под наблюдением, спина Маккая зудела. Росло неуклонное чувство того, что он идет на очень рискованный шаг.

Но положение их продолжало оставаться отчаянным.

— Где Абнетт? — спросил Маккай. — Я думал, что она хочет поговорить.

Внезапно слева от чаши Калеванца открылась дверь для прыжка. В ней появились голова и плечи Абнетт, все в легкой розовой дымке из-за снижения всей энергии на борту. Хотя освещение было достаточным, чтобы Маккаю удалось рассмотреть тончайшее изменения во внешности Абнетт. Он

получил удовлетворение, когда заметил ее настороженный взгляд. Пряди волос выпали из прически. В глазах были заметны покрасневшие жилки. На лбу были морщинки.

Ей нужны были парикмахеры Красоты.

— Вы готовы сдать? — спросил Маккай.

— Это глупый вопрос, — сказала она. — Вы один и вы в моей власти.

— Не совсем один, — сказал Маккай. — Есть...

Он не договорил, заметив злую усмешку на губах Абнетт.

— Заметьте, что Фанни Мэ уже закрыла внешний борт своего жилища, — сказала Абнетт.

Маккай бросил взгляд налево, увидел, что борт закрыт. Предательство?

— Фанни Мэ! — позвал он. — Вы уверяли меня...

— Никакой атаки, — сказал Калеванец. — Полное уединение.

Маккай представил себе остоленение охранников сейчас там за бортом. Но им не удалось бы никогда попасть на бичбол. Он приберег свои протесты, смирился. В комнате царила абсолютная тишина.

— Ну, тогда полное уединение, — согласился он.

— Вот так-то лучше, — сказала Абнетт. — Мы должны прийти к соглашению, Маккай. Вы становитесь чересчур большой помехой.

— О, конечно, больше, чем помехой?

— Может быть.

— Ваш Паленки, тот, кто хотел разругать меня — я тоже находил, что он для меня помеха. Сейчас, когда я думаю об этом, то вспоминаю, как я страдал.

Абнетт вздрогнула.

— Между прочим, — сказал Маккай, — мы знаем, где вы находитесь,

— Вы лжете!

— Да нет, действительно. Видите ли, вы не там, где думаете Млисс. Вы думаете, что вы вернулись назад во время, а вы не вернулись.

— Я говорю, вы лжете!

— Я довольно хорошо все это вычислил, — сказал Маккай. — Место, где вы находитесь, было построено из ваших соединительных тканей — ваших воспоминаний, мечты, желаний... вероятно, даже из вещей, которые вы выразительно описали.

— Какая чепуха! — голос ее выдавал обеспокоенность.

— Вы просили место, которое было бы безопасным от апокалипсиса, — сказал Маккай. — Фанни Мэ предупреждала, конечно, вас об окончательной разъединенности. Она, вероятно, продемонстрировала некоторые свои способности, показала вам различные места, доступные вам по соединительным тканям вашим и ваших сообщников. Вот тогда вас и осенила блестящая идея.

— Вы строите догадки, — сказала Абнетт. Лицо ее было угрюмым.

Маккай улыбнулся.

— Вам бы следовало получить небольшой сеанс у своих парикмахеров Красоты, — сказал он. — Вы выглядите неважно, Млисс.

Она мрачно усмехнулась.

— Они что отказываются работать на вас? — продолжал настаивать Маккай.

— Они появятся! — рявкнула она.

— Когда?

— Когда увидят, что у них нет выбора!

— Вероятно.

— Мы попусту тратим время, Маккай.

— Справедливо. Это то, что вы мне хотели сказать?

— Мы должны заключить соглашение, Маккай. Между нами двумя.

— Вы выйдете замуж за меня, не так ли?

— Это ваша цена? — Было очевидно, что она удивлена.

— Не уверен, — сказал Маккай. — А как же Чео?

— Чео начинает надоедать мне.

— Вот это меня и беспокоит, — сказал Маккай. — Я спрашиваю себя, сколько же пройдет времени, когда я надоем вам?

— Я сознаю, что вы неискренни, — сказала она, — что вы изворачиваетесь. Но думаю, однако, что мы можем прийти к соглашению.

— Что заставляет вас так думать?

— Фанни Мэ предположила это, — сказала она.

Маккай бросил взгляд на мерцающее неприсутствие Каллебанца.

— Фанни Мэ предложила это? — пробормотал он.

А сам подумал: «Фанни Мэ определяет свой род реальности, из которого она видит эти свои таинственные соедине-

тельные ткани. Отточенные различия: соединительные ткани; переплетенные соединительные ткани; особое восприятие, изображенное для ее особенного поглощения энергии.»

Со лба его капал пот. Он качнулся вперед, ощущая, что стоит на грани открытия.

— Вы еще любите меня, Фанни Мэ? — спросил он.

Глаза Абнетт были широко раскрыты от удивления.

— Что-о?

— Близость осознания, — сказал Калеванец. — Любовь совпадает с пониманием, которым я обладаю о вас, Маккай.

— Как вы оцениваете мое существование с единственной дорожкой? — спросил Маккай.

— Большая близость, — сказал Калеванец. — Продукт искренности попыток коммуникации. Собственное Калеванское я любит тебя человеческую личность, Маккай.

Абнетт взглянула на Маккай.

— Я пришла сюда обсудить взаимную проблему, Маккай, — вспыхнула она. — Я не ожидала, что буду стоять и слушать подобную чушь между вами и этим тупым Калеванцем.

— Собственное я не в оцепенении, — сказал Калеванец.

— Маккай, — сказала Абнетт тихим голосом. — Я пришла сделать предложение к нашей взаимной выгоде. Присоединяйтесь к нам. Мне не важно, в каком качестве вы сделаете это, награда будет больше, чем вы бы могли...

— Вы даже не подозреваете, что с вами произошло, — сказал Маккай. — Вот что странно.

— Черт бы вас побрал! Что вы строите из себя императора!

— Разве вы не понимаете, где Фанни Мэ спрятала вас? — спросил Маккай. — Разве вы не признаете эту безопасную...

— Млисс!

Это был сердитый голос откуда-то за спиной Абнетт, но говорящий был невидим для Маккай.

— Это вы, Чео? — окликнул Маккай. — Вы знаете, где вы, Чео? Пан Спечи должен чувствовать правду.

Появилась рука, оттолкнула Абнетт в сторону. С замороженным эго Пан Спечи появился на ее месте в отверстии двери для прыжка.

— Вы что-то слишком умны, Маккай, — сказал Чео.

— Как ты смеешь, Чео! — взвизгнула Абнетт.

Чео резко повернулся, размахнулся. Послышался звук удара по телу, приглушенный вскрик, еще удар. Чео на мгновение отклонился в сторону от отверстия и снова появился в поле зрения.

— Вы бывали в том месте раньше, не так ли, Чео? — спросил Маккай. — Разве вы не были нытиком, пустоголовой женщиной креше в одном из периодов вашего существования?

— Это уже чересчур умно, — рывкнул Чео.

— Вы вынуждены убить ее, вы знаете, — сказал Маккай. — Если вы не сделаете это, все пойдет прахом. Она съест вас. Она сломает ваше эго. Она будет вашей сущностью. — Я не знал, что это случается с людьми, — сказал Чео. — О, да, такое бывает, — сказал Маккай. — Это ее мир, не так ли Чео? — Ее мир, — согласился Чео. — Но в одном вы ошибаетесь, Маккай. Я могу контролировать Млисс. Поэтому это мой мир, не так ли? И другое: я могу контролировать вас! Вортальная труба неожиданно стала уменьшаться и направилась на Маккай. Маккай отскочил в сторону и закричал: — Фанни Мэ! Вы обещали! — Новые соединительные ткани, — сказал Калеванец. Маккай совершил прыжок, распластавшись на полу, когда дверь для прыжка появилась рядом с ним. Она возникала из ниоткуда, как оскаленная пасть, чуть-чуть промахиваясь в каждой атаке на Маккай. Он извивался, прыгал... изворачивался в пурпурной полумгле бичбола, наконец выкатился под гигантский овал и посмотрел направо и налево. Он вздрогнул. Он не знал, что дверь для прыжка может передвигаться с такой быстротой.

— Фанни Мэ, — прохрипел он, — закрой глаз С, прикрой его или сделай что-нибудь. Ты обещала: никаких атак!

Ответа не было.

Маккай увидел край вортальной трубы, появившийся за пределами гигантской чаши.

— Маккай!

Это был голос Чео.

— Через минуту они дадут тебе вызов с дальнего расстояния, Маккай, — крикнул Чео. — Когда они сделают вызов, я поймаю тебя.

Маккай сдержал приступ дрожи.

Да, они действительно вызовут его! Билдун, вероятно, уже вызвал Тапризиота. Они будут беспокоиться о нем...

борт бичбола закрыт. И он будет беспомощен в тисках вызова.

— Фанни Мэ! — прошипел Маккай. — Закрой этот чертов глаз С.

Вортальная труба заблестела, передвинулась вверх и вокруг, чтобы выйти на него сбоку. Чертыхаясь, Маккай свернулся в клубок, ринулся назад через голову, перекатился на колени, вскочил на ноги и, повиснув на ручке овала, вскарабкался под нее.

Вортальная труба отодвинулась.

Тихий треск раздался, как гром для Маккай. Он оглянулся вправо, влево, над головой. Никакого признака смертельного отверстия.

Неожиданно над пространством чаши что-то резко щелкнуло. Дождь зеленых искр падал каскадом вокруг Маккай, где он лежал под ним. Он перекатился на бок, вытащил чэйген. Через отверстие двери для прыжка высывалась рука Паленки с бичом. Он поднялся, чтобы нанести еще один удар по Калеканцу.

Маккай выпустил луч чэйгена по руке, когда двинулся бич. Рука и кнут зацепили дальний край чаши, вызвав еще один дождь искр.

Отверстие для прыжка мигнуло и исчезло.

Маккай согнулся, остатки искр все еще плясали на сетчатке глаза. Вот сейчас он вспомнил то, что пытался вспомнить, следя за экспериментом Тулука со сталью!

— Глаз С отключен.

Голос Фанни Мэ падал на лоб Маккай, казалось, что он проникает сразу в голову. Пропади все пропадом! Голос ее был очень слаб.

Медленно Маккай поднялся на ноги. Рука Паленки с хлыстом лежали на полу там, где упали, но он не обращал на них внимание.

Дождь искр!

Маккай почувствовал, как его охватили странные эмоции. Он чувствовал счастье и гнев, насыщенные безысходностью, словами и фразами, крутящимися в мозгу, как спицы в колесе.

Дождь искр! Дождь искр!

Он знал, что должен удержать эту мысль и не сойти с ума, несмотря ни на какие бурные волны эмоций от Фанни Мэ.

Дождь... дождь...

Может быть Фанни Мэ умирает?

— Фанни Мэ?

Калеванец молчал, эмоциональная атака ослабла.

Маккай знал, что он должен был что-то запомнить. Это касалось Тулука. Он должен сказать Тулуку.

Дождь искр!

И тогда он вспомнил: рисунок, который идентифицирует производителя! Дождь искр.

Он чувствовал себя так, как будто бежал много часов подряд, нервы его были избиты и скручены. Мозг его был чашей с желе. Мысли проходили сквозь него. Мозг его готов был расплавиться и вытечь, как поток цветной жидкости. Он бы брызнул из него... дождем на...

Дождь... искр!

Он позвал на этот раз громче:

— Фанни Мэ?

Особая тишина установилась в бичболе. Это была тишина без эмоций, что-то отгороженное, отдаленное. Она заставила кожу Маккая покрыться мурашками.

— Ответьте мне, Фанни Мэ, — сказал он.

— Глаз С отсутствует себя, — сказал Калеванец.

Маккаю стало стыдно, его охватило глубокое чувство вины. Оно окатило его, прошло через него, проникло в каждую его клетку. Грязное, позорное, грешное...

Он потряс головой. Почему он должен чувствовать вину?

А-а. Наконец к нему пришло понимание. Эмоция эта исходила не от него. Это была Фанни Мэ!

— Фанни Мэ, — сказал он. — Я понимаю, вы не могли помешать этой атаке. Я не упрекаю вас. Я понимаю.

— Удивительные соединительные ткани, — сказал Калеванец. — Вы стоите над.

— Я понимаю.

Стоите над? Термин для интенсивности знания? Понимание!

— Да, понимание.

К Маккаю возвратилось спокойствие, но это было спокойствие чего-то ушедшего. И снова он напомнил себе, что у него важное сообщение для Тулука. Дождь искр. Но сначала он должен был убедиться, что сумасшедший Пан Спечи не собирается сейчас же возвратиться.

— Фанни Мэ, — сказал он, — вы можете помешать им пользоваться глазом С.

— Препятствующий, не мешающий, — сказал Калеванец.

— Вы имеете в виду, что можете замедлять их?

— Объясните «замедлять».

— О, нет, — простонал Маккай. Он порылся в памяти, ища подходящую формулировку вопроса для Калеванца. Как бы это спросить Фанни Мэ?

— Будет ли... — он потряс головой. — Следующая атака, она будет на короткой соединительной ткани или на длинной?

— Серия атак здесь прерывается, — сказал Калеванец. — Вы спрашиваете о длительности вашего временного чувства. Я стою над ним. Длинная линия атаки завязывается. Это означает более интенсивную длительность вашему временному чувству.

— Интенсивная длительность, — пробормотал Маккай. — Да.

Дождь искр, напомнил он себе. Дождь искр.

— Вы имеете в виду использование Чео глаза С, — сказал Калеванец. — В этом месте интервалы расширяются. Чео идет дальше по вашей дороге. Я понимаю глубже Маккай, да?

«Дальше по моей дороге,» — думал Маккай. Он даже задохнулся от того, что осенило его. Что Фанни Мэ говорила раньше? — «Проводи нас до двери! Я глаз С!»

Он стал дышать по-медленнее, чтобы неожиданной эмоцией не сместить четкую ясность понимания.

Понимать выше!

Он подумал о требованиях энергии. Огромное! «Я глаз С!» и «Энергия собственного я — будучи звездной массой!» Чтобы сделать то, что она сделала в этом измерении, Калеванцу понадобилась энергия звездной массы. Она вдохнула бич! Она сама сказала это. Они здесь искали энергию. Калеванцы питались в этом измерении! Несомненно, и в других измерениях тоже.

Маккай считал, что Фанни Мэ должна обладать утонченной избирательностью, если она попыталась общаться с ним. Такая коммуникация могла быть похожа на то, что он бы погрузил рот в воду и пытался поговорить там с одним из микроорганизмов!

«Должно быть, я понял, — думал он, — когда Тулук сказал что-то о понимании того, где он живет.»

— Может вернуться назад к самому началу, — сказал он.

— Для каждой сущности существует много начал, — сказал Калэбанец.

Маккай вздохнул.

Когда он вздыхал, его захватил контакт Тапризиота. Это был Билдун.

— Я рад, что вы не спешили с вызовом, — сказал Маккай, оборвав первые встревоженные вопросы Билдуна. — Вот что я хочу, чтобы вы...

— Маккай, что там происходит? — продолжал настаивать Билдун. — Вокруг вас там мертвые охранники, сумасшествие, бунт...

— Кажется, мой иммунитет сработал, — сказал Маккай, — или Фанни Мэ защитила меня каким-то образом. Ну, а теперь послушайте меня. У нас немного времени. Позовите Тулука. У него есть прибор для идентификации образцов, которые возникают в изделиях при давлении. Он должен доставить этот прибор — прямо сюда в бичбол. И быстрее.

Организовав в бичболе относительный порядок, Маккай оперся об изогнутую стену и потягивал воду из термочашки. Он продолжал тщательное визуальное наблюдение и одновременно следил, как Тулук устанавливает нужные приборы.

— Что может помешать нападению на нас в то время, когда мы работаем? — спросил Тулук. Он выпустил светящуюся петлю на стойку в положении возле неprisутствия Калэбанца. — Вы должны были бы разрешить Билдуну послать на корабль несколько охранников.

— Таких, которые находятся сейчас с пеной у рта у корабля.

— Там сейчас новый отряд

Тулук сделал что-то, что удвоило в диаметре размер светящейся петли.

— Они только помешают здесь, — сказал Маккай. — Кроме того, Фанни Мэ говорит, что сейчас неподходящий момент для появления здесь Абнетт.

Он потягивал воду со льдом. Температура в комнате сейчас достигала примерно той температуры, которая бывает в сауне, но без влажности.

— Интервалы между появлениями, — сказал Тулук. — Так вот почему здесь сейчас нет Абнетт? — Он вынул из ящика для инструментов черную трость. Трость была с метр

длинной. Он укрепил на ручке трости кнопку, и сияющая петля сократилась. Подставка под сияющей звездой начала жужжать — шум, вызывающий зуд средней границы С.

— Они не добрались до меня, потому то у меня есть любящий защитник, — сказал Маккай. — Не каждый сенс может сказать, что его любит Калеванец.

— Что это вы там пьете? — спросил Тулук. — Это один из отключателей мозга?

— Вы очень забавны, — сказал Маккай. — Сколько вы еще провозитесь с этим оборудованием?

— Я не вожусь. Разве вы не понимаете, что это переносной прибор? Он требует наладки.

— Так налаживайте.

— Высокая температура внутри корабля усложняет получение показателей, — пожаловался Тулук. — Почему мы не можем открыть борт?

— По той же причине, по которой я не допускаю сюда охрану. Я воспользуюсь своими шансами без того, чтобы мне усложняла задачу толпа сумасшедших сенсов.

— Но разве здесь должно быть так жарко?

— Это нельзя исправить, — сказал Маккай. — Мы с Фанни Мэ разговаривали, разрабатывали разные вещи.

— Разговаривали?

— Горячая дискуссия, — сказал Маккай.

— А-ах! Опять вы шутите.

— Такое может с каждым случиться, — сказал Маккай. — Я вот все думаю, а что, если то, что мы видим, как звезду, состоит из Калеванца или его частицы. — Он сделал большой глоток воды со льдом и увидел, что там уже нет льда. Тулук был прав. Здесь было чертовски жарко.

— Это странная теория, — сказал Тулук. Он приглушил жужжание своего прибора. В резко наступившей тишине было слышно тикание. Это был не мирный звук. Было ощущение того, что это какой-то часовой механизм, приделанный к бомбе. Он отсчитывал мгновения смертельной гонки.

Маккай чувствовал, что каждое отсчитываемое мгновение вбирает в себя предыдущее, раздуваясь, как мыльный пузырь. Он растет... растет — и лопается! Каждое мгновение было смертью, кидающейся на него. Тулук со своей странной тростью был волшебником, только он повернул древний процесс в обратную сторону. Он превращал золотистые мгновения в смертельный свинец. Форма у него тоже была довольно

странная. У него не было бедер. Трубообразная фигура Рива раздражала Маккай. Ривы слишком медленно двигаются.

Это чертовское тикание!

Корабль Калеванца мог бы быть последним домом во вселенной, последним контейнером для жизни сенсов. А в нем не было даже кровати, где сенс мог бы достойно умереть.

Ривы, конечно, не спят в кроватях. Они отдыхают, опираясь на наклонные стойки, а хоронят их стоя.

У Тулука была серая кожа.

Свинец.

«Если сейчас бы пришел конец всему, — размышлял Маккай, — кто из них ушел бы последним? Чье дыхание было бы последним?»

Маккай дышал эхом своих страхов. Очень многое зависело теперь от каждого отсчитываемого мгновения.

Не будет больше песен, не будет больше смеха, не будет больше детей, играющих в шумные забавные игры.

— Ну вот, — сказал Тулук.

— Вы готовы? — спросил Маккай.

— Скоро буду готов. Почему Калеванец не разговаривает?

— Потому что я просил ее беречь силы.

— Что она говорит по поводу вашей теории?

— Она полагает, что я достиг истины.

Тулук вытащил из ящика с инструментом спираль, вставил ее в отверстие в основании светящейся петли.

— Ну, давай, давай, — потирали Маккай.

— Ваши призывы не смогут сократить необходимого времени для данной задачи, — сказал Тулук. — Например, я голоден. Я шел без остановки и нарушил свою ежедневную норму. Это не заставит меня увеличить скорость, что могло бы привести к ошибкам, и оно не вызовет у меня жалоб.

— А вы разве не жалуетесь? — спросил Маккай. — Хотите немного воды?

— Я пил воду два часа назад, — сказал Тулук.

— И мы не собираемся устраивать гонку, чтобы заставить вас выпить очередную дозу.

— Я не понимаю, какой образец вы хотите идентифицировать, — сказал Тулук. — У нас нет записей ремесленников для нужного сравнения...

— Это что-то из творений Бога, — сказал Маккай.

— Вы не должны кошунствовать над святынями, — сказал Тулук.

— Вы действительно верующий или просто играете в эту игру на всякий пожарный? — спросил Маккай.

— Я хотел бы, чтоб вы воздержались от акта, который мог бы оскорбить чувства некоторых сенсов, — сказал Тулук. — У нас и так довольно трудное время наведения мостов среди сенсов, не стоит поднимать еще и проблемы религии.

— Ну да, мы шпионили за Богом — или что бы там ни было — долгое время, — сказал Маккай. — Вот почему сейчас мы собираемся получить спектроскопическую запись этого. Сколько вы будете еще там возиться?

— Спокойно, спокойно, — пробормотал Тулук. Он снова активизировал трость, помахал ею возле светящегося кольца. Прибор снова начал жужжать, на этот раз тональность звука была выше. Он действовал на нервы Маккаю. Он чувствовал его на зубах и на коже плеч. Он вызывал зуд внутри, там, где он не мог почесать.

— Эта чертова жара! — сказал Тулук. — Почему вы не попросите Калеванца открыть дверь на улицу?

— Я уже сказал почему.

— Ну да, но это не делает задачу легче!

— Вы знаете, — сказал Маккай, — когда вы сделали мне вызов и спасли мне жизнь от топора Паленки — первый раз, помните? Сразу же после этого вы сказали, что связались с Фанни Мэ, и тогда вы сказали очень странную вещь.

— Да? — Тулук вытянул маленькую конечность и делал какую-то тончайшую наладку кнопки на корпусе под сверкающим кольцом.

— Вы сказали что-то о том, что не знаете, где вы живете. Помните это?

— Я никогда это не забуду. — Тулук склонил свое трубообразное тело над сверкающим кольцом, устремил пристальный взгляд назад сквозь него, в то время, как проводил тростью взад и вперед перед отверстием в кольце.

— Где это было? — спросил Маккай.

— Где было что?

— Где вы жили?

— А это. У меня нет слов, чтобы описать это.

— Попробуйте.

Тулук выпрямился, взглянул на Маккаю.

— Было что-то немного напоминающее пылинку в луче солнечного света в огромном море... и ощущение теплоты, дружбы, милостивого гиганта.

— Этот гигант — Калеванец? —

— Конечно.

— Вот это я и подумал.

— Я не могу отвечать за точность этого инструмента, — сказал Тулук. — Но не думаю, что смогу наладить его точнее. Если бы мне дали несколько дней, какое-нибудь прикрытие — здесь странный радиационный эффект от этой стены за вашей спиной — и проекция прыгает. Я мог бы, я бы достиг достаточной степени точности. Ну, а сейчас? Я не могу взять ответственность.

— А вам удастся сделать спектроскопическую запись?

— О, да.

— Тогда мы, наверное, успели вовремя, — сказал Маккай.

— Что?

— К должному интервалу.

— А-а-а, вы имеете в виду порку и последующий за ней дождь искр?

— Вот это я и имел в виду.

— Вы могли бы... высечь себя сами, слегка?

Фанни Мэ говорит, что это не сработало бы. Оно должно быть сделано с жестокостью... и с намерением создать интенсивность ненависти... иначе оно не работает.

— О-о, как странно. Вы знаете Маккай, я полагаю, что мог бы воспользоваться частью вашей воды, в конце концов. Здесь такая жара.

Раздался хлопок, как будто вытаскивали пробку из бутылки. Давление воздуха в бичболе слегка упало, и Маккай испытал панический страх того, что Абнетт как-то удалось открыть пространство в вакуум, который мог бы отсосать воздух и убить их. Физики говорили, что это можно сделать, чтобы поток воздуха, задерживаемый приделанным к двери для прыжка барьером, заблокировал бы отверстие своим собственным эффектом столкновения. Хотя Маккай подозревал, что физики не знают всего о явлении глаза С.

Сначала он промахнулся, не попав в вортальную трубу двери для прыжка. Ее плоскость была горизонтальной и прямо над чашей Калеванца.

Через отверстие просунулась рука Паленки с хлыстом, нанесла размашистый удар в пространство, занимаемое не присутствием Калеванца. Зеленые искры полились в воздух.

Тулук, облокотившийся над прибором, взволнованно бормотал.

Рука Паленки вытянулась назад, заколебалась.

— Еще! Еще!

Голос, раздавшийся через дверь для прыжка, несомненно принадлежал Чео.

Паленки нанес еще один удар, затем еще один.

Маккай поднял чэйген, деля внимание между Тулуком и бьющим и бьющим хлыстом. Получил ли Тулук свои показания с приборов? Нельзя было сказать, сколько еще таких ударов выдержит Калеванец.

Кнут взвился снова. Зеленые искры вспыхнули и упали.

— Тулук у вас достаточно данных? — нетерпеливо спросил Маккай. Рука и кнут убралась через дверь.

В комнате наступила странная тишина.

— Тулук? — прошипел Маккай.

— Полагаю, достаточно, — сказал Тулук. — Хорошая запись. Однако, я не могу поручиться за сравнение и идентификацию.

Маккай вдруг почувствовал, что в комнате какой-то шум. На фоне жужжания инструментов Тулука через дверь для прыжка проникало бормотание голосов.

— Абнетт? — позвал Маккай.

Отверстие приоткрылось, и в нем появилось три четверти лица Абнетт. От левого виска вниз по щеке шел синяк. Серебристая петля охватывала ее горло, а концы веревки были плотно зажаты в руке Пан Спечи.

Маккай увидел, что Абнетт пытается сдержать ярость, которая, казалось, готова разорвать ее вены. Лицо было то бледное, то вспыхивало. Губы ее были плотно сжаты, образуя тонкую линию. Сдерживаемая ярость светилась в каждой черте ее лица.

Она увидела Маккая.

— Видите, что вы наделали? — взвизгнула она.

Маккай оторвался от стены и уставился, как зачарованный. Он приблизился к двери для прыжка.

— Что я сделал? Это больше похоже на художества Чео.

— Это по вашей вине!

— Неужели? Какой же я умница.

— Я старалась быть разумной, — шипела она. — Я пыталась помочь вам, спасти вас. Но нет! Вы угрожали мне, как преступнице. Вот какую благодарность я получила от вас.

Она жестом указала на петлю вокруг шеи.

— Что я сделала, чтобы заслужить такое?

— Чео, — позвал Маккай. — Что она сделала?

Голос Чео исходил из точки позади руки, держащей петлю.

— Скажи ему, Млисс.

Тулук, который не обращал внимания на обмен репликами, трудясь над приборами, повернулся к Маккаю.

— Замечательно, — сказал он. — Поистине замечательно.

— Скажи ему! — взревел Чео, так как Абнетт хранила упорное молчание.

Абнетт и Тулук начали говорить одновременно. До Маккай это доходило, как что-то нечленораздельное:

— Вывмескатимешива гидростензакон массаполная экзеку из...

— Заткнитесь! — закричал Маккай.

Абнетт дернулась назад и от неожиданности впала в молчание, а Тулук, как в ни в чем не бывало, продолжал:

— ...и это делает совершенно определенным, в этом не может быть ошибки, что это рисунок спектрального поглощения. Да, да, это звезда. Ничто другое не может дать нам такой картины.

— Но какая звезда? — спросил Маккай.

— А-а-а. в этом то и вопрос, — сказал Тулук.

Чео оттолкнул Абнетт в сторону, занял место в отверстии двери. Он взглянул на Тулука, на инструменты.

— Что это там такое, Маккай. Еще один способ вмешаться в наши дела с Паленкисами? Или вам снова захотелось сыграть в игру с веревкой на вашей шее?

— Мы открыли то, что вам интересно было бы узнать, — сказал Маккай.

— Что можете узнать вы, чтобы могло быть интересно мне?

— Скажите ему Тулук, — сказал Маккай.

— Фанни Мэ существует в очень тесной связи со звездной массой, — сказал Тулук. — Может быть, она даже сама является звездной массой — по крайней мере, что касается нашего измерения.

— Не измерение; — сказал Калэбанец, — волна.

Голос ее едва доходил до сознания Маккая, но слова сопровождались катящейся волной мучения, которая потрясла его и привела в дрожь Тулука.

— Чт-т-т-о-что э-т-т-о-это б-б-б-было? — наконец выдавил Тулук.

— Ну, ну, полегче там, — предупредил Маккай. Он увидел, что Чео не затронула эта волна эмоций. По крайней мере, Пан Спечи оставался невозмутимым.

— Мы наконец идентифицировали Фанни Мэ, — сказал Маккай.

— Тожество, — сказал Калеванец, реплика ее исходила с большой силой, но лишенная эмоций. — Тожество относится к уникальному качеству самопонимания, так как оно имеет дело с наименованием себя, местожительства себя и проявления себя. Вы еще не поняли меня, Маккай. Но вы поняли термин? Собственное я понимаю больше ваш временной узел.

— Поняли? — спросил Чео дергая за петлю вокруг шеи Абнетт.

— Это простая скромная идиома, — сказал Маккай. — Я полагаю, Млисс понимает общий смысл ее.

— О чем вы говорите? — спросил Чео.

Тулук воспринял это как вопрос, обращенный к нему.

— Некоторым образом, — сказал он. — Калеванцы проявляют себя в нашей вселенной, как звезды. Каждая звезда имеет пульсацию, определенный уникальный ритм, ни с чем не совпадающий рисунок. Мы записали этот рисунок Фанни Мэ. Мы собираемся запустить запись в трайсер и идентифицировать ее, как звезду.

— Глупая теория такая, как эта, да как она может заинтересовать меня? — спросил вызывающе Чео.

— Пусть лучше она заинтересует вас, — сказал Маккай. — Сейчас это — больше, чем теория. Вы думаете, что сидите в безопасности в вашей потайной дыре. Все, что вы должны сделать — это уничтожить Фанни Мэ, то есть уничтожить нашу вселенную и оставить только вас и ваших сообщников там? Не так ли? О-о, вот здесь-то вы и ошибаетесь.

— Калеванцы не врут, — рявкнул Чео.

— Но, я думаю, они могут ошибаться, — сказал Маккай.

— Пролиферация одиночных дорожек, — сказал Калеванец.

Маккай вздрогнул от ледяной волны, которая сопровождала эти слова.

— Если мы умрем, Абнетт и ее друзья все еще будут существовать? — спросил он.

— Различные образцы с коротким пределом на продленных соединительных тканях, — сказал Калеванец.

Маккай чувствовал, как ледяная волна наводнила его желудок. Он видел, что Тулук дрожит, а лицевая щель его открывается и закрывается.

— Это было достаточно просто, не так ли? — спросил Маккай. — Вы как-то изменитесь, а после нас вы долго не проживете.

— Нет отростков, — сказал Калеванец.

— Нет отпрысков, — перевел Маккай.

— Это трюк! — огрызнулся Чео. — Она лжет!

— Калеванцы не лгут, — напомнил ему Маккай.

— Но они могут ошибаться!

— Правильная ошибка могла бы все для вас разрушить, — сказал Маккай.

— Я использую свой шанс, — сказал Чео. — А вы можете...

Дверь для прыжка замигала и исчезла.

— Построение глаза С трудное, — сказал Калеванец. — Вы понимаете трудное? Требуется более интенсивная энергия. Вы понимаете?

— Я понимаю, — сказал Маккай. — Я понимаю общий смысл.

Он вытер лоб рукавом.

Тулук вытянул конечность, взволнованно замахал.

— Холодно, — сказал он. — Холодно, холодно, холодно.

— Я думаю, что она держится на волоске, — сказал Маккай.

Тело Тулука вздрогнуло, и он сделал глубокий вдох во все три внешние легкие.

— Мы возьмем в лаборатории свои записи? — спросил он.

— Звездная масса, — пробормотал Маккай. — Представьте себе это. А все, что мы видим здесь... это почти ничто

— Не положено, что-то здесь, — сказал Калеванец. — Собственное я положило что-то здесь и не создало вас. Маккай разъединяется в присутствии собственного я.

— Вы понимаете общий смысл всего этого, Тулук? — спросил Маккай.

— Понимаю? О, да. Кажется, она говорит, что не может сделаться видимой для нас, потому что это могло бы убить нас.

— Именно то, что понимаю и я, — сказал Маккай. — Давайте возвращаться и начинать наш сравнительный поиск.

— Вы расширяете субстанцию без цели, — сказал Калеванец.

— А что сейчас? — спросил Маккай.

— Приближается порка, и собственное я разъединяется, — сказал Калеванец.

Маккай подавил приступ дрожи.

— Как скоро, Фанни Мэ?

— Временная соотнесенность единственной дорожки трудна, Маккай. Ваш термин скоро.

— Прямо сейчас? — спросил Маккай и затаил дыхание.

— Вы спрашиваете о немедленной интенсивности? — спросил Калеванец.

— Вероятно, — прошептал Маккай.

— Вероятность, — сказал Калеванец. — Необходимость энергии собственного я расширяет построение. Порка немедленная.

— Скоро, но не прямо сейчас, — сказал Тулук.

— Она говорит нам, что может выдержать еще одну порку, и это будет последняя, — сказал Маккай. — Давайте двинемся, Фанни Мэ, для нас есть свободная дверь для прыжка?

— Свободная, Маккай. Идите с любовью.

«Еще одна порка, — думал Маккай, когда помогал Тулуку собирать инструменты. — Но почему порка так смертельна для Калеванца! Почему порка, когда другие формы энергии очевидно не затрагивают их?»

В какой-то промежуточный момент, а это будет скоро, Калеванец получит порку и умрет. Полусумасшедшая вероятность реальности апокалипсиса была близка. Вселенной сенсов придет конец.

Маккай безутешно стоял в личной лаборатории Тулука, сильно ощущая присутствие толпы охранников вокруг них.

— Идите с любовью.

Компьютерное утешение над местом Тулука у скамьи мерцало и щебетало.

Даже если они идентифицируют звезду Фанни Мэ, как они смогут использовать эти знания? Маккай спрашивал се-

бя. Кажется победа клонилась в сторону Чео. Они не смогли остановить его.

— Может ли быть вероятным, — спросил Тулук, — что эту вселенную создали Калеванцы? Может ли он быть их садовым участком? Я постоянно помню слова Фанни Мэ, что это наше разьединение будет в ее присутствии.

Он наклонился над скамьей, вытянул конечность и открыл лицевую щель достаточно широко, что позволяло ему говорить.

— Почему этот чертов компьютер так долго тянет? — спросил Маккай.

— Проблема пульсации очень сложная, Маккай. Сравнение требует особого программирования. Вы не ответили на мой вопрос.

— Я не имею ответа. Я надеюсь, что стражники, которых мы оставили на бичболе, знают, что они делают.

— Они сделают то, что вы им приказали делать, — сказал Тулук. — Вы странный сенс, Маккай. Мне говорили, что вы были женаты более пятидесяти раз. Не будет ли это нарушением этических норм, если я задам вам такой вопрос?

— Мне так и не удалось найти женщину, которая смирилась бы с моей работой Чрезвычайного агента, — пробормотал Маккай. — Мы не из тех существ, которых легко любить.

— И все же Калеванец любит вас.

— Она не знает, что мы имеем в виду под этим понятием! — он потряс головой. — Я бы лучше остался на бичболе.

— Наши люди встанут стеной между Калеванцем и любым нападением, — сказал Тулук. — Не назвали бы вы это любовью?

— Это самосохранение, — огрызнулся Маккай.

— Мы, Ривы, полагаем, что вся сущность любви и является формой самосохранения, — сказал Тулук. — Вероятно, это и есть то, что имеет в виду Калеванец.

— Ха.

— Быстрее всего, Маккай, вы никогда не утруждали себя чрезмерно проблемой самосохранения, следовательно, вы никогда не любили.

— Послушайте! Не перестанете ли вы отвлекать меня вашей бессмысленной болтовней?

— Терпение, Маккай, терпение.

— Это он мне говорит о терпении!

Маккай ринулся в движение, он мерил комнату шагами, охранники шарахались в стороны с его пути. Он возвратился к Тулуку и остановился.

— Чем питаются звезды?

— Звезды? Звезды не питаются.

— Она вдыхает что-то там, и она питается здесь, — бормотал Маккай. Он кивнул. — Водородом!

— Что это?

— Водородом, — повторил Маккай. — Если бы мы открыли достаточно широко дверь для прыжка. Где Билдун?

— Он проводит совещание с представителями Кон Сенства по поводу действий высоких инстанций по вопросу введения карантина парикмахерам Красоты. Возникает очевидная вероятность, что наши сделки с Тапризиотами прекратятся. Правительству не нравятся такие действия, Маккай. Билдун пытается спасти нашу шкуру и свою тоже.

— Но ведь есть масса водорода, — сказал Маккай.

— А какая здесь связь между дверью для прыжка и водородом?

— Питает холод и уменьшает жар, — сказал Маккай.

— Что-то тут не вяжется, Маккай. Вы принимали ангерит и нормализаторы?

— Да, принимал.

Отдел считывания в компьютере издал жующий звук, выдал квадратичную линию световых данных, которые затанцевали на дисплее и выстроились в связанные фразы. Маккай прочитал данные.

— Тайван, — сказал Тулук, читая через его плечо.

— Звезда в Плеядах, — сказал Маккай.

— Мы называем ее Дрянь, — сказал Тулук. — Посмотрите в написание Ривов в третьей колонке. Дрянь.

— Какие-нибудь сомнения в идентификации?

— Вы шутите.

— Билдун! — прошипел Маккай. — Мы должны испытать это.

Он повернулся кругом, тяжелыми шагами вышел из лаборатории, прошмыгнул мимо помощников Тулука в открытое пространство. Тулук следовал вслед за ним, потянув за собой тонкую цепочку охранников.

— Маккай! — позвал Тулук. — Куда вы идете?

— К Билдуну... затем к Фанни Мэ.

Сейчас меня никто не может остановить, — сказал себе Чео. — Млисс умрет через несколько минут, лишенная воздуха в резервуаре парикмахеров Красоты, куда он запер ее. Другие обитатели этого мира отшельников тогда последуют за ним. Он будет контролировать глаз С и все нити власти.

Чео стоял в своей комнате, а контроль глаза С находился у него под рукой. На улице была ночь, но все оставалось относительным, напомнил он себе. Скоро начнется рассвет там, где бичбол Калеканца стоял над прибором планеты Сердечность.

Последний рассвет Калеканца... рассвет окончательной разъединенности. Этот рассвет ускользнет в вечную ночь на всех планетах, которые входили во вселенную, обреченную вместе с Калеканцем.

Всего через несколько минут эта планета из прошлого, на которой он стоит, достигнет точки нужных соединительных тканей с планетой Сердечность. А Паленки, ожидающий на том конце комнаты, сделает то, что ему прикажут.

Чео потерял шрамы на лбу.

Тогда не останется больше Пан Спечи, чтобы указывать на него пальцами, обвиняя в преступлении, чтобы называть его своими голосами призраков. И никогда снова не будет существовать угроза эго, которым он обеспечил себя.

Никто не может остановить его.

Млисс никогда не сможет прийти из смерти, чтобы остановить его. К этому моменту она уже должно быть задыхается в герметично закупоренном резервуаре, задыхаясь без кислорода, которого там нет.

А этот тупой Маккай! Чрезвычайный агент оказался очень вертким и надоедливым, но у него не остается способа, чтобы предотвратить апокалипсис.

Теперь уже только несколько минут.

Чео смотрел на циферблат относительности на контрольном пункте глаза С. Стрелки двигались так медленно, что трудно было заметить какое-нибудь изменение, если следить за ними, не отрывая глаз. Но они двигались.

Он направился к открытым дверям на балкон, заметил вопрошающий взгляд Паленки и вышел на воздух. Луны не было, но светило много звезд, расположение которых было незнакомо Пан Спечи. Млисс заказала себе странный мир с отрезками древней истории из ее земного прошлого, с обрывками таинственных обрядов, собиравшихся веками.

Теперь эти звезды. Калебанец уверял, что здесь не существует других планет... и все же здесь есть звезды. Если это только звезды. Вероятно, это только частицы светящегося газа, расположенные в том порядке, каком просила Млисс.

Чео понимал, что это будет одинокое место после того, как исчезнет другая вселенная. И никак нельзя будет избавиться от этого рисунка звезд, вечно напоминающего о Млисс.

Зато здесь будет безопасно. Никакого преследования, потому что не будет преследователей.

Он бросил взгляд назад в освещенную комнату.

Как терпеливо ждет Паленки, веки закрыты, неподвижны. Хлыст неподвижно свисает в его единственной руке. Сумасшедшее анохроническое оружие! Но оно срабатывало. Без этого дикого совпадения Млисс и ее сумасбродных желаний они никогда не обнаружили бы это оружие, никогда не нашли бы этот мир и способ изолировать его навсегда.

Он отбросил эти мысли, еще раз посмотрел на цифры глаза С. Стрелки передвинулись ближе на волосок к мистическому моменту. Вскоре они совпадут.

Не глядя на указатели, собственно вообще никуда не глядя, Чео ждал. Ночь на балконе была полна запахов, которые собирала Млисс — экзотические цветы, запахи редких форм жизни, выдыхаемые запахи бесчисленных количеств видов — много чего она понатащила сюда, чтобы украсить свое существование на ее Арке.

Арка. Такое странное название она дала этому месту. Вероятно, он бы изменил его... позднее. Креше? Нет. Это могло бы быть болезненным напоминанием.

«Почему нет других планет? — изумлялся он. — Конечно, Калебанец мог бы создать другие планеты. Но Млисс не приказывала, чтобы их создали.»

Только тончайшие линии отделяли указатели на циферблате глаза С.

Чео вернулся в комнату, позвал Паленки. Приземистая фигура черепахи зашевелилась, подошла к Чео сбоку. Создание выражало нетерпение. Паленки обожали насилие.

Неожиданно Чео почувствовал пустоту, но не было пути назад. Он положил руки на пульт — руки гуманоида. Они тоже будут напоминать ему о Млисс. Он повернул ручку. Она показалась ему странно чужой, но он подавил чувство

неловкости и сожаления, сосредоточил внимание на указателях.

Они сомкнулись друг с другом, и он открыл дверь для прыжка.

— Ну! — скомандовал он.

Маккай услышал громкую команду Пан Спечи, когда вортальная труба двери для прыжка неожиданно возникла в бичболе. Отверстие открылось прямо в центре комнаты, наполнило пурпурный полумрак ярким светом. Свет шел позади двух фигур, появившихся в отверстии: Паленки и Пан Спечи, Чео.

Вортальная труба начала расти до угрожающих размеров внутри замкнутого пространства комнаты. Дикая энергия вокруг ее края разметала отряд стражников. Прежде чем они смогли прийти в себя, рука Паленки высунулась внутрь комнаты, замахнулась своим хлыстом.

Маккай задохнулся от удивления при виде дождя зеленых и золотистых искр вокруг Калеванца. Золотистые. Снова щелкнул кнут. Еще больше искр вспыхнули, упали, рассыпались в ничто.

— Держите! — закричал Маккай, когда охранники пришли в себя и двинулись в атаку. Больше он не хотел никаких неожиданностей от закрывающейся двери для прыжка. Охранники заколебались.

Еще раз Паленки взмахнул кнутом.

Искры вспыхнули, упали.

— Фанни Мэ! — позвал Маккай.

— Я отвечаю, — сказал Калеванец. Маккай почувствовал резкий подъем температуры, но эмоция при этих словах была спокойная, успокаивающая... и мощная.

Охранники тряслись от страха, внимание их металось от Маккай к пространству, где рука Паленки продолжала ужасную игру с кнутом. Каждый удар посылал дождь золотистых искр в комнату.

— Скажите мне о вашей субстанции, Фанни Мэ, — сказал Маккай.

— Моя субстанция растет, — сказал Калеванец. — Вы приносите мне энергию и добро. Я возвращаю любовь за любовь и любовь за ненависть. Вы дадите мне для этого силы, Маккай.

— Разъединенность уходит! — в словах Калеванца был определенный подъем. — Я не вижу узла соединительных тканей для разъединенности! Мои товарищи вернуться в любовь.

Маккай сделал глубокий вдох. Оно работает. Но каждый новый поток слов Калеванца приносил горячий выдох из печи. Это тоже свидетельствовало об успехе. Он вытер лоб.

Кнут продолжал подниматься и падать.

— Сдавайтесь, Чео! — позвал Маккай. — Вы пропали!

Он взглянул вверх, через дверь для прыжка.

— Вы кормите ее быстрее, чем лишаете субстанции.

Чео прорычал приказ Паленки. Рука с кнутом удалилась.

— Фанни Мэ, — позвал Пан Спечи.

Ответа не было, но Маккай почувствовал волну жалости.

«Неужели ей жаль Чео?» — удивлялся Маккай.

— Я приказываю отвечать мне, Калеванец, — взревел Чео. — Твой контракт приказывает тебе повиноваться!

— Я повинуюсь только владельцу контракта, — сказал Калеванец. — У вас нет соединительных тканей с владельцем контракта.

— Она приказала тебе, чтобы ты слушалась меня!

Маккай затаил дыхание, следя за этим моментом и ожидая его. Он должен быть сделан точно. Калеванец был предельно ясен на этот счет — единственно в этом случае. В его сообщении было мало сомнений. «Абнетт собирает линии своего мира в себе.» Вот что сказала Фанни Мэ, и значение сказанного оказалось ясным. Когда Фанни Мэ призвала Абнетт... нужно совершить пожертвование. Абнетт должна была умереть, и мир ее умрет вместе с ней.

— Ваш контракт, — продолжал настаивать Чео.

— Контракт отклоняется от интенсивности, — сказал Калеванец. — На этой новой дороге вы должны обращаться ко мне, как к Тайвану. Имя любви, которое я получила от Маккай: Тайван.

— Маккай, что вы сделали? — потребовал Чео. Пальцы его балансировали на пульте контроля глаза С. — Почему она не реагирует на порку?

— В действительности она никогда не реагировала на порки, — сказал Маккай. — Она реагировала на насилие и ненависть, которые сопровождали их. Кнут служил лишь, как особого рода фокусирующий инструмент. Он прилагал все насилие и ненависть в единственный уязвимый...

— ...узел, — сказал Калеванец. — Узвимый узел.

— А тот лишал ее энергии, — сказал Маккай. — Все бесполезно, Чео. Вы питаете ее быстрее, чем можете выжать.

— Питаем ее? — Чео наклонил голову со шрамами вперед, чтобы взглянуть на Маккая.

— Мы открыли гигантскую дверь для прыжка в космос, — сказал Маккай. — Она собирает свободный водород и подает его прямо в Тайвана.

— Что это такое... Тайван? — спросил пораженный Чео.

— Звезда, то есть Калеванец, — сказал Маккай.

— О чем вы говорите?

— Разве вы не догадались? — спросил Маккай. Он подал незаметный сигнал рукой охране. Абнетт все еще не показывалась. Вероятно, Чео запер ее в каком-нибудь месте. Это заставляло изменить план на подходящий запасной вариант для данных условий. Они должны были попытаться взять сенса через дверь для прыжка.

Охранники, получив приказ, начали приближаться поближе к отверстию. Каждый держал наготове чэйген.

— Догадался о чем? — спросил Чео.

«Мне нужно отвлечь его внимание,» — думал Маккай.

— Калеванцы проявляют себя в нашей вселенной разными способами, — сказал он. — Они звезды, солнца, которые могут в действительности быть питательными отверстиями. Они создали эти бичболы, которые, вероятно, предназначены защищать нас, так как они включают в себя говорящее устройство. Даже при всей защитной силе бичбола они не могут сдержать всю излучаемую энергию из их речи. Вот почему здесь становится так жарко.

Маккай взглянул на кольцо охранников. Они приближались все ближе к двери для прыжка. Слава всем Богам этого пространства за то, что Чео сделал отверстие таким большим!

— Звезды? — спросил Чео.

— Вот этот самый Калеванец был идентифицирован, — сказал Маккай. — Это Тайван из Плеяд.

— Но... эффект глаза С...

— Глаза звезд, — сказал Маккай. — По крайней мере, это то, как я понимаю его. Вероятно, я лишь частично прав, но Тайван признает, что она и ее собратья догадывались об этом во время первых попыток общения.

Чео медленно двигал головой из стороны в сторону.

— Двери для прыжков...

— С энергией звезд, — сказал Маккай. — Мы знаем, что с самого начала они требовали звездную энергию, чтобы разрывать таким образом космическое пространство. Тапризиоты дали нам ключ, когда говорили о вклиненности и пересечении соединительных тканей Калеванцев...

— Ты несешь чепуху, — взревел Чео.

— Несомненно, — согласился Маккай. — Но именно чепуха движет реальность в нашей вселенной.

— Ты думаешь, что отвлекаешь меня, пока твои сообщники готовятся атаковать, — сказал Чео. — Я сейчас покажу вам другую реальность в вашей вселенной!

Он нажал на ручки управления дверью для прыжка.

— Тайван, — закричал Маккай.

Отверстие двери для прыжка начало двигаться к Маккаю.

— Я отвечаю, Маккай, — сказал Калеванец.

— Останови Чео, — сказал Маккай. — Запри его.

— Чео запирает сам, — сказал Калеванец. — Чео прерывает соединительные ткани.

Дверь продолжала двигаться к Маккаю, но он увидел, что у Чео что-то не ладится с пультом управления.

Маккай отодвинулся в сторону, когда отверстие прошмыгнуло через пространство, где он раньше был.

— Останови его! — позвал Маккай.

— Чео останавливает себя, — сказал Калеванец.

Маккай почувствовал с этими словами определенную волну сострадания.

Отверстие двери повернулось на своей оси, еще раз приблизилось к Маккаю. На этот раз оно двигалось немного быстрее.

Маккай отскочил в сторону, разбросав охранников. Почему эти чертовы дураки не пытаются проникнуть через отверстие? Боятся, что их отрежут? Он настроился нырнуть в отверстие в следующий раз. На Чео сейчас напал страх. Он не ожидал атаки от кого-то, кто боится его. Маккай проглотил сухой комок. Он знал, что произойдет с ним. Мелассовая задержка в вортальной трубе дала бы Чео совершенно достаточное количество времени. Маккай потерял бы обе ноги — это самое малое, что могло бы произойти. Но он все равно проник бы туда с чэйгеном, и Чео бы погиб. Если бы повезло, можно было бы найти Абнетт — и она бы тоже погибла.

Снова дверь направилась к Маккаю.

Он прыгнул, столкнулся с охранником, который выбрал этот же момент для атаки. Они упали на руки и колени, и вортальная труба проскочила над ними.

Маккай увидел проплывшее лицо Чео, кисть его дернулась к ручке контроля. Он увидел, как рука сделала захлестывающее движение, послышался отдаленный треск, когда дверь исчезла.

Кто-то вскрикнул.

Маккай чувствовал себя в значительной степени удивленным, так как он все еще находился в бичболе, стоя на четвереньках. Все еще не меняя положения, он снова прокрутил в уме свой последний взгляд на Чео. Это было видение призрака — дымная субстанция, видимая сквозь тело Пан Спечи — и видимая субстанция эта была внутренности бичбола.

— Разъединенность прерывает контракт, — сказал Калеванец.

Маккай медленно поднялся на ноги.

— Что вы имеете в виду, Тайван?

— Констатация факта со знанием интенсивности истины только для Чео и компаньонов, — сказал Калеванец. — Собственное я не может дать значение Маккаю для субстанции другого.

Маккай кивнул.

— Эта вселенная Абнетт была ее собственным созданием, — пробормотал он. — Вымысел ее фантазии.

— Объясните «вымысел», — сказал Калеванец.

Чео испытывал момент смерти Абнетт, как постепенный распад субстанции вокруг и внутри себя. Стены, пол, пульт глаза С, потолок, мир — все ушло в небытие. Он почувствовал, как вся опрометчивость его существования раздулась в одно стерильное мгновение. В какой-то момент он ощутил, что смешивается с тенями Паленки и других более отдаленных островков движения — в месте существования, о котором никогда не подозревали даже мистические учения его собственного вида. Это, однако, было место, которое мог бы узнать древний Хинду или буддист — место Майя, иллюзия, бесформенная пустота, не обладающая никакими качествами.

Но этот момент закончился, и Чео прекратил свое существование. Или можно было бы сказать, что он разъединился и стал тем, кого окружает пустота иллюзий. Но, в конце концов, нельзя ведь дышать иллюзиями или пустотой.

Зеленый мозг

Глава 1

Он был очень похож на незаконнорожденного отпрыска Тарани Индио, дочери захудалого фермера из глухой деревни. Этот юноша однажды не вернулся из джунглей, что, в общем-то, неудивительно — Красная зона. Да и оплакивать его особо было некому.

Копия была почти идеальной даже для внимательного глаза, кроме тех моментов, когда он забывался, пробираясь сквозь самые густые заросли джунглей.

Кожа его тогда приобретала оттенок зелени, скрывая его на фоне листьев и ползучих растений, придавая землистосерой рубашке, рваным брюкам, неприметной потрепанной соломенной шляпе и сыромятным сандалиям с подошвами, вырезанными из изношенных шин, вид бесплотности призрака.

Впрочем, такие ошибки встречались все реже и реже, чем дальше он уходил от главного водохранилища Парано в сертао, глубинные районы Гоязи, где жили обычные люди с такими же, как у него, черными волосами с выстриженной челкой и блестящими темными глазами.

К тому времени, когда он достиг бандайрантес приращенной местности, он уже почти полностью обрел контроль над эффектом хамелеона.

Сейчас он вышел из более диких зарослей джунглей на коричневые земляные дороги, которые отделяли разбросанные фермы планового заселения. Каким-то своим чутьем он знал, что приближается к одному из бандайранта — пограничных пропускных пунктов, и почти человеческим жестом нащупал свидетельство белой крови, засунутое в безопасное место под рубашкой. Время от времени, когда поблизости не было людей, он учился вслух произносить имя, которое выбрали для него — Антонио Рапосо Таверес.

Звук получался немного скрипучий, резкий в конце, но он знал, что это пройдет. Оно уже почти прошло. Речь Гояз Индиос отличалась странными окончаниями. Фермеры, которые давали ему крышу над головой и пищу в прошлую ночь, говорили почти так же. Только очень уж они были любопытны.

Когда вопросы их стали настойчивыми, он сел на порог и заиграл на флейте индейцев Анд, которую носил с собой в

кожаном кошельке, свисающем через плечо. Игра на флейте была символом этого региона. Когда Гуарани подносил флейту к губам и начинал играть, кончались все вопросы и слова.

Фермерский люд пожал плечами и удалился.

Его трудное продвижение, утомительное и тщательно осваиваемое движение ног, привело его в район, где много человеческих существ. Он видел красно-коричневые верхушки крыш впереди и кристально-белое мерцание пограничной башни с поднимающимися вверх и расходящимися в стороны усиками. Чем-то это было похоже на странный пчелиный улей.

Мгновенно на него навалилось множество инстинктов, которыми ему еще предстояло овладеть. Эти инстинкты могли бы помочь ему успешно пройти предстоящие испытания. Он сошел с земляной тропы, с пути проходящих человеческих существ, и сосредоточился на умственной деятельности. Конечная мысль проникла в мельчайшие и самые отдаленные ячейки его личности: «Мы, зеленые рабы, подчинены большому целому».

Он возобновил прерванный путь к пограничному пропускному пункту. Объединяющая мысль придала ему вид рабской угодливости, который защищал его от пристальных взглядов человеческих существ, устало бредущих вокруг него. Вид его изучил много человеческих привычек. Они быстро поняли, что рабская покорность является формой камуфляжа.

Вскоре земляная тропа уступила место двухколейной мощеной дороге с пешеходными дорожками по обеим обочинам. А это дорога, в свою очередь, выводила к шоссе, где даже пешеходные дорожки были заасфальтированы. Все чаще попадались наземные и воздушные машины, и увеличился и поток пешеходов.

До сих пор он не привлекал к себе опасного внимания. Случайные подозрительные косые взгляды от местных жителей района можно было просто игнорировать. Он опасался оценивающих пристальных взглядов, которые могли содержать угрозу, но таких он пока не заметил.

Вид рабской покорности служил ему ширмой.

Солнце уже поднялось довольно высоко, и дневной зной стал давить на землю, поднимая влажный липкий запах тепла от земли рядом с пешеходной дорожкой и смешивая его с запахом пота от людского потока вокруг него. На него нахо-

дил дурман от этого запаха, заставлял каждую частицу его томиться по прекрасным знакомым запахам глубинных районов страны. А запахи низменности несли другой дух, который наполнял его неслышным гомоном беспокойства. Здесь встречались все чаще, и в большей концентрации, яды против насекомых.

Сейчас вокруг него везде были человеческие существа. Они подходили все ближе, толпа все уплотнялась, двигаясь все медленнее и медленнее, по мере приближения к самому узкому участку пропускного пункта.

Наконец, движение вперед прекратилось вовсе. Он чувствовал прикосновения людей.

Теперь движение к пропускному пункту стало прерывистым, толчок и остановка, толчок и остановка...

Здесь его ждало самое серьезное испытание, и не было возможности избежать его. Он готовился его перенести со свойственным индейцам стоическим терпением. Дыхание его становилось глубже, чтобы компенсировать последствия зноя. Но он вынужден был контролировать себя и дышать так же, как человеческие существа вокруг него. Это добавляло ему страданий от возросшей температуры, но было необходимо, чтобы не выделяться в окружающей его толпе. Индейцы Анд не дышали глубоко здесь, в низменных районах.

Толчок вперед и остановка.

Толчок вперед и остановка.

Сейчас ему уже был виден пропускной пункт.

Грозные пограничники в маскировочных белых плащах, с пластиковыми шлемами, в перчатках и ботинках стояли в два ряда внутри заградительного кирпичного коридора, ведущего в город. Ему был виден жаркий солнечный свет на улице за пределами коридора, люди, спешащие прочь после прохождения заслона.

Вид свободного пространства за пределами коридора вызвал боль томления в каждой отдельной его частице. Подавляющее это инстинктивное стремление к свободе предупреждение пронзило все его существо.

Здесь недопустимо было ни малейшее отвлечение. Каждый его элемент должен был быть настороже, чтобы выдержать любую боль.

Толчок вперед и... он уже в руках первого пограничника - мощного блондина с розовой кожей и голубыми глазами.

— Ну, шагай вперед! Да поживее! — сказал парень.

Рука в перчатке протолкнула его к двум другим пограничникам, стоящим с правой стороны очереди.

— Имя? — Это был голос позади него.

— Антонио Рапосо Таверес, — выдохнул он.

— Район?

— Гояз.

— Проверьте-ка этого еще, — крикнул гигант блондин, — Наверняка он с высокогорья.

Теперь он был в руках двух пограничников, один натягивал ему на лицо дыхательную маску, другой набрасывал пластиковый мешок. Из мешка тянулась трубка к работающей машине где-то там на улице за коридором.

— Давай двойной, — крикнул один из пограничников.

Пахучий синий газ заполнил мешок вокруг него, и он сделал резкий удушливый вдох через маску, пораженный тем единодушным требованием чистого воздуха, лишённого отравы.

Агония!

Газ проникал через каждое из многочисленных соединений его существа иглами боли.

«Мы не должны ослабеть, — думал он. — Держись стойко».

Но это была смертельная боль, убивающая. Соединения начинали слабеть.

— Хватит с этого, — крикнул ответственный за мешок.

Мешок был снят, дыхательную маску стянули, и чьи-то руки толкнули его дальше по коридору, к солнечному свету.

— Теперь прекрасно! Не надо стоять в очереди.

Вонь отравляющего газа была везде вокруг него. Это был другой газ — разрушающий. Его не подготовили к этому яду. Он был готов к излучениям, ультразвукам, старым химикалиям... но не к этому.

Солнечный свет падал на него сверху, когда он вышел из коридора на улицу. Он завернул влево, через переход, по обеим сторонам которого выстроились фруктовые киоски, продавцы торговались с покупателями или стояли настороженные и толстые, охраняя выставленный товар.

Внешней своей оболочкой фрукт манил обещанием убежища некоторые его части, но соединяющая его общность признавала пустой и ненужной подобную мысль. Он боролся с соблазном, продвигаясь вперед как можно быстрее, чтобы

не вызывать подозрений, обходя покупателей и пробиваясь сквозь толпы зевак.

— Ты не хочешь купить свежих апельсинов?

Темная засаленная рука совала ему в лицо два апельсина.

— Свежие апельсины из Зеленой страны. Их никакой жук не касался.

Он прошел мимо этой руки, но запах апельсина был почти непреодолимым соблазном.

Сейчас он уже миновал торговые ряды, прошел за угол по узкой боковой улочке. Еще один поворот, и он увидел далеко вдали, слева, соблазнительную зелень на открытой местности свободной зоны за городом.

Он повернул в направлении зелени, увеличил скорость, отмерив время, остающееся у него в запасе. Он знал, что времени у него не так уж много. Яд прилип к одежде, но чистый воздух уже проникал через ткань — мысль о возможной победе была, как противоядие.

Мы можем еще сделать это!

Зелень приближалась все ближе и ближе — деревья и папоротники около берега реки. Он слышал журчание воды, ощущал влажную почву. Там был мост, переполненный пешеходами из прилегающих улиц.

Этого нельзя было избежать — он влился в толпу, избегая по возможности контактов. Его ноги и задние связки начинали скользить, и он знал, что какой-нибудь неожиданный удар, случайное столкновение могли бы сместить эти сегменты.

Тяжелое испытание на мосту закончилось, и он увидел земляную дорожку, уводящую от тропы вправо и вниз к реке. Он повернул к ней, и... столкнулся с одним из двух мужчин, несших поросенка в сетке, висящей между ними. Кусок имитации кожи на верхней части правой ноги был нарушен. Он почувствовал, как кожа начала соскальзывать вниз, внутрь брюк.

Мужчина, которого он ударил, сделал два шага назад, чуть не уронив свинью.

— Осторожнее, — заорал он.

Спутник мужчины сказал:

— Чертовы пьяницы.

К счастью, поросенок отвлек их визгом и попытками сбежать.

Воспользовавшись этим, он проскользнул мимо мужчин на земляную дорожку и поплелся к реке. Он увидел внизу воду, бурлящую от аэрации из фильтров барьера, с пеной на поверхности от акустического воздействия.

Позади него один из несущих поросенка сказал:

— Я не думаю, что он пьян, Карлос. Кожа у него на ощупь сухая и горячая. Может быть, он болен.

Он услышал и понял, попытался увеличить скорость. Потерянный участок имитации кожи уже наполовину соскользнул с ноги. Разрушающее ослабление мышц плеча и спины угрожали нарушить равновесие.

Дорожка повернула вокруг набережной из сырой земли, темно-коричневой от сырости и нырнула в туннель сквозь папоротники и кусты. Мужчины с поросенком больше не могли видеть его, он знал это. Он схватился за брюки там, где скользила поверхность ноги, поспешил через зеленый туннель.

Там, где туннель заканчивался, он увидел мельком первую пчелу мутанта. Она была мертва, войдя в участок вибрационного барьера безо всякой защиты. Пчела была типа бабочки, с ядовито-желтыми и оранжевыми крыльями. Она лежала в чаше зеленого листа, в центре солнечного луча.

Он медленно прошел мимо, запомнив форму и цвет пчелы. Ему подобные считали, что пчелы являются одним из возможных путей, но были и серьезные возражения. Пчела не могла спорить с человеческими существами. А человеческие существа должны прислушаться к разуму, иначе всей жизни придет конец.

Послышался топот кого-то, спешащего по тропе позади него. Тяжелые шаги отдавались сотрясанием земли.

— Погоня?

Почему они должны преследовать его? Неужели они меня раскрыли?

Чувство, близкое к панике, пронзило его, готовясь взорвать на части. Но он вынужден был перейти на медленный шаг, а скоро он будет двигаться ползком. Каждый миг, который еще ему оставался, он искал зелень, где бы можно было спрятаться.

Узкое пространство темнело в стене папоротника слева от него. Крошечные человеческие следы вели туда — дети. Он пробился через папоротники и очутился на низкой узкой тропинке вдоль набережной. Две игрушечные воздушные маши-

ны, красная и синяя, лежали брошенные на тропе. Его заплетаящаяся нога ступила на землю.

Низкая тропа привела его к стене из черной земли с расползающимися трещинами. Тропа резко повернула, как поворачивала земляная стена, и закончилась у входа в низкую пещеру. В темной зелени у входа в пещеру лежали другие игрушки.

Он встал на колени, прополз над игрушками в благодатную темноту и лег там, ожидая.

Вскоре бегущие шаги поспешили мимо в нескольких метрах внизу. Голоса снизу доходили до него.

— Он направлялся к реке. Думаешь, он собирался прыгнуть в нее?

— Кто знает? Но, я думаю, наверняка он был болен.

— Здесь! Вниз, кто-то прошел сюда.

Голоса удалялись, смешиваясь с булькающим звуком воды.

Мужчины шли вниз по тропе. Они прошли мимо его потайного места. Но почему они преследовали его? Он не мог серьезно ранить этого человека. Наверняка они ни о чем не подозревали.

Но размышления могли и подождать.

Медленно, железной волей, он заставил себя обдумать, что ему следует предпринять, заставляя работать все специализированные части, и начал зарываться в землю пещеры. Он зарывался все глубже и глубже, выбрасывая выкопанную землю назад, а часть ее из пещеры, чтобы создать видимость, что она рухнула.

Он пробрался вглубь метров на десять прежде, чем остановился. Оставшийся еще запас энергии был необходим для следующей стадии. Он повернулся на спину, отбросив омертвевшие части ног и спины, выпуская королеву и отряд охраны на землю за его лохматой спиной. На бедре открылись отверстия, выпустили пену кокона, смягчающего зеленого покрытия, которое затвердеет в защитный панцирь.

Это была победа, основные части выжили.

Теперь главным было время — около двадцати дней, чтобы собрать новую энергию, пройти через метаморфозы и распасться. А потом появятся тысячи таких, как он — каждый с тщательно симитированной одеждой и документами, устанавливающими личность, каждый с внешностью, создающей впечатление человека.

Все они, как один, будут похожи друг на друга.

Будут другие пропускные пункты, но не такие строгие, другие барьеры — но поменьше.

Эта человеческая копия оказалась достоверной. Высший совет его рода сработал хорошо. Они многое узнали от разных пленников в сертао. Но трудно было понять человеческое существо. Даже когда им дали ограниченную свободу, почти невозможно было найти с ними общий язык. Их сознание избегало всех попыток контакта.

И всегда ставился первостепенный вопрос: как могло любое правительство позволить случиться катастрофе, которая охватывала всю планету?

Трудные человеческие существа — их рабская приверженность планете окажется для них... вероятно, обернется драмой.

Королева зашевелилась возле холодной земли, подталкиваемая к действию своей гвардией. Сигнал сбора прошел во все части тела, выискивая оставшихся в живых, оценивая силы. На этот раз они узнали много нового о том, как растворится в человеческой толпе. Все последующие рои колоний поделятся этими знаниями. По крайней мере один из них проникнет в город по «реке-морю» Амазонке, где, очевидно, зародилась смерть для всех.

Хотя бы один из них должен проникнуть.

Глава 2

Синий дым плавал в воздухе кабаре. Каждая струя дыма, знак одного стола, вилась вверх от центральной отдушины стола — в одном месте бледного розовато-лилового цвета по пути к розовому, такому нежному, как кожа ребенка, в другом месте зеленого; который приносил воспоминания об индийской кисее, сотканной из папасной травы. Только что пробило девять часов вечера, и кабаре А'Чигуа, лучшее в Бахии, начало развлекательную программу. Бренчащая музыка колокольчиков задавала задорный ритм для танцевальной труппы, одетой в стилизованные костюмы муравьев. Искусственные антенны-усики и манипулы колыхались в дыму.

Завсегдатаи А'Чигуа занимали нижние диваны. Женщины были блеском тропического цвета, богатого, как цветы

джунглей, они выстроились напротив мужчин в белом. То тут, то там, как знаки препинания, блестели белые спецовки пограничников. Это была Зеленая зона, где пограничники могли отдохнуть и поиграть после работы в Красных джунглях или на барьерах.

В комнате стоял гомон от разговоров на десятке языков...

— Сегодня я на счастье возьму розовый стол. Это цвет женской груди или нет?...

— Итак я напустил туда целую стену пены, мы вошли и вычистили целое гнездо муравьев-мутантов. Должно быть, там было десять, двадцать миллионов.

Доктор Рин Келли прислушивалась к разговорам в комнате минут двадцать, внимание ее все больше и больше привлекали подводные течения напряженности в, казалось бы, праздных разговорах.

— Да, новые яды работают. — Это был пограничник за столом позади нее, отвечающий на вопрос о выживающих. — Окончательное уничтожение, похоже, будет зверской работой, такой же, как в Китае. Они там были вынуждены навалиться все и убивать последних жуков вручную.

Рин почувствовала, что ее компаньон пошевелился, и подумала: «Он слышал». Она взглянула через стол сквозь янтарный дым и встретила с миндалевидными глазами своего сопровождающего. Он улыбнулся, а она подумала, как и неоднократно раньше, какой выдающейся персоной является этот д-р Трэвис Ханнингтон Чен-Лу. Это был высокий, с таинственным квадратным лицом, северный китаец, с коротко подстриженными волосами, все еще черными в его шестьдесят лет. Он наклонился к ней и прошептал:

— Никуда не уйдешь от слухов, а-а?

Она покачала головой, удивившись в который уже раз, почему выдающийся д-р Чен-Лу, районный директор Международной экологической организации (МЭО), настоял, чтобы она пришла сюда сегодня, в первый же ее вечер в Бахии. Она не питала никаких иллюзий по поводу того, почему он приказал ей приехать из Дублина: вероятно, у него была проблема, которая требовала вмешательства тайного агента МЭО. Как обычно, эта проблема окажется связанной с мужчиной, у которого следует что-то узнать. Чен-Лу уже намекнул на это во время дневного «общего инструктажа». Но он должен еще назвать имя мужчины, на котором ей предстоит испытать свои чары.

— Говорят, что определенные растения вымирают из-за недостаточной полинезации.

Это была женщина за столом позади нее, и Рин насторожилась. Да, это опасный разговор.

Но пограничник за ее спиной сказал:

— Дай ход назад, кукла. Ты говоришь, как та дама, которую они подобрали в Итабуне.

— Какая дама?

— Она распространяла литературу о Карзоните прямо там, в деревне за барьером. Полиция сцапала ее прежде, чем ей удалось избавиться от двадцати штук. Они вернули большинство из этих двадцати, но ты же знаешь, как это бывает с такими вещами здесь и особенно там, около Красной зоны.

У входа в А'Чигуа возник шум, крики:

— Джонни! Эй, Джонни! Эй, счастливчик Хуан!

Рин, вместе со всеми завсегдатаями А'Чигуа обратила свой пристальный взор в ту сторону, заметив, что Чен-Лу притворяется, что ему это безразлично. Она увидела, что семь пограничников остановились прямо в центре комнаты, как будто споткнувшись о заслон из выкриков.

Во главе их стоял пограничник со знаком золотой бабочки — лидера группы, прикрепленному к лацкану. Рин изучала его с неожиданным подозрением. Человек среднего роста, с темной кожей, кудрявыми черными волосами, крепко сложенный, но изящный в движении. Тело его излучало силу. В контраст телу было лицо, узкое и аристократическое, на котором выделялся узкий нос с заметной горбинкой. Очевидно, что среди его предков были сеньоры высокого рода.

Про себя Рин описала его, как «зверски красивого». И снова она отметила, что Чен-Лу показывает всем своим видом незаинтересованность, и тут же подумала: «Так вот почему я здесь».

Эта мысль заставила ее странным образом ощутить свое тело. Моментально через нее прошла волна резкого осознания своей роли, и она подумала: «Я многое совершила и нередко продавала себя, чтобы очутиться здесь в этот момент. А что мне-то остается самой?» Никому не нужны были услуги д-ра Рин Келли, энтомолога. Но Рин Келли, ирландская красавица, женщина, которая испытывала удовольствие от других своих обязанностей... вот за это она и пользовалась таким большим спросом.

«Если я и не испытаю радости от этой работы, то, надеюсь, по крайней мере, она не будет противна», — подумала она.

Она знала, как должна смотреться в этой компании подпитых темнокожих женщин. Она была рыжеволосая зеленоглазая женщина хрупкого телосложения. Плечи, переносица и лоб ее были усыпаны веснушками. В этой комнате — она, одетая в длинное платье под цвет ее глаз, с маленьким золотистым значком МЭО на груди — в этой комнате она бросалась в глаза.

— Кто этот мужчина у двери? — спросила она.

Улыбка, подобная легкому порыву от слабого ветерка, осветила точеные черты лица Чен-Лу. Он бросил взгляд на входную дверь.

— Какой мужчина, моя дорогая? Там, кажется... их семь.

— Прекратите притворяться, Трэвис.

Миндалевидные глаза изучали ее, затем перекинулись на группу у входа.

— Это Хуан Мартино, шеф ирмандадес, и сын Габриэля Мартино.

— Хуан Мартино, — сказала она. — Тот самый, кому, по вашим словам, принадлежит полная заслуга расчистки Паратинги.

— Он отхватил приличную сумму, моя дорогая. Для Джонни Мартино этого вполне достаточно.

— Сколько?

— Ах, вот это практичная женщина, — сказал он. — Они поделили пятьсот тысяч крузейро.

Чен-Лу откинулся на диване, понюхал терпкий запах, исходящий с дымом из отдушины стола и подумал: «Пятьсот тысяч! Этого будет достаточно, чтобы уничтожить Джонни Мартино — если я поставлю это своей целью. А с Рин мне не угрожает неудача. Этот барон Бахии будет только рад клюнуть на такую наживку, как прекрасная Рин. Да, скоро мы получим козла отпущения: Джонни Мартино, капиталиста, большого сеньора, которого обучили янки.

— Виноградная Лоза из Дублина имеет в виду Хуана Мартино, — сказала Рин.

— А-ах, Виноградная Лоза, — сказал он. — Что она сказала?

— Неприятности в Паратинге — там упоминаются имена его и его отца.

— Ах, да, понимаю.

— Ходят странные слухи, — сказала она.

— И вы находите их зловещими.

— Нет, просто странными.

«Странными», — думал он. Это слово поразило его мгновенно осенившей его ассоциацией, потому что оно перекликалось с посланием курьера с родины, которое и натолкнуло его на мысль послать за Рин. «Ваша странная медлительность в решении нашей проблемы вызывает необходимость поднять очень беспокоящие нас вопросы». То предложение и это слово вдруг всплыло в памяти из того послания. Для Чен-Лу эти слова были продиктованы нетерпением: пониманием нависшей над Китаем катастрофы, которая могла обрушиться в любой момент. И он также знал, что там есть те, кто не доверяет ему, потому что в его родословной были эти проклятые белые.

Он прошептал:

— Странные — это не совсем то слово, чтобы описать пограничников, обезвреживающих Зеленые зоны.

— Я слышала какие-то довольно дикие истории, — пробормотала она. — Секретные лаборатории пограничников — противозаконные эксперименты по мутации...

— Заметьте, Рин, что большинство сообщений о странных, гигантских насекомых исходят от пограничников. В этом только и заключается единственная странность.

— Логично, — сказала она. — Пограничники находятся на передней линии, где могут происходить такие вещи.

— Конечно, вы, как энтомолог, не верите таким диким историям, — сказал он.

Она пожала плечами, чувствуя странную несговорчивость. Он, конечно, был прав, должен был быть прав.

— Логично, — сказал Чен-Лу. — Использование диких слухов для внушения страха среди местных табареус, в этом я вижу единственную логику.

— Поэтому вы хотите, чтобы я поработала с этим начальником пограничников, — сказала она. — Что я должна узнать?

«Ты должна узнать то, что я хочу, чтобы ты узнала», — подумал Чен-Лу. Но вслух он сказал:

— Почему вы так уверены, что вашим объектом должен стать Мартиньо? Это то, что сказала Виноградная Лоза?

— Ох-ох, — сказала она, удивляясь тому гневу, который поднимался в ней. — Можно подумать, что у вас не было специальной цели, когда вы посылали за мной. Или достаточным основанием является мое очаровательное я!

— Я бы не смог изложить это лучше, — сказал он. Он повернулся и подозвал официанта, который подошел и поклонился, чтобы принять заказ. Затем официант прошел боковым путем к группе у входа и заговорил с Хуаном Мартиньо.

Пограничник изучал Рин, изредка бросая на нее взгляд, затем перевел взгляд на Чен-Лу. Чен-Лу поклонился.

Несколько женщин, как яркие бабочки, присоединились к группе Мартиньо. Макияж на их глазах делал их похожими на созданий, выглядывающих из фасетных щелей. Мартиньо освободился и направился к столу с янтарным дымом. Он остановился напротив Рин, поклонился Чен-Лу.

— Полагаю, вы д-р Чен-Лу, — сказал он. — Какая радость. Как может МЭО быть такой щедрой, что посылает своего районного директора на такое праздное времяпрепровождение? А про себя подумал: «Вот — я высказал свои мысли таким образом, чтобы этот дьявол в образе человеческого понял меня».

— Я развлекаюсь, — ответил Чен-Лу. — Могу позволить себе немного расслабиться, чтобы поприветствовать нового работника в нашем штате. — Он встал с дивана и взглянул на Рин. — Рин, я хотел бы познакомить вас с сеньором Хуаном Мартиньо. Джонни, это д-р Рин Келли, только что из Дублина, новый энтомолог нашей организации.

Мысленно же Чен-Лу продолжил: «Это враг. Не сделай ошибки. Это враг. Это враг. Это враг».

Мартиньо низко поклонился:

— Очарован.

— Это честь быть представленной вам, сеньор Мартиньо, — сказала она. — Я слышала о ваших подвигах..., даже в Дублине.

— Даже в Дублине, — пробормотал он. — Фортуна была благосклонна ко мне, но никогда не была так благосклонна, как сейчас.

Он усталился на нее бесцеремонно, пытаясь понять, какие такие специальные обязанности могут быть у этой женщины. Может она любовница Чен-Лу?

В неожиданно наступившей тишине прозвучал женский голос позади Рин. — Змеи и грызуны действительно усиливают давление на цивилизацию. Так говорится в...

Кто-то зашикал на нее.

Мартиньо сказал:

— Трэвис, я не могу понять одного. Как можно называть такую прекрасную женщину доктором?

Чен-Лу выдавил смехок. — Поосторожней, Джонни. Д-р Келли мой новый директор полевых работ.

— Я надеюсь разъездной директор, — сказал Мартиньо.

Рин остановила на нем холодный взгляд, но это была наигранная холодность. Она находила его прямо ту волнующей и пугающей.

— Меня предупреждали о латиноамериканских льстивых речах, — сказала она. — У всех у вас с детства заложены гены лести в ваших родословных, так мне было сказано.

Голос ее звучал сейчас на богатых низких тонах, что заставило Чен-Лу улыбнуться про себя. «Помни — это враг», — думал он.

— Не присоединитесь ли к нам, Джонни? — спросил Чен-Лу.

— Вы спасаете меня от необходимости навязываться самому, — сказал Мартиньо. — Но вы знаете, я пришел со своими товарищами.

— Кажется, они уже все заняты, — сказал Чен-Лу. Он кивнул в сторону входа, где группа ярких женщин обступила всех, кроме одного из спутников Мартиньо. Женщины и пограничники занимали места за большим столом в углу с синей отдушиной.

Оставшийся в одиночестве колебался, к кому присоединиться — к товарищам за столом или к Мартиньо.

Рин изучала этого человека: пепельно-серые волосы, длинное, не молодое и не старое, лицо, которое портил шрам от кислоты на левой щеке. Он напоминал ей дьячка из Вексфорской церкви.

— Ах-да, это Виеро, — сказал Мартиньо. — Мы называем его падре. Судя по всему, он еще не решил, кого защищать — наших братьев из отряда или меня. Лично я думаю, что

мне он нужен больше. — Он дал знак Виеро, повернулся и сел рядом с Рин.

Появился официант, бесшумно поставил на стол кувшин с золотистым напитком. Он не смотрел на стол, он пожирал глазами Рин.

— Ирландия готова присоединиться к нам? — спросил он.

— Присоединиться к вам?

— На передислокацию насекомых мира. Она взглянула на Чен-Лу, на его лице не было никакой реакции на вопрос, она вновь обратила внимание на Мартиньо.

— Ирландцы разделяют осторожность канадцев и северных американцев Соединенных Штатов. Ирландцы, пока еще, немного подождут.

Кажется, этот ответ вызвал его раздражение. — Но я имею в виду то, что Ирландия, конечно, понимает все преимущества, — сказал он. — У вас нет змей. Это должно...

— Это то, что сам Бог сделал рукой святого Патрика, — сказала она. — Я не думаю, что пограничники являются кастой, подобной богу. — Она произнесла это под влиянием вспышки гнева и мгновенно пожалела об этом.

— Я должен был предупредить вас, Джонни, — сказал Чен-Лу. — У нее ирландский темперамент.

А сам подумал: «Он действует на пользу мне — чертов человечиска».

— Понятно, — сказал Мартиньо. — Если Бог не нашел нужным избавить нас от насекомых, вероятно, мы не правы, пытаясь сами сделать это для себя.

Рин с негодованием взглянула на него.

Чен-Лу подавил вспышку настоящей ярости. Этот латиноамериканский дьявол поставил Рин в затруднительное положение! Намеренно!

— Мое правительство не признает существования Бога, — сказал Чен-Лу. — Вероятно, если бы Бог хотел начать обмен посольствами..., — он похлопал Рин по руке, заметив, что она дрожит. — Однако, МЭО полагает, что мы продолжим борьбу на север от линии Рио Гранде в течении десяти лет.

— Это МЭО полагает? Или это полагает Китай?

— Оба.

— Даже если возражают североамериканцы?

— Полагают, что они поймут свет разума.

— А ирландцы?

Рин удалось улыбнуться.

— Ирландцы, — сказала она, — всегда были упрямо неразумны.

Она протянула руку за напитком, когда внимание ее привлёк одетый в белое пограничник, стоящий за столом — Виеро.

Мартиньо вскочил, поклонился еще раз Рин. — Д-р Келли, позвольте мне представить одного из братьев ирмандадес, падре Виеро. — Он повернулся спиной к Рин. — Этот очаровательный доктор, мой почитаемый падре, является директором МЭО по полевым испытаниям.

Виеро слегка поклонился, напряженно присел на край дивана около Чен-Лу. — Очарован, — пробормотал он.

— Мои ирмандадес очень застенчивы, — сказал Мартиньо. Он снова занял место рядом с Рин. — Они хотели бы лучше быть там и убивать муравьев.

— Джонни, как чувствует себя ваш отец? — спросил Чен-Лу.

Мартиньо заговорил, не отрывая взгляда от Рин.

— Обязанности префекта Матто постоянно приковывают все его внимание. — Он пожал плечами. — У вас прекрасные глаза.

И снова Рин была обескуражена его прямоотой. Она подняла кувшин с золотистым напитком и спросила:

— Что это?

— А-а, это крепкий напиток, бразильский мед. Поставьте его поближе к себе. В ваших глазах есть искорки света, которые гармонируют с золотом этого напитка.

Она быстро подавила раздражение, поднесла напиток к губам, испытывая истинное любопытство. Она замерла, поднеся стеклянную трубочку к губам, когда поймала взгляд Виеро, устремленный на ее волосы.

— Они действительно такого цвета? — спросил он.

Мартиньо засмеялся неожиданно удивительным, выдающим его привязанность к этому человеку, смехом.

— Ах, падре, — сказал он с какой-то нежностью.

Рин потянула напиток из трубочки, чтобы скрыть смущение, нашла, что жидкость приятно мягкая, напоминающая о многих цветах, и с резким привкусом сахара.

— Но что это за цвет, — продолжал настаивать падре.

Чен-Лу наклонился вперед.

— У многих ирландских девушек такой рыжий цвет волос, Виеро. — Считается, что он говорит о диком темпераменте.

Рин поставила напиток на стол, удивляясь своим ощущениям. Она почувствовала дружеские отношения между Виеро и его шефом и с грустью ощутила, что не может разделить это чувство.

— Куда дальше, Джонни? — спросил Чен-Лу.

Мартиньо бросил взгляд на брата ирмандадес, перевел тяжелый взгляд на Чен-Лу. Почему этот представитель МЭО задает этот вопрос здесь и сейчас? Чен-Лу должен знать, куда они последуют дальше. Ведь других вариантов нет.

— Удивлен, что вы не слышали, — сказал Мартиньо. — Днем я прощаюсь и отбываю в Сьерра Дос Паресис.

— На громадного жука Мамбуку, — пробормотал Виеро. Неожиданно тень гнева омрачила лицо Мартиньо.

— Виеро, — резко прервал он.

Рин перевела пристальный взгляд с одного на другого. За столом установилась напряженная тишина. Она ощутила ее, как покалывание в руках и плечах. В этом было что-то странное... даже сексуальное... и внушающее глубокое беспокойство. Она узнала реакцию тела. Но сейчас она ненавидела ее, потому что не знала, где точно искать ее источник на этот раз. Все, что она могла сказать себе, было: «Вот почему Чен-Лу послал за мной — завлечь этого Хуана Мартиньо и вернуть им. Я сделаю это, но то, что ненавистно мне, так это тот факт, что я сделаю это с радостью.»

— Но, начальник, — сказал Виеро. — Ты сам знаешь, что было сказано о...

— Я знаю! — рявкнул Мартиньо. — Да!

Виеро кивнул, на лице его промелькнула боль.

— Говорили, что это...

— Есть мутанты, мы знаем это, — сказал Мартиньо. А сам подумал: «Почему Чен-Лу затеял весь этот разговор сейчас? Чтобы посмотреть, как я спорю с одним из своих людей?»

— Мутанты? — спросил Чен-Лу.

— Мы видели то, что мы видели, — сказал Виеро.

— Но описание этого существа — это физически невозможная вещь, — сказал Мартиньо. — Это должно быть, продукт чьих-то предрассудков. Это я знаю.

— Неужели, шеф?

— Что бы это ни было, мы увидим сами, — сказал Мартиньо.

— О чем мы здесь говорим? — спросила Рин.

Чен-Лу кашлянул. «Пусть она увидит, до какой крайности пойдет наш враг, — подумал он. — Пусть она увидит все вероломство этих пограничников. А затем, когда я скажу ей, что она должна делать, она с готовностью сделает это.»

— Здесь бытует рассказ, Рин, — сказал Чен-Лу.

— Рассказ! — выдохнул Мартиньо.

— Ну, пусть будет слух, — сказал Чен-Лу. — Некоторые пограничники Диего Альвареса говорят, что видели мифическое чудовище трех метров высотой в Сьерра Дос Паресис.

Виеро наклонился к Чен-Лу, лицо его было напряжено. Шрам от кислоты побелел на щеке пограничника.

— Альварес потерял шестерых людей прежде, чем ушел из Сьерры. Вы знаете это, синьор? И он...

Виеро прервал разговор при появлении человека в заляпанном рабочем халате пограничника. Человек был круглолицым, с индейскими глазами. Он остановился позади Мартиньо и стоял там в ожидании.

Наконец он низко склонился к Мартиньо и зашептал.

Рин удалось уловить лишь несколько его слов — они были сказаны тихо и на каком-то варварском диалекте выходцев из глубинки — что-то о Плаце, центральной площади... толпах народа.

Мартиньо сжал губы и сказал:

— Когда?

Рамон выпрямился и сказал немного громче:

— Только что, шеф.

— На Плаце?

— Да, меньше чем в квартале отсюда.

— Кто это? — спросил Чен-Лу.

— Тезка этого кабаре, — сказал Мартиньо.

— Джигер?

— Говорят.

— Но это Зеленая зона, — сказала Рин. И она удивилась своему неожиданному чувству отвращения.

Мартиньо рывком встал с дивана.

Лицо Чен-Лу выдавало странные признаки настороженности, когда он взглянул на лицо шефа пограничников.

— Простите меня, пожалуйста, Рин Келли, — попросил извинения Мартиньо.

— Куда вы идете? — спросила она.
— Есть работа.
— Один джигер? — спросил Чен-Лу. — Вы уверены, что это не ошибка?

— Не может быть ошибки, сеньор, — сказал Рамон.
— Разве нет средства, рассчитанного на такие случаи? — спросила Рин.

— Очевидно, бывают безбилетники, которые проникают в Зеленую зону с каким-то грузом или...

— Вероятно, нет, — сказал Мартиньо. Он кивнул Виеро. — Собери людей. Мне особенно нужен Томе на грузовик и Лон для освещения.

— Минуту, шеф. — Виеро вскочил и направился через комнату к другим ирмандадес. — Что вы хотите сказать этим «вероятно, нет»? — спросил Чен-Лу.

— Это новый, в существование которого вы не хотите даже верить, — ответил Мартиньо. Он повернулся к Рамону. — Иди, пожалуйста, с Виеро.

— Да, шеф.

Рамон повернулся почти с военной выправкой и пошел вслед за Виеро.

— Объясните нам, пожалуйста, — попросил Чен-Лу.

— Его описывают как стреляющего струей кислоты и длиной почти с полметра, — ответил Мартиньо.

— Невозможно, — выдавил Чен-Лу.

Рин покачала головой.

— Никакой джигер не мог бы...

— Это шутка пограничника, — сказал Чен-Лу.

— Как вам угодно, сеньор, — сказал Мартиньо. — Вы видели шрам от кислоты на лице Виеро? Это результат такой же шутки. — Он повернулся к Рин и откланялся. — Прошу прощения, сеньорита.

Рин встала. Джигер и длиной почти в полметра!

Странные слухи, которые изредка доходили до нее, сейчас коснулись ее, наполняя ее чувством ирреальности. Но есть же какие-то физические пределы. Такого просто не может быть. Или может быть? В ней заговорил сейчас энтомолог. Логика и подготовка взяли свое. Это дело, которое можно либо доказать, либо опровергнуть лишь через несколько минут. На расстоянии менее квартала, сказал этот человек. На Плац. И, конечно, Чен-Лу не хотел бы, чтобы она так скоро рассталась с Хуаном Мартиньо.

— Конечно, мы идем с вами, — сказала она.

— Конечно, — сказал Чен-Лу, поднимаясь.

Рин пошла под руку с Мартиньо.

— Покажите мне этого фантастического джигера, пожалуйста, синьор Мартиньо.

Мартиньо накрыл своей ладонью ее руку и почувствовал эффект электрического тепла. Какая беспокойная женщина!

— Пожалуйста, — сказал он. — Вы так прекрасны, и только при мысли о том, что эта кислота...

— Я уверен, что это лишь слухи, а они безопасны, — сказал Чен-Лу. — Пожалуйста, Джонни, ведите нас.

Мартиньо вздохнул. Неверующие были так упрямы — но это был шанс, чтобы неопровержимое доказательство того, что уже известно пограничникам, дошло до такой высокой инстанции. Да, районный директор Чен-Лу должен пойти. Действительно, он должен пойти. Мартиньо неохотно передал руку Рин Чен-Лу.

— Конечно, вы пойдете, — сказал он. — Но, пожалуйста, держите прекрасную Рин Келли подальше, синьор. Слухи иногда выпускают ужасное жало.

— Мы примем все меры предосторожности, — сказал Чен-Лу. Колкость в его голосе была вполне очевидной.

Люди Мартиньо уже направились к двери. Он повернулся, последовал за ними, не обращая внимания на внезапную тишину, установившуюся в комнате, когда все внимание было обращено на него.

Рин, сопровождая Чен-Лу на улицу, была поражена специальным устройством на плечах пограничников. Они не показались ей людьми, склонными к обману — но это было то, что должно быть. Это не могло быть ничем иным.

Глава 3

Ночь светила сине-белым светом из работяг-фонарей, свисающих с несущих балок над улицей. Люди, одетые в костюмы многих народов и стран, многоцветная река людей текла мимо А'Чигуа к Плацу.

Мартиньо спешил, он вел своих людей сквозь этот поток. Люди расступались, слышались слова приветствия.

— Это Хуан Мартиньо и некоторые из его ирмандадес.

— ...Паратинга с Бенито Альваресом.

— Хуан Мартиныо...

На Плаце уже стоял белый грузовик пограничников. Хермосилмо настраивал прожекторы на фонтан. На дороге стояли и другие официальные машины и грузовики. Грузовик Хермосилмо был специально приспособленным, недавно возвратившимся из глубинных районов, судя по его виду. Верхние части его крыльев были залепаны грязью. Линия отделения передней гондолы была ясно различима — отчетливая трещина, которая шла вокруг всей машины. Два из его подъемных двигателей не соответствовали по своей белизне остальным, свидетельство ремонтных работ в полевых условиях.

Мартиныо последовал за щупальцами прожекторов. Он прошел вперед к шеренге полицейских и пограничников, сдерживающих толпу, его пропустили, узнав в лицо, за ним следовали его люди.

— Где Рамон? — спросил Мартиныо.

Виеро, идущий следом, сказал: — Рамон пошел за грузовиком с Томе и Лоном. Я не вижу А'чигау.

— Но ты посмотри, — сказал Мартиныо, показывая.

Толпу сдерживали вокруг Плацо на расстоянии метров пятидесяти от центрального фонтана, который поднимался закругляющимися сверкающими дугами. Перед толпой находился круг, мозаичная поверхность которого была украшена фигурами птиц Бразилии. Внутри этого кафельного кольца поднимался выступ в десять сантиметров к кругу зеленой лужайки диаметром приблизительно метров двадцать, в центре которой была чаша фонтана. Между кафелем и лужайкой фонтана проглядывали желтые пучки мертвой травы.

— Кислота, — прошептал Виеро.

Прожекторы резко сконцентрировались на перемещающемся движении внутри струй кольца фонтана. По толпе прошел свист, как порыв ветра.

— А-а, вот он, — сказал Мартиныо. — А сейчас поверит ли такой сомневающийся высокий представитель МЭО?

Когда он говорил эти слова, из существа в фонтане на лужайку дугой вышла струя.

— И-и-а-а-х, — выдохнула толпа.

Мартиныо услышал низкий стон слева, повернулся и увидел врача, направляющегося туда вдоль внутреннего кольца толпы. Врач свернул в толпу на другой стороне грузовика

Хермосилмо, подняв сумку над головой, когда проходил сквозь плотную толпу.

— Кто ранен? — спросил Мартиньо.

Один из полицейских позади него сказал:

— Это Альварес. Он пытался достать это... это существо, но он взял только щиток для руки и разбрызгивающее ружье. Щиток этот не защита от быстроты а'чигуа. Оно попало Альваресу в руку.

Виеро потянул Мартиньо за рукав, указывая в толпу позади полицейских. Рин Келли и Чен Лу пропускали сквозь толпу, стоило лишь им показать значки МЭО.

Рин помахала и позвала:

— Синьор Мартиньо... но такое невозможно! Оно, по крайней мере, сантиметров семьдесят пять. Оно должно весить три или четыре килограмма.

— Они что, не верят собственным глазам? — спросил Виеро.

Чен-Лу подошел к полицейскому, который описал травму Альвареса и сказал:

— Пропустите нас, пожалуйста.

— Что? А-а... да, сэр. — Линия охраны расступилась.

Чен-Лу остановился около руководителя пограничников, взглянул сначала на Рин, затем на Мартиньо.

— Я тоже не верю. Вот если бы я мог пощупать своими руками эту... эту вещь.

— Что это, чему вы не верите? — спросил Мартиньо.

— Я думаю, что это что-то вроде автомата. Так, Рин?

— Должно быть, — сказала она.

— Ну и во сколько вы оцениваете эту вероятность, — спросил Мартиньо.

— Десять тысяч крузейро.

— Пожалуйста, придержите прекрасного д-ра Келли здесь, вне поля досягаемости, — сказал Мартиньо. Он повернулся к Виеро. — Что там задерживается Рамон с грузовиком? Найди их. Мне нужны увеличительное стекло, щиток и усовершенствованное ружье.

— Шеф!

— Быстро. О, да... и возьми большую бутылку для образцов.

Виеро вздохнул и пошел выполнять приказ.

— Чем является эта вещь, вы говорите? — спросил Чен-Лу.

— Я не обязан говорить.

— Вы хотите сказать, что это одно из тех существ, которых никто кроме пограничников, кажется, не видит в отдаленных районах?

— Я не могу отрицать того, что видят мои глаза.

— Почему мы никогда не видели образцов, интересно знать? — размышлял Чен-Лу.

Мартиньо задержал дыхание, чтобы сдержать взрыв гнева. Здесь, в Зеленой Зоне, это до смешного безопасно. Он осмелился поставить под вопрос то, что пограничники знают фактически давно!

— Разве это неинтересный вопрос? — спросил Чен-Лу.

— Нам повезло, что мы сами выбрались оттуда живыми, — взорвался Мартиньо.

— Любой энтомолог скажет вам, что такое физически невозможно, — сказала Рин.

— Материал не может служить опорой такой структуре, да еще при такой деятельности, — сказал Чен-Лу.

— Могу понять, что энтомологи должны быть правы, — сказал Мартиньо.

Рин пристально посмотрела на него. Злой цинизм удивил ее. Он наступал, а не оставался в обороне. Он действовал как человек, который верит, что невозможное там в фонтане действительно является гигантским насекомым. Но в ночном клубе он оспаривал другую сторону.

— Вы видели таких существ в джунглях? — спросил Чен-Лу.

— Вы разве не видите шрам на лице Виеро?

— Что доказывает этот шрам?

— Мы видели... то что мы видели.

— Но насекомое не может достигать таких размеров! — запротестовала Рин. Она обратила внимание на темное существо, которое плясало вдоль кольца фонтана за стеной воды.

— Так мне доложили, — сказал Мартиньо. Он размышлял тогда над сообщением из Сьерра Дос Паресис. Фантастические существа ростом в три метра — восемнадцать футов. Он знал аргументы, опровергающие такую вещь. Рин, все энтомологи были правы. Возможно ли, чтобы эти существа были автоматами? Кто бы мог построить такие вещи? Зачем?

— Это должно быть какого-то рода механическим подобием... — сказала Рин.

— Хотя кислота и реальна, — сказал Чен-Лу. — Посмотрите на желтые пятна на лужайке.

Мартиньо напомнил себе, что его собственные знания вынуждали его согласиться с Рин и Чен-Лу. Он бы даже отрицал перед Виеро, что гигантское фантастическое чудовище может существовать. Он знал, как обрастают слухи. Сейчас в этих Красных зонах так мало людей, кроме пограничников. План повторного заселения был самым эффективным. И нельзя было отрицать того, что многие пограничники — полуграмотные люди с предрассудками, привлеченные на работу только романтикой и деньгами.

Мартиньо покачал головой. Он был там на дороге Гояза в тот день, когда Виеро получил ожог кислотой. Он видел... то, что он видел. А сейчас это создание в фонтане.

Свистящий рев моторов грузовика дошел до его сознания. Звук стал громче. Толпа расступилась, давая широкий проход, когда Рамон развернул грузовик ирмандадес рядом с машиной Хермосилмо. Задние дверцы открылись, и Виеро spryгнул вниз, когда моторы заглохли.

— Шеф, — позвал он. — Почему мы не используем грузовик? Рамон мог бы подогнать его прямо к...

Мартиньо дал ему знак замолчать и заговорил с Чен-Лу.

— У грузовика недостаточная маневренность. Вы видели, как быстро это существо.

— Вы не сказали, что думаете о природе этого существа, — сказал Чен-Лу.

— Я скажу это, как только увижу его в бутылке для образцов, — сказал Мартиньо.

Виеро подошел к нему и сказал:

— Но грузовик бы дал нам возможность...

— Нет! Д-р Чен-Лу желает получить неповрежденный образец. Дайте нам несколько пенных бомб. Мы пойдем туда сами.

Виеро вздохнул, пожал плечами, вернулся к задней дверце грузовика и коротко переговорил с кем-то внутри. Пограничник в грузовике начал передавать оборудование.

Мартиньо повернулся к полицейскому, помогающему сдерживать толпу, и сказал:

— Можете вы передать сообщение машинам, стоящим там?

— Конечно, уважаемый сэр.

— Я хочу, чтобы они отвернули фары. Я не могу рисковать быть ослепленным фарами перед собой. Вы понимаете?

— Им сейчас же передадут. — Он повернулся и передал приказ офицеру вдоль по шеренге.

Мартиньо подошел к задней дверце грузовика, взял ружье, проверил зарядное устройство, вынул его, взял другое с полки на дверце. Он вставил замок и снова проверил ружье.

— Держите бутылку для образцов здесь, пока мы не сделаем неподвижным это... эту вещь, — сказал он. — Я крикну, когда она понадобится.

Виеро выкатил щиток толщиной в два сантиметра из кислотостойкого материала, привел в нужное состояние увеличительное стекло, установил на двухколесную ручную тачку. Узкая щель справа приняла ружье.

Пограничник в грузовике выдал два защитных костюма — серебристо-серые фибerglassовые сэндвичи, упакованные в синтетический материал, стойкий против кислоты.

Мартиньо залез в один из них и проверил замки.

Виеро залез в другой.

— Я могу использовать Томе со щитком, — сказал Мартиньо.

— Томе не имеет достаточно опыта, шеф.

Мартиньо кивнул, начал проверять пенные бомбы и вспомогательное оборудование. Он повесил дополнительные зарядные цилиндры на полку щитка.

Все делалось быстро и молча, с легкостью, которая приходит с долгим опытом. Толпа позади грузовика даже немного притихла в напряженном ожидании. Только слабое бормотание разговора окружало грузовик.

— Оно все еще там в фонтане, шеф, — сказал Виеро.

Он взял контрольную ручку щитка и направил ее на мозаичный кафель. Правое колесо остановилось на синей шее с рисунка кондора, вделанного в плитках. Мартиньо вставил в щель ружье-распылитель и сказал:

— Нам было бы намного легче, если бы требовалось просто убить его.

— Эти существа быстры, как дьяволы, — сказал Виеро. — Мне все это не нравится, шеф. Что, если это существо заберется за щиток... — Он нащупал рукав защитного костюма. — Это было бы равносильно тому, чтобы пытаться остановить реку куском кисеи.

— Так не пускай ее за щит.

— Я сделаю все, что в моих силах, шеф.

Мартиньо изучал существо, ожидающее за стеной воды в кольце фонтана, и сказал:

— Давай ручной свет. Может быть, мы сможем ослепить его.

Виеро установил ручной щиток и вернулся к грузовику. Он моментально вернулся с фонарем, висевшим на поясе.

— Пошли, — сказал Мартиньо.

Виеро запустил ручку ручной тачки и завел моторы. Из нее исходил слабый шум. Он повернул ручку управления на два деления. Щиток пополз вперед, выравнивая путь по приподнятому кольцу Плаца на лужайку.

От создания в фонтане вышла дуга струи кислоты и плеснула на траву метрах в десяти от них. От лужайки пошел закипающий белый маслянистый дым, его относило влево легким бризом. Мартиньо заметил направление бриза, дал сигнал, чтобы щиток повернуть против ветра. Они сделали круг вправо.

Еще одна струя кислоты дугой вылетела в их направлении и не дошла до них примерно на том же расстоянии.

— Такое впечатление, что оно что-то хочет нам объяснить, шеф, — пошутил Виеро.

Они медленно приближались к существу, пересекли один из желтых участков травы.

И снова из кольца фонтана последовала струя. Виеро наклонил щиток назад. Кислота плеснула на траву, побежала вниз по крышке. Едкий запах ударил в нос.

Сдавленное «А-а-а-х-х-х» поднялось над толпой на Плаце.

— Они дураки, что стоят так близко, ты же знаешь, — сказал Виеро. — Капут А'чигуа.

— Капут образцу д-ра Чен-Лу, — сказал Виеро. — Капут десяти тысячам крузейро.

— Да, — сказал Мартиньо. — Мы не должны забывать, за что мы так рискуем.

— Надеюсь, ты не поверил бы, что я делаю это из-за любви, — сказал Виеро. Он двинул щиток еще на метр вперед.

Там, где попала кислота, начала образовываться зона тумана.

— Задела за увеличительное стекло, — сказал Виеро, и в голосе его почувствовалось изумление.

— Пахло чем-то похожим на охалик, — сказал Мартиньо.
— Может быть, даже сильнее. Давай помедленнее. Мне нужен выстрел наверняка.

— Почему бы тебе не попытаться бросить пенную бомбу?

— Виеро!?

— Ах, да: вода.

Создание стало подбираться справа от них вдоль фонтана. Виеро повернул щиток, чтобы прикрыть новое приближение. Создание остановилось и попятилось.

— Подожди немного, — сказал Мартиньо. Он нашел чистое место на увеличительном стекле, он изучал существо.

Существо передвигалось вперед, назад, его четко было видно в кольце фонтана. Оно напоминало своего крохотного тезку только в виде карикатуры. Казалось, что его членистое тело опирается на ребристые ноги, которые изгибались дугой наружу и заканчивались сильными волосками щупалец. Усики были щетинистые и сверкали на мокрых концах.

Внезапно оно резко подняло свой нос трубкой и выпустило сильную струю прямо в щиток.

Мартиньо непроизвольно нырнул.

— Мы должны подойти поближе, — сказал он. — Оно не должно иметь время, чтобы очухаться после того, как я оглушу его.

— Чем ты зарядил ружье, шеф?

— Нашей особой смесью, разбавленным серным колчеданом и сулемой в носителе бутило-сгущенного воздуха. Я хочу запутать ему ноги.

— Я хочу, чтобы ты захватил что-нибудь, чтобы заткнуть ему нос.

— Ну, пошли, старая седая голова, — сказал Хуан.

Виеро выдвинул щиток ближе, наклонился, чтобы найти местечко на увеличительном стекле не залитое кислотой.

Гигантский джигер плясал из стороны в сторону, повернулся и устремился вправо вдоль кольца фонтана. Он резко завертелся и выпустил струю кислоты на них. Жидкость заблестела под световым лучом, как высокая корона из драгоценных камней. Виеро еле успел повернуть щиток против новой атаки.

— К дьяволу десять тысяч святых, — пробормотал Виеро. — Мне не нравится работать так близко с таким существом, шеф. Мы же не тореодоры.

— Это тебе не бык, братец мой. У него нет рогов.

— Мне кажется, я бы предпочел рога.

— Мы слишком много болтаем, — сказал Мартиньо. — Поближе, а-а?

Виеро еще пустил щиток вперед, пока лишь два метра отделили их от существа в фонтане.

— Стреляй его, — прошептал он.

— У нас только один выстрел, — ответил Мартиньо. — Я не должен повредить образец. Доктору нужен целый образец.

А про себя подумал: «И мне тоже.»

Он вскинул ружье и направил его на существо, но джигер выскочил на лужайку, назад к кольцу фонтана. Над толпой поднялся визг.

Мартиньо и Виеро согнулись, следя за своей добычей, когда она танцевала взад, вперед.

— Почему оно ни секунды не стоит на месте? — спросил Мартиньо.

— Шеф, если оно подойдет под щиток, мы испеклись. Чего ты ждешь? Бей его.

— Мне надо наверняка, — сказал Мартиньо.

Он водил ружьем взад, вперед в такт движениям отступающего танцующего насекомого. Каждый раз оно ускользало из поля обзора, двигаясь дальше и дальше вправо. Неожиданно оно повернулось и поскакало вокруг кольца фонтана в противоположную сторону. Сейчас их разделяла целая стена воды, но прожекторы следовали за отступлением, и они еще могли видеть его.

Тогда у Мартиньо мелькнула странное подозрение, что существо пытается выманить их в какую-то определенную зону. Он поднял лицевой щиток костюма, вытер лицо левой рукой. С него бежал обильный пот. Была жаркая ночь, но здесь у фонтана стояла прохладная завеса... и горький запах кислоты.

— Похоже, мы попали в переплет, — сказал Виеро. — Если оно будет скрываться за фонтаном, как мы найдем его?

— Пошли, — сказал Мартиньо. — Если оно будет оставаться за фонтаном, я вызову другую команду. Оно не сможет ускользнуть от двух команд.

Виеро начал выводить щиток в сторону, вокруг фонтана.

— Мне все еще кажется, что лучше бы мы использовали грузовик, — сказал он.

— Очень большой и неуклюжий, — сказал Мартиньо. — Кроме того, я думаю, что грузовик мог бы испугать его, и

оно попыталось бы прорваться сквозь толпу. Таким образом, у него был бы шанс удрать от нас.

— Шеф, я чувствую тоже самое.

Гигантский джигер использовал этот момент, чтобы двинуться на них, затем остановился и отполз назад. Нос он держал нацеленным на щиток и представлял собой хорошую мишень, но между ними падала слишком большая завеса воды, чтобы Мартиньо мог сделать верный выстрел.

— Шеф, ветер у нас сзади, — сказал Виеро.

— Я знаю, но будем надеяться, что у этого существа нет мозгов, чтобы выстрелить через наши головы. Тогда ветер опустил бы кислоту нам на спины.

Джигер попятился в ту зону, где верхняя часть фонтана скрывала его от прожекторов. Он перемещался взад, вперед в зоне тени, темное мокрое движение.

— Шеф, это существо не собирается там долго оставаться. Я чувствую это.

— Подержи-ка здесь щиток секунду, — сказал Мартиньо. — Я думаю, ты прав. Мы должны очистить Плацо. Если ему взбредет в башку ринуться на толпу, пострадают люди.

— Ты говоришь правильно, шеф.

— Виеро, дай ручной свет. Попытайся пустить ему в глаза. Я прорвусь из-под щитка вправо и постараюсь сделать выстрел с дальнего расстояния.

— Шеф.

— У тебя лучшая идея?

— По крайней мере, давай оттянем щиток подальше в газон. Ты не будешь тогда так близко, если...

Все еще находясь в тени, джигер прыгал из стороны в сторону за кольцом фонтана на лужайке. Виеро резко пустил свет вверх, обдав существо сине-голубым сиянием.

— О, боже, шеф! Стреляй его.

Мартиньо вскинул ружье в сторону, чтобы выбрать новую позицию, но щель щита мешала полному замаху. Он чертыхнулся, схватился за контрольную ручку, но прежде, чем он смог перевести щиток, часть газона размером в уличный смотровой колодец поднялась, как люк, позади джигера и при полном свете ручного прожектора из дыры появилась темная форма головы с тремя рогами и испустила скрипучий призыв.

Джигер метнулся за эту форму в дыру.

Толпа тотчас завизжала, шум выдавал ярость, страх и бешеное волнение, которое наполнило воздух Плацо. Сквозь

все это Мартиньо слышал Виеро, молящегося тихим голосом — почти как заклинание: «Святая дева Мария, Матерь Божья...»

Мартиньо попытался протолкнуть щиток вокруг к существу в яме, но был остановлен Виеро, пытающимся оттянуть сооружение назад. Щиток вращался вокруг на колесах, открыв их перед темной фигурой, которая поднялась еще на полметра над лужайкой. Мартиньо получил ясный обзор его в полном луче ручного прожектора. Существо было похоже на гигантского самца жука — выше человека, с тремя рогами.

Мартиньо отчаянно вытягивал ружье из щели щитка и вскинул его в сторону рогатого чудовища.

— Шеф, шеф, шеф! — умолял Виеро.

Мартиньо установил ружье на весу, нажал на двухсекундный заряд, считая про себя: «Одна бабочка, две бабочки.»

Смесь бутилового яда залепила создание, обволокло его.

Создание, форма его, искаженная струей смеси, заколебалась, затем поднялась выше из дыры, издавая скрипучий звук, ясно различимый на фоне криков толпы, и провалилась.

Толпа резко смолкла, когда существо поднялось там как башня, чудовище с роговым панцирем на спине — зеленое, черное, блестящее — по крайней мере, на метр выше человека.

Мартиньо слышал сосущий захлебывающийся звук из него, странный мокрый шум, как звук фонтана, с которым он соотязался.

Он еще раз тщательно прицелился в рогатую голову — темное яблоко мишени — и выпустил весь заряд цилиндра, десять секунд. Казалось, что создание распалось назад в дыру со всеми внушающими суеверный страх конечностями и выпуклостями, борясь с липким бутилом.

— Шеф, давай уйдем отсюда, — умолял Виеро. — Пожалуйста, шеф. — Он снова повернул щиток так, чтобы он стоял между ними и гигантским насекомым. — Пожалуйста, — сказал Виеро. Он начал оттеснять Мартиньо назад щитком.

Мартиньо схватил другой заряженный цилиндр, с силой воткнул его в ружье, взял в левую руку пенную бомбу. У него не осталось ни единой эмоции, кроме необходимости атаковать это чудовище и убить его. Но прежде, чем он успел отвести руку назад, чтобы метнуть бомбу, он почувствовал, как щиток затрясся. Он взглянул вверх на плотную струю

жидкости, направленную на щиток из черного существа в дыре.

Ему не нужно было призывов, когда Виеро крикнул: — Беги!

Они побежали назад, таща за собой щиток.

Атака прекратилась, как только они вышли в недостижимую зону. Мартиньо остановился, посмотрел назад. Он чувствовал, что рядом дрожит Виеро. Темное существо медленно осело назад в дыру. Это было самое угрожающее отступление, которое когда-либо видел Мартиньо. Движение излучало желание возвратиться к атаке. Оно опустилось вниз из поля зрения. Участок газона закрылся за ним.

Звуки толпы взметнулись вверх над всем Плацо, как будто это был для нее сигнал, но Мартиньо слышал страх в голосах, даже когда он не мог разобрать слов.

Он отбросил лицевой щиток, прислушиваясь к словам, как резким крикам, обрывкам предложений.

— Как чудовищный жук!

— Вы слышали сообщение с водного фронта?

— Весь район может быть наводнен!...

— В Конvente Монте Окоа... сиротский приют...

Сквозь все это звучал один и тот же повторяющийся со всех сторон Плацо вопрос:

— Что это было? Что это было? Что это было?

Мартиньо почувствовал кого-то с правой стороны, он повернулся кругом и увидел стоящего там Чен-Лу, глаза его напряженно смотрели в ту сторону, где исчезла фигура жука. Нигде не видно было Рин Келли.

— Да, Джонни, — сказал Чен-Лу. — Что это было?

— Он похож на гигантского самца жука, — сказал Мартиньо, и удивился, как спокойно прозвучал его голос.

— Он был на половину выше человека, — пробормотал Виеро. — Шеф... эти истории Сьерры Дос Паресис...

— Я слышал, как в толпе говорили о Монте Окоа и портовой части города, что-то о сиротском приюте, — сказал Мартиньо. — Что это было?

— Рин отправилась разузнать, — сказал Чен Лу. — Поступали какие-то тревожные сведения. Я хочу, чтобы площадь очистили от толпы, и людям приказали разойтись по домам.

— Что за тревожные сведения?

— Что там произошла какая-то трагедия в портовой части города, а затем в Конvente Монте Окоа и сиротском приюте.

— Что за трагедия?

— Это то, что старается разузнать Рин.

— Вы видели это там на лужайке, — сказал Мартиньо. — Теперь вы поверите тому, о чем мы вам докладывали эти долгие месяцы?

— Я видел автомат, стреляющий кислотой и человека, одетого в костюм жука самца, — сказал Чен-Лу. — Мне интересно, являетесь ли вы частью этого обмана?

Виеро чертыхнулся, переводя дух.

Мартиньо воспользовался моментом, чтобы подавить внезапный гнев. Он только сказал:

— Для меня это не был человек в костюме. — Он покачал головой. Это был не лучший момент, чтобы позволить эмоциям затуманить разум. Насекомые, вероятно, не могли бы вырасти такими громадными. Сила притяжения... Он снова покачал головой. Тогда, что это было?

— Мы, по крайней мере, должны взять образцы кислоты там с лужайки, — сказал Мартиньо. — А эту дыру надо исследовать.

— Я послал за секцией Безопасности, — сказал Чен-Лу. Он отвернулся, думая, как бы сгладить сообщение об этом — одно сообщение своему начальству в МЭО, а другой специальный доклад своему правительству.

— Вы видели, что он, вроде как, рассыпался вниз в дыру, когда я выстрелил в него раствором? — спросил Мартиньо. — Этот яд очень болезненный, Трэвис. Человек бы обязательно закричал.

— Человек был в защитном костюме, — Чен-Лу говорил, не поворачиваясь. Но он начал проявлять интерес к Мартиньо. Казалось, что пограничник искренне поставлен в тупик. Независимо от чего-либо. Весь этот инцидент может оказаться полезным. Чен-Лу видел это сейчас.

— Но ведь он снова показался из дыры, — сказал Виеро. — Вы видели это. Он выходил снова.

Резкий недовольный звук исходил от людей, которых заставляли расходиться с площади. Он проходил через толпу, как ветер — голос за голосом.

Мартиньо повернулся, прислушиваясь к ним.

— Виеро, — сказал он.

— Шеф?

— Достань карабины с разрывными пулями из грузовика.

— Я мигом, шеф.

Виеро побежал через лужайку к грузовику, который стоял сейчас на открытом пространстве, возле которого изредка проходили пограничники. Мартиньо узнал некоторых из них — казалось, что люди Альвареса были самой многочисленной частью, но были также пограничники из Хелмосилмо и Юни-цы.

— Что ты хочешь делать с этими разрывными пулями? — спросил Чен-Лу.

— Я собираюсь заглянуть в дыру.

— Сюда скоро прибудут мои люди из отдела Безопасности. Мы подождем их.

— Я собираюсь сейчас.

— Мартиньо, я говорю тебе, что...

— Вы не правительство Бразилии, доктор. У меня лицензия правительства для особых поручений. Я поклялся выполнить эту задачу, что бы ни...

— Мартиньо, если ты уничтожишь свидетельство...

— Вы не выходили сюда, чтобы смотреть эти вещи, доктор. Вы стояли себе в безопасном месте на краю площади, пока я зарабатывал себе право заглянуть в эту дыру.

Лицо Чен-Лу исказилось от гнева, но он сдержался, чтобы точно знать, что может контролировать свой голос, а затем сказал:

— В таком случае я иду с тобой.

— Как хотите.

Мартиньо повернулся, посмотрел через площадь, туда, где из задней дверцы грузовика вынимали карабины. Виеро собрал их и направился назад через лужайку. Справа от него пристроился высокий лысый негр. На негре была форма простого пограничника, белая с золотистой эмблемой руководителя группы на левом плече. Его крупные черты мавра были искажены болью.

— Вон Альварес, — сказал Чен-Лу.

— Я вижу.

Чен-Лу взглянул на Мартиньо и увидел злую усмешку, которая соответствовала его тону.

— Джонни, давайте не будем спорить. Вы знаете, с какой целью меня послали в Бразилию.

— Я знаю. Китай уже закончил повторное расселение насекомых. Вы добились крупного успеха.

— Сейчас у нас нет ничего, кроме пчел-мутантов, Джонни, ни одного насекомого, переносчика болезни или уничтожающего пищу, предназначенную людям.

— Я знаю, Трэвис. И вы здесь, чтобы облегчить нам задачу.

Чен-Лу нахмурился, уловив в голосе Мартиньо терпеливое недоверие. Он сказал: — Именно так.

— Тогда почему вы не позволяете нашим наблюдателям или наблюдателям ООН приехать и увидеть все самим, д-р?

— Джонни! Ты, конечно, должен знать, как долго наша страна страдала под игом белых империалистов. Некоторые наши люди все еще верят, что опасность эта существует. Они повсюду видят шпионов.

— Но вы больше человек мира, больше понимания, а Трэвис?

— Конечно! Моя прабабка была англичанкой, одной из Трэвис-Ханнингтонов. В нашей семье традиция более широкого понимания.

— Удивительно, что ваша страна доверяет вам, — сказал Мартиньо. — Вы же часть белого империалиста. — Он повернулся, чтобы поздороваться с Альваресом, когда негр остановился перед ними. — Привет, Бенито. Прими мои сожаления по поводу твоей травмы.

— Привет, Джонни. — Голос Альвареса был низкий раскатистый. — Бог защитил меня. Я поправлюсь. — Он взглянул на Мартиньо. — Я слышал, как падре просил разрывные пули. Тебе они могут быть нужны только с одной целью.

— Я должен заглянуть в эту дыру, Бенито.

Альварес повернулся и слегка поклонился Чен-Лу.

— А вы не возражаете, доктор?

— Я возражаю, но у меня нет власти, — сказал Чен-Лу. — А рука серьезна ранена? Я хотел бы, чтобы вас осмотрели мои врачи.

— С рукой будет все в порядке, — отмахнулся Альварес.

— Он хочет знать, ранена ли она на самом деле, — сказал Мартиньо.

Чен-Лу бросил испуганный взгляд на Мартиньо, но тут же надел маску безразличия.

Виеро вручил один из карабинов шефу и сказал:

— Шеф, мы должны сделать это?

— Почему бы д-ру сомневаться, что рука у меня ранена? — спросил Альварес.

— Он слышал рассказы, — сказал Мартиньо.

— Какие рассказы?

— Что мы пограничники не хотим, чтобы все это хорошо кончилось, что мы вновь заселяем Зеленую зону, выводим новых насекомых в секретных лабораториях.

— Что за чушь? — взревел Альварес.

— Какие это пограничники, по его мнению, занимаются этим? — спросил Виеро. Он угрюмо посмотрел на Чен-Лу, схватил карабин, как будто собираясь направить его в сторону представителя МЭО.

— Полегче, падре, — сказал Альварес. — Рассказы ничего не говорят. В них всегда говорят, считают — и никаких имен.

Мартиньо посмотрел на то место на лужайке, где исчезла гигантская фигура жука. Он считал, что эти праздные разговоры более соблазнительны, чем поход по лужайке к тому месту. Ночной воздух принес чувство приближающейся угрозы и... истерии. Самое странное из всех ощущений было нежелание принимать действенные меры, что можно было видеть повсюду. Это было как перемирие после ужасного сражения на войне.

«Да, но это и есть своего рода война,» — сказал он себе.

Уже восемь лет они ведут эту войну здесь в Бразилии. У китайцев она длилась двадцать два года, но они сказали, что здесь им потребуется десять лет. Одна лишь мысль о том, что она может здесь продлиться двадцать два года — еще целых четырнадцать лет — мгновенно привела Мартиньо в состояние ощущения угрозы. Он почувствовал чудовищную усталость.

— Вы должны признать, что происходят странные вещи, — сказал Чен-Лу.

— Это мы признаем, — сказал Альварес.

— Почему никто не подозревает карзонитов? — спросил Виеро.

— Хороший вопрос, падре, — сказал Альварес. — У них большая поддержка, у карзонитов — все страны, предлагающие помощь: Соединенные Штаты Америки, Канада, Соединенное Королевство, Европейское Содружество.

— Все места, где у них никогда не было неприятностей с насекомыми, — сказал Виеро.

Странно, протестовал только Чен-Лу.

— Нет, — сказал он. — Страны, предлагающие помощь, в действительности не испытывают беспокойства — им достаточно знать, что мы заняты этой борьбой.

Мартиньо кивнул. Да — это было то, что говорили все товарищи школьных дней в Северной Америке. Больше их ничего не беспокоило.

— Я иду сейчас и загляну, что там в дыре, — сказал Мартиньо.

Альварес протянул руку, взял карабин у Виеро. Он повесил его на здоровое плечо, взялся за ручку управления щитком, — Я хочу пойти с тобой, Джонни.

Мартиньо взглянул на Виеро и увидел взгляд облегчения от ужаса на его лице, он перевел взгляд на Альвареса. — А твоя рука?

— У меня же есть здоровая рука. Что мне еще нужно?

— Трэвис, вы следуйте поближе за нами, — сказал Мартиньо.

— Люди из моего сектора Безопасности только что прибыли, — сказал Чен-Лу. — Подождите немного, и мы окружим это место. Я скажу им принести щиты.

— Это разумно, Джонни, — сказал Альварес.

— Мы пойдем медленно, — сказал Мартиньо. — Падре, вернись к грузовику. Скажи Рамону, чтобы он привел его вокруг площади на тот край лужайки, вон туда. Скажи, чтобы все фары грузовика Хелмосилмо были направлены в то место. — Он кивнул головой на место перед ним.

— Я мигом, шеф.

Виеро направился назад к грузовику.

— Вы там ничего не потревожите? — спросил Чен-Лу.

— Мы, также как и вы, стремимся узнать, что это, — сказал Альварес.

— Пошли, — сказал Мартиньо.

Чен-Лу шел справа, где грузовик полевого отряда МЭО пробивался через боковую улицу. Кажется, там были беспорядки в толпе, они не хотели уходить с площади и оказывали сопротивление.

Альварес повернул ручку управления щитком, и он начал двигаться через лужайку.

Тихим голосом Альварес спросил: — Джонни, почему доктор не подозревает карзонитов?

— У него, как и у всех в мире, хорошая шпионская сеть, — сказал Мартиньо. — Он должен знать правду. — Он не

отрывал взгляда с закрытого участка земли на лужайке перед ним, от того таинственного места около фонтана.

— По-моему, для него это лишь способ дискредитировать пограничников.

— Может быть, но я не думаю, что Трэвис Ханнингтон Чен-Лу сделал бы такую ошибку. — А про себя подумал: «Странно, что этот участок лужайки как притягивает, так и отталкивает.»

— Мы с тобой были соперниками столько раз, Джонни. Вероятно, иногда забываем, что у нас общий враг.

— Ты назовешь этого врага?

— Это враг в джунглях, в траве саванн и под землей. Китайцам понадобилось двадцать два года...

— Ты подозреваешь их? — Мартиньо взглянул на своего спутника, заметив следы сосредоточенности на его лице. — Они не позволяют нам проверить их результаты.

— Китайцы параноики. Они поклонялись этому пути задолго до того, как столкнулись с западным миром, а западный мир лишь только утверждал их в этой болезни. Подозревать китайцев? Не думаю.

— А я думаю, — сказал Мартиньо. — Я всех подозреваю.

Произнесенные вслух эти слова наполнили его мрачными размышлениями. Это была правда — он подозревал здесь всех, даже Бенито и Чен-Лу... и прекрасную Рин Келли. Он сказал: — Я часто думаю о древних инсектицидах, как насекомые росли сильнее, несмотря на — или из-за ядов против насекомых?

Звук позади них привлек внимание Мартиньо. Он положил ладонь на руку Альвареса, остановив щиток, и повернулся.

Это был Виеро, а за ним тележка, заполненная разным оборудованием. Мартиньо различал там длинный рычаг, большой капюшон, который, должно быть, предназначался для Альвареса, пакеты пластиковых бомб.

— Шеф, я подумал... вам могли бы пригодиться эти вещи, — сказал Виеро.

Чувство признательности к падре пронзило всего Мартиньо, и он сказал хрипло: — Оставайся сзади и не сходи с тропы, ты слышишь?

— Конечно, шеф. Я разве не всегда так делаю. — Он протянул защитный капюшон Альваресу. — А это я принес тебе,

Альварес, чтобы тебе не пришлось страдать от другой травмы.

— Спасибо тебе, падре, — сказал Альварес. — Но я предпочитаю свободу движений. Кроме того, на этом старом теле столько шрамов, что одним больше, одним меньше, не имеет никакого значения.

Мартиньо оглянулся вокруг, заметил, что по лужайке движутся другие щитки.

— Быстро, — сказал он, — мы должны быть там первые.

Альварес крутанул ручку. Снова их щиток продолжал путь к фонтану.

Виеро подошел сзади близко к шефу и заговорил тихим голосом.

— Шеф, там в грузовике ходят истории. Говорят, что какое-то существо съело свайные сооружения под складом в портовой зоне. Склад рухнул. Погибли люди. Там большое несчастье.

— Чен-Лу намекал на это, — сказал Мартиньо. Он пристально смотрел на траву перед ними, выискивая то место — по отношению к фонтану, отметки на траве во время предыдущих передвижений щитка.

— Вот то место, — сказал он. Он передал свой карабин Виеро и сказал: — Дай мне тот рычаг и... побольше взрывчатки.

Виеро вручил ему небольшой пакет пластиковой взрывчатки с детонатором, такой заряд, которые они использовали в Красной зоне, чтобы взрывать гнездо насекомого в земле. Мартиньо стащил свой головной щиток, взял рычаг: — Виеро, прикрой меня отсюда. Бенито, ты можешь пользоваться ручным прожектором?

— Конечно, Джонни.

— Шеф, ты не собираешься использовать щит?

— Нет времени. — Он выступил из-за щита прежде, чем успел ответить Виеро. Луч ручного прожектора шарил по земле перед ним. Он нагнулся, воткнул конец рычага в траву, подкапывая и толкая. Рычаг сначала цеплялся, а затем нырнул в пустоту. Что-то задержало его там, и электрический заряд прошел через Мартиньо.

— Падре, вниз, сюда, — прошептал он.

Виеро наклонился над ним с карабином.

— Шеф?

— Прямо перед рычагом — в землю.

Виеро прицелился, нажал и сделал два выстрела.

Мощный скрежешущий звук раздался под землей впереди них. Что-то выплеснулось там.

И снова Виеро выстрелил. Взрывные патроны производили странный шум, глухой шлепающий удар, когда они взрывались под землей.

Послышался звук жидкости ураганной силы — как будто там была школа рыб, которых кормили на поверхности.

Тишина.

Впереди него засияли еще несколько лучей. Мартиньо взглянул вверх и увидел вокруг много щитков — людей в форме МЭО и пограничников.

Он снова сосредоточил внимание на участке газона.

— Падре, я собираюсь открыть дыру. Приготовься.

— Конечно, шеф.

Мартиньо поставил ногу под лом, как точку опоры, навалился на свой конец. Люк медленно открывался. Оказалось, что он замазан каким-то липким раствором, который поднимался вверх тянущимися полосками. Особый запах серы и сулемы сказал Мартиньо, что замазывающее вещество, должно быть, — носитель бутила, который он выстрелил из своего ружья. Неожиданно уступив, люк распахнулся и шлепнулся снова на газон.

Ручные прожекторы били сейчас рядом с Мартиньо, ощущая пустоту вниз и обнаружив черную масляную воду. Она пахла рекой.

— Они пришли из реки, — сказал Альварес.

Чен-Лу подошел, встал рядом с Мартиньо и сказал: — Очевидно, участники маскарада убежали. Как удобно.

А сам подумал: «Я был прав, когда вызвал Рин. Мы должны проникнуть в эту организацию. Это враг: руководитель пограничников, который получил образование среди янки. Он один из тех, кто старается уничтожить нас, здесь не может быть другого ответа.»

Мартиньо не обращал внимания на дьявольскую шутку Чен-Лу, он был слишком измотан и не мог даже рассердиться на дурака. Он встал, посмотрел вокруг площади. В воздухе стояла тишина, как будто все небо ожидало какой-то катастрофы. Несколько наблюдателей осматривались за расширившимся кольцом охраны — вероятно, привилегированные офицеры, вероятно — но всю толпу вытеснили назад в прилегающие улицы.

На улице слева показалась маленькая красная наземная машина, окна ее светились под уличным освещением, когда она заворачивала на площадь. Три ее фары замелькали среди разбросанных людей и отдельных машин. Охрана разрешила ей проезд. Мартиньо узнал знак МЭО на ее корпусе, когда она приблизилась. Машина дернулась и резко остановилась на краю лужайки, и из нее выпрыгнула Рин Келли.

Она сменила платье на зеленую спецовку специалистов МЭО под цвет выцветшей под солнцем травы.

Она шла по газону, внимание ее было сосредоточено на Мартиньо. Про себя она думала: «Его надо использовать и раскрыть. Он враг. Сейчас это очевидно.»

Мартиньо следил, как она приближалась, восхищаясь грацией и женственностью, которые только подчеркивались простой формой.

Она остановилась перед ним и заговорила хриплым и нетерпеливым голосом.

— Синьор Мартиньо, я приехала, чтобы спасти вам жизнь.

Он покачал головой, не совсем понимая смысла сказанного.

— Что...

— Все это сейчас готово провалиться в ад, — сказала она. Мартиньо услышал отдаленный шум, крики.

— Толпа, — сказала она. — Вооруженная.

— Какого черта, что происходит? — спросил он.

— Сегодня погибли люди, — сказала она. — Среди них женщины и дети. Позади Монте Окоа обвалилась часть горы. Во всей той горе много пещер.

Виеро сказал: — Сиротский приют...

— Да, — сказала она. — Сиротский приют и конвент на Монте Окоа погребены. Обвиняют пограничников. Вы знаете, что кругом говорят?

— Я буду говорить с людьми, — сказал Мартиньо. Он почувствовал ярость при мысли, что ему могут угрожать те, ради кого он служит. — Это чепуха! Я ничего не сделал такого...

— Шеф, — сказал Виеро, — ты не сможешь убедить толпу.

— Двух людей из бригады Лиоркадо уже линчевали, — сказала Рин. — У вас есть шанс, если вы убежите сейчас. Ваши грузовики здесь, вам всем там хватит места.

Виеро взял его за руку.

— Шеф, мы должны сделать так, как она говорит.

Мартиньо молча стоял и слушал разговоры, проходящие между пограничниками вокруг них. — Толпа... вина на нас... сиротский приют...

— Куда мы можем поехать? — спросил он.

— Эти волнения, кажется, местного характера, — сказал Чен-Лу. Он замолчал и прислушался: звуки толпы стали громче. — Поезжай к отцу в Гвиабу, возьми своих людей с собой. Другие могут поехать на свои базы в Красной зоне.

— Почему я должен...

— Я пришлю к вам Рин, когда мы разработаем план действий.

— Я должна знать, где я смогу найти вас, — сказала Рин, включаясь в разговор. А сама подумала: «Дом отца, да. Это должно быть центр... там или в Гоязе, как подозревает Трэвис.»

— Но мы же ничего такого не сделали, — сказал Мартиньо.

— Пожалуйста, — сказала она.

Виеро тянул его за руку.

Мартиньо сделал глубокий вдох.

— Падре, поезжай с людьми. Там вам будет безопаснее в Красной зоне. Я возьму маленький грузовик и поеду в Гвиабу. Я должен обсудить это со своим отцом, префектом. Кто-то должен попасть на заседание правительства и заставить людей послушать.

— Выслушать, что? — спросил Альварес.

— Ра... работа должна быть прекращена... временно, — сказал Мартиньо. — Должно быть проведено расследование.

— Но это же глупо! — рявкнул Альварес. — Кому нужны все эти разговоры?

Мартиньо попытался сделать глоток, но в горле у него пересохло. Ночь вокруг стояла холодная, давящая... крики толпы стали громче. Полиция и военные не смогут сдержать разъяренного, многоклеточного монстра.

— Они не дадут тебе сказать, — пробормотал Альварес. — Даже если ты прав.

Крики толпы подтверждали правду этих слов. Мартиньо понял это. Люди у власти не смогут признать поражения. Они были у власти благодаря определенным обещаниям. Ес-

ли эти обещания не были выполнены, надо было найти кого-то, на кого свалить вину.

«Вероятно, этот кто-то уже найден,» — подумал он.

Тогда он позволил Виеро увести себя к грузовику.

Глава 4

Это была пещера высоко над мокрыми скалами ущелья реки Гояз. В пещере пульсировали мысли Мозгу, слушающего радио, по которому человеческий диктор передавал события дня: бунты в Бахии, линчеваны пограничники, приземлились воздушные войска, чтобы восстановить порядок...

Маленький переносной приемник на батарейках производил металлический шум в пещере, который раздражал его мозговые сенсоры, но человеческие новости должны были быть записаны... пока выдерживают батарейки. Вероятно, можно было использовать для этого биохимические клетки, но механические знания Мозга были ограничены. Из фильмотеки книг, оставленных в Красной зоне, он знал много теории, но практические знания — это совсем другое дело.

Был на время и портативный телевизор, но диапазон его был ограничен, и сейчас он не работал.

Новости закончились, и из приемника хлынула музыка. Мозг дал команду инструменту замолчать. После чего Мозг продолжал лежать в благодатной тишине, думая, пульсируя.

Это была масса диаметром четыре метра и глубиной в полметра, называющая себя «Верховная интеграция», наполненная пассивной настороженностью и все же всегда немного сверх меры озлобленная необходимостью, которая держала эту массу неподвижной, привязанной к этому пещерному убежищу.

Подвижная сенсорная маска, которую она могла передвигать и сгибать по желанию — образуя то диск, то мембранную воронку, и даже имитацию огромного человеческого лица... лежала на поверхности этой массы, как шапка, сенсоры ее были направлены в серый рассвет у входа в пещеру.

Ритмическое пульсирование желтого мешка с одной стороны накачивало темную густую жидкость в Мозг. Над его поверхностными мембранами ползали бескрылые насекомые — проверяли, устраняли дефекты, подавали необходимую пищу, куда требовалось.

Улья специалистов крылатых насекомых собирались группами в расщелинах пещеры, некоторые производили кислоты, некоторые расщепляли кислоты для получения кислорода, некоторые для пищеварения, а часть их обеспечивала мышцы для насосов.

Горький кислотный запах пропитал всю пещеру.

Насекомые вылетали и залетали из рассвета. Некоторые останавливались, чтобы поплясать, погудеть и поколебать сенсоры мозга; некоторые пользовались модулированными резкими звуками для сообщения, некоторые оказывались выстроенными в специальные группы особым способом; другие формировали сложный узор с помощью варьирования цветов; а некоторые размахивали антеннами очень замысловатым образом.

Сейчас пришло сообщение из Бахии: «Сильный дождь — мокрая земля. Норы нашего слушающего поста обрушились. Наблюдателя увидели и атаковали, но монитор увел его в безопасное место по туннелю реки. Речные туннели вызвали там обвал строений. Мы не оставили никаких улик, за исключением того, что нас обнаружили человеческие существа. Те из нас, которые не успели убежать, были уничтожены. Среди человеческих существ тоже жертвы.»

«Смерти среди человеческих существ, — рассуждал Мозг. — Значит, сообщения радио были правильными.»

Это грозило катастрофой.

Мозг потребовал увеличить количество кислорода, к нему поспешили обслуживающие насекомые, ритм работы насоса увеличился.

«Человеческие существа убедятся, что их атаковали, — думал Мозг. — Сложная структура защиты человеческих существ будет активизироваться. Проникнуть в эту структуру со спокойными рассуждениями будет очень трудно, если вообще выполнимо.»

Кто может рассуждать с неразумными?

Очень трудно понять этих человеческих существ с их богами и идеалами накопления.

«Бизнес» — вот как называют книги их идеалы накопления, но Мозг не мог понять смысла накопления. Деньги нельзя есть, они не накапливают видимую энергию, они оказываются плохим строительным материалом. Плетение и мозаика домов беднейших человеческих существ имеют больше смысла.

Но все же, человеческие существа стремятся к накоплению. Значит, в этом должно быть что-то важное. В этом во всем должно быть также важна каждая часть, как в их концепции Бога, что является для них чем-то вроде интеграции, чья сущность и расположение могут быть определены. Очень большие неприятности.

«Где-то, — чувствовал Мозг, — должна быть модель мысли, чтобы можно было понять эти вещи, но он не мог найти ключ к разгадке.»

Чтобы найти этот ключ, необходимо было понять механизм создания моделей мысли у людей, превращения внутренней энергии при создании воображаемых образов, планов и схем. Только освоив этот механизм, можно найти путь к совместному выживанию. Как удивительно, как тонко, и все же, как красиво было человеческое открытие, которое сейчас было размножено и приспособлено к использованию его другими существами. Как восхитительно и возвышенно это манипулирование вселенной, которое существует только внутри пассивных рамок воображения.

На мгновение Мозг протестировал себя, пытаясь вызвать человеческие эмоции. Страх и уникальность ума — это еще можно понять. Но перестановки, вариация страха, называемая ненавистью, острые непредсказуемые реакции — это понять труднее.

Не раз Мозг пытался размышлять над тем, что когда-то было частью человеческого существа и предметом таких эмоций. Они были использованы согласно его собственному направлению. Сейчас Мозг был только слабо похож на человеческий мозг, он стал больше и сложнее. Ни одна человеческая вычислительная система не смогла бы поддерживать его нужды и питание. Ни одна человеческая сенсорная система не смогла бы удовлетворить его ненасытное стремление к информации.

Это был просто Мозг, функциональная часть системы суперульев — более важная сейчас, чем даже королева.

— Какой класс человеческих существ был убит? — спросил он.

Ответ пришел в тихом металлическом скрипучем звуке.

— Рабочие, женщины, незрелые человеческие существа и некоторые бесплодные королевы.

«Женщины и незрелые человеческие существа, — думал мозг. Он вызвал на экране сознания индейское проклятие,

чей источник был использован. — Из-за таких смертей человеческая реакция будет самой бурной. Требовалось немедленное действие.»

— Какое слово от наших посланных, проникших за барьер? — спросил Мозг.

Пришел ответ.

— Потайное место группы посланных неизвестно.

— Посланников следует отыскать. Они должны оставаться в тайниках до удобного момента. Передайте приказ сейчас же.

Работающие специалисты быстро сновали, выполняя приказы.

— Мы должны поймать как можно больше самых разных человеческих существ, — командовал Мозг. — Мы должны найти уязвимого вождя среди них. Вышлите наших наблюдателей и посланников, а также подразделения исполнителей. Сообщите как можно быстрее результаты.

Пока Мозг думал, приказы его выполнялись, мысли посланников переносились на расстояние. Он поднял свою сенсорную маску на подпорки, сформировал глаза и настроил их на отверстие в пещере.

День в полном разгаре.

Сейчас надо только ждать.

Ожидание было самой трудной частью его существования.

Мозг начал исследовать эту мысль, формируя выводы и переплетая различные альтернативы к процессу ожидания, воображая проекты физического роста, который мог бы облегчить ожидание.

Мысли произвели форму интеллектуального несварения, которая насторожила обслуживающий улей. Они яростно зажужжали вокруг мозга, защищая его, питая, образуя фаланги воинов в отверстиях пещеры.

Это действие принесло тревогу Мозгу.

Мозг знал, что послал свои когорты в действие, защищая драгоценную кору улья, что было инстинктом, задействованным в выживании любого вида. Примитивные единицы улья не могли бы изменить этот образец, Мозг это понимал. Хотя они должны измениться. Они должны изучать мобильность нужд, стабильность суждения, принимая каждую ситуацию как уникальную.

«Я должен продолжать обучать и учиться,» — думал Мозг.

Тогда он захотел выслушать сообщения крошечных наблюдателей, которых он послал в восточном направлении. Необходимость информации из этого направления была огромной — что-нибудь, чтобы заполнить биты и щели добываемые из постов слушания. Очень важные доказательства могли бы прийти оттуда, чтобы отвести человечество от его глубокого погружения в смерть для всех.

Медленно улей сокращал деятельность, когда Мозг извлекал мысли из самых болезненных краев.

«Будем ждать,» — сказал себе Мозг.

И он поставил перед собой проблему небольшого генного изменения у бескрылых ос, чтобы улучшить систему производства кислорода.

Синьор Габриэль Мартиньо, префект округа барьера Матто Гроссо, шагал по кабинету, бормоча себе под нос, когда проходил мимо высокого узкого окна, которое пропускало вечерний свет. Временами он останавливался, чтобы взглянуть на своего сына Хуана, который сидел на кожаном диване под одним из книжных шкафов, которые стояли вдоль стен комнаты.

Старший Мартиньо был темный мужчина, стройный, худой, с сединой в волосах и глубоко посаженными карими глазами высоко над орлиным носом, узкие губы, выдающийся вперед подбородок. На нем был черный костюм старого покроя, который отвечал его служебному положению. Рубашка его блестела белизной на фоне черного костюма. Золотые запонки сверкали, когда он размахивал руками.

— Я — объект для осмеяния, — ругался он.

Хуан проглотил это заявление молча. После целой недели выслушивания бурных сцен отца, Хуан научился ценить молчание. Он рассматривал свой белый костюм пограничника, брюки, заправленные в высокие, закрывающие икры сапоги для работы в джунглях — все новое блестящее и чистое в то время, как его люди потеют, совершая предварительные осмотры в Сьерра Дос Паресис.

В комнате сгущались сумерки, быстрая тропическая темнота спешила вдоль горизонта, сопровождаемая ударами грома. Увядающий свет уносил бледную голубую дымку. Стрела молнии прорезала видимую в высокое окно часть неба и послала ослепляющее электрическое освещение в кабинет. Сразу слышались раскаты грома. Световые сенсоры вклю-

чили в доме свет, везде, где были люди, как будто молния и гром послужили для этого сигналом. Желтое освещение заполнило кабинет.

Префект остановился перед сыном.

— Почему мой собственный сын, прославленный шеф ирмандадес, извергает такие карзонитские глупости?

Хуан смотрел на пространство пола между своими сапогами. Борьба на площади Бахии, побег от толпы — всего неделю тому назад — казалось затерялось где-то в вечности, как часть прошлого какого-то другого человека. Сегодня днем через кабинет отца прошла вереница важных политических деятелей — вежливые приветствия прославленному Хуану Мартиньо, и — совещание тихим голосом с отцом.

Старик боролся за сына — Хуан знал это. Но старший Мартиньо мог бороться только такими способами, которые были ему известны лучше всех: система родства, маневры за кулисами, обмен обещаниями поддержки, накопление политических сил там, где с ним считались. Он не раз обдумывал подозрения и сомнения Хуана. Ирмандадес Альвареса, его, Хуана Хермосимло — любой, кто имеет что-то общее с Паратингой — в данный момент имели похожие шансы. Крепость требовала перестройки.

— Прекратить новое расселение, — бормотал старик. — Отложить поход в Оесте? Вы с ума там сошли! Как, ты думаешь, мне удастся удерживать пост? Мне! Потомку идадьго, чьи предки управляли в прежней столице! Мы не бюргеры, чьи предки были спрятаны Руи Барбоса, и все же кабоклас называют меня «отцом бедных». Я получил это имя не за тупость...

— Отец, если бы ты только...

— Помолчи! У тебя есть наш паленилья, наш маленький горшок, весело кипящий. Все будет хорошо!

Хуан вздохнул. Он чувствовал как недовольство, так и стыд за свое положение здесь. Префект уже частично удалился от дел, избегал острых ситуаций — очень слабое сердце. И сейчас беспокоить старика таким образом... но он продолжал оставаться так слеп!

— Ты говоришь, расследовать, — насмехался над ним старик. — Расследовать что? Сейчас мы не хотим расследований и подозрений. Правительство, благодаря недельной работе моих друзей, занимает позицию, считая все нормальным. Они почти готовы обвинить карзонитов за трагедию в Бахии.

— Но у них нет улик, — сказал Хуан. — Ты сам это признал.

— Улики не так важны в такое время. Кроме того, это как раз то, что могли бы сделать карзониты.

— Но могли бы, не значит сделали, — сказал Хуан.

Казалось, что старик не слышит этого.

— Только на прошлой неделе, — сказал он, делая широкий взмах рукой, — за день до твоего приезда сюда, какой-то сумасшедший вихрь, — в тот самый день я разговаривал с фермерами Лакуя по просьбе моего друга, министра сельского хозяйства. И ты знаешь, они смеялись надо мной! Я сказал, что мы в этом месяце увеличили Зеленую зону на десять тысяч гектаров. Они смеялись. Они говорили: «Даже ваш собственный сын не верит в это!» Теперь я вижу, почему они так говорили. Остановить поход на запад, это уже слишком!

— Ты слышал сообщение из Бахии, — сказал Хуан. — Исследователи МЭО...

— МЭО! Этот мерзкий китаец, чье лицо тебе ничего не говорит. Он больше бахианец, чем сами бахианцы, но мерзкий. А эта его новая д-р женщина, которую он посылает везде вынюхивать и расспрашивать. Его маэ де санто, его сидага — ты послушай, что про нее говорят, я могу рассказать. Только вчера говорили...

— Я не хочу слушать!

Старик замолчал, уставился на него.

— А-а-х, так?

— А-а-х, так! — сказал Хуан. — Что это значит?

— Что значит «А-а-х, так!?» — сказал старик.

— Она очень красивая женщина, — сказал Хуан.

— Так я и слышал, как говорили. И столько мужчин пользовались этой красотой... так говорят.

— Я не верю этому!

— Хуан, — сказал префект, — послушай старого человека, чей опыт дал ему мудрость. Это опасная женщина. Ее тело и ее душа принадлежит МЭО, организации, которая часто вмешивается в наши дела. Ты, ты являешься эмпретейро, знаменитостью, чьи способности и успехи, конечно, вызывают зависть в определенных кругах. Предполагают, что эта женщина д-р по насекомым, но действия ее говорят, что она кабиде де эмпрегос. Она стоячая вешалка для разного рода занятий. И какого рода эти занятия, а-ах, некоторые из этих занятий...

— Хватит, отец!

— Как хочешь.

— Она должна скоро приехать сюда, — сказал Хуан. — Я не знаю, твое отношение сегодня к...

— Может произойти задержка в ее визите, — сказал префект.

Хуан внимательно наблюдал за ним.

— Почему?

— На прошлой неделе в среду, через день после твоего маленького эпизода в Бахии, ее послали в Гояз. В этот самый вечер или на следующее утро, это неважно.

— Ох?

— Ты знаешь, что она делает в Гоязе, конечно — эти истории о секретной базе пограничников там. Она там разнюхивает, суется в... если еще жива.

Голова Хуана вскинулась.

— Что?

— В штабквартире МЭО в Бахии ходят слухи, что она... что с ней покончено. Вероятно, несчастный случай. Говорят, что завтра великий Трэвис Ханнингтон Чен-Лу сам едет искать своего доктора женщину. Что ты думаешь об этом?

— Казалось, что он без ума от нее, когда я видел их в Бахии, но эта история...

— Без ума? О, да, конечно.

— У тебя только злое на уме, отец. — Он перевел дыхание. Мысль о том, что эта прекрасная женщина сейчас где-то там в глубоких районах, где живут только существа джунглей, мертвая или покалеченная — вся эта красота — все это оставило пустоту в душе Хуана.

— Вероятно, ты захочешь пойти на запад искать ее?

Хуан игнорировал выпад, он сказал:

— Отец, вся эта эпопея нуждается в отдыхе, пока мы узнаем, что же там не так.

— Если ты говорил с ними в Бахии в таком духе, я не стану винить их за то, что они набросились на тебя, — сказал префект. — Вероятно, толпа...

— Ты знаешь, что мы видели на этой площади!

— Чепуха, но чепуха вчерашнего дня. Это должно прекратиться сейчас. Ты ничего не должен делать, чтобы не сломать это равновесие. Я приказываю тебе.

— Люди больше не подозревают пограничников, — сказал Хуан с горечью в голосе.

— Некоторые до сих пор подозревают тебя, да. А почему бы и нет, если то, что я слышал из твоих собственных уст, является образцом того, как ты разговариваешь?

Хуан изучал носки своих сапог — полированную, блестящую черноту. Он находил, что их незапятнанная поверхность как-то символизирует жизнь отца.

— Мне жаль, что я расстроил тебя, отец, — сказал он. — Иногда я сожалею, что я пограничник, но, — он пожал плечами — без этого как бы я мог узнать все, о чем сказал тебе? Правда состоит в том, что...

— Хуан! — голос отца задрожал. — Ты сидишь здесь и говоришь мне о том, что ты позоришь нашу честь? Ты что давал ложную клятву, когда формировал своих ирмандадес?

— Все это было не так, отец.

— Ой-ли, а как же это было?

Хуан стащил эмблему дезинфектора с кармана на груди, свернул ее пальцами. — Я верил в это... тогда. Мы могли создавать пчел мутантов и заполнять ими любую брешь в экологии насекомых. Это был... это был великий крестовый поход. В это я верил. Как люди в Китае, я говорил: «Только полезное должно жить!» И я делал то, что думал. Но это было несколько лет тому назад. С тех пор я стал понимать, что у нас не полное понимание складывающейся ситуации. Где-то в наших представлениях и действиях возникла ошибка.

— Ошибка была в том, что ты получил образование в Северной Америке, — сказал отец. — В этом была моя вина. Да — в этом надо винить меня. Вот где ты набрался всей этой карзонитской галиматши. Да, для них все и так хорошо, и они отказываются присоединяться к нам в повторном экологическом расселении. Но у них нет столько миллионов ртов, которых надо кормить. А мой собственный сын!

Хуан пытался защищаться:

— Там в Красной зоне ты можешь уважать такие вещи, отец. Это трудно объяснить. Растения там выглядят здоровее. Фрукты...

— Но это же временно, — возразил отец. — Мы создадим таких пчел, которых нам надо, чтобы они отвечали любым нашим потребностям. Вредные разрушители вынимают пищу из наших ртов. Все это так просто. Они должны умереть, а их заменят существа, которые выполняют полезные для человека функции.

— Птицы умирают, отец.

— Мы охраняем птиц! У нас есть представители каждого вида в заповедных зонах. Мы уже обеспечили их новыми формами пищи...

— Некоторые растения уже исчезли из-за недостатка естественного опыления.

— Ни одно из полезных растений не исчезло.

— А что произойдет, — спросил Хуан, — если наши барьеры будут нарушаться насекомыми до того, как мы заменим популяцию хищников? Что тогда произойдет?

Старший Мартиньо помахал своим тонким пальцем перед носом сына.

— Прекрати молоть чепуху! Я не хочу ничего такого больше слышать! Ты понимаешь?

— Пожалуйста, успокойся, отец.

— Успокоится? Как я могу успокоиться, если... если? Ты прячешься здесь, как обычный преступник! Бунты в Бахии и Сантареме и...

— Отец, не надо об этом!

— Нет, надо, надо. Ты знаешь, что еще говорили мне эти фермеры в Лакуя? Они говорили мне, что пограничников видели, как они вновь заселяют Зеленую зону, чтобы продлить себе работу. Вот, что они говорили.

— Это же чепуха, отец!

— Конечно, это чепуха! Но это естественное последствие пораженческих разговоров, как раз таких, которые я услышал сегодня от тебя. И все отступления, которые мы переживали, только добавляют вес таким обвинениям.

— Отступления, отец?

— Да, я сказал отступления!

Синьор префект Мартиньо повернулся и зашагал к своему письменному столу и назад. Он снова остановился перед сыном, уперся руками в бедра.

— Ты имеешь в виду, конечно, Паратингу?

— Среди прочих.

— Твои ирмандадес были там.

— Не так долго, когда нас атаковали блохи.

— Все же, неделю назад Паратинга была Зеленой, а сейчас... — Он указал на письменный стол. — Ты видел сообщение. Она кишит насекомыми. Кишит!

— Я не могу уследить за каждым пограничником в Матто Гроссо, — сказал Хуан. — Если они...

— МЭО дает нам только шесть месяцев, чтобы вычистить все, — сказал старший Мартиньо. Он поднял руки ладонями вверх, лицо его вспыхнуло. — Шесть месяцев.

— Вот если бы ты пошел к своим друзьям в правительстве и убедил их в том, что...

— Убедить их? Идти и сказать им совершить политическое самоубийство? Мои друзья? Да знаешь ли ты, что МЭО угрожает Бразилии эмбарго — точно также, как они поступили с Северной Америкой? — Он опустил руки. — Ты можешь представить, что мне придется выслушать о пограничниках и особенно о своем собственном сыне?

Хуан так сжал эмблему распылителя, что она врезалась ему в ладонь. Неделя подобных сцен — это было больше, чем он мог вынести. Его потянуло туда, к своим людям, готовящимся к борьбе в Сьерра Дос Паресис. Отец его слишком долго занимался политикой, чтобы он мог измениться — и Хуан понял это с чувством довольно болезненным. Он взглянул на отца. Если бы вот только старик так не возбуждался — это так отражалось на его больном сердце.

— Ты волнуешься совсем без надобности, — сказал он.

— Волнуюсь, — Ноздри префекта раздувались, он наклонился над сыном. — Мы уже перешли две мертвые линии — Паратингу и Тефе. А там земля, разве ты не понимаешь? А людей на земле нет, некому возделывать ее и заставлять давать продукцию.

— Паратинга была не полным барьером, отец. Мы только расчистили...

— Да, и мы получили продолжение мертвой зоны, когда я объявил, что мой сын и знаменитый Бенито Альварес очистили Паратингу. Как ты объяснишь сейчас, что она снова наводняется насекомыми, что там снова надо делать эту работу?

— Я не объясняю этого.

Хуан вернул эмблему распылителя снова на прежнее место. Было ясно, что он не сможет убедить отца. На протяжении всей этой недели это становилось все более и более очевидным. Нерв на челюсти Хуана вызвал тик отчаяния. И все же старика надо было убедить! Кого-то надо было убедить. Кого-то из политического окружения отца, который бы вернулся к этому вопросу «наверху», встряхнул их всех там и заставил выслушать.

Префект вернулся к столу и сел. Он взял со стола древний крест, одну из работ по кости великого Алейхадиньо. Он поднял его, очевидно надеясь восстановить равновесие, но глаза его широко раскрылись и заблестели. Он медленно опустил крест на письменный стол, не сводя с него глаз.

— Хуан, — прошептал он.

«Это у него плохо с сердцем,» — подумал Хуан.

Он вскочил и бросился к отцу. — Отец!

— Что это? — старший Мартиньо показывал туда пальцем, рука его дрожала.

Через открытые шипы короны, по искаженному больному лицу из слоновой кости, через напряженные мышцы фигуры Христа ползло насекомое. Оно было цвета слоновой кости по форме слегка напоминало жука, но с бахромой из многочисленных клешней вдоль крыльев и на груди с мохнатыми окончаниями на ненормально длинных усиках.

Старший Мартиньо потянулся за свернутыми газетами, чтобы раздавить насекомое, но Хун взял его рукой.

— Подожди. Это новый. Я никогда ничего подобного не видел. Дай мне фонарик. Мы должны пойти за ним и узнать, где его гнездо.

Префект забормотал что-то, задыхаясь от волнения, вытащил маленький фонарик из ящика стола и вручил его сыну.

Хуан взял фонарик и, пользуясь им, стал рассматривать насекомое.

— Какое оно странное, — сказал он. — Посмотри, как точно его цвет совпадает с цветом слоновой кости.

Насекомое остановилось, направило усики по направлению к мужчинам.

— Таких существ видели, — сказал Хуан. — Ходят разные слухи. Что-то похожее на это нашли в прошлом месяце около одной из деревень на барьере. Оно было внутри Зеленой зоны... на тропинке у реки. Помнишь сообщение? Два фермера нашли его, когда искали больного мужчину. — Хуан посмотрел на отца. — Ты знаешь, во вновь созданных Зеленых зонах очень строго проверяют всех больных. Были случаи эпидемий... но это что-то другое.

— Это не имеет отношения к болезни, — рявкнул отец. — У нас будет меньше болезней, если не будет насекомых-переносчиков болезней.

— Вероятно, — сказал Хуан, но тон его говорил о том, что он не верит этому.

Хуан снова обратил внимание на насекомое на распяты.

— Я не думаю, что наши экологи знают все, как они заявляют об этом. И я не доверяю нашим китайским советникам. Они очень красноречиво говорят о пользе уничтожения насекомых сельскохозяйственных вредителей, но не позволяют нам проинспектировать свои Зеленые зоны. Извинения. Всегда извинения. Я думаю, у них там есть неприятности, и они не хотят, чтобы мы обнаружили их.

— Ну, это глупость, — рассердился старший Мартино, но тон его говорил о том, что он не стремится защищать эту позицию. — Они люди чести — за очень редким исключением, которое я мог бы припомнить. И образ их жизни ближе к нашему социализму, чем к загнивающему капитализму Северной Америки. Беда твоя в том, что ты часто смотришь на них глазами тех, у кого получил воспитание.

— Я бы мог поклясться, что это насекомое — результат одной из спонтанных мутаций, — сказал Хуан. — Иногда кажется, что они появляются в соответствии с каким-то планом... Найди мне что-нибудь, во что можно было бы поймать это существо и отнести его в лабораторию.

Старший Мартино оставался стоять у стула.

— А как ты объяснишь, где ты его взял?

— Прямо здесь.

— И у тебя не дрогнет рука, подвергнуть нас еще большему осмеянию, не так ли?

— Но, отец...

— Разве тебе не понятно, что они скажут? Это насекомое было найдено в его собственном доме. Это странный новый вид. Вероятно, он их там выводит, чтобы наводнить Зеленую зону.

— Ну, теперь ты несешь чушь, отец. Мутации присущи тем видам, которым угрожает опасность. И мы не можем отрицать, что существует угроза этим насекомым — яды, вибрационный барьер, ловушки. Дай мне тот контейнер, отец. Я не могу отойти от этого существа, а то я бы взял контейнер сам.

— И ты скажешь, где его нашли?

— А что же я еще могу сказать! Мы должны установить кордон на всей зоне и отыскать гнезда. Может, конечно, произойти случай... но...

— Или преднамеренная попытка поставить меня в неловкое положение.

Хуан пристально посмотрел на отца. Конечно, и такое может быть. У отца действительно есть враги. Да и к тому же, с этими карзонитами тоже следует считаться. У них друзья во многих местах... а среди них были фанатики, которые не остановились бы перед любым планом. И все же...

Хуан нашел решение. Он вновь обратил внимание на подопечное насекомое. Отца следует убедить, а здесь подвернулся такой благоприятный случай.

— Посмотри на это существо, отец, — сказал он.

Префект неохотно обратил взор на насекомое.

— Самые ранние наши яды, — сказал Хуан, — убивали слабых, и избранные выработали иммунитет к этой угрозе от человека. Только обладающие этим иммунитетом продолжали род. Яды, которые мы используем сейчас — некоторые из них — не оставляют таких щелей... к тому же смертоносные вибрации на барьерах... — Он пожал плечами. — И все-таки это жук, отец, и он каким-то образом проник через барьер. Я сейчас тебе продемонстрирую.

Хуан вытащил длинный тонкий свисток из блестящего металла из нагрудного кармана. — Было время, когда его звук вызывал смерть бесчисленного количества жуков. Мне просто надо было просвистеть через их спектр привлечения. — Он приложил свисток к губам, дунул, все время поворачивая его конец.

Из него не вышел ни один звук, слышный человеку, но усики жука согнулись.

Хуан вынул свисток изо рта.

Усики перестали сгибаться.

— Он выдержал испытание, как ты мог убедиться, — сказал Хуан. — Это жук, и его должен привлекать этот свист, но он не двинулся. И я думаю, отец, что среди этих существ есть признаки какого-то злонамеренного разума. Они далеки от исчезновения, отец... Я считаю, что они начинают ответное наступление.

— Злонамеренный разум? У тебя большое воображение, сын.

— Ты должен верить мне, отец, — сказал Хуан. — Никто не хочет верить, когда мы, пограничники, сообщаем о том, что видим. Они смеются и говорят, что мы слишком долго

находились в джунглях. А где доказательства? Они говорят, что такие истории действуют разве что на неграмотных фермеров... Затем они начинают сомневаться и подозревать нас.

— И имеют на то основания, я бы сказал.

— Ты не хочешь верить собственному сыну?

— Что такое сказал мой сын, что я должен ему поверить? — в старшем Мартиньо говорил сейчас полностью префект, гордо выпрямившийся и холодно взирающий на сына.

— В прошлом месяце в Гоязи, — сказал Хуан, — пограничники Антонила Лисбоа потеряли трех человек, которые...

— Несчастный случай.

— Они были убиты муравьиной кислотой и маслом копаку.

— Они небрежно обращались с ядом. Люди становятся беспечными, когда они...

— Нет, муравьиная кислота была очень сильной, высокой концентрации и по своему происхождению идентична кислоте насекомых. На этих людей был обрушен поток кислоты...

— Ты хочешь сказать, что насекомые такие, как это. — Префект указал на неподвижное существо на распятии. — Слепые существа, как эти...

— Они не слепые.

— Я не в буквальном смысле... Ну, без разума, — сказал префект. — Ты же не будешь всерьез утверждать, что такие существа напали на людей и убили их.

— Нам еще предстоит уточнить, как были убиты эти люди, — сказал Хуан. — У нас есть только тела и физические свидетельства происшествия. Но были и другие потери, отец. Люди исчезали, были сообщения о странных существах, которые нападали на пограничников. Мы все больше и больше убеждаемся с каждым днем в том, что...

Он замолчал, когда жук сполз с распятия на стол. Мгновенно цвет его стал коричневым, смешиваясь с поверхностью стола.

— Пожалуйста, отец, дай мне контейнер.

Жук достиг края стола и заколебался. Усики его загибались то назад, то вперед.

— Я дам тебе контейнер, если ты пообещаешь не сообщать, где было найдено это насекомое, — сказал префект.

— Отец, я...

Жук прыгнул со стола далеко на середину комнаты, пополз к стене, вверх по стене и в щель у окна.

Хуан нажал на кнопку фонарика, направил луч на дырку, которая поглотила насекомое. Он прошел по комнате и исследовал отверстие.

— Когда появилось здесь это отверстие, отец?

— Много лет назад. В каменной кладке была щель... землетрясение за несколько лет до смерти матери, я думаю.

В четыре шага Хуан дошел до двери, прошел через вестибюль с арочным потолком, вниз по каменным ступеням, через другую дверь и короткую прихожую, через литые ворота в сад на улицу. Он дал полной мощности луч и провел им над стеной под окном кабинета.

— Хуан, что ты делаешь?

— Это моя работа, отец, — он бросил взгляд назад и увидел, что префект шел за ним и остановился как раз за воротами сада.

Хуан снова обратил внимание на стену кабинета, освятил лучом фонаря на камни под окном. Он низко нагнулся, водя лучом по земле, вглядываясь в каждые бугорок, во все темные места.

Тщательный поиск переместился на сырую землю, повернул к кустам, затем на лужайку.

Хуан слышал, как отец идет за ним.

— Ты видишь его?

— Нет.

— Тебе надо было позволить мне пристукнуть его.

Хуан встал, пристально посмотрел вверх на черепичную крышу и на карнизы. Вокруг стояла полная темнота, был только свет в окне кабинета и свет фонаря, чтобы изучать детали.

Пронзительный, резкий до боли в ушах звук заполнил воздух вокруг них. Он шел из внешней стороны сада, который окаймлял дорогу и каменную стену. Даже после того, как он смолк, казалось, что он висит везде вокруг них. Он навел Хуана на мысль об охотничьем крике хищников джунглей. Дрожь прошла у него по спине. Он повернулся к проезжей дороге, где припарковал свой воздушный грузовик, послал туда луч фонаря.

— Какой странный звук, — сказал отец. — Я... — Он замолчал и уставился на газон. — Что это?

Казалось, что весь газон пришел в движение, направляясь к ним, как волна набегающая на берег. Волна эта уже отре-

зала их от входа в дом. Она была еще в шагах десяти, но быстро надвигалась.

Хуан схватил отца за руку. Он говорил спокойно, надеясь не встревожить старика еще больше, помня о его слабом сердце.

— Мы должны добраться до моего грузовика, отец. Мы должны пробежать прямо по ним.

— По ним?

— Это насекомые, похожие на того, кого мы видели внутри, отец — их миллионы. Они нападают. Вероятно, они совсем не жуки. Вероятно, они похожи на полчища муравьев. Мы должны пробежать к грузовику. У меня там есть приспособления и оборудование, чтобы отбиться от них. Нам будет безопасно в грузовике. Это грузовик пограничников, отец. Ты должен бежать со мной, ты понимаешь? Я помогу тебе, но ты не должен спотыкаться и падать на них.

— Я понимаю.

Они побежали. Хуан держал отца за руку, указывая путь фонарем.

«Пусть только выдержит его сердце,» — молился Хуан.

Он были уже в волне насекомых, но существа отскакивали в стороны, открывая путь, который закрывался за бегущими мужчинами.

Белые очертания воздушного грузовика выступили из-за поворота впереди метрах в пятнадцати.

— Хуан... сердце, — выдохнул старший Мартиньо.

— Ты должен держаться, — пропыхтел Хуан. — Быстрее!

Он почти на руках пронес отца последние несколько шагов.

Они были сейчас у широких задних дверей отделения лаборатории грузовика Хуана. Хуану удалось распахнуть двери, он включил выключатель на левой стене, достал капюшон и ружье. Он остановился, внимательно вглядываясь в залитое желтым светом отделение.

В нем сидели два человека — индейцы сертао, судя по их внешности, с яркими блестящими глазами и черными волосами с подстриженной челкой под соломенными шляпами. Они были, как два близнеца, даже в одинаковых грязно-серых костюмах, с одинаковыми сандаловыми кожаными заплечными мешками. Вокруг них ползали насекомые, похожие на жуков, по стенам лаборатории, над инструментами и пузырьками.

— Что за черт? — рывкнул Хуан.

Один из этой пары поднял индейскую флейту и помахал ею. Он говорил резким голосом со странными окончаниями слов.

— Заходите. Вам не причинят вреда, если вы будете повиноваться.

Хуан почувствовал, как отец оседает, поймал старика на лету. Какой он был легкий. Старик дышал прерывисто, делая болезненные короткие вздохи. Лицо его было бледно-синим. На лбу выступил пот.

— Хуан, — прошептал префект. — Боль... моя грудь.

— Лекарство, — сказал Хуан. — Где твоё лекарство.

— Дома, — сказал старик. — На столе.

— Кажется, он умирает, — проскрипел один из индейцев.

Все еще держа в руках отца, Хуан резко повернулся к этой паре и рывкнул: — Я не знаю, кто вы и почему вы впустили сюда этих жуков, но отец мой умирает, и ему нужна помощь. Убейтесь с дороги.

— Повинуйся или оба умрете, — сказал индеец с флейтой. — Заходи.

— Ему нужно лекарство и врач, — взмолился Хуан. Ему не понравилось, как индеец показал ему флейту. Этот жест наводил на мысль, что инструмент является оружием.

— Какая часть отказала? — спросил другой индеец. Он с любопытством уставился на отца Хуана. Дыхание старика стало поверхностным и быстрым.

— Это сердце, — сказал Хуан. — Я надеюсь, что синьоры фермеры не думают, что он притворяется...

— Не фермеры, — сказал тот, кто с флейтой. Он встал с сиденья в передней части лаборатории, указал вниз. — Клади... отец здесь.

Другой поднялся со скамейки и встал рядом.

Несмотря на страх за отца, Хуан поймал себя на мысли, что его поражает странная внешность этой пары. Тонкая, похожая по виду на чешуйчатую кожа, мерцающая яркость глаз. Может быть, они употребляют какой-нибудь наркотик джунглей?

— Положи отца сюда, — сказал тот, кто с флейтой. Снова показывая на скамейку. — Помощь может быть...

— Получена, — сказал другой.

— Получена, — повторил первый.

Хуан заметил, сейчас массы насекомых вокруг на стенах замерли, в рядах их наступила тишина выжидания. Они все были копией того жука из кабинета. Одинаковые.

Дыхание старика было сейчас поверхностным и быстрым. Хуан чувствовал каждый его выдох на руке и у своей груди.

«Он умирает,» — в отчаянии думал Хуан.

— Помощь может быть получена, — повторил индеец с флейтой. — Если вы повинуетесь, мы не сделаем вреда.

Индеец поднял флейту и направил ее на Хуана. — Повинуйся.

Жест не мог вызвать сомнения. Эта вещь была оружием.

Медленно Хуан поднялся в грузовик, подошел к скамье и осторожно опустил отца на мягкую поверхность.

Индеец с флейтой жестом приказал отойти ему в сторону, и он повиновался.

Другой индеец склонился над головой старшего Мартиньо и поднял его веко. Хуана поразила профессиональная правильность жеста. Индеец осторожно нажал на диафрагму умирающего, снял пояс префекта, ослабил воротник. Похожий на обрубок коричневый палец коснулся артерии на шее старика.

— Очень слабый, — проскрипел он.

Хуан еще раз посмотрел на индейца, удивляясь, как крестьянин отдаленного района страны может вести себя как врач.

— Больница, — заявил индеец.

— Больница? — спросил другой с флейтой.

Осматривающий отца издал скрипуче-шипящий звук.

— Больница, — согласился тот, что с флейтой.

Тот резкий шипящий звук! Хуан уставился на индейца рядом с префектом. Этот звук ему напомнил зов, который прозвучал на газоне.

Тот, что с флейтой, ткнул его и сказал: — Ты. Иди вперед и управляй этой...

— Машиной, — подсказал тот, что находился рядом с отцом Хуана.

— Машиной, — сказал тот, что с флейтой.

— В больницу? — взмолился Хуан.

— Больницу, — согласился индеец.

Хуан снова посмотрел на отца. Старик был так неподвижен. Другой индеец уже пристегивал старшего Мартиньо к

скамейке, готовясь к полету. Несмотря на вид крестьянина из далекой глубинки, человек казался весьма компетентным.

— Повинуйся, — сказал тот, что с флейтой.

Хуан открыл люк в переднее отделение, проскользнул внутрь, почувствовал, что вооруженный индеец следует за ним. Несколько капель дождя темнели на ветровом щитке. Хуан втиснулся в сидение водителя. В отделении стало темно, когда закрылся люк. Соленоиды отбросили автоматически запоры люка с глухим звуком. Хуан включил стоящие осветители и заметил, как индеец нагнулся позади него, держа наготове свою флейту.

«Ружье типа духового, — догадался Хуан. — Вероятно, с ядом.»

Он нажал кнопку зажигания на пульте, пристегнулся, пока турбины набирали нужные обороты. Индеец все еще стоял позади него согнувшись без пристегнутых ремней — легко уязвимый, если бы воздушный грузовик резко дернулся с места.

Хуан перевел рычаг передач в нижнем левом углу пульты, взглянул в крошечный экран, который давал ему возможность заглянуть в отделение лаборатории. Задние двери были открыты. Он закрыл их с помощью гидравлического дистанционного управления. Отец лежал, надежно прикрепленный к скамейке, другой индеец был у его изголовья.

Турбины набрали нужные обороты.

Хуан нажал педаль, включил гидростатический привод. Грузовик поднялся сантиметров на десять, пошел под углом вверх, когда Хуан увеличил смещение насоса. Он повернул влево на улицу, поднялся метра на два, чтобы увеличить скорость, и направился на огни бульвара.

Индеец заговорил у его уха: — Поворачивай к горе туда. — вытянутая вперед рука указала направление.

«Клиника Александро находится у подножья, — думал Хуан. — Да, это правильное направление.»

Хуан обозначил поворот на перекрестке, который заворачивал на бульвар.

Он прибавил еще обороты, поднял машину еще на метр и еще прибавил скорость. Тем же движением он включил связь на соседнее отделение, подключил его к усилителю и подстроил под сидение, на котором лежал отец.

Приемник, способный улавливать звук даже упавшей булавки, который мог звучать, как пушечный выстрел, издал

лишь отдаленное шипение и скрипучий звук. Хуан усилил звук приемника. Сейчас он должен был бы передать сердцебиение старика, посылая заветные тук-тук в переднюю кабину.

Такого звука не было, было лишь шипение и скрежещущий звук.

Слезы выступили на глазах Хуана. Он тряхнул головой, чтобы смахнуть их.

«Мой отец умер, — думал он. — Его убили эти безумцы из дальних горных районов.»

Он заметил на экране пульта, что индеец там сзади держит руку под спиной старшего Мартины. Казалось, что индеец массирует спину мертвого старика. Ритмичные поскрипывания соответствовали движению.

Гнев наполнил Хуана. Он чувствовал, что способен послать воздушный грузовик в пике, умереть самому и уничтожить этих безумцев.

Грузовик приближался к окраине города. Это была зона небольших садов и коттеджей, охраняемая воздушным балдахином.

Хуан поднял воздушный грузовик над балдахином и направился к бульвару. «К клинике, да, — думал он. — Но слишком поздно.»

В этот момент он понял, что из заднего отделения не раздаются звуки сердцебиения — только медленный ритмичный скребущий звук, сейчас, когда его слух ловил это, этот похожий на цикаду приглушенный шум ритмичных, то раздающихся, то затухающих звуков.

— Туда, в горы, — сказал индеец позади него. И снова показалась рука, указывающая вправо.

Хуан, видя эту руку так близко, освещенную огнями шкалы управления, рассмотрел, как чешуйчатые части пальцев совершают какие-то сдвиги. В этом сдвиге он узнал формы чешуек на бахроме их лапок.

Жуки!

Палец состоял из соединенных вместе жуков, работающих в унисон!

Хуан повернулся и пристально посмотрел в глаза индейцу, и тогда он понял, почему они так ярко блестят, они состояли из тысяч крохотных фасет.

— Больница там, — сказала создание рядом с ним, указывая в направлении гор.

Хуан снова сосредоточился на приборах, стараясь побороть нарастающее раздражение. Они не индейцы... они даже не люди.

Они были насекомыми — какого-то вида группы ульев, но имели форму и структуру, имитирующие человека.

• И в его мозгу пронеслись доказательства этого открытия. Как же они удерживают этот вес? Как им удастся питаться и дышать?

Как они разговаривали?

Все личные заботы ушли на второй план, уступая насущной проблеме доставить эту информацию и ее доказательства в одну из больших правительственных лабораторий, где можно расследовать эти факты.

Даже смерть отца не должна была помешать ему в этом. Хуан знал, что должен поймать одного из этих существ и выйти с ним. Он потянулся вверх за голову, привлеченный миганием передатчика, установил его на вызов дома. «Пусть один из моих ирмандадес проснется и даст свои позывные,» — молился он.

— Еще больше вправо, — проскрипело существо позади него.

И снова Хуан скорректировал курс.

Голос — этот резкий скрипучий звук. И снова Хуан спрашивал себя, как может это существо производить имитацию человеческой речи. Координация, требуемая для этого действия, должна нести в себе глубокий смысл.

Хуан взглянул влево. Сейчас высоко над головой стояла луна, освещающая линию пограничных постовых вышек вдаль. Первый барьер.

Скоро грузовик выйдет из Зеленой зоны в Серую, самых беднейших ферм плана нового расселения — затем, за ее пределами другой барьер и Великая Красная зона, которая тянулась вытянутыми щупальцами через Гояз и внутренние области Матто Гроссо далеко до горной цепи Анд, куда приходили отряды из Эквадора. Хуан видел сейчас разбросанные огни ферм плана нового заселения впереди, а кругом стояла тьма.

Воздушный грузовик двигался сейчас быстрее, чем он того хотел, но Хуан знал, что не осмелится снизить скорость. Они станут тогда подозрительными.

— Ты должен лететь выше, — сказала существо позади него.

Хуан увеличил смещение насоса, поднял нос машины. Он выровнял грузовик на высоте трехсот метров.

Впереди маячили еще несколько пограничных вышек, расположенных через меньшие интервалы. Хуан услышал сигналы барьера на пульте управления, посмотрел назад на своего охранника. Казалось, что разрушительные вибрации барьера не действуют на существо.

Он выглянул в боковое окно вниз, пока проходили над барьером. Он знал, что никто не угрожает ему снизу. Это был воздушный грузовик пограничников и направлялся он в Красную зону... передатчик посылал домой позывные. Люди внизу могли предположить, что его как руководителя группы направили по контракту после успешного запроса собирать своих людей на работу. Если бы стража на барьере узнала его позывные, это только подтвердило бы такую мысль.

Хуан Мартиньо только что успешно завершил бросок на Сьерра Дос Паресис. Все пограничники знали об этом.

Хуан вздохнул. Он видел слева посеребренную лунным светом змейку Сан-Франциско и водные пути поменьше, которые подобно ниточкам спускались с подгорий.

«Я должен найти гнездо — куда бы мы ни направлялись,» — думал Хуан.

Он раздумывал, нажать ли ему на приемник — но что, если его люди начнут докладывать... Нет. Это может вызвать подозрения этих странных существ, они смогут предпринять какие-нибудь сильные контрмеры.

«Мои люди поймут, что что-то случилось, если я не отвечаю, — думал он. — Они последуют за мной. Лишь бы только кто-нибудь услышал мои позывные.»

— Как далеко нам еще лететь? — спросил Хуан.

— Очень далеко, — ответил страж.

Хуан устроился для долгого перелета. «Я должен быть терпеливым, — думал он. — Я должен быть таким терпеливым, как паук, ждущий на краю своей паутины.»

Проходили часы: два, три... четыре.

Под грузовиком внизу не было ничего, кроме залитых лунным светом джунглей, а луна уже была низко над горизонтом, почти опускалась за его линию. Это уже был район, расположенный глубоко в Красной зоне, где сначала использовались самые сильные яды и были получены самые разрушительные результаты. Это был район, где были обнаружены первые дикие мутации.

Гояз.

«Это то место, как говорил отец, куда поехала Рин Келли, — думал Хуан. — Она сейчас там внизу?»

Джунгли молчали.

Гояз: этот район сохранился для последней атаки, используя все мобильные барьерные линии, когда круг достаточно сузится.

— Как долго еще? — спросил Хуан.

— Скоро.

Хуан приготовил заряд на случай крайней необходимости, чтобы можно было разделить два отделения грузовика, когда он выстрелит. Дополнительные крылья на передней части и ракетные установки на случай чрезвычайной ситуации доставят его назад в район пограничников.

Хуан надеялся на это, так как эти особи позади него, видимо, успокоились.

Он взглянул поверх балдахина, тщательно осмотрел горизонт, насколько охватывал взгляд. Освещал ли лунный свет грузовик справа? Он не мог быть полностью уверен... но было похоже на то.

— Скоро? — спросил Хуан.

— Впереди, — проскрипело существо.

Смодулированные резкие звуки этого голоса вызвали дрожь по спине Хуана. Хуан сказал. — Мой отец...

— Больница для... отца... впереди, — сказала существо.

Хуан понял, что скоро рассвет. Он уже видел первые проблески света вдоль линии горизонта. Эта ночь прошла так быстро. Хуан даже предположил, не сделал ли ему страж какую-нибудь инъекцию для искажения чувства времени без его ведома. Но потом решил, что нет. Он всегда был настроен, чтобы быть готовым к неожиданностям в любой момент. У него просто не было времени на усталость или скуку, когда он должен был замечать любую опознавательную вежу, чуть различимую в ночи, чувствовать и осознавать все, касающееся этих существ вокруг него. Четкий горьковатый запах щавелевой кислоты давал основание предполагать химическую реакцию: кислота-кислород.

Как им удавалось скоординировать все эти отдельные звенья насекомых?

Казалось, что действия их осознаны. Что, это только имитация? Где же тогда у них мозг?

Наступил рассвет, и стало видно плато Матто Гроссо: котлообразный провал жидкой зелени, кипящего через край мира. Хуан взглянул в боковые окна во-время и увидел, что длинная тень грузовика прыгает по расчищенному пространству. Там, на фоне зелени, блестели застывшие, как из гальванизированного металла, крыши — опытные станции, покинутые во время повторного расселения, или, может быть, фазенды баракао на границе кофейных плантаций. Место было подходящим для склада, расположено оно возле небольшой речушки, а на земле вокруг видны признаки прибрежных сельскохозяйственных культур.

Хуан знал этот район, он мог мысленно наложить на него сетку карты пограничников — он занимал пять градусов широты и шесть градусов долготы. Когда-то это было место изолированных фазенд, управляемых цветными или черными, и место это примыкало к системе плантаций энкомендеро. Родители Бенито Альвареса были родом из этих мест. Это были заросшие джунгли, узкие речушки с заросшими лесом и папоротником берегами, саваны и сложная запутанная жизнь.

То здесь, то там вдоль возвышений на реке лежали остатки гидроэлектростанций с тех пор давным-давно заброшенные как станция на водопадах Пауло Афонса. Все они были заменены солнечными и атомными электростанциями.

Так вот где это: сертао Гояз. Даже в этом веке он выглядел примитивным, что ставили в вину насекомым и болезням. Он лежал там — последний оплот бурной жизни насекомых в западном полушарии, ожидая современной тропической технологии, чтобы поднять его в двадцать первый век.

Необходимые запасы для наступления пограничников могли бы поступать через Сан-Пауло самолетами или по многоярусному шоссе, ну еще, может быть, на древних дизельных поездах до Итаниры, на речных авиакатаерах до Бахуса или воздушными грузовиками до Реджисто и Мопольдины на Арагве.

А когда это будет сделано, возвратятся люди, приезжая из зон плана заселения и беднейших городов метрополии.

Поток завихрения встряхнул воздушный грузовик, прервав размышления Хуана, заставив его чувства прийти в состояние острого осознания ситуации.

Взгляд на стража показал, что тот все еще сидит согнувшись, настороженный... терпеливый, как индеец, которого он имитировал. Присутствие существа позади него стало собирательным, и Хуан вынужден был бороться с нарастающим чувством отвращения.

Блестящие механические предметы грузовика вокруг были как бы в состоянии войны с насекомым существом. У него не было дела здесь в кабине машины, ровно рассекающей воздух над тем районом, где верховной властью были ему подобные.

Хуан выглянул и посмотрел вниз на зеленую реку леса. Он знал, что эта зона внизу кишит насекомыми: ленточными червями в корнях трав саванн, личинками жуков, копошащимися во влажной черной земле; прыгающими жуками, стремительными осаами; халикозными мухами, священными для все еще процветающего культа Коанго в глубинных лесных районах; джигерами, сфецидами, свирепыми шершнями, белыми термитами, хоботными личинками, кровососами, трипсами, муравьями, вшами, москитами, клещами, молями, экзотическими бабочками и бесконечными неестественными мутациями их всех.

Это уж точно.

Это будет длительная война — если она уже не проиграна.

«Мне не следует идти таким путем, — сказал себе Хуан. — Хотя бы уважая память отца. Мне не следует так думать... пока еще не следует.»

Карты МЭО изображали этот район красным цветом различной интенсивности. Вокруг красного цвета шло серое кольцо с розоватым оттенком там, где еще продолжали существовать одна или две формы жизни, противостоящей ядам человека, огню, вяжущим веществам, звуковым токсинам — комбинации химических отравляющих веществ и сверхзвуковые средства, которые изгоняют насекомых из их потайных мест в ожидающую их смерть — и всем видам механических ловушек и соблазнительных наживок, имеющих в арсенале пограничников.

Сетчатая карта накладывалась на этот район, и каждый квадрат в тысячу гектаров отводился под ответственность независимых отрядов, которые проводили чистку.

«Мы, пограничники, являемся своего рода конечным хищником, — думал Хуан. — Неудивительно, что эти создания имитируют нас.»

Но как в действительности хороша эта мимикрия? — спрашивал он себя. — И как смертельна для хищников? Как далеко это зашло?»

— Туда, — сказала существо позади него. Рука, состоящая из множества частей, вышла вперед и указывала на черный крутой откос, видимый перед ними в серой дымке утра. Густой туман у крутого обрыва указывал на то, что поблизости река, спрятавшаяся в джунглях.

«Это все, что мне надо, — подумал Хуан. — Я легко смогу снова найти это место.»

Нога его нажала на курок на полу, выпустив огромное облако тумана оранжевого оттенка под грузовик, чтобы отметить эту землю и лес на более, чем километр вокруг. Когда Хуан нажал на курок, он начал отсчитывать про себя пятисекундную паузу, чтобы произвести автоматический отстрел.

Он произошел с рокотом взрыва, который, как знал Хуан, прижмет существо, находящееся сзади, к заднему выступу. Он привел в действие замаскированные крылья, дал питание моторам ракеты и сделал сильный крен влево. Сейчас ему стало видно соседнее отделение сзади, которое медленно опускалось к земле над цветным облаком, его падение ускорится, когда автоматически компенсируются насосы гидростатического привода.

«Я вернусь, отец, — подумал Хуан. — Ты будешь похоронен среди семьи и друзей.»

Он поставил машину на автоматическое управление, чтобы разделаться со своим охранником.

Жало чуть не задело губы Хуана.

Задняя стенка кишела насекомыми, собранными в кучки вокруг чего-то желто-белого и пульсирующего. Серо-грязная рубашка и брюки были разорваны, но насекомые уже чинили их, выкручивая волокна, которые соединялись и скреплялись при наложении. Около пульсирующей поверхности был темно-желтый предмет, похожий на мешок, сквозь облетевших его насекомых просматривался коричневый скелет со знакомыми очертаниями.

Он был похож на человеческий скелет, но темный и хитинный.

На глазах у Хуана существо формировалось снова — длинные мохнатые усики зарывались внутрь и сцепляли одно насекомое к другому, сплетая вместе бахрому крыльев.

Оружия в виде флейты было не видно, а кожаную сумку существа взрывом отбросило в задний угол, но глаза его были на месте, в своих коричневых глазницах, и смотрели на него. Рот также восстанавливался.

Темно-желтый мешок сжался, и из полувосстановленного рта раздался голос.

— Ты должен слушать, — проскрипел он.

Хуан глотнул воздуха, метнулся к щиту управления, перевел на ручное управление и послал машину в бешеный штопор.

Позади него было слышно жужжание на высокой частоте. Казалось, что звук проникает в каждую кость и сотрясает ее. Что-то полезло у него по шее. Он ударил и почувствовал, что раздавил что-то.

Все, о чем думал сейчас Хуан, было в одном слове: «бежать». Он напряженно всматривался в землю вниз. Увидев белый клочок в саванне справа от себя, в тот же миг узнал другой воздушный грузовик, который подходил к нему сбоку, на его корпусе виднелся яркий знак его родного ирмандадес.

Белое пятно в саванне сейчас различалось, как группа палаток с оранжево-зеленым флагом МЭО, развевающимся рядом с ними. За ровным участком травы виднелся изгиб реки.

Хуан направился к палаткам.

Что-то укололо его в щеку. Ползающие существа были у него в волосах — кусались и жалили. Он нажал на тормоза ракет, нацеливаясь на открытое пространство возле палаток. Насекомые ползали сейчас по всему обзорному стеклу, мешая наблюдению. Хуан тихо про себя помолился, потянул на себя контрольный рычаг, почувствовал, как выходят колеса, касаются земли, подпрыгивая и быстро катясь. Он сбросил балдахин прежде, чем движение прекратилось, порвал печать на предохранительных ремнях и выбросился вверх и в сторону, упав плашмя на твердую землю.

Он катался и катался по земле, плотно закрыв глаза, чувствуя укусы насекомых, как огненные иглы на каждой оголенной частице тела. Чьи-то руки подхватили его, и он почувствовал, как на лицо плеснули капюшон из желе, чтобы защитить его. Тяжелые струи обрушились на него со всех сторон.

Где-то на расстоянии он слышал голос, который был похож на крик Виеро: — Беги! Сюда Беги!

Он услышал, как заговорило ружье-распылитель: — Пу-у-ф.

И еще раз.

И еще.

Вокруг него обвилились руки. Струя била по спине. Душ, который пах, как нейтрализатор, обрушился на него.

Странный тяжелый звук сотряс землю рядом, и голос сказал:

— Матерь божья! Вы только посмотрите на это!

Глава 5

Хуан сел, стянул капюшон с лица и уставился на саванну. Трава там бурлила и кишела насекомыми вокруг воздушного грузовика ирмандадес.

Голос сказал:

— Ты все убил внутри машины?

— Все, что двигалось, — ответ был хриплым, спотыкающимся, как будто говорящий преодолевал сильную боль.

— Там есть что-нибудь, что можно еще использовать?

— Радио уничтожено.

— Конечно. Это первое, на что они нацелены.

Хуан посмотрел вокруг себя, насчитал семеро своих ирмандадес — Виеро, Томе, Рамон, Пиетр, Лон...

Взгляд его выхватил группу, стоящую позади его людей — среди них Рин Келли. Ее рыжие волосы лежали косо. Грязь залепила лицо. В зеленых глазах ее был дикий, застывший страх. Она смотрел на него.

Затем он увидел свою машину, справа, на боку и внутри того, что ему показалось канавой. Вокруг всего была пена и остатки горения. Взор его пошел вдоль линии канавы, увидел, что она захватывала пространство, заполненное плотной землей, в центре которого стояли палатки, а вокруг — саванна. Возле него стояли двое в форме МЭО, держа переносные емкости с распылителем.

Хуан обратил внимание на Рин, вспоминая ее такой, какой видел в А'Чигуа в Бахии. На ней была простая зеленая форма МЭО для полевых работ, забрызганная пятнами красно-коричневой грязи. Глаза ее не выражали никакого приглашения.

— В этом я вижу поэтическую справедливость, предатели, — сказала она.

Истерический тон ее голоса не сразу дошел до слуха Хуана. И еще секунда потребовалась для того, чтобы до него дошел смысл. Предатели?

Он вдруг увидел, какой оборванный и измученный вид у людей МЭО.

Подошел Виеро, помог Хуану подняться, протянул кусок материи, чтобы вытереть с лица желе.

— Шеф, что происходит? — спросил Виеро. — Мы получили твой сигнал, но ты не отвечал.

— Потом, — выдавил Хуан, когда понял гнев, выражаемый Рин и ее спутниками. Казалось, что у Рин лихорадка и она выглядела нездоровой.

Руки прошлись плотно по Хуану, стряхивая с него мертвых насекомых. Боль от укусов и жал стала стихать под воздействием лечебного нейтрализатора.

— Чей это скелет у вас в машине? — спросил один из людей МЭО.

Прежде, чем успел ответить Хуан, Рин сказала:

— Смерть и скелеты не представляют для Хуана Мартиньо, предателя Паратинги, ничего нового!

— Они все безумцы, это единственно, что можно сказать, по моему разумению, — сказал Виеро.

— Ваши любимцы накинудись на вас, не так ли? — спросила требовательно Рин. — Скелет — это то, что осталось от одного из вас, а-а?

— Что это за разговор о скелете? — спросил Виеро.

— Ваш шеф знает, — сказала Рин.

— Не будете ли вы так добры, чтобы объяснить? — спросил Хуан.

— Нет нужды объяснять, — сказала она. — Пусть вам объяснят ваши друзья. — Она указывала на джунгли вокруг саванны.

Хуан посмотрел туда, увидел шеренгу людей в белой форме пограничников, которые стояли нетронутыми среди прыгающих, кишаших насекомых в тени джунглей. Он снял бинокль с шеи одного из его людей и установил фокус.

Зная, на что надо смотреть, он легко увидел, что нужно.

— Падре, — сказал Хуан.

Виеро наклонился поближе, почесывая укус насекомого под шрамом от кислоты на щеке.

Тихим голосом Хуан объяснил насчет фигур, стоящих на краю джунглей, передал бинокль, чтобы Виеро смог сам увидеть тонкие линии кожи и блеск фасет в глазах.

— Ай-яй! — сказал Виеро.

— Вы узнаете своих друзей? — строго спросила Рин.

Хуан не обращал на нее никакого внимания.

Виеро передал бинокль с объяснениями следующему из ирмандадес. Двое из людей МЭО, которые опрыскивали Хуана, подошли ближе, слушая и обращая внимание на фигуры в тени джунглей.

Один из людей МЭО перекрестился.

— Эта канава по периметру, — сказал Хуан. — Что в ней?

— Нейтрализующее желе, — сказал человек МЭО, который перекрестился. — Это все, что у нас осталось для барьера от насекомых.

— Он не остановит их, — сказал Хуан.

— Но он уже остановил их, — сказал человек.

Хуан кивнул. У него имелись свои очень неприятные подозрения по поводу их появления здесь. Он посмотрел на Рин.

— Д-р Келли, где остальные ваши люди? — Хуан обвел взглядом людей МЭО, считая их. — В полевых отрядах МЭО, конечно, больше, чем шесть человек.

Она сжала губы, но ничего сказала.

Чем больше Хуан смотрел на нее, тем больше видел, что она, очевидно, больна.

— Итак? — сказал Хуан. Он взглянул вокруг на палатки, видя их удручающее состояние. — А где ваше оборудование, ваши грузовики, лаборатория, маршрутные автобусы?

— Странные вопросы вы задаете, — сказала она, но в интонации ее голоса сквозила неуверенность (чего стоил один только истерический призвук). — В километре отсюда среди деревьев, там, — она кивнула налево, — этот проклятый грузовик для джунглей содержит большинство из нашего... оборудования, как вам угодно называть его. Шины грузовика были изъедены кислотой прежде, чем мы поняли, что что-то не так. Роторные подъемники были уничтожены точно таким же способом — все уничтожены.

— Кислотой?

— Она пахла щавелевой кислотой, но действовала скорее как соляная, — сказал один из ее спутников, блондин скан-

динавского вида, со светлым следом ожога кислотой под правым глазом.

— Начните все сначала, — сказал Хуан.

— Нас отрезали здесь... — Он остановился и посмотрел вокруг.

— Восемь дней назад, — сказала Рин.

— Да, — сказал блондин. — Они взяли радио, наш грузовик — они были похожи на гигантских джигеров. Они могут пускать струю кислоты на пятнадцать метров.

— Как тот, которого мы видели на Плаце в Бахии? — спросил Хуан.

— В моей походной лаборатории три мертвых образца, — сказала Рин. — У них кооперативная структура, группы ульев. Сами посмотрите.

Хуан вытянул губы и задумался.

— Я слышала частично то, что вы говорили своим людям здесь, — сказала она. — Вы ожидаете, что мы поверим этому?

— Мне совершенно не важно, во что вы верите, — сказал Хуан. — Как вы попали сюда?

— Мы пробивались сюда из грузовика, используя струи холодного огня «карамару», — сказал блондин. — Это их немного утихомирило. Мы притащили с собой запас его, который смогли унести, вырыли траншею по периметру, залили раствор, добавили желе и покрыли сверху всем запасом маслянистого копару... вот и сидим здесь.

— Сколько вас? — спросил Хуан.

— В грузовике нас было четырнадцать, — сказала Рин. Она внимательно смотрела на Хуана, изучая его. Его поведение, вопросы — все свидетельствовало о его невинности. Она пыталась рассуждать, исходя из этого предположения, но мозг ее не подчинялся ей. В ее рассуждениях не было ясности, и она знала об этом. Даже с самой первой атаки было что-то такое, похожее на китайский наркотик, в жалах насекомых, которые прошли через «карамару». Но в ее походной лаборатории не было нужного оборудования, чтобы установить, что это за наркотик.

Хуан потер шею сзади, где начинали гореть укусы насекомых. Он обвел взглядом своих людей, оценивая их состояние и оснащенность, насчитал четыре ружья-распылителя, увидел, что люди носили запасные заряженные цилиндры на шнурках на шее.

И здесь был еще его грузовик в целости и сохранности внутри периметра. Раствор, который они вылили в ров, вероятно, сыграл свою роль во время контрольного захода. Но ведь еще оставался грузовик в саванне.

— Нам лучше пробиться к грузовику, — сказал он.

— Вашему грузовику? — спросила Рин. Она смотрела в саванну. — Я думаю, было слишком поздно уже несколько секунд спустя после его приземления, — Она засмеялась, и истерика уже явно вновь выходила на поверхность. — Я думаю, через день или примерно так, несколькими предателями станет меньше. Вы попали в свою собственную ловушку.

Хуан бросил быстрый взгляд на воздушный грузовик ирмандадес. Он начинал бешено клониться в левую сторону.

— Падре! — рявкнул он. — Томми! Винсе! Дава... — Он остановился, когда грузовик осел еще больше.

— Было бы справедливо предупредить вас, — сказала Рин, — держитесь подальше от края канавы, пока вы не опрыскаете противоположные край рва. Они могут пускать струю кислоты, по крайней мере, на пятнадцать метров... и, как вы можете видеть, — она кивнула в сторону воздушного грузовика, — кислота съедает металл и даже пластик.

— Вы не в своем уме, — сказал Хуан. — Почему вы не предупредили нас сразу же? Мы бы...

— Предупреждать вас?

Ее спутник блондин сказал:

— Д-р Келли, вероятно, нам бы...

— Успокойся, Хогар, — сказала она. Она взглянула на мужчину. — Разве не пришло время, чтобы вы заглянули к д-ру Чен-Лу?

— Трэвис? Он здесь? — спросил Хуан.

— Он прибыл вчера с одним сотрудником, который уже погиб, — сказала она. — Чен-Лу, вероятно, не доживет до ночи. — Она снова посмотрела на своего скандинавского спутника. — Хогар!

— Да, мэм, — сказал мужчина. Он тряхнул головой и направился в палатку.

— Мы отдали восемь человек вашим партнерам, — сказала Рин. Она посмотрела на небольшую группу ирмандадес, — Ваших жизней мало, чтобы заплатить сейчас за гибель восьми... предатели!

— Вы действительно не в своем уме, — сказал Хуан, и он ощутил, как в нем закипает гнев. Чен-Лу здесь... умирает? Чего ждате? Надо сделать работу.

— Прекратите разыгрывать из себя невинность, синьор Мартиньо, — сказала Рин. — Мы уже видели ваших спутников здесь. Мы уже видели ваших компаньонов, которых вы вырастили... и мы понимаем, что вы были слишком жадны, ваша игра уже вышла из-под вашего контроля.

— Вы не видели, что мои ирмандадес совершают это, — сказал Хуан. Он посмотрел на Тома. — Томми, присмотри за этими ненормальными. Не разрешай им вмешиваться в наши дела. — Он поднял ружье и запасные заряды с одного из своих людей и сказал другим трем вооруженным людям. — Вы идите со мной. — Шеф, что ты делаешь? — спросил Виеро.

— Спасти то, что мы можем из грузовика, — сказал Хуан. Виеро вздохнул, взял одно из ружей и заряды, приказав жестом его владельцу оставаться с Томми.

— Наверняка вы идете на верную смерть, — сказала Рин. — Но не думайте, что мы будем мешать этому!

Хуан заставил себя не ответить ей взрывом яростных проклятий. Голова его трещала от гнева и необходимости гасить его. Вскоре он подошел к канаве, поближе к разрушенному воздушному грузовику, уложил струю пены на траву позади рва, сказал другим сделать то же и перепрыгнул через ров.

Позднее Хуан не любил вспоминать о том времени в саванне. Прошло менее двадцати минут после того, как они покинули остров с палатками, как Хуана и троих его спутников обожгло кислотой, серьезно пострадали Виеро и Лон. А удалось им спасти меньше, чем восьмую часть груза в грузовике, в основном пищу. Спасенные вещи не включали передатчик.

Атака началась со всех сторон, нападающие прятались в высокой траве. Пена обездвиживала их лишь временно. Ни один из ядов, заряженных в ружья, не оказывал большего воздействия на этих тварей, просто замедлял их действия. Атака прекратилась только после того, как люди вошли в безопасную зону за ров.

— Ясно, что эти дьяволы не случайно сначала уничтожили нашу связь, — задыхался от гнева Виеро. — Откуда они узнали?

— Я не хочу гадать, — сказал Хуан. — Стойте тихо, пока я обрабатываю ваши ожоги. — Щека и плечо Виеро были сильно обожжены, одежда его дымилась клочьями.

Хуан разбрызгал лечебный нейтрализатор на эти места, повернулся к Лону. На спине его начало уже отходить мясо, но он стоял, лишь сопя от боли, в ожидании.

Рин подошла, чтобы помочь обрабатывать и перевязывать раны, но отказалась разговаривать, даже отвечать на простейшие вопросы.

— Вам надо что-нибудь еще из этих спасенных вещей?

Молчание.

— Вы взяли образцы этих кислот?

Молчание.

Вскоре Хуан потрогал три ожога на левой руке, нейтрализовал кислоту и закрыл раны свежей повязкой. Он стиснул зубы от боли и пристально посмотрел на Рин.

— Где эти образцы чигуа, которых вы убили?

Молчание.

— Вы слепой беспринципный маньяк с манией величия, — сказал Хуан. — Не заводите меня слишком далеко.

Лицо ее побледнело, а зеленые глаза засверкали, но зубы остались сомкнуты.

Руку Хуана дергало, голова раскалывалась, и он чувствовал, что что-то творится с глазами, он слабо различал цвет. Молчание женщины разъярило его, но ярость его была такой, как будто это происходит совсем с другим человеком. Странное чувство беспристрастности продолжало оставаться даже после того, как он обнаружил его.

— Вы ведете себя, как женщина, к которой нужно применять насилие, — сказал Хуан. — Не хотели бы вы удалиться от моих людей? Они немного устали от вас.

Он почувствовал, что слова эти чужие, ненужные, раньше, чем закончил произносить их — как будто он хотел сказать что-то другое, но эти слова вырвались сами.

Лицо Рин вспыхнуло.

— Вы не смеете! — запротестовала она.

— А-а, так вы можете говорить, — сказал он. — Отбросьте хоть вашу манию величия. Было бы слишком много для вас чести.

Хуан тряхнул головой, вот этого уж он совсем не хотел сказать.

Рин сверкнула глазами.

— Вы... оскорблять...

Хуану удалось выдавить волчью улыбку, когда он сказал:

— Ничего из того, что вы говорите, не заставит меня от-
дать вас моим людям.

Молчание, которое последовало за этим, было заполнено чувством отдаления — дальше и дальше. Хуан чувствовал, что Рин становится все меньше и меньше. Он вдруг понял, что где-то звучит отдаленный рев, и заинтересовался, не звучит ли этот рев только в его ушах.

— Этот рев... — сказал он.

— Шеф?

Это был Виеро, прямо рядом с ним, сзади.

— Что это ревет? — спросил Хуан.

— Это река, шеф, пропасть. — Виеро указал на черный осколок скалы, четко выступающий над джунглями. — Когда ветер дует сюда, мы слышим его. Шеф?

— Что тебе? — Хуан почувствовал приступ гнева на Виеро. Почему не может этот человек прямо высказаться.

— На пару слов, шеф. — Виеро подвел его к блондину скандинаву, который стоял в стороне от палаток. Лицо мужчины казалось серым, за исключением места вокруг ожога на щеке.

Хуан оглянулся на Рин. Она отвернулась от него, стояла сложив руки — напряженность спины, позы, все это поразило Хуана, но с юмористической стороны. Он подавил смех и согласился подойти к блондину. Как она там его называла? А-а, Хогар. Да, Хогар.

— Вот этот джентльмен. — Виеро указал на Хогара, — говорит, что женщину доктора покусали насекомые, которые пробрались за наш барьер.

— В первую ночь, — прошептал Хогар.

— С тех пор она сама не своя, — сказал Виеро. — С головой что-то не то, ты понимаешь? Мы смеемся над ней, шеф, но тут что-то не так.

Хуан облизал языком губы. Он чувствовал головокружение и жар.

— Насекомые, которые покусали ее, были такими же, как те, что были на вас, — сказал Хогар. В голосе его прозвучало извинение.

«Он меня разыгрывает!» — подумал Хуан.

— Я хочу видеть Чен-Лу, — сказал Хуан. — Сейчас же.

— Его сильно обожгло и он отравлен, — сказал Хогар. — Мы думаем, что он умирает.

— Где он?

— Здесь в платке, но я...

— Он в сознании?

— Синьор Мартиньо, он в сознании, но не в состоянии выдержать продолжительную...

— Здесь я приказываю...

Виеро и Хогар обменялись удивленными взглядами.

Виеро сказал: — Шеф, вероятно...

— Я увижусь с доктором Чен-Лу сейчас! — сказал Хуан. Он оттолкнул Хогара в сторону и вошел в палатку.

Это была мрачная дыра, особенно после солнечного утреннего света. Хуану потребовалось только мгновение, чтобы освоиться. В этот момент Хогар и Виеро вошли в палатку.

— Пожалуйста, синьор Мартиньо, — сказал Хогар.

Виеро сказал: — Шеф, может потом?

— Кто там?

Голос был тихий, но контролируемый и шел с раскладушки в дальнем конце палатки. Хуан различил очертания человеческой фигуры, вытянувшейся на раскладушке, по белым повязкам в полусвете он различил лицо Чен-Лу.

— Это Хуан Мартиньо, — сказал Хуан.

— А-а, Джонни, — сказал Чен-Лу, и голос его зазвучал сильнее.

Хогар прошел мимо Хуана, встал на колени у раскладушки и сказал: — Пожалуйста, доктор, не волнуйтесь.

Слова эти для Хуана показались странно фамильярными, но он никак не мог понять, отчего возникла такая ассоциация. Он подошел к раскладушке и взглянул на Чен-Лу. Щеки его опали, как будто после долгого голодания. Казалось, что глаза его утонули в двух черных ямах.

— Джонни, — сказал Чен-Лу, голос его упал до шепота. — Тогда мы спасены.

— Мы не спасены, — сказал Хуан. И он снова удивился, что выпалил такую глупость.

— А-ах, тогда плохо, — сказал Чен-Лу. — Тогда все мы уйдем вместе, а-а? — спросил Чен-Лу. А сам подумал: «Какая ирония судьбы! Мой козел отпускания попался в ту же ловушку. Все суета!»

— Еще есть надежда, — сказал Хогар.

Хуан увидел, как Виеро перекрестился и подумал: «Дурачина!»

— Пока живем, а-а? — спросил Чен-Лу. Он взглянул прямо на Хуана. — Я умираю, Джонни, но большая часть прошлого ускользает от меня. — А сам подумал: «Мы все здесь умираем. А на моей родине — там, тоже все умирают. Либо голод, либо отравления, какая разница от чего?»

Хогар посмотрел на Хуана и сказал: — Синьор, пожалуйста, идите.

— Нет, — сказал Чен-Лу. — Останься. Мне надо что-то тебе сказать.

— Вы не должны утомляться, сэр! — сказал Хогар.

— Какая разница? — спросил Чен-Лу. — Мы пришли на запад, а-а, Джонни? Хотел бы я рассмеяться!

Хуан потряс головой. Спина его ныла и по коже рук прошло ощущение покалывания. Ему вдруг показалось, что внутри палатки стало светлее.

— Рассмеяться, — прошептал Виеро. — Матерь божья!

— Ты хочешь знать, почему мое правительство не пускает ваших наблюдателей? — спросил Чен-Лу. — Вот ведь шутка! Великий крестовый поход дал обратный залп в моей стране. Земля стала негодной. Ничего ее не спасает — ни удобрения, ни химикаты, ничего!

Мир рушился, и Хуан никак не мог собрать воедино все, что говорит китаец. Негодная? Негодная земля?

— Мы стоим перед лицом такого голода, какого не знало человечество, — прохрипел Чен-Лу.

— И все это из-за отсутствия насекомых? — прошептал Виеро.

— Конечно, — сказал Чен-Лу. — Что еще изменилось? Мы нарушили ключевые звенья экологической цепи. Конечно. Мы даже знаем, какие звенья... но сейчас уже слишком поздно.

«Негодная земля,» — подумал Хуан. Это было главное, и это надо было осмыслить, но голова была слишком горячей, и мысли разбегались.

Виеро, недоумевающий по поводу молчания Хуана, наклонившись к Чен-Лу, спросил: — Почему же ваши люди не признаются в этом и не предупредят нас прежде, чем будет слишком поздно и здесь?

— Не будь дураком! — сказал Чен-Лу, и в его голосе зазвучали прежние командные нотки. — Мы готовы потерять

все, но не свой престиж. Я говорю это сегодня здесь, потому что я умираю, и потому что все вы ненадолго переживете меня.

Хогар встал и отступил назад от раскладушки, как будто боялся заразы.

— Нам нужен козел отпущения, ты понимаешь? — спросил Чен-Лу. — Вот почему меня послали сюда — найти нам козла отпущения. Мы сейчас боремся не просто за жизнь, за нечто большее.

— Вы всегда могли обвинить североамериканцев, — сказал Хогар с горечью в голосе.

— Я думаю, эта сторона уже так всем надоела, даже моему народу, — сказал Чен-Лу. — Мы сами это сделали, ты понимаешь? И уже нет хода назад. Нет... все, на что мы надеялись здесь — это найти нового козла отпущения. Британцы и французы дали нам некоторые яды. Мы их исследовали, но не добились успеха. Некоторые русские отряды помогали нам... но русские не перестроили всю страну — только до Урала. Они могли оказаться перед теми же проблемами, как и мы и... ты понимаешь? Они бы выставили нас дураками.

— Почему русские ничего не сказали? — спросил Хогар.

Хуан посмотрел на Хогара и подумал: «Бессмысленные слова, бессмысленные слова.»

— Русские тихо двигают назад Уральскую линию в Зеленую зону, — сказал Чен-Лу. — Снова заселяют насекомыми, понимаешь? Нет... мой последний приказ был найти новое насекомое, типично бразильское, которые бы уничтожило многие ваши культуры... и за чье присутствие мы бы смогли свалить вину... на кого? Вероятно, на пограничников.

«Обвинить пограничников, — думал Хуан. — Да, все виновят пограничников.»

— Поистине занимательная вещь, — сказал Чен-Лу, — это то, что я вижу в вашей Зеленой зоне. Вы знаете, что я вижу?

— Ты дьявол, — вскипел Виеро.

— Нет, просто патриот, — сказал Чен-Лу. — Так вам неинтересно знать, что же я вижу в вашей Зеленой зоне?

— Говори и да будь ты проклят, — сказал Виеро.

Вот это выдает его, думал Хуан.

— Я вижу те же признаки беды в вашей Зеленой зоне, которые поразили мой бедный народ, — сказал Чен-Лу. — Меньше фруктов, меньше урожаи — меньше листья, бледнее

растения. Сначала это происходит медленно, но скоро все это увидят.

— Тогда, может быть, они прекратят раньше, чем будет слишком поздно, — сказал Виеро.

«Это глупость, — думал Хуан. — Кто когда прекращал раньше, чем было поздно?»

— Какой ты простодушный парень, — сказал Чен-Лу. — Твои правители такие же, как и мои: им ничего не надо, лишь бы выжить. Они ничего не увидят, пока не будет слишком поздно. Так всегда и во всех правительствах.

Хуан хотел знать, почему в палатке стало темно после частичного просветления. Он чувствовал жар, и голова его шла кругом, как будто он выпил слишком много спиртного. Рука коснулась его плеча. Он посмотрел на нее, с кисти перевел взгляд на руку... на лицо: Рин. В глазах ее стояли слезы.

— Хуан... Сеньор Мартиньо, я была такой дурой, — сказала она.

— Вы слышали? — спросил Хуан.

— Я слышала, — сказала она.

— Жаль, — сказал Чен-Лу. — Я надеялся сохранить некоторые ваши иллюзии... по крайней мере, хоть ненадолго.

«Какой странный разговор, — думал Хуан. — Какая странная эта личность, Рин. Какое странное это место, эта палатка, которая кружится вокруг меня.»

Что-то ударило его в спину и в голову.

«Я упал, — подумал он. — Разве это не странно?»

Последнее, что он слышал, прежде чем сознание покинуло его, был испуганный голос Виеро:

— Шеф?

Это был сон, в котором Рин хлопотала над ним, говоря: «Какая разница, кто отдает приказы?» И в этот момент он мог только пристально смотреть на нее и думать: «Как, почему должна она умереть, такая красивая и женственная? Она должна жить.»

Кто-то сказал: «Какая разница? Все мы скоро умрем так или иначе.»

А другой голос сказал: «Смотрите, вот еще новый. Этот похож на Габриеля Мартиньо, префекта.»

Хуан почувствовал, что он опускается в пустоту, где лицо его зажато в тиски, что заставляет его пристально смотреть

на монитор экрана пульта управления своего воздушного грузовика. На экране был огромный жук самец с лицом его отца. А звук, как цикада, то звучал, то пропадал, исходя изнутри: «Не волнуйся, не волнуйся...»

Он пробудился вскрикнув, но понял, что никакой звук не выходил из его горла... только память криков. Тело его обливалось потом. Рин сидела возле него и вытирала пот с его лба. Она выглядела бледной и худой, глаза ее ввалились. На мгновение он подумал, что, может быть, эта эмансипированная Рин Келли была частью его сна, казалось, она не придавала значения тому, что глаза его открыты, хотя и смотрела прямо на него.

Он попытался заговорить, но в горле все пересохло.

Движение все-таки привлекло внимание Рин. Она склонилась над ним и пристально изучала его глаза. Наконец она протянула руку назад, взяла котелок и накапала несколько капель воды ему в горло.

— Что... — прохрипел он.

— С тобой было то же, что и со мной, но в большей степени, — сказала она. — Нервный наркотик в яде насекомого. Не пытайся напрягаться!

— Где? — спросил он.

Она посмотрела на него, поняв вопрос шире.

— Мы все еще в той же старой ловушке, — но сейчас у нас есть шанс выбраться.

Глаза его выразили вопрос, который не могли сказать губы.

— Твой грузовик, — сказала она. — Некоторые из его электро цепей были сильно повреждены, но Виеро смастерил заменители. Ну, а теперь помолчи минутку.

Она проверила ему пульс, приложила к шее градусник, посмотрела температуру.

— Температура падает, — сказала она. — У тебя было когда-нибудь плохо с сердцем?

Он сразу же подумал о своем отце, но вопрос был направлен не к отцу.

— Нет, — прошептал он.

— У меня есть несколько энергетических составов, — сказала она. — Прямое питание. Могу дать тебе один, если у тебя не слабое сердце.

— Я волью тебе в вену ноги, — сказала она. — Мне сделали в левую руку, и целый час у меня в глазах искрило.

Она нагнулась над сумкой около раскладушки, вытащила плоский черный патрон, стянула одеяло с его ноги и начала вливать инъекцию в левую ногу.

Он чувствовал, как она что-то делает там, но это было так далеко от него, и он был так слаб.

— Таким образом мы вытянули д-ра Чен-Лу, — сказала она, натягивая одеяло на ногу.

«Трэвис не умер,» — подумал он. Он чувствовал, что это очень важно, но до него никак не доходила причина этого.

— Конечно, это было более сильное лекарство, чем нервное успокоительное, — сказала она. — То есть так было у д-ра Чен-Лу и у меня. Виеро нашел его в воде.

— В воде...

Она подумала, что он просит воды, и влила еще немного ему в рот из банки.

— На второй день нашего пребывания здесь мы вырыли колодец в одной из наших палаток, — сказала она. — Естественно, речная инфильтрация. Вода наполнена ядами, некоторые из них наши. Вот что почувствовал Виеро, когда попробовал ее — горечь. Но лабораторный анализ показал, что в этой воде есть еще что-то: галлюциноген, который вызывает реакцию, очень схожую с шизофренией. Это то, что люди не могли туда привести.

Хуан чувствовал, что энергия накачивается в него из прикрепленного к ноге патрона. Судорога, похожая на спазму голода, прошла по желудку. Когда она прошла, он сказал:

— Что-то от... них?

— Очень может быть, — сказала она. — Мы приготовили что-то вроде грубого успокоителя. Он дает различные степени сопротивления этому галлюциногену. Кажется, у Хогара полный иммунитет, но он не принимал никакого ядоносного лекарства. Кажется, на тебя оно тоже не действует.

Она снова проверила его пульс.

— Чувствуешь, что прибывают силы?

— Да.

Теперь судорога прошла в мышцы бедра — ритмичная и болезненная. Затем отпустила.

— Мы провели анализ скелета, который был в воздушном грузовике, — сказала она. — Удивительная вещь. Удивительно похож на человеческий за исключением краев и крошечных дырочек — предположительно для того, чтобы

насекомые там прикреплялись и двигали его. По весу он как птичий, но очень крепкий. Очевидно его родство с хитином.

Хуан думал об этом, пока энергия из прикрепленной к ноге дозы накапливалась в нем. Он чувствовал все сильнее с каждой секундой. Казалось, что так много произошло: уже починили грузовик и провели анализ скелета.

— Сколько я пробыл здесь? — спросил он.

— Четыре дня, — сказала она. Она взглянула на часы. — Точно четыре, час в час. Сейчас еще довольно рано.

Хуан чувствовал, что в ее голосе какая-то наигранная бодрость. Что она скрывает? Прежде, чем он успел прояснить этот вопрос, шорохи материи и короткая вспышка солнечного света показали, что кто-то входит в палатку.

За спиной Рин появился Чен-Лу. Казалось, что китаец постарел лет на пятьдесят с тех пор, когда Хуан видел его последний раз. Кожа на линии подбородка сморщилась и висела. Щеки были похожи на впалые пустые карманы. Он шел с большой осторожностью.

— Я вижу, что пациент проснулся, — сказал он.

Голос его поразил Хуана своей силой — как будто вся физическая энергия человека скопилась у него в этой части.

— Только что мы починили его грузовик.

«Об этом надо говорить очень осторожно, — думал Чен-Лу. — Очень осторожно. Честь латиноамериканца может быть ранима при самых странных обстоятельствах.»

— Мы собираемся совершить попытку побега на твоём грузовике, — сказал Чен-Лу.

— Как мы сможем? — спросил Хуан. — Эта часть грузовика может поднять за раз максимум троих.

— Да, правильно, его грузоподъемность — три человека, — сказал Чен-Лу. — Но ему не потребуется поднимать их, фактически, он не может поднять их.

— Что вы хотите сказать?

— Твоя посадка была довольно жесткой: одно из посадочных колес повреждено и разорвано дно бака отделения. Прежде чем мы обнаружили это, основная часть горючего вытекла. Есть также проблема с пультом управления: приборы не в лучшем состоянии даже после гениального вмешательства падре.

— И все же это означает, что в него могут поместиться только трое, — сказал Хуан.

— Если мы не сможем передать послание, мы можем отвезти его, — сказала Рин.

«Молодец,» — подумал Чен-Лу. Он ждал, как это воспримет Хуан.

— Кто? — спросил Хуан.

— Я сам, — ответил Чен-Лу. — По той простой причине, что я могу засвидетельствовать катастрофу моего народа и предупредить ваш народ, пока еще не слишком поздно.

Слова Чен-Лу вернули весь разговор, произошедший в палатке. Все, что сказал тогда китаец, ярко хлынуло в память и сознание Хуана — Хогар, Виеро... Чен-Лу говорил о...

— Потерянная земля, — сказал Хуан.

— Ваши люди должны узнать обо этом, пока не слишком поздно, — сказал Чен-Лу. — Поэтому я хочу быть одним из этих троих. Потом Рин, потому что... — Ему удалось слегка пожать плечами, — из рыцарских побуждений, я бы сказал, и потому что она изобретательна.

— Это двое, — сказал Хуан.

— А с тобой будет трое, — сказал Чен-Лу, ожидая взрыва.

Но Хуан только сказал:

— Не вижу в этом смысла. — Он поднял голову и посмотрел на всю длину тела на раскладушке. — Четыре дня здесь и...

— Но ты тот, у кого есть политические связи, — сказала Рин. — Ты можешь заставить людей слушать тебя.

Хуан опустил голову на раскладушку.

— Даже мой собственный отец не хотел слушать меня!

Это заявление вызвало тишину удивления. Рин посмотрела на Чен-Лу, затем снова на Хуана.

— У вас есть свои собственные политические связи, Трэвис, — сказал Хуан. — Вероятно, лучше, чем мои.

— А, может быть, и нет, — сказал Чен-Лу. — кроме того, ты тот, кто близко видел этих существ, чей скелет мы возьмем с собой.

— Все мы здесь свидетели.

— Это ставилось на голосование, — сказала Рин. — Твои люди настаивают.

Хуан посмотрел сначала на Рин, затем на Чен-Лу, снова на Рин. — Все равно, здесь остается двенадцать человек. Что будет с ними?

— Сейчас только восемь, — прошептала Рин.

— Кто? — выдавил Хуан.

— Хогар, — сказала она. — Томе из твоей команды, двое моих помощников по полевым работам — Кардин и Льюис.

— Как?

— Есть такая штука, похожая на индейскую флейту, — сказал Чен-Лу. — Существо в твоём грузовике имело такую.

— Метательное ружье, — сказал Хуан.

— Нет, — сказал Чен-Лу. — Они подражают нам даже лучше, чем мы думали — это генератор типа сверхзвукового разрушителя. То, что он разрушает — это красные кровяные тельца человека. Они должны подходить довольно близко, хотя, когда мы обнаружили это, мы держали их на достаточном расстоянии.

— Ты понимаешь, что мы должны доставить туда эту информацию, — сказала Рин. — Все мы здесь не в лучшем состоянии.

Хуан уставился в сумрак потолка палатки. Очень мало ракетного топлива, повреждены приборы управления. Они, конечно, хотят отправиться вдоль по реке: и поплыть в этом отделении грузовика. Это обеспечит какую-то защиту от этих... существ.

Рин встала.

— Отдыхай и набирайся сил, — сказала она. — А я пока принесу тебе что-нибудь поесть. У нас нет ничего, кроме полёвых рационов, но они, по крайней мере, заряжены энергией.

«Что это за река? — думал Хуан. — Очень похоже, что это Итанура.» Он попытался представить приблизительную карту этого района, основываясь на знании о нём и времени полёта по нему к моменту неудачной посадки. «Это что-то порядка семисот или восьмисот километров по реке! Сейчас разгар сезона дождей. У нас нет шансов на успех.»

Глава 6

Танцующий рисунок из насекомых на потолке пещеры показался Мозгу прекрасным. Он восхищался игрой цвета и движения, когда читал на рисунке послание:

— Сообщение от слушающих в саванне принято.

Мозг дал сигнал продолжить танец.

— Три человеческих существа готовятся лететь в маленькой машине, — протанцевали насекомые. — Машина не по-

летит. Они попытаются убежать, плывя по реке. Что нам делать?

Мозг сделал паузу, чтобы оценить данные. Пойманные человеческие существа находились под наблюдением двенадцать дней. Они дали много информации в стрессовом состоянии. Эта информация расширяла данные, полученные от пленников путем непосредственного контроля. С каждым днем пути, обездвиживания и убийства человеческих существ становились более очевидными. Но проблема состояла не в том, как их убивать. Она состояла в том, как с ними общаться. И чтобы не было страха или стресса с каждой стороны.

Некоторые из человеческих существ — как старик с манерами гранда — делали предложения и предположения, и, казалось, что в них есть логика... но можно ли им доверять? В этом заключался ключевой вопрос.

Мозг чувствовал, что ему остро нужны данные наблюдений над человеческими существами в таких условиях, когда он может контролировать их так, чтобы они его не замечали. Обнаружение постов прослушивания в Зеленой зоне вызвало бурную деятельность человеческих существ. Они использовали новые звукотоксины, углубили барьеры, возобновили атаки в Красной зоне.

И еще одна забота осложняла все — неизвестная судьба четырех единиц, которые проникли за барьеры до катастрофы в Бахии. Вернулся только один. Его сообщение: «Нас стало двенадцать. Шесть вынуждены распасться на части, чтобы охватить район, где мы захватили двух человеческих лидеров. Их судьба неизвестна. Один экземпляр уничтожен. Четыре распались, чтобы произвести большее количество.»

Если обнаружат этих четверых, будет катастрофа, это Мозг понимал.

Когда появятся фигуры? Это зависит от местных условий — температуры, достаточного количества пищи, химикалий, влажности. Единственный экземпляр, который возвратился, не располагал знанием, куда ушли те четверо.

«Мы должны найти их!» — думал Мозг.

Проблемы индивидуально направленного действия привели тогда Мозг в смятение. Имитационные фигуры были ошибкой. Много одинаковых фигур — это только привлечет к ним подозрительное внимание.

В данных условиях не имело значения, что эти идентичные фигуры не могли принести большого вреда и им были позволены лишь ограниченные средства насилия. Им разрешалось только разговаривать и спорить с человеческими лидерами. Этот план вызывал сейчас только иронию и пафос.

Передаваемые слова человеческого существа, называемого Чен-Лу, снова всплыли на поверхность: «Катастрофа... потерянная земля.» Этот Чен-Лу предложил способ, чтобы разрешить их взаимную проблему, но каковы были его истинные намерения? Можно ли ему доверять?

Мозг взвешивал решение, направил вопрос в свои шифры: Какие человеческие существа пытаются убежать?

Мозг знал, что следует обратить внимание на такие детали. Ориентация улья имела тенденцию игнорировать отдельных индивидуумов. Ошибка с идентичными фигурами произошла именно из-за этого.

Мозг знал, что, на первый взгляд, проблема эта кажется простой. Но чуть глубже лежат сложные факторы эмоций. Эмоции! Эмоции! Разуму нужно преодолеть столько препятствий.

Посланники сверили данные с постами подслушивания. Сейчас они заплесали и вывели звуковые имена: — Скрытая королева Рин Келли и те, кого называют Чен-Лу и Хуан Мартино.

«Мартино, — думал Мозг. — Это было человеческое существо из другой части воздушного грузовика. В этом факте крылось указание сложного квази-ульевого родства человеческих существ. В этой связи может заключаться ценность. И в машине будет также Чен-Лу.»

Насекомые на потолке были подготовлены таким образом, чтобы они повторяли верность информации, повторяли свой предыдущий вопрос:

— Какое требуется контрдействие?

— Послание все единицам, — сказал Мозг. — Трем в машине дать возможность убежать по реке. Оказывать только видимость сопротивления, чтобы казалось, что мы мешаем побегу. За ними должны двигаться группы действия, способные уничтожить, если в этом будет необходимость. Как только трое достигнут реки, напасть на тех, кто остался.

Единицы послания стали собираться вверху, заплесали, чтобы запечатлеть этот рисунок. Они отрывались от потолка

компактными группами, вылетая через отверстие пещеры на солнечный свет.

Несколько минут Мозг восхищался цветом и движением, затем опустил свои сенсоры, настроился на проблему преодоления протеиновой несовместимости.

«Мы должны произвести немедленные и последующие меры, чтобы человеческие существа смогли понять, — думал Мозг. — Если мы сможем продемонстрировать драматическую бесполезность, они смогут все же понять, что взаимосвязанность является круговой, бесконечно запутанной. Что речь может идти о жизни или смерти.

Они нужны нам, а мы нужны им... но груз доказательств выпал нам. И, если нам не удастся доказать это, Земля будет действительно пропавшей.»

— Скоро будет темно, шеф, — сказал Виеро. — Тогда вы отправитесь. — Виеро отбросил капот и склонился над мотором.

Хуан стоял в шаге за его спиной, он все еще чувствовал слабость и временами в левой ноге возникали мышечные спазмы над тем местом, где было вливание. Непосредственное питание и специальные гормоны могли лишь частично удовлетворить нужды организма. И Хуан чувствовал себя лишь на половину готовым противостоять странному напряжению, возникающему в результате этого лечения.

— Я положил пищу и другие запасы на случай чрезвычайного положения под сиденье, — сказал Виеро. — Там сзади, в ящике для лебедки, есть еще немного пищи. У вас два ружья и двадцать зарядов и один тяжелый карабин с разрывными пулями. Мне жаль, что у нас так мало боеприпасов для него. Под другим сиденьем дюжина пенных бомб. Я попытался смастерить ручной распылитель в заднем углу. Он полностью заряжен.

Виеро выпрямился, оглянулся на палатки. Голос его упал до заговорнического шепота. — Шеф, я не доверяю д-ру Чен-Лу. Я слышал, как он бредил вслух, когда умирал. Это новое лицо совсем не в его духе.

— Этот шанс надо использовать, — сказал Хуан. — Я все еще считаю, что вместо меня должен был бы поехать тот, кто крепче меня.

— Пожалуйста, шеф. Не будем больше говорить об этом.

И снова голос Виеро упал до заговорнического шепота: — Шеф, шагни ко мне поближе, как будто мы прощаемся.

Хуан заколебался, но потом сделал, как просил Виеро. Он почувствовал, что что-то металлическое и тяжелое опустилось к нему в карман на поясе формы. Карман отвис от этой тяжести. Хуан натянул поверх куртку для джунглей, чтобы скрыть отвисший карман и прошептал: — Что это?

— Это мне досталось от прадеда, — сказал Виеро. — Этот пистолет называется МАГНУМ 0.475. В нем пять пуль, а здесь еще две дюжины. — Другой сверток скользнул в боковой карман куртки Хуана. — Он ни на что не годится, только против людей, — сказал Виеро.

Хуан старался проглотить ком, стоящий в горле. Он чувствовал, что на глаза навертываются слезы. Все ирмандадес знали, что падре носил этот старый пистолет и никогда с ним не расставался. Тот факт, что он расстался с ним сейчас, означал, что он знал, что умрет — и это было похоже на правду.

— Да хранит тебя бог, шеф, — сказал Виеро.

Хуан отвернулся и посмотрел на реку в пятистах метрах отсюда за саванной. Ему был виден лишь кусочек противоположного берега, дикие заросли его были освещены полуденным солнцем. Джунгли поднимались там четкими цветистыми волнами, широкие полосы леса выделялись на фоне светлой зелени травы. Заросли внизу были темно-синезелеными, верхушки были серовато-зеленые, залитые солнечным светом, а между ними пятна желтого, красного и охрового цвета. Над зеленью возвышалось огромное дерево с гнездами соколов, расположенных в развилках ветвей. Стена сплетенных лиан частично скрывала стену деревьев слева.

— Горючего в баке только на пятнадцать минут и все? — спросил Хуан.

— Может на минуту больше, шеф.

«Нам никогда не выбраться, если у нас только течение реки, чтобы продвигаться,» — думал Хуан.

— Шеф, иногда на реке ветер, — сказал Виеро.

»Христос, он же не думает, что мы можем пойти под парусом на этой штуковине,» — изумился Хуан. Он посмотрел на Виеро и увидел глубокую печаль в лице человека, скрывающую под собой чувство страха за него.

— Этот ветер может доставить неприятности, шеф, — сказал Виеро. — Я использовал один из якорей машины, что-

бы эта штукавина плыла близко от поверхности и давала некоторую тягу. Это называется морской якорь. Он будет держать нос машины по течению.

— Это очень умная мысль, падре, — сказал Хуан.

А сам размышлял: «Зачем мы разыгрываем весь этот фарс? Мы все умрем здесь, все... либо здесь, либо там на реке. На реке там семьсот или восемьсот километров — течение, водовороты, водопады... а на носу у них еще и сезон дождей. А если и это их не возьмет, всегда придут новые насекомые, создания из кислоты и изощренных ядов.»

— Ты бы лучше еще раз проверил все сам, шеф, — сказал Виеро. Он жестом показал на машину.

«Да, чем угодно заняться, лишь бы ни о чем не думать,» — подумал Хуан. Он уже дважды все проверил, но лишний осмотр ничего не испортит. В конце концов, хоть на ненадолго, но жизнь их будет зависеть от этой металлической коробки.

Наши жизни!

Хуан попробовал представить, что может быть, если побег удастся. Есть ли у них вообще какие-нибудь шансы? Это была, в конце концов, только кабина воздушного грузовика для джунглей. Ее, конечно, можно было плотно закрыть от насекомых. Но вообще-то, над ней можно было только посмеяться.

«Я не должен позволять себе надеяться,» — думал Хуан.

Но все же решил еще раз все осмотреть, так, на всякий случай.

Белая пограничная окраска снаружи местами смылась, местами оставалась полосами, изъеденными кислотой. Посадочно-взлетные колеса, обычно длинные и хорошо пригнанные под дно изгиба каюты, были вручную выпрямлены и поставлены в нужное положение. Они образовали плоскость, переходящую в дополнительные крылья тормозов, и вели внутрь кабины. Все отделение было всего в пять с половиной метров длины, два метра сзади из них занимали моторы. Моторный отсек был отделен сзади с обеих сторон плоскостями. Кабина сама внутри была приблизительно овальной формы в поперечном разрезе. Оставалось два плоских полуовальных пространства, которые переходили в заднюю часть кабины. Левая часть этой полусферы была лабиринтом соединительных звеньев, которые когда-то служили для сцепления кабины и кузова грузовика. Правая сторона была закрыта люком,

который сейчас открывался от кабины и шел вниз к одному из взлетно-посадочных колес.

Хуан проверил люк, убедился, что все соединительные звенья открывались и закрывались, заглянул на взлетно-посадочное колесо справа. На искореженной его поверхности была заплата из бутила и ткани.

Он почувствовал запах ракетного горючего и встал на колени, чтобы осмотреть дно бака. Виеро отсосал горючее, наложил горячую металлическую заплату с внешней стороны и внутрь поместил герметично закрытый бак для распылителей, затем снова залил горючее.

— Он будет хорошо держать, если ты не ударишься обо что-нибудь, — сказал Виеро.

Хуан кивнул, обошел вокруг, забрался вверх на левое запасное крыло и заглянул вниз в кабину. Спаренные сидения управления впереди и мягкое сиденье сзади. Везде внутри были пятна распылителя. Внутреннее пространство было площадью около двух квадратных метров и полметра высоты. Окна спереди выходили на закругляющийся нос. Боковые окна заканчивались у начала крыльев, уходили глубже назад. Единая прозрачная панель из поляризованного пластика шла по верху до задней стенки.

Хуан опустился в командное кресло слева, проверил ручное управление. Оно показалось ему расшатанным и болтающимся. Приборы, контролирующие подачу горючего и зажигания, были вновь установлены с надписанными от руки табличками.

Виеро заговорил у его плеча.

— Мне пришлось использовать все, что было под рукой, шеф. А было немного. Я рад, что эти люди МЭО оказались такими дураками.

— Х-м-м-м? — произнес рассеянно Хуан, продолжая осматривать.

— Когда они ушли от своего грузовика, они взяли палатки. Я бы взял больше оружия. Но эти палатки дали мне возможность наложить заплату и смастерить новые кабели.

Хуан кончил проверять контрольные приборы горючего.

— Нет автоматического клапана на линии горючего, — сказал он.

— Их нельзя было починить, шеф — но у тебя ведь все равно нет большого количества горючего.

— Достаточно, чтобы послать нас всех в ад... или убежать на землю вместе с нами, если вдруг придется делать это.

— Вот для этого я поставил сюда большую кнопку, шеф. Я говорил тебе об этом. На себя и от себя коротким рывком, и нет проблем.

— Если я случайно не дам большую дозу.

— Там, под низом, шеф, кусок дерева. Рычаг дойдет до него, и это предел. Я проверял его с контейнерами под подачей горючего. У тебя будет не очень быстрый корабль... но все же.

— Пятнадцать минут, — размышлял Хуан.

— Это только догадки, шеф.

— Я знаю — может быть, сто пятьдесят километров, если все сработает так, как мы предполагаем, и сто пятьдесят метров, если оно все разлетится.

— Сто пятьдесят километров, — сказал Виеро. — Вы даже не будете на полпути к цивилизации.

— Да, я не спорю, — сказал Хуан. — Я просто рассуждаю вслух.

— Ну что, все готово? — голос Чен-Лу прозвучавший внизу под ними, был полон фальшивой сердечности. Хуан посмотрел вниз и увидел человека, стоящего у окончания левого крыла. Тело его, склоненное над крылом, выглядело явно ослабевшим. Но Хуан тут же поймал себя на мысли, что слабость Чен-Лу была, как и его тон, показной.

«Он был первый, кто поправился, — думал Хуан. — У него было больше времени, чтобы набраться сил. Но... он был ближе к смерти. Может быть, мне все это только кажется.»

— Так готова она или нет? — спросил Чен-Лу.

— Надеюсь, — ответил Хуан.

— Есть опасения?

— Воскресная прогулка в парке, не более, — сказал Хуан.

— Пора садиться на борт?

Хуан посмотрел на тени, тянущиеся от палаток, оранжевые блики солнечного света. Он почувствовал, что стало труднее дышать, но он понимал, что это от нервного напряжения. Хуан глубоко вздохнул, нашел уровень относительного спокойствия. Не расслабления, конечно, но все-таки чувство страха ушло куда-то вглубь.

За Хуана ответил Виеро: — Двадцать минут больше, двадцать минут меньше, синьор д-р. — Он похлопал Хуана по плечу. — Шеф, с тобой мои молитвы.

— Ты уверен, падре, что не хотел бы занять это место?

— Не будем обсуждать это, шеф. — Виеро сошел вниз со взлетного колеса.

Появилась из палатки-лаборатории Рин Келли с маленькой сумкой в левой руке и подошла к Чен-Лу.

— Еще двадцать минут, дорогая, — сказал Чен-Лу.

— Я вовсе не уверена, что должна занять место в этой штуковине, — сказала она. — Любой из них мог бы дать...

— Уже все решено, — сказал Чен-Лу, и в голосе его зазвучали гневные нотки. Глупая женщина! Почему она не оставит это при себе?

— Никто не позволит вам остаться, — сказал он. — Кроме того, моя дорогая Рин, ты мне можешь понадобиться, чтобы уломать этого бразильца. С этим Хуаном Мартиньо надо вести осторожную игру. Женщина иногда может сделать это лучше, чем мужчина.

— Я все еще не уверена, — сказала она.

Чен-Лу взглянул на Хуана.

— Может быть, ты поговоришь с ней, Джонни. Ты, конечно, не хочешь оставить ее здесь.

«Здесь или там — небольшая разница,» — думал Хуан. Но вслух сказал: — Как вы говорите, решение уже принято. Вам лучше сесть на борт и пристегнуть ремни.

— Где нам садиться? — спросил Чен-Лу.

— Вы сзади, вы тяжелее, — сказал Хуан. — Я не думаю, что мы сдвинемся с места раньше, чем коснемся реки, но можем. Я хочу, чтобы нос машины был выше.

— Вы хотите, чтобы мы оба были сзади? — спросила Рин. И она поняла, что согласилась с их решением. «А почему бы и нет?» — спрашивала она себя, не сознавая, что разделяет пессимизм Хуана.

— Шеф?

Хуан посмотрел на Виеро, который только что закончил осмотр машины снизу.

Рин и Чен-Лу обошли вокруг и начали подниматься по правому борту.

— Ну как там? — спросил Хуан.

— Попытайся нажимать больше на левое колесо, шеф, — сказал Виеро. — Это должно помочь.

— Хорошо.

Рин начала пристегиваться к сиденью рядом с ним.

— Мы придем помочь как можно быстрее, — сказал Хуан, сознавая, как пусты и бесполезны эти слова.

— Конечно, шеф.

Виеро отступил назад, приготовил бомбометатель.

Томе и другие вышли из палаток, нагруженные оружием, начали располагаться с того края, который выходил на реку.

«Никаких прощаний, — думал Хуан. — Да, так лучше. Будем считать это обычным, очередным полетом.»

— Рин, что это у тебя в маленькой сумочке? — спросил Чен-Лу.

— Личные вещи... и... — она проглотила комок в горле.

— Некоторые написали письма, чтобы я взяла их с собой.

— А-а-а, — сказал Чен-Лу, — надлежащая и трогательная сентиментальность.

— А что в этом плохого? — взорвался Хуан.

Виеро вернулся к концу крыла и сказал: — Все точно так, как планировали, шеф — когда ты даешь сигнал, что готов, мы даем пенный залп вдоль твоей дорожки. Это их задержит на столько, чтобы вы смогли добраться до реки, к тому же сделает там траву более скользкой.

Хуан кивнул, начал мысленно повторять все действия при взлете. Ни одно из зажиганий не было на том месте, где они должны были находиться. Ключ зажигания сейчас слева, кнопка отрыва от земли вместо того, чтобы находиться на полу, была теперь между сиденьями. Он установил краны подачи горючего, установил готовность выпустить элероны.

Над саванной повисли предваряющие ночь сумерки. Трава перед ними простиралась подобно зеленому морю. Река находилась в метрах пятидесяти по прямой: узкая дорожка для разбега, которая давала ему добиться успеха, если грузовику удастся развить необходимую скорость. Хуан знал, что сумерек не будет на той широте и высоте. Он должен был точно рассчитать этот момент, используя и последний свет пробегающий по саванне, и темноту, чтобы прикрыть их, как только они достигнут реки.

«Расстояние в пятнадцать метров — это достаточная дистанция для выброса кислоты насекомым, — думал Хуан. — Это оставляет нам лишь узкую полоску в середине, если они будут атаковать с берега. И только одному Богу известно, какие еще средства они могут использовать, чтобы накрыть нас — эти летающие создания, скользящие по поверхности.»

— Находитесь все вокруг ружей. До того, как мы будем на достаточно безопасном расстоянии на реке, они могут обрушить на вас всеобщую атаку, как только увидят, что мы пытаемся убежать.

— Мы будем готовы, — сказал Чен-Лу. — Ружья находятся в том ящике подо мной, не так ли?

— Да.

Хуан опустил балдахин, сделал его герметичным.

— У этой модели есть с обеих сторон автоматически открывающиеся отверстия для ружей там, где окна уходят чуть за крылья, — сказал он. — Видите их?

— Очень умное конструкторское решение, — сказал Чен-Лу.

— Идея Виеро, — сказал Хуан. — Она внедрена во всех наших кабинах. — Он помахал Виеро, который вернулся к устройству для метания бомб.

Хуан включил посадочные фары кабины.

Все люди увидели этот сигнал, дождь струй из ружей поднялся аркой в направлении реки. Пенные бомбы начали приземляться вдоль дорожки, необходимой для их разбега.

Хуан включил зажигание, увидел, как безопасный луч света ушел вперед. Он ждал, отсчитывая три секунды, пока свет не затмится и не уйдет. «Не так плохо,» — подумал он, и нажал кнопку подачи горючего.

Ракетные двигатели несокрушимым порывом вынесли их над рвом периметра и взрели по направлению к реке до того, как Хуан успел уменьшить дозу горючего. В состоянии, близком к потере сознания, он понял, что они уже в воздухе. Хотя грузовик давал почувствовать, что все в нем расшатано, машина оседала к хвосту — особенно большую тягу давали дополнительные крылья. Но они не были предназначены для постоянного использования в полете.

Вообще-то им было не до приятного комфорта в полете. Хуан поднял нос машины, направленный на ту часть реки, где саванна смешивалась с джунглями с обеих сторон. Река в том месте имела длинный бассейн, широкий, уходящий в синие горы на линии горизонта. Наконец, наступил момент воздушного планирования. Запасные крылья коснулись реки мягким толчком... вверх, вниз... всплеск с обеих сторон... медленнее, медленнее.

Нос стал опускаться.

И только в этот момент Хуан вспомнил, что ему нужно стремиться отдавать предпочтение движению с правой стороны.

Отсек грузовика все еще стремился по инерции вперед, но все медленнее и медленнее.

Хуан затаил дыхание, волнуясь за свою заплату на дне, не оторвалась ли она, в ожидании того момента, когда правая сторона машины начнет погружаться в реку.

Кабина сохраняла ровное положение.

— Нам удалось прорваться? — спросила Рин. — Мы уже вырвались из того круга?

— Думаю, да, — сказал Хуан, проклиная тот взрыв надежды, который сопутствовал этому кратковременному перелету.

Чен-Лу передавал ружья вперед, он сказал: — Кажется, мы застигли их врасплох. Ах, ах! Посмотрите назад!

Хуан повернулся настолько, насколько позволяли пристегнутые ремни, и оглянулся на саванну. Несмотря на сгустившиеся сумерки, было видно, как туда, где виднелись белые пятна палаток, катится серый вал, который имел странные выступы то выходящие в стороны, то снова примыкающие к валу.

С глубокой дрожью Хуан понял, что этот вал состоит из миллиардов насекомых, наваливающихся на лагерь.

Течение подхватило грузовик, отвернуло его от этой сцены, как будто какой-то инстинкт внутри Хуана контролировал процесс отдаления его от этой картины. От того, что он не мог больше выдержать. На мгновение впереди него засверкала река зеркальной оранжевой дымкой. Ночь стерла эту картину. Небо стало светиться серебром тонкой плоской луны.

«Виеро, — думал Хуан. — Томе... Рамон.»

На глаза навернулись слезы.

— О, боже мой! — сказала Рин.

— Бог ты мой, — пролаял Чен-Лу. — Еще одно название для движения судьбы!

Рин закрыла лицо руками. Она чувствовала, что стоит перед испытанием в какой-то космической драме, без сценария и без репетиции, без слов и без музыки, не зная в ней свою роль.

«Бог — бразилец, — думал Хуан, призывая на помощь все силы национального самосознания уверенности в себе,

захваченный мимолетным страхом. — Ночью Бог исправляет ошибки, которые бразильцы совершают днем.»

Случилось то, о чем Виеро всегда говорил: «Верь в пресвятую Деву и беги.»

Хуан почувствовал, как на колени ему легло ружье, руки ощутили холодный металл.

«Я не мог бы помочь им, — думал он. — Расстояние слишком велико.»

Глава 7

Вы говорили, что машина не полетит! — осуждающе произнес Мозг.

Его сенсоры изучали рисунок послания на потолке пещеры, слушали отдаленный гомон, который мог расширить поступающую информацию. Но конфигурация, развернутая на потолке с помощью фосфорического света обслуживающих насекомых, оставалась твердой, постоянной, как рисунок звезд в проеме пещеры над посланниками.

Через Мозг пропульсировали потребности в химикалиях, заставив обслуживающих нянек развить бешеную деятельность. Потребность была самой близкой к форме оцепенения, которую когда-либо испытывал Мозг. Логика его знаний об этом состоянии называла это ощущение эмоцией и искала параллельные состояния даже тогда, когда он работал над сущностью сообщения.

— Машина пролетела только короткое расстояние и приземлилась на реке, ее движущая сила находится в дремлющем состоянии.

— Но она может летать!

Тогда первое серьезное сомнение в этой информации поступило в вычислительный раздел Мозга. Он впервые ощутил себя отдельно от существ, которые создали его.

— Сообщение о том, что машина не полетит, поступило непосредственно от человеческих существ, — выдали на потолке танцующие фигуры. — Их оценка и была сообщена.

Это было прагматическое заявление, направленное больше на сообщение о предсказании попытки побега, чем на защиту от обвинений Мозга.

«Этот факт должен был бы составить часть первоначального сообщения, — думал Мозг. — Следует научить послан

цев не разъединять сообщение, а докладывать все полностью детали со ссылкой на источник. Но как можно добиться этого? Они являются существами, действующими на основе твердых рефлексов и связанными с самоограничивающейся системой. Очевидно, следует запрограммировать и произвести новых посланцев.»

С этой мыслью Мозг двинулся дальше своих создателей. Тогда он понял, как действие мимикрии, чистого рефлекса, создало себя. Но Мозг, вещь, созданная рефлексом, имело неизбежный эффект обратной связи, изменяя первоначальные рефлексы, которые его создали.

— Что надо сделать с машиной на реке? — спрашивали посланники.

Получив новое обобщенное понятие, Мозг видел, как создавался этот вопрос — на основе все тех же отживающих рефлексов.

«Следует обслуживать выживание,» — думал он.

— Машине разрешить временно двигаться вперед, — приказал Мозг. — На некоторое время, не следует подавать видимых признаков надоедания, но мы должны быть на страже. На машину под покровом ночи мы переправим группу маленьких смертоносных посланцев. Им должны быть даны инструкции проверить каждую возможную щель в машине и оставаться незамеченными. Они не должны предпринимать действий против находящихся в машине без приказа! Но они должны оставаться готовыми уничтожить находящихся в машине при первой необходимости.

Мозг снова затих, стараясь получить сведения, что приказы его будут выполняться. И к нему пришло новое понимание, как будто это был совершенно автономный фрагмент исследования. Понимание это было и интересным, и одновременно устрашающим, потому что здесь, существуя внутри самого себя, было элементом, способным к спорному и отдельному действию.

«Решение — осознание решения, — думал Мозг, — это наказание, накладываемое на собственное существующее я сознанием. Существуют сознательные решения, которые могут отделиться и обосновываться. Как же человеческие существа выдерживают такой груз решений?»

Чен-Лу откинул голову назад, уперевшись головой в угол между окном и задней стенкой, уставившись в дынеобразный

изгиб луны, восходящей в небе. Луна была цвета расплавленного меда.

Разъединенная кислотой линия шла по диагонали от окна к запутанному изгибу внешней оболочки. Глаза Чен-Лу следовали вдоль этой линии, и на мгновение, когда он пристально смотрел на то место, где окно заканчивалось возле него, ему показалось, что он увидел ряд крошечных точек, похожих на едва различимых комаров, идущих по окну.

В мгновение ока они исчезли.

«Они что, привиделись мне?» — подумал он.

Он подумал, что надо заставить посмотреть других, но Рин была близка к истерике уже почти час, после того, как явилась свидетелем смерти лагеря. Ее еще самому надо было приводить в чувства.

«Наверное, они только в моем воображении, — думал Чен-Лу. — Это свет луны — пятна перед глазами, в этом нет ничего необычного.»

Река здесь сужалась до размеров, не превышающих шестикратный или семикратный размах крыльев машины. Пеннистая стена нависающих деревьев вставала на пути воды.

— Джонни, включи на несколько минут лампы крыльев, — сказал Чен-Лу.

— Зачем?

— Они увидят нас, если мы сделаем это, — сказала Рин.

Она услышала в своем голосе ноты истерики и была шокирована этим. «Я энтомолог, — сказала она себе. — Что бы там ни происходило, это лишь вариации чего-то знакомого.»

Но рассуждение не принесло успокоения. Она поняла, что ее затронул самый первобытный страх, вызывающий инстинкты, с которыми разум не в ладах.

— Не будет никакой ошибки, — сказал Чен-Лу, и он старался говорить мягко и рассудительно. — Что бы там ни напало на наших товарищей, оно знает, где мы находимся. Я просто хочу при свете удостовериться в своих подозрениях.

— Что, за нами следуют, да? — спросил Хуан.

Он включил бортовые огни. Неожиданный свет выхватил ярким сиянием две щели, наполненные насекомыми, которые стали быстро разбегаться — белокрылая толпа.

Течение вынесло машину за поворот. Огни коснулись берега реки, высветив очертания переплетающихся медузообразных корней, прилипших к темно-красной глине,

причудливые изгибы течения и выхватили узкий остров — высокие камыши и трава склоненные течением.

Хуан выключил огни.

В неожиданной темноте они слышали зудящий шум насекомых и металлические колокольные призывы речных лягушек... Затем, как замедленная реакция, кашляющий лай стаи красных обезьян где-то на правом берегу.

Присутствие лягушек и обезьян, как чувствовал Хуан, несло в себе какое-то значение, которое он должен был понять. Но это значение ускользало от него.

Впереди он видел ночных летучих мышей, мелькающих в лунном свете, опускающихся к реке, чтобы напиться воды.

— Они следуют за нами... наблюдают, ждут, — сказала Рин.

«Летучие мыши, обезьяны, лягушки, все живущие в тесном общении с рекой, — думал Хуан. — Но Рин говорила, что река несет яды. Может быть, в этом кроется вся причина?»

Он пытался изучить ее лицо в сумрачном отражении лунного света, который проникал в кабину, но получил только отражение вытянутой в длину отдаленной тени.

— Я думаю, мы будем в безопасности, — сказал Чен-Лу, — если будем держать кабину герметично закупоренной и получать воздух через фильтры заслонов.

— Открывать только днем, — сказал Хуан. — Мы можем видеть, что вокруг нас днем и, если надо, будем пользоваться ружьями.

Рин сжала губы, чтобы они не дрожали. Она откинула голову назад, посмотрела сквозь прозрачную полосу, идущую по крыше кабины. Дикая бездна звезд заполняла небо, а когда она опускала взгляд, она все еще могла видеть звезды — расплывающиеся концы, дрожащие на поверхности реки. Совершенно неожиданно ночь наполнила ее чувством неизмеримого одиночества, которое было в то же время давящим, держащим ее в замке между двух стен джунглей с обеих сторон реки.

Ночь была наполнена запахами джунглей, которые проникали через фильтры задвижек. Каждый вдох был насыщен резким и отталкивающим запахом.

Джунгли принимали форму сознательной угрозы в ее воображении. Она ощущала что-то там снаружи в ночи — думающую сущность, которая могла поглотить ее без малейшего колебания. Чувство реальности, с помощью кото-

рого мозг ее постигал этот образ, обтекало ее и проходило сквозь нее. Она не могла бы описать его форму, за исключением, может быть, огромности... но он был там.

— Джонни, какова скорость течения в этом месте? — спросил Чен-Лу.

«Хороший вопрос,» — подумал Хуан.

Он наклонился вперед, чтобы рассмотреть мерцающие цифры альтиметра.

— Высота здесь восемьсот тридцать метров, — сказал он. — Если мне правильно удалось установить местонахождение нас на реке, то русло опускается на семьсот метров на протяжении следующих тридцати километров. — Он быстро составил в уме уравнение. — Я могу, конечно, очень приблизительно сказать, что скорость составит что-то в пределах шести, восьми узлов.

— А не будут ли нас искать? — спросила Рин. — Мне почему-то продолжает казаться...

— Я так не думаю, — сказал Чен-Лу. — Любой поиск, если он вообще идет, будет поиском меня — и не ограничится несколькими неделями. Я знал, где искать тебя, Рин. — Он заколебался, размышляя над тем, чтобы не сказать слишком многого, что дало бы возможность Хуану догадаться о многом. — Только несколько моих помощников знали, куда я еду и зачем.

Чен-Лу надеялся, что она услышит в его голосе нотки секретности и сменил тему разговора.

— Вы знаете, как я сюда попал, — сказал Хуан. — Если кто-нибудь вздумает меня искать... где бы они стали искать?

— Но ведь может такое случиться, не так ли? — спросила Рин. Голос ее показывал, как отчаянно ей хочется верить в такой случай.

— Всегда есть шанс, — сказал Чен-Лу. А сам подумал: «Ты должна успокоиться, Рин. Когда ты мне понадобишься, не должно быть проблем страха и истерик.»

Затем он настроился на то, каким образом лучше дискредитировать Хуана Мартиньо, если они доберутся до цивилизации. В это предприятие, конечно, следовало бы занести помощь Рин. Хуан представлял собой идеального козла отпущения, и вся ситуация к этому располагала — если только ему удалось бы убедить Рин помочь. Естественно, если она заупрямится, ее придется уничтожить.

Полночь наступила в пещере над водоворотом реки прежде, чем Мозг получил следующее сообщение о трех человеческих существах и их плывущей машине.

Большая часть разговора, сообщенного танцующими посланниками, вскрыла только трудности и напряжение обстоятельств, в которых находятся человеческие существа. Человеческие существа понимали, по крайней мере подсознательно, что они находятся в расставленной ловушке. Основная часть разговора могла быть оставлена для более поздней оценки, но в нем заключалось одно дело, требующее немедленного внимания Мозга. Мозг чувствовал что-то близкое досаде, оттого, что он не все предугадал в этой задаче с помощью собственной логики.

— Немедленно должно быть направлено достаточное количество групп действия, — приказал Мозг, — чтобы сопровождать машину, но не показываться в их поле зрения, выдавая растущее их число. Эти группы действия должны быть готовы лететь через реку, и, как только понадобится, спрятать машину от взоров поисковых групп или случайных воздушных машин в небе над ними.

Одно из дополнительных крыльев задело лозу у берега и пробудило Хуана от легкой дремоты. Он оглянулся назад и увидел сквозь сумрак, что Чен-Лу настороже и внимательно смотрит.

— Пора пробуждаться и принимать вахту, — сказал Чен-Лу. — Рин еще спит.

— Мы часто так касались берега, как сейчас? — прошептал Хуан.

— Немного.

— Я должен использовать этот речной якорь... который сделал Виеро.

— Это не мешает нам касаться берегов. А он может за что-нибудь зацепиться и задержать нас.

— Падре покрыл его крючки. Я не думаю, что он будет цепляться за что-то. Ветер сейчас по течению, и будет таким до утра. Тяга в воде подобно этой увеличила бы нашу скорость.

— Но как ты его выбросишь отсюда?

— Да-а... — Хуан кивнул. — Лучше подождать до утра.

— Было бы лучше, Джонни.

Рин беспокойно зашевелилась.

Хуан включил бортовые огни. Два потока освещения выпрыгнули на стену джунглей, высветили группу саговых пальм на фоне зарослей. Огни прошли сквозь два потока порхающих, снующих насекомых.

— Наши друзья все еще с нами, — прошептал Чен-Лу.

Хуан выключил огни.

Рин стала тяжело хватать воздух, как будто задыхалась. Хуан взял ее за руку и мягко спросил: — С тобой все в порядке?

Не пробудясь полностью, Рин почувствовала его присутствие рядом с собой и испытала первобытное желание быть под его защитой. Она устроилась около него и пробормотала: — Так жарко. Неужели никогда не наступит прохлада?

— Она что-то видит во сне, — прошептал Чен-Лу.

— Но ведь жарко, — сказал Хуан. Он почувствовал замешательство от того, что Рин так явно нуждалась в нем, почувствовав, что его замешательство позабавило Чен-Лу и доставило тому удовольствие.

— К утру мы должны почувствовать небольшое облегчение от зноя, — сказал Хуан. — Почему бы вам не поспать немного, Трэвис?

— Да, я сейчас засну, — сказал Чен-Лу. Он вытянулся на узком ящике и задумался: «Мне придется убить их? Они такие дураки, Рин и Джонни... так очевидно тянущиеся друг к другу, но сопротивляющиеся этому.»

Ночной бриз ударил в грузовик. Рин поближе придвинулась к Хуану, дыша глубоко и умиротворенно.

Хуан стал пристально смотреть в окна.

Луна ушла за горы, остался только свет звезд, выделяющий темные тени вдоль обоих берегов. Гипнотический поток неясных фигур настраивал Хуана на дремоту. Он сосредоточил внимание на бодрствовании, вглядывался в темноту, ощущения его были напряжены до предела.

Было только движение реки и прерывистый напор бриза.

Ночь пробудила в Хуане чувство таинственности. Река эта была заполнена, заселена дугами каждого пассажира, которого она когда-либо несла, а сейчас... присутствием другого. Он чувствовал это другое присутствие. Ночь притихла от него. Даже лягушки молчали.

Что-то пролаяло в джунглях слева, и Хуан вдруг подумал, что слышит первый стук деревянных барабанов. Отдаленный... очень отдаленный: слабая вибрация скорее чувствовала-

лась, чем слышалась. Звук ушел раньше, чем он мог убедиться в его наличии.

«Индейцев всех вытеснили из Красной зоны, — думал он. — Кто бы мог пользоваться такими барабанами? Мне, должно быть, все это только кажется, свой собственный пульс, вот что я слышал.»

Он затих, прислушиваясь, но было только дыхание Чен-Лу, глубокое и ровное, и тихий вздох Рин.

Река стала шире, и течение замедлилось.

Прошел час... другой. Казалось, что время тянется вместе с течением. Тоскливое одиночество завладело Хуаном. Кабина грузовика, окружающая их, казалось хрупкой, ненадежной — искореженная и непостоянная вещь. Он удивился, как он мог доверить свою жизнь такой машине высоко над джунглями, когда она была так уязвима.

«Нам никогда не выбраться!» — думал он.

Голос Чен-Лу тихим журчанием прорвал тишину.

— Эта река, наверняка это Итанура, Джонни?

— Я полностью уверен в этом, — прошептал Хуан.

— Где здесь ближайшее поселение?

— Пограничная зона в Санта Мария де Гран Гуяба.

— Семьсот или восемьсот километров, да?

— Приблизительно так.

Рин заворочалась в руках Хуана, и он почувствовал ответственность за это хрупкое женское создание. Он заставил мозг отвлечься от таких мыслей, а вместо этого сосредоточил их на реке перед ними: петляющее, извивающееся русло со стремнинами и перепадами. На всем своем протяжении эта дорога таила угрозы, смертельным присутствием того, что он ощущал вокруг них. И была еще одна опасность, о которой он не упомянул другим — эти воды изобиловали рыбой-людоедом, пиранией.

— Сколько перед нами стремнин? — спросил Чен-Лу.

— Я не уверен, — сказал Хуан. — Восемь-девять, может быть больше. Это зависит от времени года и высоты воды.

— Мы должны будем использовать горючее, чтобы перелетать через стремнины.

— Эта штуковина не выдержит много взлетов и посадок, — сказал Хуан. — Это правостороннее плавание...

— Виеро хорошо знал свое дело, она должна выдержать.

— Надеюсь.

— У тебя печальные мысли, Джонни. Это не то настроение для такого предприятия. Сколько еще до Санта Марии?

— Если повезет, шесть недель. Вы хотите пить?

— Да. Сколько у нас воды?

— Десять литров... и у нас есть еще маленький горшок, если понадобится еще.

Хуан принял банку от Чен-Лу и сделал большой глоток. Вода была теплая и безвкусная. Он возвратил банку.

Далеко-далеко раздавался птичий зов: «Тула! Тула!» — подобный звуку флейты.

— Что это было? — прошептал Чен-Лу.

— Птица! Ничего... кроме птицы.

Хуан вздохнул. Крик птицы наполнил его предчувствием, как лихой знак из его прошлого, полного предрассудков. Поток ночных звуков пульсировал в его висках. Он пристально смотрел в темноту и неожиданно увидел свет летящих искр вдоль правого берега, понюхал ветер из джунглей, как выдох злого дыхания.

Почти полная безнадежность их положения давила на него. Они находились накануне сезона дождей, отделенные от любого убежища сотнями километров водоворотов и пучин. И они были целью жестокого разума, который использовал джунгли в качестве оружия.

Мускусный запах попал к нему от Рин. Он наполнил его глубоким чувством осознания, что она женщина... и желанная.

Река билась позади машины. Хуан почувствовал их союз с течением, которое тянулось к морю подобно черному шнуру.

Прошел еще час... затем еще один.

Хуан вдруг осознал присутствие светящегося огня справа — рассвет. Крики и свисты обезьян приветствовали свет. Их грохот пробудил птиц к утреннему разговору в прикрытой темноте леса: прерывистые свирели, чириканье от верхнего до нижнего регистра перемежались со свистом.

Багряный свет пополз по небу, перешел в молочно-серебристый свет, который сделал более четким мир вокруг дрейфующего грузовика. Хуан взглянул на запад, видя подножья гор — одна за другой набегали волны гор, выступающих на фоне отрезка Анд. Он понял тогда, что они вышли из первого крутого спуска реки к высокому плато.

Грузовик спокойно плыл, как огромный водный жук на фоне деревьев, объятых танцующими языками пламени лесных цветов. Медленное течение поворачивало в завихрения от плывущих предметов. Кудри тумана висели на воде, как островки кисей.

Рин проснулась, выпрямилась в руках Хуана и стала смотреть вниз на поток. Река напоминала проход в соборе между высокими деревьями.

Хуан помассировал руку, где голова Рин замедлила циркуляцию крови. А тем временем он изучал сидящую рядом с ним женщину. Она была похожа на маленького ребенка: рыжие волосы в беспорядке разбросаны, на лице выражение невыразимой невинности.

Она зевнула и улыбнулась ему... а затем внезапно нахмурилась, полностью проснувшись и осознав ситуацию. Она тряхнула головой и повернулась посмотреть на Чен-Лу.

Китаец спал, а голова его была сейчас откинута в угол. У нее вдруг возникло чувство, что Чен-Лу воплощает павшее величие, как будто бы он идол из прошлого своей страны. Дыхание его прервалось низким храпом. Тяжелые поры обозначились на коже, и на лице его лежал оттенок сгоревшей кожи, который она никогда раньше не замечала. Над верхней губой выступила полоска седеющих коротко торчащих волос. Неожиданно она поняла, что Чен-Лу красил волосы. Тщеславие ее было задето тем, что она не подозревала об этом раньше.

— Ни одного дыхания ветра, — сказал Хуан.

— Но прохладнее, — сказала она.

Она выглянула в окно со своей стороны, увидела пучки речной травы, тянущиеся после плывущего грузовика. Он поворачивался от каждого течения. Течение несло в себе определенное величие: медленные завихрения, как формальный танец в ритме реки.

— Чем это пахнет? — спросила она.

Хуан принялся: ракетное топливо... очень слабый запах, мускус человеческого пота... плесенью. Он знал и без дополнительных вопросов, что именно запах плесени вызвал ее вопрос.

— Это плесень, — сказал он.

— Плесень?

Она посмотрела вокруг себя всю внутренность кабины, рассматривая гладкий рыже-коричневый материал углов по-

толка, кожу на пульте управления. Она положила руки на запасное рулевое колесо с ее стороны и сдвинула его.

«Плесень,» — думала она.

Джунгли уже протянули сюда свою голову.

— Мы уже на грани сезона дождей, не так ли? — спросила она. — Что они принесут нам?

— Несчастье, — сказал он. — Высокий уровень воды... стремнины.

Вклинился голос Чен-Лу: — А почему смотреть на это только с худшей стороны?

— Потому что мы вынуждены, — сказала она.

Хуан внезапно почувствовал голод. Руки его задрожали, рот горел от жажды.

— Передайте бачок, — сказал он.

Чен-Лу передал бачок вперед. Он издал бульканье, когда Хуан взял его. Он предложил его Рин, но она покачала головой, она испытывала неожиданное чувство тошноты.

«Яд в воде настроил меня на временное отражение ее, — подумала она. Звук, исходящий от пьющего Хуана, доставил ей болезненное ощущение. — Как он жадно пьет!» Она отвернулась, не в состоянии больше смотреть на него.

Хуан возвратил бачок Чен-Лу, думая о том, как тайно он пробудился. Первое, что они узнали об этом, был его голос, настороженный и вмешивающийся. Чен-Лу, вероятно, лежал там, притворяясь, что спит, но бодрствовал и слушал.

— Я... я думаю, что хочу есть, — сказала Рин.

Чен-Лу протянул пакеты с пищей, и они молча поели.

Сейчас ее стала одолевать жажда... она удивилась, что Чен-Лу передал ей бачок раньше, чем она его попросила. Он вручил его ей. Она знала, что он изучает ее, знает о признаках ее эмоций, догадывается о многих ее мыслях. Это было очень неприятное открытие. Она сердито отпила и сунула бачок назад Чен-Лу.

Он улыбнулся.

— Если они не на крыше, где их не видно, или не под крыльями, то тогда наши друзья покинули нас, — сказал Хуан.

— Я заметил это, — сказал Чен-Лу.

Хуан внимательно изучил берег с обеих сторон, насколько позволял обзор.

Ни одного признака жизни.

Ни одного звука.

Солнце сейчас стояло уже достаточно высоко и сняло туман с реки.

— Здесь сегодня будет дьявольски жарко, — сказала Рин. Хуан кивнул.

«Начало теплоты имеет определенный признак, — думал он. — Мгновение назад его еще не было, затем оно проявляется на чувствах.» Он отстегнул ремень, отодвинул сидение в сторону и соскользнул в заднюю часть кабины. Он положил руки на зажимы, обеспечивающие герметичность люка.

— Куда ты пошел? — спросила Рин. Она покраснела, услышав свой вопрос.

Чен-Лу захихикал.

Тогда она почувствовала, что ей ненавистна его грубость, даже когда он попытался смягчить эффект своей реакции, говоря:

— Мы должны изучать некоторые белые пятна западной условности, Рин.

В голосе его все еще была издевка, она слышала ее и резко повернулась назад.

Хуан с шумом распахнул люк, обследовав его концы внутри и снаружи. Никаких очевидных признаков насекомых. Он заглянул вниз на плоскую поверхность продолжения плывущей части назад к ракетным двигателям — два с половиной метра низкого помоста почти в метр шириной. Там тоже не было признаков насекомых.

Он опустился вниз и закрыл люк.

Как только люк закрылся, Рин повернулась к Чен-Лу.

— Вы несносны! — взорвалась она.

— Полно, д-р Келли.

— Не прикрывайтесь своим видом все-мы-профессионалы, — сказала она. — Все равно вы несносны!

Чен-Лу понизил голос и сказал: — Пока он не вернулся, нам надо обсудить несколько вещей. Нет времени для проформы. Это дело МЭО.

— Единственное дело МЭО, которое у нас остается — это передать ваше сообщение в штабквартиру, — сказала она.

Он пристально посмотрел на нее. Эту реакцию он мог предсказать заранее, но следовало найти удобный момент, чтобы затронуть этот вопрос. «У бразильцев есть пословица,» — подумал он и процитировал: — «Когда говоришь о долге, вспомни о деньгах.»

— А конта фуа пага пор мим, — сказала она. — Я уже заплатила по этому счету.

— Я не предлагал тебе ничего платить, — сказал он.

— Вы предлагаете купить меня? — резко бросила она.

— Другие же делали это, — сказал он.

Она изучающе рассматривала его. Он угрожает рассказать Хуану о ее прошлой деятельности в разведывательно-шпионском отделе МЭО? Пусть. Но она уже узнала несколько вещей по этой линии, и она притворилась, что не уверена сейчас. Что было у Чен-Лу на уме?

Чен-Лу улыбнулся — западные люди всегда подвержены алчности. — Ты хочешь выслушать дальше? — спросил он.

Ее молчание выразило согласие.

— Вот сейчас ты направишь все свои чары на Хуана Мартины, сделаешь его рабом любви. Он должен превратиться в создание, которое делает для тебя все. Сделать это тебе совсем нетрудно.

«Я уже делала это раньше, а-а?» — думала она.

Она отвернулась. — Ну... я уже делала это раньше во имя долга.

Чен-Лу кивнул себе за ее спиной. Все в жизни остается по-прежнему. Она уже созрела для этого — все идет как по маслу. Люк около него открылся, и Хуан запрыгнул в кабину.

— Нигде никаких признаков, — сказал он, опускаясь снова на свое место. — Я оставил люк полуоткрытым на случай, если кому-нибудь надо выйти.

— Рин? — сказал Чен-Лу.

Она покачала головой, судорожно сглотнула: — Нет.

— Тогда я позволю себе воспользоваться такой возможностью, — сказал Чен-Лу.

Он открыл люк, спустился на плавающую плоскость и закрыл люк.

Не поворачиваясь, Рин знала, что он сделал лишь видимость закрытого люка, что он оставил щель и приставил к ней ухо. Она смотрела прямо перед собой на быструю убегающую серебристую дорожку реки. Грузовик находился в подвешенном состоянии неподвижного воздуха, который медленно насыщался зноем, пока она не поняла, что он должен взорваться.

Хуан посмотрел на нее: — С тобой все в порядке?

«Вот в этом вся смехотворность ситуации,» — думала она.

Минута прошла в молчании.

— Что-то случилось, — сказал Хуан. — Вы с Трэвисом шептались, пока я был там. Я не мог понять, что ты сказала, но в голосе твоём звучал гнев.

Она попыталась проглотить стоящий в горле комок. Чен-Лу подслушивал сейчас, будь он проклят: — Я... он пытался соблазнить меня.

— Соблазнить тебя?

— Да.

— А чем?

Она повернулась и изучала воздушную мягкость гор, поднимающихся справа, и различала там вдали снежную вершину горы с черными языками вулканического пепла. Некоторая торжественность горы отразилась на ее чувствах.

— Тобой.

Хуан смотрел на свои руки, пытаясь понять, почему ее признание так поразило его.

Во время этой паузы Рин начала напевать. У нее был приятный голос, и она знала об этом: грудной проникновенный. Голос был одним из ее лучших видов оружия.

Но Хуан узнал песню и удивился, почему она выбрала именно эту. Даже после того, как она замолкла, мелодия все еще звучала вокруг него, как туман. Это был плач туземцев, трагедия Лорки, аранжированная под гитару.

О смерть, останови свой меч,
Я не из тех, кто ищет у тебя забвенья,
Не буду умолять себя сберечь —
Я путь прошел, закончены свершенья.
Река, что представляет жизнь мою
Течет пусть мирно некоторое время
В глазах любви я пепел вижу твой,
И тяжело расставанья бремя.

Она только напела песню, а слова все равно еще звучали там.

Хуан посмотрел налево.

Вдоль реки здесь росли деревья манго, густая зеленая листва перемежалась там с более светлыми тонами тропической белой омелы и редкими пальмами с махровым покровом хонт. На ближних подступах к джунглям парили два чернотелых ястреба урубу. Они висели в выгоревшем голубовато-

стальном небе, как будто нарисованные там на фальшивом театральном фоне.

Очевидная безмятежность сцены не содержала иллюзий для Хуана. И он размышлял, была ли это та безмятежность, о которой говорилось в песне.

Стайка танатер привлекла его внимание. Они пронеслись над головой, сверкая бирюзой, ныряли в стену джунглей, и она проглатывала их, как будто их никогда и не было.

Берег манго слева уступил место узкой полосе травы на возвышенности средней высоты, красно-коричневая земля его была изрыта норами.

Открылся люк, и Хуан услышал, как Чен-Лу карабкается в кабину. Затем послышался звук, который означал, что люк закрыт и закупорен.

— Джонни, посмотри, мне кажется, что-то движется в деревьях за той травой, — сказал Чен-Лу.

Хуан пристально всмотрелся в сцену. Да! внутри деревьев были видны какие-то тени — много фигур, которые двигались, как порхающий поток, стремящийся двигаться в одном темпе с грузовиком.

Хуан поднял ружье, которое он пристроил слева от сиденья.

— Слишком большое расстояние, — сказала Рин.

— Я знаю. Я просто хочу дать им знать, чтобы они держались на расстоянии.

Он никак не мог открыть отверстие для ружья, но пока он возился, фигуры выступили из тени на солнечный свет на травянистый склон.

Хуан ахнул.

— Матерь божья, Матерь божья... — прошептала Рин.

Это была смешанная группа, выстроившаяся как на выставку вдоль берега. Большинство их имело вид людей, хотя было несколько гигантских копий насекомых — жуки с какими-то похожими на хлысты хоботками. Большинство имитаций людей были в форме индейцев, многие из которых напоминали тех существ, которые похитили Хуана и его отца.

Хотя вперемежку в этой шеренге стояли и единичные экземпляры: один из них соответствовал облику префекта, отца Хуана, рядом с ним... Виеро и все мужчины из лагеря.

Хуан протолкнул ружье в щель в борту.

— Нет, — сказала Рин. — Подожди. Посмотри на их глаза, как сверкают их глаза. Они могут быть нашими друзьями... может быть их напоили наркотиками или... — Она замолчала.

«Или хуже», — подумал Хуан.

— Возможно, что они заложники, — сказал Чен-Лу, — один верный способ узнать, кто они — застрелить одного из них. — Он встал, открыл ящик с оборудованием. — Вот тяжелый...

— Положите назад! — рявкнул Хуан. Он вытащил из щели ружье, закрыл герметично борт.

Чен-Лу сжал губы, размышляя: «Эти латиноамериканцы! Такие непрактичные. — Он положил ружье с разрывными пулями в ящик и сел. — Можно было выбрать в качестве мишени одного из менее важных людей. Зато могли бы получить важнейшую информацию. Хотя настаивать на этом сейчас бесполезно, все равно ни к чему бы не привело бы. Не сейчас...»

— Я не знаю, как вы двое, — сказала Рин, — но в нашей школе нас не учили убивать своих друзей.

— Конечно, Рин, конечно, — сказал Чен-Лу. — Но разве там наши друзья?

Она сказала: — Пока я не буду знать наверняка...

— Вот именно! — сказал Чен-Лу. — А как вы собираетесь узнать это наверняка? — Он указал на фигуры, стоящие сейчас позади них, так как течение их опять отнесло к берегу с нависающими деревьями и лозами. — Это тоже школа, Рин — те джунгли. Ты тоже должна извлечь из этого хороший урок.

«Опять двусмысленность, опять двусмысленность,» — думал он.

— Джунгли — это школа прагматизма, — сказал Чен-Лу. — Абсолютные суждения. Спроси их о зле и добре? У джунглей один ответ: «Все, что имеет успех, хорошо.»

«Он говорит мне о том, чтобы я приступала к соблазнению синьора Джонни Мартиньо, пока бедный дурачок еще не отошел от шока, — думала она. — Довольно верно — опасность, шок или страх — каждый из этих факторов имеет свой резонанс.»

Она обратилась к себе: «Ну, а какой резонанс это оказывает на меня?»

— Если бы это были индейцы, я бы знал, почему они устроили нам этот парад, — сказал Хуан. — Но это не настоящие индейцы. Мы не можем сказать, как эти создания мыслят. Индейцы бы сделали такое шоу, чтобы запугать нас, говоря: А вы будете следующими. Но эти создания... — Он покачал головой.

В грузовике наступило молчание: давящее одиночество, усиливаемое зноем и гипнотической выставкой на береговой линии.

Чен-Лу откинулся назад и задремал. Он думал: «Пусть жара и бездействие делают свое дело.»

Хуан пристально рассматривал свои руки.

Никогда еще жизнь не загоняла его в такую ловушку, где как страх, так и бездеятельность заставляли бы его заглянуть вглубь себя. Это чувство и страшило, и привлекало его.

«Страх — это наказание сознания, вынужденного смотреть на себя, — думал Хуан. — Лучше я займусь чем-нибудь. Но чем? Ну, хотя бы, спать.»

Он боялся спать, потому что сны отравляли отдых.

«Пустота... какая же может быть награда: пустота,» — думал он.

Он чувствовал, что где-то в своем прошлом он достиг сияющей вершины, лишенный всяких осложнений. Период, когда у него не было сомнений. Действие... игра... рефлексаторные движения — вот что такое была жизнь. Сейчас все это находилось там, открытое для внутреннего анализа, открытое для изучения и пересмотра.

Но он чувствовал, что где-то во внутреннем анализе может быть предельная точка, что где-то внутри его молчат воспоминания, которые могут бросить его в бездну.

Рин откинула голову на спинку сиденья, она смотрела высоко в небо. «Кто-то скоро начнет искать нас, — думала она. — Они должны... они должны... они должны.»

«Этот ритм иллюзий долженствования, — думала она. Она глубоко вдохнула, удивляясь, где могла зародиться эта мысль. Она заставляла себя обратить внимание на небо — такое синее... синее... — пустое пространство, на котором может быть написано все, что угодно.»

Взгляд ее устремился дальше, он шел в горы, вдоль западного горизонта. Горы росли и уменьшались там, когда река несла ее по своим синим стремнинам.

«Это те вещи, о которых мы не должны думать, потому что они переполнили бы нас эмоциями, — думала она. — Эти вещи ложатся на нас ужасной ношей.» Рука ее сползла и захватила руку Хуана. Она не смотрела на него, но давление своей ответственности было больше, чем рука, держащая ее руку.

Чен-Лу увидел это движение и улыбнулся.

Хуан напряженно всматривался в проходящий мимо берег.

Грузовик дрейфовал по замысловатому течению между свисающими занавесями лиан. Течение вынесло их за изгиб, открыв перед ними великолепие трех деревьев Фернандо Санчес: ослепительно красных на фоне зелени. Но взгляд Хуана был обращен на воду, где совершала свою работу река, медленно подрезая запутанные корни в глинистом берегу.

«Ее рука в моей, — думал он. — Ее рука в моей.»

Ладонь ее была влажная, близкая, податливая.

Поднимающиеся волны зноя обволакивали грузовик мертвым воздухом. Солнце превращалось в пульсирующее горнило, которое ползло над ними... медленно, медленно склоняясь к западным вершинам.

«Руки вместе... руки вместе,» — думал Хуан.

Он начал молиться на ночь.

Вечерние тени начали сглатывать углы реки. Ночь вздымалась вверх из траншеи медленного течения к сверкающим вершинам.

Чен-Лу зашевелился и сел, когда солнце нырнуло за горы. Аметистовые испарения заката создавали эффект пространства гладкой рубиновой воды перед грузовиком — как будто текла кровь. Наступил такой момент в темноте, когда казалось, что река прекратила любое движение. Затем они окунулись в промозглую пелену ночи.

«Это время для робких и ужасных, — думал Чен-Лу. — Ночь — это мое время — а я не из робких.»

И он улыбнулся, когда две тени на передних креслах перед ним слились в одну.

«Животное с двумя спинами,» — думал он. Это была такая забавная мысль, что он приложил ладонь к губам, чтобы не рассмеяться.

Вскоре Чен-Лу сказал: — Я посплю, Джонни. Твоя первая вахта. Разбуди меня в полночь.

Тихие звуки возни из передней половины кабины сразу же прекратились, затем возобновились.

— Хорошо, — сказал Хуан, и голос его был хриплым.

«Ах-ах, эта Рин, — думал Чен-Лу. — Такой хороший инструмент, даже когда она не хочет им быть.»

Глава 8

Сообщение, хотя и интересное своими нюансами, мало что прибавило к общей информации Мозга о человеческих существах. Они прореагировали на парад на берегу шоком и страхом. Этого и следовало ожидать. Китаец продемонстрировал свою практичность, которую двое других не разделяли. Этот факт в дополнение очевидным попыткам китайца склонить двух других к интимной связи — это может иметь значимость. Время покажет.

Тем временем Мозг испытывал что-то родственное другой человеческой эмоции — беспокойству.

Троих в машине уносило все дальше и дальше от пещеры над бездной реки. В систему сообщение-вычисление-решение-действие входил серьезный фактор задержки.

Сенсоры мозга еще раз просмотрели повторно выложенный на потолке пещеры рисунок послания.

Машина приближалась к серии стремнин. Находящиеся в машине могут погибнуть там и будут безвозвратно потеряны. Или они могут возобновить попытки взлететь на судне. Здесь и скрывался элемент тревоги, требующий тщательного анализа и взвешенного решения.

Машина пролетела один раз.

Вычисление — решение.

— Вы сообщаете группам действия, — скомандовал Мозг.

— Скажите им, чтобы они схватили машину и находящихся в ней до того, как они достигнут берега. Схватить человеческих существ живыми, если возможно. Специальный приказ, если некоторых из них нужно принести в жертву: сначала надо взять китайца, затем скрытую королеву, а позже другого мужчину.

Насекомые на потолке затанцевали и выстроили рисунок послания на потолке, зажужжали элементы модуляции, чтобы зафиксировать их, а затем отправились в предрассветное пространство выхода из пещеры.

Действие.

Чен-Лу вглядывался в течение реки через передние сиденья следя, как лунная дорожка уходила под машину. Дорожка рябила паучьими линиями в водоворотах и текла как разрисованный шелк в широких просторах.

Из передней части кабины доносились звуки дыхания спящих глубоким, мирным сном.

«Сейчас я, вероятно, не должен убивать этого дурака Джонни,» — думал Чен-Лу.

Он выглянул в боковое окно на почти опустившуюся луну. Бронзово-зеленый свет изливало ночное светило. Внутри более темного пространства окна появилось какое-то подобие лица: Виеро.

«Он мертв, этот компаньон Джонни, — думал Чен-Лу. — Это была фигура, построенная по его подобию, которую мы видели возле реки. Такой атаки на лагерь не мог бы пережить никто. Наши друзья там за бортом сняли копию дорогого падре.»

Тогда Чен-Лу спросил себя, как воспринял смерть Виеро — как иллюзию или как катаклизм?

Беспочвенный вопрос.

Рин повернулась во сне, ближе прижалась к Хуану.

— М-м-м, — пробормотала она.

«Наши друзья больше не будут воздерживаться от атаки, — думал Чен-Лу. — Очевидно, они просто ждут подходящего момента и места. Где это будет — в ущелье, заполненном скалами в узком месте? Где?»

Мысль превращала каждую тень снаружи в источник опасности, и Чен-Лу удивлялся себе, что он мог позволить мозгу сыграть с ним такую вселяющую страх шутку. Все же он напряг все свои чувства, борясь с ночью.

Там снаружи, в джунглях, стояла тишина ожидания, чувство присутствия.

«Но это не чепуха,» — сказал себе Чен-Лу.

Он кашлянул.

Хуан повернулся на кресле и почувствовал, что голова Рин покоится на его груди. Как спокойно она дышала.

— Трэвис? — прошептал он.

— Да?

— Мое время?

— Поспи еще, Джонни. У тебя есть еще пару часов.

Хуан закрыл глаза, снова лег в кресло, но глубокий сон ушел от него. Что-то с кабиной... что-то. Здесь было что-то, что требовало его внимания. Сознание уводило его все дальше и дальше.

Плесень.

Сейчас она чувствовалась в кабине сильнее, чем прежде — и к ней примешивался запах ржавчины.

Эти запахи наполнили Хуана уныньем. Он чувствовал, как машина его везде разрушается, а ведь грузовик был символом цивилизации. Эти настойчивые запахи представляли всему живому признаки увядания и смерти.

Он гладил волосы Рин и думал: «Почему бы нам не взять хоть частицу счастья, здесь, сейчас? Завтра мы можем быть уже мертвы... или хуже.»

Он снова медленно погрузился в сон.

Стая длиннохвостых попугаев объявила о наступлении рассвета. Они щебетали и сплетничали в джунглях около реки. К хору присоединились птицы поменьше: взмахи крыльев, чириканье, щебетание.

Хуан слышал птиц, как будто они тянули его к пробуждению с огромного расстояния. Он проснулся в поту, чувствуя странную слабость.

Рин отодвинулась от него ночью. Она спала, свернувшись калачиком, возле стены кабины с ее стороны.

Хуан уставился в сине-белый свет за окнами. Дымка тумана скрывала верхнее и нижнее течение реки.

В спертom воздухе кабины чувствовалась влага и нездоровая теплота. Во рту у него было сухо и горько.

Он сел прямо, наклонился вперед, чтобы заглянуть в изгиб ветрового щита над головой. Спина его ныла от неудобного положения во сне.

— Не ищи поисковые группы, Джонни, — сказал Чен-Лу.

Хуан кашлянул и сказал. — Я просто смотрю, какая погода. Скоро надвинутся дожди.

— Возможно.

«Такое серое это небо,» — думал Хуан. Там была пустая щель для посадки одного ястреба, который парил в поле зрения над верхушками деревьев с неподвижными крыльями. Ястреб величественно наклонил голову, взмахнул крыльями раз... другой и полетел вверх по течению.

Хуан перевел взгляд ниже, заметил, что за ночь кузов машины превратился в дрейфующий остров из приставших бре-

вен и кустов. На бревнах он видел мох-паразит. Это был старый остров — по крайней мере ему был уже сезон... нет старше. Мох был толстый.

Пока он следил за ним, между машиной и бревнами прошел круговорот. Они разошлись в стороны.

— Где мы? — спросила Рин.

Хуан повернулся и увидел, что она проснулась и села. Она избегала его глаз.

«Что за черт! — думал он. — Неужели она стыдится?»

— Мы там, где всегда были, дорогая Рин, — сказал Чен-Лу. — Мы на реке. Ты голодна?

Она обдумала вопрос и почувствовала, что голодна, как волк.

— Да, я хочу есть.

Они ели быстро и молча, а Хуан все больше убеждался, что Рин избегает его. Она первой вылезла из люка кабины наружу и оставалась там долго. Когда она вернулась, то легла на свое кресло и притворилась, что спит.

«Ну и черт с ней,» — подумал Хуан. Он вышел через люк и с силой его захлопнул.

Чен-Лу наклонился вперед и зашептал в ухо Рин.

— Ты очень хорошо вела себя ночью, дорогая.

Она заговорила, не открывая глаз: — Пошел к черту!

— Но я не верю в черта.

— А я, что верю? — она открыла глаза и уставилась на него.

— Конечно.

— Каждый думает по-своему, — сказала она и закрыла глаза.

По какой-то причине он не смог понять интонацию. Ее слова и действия разозлили его, и он постарался привести ее в ярость тем, что знал о ее вере: — Ты страшная язычница!

И снова она заговорила, не открывая глаз: — Это же самое мне говорил кардинал Ньюман.

— Ты не веришь в первородный грех, — захихикал он.

— Я только верю в особого рода чертей, — сказала она и снова посмотрела на него, твердо, не отводя своих зеленых глаз.

— Каждому свое, разве не так?

— Вы сказали это, не я.

— Но ты действительно сказала это.

— Да неужели?

— Да, ты сказала это!

— Вы кричите, — сказала она.

Он выждал момент, успокаиваясь, а затем сказал шепотом: — А Джонни, он был хорош?

— Лучше, чем когда-либо удавалось вам.

Хуан открыл люк и вошел в кабину раньше, чем Чен-Лу смог ответить, и увидел, что Рин смотрит на него.

— Здравствуй, шеф, — сказала она. И она улыбнулась широкой, интимной и разделяющей чувства улыбкой.

Хуан улыбнулся в ответ и скользнул в свое сиденье.

— Нам сегодня предстоит преодолеть стремнины, — сказал он. — Я чувствую это. Что это вы там кричали, Трэвис?

— Так, ничего, — сказал Чен-Лу, но в голосе его все еще был гнев.

— Это идеологическая проблема, — сказала Рин. — Трэвис остается воинствующим атеистом до конца. А что касается меня, то я верю в небеса. — Она погладила Хуана по щеке.

— Почему ты думаешь, что мы около стремнины? — спросил Чен-Лу. А сам подумал: «Я должен перевести разговор на другую тему! Это опасная игра, которую ты затеяла со мной, Рин.»

— Во-первых, течение быстрее, — сказал Хуан.

Он пристально посмотрел в передние окна. Река выступала сейчас в новом свете, определенно ярко выраженная вертикальная качка. Горы подтянулись ближе к руслу. От линии берега отходит больше завихрений.

Группа длиннохвостых обезьян стала бегать по кабине. Они рычали и гримасничали с деревьев левого берега и оставили машину только у изгиба реки.

— Когда я вижу там какое-нибудь существо, я должна спрашивать себя: оно настоящее или только кажется таким? — сказала Рин.

— Это действительно обезьяны, — сказал Хуан. — Я думаю, есть вещи, которые наши друзья не в состоянии имитировать.

Сейчас река выпрямилась, а горы сжимали ее плотнее. Толстые побеги деревьев с твердой древесиной вдоль обоих берегов уступили место рядам саговых пальм на фоне поднимающихся волн вечнозеленых растений джунглей. Только редко эта зелень прерывалась гладкими стволами красных гуавил, склоненных над водой.

За другим поворотом их удивила длинноногая розовая птица, находящая корм в тени. Она подняла тяжелые крылья и полетела вниз по течению.

— Пристегните ремни, — сказал Хуан.

— Ты так уверен в этом? — спросил Чен-Лу.

— Да.

Хуан услышал, как захлопываются пряжки, и пристегнул свой ремень. Он посмотрел на доску приборов, чтобы вспомнить изменения в расположении контрольных приборов, сделанных Виеро. Зажигание... включение фар... переключение скоростей. Он повернул руль; он почувствовал, как он разболтан. Одна молчаливая молитва, чтобы выдержала заплата на правой стороне дна, и он сказал себе, что готов.

Как ветерок сквозь деревья пришел звук слабого рева. Они почувствовали еще одно ускорение течения, которое подхватило грузовик и понесло за широкий поворот, вращаясь в завихрении, пока не установило кабину прямо по течению; а там, не более, чем в километре от них, они увидели яростное кипение белой воды. Пена и брызги летели в воздух. Звук крушащего оглушающего рева нарастал с каждой секундой.

Хуан взвесил все обстоятельства — высокая стена деревьев с обеих сторон, сужающееся русло, высокие черные стены мокрых скал с обеих сторон быстрин. Был только один путь: пройти через него.

Течение и расстояние требовали тщательного расчета, края плывущей поверхности кабины должны касаться поперечных волн, чтобы помочь облегчить давление реки на плавающую поверхность.

«Вот это и будет то место, — подумал Чен-Лу. — Наши друзья будут здесь... ожидая нас.» Он ухватился за ружье и пытался следить за берегом с обеих сторон.

Рин схватила за края своего сиденья, прижалась спиной к спинке. Она чувствовала, что они попали в водоворот безо всякой надежды выбраться из него.

— Что-то на деревьях справа от нас, — сказал Чен-Лу.
— Что-то над головой.

Тень накрыла воду вокруг них. Хлопающие крыльями белые фигуры начали закрывать обзор впереди.

Хуан включил зажигание, сосчитал — раз, два, три. Свет выключил — включил скорость.

Моторы взревели с огромным шумом, перерастая в рев, который заглушал звук стремнины. Кабина пробивалась сквозь заслон насекомых из закрывающей ее тени. Хуан вывернул машину, чтобы избежать линию пенящихся скал в верхнем течении. Он двигал переключатель скоростей, чувствуя спиной давление в баке.

«Ну, не взорвись, милый, — молил он. — Не взорвись.»

— Сеть, — воскликнула Рин. — Они поставили сеть поперек реки.

Она поднималась над водой, над стремнинами, как извивающаяся змея.

Рефлекс двигал рукой Хуана к переключателю скоростей, с размаха нажал кнопку на приборной доске.

Кабина подпрыгнула, разбегаясь на зеркальной глади. Бурлящий поток тянул их в стороны к гладким черным скалам. Сеть выступала прямо впереди, когда кабина поднялась, плоскости оторвались от воды.

Вверх... вверх.

Хуан видел, что река за сетью ныряет вниз, вода прыгала с сумасшедшей яростью в том месте, как будто пытаясь избежать гладких черных стен скалы.

Что-то ударилось о плавающую поверхность кабины со скрежетом и звуком разрыва. Нос кабины нырнул, отскочил вверх, когда Хуан крепко держал руль. Катящееся стаккато потрянуло судно. Струи заполнили все пространство вокруг.

В одно промелькнувшее мгновение Хуан увидел движение у кольца бездны. Линия камней там загремела вниз, обрушилась позади.

Значит они проскочили по воздуху, взбираясь, уходя в сторону, но взбираясь. Хуан оттянул руку назад.

Машина прогремела над линией деревьев, снова поперек реки. Под ними промелькнул еще один холм со шпильями крон деревьев. Длинный прямой отрезок воды открывался перед ними, как бурлящий коричневый мазут.

Хуан вдруг понял, что слышит голос Рин.

— Ай, да мы, прошли! Ай да мы, прошли!

— Это был вдохновенный полет, — сказал Чен-Лу.

Хуан попытался проглотить сухой комок в горле. Все контрольные приборы работали на пределе. Он увидел внизу по течению огромный изгиб реки, а за ним широкое озеро затопленной земли с выступающими то тут, то там островками.

«Коричневая река... затопленная земля,» — думал он.

Он выровнял кабину и бросил взгляд назад на запад. Там собирались коричневые облака с чернотой внизу, раскаты грома.

«Позади нас в горах дождь, — думал он. — Здесь наводнение. Должно быть, это случилось ночью.»

И он проклинал себя, что не заметил цвета воды раньше.

— Что-то случилось, Джонни? — спросил Чен-Лу.

— Ничего такого, что зависело бы от нас.

Хуан отпустил ручку еще на одно деление, затем еще на одно. Моторы запыхтели и заглохли. Он перекрыл все горючее.

Вокруг них свистел ветер, когда Хуан поднял руль назад, пытаясь выиграть как можно больше расстояние. Кабина начала спотыкаться на краю критической скорости полета. Он опустил нос машины вниз, все еще пытаясь выиграть в расстоянии. Но грузовик летел, как все грузовики — скользя, как скала.

Ветер, поднимаемый полетом машины, все еще свистел, и звук его заполнял кабину.

Река сворачивала влево через более затопленные земли. Тонкий поток вихревой воды отмечал главное русло. Хуан мягко послал машину вниз, повернул, чтобы следовать этим руслом. Вода ринулась им навстречу. Кабина начала дергаться, а Хуан старался наладить контроль.

Плавательная поверхность коснулась воды, и ее потащило. Водоворот повернул кабину. Правое крыло начало опускаться — ниже, ниже.

Хуан направлял ее к коричневому песчаному берегу слева от них.

— Мы тонем, — сказала Рин, и голос ее выдал как удивление, так и ужас.

— Это правая сторона, — сказал Чен-Лу. — Я чувствовал, как она ударилась о сеть.

Левый борт зацепил песок, остановился, потащил за собой тонущий конец по дуге, пока он также не коснулся песка. Что-то бурлило под водой справа, и взрыв пузырей поднимался на поверхность. Менее шести миллиметров воздушно-го пространства между концом правого крыла и водой.

Рин закрыла лицо руками и вздрогнула.

— Ну, что еще? — спросил Чен-Лу. И его привело в шок уныние, которое он услышал в собственном голосе.

«Ну вот, это конец, — подумал он. — Наши друзья отыщут нас здесь. Теперь уж точно конец.»

— Сейчас будем чинить дно, — сказал Хуан.

Рин убрала руки от лица и посмотрела пристально на него.

— Здесь выходить? — спросил Чен-Лу. — Ой-ой, Джонни...

Рин прижала обратную сторону ладони левой руки ко рту и подумала: «Хуан — он только потому сказал это, чтобы отвлечь меня от отчаяния.»

— Конечно, здесь, — рывкнул Хуан. — А сейчас заткнитесь, пока я думаю.

Рин опустила руку и сказала: — А это возможно?

— Если они дадут нам достаточно времени, — сказал Хуан.

Он откинул балдахин герметичности, завернул его вперед. Звук бурлящей воды дошел до его сознания. Он отстегнул ремень, тем временем осматриваясь кругом, изучая воздух, джунгли, реку.

Никаких насекомых.

Хуан выбрался, прыгнул на грязную поверхность левого крыла, рассмотрел джунгли за полосой береговой линии: смесь переплетенных ветвей, лоз, ползучих растений, больших папоротников.

— Здесь их может быть целая армия в тех джунглях, и мы их не сможем увидеть, — прошептал Чен-Лу.

Хуан взглянул вверх. Китаец стоял на внутреннем конце кабины.

— Как ты предлагаешь чинить это крыло? — спросил Чен-Лу.

Рядом с ним появилась Рин, ожидая его ответа.

— Я еще не знаю, — сказал Хуан. Он повернулся, посмотрел вниз на поток. Там вверх по реке двигалась полоса ряби, вызываемая ветром из котла топки. Рябь расходилась веером перед ветром и росла по мере того, как рос ветер. Затем ветер стих. Воздух и вода заколебались в сыром зное. Давление зноя исходило от металлических частей кабины и с береговой полосы.

Хуан прыгнул в воду. На ощупь она была теплая и плотная.

— А как насчет рыб-людоедов? — спросила Рин.

— Они не могут видеть меня, и я не могу видеть их, — сказал Хуан. — Обмен любезностями.

Он поднырнул под ракетные моторы. Там был сильный запах несгоревшего топлива, и маслянистая дорожка его уже начала показываться вниз по течению. Хуан вздрогнул, нагнулся и прошел мягко рукой по внешнему краю правого крыла, идя вперед по мере того, как он исследовал невидимую поверхность.

Как раз чуть сзади ведущего края пальцы его встретили искореженный край в металле и отошедшие остатки заплаты Виеро. Хуан изучил отверстие. Оно было отчаянно большим.

Металл заскрипел, когда Чен-Лу опустил на левое крыло, в руке у него было ружье распылитель.

— Насколько серьезно повреждение? — спросил он.

Хуан выпрямился, отступил к берегу.

— Довольно серьезное.

— Ну, а заделать его можно? — спросил он.

Хуан оглянулся, посмотрел на человека, удивленный вызывающим тоном в голосе Чен-Лу.

«Ну и перепугался же, бедолага!» — подумал Хуан.

— Мы должны вытащить это крыло из воды прежде, чем наверняка что-то утверждать, — сказал Хуан. — Но думаю, что мы сможем поставить заплату.

— Как ты вытащишь его из воды?

— Лозы... испанские безветренные, ветви место роликов.

Рин спросила из кабины: — Сколько надо времени?

— К ночи, если все удачно, — сказал Хуан.

— Они нам столько не дадут, — сказал Чен-Лу.

— Мы их опередили на тридцать или сорок километров, — сказал Хуан.

— Но они тоже умеют летать, — сказал Чен-Лу. Он поднял ружье, целясь вверх по течению. — А вот и они.

Хуан резко повернулся, когда Чен-Лу выстрелил, как раз вовремя, чтобы увидеть, как широкий фронт струй сшиб летящую линию белых, красных и золотых насекомых, каждое из которых было длиной с большой палец человека. Но за ними шли еще... еще... и еще.

— И опять машина улетела, — бросил обвинение Мозг.

Посланцы на потолке танцевали и жужжали, составляя сообщение, давали дорогу новой группе, влетающих, как ку-

сочки золотистой слюды через залитое солнцем отверстие пещеры.

— Судно внизу и серьезно повреждено, — сообщили вновь прибывшие. — Оно больше не плывет по воде, а лежит частично под водой, человеческие существа очевидно не пострадали. Мы уже ведем группы действия на то место, но человеческие существа стреляют ядом по всему, что движется. Какие ваши инструкции?

Мозг работал, чтобы настроить себя на вычисление и решение. «Эмоции... эмоции, — думал он. — Эмоции являются проклятием логики.»

Данные, данные, данные — он был загружен данными. Но всегда там присутствовал фактор сортировки. Новые события изменяли старые факты. Мозг знал много фактов о человеческих существах — факты наблюдения, некоторые из них получены дедуктивно и индуктивно, некоторые извлечены из библиотек микрофильмов, которые человеческие существа оставили в Красной зоне до своего возвращения.

Но так много пустых мест в данных.

Тогда Мозг стремился выработать способность двигаться самому, наблюдать с помощью своих сенсоров, то, что он мог собрать только от своих посланников. Желание вызывало бешеную цепь сигналов от скрытых и почти атрофированных центров мышечного контроля. Обслуживающие насекомые суетились на поверхности Мозга, подавая пищу туда, где вырастали необычные требования, подсчитывая гормональными придатками блокады неудач, которые на данный момент угрожали всей структуре.

«Атеизм, — думал Мозг, когда возвратилась химическая сбалансированность. — Они говорили об атеизме и небесах. Эти дела ставили Мозг в тупик. Разговор неоднократно выходил из аргументов и в основном сосредоточивался на интимных отношениях человеческих существ... по крайней мере, среди существ, находящихся в машине.»

Насекомые на потолке прошли еще раз через повторение собственного сообщения. — Какие ваши инструкции?

«Какие мои инструкции? Мои инструкции. Я... мне... мои...»

Опять обслуживающие насекомые засуетились.

К Мозгу возвратилось спокойствие, и он размышлял над тем фактом, что мысли — простые мысли — могут приносить

такие огорчения. Казалось, что такие же вещи происходят с людьми.

— Человеческих существ в машине нужно захватить живыми, — скомандовал Мозг (Он осознавал, что эта команда является эгоистичной. Те трое могли отнестись к этой команде совсем по-другому.) — Задействуйте все свободные группы действия. Найдите удобное место ниже по течению реки. Лучше, чем было подобрано последнее, и пошлите туда половину групп действия. Другая половина должна атаковать как можно быстрее.

Мозг приостановился, не отпуская посланников, затем выдал в качестве запоздалой мысли: — Если все попытки потерпят неудачу, убейте все, за исключением их голов. Спасите и сохраните их головы.

Сейчас посланники были отпущены. У них имелись свои инструкции, они вылетали из пещеры на яркий солнечный свет над рекующей водой.

На западе над солнцем прошло облако.

И Мозг отметил этот факт, заметив, что звук реки сегодня громче.

«Дожди на высокогорье,» — думал он. Эта мысль вызвала его воспоминания: мокрые листья, ручьи на полу леса, сырой холодный воздух, ноги, поднимающие брызги на серой глине.

Казалось, что ноги образа были его собственными, и Мозг нашел этот факт странным. Но обслуживающие насекомые имели под рукой все необходимые химикалии, и Мозг продолжал рассматривать каждое данное, которое у него было, касающееся кардинала Ньюмана. Но нигде он не смог найти ссылки на штатного кардинала Ньюмана.

Заплата состояла из листьев, привязанных полосками палатки и лозами на внешней стороне и распыленных компонентов из разобранный пенной бомбы, которые Хуан использовал на внутренней части крыла. Кабина выпрямилась на плаву прямо на реке возле берега, пока он стоял по пояс в воде около нее, проверяя работу.

Шипение разрядов и разрывы ружей-распылителей и пенных бомб продолжались с редкими промежутками над его головой. Воздух был тяжелым и пропах горькими запахами ядов. Мимо него вниз по реке проплывали черные и оранжевые остатки, часть их оставалась лежать пухлыми валками на берегу среди остатков укрепленного лозой брашпиля. На

каждом кусочке остатков располагалась целая коллекция мертвых или умирающих насекомых.

Во время затишья между атаками Рин высунулась и сказала:

— Во имя Всевышнего, вам долго там еще осталось?

— Кажется, она держит, — выдохнул Хуан.

Он потерял руки и шею. Не все насекомые попадали под струю ружей-распылителей и бомб. Кожа его горела от укусов, огромного количества выпущенных в него жал. Когда он взглянул вверх на Рин, то увидел, что лоб ее был перевязан полоской.

— Если она держит, отталкивай нас, — сказал Чен-Лу. Он появился над Хуаном рядом с Рин, взглянул вниз, а затем обратил внимание на небо.

Хуан зашатался от внезапной слабости, чуть не упал. Все тело его ныло от усталости. Ему потребовалось значительное усилие, чтобы поднять голову и осмотреть небо вокруг них. Далекое небо. У них оставалось, пожалуй, лишь час дневного света.

— Ради всего святого, отправляемся! — закричала Рин.

Хуан заметил, что пальба возобновилась. Он подтянулся на крыло и к берегу, и это действие оторвало машину от берега. Она перемахнула над ним, и он тупо уставился вверх на заклеенное дно бака, удивляясь, кто же сделал эту работу.

О, да — Виеро.

Машина продолжала отплывать дальше, подхваченная сейчас течением. Она была по крайней мере в двух метрах от Хуана, когда он понял, что должен подниматься на борт. Он сделал выпад вправо, схватился за задний край и перевалился, распластавшись на ней, отдав все оставшиеся силы.

Рука потянулась вниз из открытого люка, схватила его за ворот. С помощью этой руки он поднялся на колени и заполз в кабину. Только когда он был внутри, то увидел, что это рука Рин.

Они опустили балдахин и закрыли герметично кабину.

Чен-Лу метался внутри кабины и убивал насекомых рулоном чертежей.

Хуан почувствовал, что что-то ужалило его в правую ногу, посмотрел вниз и увидел, что Рин пристраивает к его ноге свежий энергетический пакет.

«Зачем она делает это? — удивился он. Затем вспомнил. — О, да, укусы, яды.»

— Разве у нас не разовьется иммунитет после последней битвы? — спросил он и удивился, что голос его был способен только на шепот.

— Может быть, — сказала она. — Если они не кусали нас каким-то новым ядом.

— Я думаю, что у меня больше всех укусов, — сказал Чен-Лу. — Рин, ты плотно закрыла люк?

— Да.

— Я распылял вручную под креслами и приборной доской. — Чен-Лу просунул руку под руку Хуана. — Давай пойдем, Джонни. На свое место, да-а?

— Да, — Хуан качнулся вперед, опустился в кресло. У него было такое ощущение, что голова его держится на слабой резине.

— Мы в течении? — выдохнул он.

— Похоже на то, — сказал Чен-Лу.

Хуан сидел там, отдуваясь. Он ощущал свой энергетический пакет, как будто целая армия где-то далеко устремилась внутрь его организма, чтобы бороться с крайней степенью его истощения. Пот заливал все тело, но во рту было сухо и жарко. Ветровой щиток над ним был заляпан оранжевыми и черными струями и пенным раствором.

— Они все еще с нами, — сказал Чен-Лу. — Вдоль берега вон там и какая-то группа вверху.

Хуан взглянул вокруг себя. Рин возвратилась на свое место. Она сидела на сиденье, а на коленях лежало ружье-распылитель, голова была откинута назад, глаза закрыты. Чен-Лу встал на колени на ящик и осматривал левый берег.

Хуану казалось, что внутри кабина заполнена серо-зелеными тенями. Мозг говорил ему, что здесь должны присутствовать другие цвета, но он видел только серо-зеленый — даже такой казалась ему кожа Чен-Лу... и Рин.

— Что-то... не так с цветом, — прошептал он.

— Цветовые заблуждения, — сказал Чен-Лу. — У меня это был один из симптомов.

Хуан выглянул в чистый кусок в правом окне, увидел сквозь деревья разбросанные вершины гор и серо-зеленое солнце, низко висящее над ними.

— Закрой глаза, откинься назад и расслабься, — сказала Рин.

Хуан откинул голову на спинку сиденья, увидел, что она отложила в сторону ружье и склонилась над ним. Она начала массировать его лоб.

Она заговорила с Чен-Лу: — У него горячая кожа.

Хуан закрыл глаза. Он ощутил такие мирные и прохладные ее руки. Чернота полной усталости заволокла все вокруг него... и только где-то далеко на правой ноге он чувствовал ритмичную пульсацию: энергетический пакет.

— Постарайся уснуть, — зашептала Рин.

— Как ты себя чувствуешь, Рин? — спросил Чен-Лу.

— Я приложила пакет себе к ноге во время первой передышки, — сказала она. — Я думаю, что это частицы АКТХ — кажется, они дают немедленное облегчение, если тебя не слишком сильно покусали.

— А Джонни получил от наших друзей намного больше, чем мы!

— Там снаружи? Конечно.

Звуки речи расплывались где-то далеко от Хуана, но значение проникало к нему с необыкновенной ясностью, он, казалось, был зачарован полутонами голосов. Голос Чен-Лу был полон скрытости. В голосе Рин слышался скрытый страх и истинная забота о нем.

Рин последний раз ласково провела рукой по его лбу, опустилась снова в свое кресло. Она отбросила назад волосы, заглянула на запад. Там движение, да: белое порхание, а существа были крупнее. Она перевела взор вверх. Высокий хоровод облаков висел на расстоянии над деревьями. Солнечный свет пробивался через них, а пока она смотрела на них, облака стали волнами такими красными, как кровь.

Она отвела взор и посмотрела вниз на течение.

Течение несло кабину по дугообразному повороту, и они дрейфовали почти прямо на север в расширяющемся русле. Вдоль восточного берега вода текла с оттенками серебра, металлическая и отсвечивающая.

Глубокое воркование голубей звучало в джунглях с правого берега, но были ли это голуби... Рин посмотрела вокруг себя, почувствовала приглушенную тишину.

Солнце нырнуло за отдаленные вершины, и ночной патруль летучих мышей промелькнул над головой, то взмахивая крыльями, то паря. Звуки вечерних птиц поднялись и стихли, и их заменили ночные звуки — отдаленное кашляющее рычание ягуара, шелесты и шепоты, близкие всплески.

И снова приглушенная тишина.

«Что-то есть там, чего все в джунглях боятся,»- подумала Рин.

Янтарная луна начала подниматься над ними. Машина дрейфовала вниз по лунной дорожке, как огромный летающий дракон, посаженный на воду. Сквозь бледный свет в поле зрения промелькнул силуэт бабочки, она помахала филигранными призрачными крыльями на ветровом щитке кабины и улетела.

— Они ведут за нами тщательное наблюдение, — сказал Чен-Лу.

Хуан чувствовал, как из энергетического пакета струятся вверх теплотой кальций и ацетилхолин, частицы АКТХ. Но чувство дремоты не проходило, ощущение того, что в нем сразу было много лиц. Он открыл глаза, взглянул на смутное очертание залитых лунным светом гор. Он понял, что видит все это наяву, но часть его чувствовала, как будто она прилепилась к потолочной ткани кабины позади балдахина и действительно сидела там спорбившись. А луна была тоже инопланетной луной, такой, какую ему никогда не приходилось раньше видеть, ее круг освещенной земли был слишком велик, ее дыневидный изгиб отражения солнца слишком ярким. Это была искусственная на нарисованном фоне, и она заставила его чувствовать себя маленьким, уносящимся прочь к крошечной искре, затерянной в бесконечной вселенной.

Он плотно зажмурил глаза, внушая себе: «Я не должен так думать, иначе я сойду с ума! О Боже! Что происходит со мной?»

Хуан физически ощущал давление тишины. Он напрягся, чтобы услышать хоть крохотные звуки — контролируемое дыхание Рин, покашливание Чен-Лу.

«Добро и зло — это противоположности, придуманные человеком. Существует только честь.» — Хуан услышал мысль, как слова, отдающиеся эхом в мозгу, и узнал эти слова. Это были слова отца... его отца, сейчас мертвого и ставшего сымитированной фигурой, чтобы посещать его, стоя на берегу реки.

«Люди бросают якорь жизни на станции между добром и злом.»

— Ты знаешь, Рин, это космическая река, — сказал Чен-Лу. — Все во вселенной течет, как эта река. Все постоянно

изменяется, переходя из одной формы в другую. Диалектика. Этого не может изменить никто, и ничто не может остановить это. Все постоянно изменяется, ничто не может быть прежним дважды.

— Ой, заткнитесь, — пробормотала Рин.

— Вы, западные женщины, — сказал Чен-Лу. — Вы не понимаете диалектической реальности.

— Скажите это жукам, — сказала она.

— Как богата эта земля, — пробормотал Чен-Лу. — Как чрезвычайно богата. Имеете ли вы хоть малейшее представление о том, сколько людей моей страны она могла бы прокормить. Люди при малейшем изменении — расчистка, террасы... В Китае мы научились, заставлять такую землю кормить миллионы людей.

Рин села прямо, повернулась к заднему сиденью и уставилась на Чен-Лу. — Ну, и как же?

— Эти тупые бразильцы, они никогда не знали, как использовать эту землю. Но мой народ...

— Понятно. Ваши люди приходят сюда и показывают им, как это делается?

— Есть такая возможность, — сказал Чен-Лу и подумал про себя: «Перевари это немного, моя дорогая Рин. Когда ты узнаешь, как велика награда, ты поймешь, какую цену можно было бы заплатить.»

— Ну, а как насчет бразильцев — многих миллионов — которые ютятся в перенаселенных городах и фермерских участках Плана переселения, пока происходит экологическая переориентация?

— Они привыкают к их теперешним условиям.

— Они могут терпеть это, потому что надеются на что-то лучшее.

— Ах, нет, моя дорогая Рин, ты не умеешь хорошо разбираться в людях. Правительства могут манипулировать людьми, чтобы достичь чего угодно, что они сочтут необходимым.

— А как насчет насекомых? — спросила она. — Как же быть с Великим крестовым походом?

Чен-Лу пожал плечами.

— Мы жили с ними тысячи лет... прежде.

— А мутации нового вида?

— Да, создания ваших друзей пограничников — те, которых, мы, вероятно, очень вероятно, должны будем уничтожить.

— Я не уверена, что пограничники создали этих... существ там, — сказала она. — Я уверена, что Хуан не имеет с этими ничего общего.

— Ах, даже так... а кто же?

— Вероятно, те же самые люди, которые не хотят признать поражение великого Крестового похода!

Чен-Лу подавил гнев и сказал: — Я говорю тебе, что это неправда.

Она посмотрела на Хуана, так глубоко дышащего, очевидно крепко спящего. Возможно ли это? Нет!

Чен-Лу сидел, откинувшись назад, и думал: «Пусть она поразмышляет над этими вещами. Мне нужно только ее сомнение, и тогда она будет служить мне самым полезным образом, мое прекрасное маленькое орудие. А Джонни Мартиньо, какой прекрасный козел отпущения, получивший образование в Северной Америке, беспринципное орудие империалистов! Человек без стыда, который занимается любовью с одной из моих людей прямо передо мной. Его парни поверят, что такой человек способен на все!»

Тихая улыбка тронула губы Чен-Лу.

Рин, смотрящая в заднюю часть кабины, видела лишь смутно угловатые черты шефа МЭО. «Он сильный, — думала она. — А я так устала.»

Она опустила голову на колени Хуана, как ребенок, ждущий ласки, спрятала руку за его спину. Тело его горело, как в лихорадке. Ее рука на его спине нащупала выпуклый металлический предмет в куртке Хуана. Она провела пальцами по его очертаниям, узнала ружье... нет, оружие для ладони.

Рин убрала руку и села. Почему он носит оружие, которое скрывает от нас?

Хуан продолжал дышать глубоко, как в забытии. Слова Чен-Лу кричали в уме, предупреждая его, призывая к действию. Но вмешалось опасение.

Рин пристально смотрела вниз по течению, размышляя... сомневаясь. Кабина плыла в дорожке лунного света. Холодные вспышки, как светляки танцевали в темноте леса с обеих сторон.

Хуан, вспоминая слова Чен-Лу, думал: «Все во вселенной течет, как река. Почему меня мучают сомнения? Я мог бы

повернуться и убить этого ублюдка, или заставить сказать его правду о себе. Какую роль играет во всем этом Рин? Голос ее в разговоре с ним выражал гнев. Все во вселенной течет, как река.»

Взгляд во внутрь самого себя давался Хуану с трудом, вызывая страшную внутреннюю дрожь, которая двигалась по направлению к страху. «Те существа там за бортом, — думал он, — время на их стороне. Моя жизнь, как река. Я плыву — моменты, воспоминания... ничего вечного, никаких абсолютных истин.»

Он почувствовал озноб, головокружение, и в сознание его вошли удары собственного сердца. Он застонал, как будто просыпаясь, и сел.

Рин коснулась его руки. — Как ты себя чувствуешь? — В ее голосе была забота или что-то другое, чего Хуан не мог узнать. Отчуждение? Стыд?

— Мне... так тепло, — прошептал он.

— Воды, — сказала она и подняла бачок к его губам.

Вода была прохладная, хотя Хуан знал, что она должна быть теплой. Часть ее побежала по подбородку, и тогда он понял, как слаб, несмотря на энергетический пакет. Усилие проглотить воду потребовало от него ужасающих затрат энергии.

«Я болен, — думал он. — Я действительно болен... очень болен.»

Он откинул голову на спинку сиденья, пристально посмотрел через прозрачную полосу балдахина. В сознание его проникли звезды — резкие пучки света, которые выступали через пронсящиеся облака. Движение кабины, вызванное резким порывом ветра, послало звезды и облака в край угла обзора Хуана. Это ощущение вызвало чувство тошноты, он опустил взгляд и увидел мерцающие огни на правом берегу.

— Трэвис, — прошептал он.

— А-а? — И Чен-Лу хотелось узнать, как долго Хуан уже не спит. Неужели я был одурачен его дыханием? Не сказал ли я много лишнего?

— Огни, — сказал Хуан. — Вон там... огни.

— А-а, там. Они уже идут за нами довольно долго. Наши друзья там идут по нашему следу.

— Какая здесь ширина реки? — спросила Рин.

— Метров сто, или около этого, — ответил Чен-Лу.

— Как они видят нас?

— А почему бы им не видеть при такой луне?

— Не следует ли дать по ним залп, просто чтобы...

— Береги боеприпасы, — сказал Чен-Лу. — После такой заварушки, как сегодня... ну, нам не выдержать еще одну такую.

— Я что-то слышу, — сказала Рин. — Это опять стремнина?

Хуан рывком сел. Усилие, которое потребовало от него это движение, устрало его. «В таком состоянии я не смог бы справиться с машиной, — думал он. — И сомнительно, что Рин или Трэвис знают, как ею управлять.»

Он стал улавливать шипящий звук.

— Что это? — спросил Чен-Лу.

Хуан вздохнул и опустился назад. — Отмели, что-то в реке. Вот тут, влево. — Звук стал громче: ритмичные удары воды о вытянутую плоскость... и пропадал за ними.

— Что бы случилось, если бы правое крыло ударилось о что-то подобное? — спросила Рин.

— Конец турне, — сказал Хуан.

Завихрение повернуло кабину, начало качать ее взад и вперед — медленным, настойчивым движением маятника — кругом, назад, кругом... Движение шло по зыби, и толчки маятника прекратились.

Проходящие в темноте джунгли, огни, клонили Хуана в дремоту. Он знал, что не сможет оставаться в бодрствующем состоянии, если жизнь его зависит от этого.

— Сегодня ночью вахту буду держать я, — сказала Рин.

— Вахту и ничего более, — сказал Чен-Лу.

— Что вы хотите этим сказать?

— Просто то, чтобы ты не спала, моя дорогая Рин.

— Идите к черту, — сказала она.

— Ты опять забыла: я не верю в черта.

Хуан проснулся от звука дождя и темноты, которая медленно вползала в серый рассвет. Свет усилился, и он смог различать стальные полосы дождя, выделяющиеся на фоне бледно-зеленых джунглей слева от него. Другой берег был отдаленной серой массой. Это был дождь монотонной ярости, который дробью обрушивался на балдахин и устилал реку бесчисленными крошечными кратерами.

— Ты проснулся? — спросила Рин.

Хуан сел, нашел, что чувствует себя освеженным, в голове его стоит удивительная ясность. — Сколько продолжается этот дождь?

— Примерно с полчаса.

Чен-Лу кашлянул, наклонился вперед близко к Хуану. — Я уже на протяжении нескольких часов не вижу признаков наших друзей. Может ли быть так, что им не по вкусу дождь, подобный этому.

— Мне не нравится этот дождь, — сказал Хуан.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Рин.

— Река собирается превратиться в ревуший ад.

Хуан взглянул вверх на тучи налево. Они низко тянулись над деревьями. — Если вообще когда-либо и появятся поисковые группы, в таком аду они наверняка не смогут увидеть нас.

Рин облизала языком губы. Неожиданно она почувствовала эмоциональную пустоту, и тогда она поняла, как сильно надеялась на то, что их найдут. — Как долго еще будет лить этот дождь? — спросила она.

— Четыре или пять месяцев, — сказал Хуан.

Завихрение повернуло машину. Береговые линии промелькнули перед взором Хуана: зелень, заглушенная до пастели потоком дождя. — Кто-нибудь был снаружи?

— Я был, — сказал Чен-Лу.

Хуан повернулся и увидел темные мокрые пятна на одежде шефа МЭО.

— Там ничего, кроме дождя, — сказал Чен-Лу.

Правая нога Хуана стала затекать. Он потянулся вниз и увидел, что энергетический пакет исчез.

— Ночью у тебя начались мышечные спазмы, — сказала Рин. — Я сняла его.

— Я действительно, наверно, поспал. — Он коснулся ее руки. — Спасибо, няня.

Она убрала руку.

Хуан взглянул удивленно, но она повернулась и смотрела в окно.

— Я... собираюсь выйти, — сказал Хуан.

— Ты чувствуешь достаточно сил? — спросила она. — Ты был довольно слаб.

— Я в порядке.

Он встал и направился к люку, а оттуда на понтон. Теплый дождь освежал лицо. Он стоял на краю крыла, наслаждаясь свежестью.

В кабине Чен-Лу сказал: — Почему бы тебе не выйти и не поддержать его за руку, Рин?

— Вы отъявленная мразь, Трэвис, — сказала она.

— Ты его любишь немного?

Она гневно повернулась к нему. — Что вы от меня хотите?

— Сотрудничества, дорогая.

— В чем?

— Как бы ты посмотрела на то, чтобы стать владелицей шахты изумрудов? Или, может быть, алмазов? Большее богатство, чем тебе когда-либо приходилось вообразить.

— Плата за что?

— Когда наступит момент, Рин, ты будешь знать, что делать, а тем временем сделай этого пограничника послушным и податливым, как воск.

Она молча снесла взрыв злости и резко отвернулась. А про себя подумала: «Наши тела выдают нас. Вот такие Чен-Лу мира приходят, нажимают на кнопки, сгибают и скручивают нас... Я не буду делать этого! Я не буду! Этот Хуан Мартиньо прекрасный парень. Но зачем он носит в кармане оружие?»

«Я бы мог убить ее сейчас, а Джонни столкнуть с крыла, — подумал Чен-Лу. — Но этим судном так трудно управлять... у меня нет опыта в таких делах.»

Рин обратила на него смягченный взгляд.

«Может быть она одумалась, — подумал Чен-Лу. — Я, конечно, знаю ее слабости — но я должен быть уверен.»

Хуан вернулся и сел на место. Он принес с собой свежий запах сырости в кабину, но запах плесени оставался и становился сильнее.

По мере того, как утро вступало в свои права, дождь ослаб. Теплое таинственное чувство проникло в воздух кабины. Серые, тяжелые тучи поднялись вверх и очистили вершины гор над рекой, а на каждом отдельном видимом дереве висела кисея из дождевых капель.

Машина подпрыгивала и кружилась в быстром грязно-коричневом потоке, сопровождаемая все большим количеством плывущих предметов — деревьев, кустов, островков из корней размером с кабину, целые заросли травы и камышей.

Хуан задремал, думая об изменчивом настроении Рин. В их мире случайного союза он знал, что должен был просто

должен был пожать плечами и сделать какое-нибудь умное замечание. Но он не чувствовал свое отношение к Рин случайным и не мог бы быть остроумным. Она затронула в нем какую-то струну, что никогда раньше не давали его прежние плотские удовольствия.

«Любовь?» — удивлялся он.

Но мир их забыл понятие романтической любви. В нем были только семья и честь, и только они были важны, все остальное имело значение лишь постольку, поскольку спасали существование этих понятий.

Как поступить в данной ситуации, у него не было никакого четкого представления. Хуан знал только, что его затягивают и подталкивают извне, что физическая слабость способствовала разбросанности мыслей... а кроме того, вся ситуация казалась безнадежной.

«Я болен, — думал он. — Весь мир болен.»

И не только в этом вопросе.

Жужжащий звук наполнил слух Хуана. Он резко вскочил и сразу проснулся.

— Что-нибудь случилось? — спросила Рин.

— Тише, — Он поднял руку вверх, призывая ее к тишине, и склонил ухо в ту сторону.

Чен-Лу наклонился вперед над сиденьем Хуана. — Грузовик?

— Да, хвала Всевышнему! — сказал Хуан. — И он низко. — Он взглянул на небо вокруг них, начал отпускать балдахин, но его остановил Чен-Лу, который положил ладонь на руку Хуана.

— Джонни, посмотри туда, — сказал Чен-Лу. Он указал налево.

Хуан повернулся.

С берега шло нечто, что сначала показалось странным облаком — широкое, плотное,двигающееся с целенаправленной откровенностью. Облако обратилось в массу порхающих белых, серых и золотых насекомых. Они шли примерно в пятидесяти метрах над кабиной, и вода потемнела от их тени.

Тень вырастала вокруг кабины и шла с такой же скоростью, оставляя живой заслон видимости их с любого участка неба.

Когда значение этого маневра дошло до сознания Хуана, он повернулся и посмотрел пристально на Чен-Лу. Лицо китаец, казалось, посерело от шока.

— Но это... это же преднамеренно, — прошептала Рин.

— Как это может быть? — спросил Чен-Лу. — Как это может быть?

И в тот же самый момент Чен-Лу увидел, как Хуан пристально изучает его, понимает его эмоции. Гнев на себя наполнил Чен-Лу. «Я не должен показывать страх этим дикарям!» — подумал он. Он заставил себя сесть, улыбнуться и покачал головой.

— Так натренировать насекомых, — сказал Чен-Лу. — Просто непостижимо... но кто-то, очевидно, сделал это. Мы видим доказательства.

— О, пожалуйста, Господи, — шептала Рин. — Пожалуйста.

— Да прекрати свою глупую болтовню, женщина, — сказал Чен-Лу. И уже когда он сказал это, то понял, что взял неверный тон с Рин, и попытался исправить впечатление: — Ты должна оставаться спокойной, Рин. Истерикой делу не поможешь.

Звук мотора стал слышнее.

— Ты уверен, что это грузовик? — спросила Рин. — Вероятно...

— Грузовик пограничников, — сказал Хуан. — Они построили его так, что моторы работают по очереди, чтобы экономить топливо. Слышите? Такой маневр применяют только пограничники.

— Могут они искать нас?

— Кто знает? Во всяком случае, они над облаками.

— И над нашими друзьями тоже, — сказал Чен-Лу.

Пульсирующий звук ракетных моторов раздавался над горами. Хуан поворачивал голову в сторону звука. Он стал слабее, уходил вверх по течению, слился с бульканьем, свистом и падением воды.

— Разве они не спустятся, чтобы поискать нас? — умоляла Рин.

— Они никого не искали, — сказал Хуан. — Они просто перелетали с одного места на другое.

Рин посмотрела вверх на прикрывающее одеяло из насекомых. Отдельные насекомые сцепились одно с другим, и все облако из них казалось одним организмом.

— Мы бы могли сшибить их вниз, — сказала она. Она потянулась за ружьем-распылителем, но Хуан схватил ее за руку и остановил.

— Там еще пока тучи, — сказал он.

— А у наших друзей больше подкреплений, чем у нас рядов, — сказал Чен-Лу. — На это я могу держать пари.

— Но если бы там не было туч, — сказала она. — Разве эти тучи... никогда не уйдут?

— Они могут рассеяться днем, — сказал Хуан, и он старался говорить успокаивающим тоном. — В это время года это часто происходит.

— Они уходят! — сказала Рин. Она указывала на прикрытие из насекомых. — Посмотри! Они уходят.

Хуан взглянул вверх и увидел, что порхающая масса начинает двигаться назад к левому берегу. Тень сопровождала их, пока они не достигли деревьев и не затерялись из виду.

— Они ушли, — сказала Рин.

— Это только означает, что у нас нет больше грузовика, — сказал Хуан.

Рин закрыла лицо руками, стараясь заглушить раздражающие ее рыдания.

Хуан начал ласкать ее шею, успокаивая ее, но она стряхнула его руку.

А Чен-Лу подумал: «Ты должна привлекать его Рин, а не отталкивать.»

— Мы должны помнить, зачем мы здесь, — сказал Чен-Лу. — Мы должны помнить то, что мы должны делать.

Рин села прямо, опустила руки, глубоко вздохнула, так, что даже заболели мышцы груди.

— Мы должны всегда быть занятыми, — сказал Чен-Лу. — Может быть даже тривиальными вещами, если необходимо. Это способ преодолеть страх, скуку, гнев. Послушайте, я опишу вам оргию, которую однажды посетил в Камбодже. Нас было восемь, не считая женщин — бывший принц, министр культуры...

— Мы не хотим слушать о вашей чертовой оргии! — рявкнула Рин.

«Плоть, — думал Чен-Лу. — Она ничего не хочет слушать о том, что напоминает ей о ее собственной плоти. Наверняка, это ее слабость. Это хорошо, что я знаю об этом.»

— Итак, — сказал Чен-Лу. — Очень хорошо. Расскажи нам о прекрасной жизни в Дублине, моя дорогая Рин. Я люблю слушать о людях, которые торгуют женами, любовницами, ездят верхом и притворяются, что прошлое никогда не умирает.

— Вы действительно странный человек! — сказала Рин.

— Отлично! — сказал Чен-Лу. — Ты можешь ненавидеть меня, Рин. Я разрешаю это. Ненависть — это тоже занятие, которое отвлекает. Можно испытывать ненависть, но думать о богатстве и удовольствиях. Существуют времена, когда ненависть является более выгодным занятием, чем занятие любовью.

Хуан повернулся, изучая Чен-Лу, слушая его слова, видя, что человек четко контролирует выражение своего лица. Он использует слова, как оружие, думал Хуан. Он двигает людьми и подталкивает их своими словами. Неужели Рин не видит этого? Но, конечно, она не видит... потому что он использует ее для чего-то, запутывая ее. На мгновение Хуана осенило открытие, которое сильно поразило его.

— Ты наблюдаешь за мной, Джонни, — сказал Чен-Лу. — Ну, и что по-твоему ты видишь?

«В эту игру могут играть двое,» — думал Хуан. А вслух сказал:

— Я наблюдаю за человеком, занятым делом.

Чен-Лу пристально посмотрел на него. Это был не тот ответ, который он надеялся получить — слишком тонко проникающий в суть и оставляющий слишком много недосказанного. Он напомнил себе о том, что трудно контролировать непредсказуемых людей. Как только человек вкладывает свою энергию, им можно вертеть и направлять по желанию, но если человек уходит, сохраняет энергию.

— Ты думаешь, что понимаешь меня, Джонни? — спросил Чен-Лу.

— Нет, я не понимаю вас.

— Неужели? Я очень простой человек, меня не трудно понять, — сказал Чен-Лу.

— Это одно из самых сложных заявлений, которые когда-либо делал человек, — сказал Хуан.

— Ты издеваешься надо мной? — спросил Чен-Лу, вложив в эти слова взрыв негодования и гнева. Джонни вел себя совсем не в том духе, какой соответствовал его характеру.

— Как я могу издеваться, если я не понимаю? — спросил Хуан.

— Что-то нашло на тебя, — сказал Чен-Лу. — Что это? Ты ведешь себя самым странным образом.

— Сейчас мы понимаем друг друга, — сказал Хуан.

«Он подозревает меня, — думал Чен-Лу. — ОН подозревает МЕНЯ!» И спросил себя: «Должен ли я убить этого дурака?»

— Видите, как легко забыть о наших несчастьях и заняться чем-нибудь, — сказал Хуан.

Рин оглянулась назад на Чен-Лу и увидела, как улыбка заливает его лицо. «Он говорил в основном ради моего блага, — думала она. — Богатство и удовольствие — это цена. Но что я плачу? — Она посмотрела на Хуана. — Да. Я вручаю ему пограничника готовенького. Я отдаю ему Хуана, чтобы он мог использовать его, как ему заблагорассудится.»

Кабина плыла сейчас вперед задней частью вниз по реке, и Рин напряженно смотрела вверх по течению на горы, которые исчезли в плывущих тучах. «Почему меня так волнуют эти вопросы? — размышляла она. — Все равно у нас нет ни единого шанса выбраться отсюда. Есть только эти мгновения и возможность их использовать, которую мы можем получить.»

— Мы не опустили немного вниз с правой стороны? — спросил Хуан.

— Вероятно, немного, — сказал Чен-Лу. — Ты думаешь протекает твоя заплата?

— Может быть.

— У тебя есть среди инструментов насос?

— Мы можем использовать головку распылителя одного из наших ручных устройств, — сказал Хуан.

Мысли Рин были сейчас заняты оружием в кармане Хуана, и она сказала. — Хуан, не позволяй им, чтобы они поймали меня живой.

— О, начинается мелодрама, — сказал Чен-Лу.

— Оставьте ее в покое, — рявкнул Хуан. Он похлопал Рин по руке, осматривая вокруг и выглядывая из кабины во все стороны. — Почему они оставляют нас без сопровождения?

— Они нашли новое место, чтобы встретить нас, — сказала Рин.

— Зачем всегда видеть все в черном свете? — спросил Чен-Лу. — Чему быть, тому не миновать. Вероятно, им нужны наши головы, как аборигенам, которые когда-то жили здесь.

— Ваша помощь неоценима, — сказал Хуан. — Подайте мне головку распылителя одного из наших устройств.

— Момент, шеф, — сказал Чен-Лу с издевкой в голосе.

Хуан взял насос из металла и пластика, приставил его к заднему люку и вышел на крыло. Он остановился на мгновение там, изучая обстановку.

Ни одно из существ, которых он ждал, не наблюдало за ними.

Внизу по течению у излучены реки высоко над деревьями маячил осколок скалы — на расстоянии примерно пяти или шести километров.

«Застывшая лава, — подумал Хуан. — А река может пробиваться через такую скалу.»

Он наклонился над крылом, открыл пластину для осмотра и опробовал насос. Глухой всплеск слышался из внутренней части понтона. Он направил насос в сторону обследуемого отверстия, и нажал на ручку. Тонкая струя воды пошла по дуге в реку, отдавая запахом ядов из головки.

Завывающий крик тукана прозвучал из джунглей справа, и он слышал, как в кабине бормочет Чен-Лу.

«Что за разговор он ведет там, пока меня нет?» — размышлял Хуан.

Он поглядел вверх, и вовремя, чтобы увидеть, что поворот реки был шире, чем ожидалось. Течение несло сейчас кабину на выступ скалы. Этот факт не прибавил Хуану настроения. «Река может изгибаться на сотню километров здесь в этом сезоне и грузовик может вращаться в пределах километра от того места, где мы сейчас,» — думал он.

Вдруг резко прозвучал голос Рин, слова ее четко были слышны во влажном воздухе: — Сукин ты сын!

Чен-Лу ответил: — В моей стране родословная не имеет большого значения, Рин.

Насос высасывал воздух с мокрыми хрипами, этот звук заглушил ответ Рин. Хуан поставил на место пластину для обследования понтона и возвратился в кабину.

Рин сидела, положив голову на сложенные руки. На шее ее была краска гнева.

Хуан поставил насос в угол возле люка посмотрел на Чен-Лу.

— В крыле была вода, — сказал Чен-Лу, голос его был ровный. — Я слышал это.

«Да, могу поспорить на что угодно, что это так, — подумал Хуан. — В чем ваша игра д-р Трэвис Ханнингтон Чен-

Лу? Или это ради спортивного интереса? Вы злите людей ради своего удовольствия, или здесь кроется что-то другое?»

Хуан опустилсЯ в свое кресло.

Кабина плясала по ряби завихрений, повернулась и оказалась передней своей частью вниз по течению к столбу солнечного света, который пробился сквозь облака. В облаках медленно пробивались большие куски синего пространства.

— А вот и солнце, доброе старое солнце, — сказала Рин, — вот теперь, когда оно не нужно.

На нее нашло чувство необходимости в мужской защите, и она склонила голову на плечо Хуана. — Кажется, скоро будет жарища, — прошептала она.

— Если вы хотите побыть одни, я мог бы пойти на крыло? — съязвил Чен-Лу.

— Не обращай внимания на этого ублюдка, — сказал Рин.

«Разве я могу не обращать на него внимания? — размышлял Хуан. — Может в этом и есть ее цель — заставить меня не обращать на него внимания? Разве я могу?»

Волосы ее издавали запах мускуса, который готов был помутить разум Хуана. Он сделал глубокий вдох и потряс головой. Что происходит с этой женщиной... с этой бросающей вызов, демонической женщиной?

— У тебя ведь была масса девушек, не так ли? — спросила Рин.

Слова ее вызвали в памяти образы, которые промелькнули через мозг Хуана — карие глаза с далеким далеким лукавством: глаза, глаза, глаза... все одинаковые. И гибкие фигуры в облегающих корсажах или на белоснежных простынях... теплые в его руках.

— А есть какая-нибудь особая девушка? — спросила Рин.

А Чен-Лу удивился: «Зачем она делает это? Она что, ищет себе оправдания, причину обращаться с ним так, как я хочу, чтобы она обращалась с ним?»

— Я был очень занят, — сказал Хуан.

— Давай поспорим, что у тебя есть, — сказала она.

— Что ты имеешь в виду?

— Что там в Зеленой зоне у тебя есть девушка... спелая, как манго. Какая она?

Он пожал плечами, сдвинул ее голову, но она близко прильнула к нему, смотря вверх на подбородок, где не росла борода. «У него индейская кровь, — думала она. — Нет бороды: индейская кровь.»

— Она красивая? — продолжала настаивать Рин.

— Многие женщины красивы, — сказал он.

— Она наверняка горяча, темпераментна и с большим бюстом, могу поспорить, — сказала она. — Ты был с ней в постели?

А Хуан думал: «Что бы это могло означать? Что мы все представители богемы?»

— Джентльмен, — сказала Рин. — Он отказался отвечать.

Она поднялась вверх, села в свой угол, злая и удивленная, почему она поступила так. Что я устраиваю себе пытку? Я что, хочу получить себе этого Хуана Мартино, иметь и держать? К черту все это!

— Многие семьи здесь очень строги к своим женщинам, — сказал Чен-Лу. — Как в Викторианском веке.

— Неужели вы никогда не были человечным, Трэвис? — спросила Рин. — Даже хоть на денек, другой?

— Заткнись, — рявкнул Чен-Лу, и он сел, удивившись на эту вспышку. Ведьма! Как она довела меня до этого?

«Ах-ах, — думал Хуан, — она таки достала его.»

— С чего это вы вдруг озверели, Трэвис? — спросила Рин.

Но он уже контролировал себя, и единственное, что он сказал: — У тебя острый язычок, моя дорогая. Слишком плохо, что нельзя этого сказать о твоём уме.

— Вот это уже что-то новое для вас, Трэвис, — сказала она и улыбнулась Хуану.

Но Хуан слышал выкрики в их голосах и вспоминал Вигеро, падре, так торжественно говорящего: «Человек выкрикивает, если выражает протест против своей жизни, из-за одиночества и потому, что жизнь отламывается от того, что бы ни создало ее. Но независимо от того, на сколько глубоко ты ненавидишь жизнь, ты и любишь ее тоже. Она, как котелок, кипящий вместе со всем, что ты должен попробовать — но очень болезненный для пробы.»

Внезапно Хуан притянул Рин и поцеловал ее, прижимая к себе, зарывшись руками в ее спине. Губы ее ответили после кратчайшего колебания — теплые и податливые.

Наконец он оторвался, твердо посадил ее в кресло и откинулся на спинку своего кресла.

Когда Рин перевела дыхание, она сказала: — Ну, а это что?

— Во всех нас есть маленькое животное, — сказал Хуан.

«Он что, защищает меня? — спрашивал себя Чен-Лу, садясь прямо. — Мне не нужна защита от него в этом деле.»

Но Рин засмеялась, скрывая гнев и, дотянувшись до Хуана, ласково потрепала его по щеке.

— Разве это не так? — спросила она.

А Чен-Лу подумал: «Она только выполняет свою работу. Как красиво она работает. Какое артистическое дарование. Было бы просто жаль, если бы я ее убил.»

Глава 9

У них такой талант — заниматься нелогичностями, у этих человеческих существ, — думал Мозг. — Даже перед лицом ужасных испытаний они спорят, занимаются любовью и разбрасываются тривиальностями.»

Эстафеты посланников уходили и возвращались сквозь дождь и солнечный свет, которые чередовались в отверстиях пещеры. Сейчас, перед очередной командой, было небольшое колебание, главное решение уже сделано: «Поймать и убить трех человеческих существ в пропасти, сохранить живыми только их головы, если возможно.»

И все же сообщения продолжали поступать, потому что Мозг отдал приказ: «Сообщайте мне все, что они говорят.»

«Как много разговоров о Боге, — думал Мозг. — Возможно ли, что такое существо есть?»

Мозг отмечал, что хотя человеческие свершения и принимают вид возвышенного, но в основе их действий лежат тривиальности.

«Возможно ли, что такая тривиальность была лишь своего рода кодом? — размышлял Мозг. — Но как это может быть... если только это все не эмоциональность нелогичности... А этот разговор о Боге тогда и возникает на поверхности, когда логика не дает им никакого выхода.»

Мозг начинал свою карьеру с логики, как прагматичный атеист. Сейчас в его вычислениях стали вкрадываться сомнения, и он причислил их к эмоциям.

«Все же, они должны быть остановлены, — думал Мозг. — Независимо какой ценой, но они должны быть остановлены. Проблема слишком важная, я должен попытаться умиротвить их.»

Рин чувствовала, что они плывут в чаше горячего солнечного света, в центре которого находится изуродованная кабина грузовика. Кабина была влажным адом, давящим на нее. Чувство капающего пота и запах близости тел, все подавляющий запах плесени — все это давило на ее сознание. Ни одно животное не шелохнулось и не закричало на каждом берегу.

Только случайные насекомые, пересекающие их путь, напоминали ей о том, что стерегущие их в тени джунглей на чеку.

«Если бы не эти жуки, — думала она. — Чертовы жуки! И эта чертова жара!»

Внезапный порыв истерии охватил ее, и она крикнула: — Разве нельзя что-то сделать?

Она начала бешено хохотать.

Хуан схватил ее за плечи, стал трясти, пока смех не перешел в сухие рыдания.

— О, пожалуйста, пожалуйста, сделай что-нибудь, — умоляла она.

Хуан вытеснил всю жалость из своего тона, когда попытался успокоить ее: — Держись, Рин.

— Эти проклятые жуки! — сказала она.

Голос Чен-Лу дошел до нее с заднего сиденья кабины.

— Вы должны всегда помнить, д-р Келли, что вы энтомолог.

— А я и занимаюсь жуками, — сказала она. Это показалось ей таким забавным, что она опять начала смеяться. Однако резкое движение руки Хуана остановило ее. Она дотянулась, взяла его руки и сказала: — Со мной все в порядке, правда. Это все жара.

Хуан посмотрел ей в глаза.

— Ты уверена?

— Да.

Она отстранилась, села в свой угол и стала пристально смотреть в окно. Мелькающая береговая линия гипнотически притягивала ее взор: смутное движение. Это, как время — недавнее прошлое оно уходит совсем, нет точной отсчетной точки будущего — все одно, все таяло в одном скольжении, растягивающемся в вечность...

«Что же заставило меня выбрать эту карьеру?» — размышляла она.

В поисках ответа она перебрала в памяти все отчетливые вехи в полной последовательности событий, которые она сохранила с детства. Ей было в ту пору лет шесть, когда отец ее работал тогда на Американ Уэст и делал книгу о Иоагнисе Келпиусе. Жили они тогда в старом доме, и летучие муравьи свили гнездо на стене. Отец послал работника, чтобы выжечь это гнездо, а она нагнулась и стала следить. В воздухе стоял запах керосина, внезапная вспышка желтого пламени в солнечный свет, черный дым и облако вьющихся насекомых с бледными янтарными крыльями, окружившими ее в своем бешеном смятении.

Она с криками убежала в дом, а крылатые создания ползали по ней и прижимались к ней. А в доме гнев взрослых, ее засунули в ванну, а голос командовал: «Счищай с себя этих жуков! Сама мысль принести их в дом непростительна. Проследи, чтобы ни одного из них не осталось на полу. Убей их и спусти в унитаз.»

Некоторое время, которое ей показалось вечностью, она кричала, молотила в дверь руками и ногами. — Они не умрут! Они не умрут!

Рин тряхнула головой, чтобы отбросить воспоминания.

— Они не умрут, — прошептала она.

— Что? — спросил Хуан.

— Ничего, — сказала она. — Сколько сейчас времени?

— Скоро стемнеет.

Она продолжала наблюдать за берегом... огромные папоротники и капустные пальмы, и наступающая вода уже начала окружать их стволы. Но река была широкая, и ее центральное течение было все еще быстрым. В дробящемся солнечном свете за деревьями, ей показалось, она заметила порхающие движения цвета.

«Наверно, птицы,» — с надеждой подумала она.

Кто бы они ни были, эти существа двигались так быстро, что она почувствовала, что увидела их только тогда, когда они уже исчезли.

Тяжелые низкие тучи начали заполнять восточный горизонт. В них чувствовалась глубина, вес и чернота. Под ними бесшумно засверкали молнии. Через значительный перерыв пришел гром: низкие, гудящие удары молота.

Над рекой и над джунглями повисло тяжелое ожидание. Вокруг кабины как извивающиеся змеи закрутилось течение грязно-коричневое, густое бурлящее движение, которое не-

ло стремительно плывущие предметы: толчок и поворот... толчок, изгиб и поворот.

«Это ожидание,» — думала Рин.

По щекам ее струились слезы, и она вытирала их.

— Что-нибудь случилось, моя дорогая? — спросил Чен-Лу.

Она хотела засмеяться, но знала, что смех снова приведет к истерике.

— Если ты не банальный сукин сын, — сказала она. — Что еще может случиться?

— О-о, у нас все еще воинственный дух, — сказал Чен-Лу.

Светящаяся серая темнота, тень облака накрыла кабину. сравнила все контрасты.

Хуан следил за поднимающимся от дождя уровнем воды в реке, швыряемой в его сторону порывами ветра. Снова за-сверкали молнии. Раскат грома пришел быстрее и громче. Этот звук заглушил завывание группы обезьян на левом берегу. Крики их неслись течением реки.

Темнота плотно заволокла реку. Резко и ненадолго тучи на западе расходились и открывали небо, как сверкающую бирюзу, которая медленно переходила в желтое и затем темно-красное вино, красное, как мантия епископа. Река казалась черной и маслянистой. Тучи закрывали закат, и еще не раз огненные всполохи молний разрывали тьму.

Дождь начал свою бесконечную работу, выстукивая дробь по балдахину, размывая береговую линию в глухую серую пелену. На сцену выступила ночь.

— О, Боже, как я боюсь, — прошептала Рин. — О, Боже, как я боюсь! О, Боже, как я боюсь!

Хуан понимал, что не может найти слов, чтобы успокоить ее. Их мир, и все, что он требовал от них, не умещался в словах, все превратилось в течение, неотделимое от самой реки.

Выводок лягушек выплыл из ночи, и они слышали, как вода льется через камыши. Через закрытое тучами небо не мог пробиться даже слабый отблеск луны. Лягушки и шуршанье камыша исчезли. Кабина и трое в ней остались в мире дробного перестука дождя, подвешенные над слабым течением реки и окруженные плывущими в ней предметами.

— Очень странное чувство, когда за тобой охотятся, — прошептал Чен-Лу.

Слова упали на Хуана, как будто шли от бестелесного источника. Он попытался вспомнить внешность Чен-Лу, и был удивлен, что память не выдала никакого облика. Он искал подходящие слова для ответа, но все, что он смог найти, было:

— Мы еще не умерли.

«Спасибо, Джонни, — думал Чен-Лу. — Мне нужны были от тебя такие глупые слова, чтобы они вписывались в перспективу.» Про себя он тихонько захихикал и подумал: «Страх — это наказание сознания. В страхе нет слабости... только в выявлении ее. Добро, зло, — все это зависит от того, как на это посмотреть. Приплетая сюда бога или без него.»

— Я думаю, нам надо встать на якорь, — сказала Рин. — Что если мы ночью попадем в стремнину раньше, чем услышим ее? Что можно услышать в такой дождь?

— Она права, — сказал Чен-Лу.

— Вы хотите выйти и опустить якорь, Трэвис? — спросил Хуан.

«В страхе нет слабости, только в проявлении ее,» — думал Чен-Лу. Он представил себе, что могло быть там снаружи. Что может ждать в темноте — может быть одно из тех созданий, которых они видели на берегу. Чен-Лу понимал, что каждая секунда промедления ответа, выдает его.

— Я думаю, — сказал Хуан, — что опаснее открывать люк ночью, чем дрейфовать... и слушать.

— Но у нас есть еще бортовые огни, — сказал Чен-Лу. — Ну, на тот случай, если мы услышим что-то. — Даже произнося эти слова, он понимал, насколько они слабы и пусты.

Чен-Лу почувствовал, как горячий поток поднимается в венах, гнев, как серия одиночных взрывов. И все же там снаружи таилась неизвестность, обманчивая тишина, полная яркого бешеного сияния, воспоминания о котором оставались даже в кромешной темноте.

«Страх отметаёт прочь все притворства, — думал Чен-Лу. — Я был бесчестен с собой.»

Это было так, как будто эта мысль неожиданно появилась из-за угла, чтобы поставить перед ним отражение в зеркале. Внезапно разбуженная ясность воспоминаний промелькнула в мозгу, пока он не почувствовал, что все его прошлое танцует и извивается, как скатывающийся рулон ткани — реальность и иллюзии одной и той же материи.

Это ощущение прошло, оставляя в сознании внутреннюю дрожь воспоминаний, чувство ужасной потери.

«У меня запоздалая реакция на укус насекомых,» — подумал он.

— Оскар Уальд был ослом с претензиями, — сказала Рин. — Любое число жизней равноценно любому числу смертей. Храбрость не имеет с этим ничего общего.

«Даже Рин защищает меня,» — думал Чен-Лу.

Эта мысль вызвала в нем ярость.

— Вы, боящиеся бога дураки, — огрызнулся он. — Вы только и знаете повторять: «Ты во всем сущем, Бог!» Без человека не было бы бога! Бог не знал бы, существует ли он, если бы не человек! И если был когда-то бог, то эта вселенная — его ошибка!

Чен-Лу погрузился в молчание, удивляясь, что он пыхтит, как после величайшего физического напряжения.

Порыв дождя забарабанил по балдахину, как будто это был небесный ответ, а затем растворился в сером бормотании.

— Ну, хорошо, теперь послушаем атеиста, — сказала Рин.

Хуан вглядывался в темноту, откуда родился этот голос. неожиданно разозлился на нее, чувствуя стыд в ее словах. Взрыв Чен-Лу был равносителен тому, что увидеть этого человека голым и беззащитным. Мимо этого не стоило проходить, необходимо было хотя как-то прокомментировать это. Хуан чувствовал, что слова Рин служат только тому, чтобы загнать Чен-Лу в угол.

Эта мысль заставила его вспомнить одну из сцен своей жизни в Северной Америке, каникулы, которые он проводил вместе со своим одноклассником в восточном Орегоне. Он охотился на перепела вдоль линии забора, когда двое из его хозяев спустили с цепи гончих, чтобы устроить погоню за проклятым койотом. Койот увидел охотника и свернул влево, чтобы попасть в ловушку в углу изгороди.

В этом углу койот, символ трусости, разметал и разорвал двух собак в кровавые куски. Собаки бежали от него, поджав хвосты. Хуан испугался и позволил койоту убежать.

Помня эту сцену, Хуан ощутил, что отождествил ее с проблемой Чен-Лу. Что-то или кто-то загнал его в этот угол.

— Я собираюсь поспать сейчас, — сказал китаец. — Разбудите меня в полночь. И пожалуйста — не отвлекайтесь настолько, чтобы ничего вокруг не видеть.

«Ну и черт с тобой,» — подумала Рин. И она, не скрывая, потянулась через сиденье прямо в руки Хуана.

— Мы должны оставить часть наших сил ниже стремнины, — скомандовал Мозг, — в случае, если человеческие существа прорвутся через сеть, как они сделали это в прошлый раз. На этот раз они не должны ускользнуть. — И мозг добавил здесь символ страшной угрозы перенаселенного улья, чтобы привести посланцев и группы действия в величайшую степень ожесточенного внимания.

— Дайте тщательные инструкции маленьким смертоносцам, — приказал Мозг. — Если машина преодолет сеть и пройдет быстрины целой, все три человеческих существа должны быть убиты.

Золотокрылые посланцы станцевали свое подтверждение на потолке, вылетели из пещеры в сумерки туда, где скоро будет ночь.

Эти три человеческие существа были интересны и даже информативны, думал Мозг, но сейчас этому должен быть положен конец. У нас, в конце концов, есть другие человеческие существа... и эмоции не должны заслонять логической необходимости.

Но эти мысли только вызвали вновь познанные эмоции Мозга и заставили обслуживающих насекомых засуетиться, чтобы выполнить необычные приказы своего подопечного.

Вскоре Мозг отложил в сторону проблему трех человеческих существ на реке и начал беспокоиться о судьбе имитированных созданий где-то за пределами барьера.

Человеческое радио не приносило известий о том, что эти имитированные существа обнаружены... но это еще ни о чем не говорило. Такие сообщения могут быть просто не переданы гласности. Если их только не встретили и не предупредили им подобные (а это скоро будет), тогда выйдут эти имитированные фигуры. Опасность была велика, а времени мало.

Волнение Мозга побудило его службу решиться на шаг, который они редко предпринимали. Были вынуты и применены наркотики. Мозг впал в летаргический полусон, где во сне он перевоплощался в существо, подобное человеческим, и шел по следу с ружьем в руках.

Даже во сне Мозг беспокоился, чтобы дичь не ушла от него. А в сон уже не могли проникнуть и повлиять на него обслуживающие насекомые. Беспокойство продолжалось.

Хуан проснулся на рассвете и увидел, что река клокочет под беспокойной завесой тумана. Он чувствовал напряжение и спазмы, мысли его путались лихорадочным ощущением, таким же густым, как туман на реке. Небо было цвета платины.

Впереди, искаженный дымкой тумана, как привидение, маячил остров. Течение сдвинуло кабину вправо мимо стоящих торчком сваленных в кучу бревен и остатков кустов, травы, которые гнбали поток и вносили дополнительные колебания в течение.

Кабина явно наклонилась вправо. Он знал, что у него есть силы на эту работу, но он никак не мог найти сил, приняться за дело.

В мысли его вклинился голос Рин: — Когда этот дождь прекратился?

Чен-Лу ответил сзади: — Как раз перед рассветом.

Он начал кашлять, а затем сказал: — Все еще нет признаков наших друзей.

— Мы очень оседаем вправо, — сказала Рин.

— Я только что хотел об этом сказать, — сказал Чен-Лу. — Джонни, я полагаю, что вставлю головку распылителя с трубкой в крыло и поработаю?

Хуан проглотил комок и удивился, что испытывает такую благодарность Чен-Лу за добровольную готовность выполнить эту работу.

— Джонни?

— Да... это все, что вам предстоит, — сказал Хуан, — отверстие наблюдения в крыше имеет простой застегивающийся запор.

Хуан снова лег, закрыл глаза. Он слышал, как Чен-Лу пошел к люку.

Рин посмотрела на Хуана, заметив, что он выглядит усталым. Закрытые глаза его представляли смертельные мешки под глазами, обрамленными кругом тени.

«Мой последний любовник», — думала она. — «Смерть».

Эта мысль смутила ее, и она удивлялась, что в это утро не испытывает теплого чувства к этому человеку, который доводил ее до экстаза ночью. Ее охватила печаль кончины,

а теперь казалось, что Хуан лишь еще одна деталь сознания, которая коснулась ее случайно и замерла на миг, чтобы озарить ее своим взрывным сиянием.

В этой мысли не было даже любви.

И ненависти тоже.

Чувства ее сейчас были почти лишены секса, как, впрочем, всегда. Ночная интимность была взаимной, но утро ограничило ее, сводя на что-то лишенное особого вкуса.

Она отвернулась, посмотрела вниз по течению.

Дымка тумана таяла. Сквозь нее она увидела горную поверхность застывшей лавы, вероятно, в километрах двух от них. Трудно было определить расстояние, но она возвышалась над джунглями, как корабль с привидениями.

Она услышала всасывающийся в насос воздух и заметила, как кабина возвращается в почти ровное положение.

Вскоре вернулся Чен-Лу. Он принес поток холодной сырости, который прекратился, когда он закрыл люк.

— Там довольно холодно, — сказал он. — Какая высота там на альтиметре, Джонни?

Хуан приподнялся и посмотрел на приборную доску:

— Шестьсот восемь метров.

— Как далеко по твоему мы ушли?

Хуан пожал плечами, не отвечая.

— Наверное будет километров сто пятьдесят? — спросил Чен-Лу.

Хуан посмотрел на затопленные берега, проносящиеся мимо, на вырванные корни, переплетенные течением.

— Вероятно.

«Вероятно», — думал Чен-Лу. Он удивился, почему чувствует такой прилив сил. Он был по настоящему голоден. Он порывлся, вытащил рационные пакеты, раздал всем и затем с волчьей жадностью стал есть.

По ветровому стеклу хлестнула стена дождя. Кабина повернулась и нырнула. Еще один порыв ветра сотряс их. Кабина метнулась по поперечной линии, захлестывающих волн. Ветер уменьшался, но дождь лил стеной, которая застилала весь вид проходящих берегов. Ветер совершенно стих, но дождь еще шел, капли его были такими плотными, что казалось, он пляшет по горизонтали.

Хуан пристально смотрел на звездную гранитную стену, которая проходила мимо, как на фоне сюрреалистической картины. Казалось, что ширина реки в этом месте, по край-

ней мере, километр, поверхность ее была грязного коричневого цвета, бурная, катящая в своем течении островки деревьев, дрейфующие бревна, плавающие растительные острова.

Внезапно кабина накренилась. Что-то ударило и заскрипело над понтоном, Хуан затаил дыхание, со страхом ожидая, что заплата оторвется течением.

— Отмели? — спросил Чен-Лу.

Из воды слева на реке поднялась коряга, покатилась и нырнула, как живое существо.

Рин прошептала: — Крыло...

— Кажется, еще держит, — сказал Хуан.

Зеленый жук нырнул вниз над корягой, приземлился на крыло, выпустил на них антенны и удалился.

— Что бы ни происходило у нас, все их интересует, — сказал Чен-Лу.

Рин сказала: — Эта коряга — ты не думаешь...

— Я готов верить всему, — сказал Чен-Лу.

Рин закрыла глаза и прошептала: — Я ненавижу их!

Дождь ослабел, падал отдельными каплями, которые виднелись на реке или барабанили по балдахину. Рин открыла глаза и увидела бледные полосы голубых просветов в тучах.

— Проясняется? — спросила она.

— Какая разница? — спросил Чен-Лу.

Хуан внимательно осматривал примятую дождем траву, которая показалась слева от них. Трава доходила до маслянисто-зеленой стены джунглей, метрах в двухстах от саванны.

Когда он смотрел туда, из джунглей появилась фигура, помахала, поклонилась и замерла, пока они не ушли из виду.

— Что это? — спросила Рин, и в голосе ее почувствовалась истерика.

Расстояние было слишком большим, чтобы сказать наверняка, но Хуану показалось, что это была имитация падре.

— Виеро? — прошептал он.

— Я думаю оно имело эту внешность, — сказал Чен-Лу.

— Вы не полагаете...

— Я ничего не полагаю!

«Ах, — подумал Чен-Лу. — Пограничник начинает ломаться».

— Я что-то слышу, — сказала Рин, — похоже на стремнину.

Хуан выпрямился, прислушался. До него дошел слабый шум.

— Вероятно, просто ветер в деревьях, — сказал он. Но говоря так, он уже знал, что это не ветер.

— Это стремнина, — сказал Чен-Лу. — Видишь ту скалу впереди?

Они пристально всматривались вниз по течению, пока порывы ветра не открыли черную линию вверх по реке и не перенес завесу дождя за скалу. Поток завертел кабину, ливень хлынул на балдахин. Ветер стих так же быстро, как и пришел, течение несло их вперед через шелест дождя. Наконец, стих и дождь, река с обманчивой внешностью тайных течений вытянулась, как крышка стола с умиротворенным спокойствием зеркальной поверхности.

Для Чен-Лу кабина казалась миниатюрной игрушкой, подхваченной колдовской силой и затерявшейся в необъятности наводнения.

А над всем этим стояла скала с черной поверхностью, становящаяся все тверже и тверже с каждой секундой.

Чен-Лу медленно двигал головой из стороны в сторону, стараясь предвидеть, что же их ждет за той скалой. Он чувствовал, что-то плавает во влажной атмосфере, что высасывает из него жизнь. Воздух нес запах физической субстанции, подвижную гору жизни и смерти, земли и леса вокруг реки. Запах и шипение загнивания прошли над ним. Каждый нес свое послание. — Они впереди... ждут.

— Кабина... она не полетит сейчас, не так ли? — спросил Чен-Лу.

— Не думаю, что мне удастся поднять ее с воды, — сказал Хуан. Он вытер пот со лба, закрыл глаза и испытал кошмарное ощущение, когда все путешествие вплоть до этого места прошло перед ним, как во сне. Он резко открыл глаза.

Давящая тишина навалилась на кабину.

Рев быстро нарастал, но впереди все еще не было пенистой воды.

Стайка туканов с золотистыми клювами поднялась с пальм, стоящих на повороте вниз по течению. Они взлетели ввысь растревоженной стаей, наполняя воздух завываниями, похожими на лай собачьей стаи. Затем они улетели, а рев стремнины остался. Скала молчала над пальмами, как раз сразу за поворотом.

— У нас горючего на пять или шесть минут... может быть, — сказал Хуан. — я думаю, нам следует идти через этот поворот, включив моторы.

— Согласен, — сказал Чен-Лу. Он пристегнул ремень.

Рин услышав звук, застегнула свою пряжку.

Хуан нащупал холодные пряжки ремня рядом, поставил их на место, пока изучал доску приборов. Руки его начали дрожать, когда он подумал, как тонко он должен обходиться с этим рычагом скоростей. Я уже дважды сделал это, сказал он себе.

Но спокойствия эта мысль не принесла. Он знал, что находится на краю запасов своей энергии и разума.

Заворачивающая зыбь течения винтом уходила вниз по течению с левого берега. Вода в том месте блестела и искрилась. Хуан посмотрел вверх, чтобы увидеть просвет голубого среди туч. Он сделал глубокий вдох, нажал на стартер, стал считать.

Предупредительный сигнал замигал.

Хуан осторожно двинул рычаг вперед. Моторы заговорили, затем звук поднялся до ровного рева. Кабина начала набирать скорость, затанцевала на зыбкой дорожке. Она сдала на правый край и там, справа, слышались глухие всплески.

Она никогда не взлетит, думал Хуан. Его била лихорадка, и он потерял нить реальности.

Кабина шла на моторах, выходя на поворот... а там стояла стена застывшей лавы, не более, чем в километре вниз по течению. Река проходила через стену в горный распадок, который поднимался, словно высеченный гигантским топором. Острые стены высоких скал разгоняли воду в основании до бешеной скорости.

— Е-е-е зус, — прошептал Хуан.

Рин вцепилась ему в руку.

— Поворачивай назад! Ты должен повернуть назад.

— Мы не можем, — сказал Хуан. — Другого пути нет.

И все же его рука колебалась на рычаге скоростей. Нажать вперед на кнопку с риском взрыва? Но и выбора тоже не было. Он видел волны в пучине, перекатывающиеся через невидимые скалы, выстреливающие вверх молочно-янтарную завесу.

Резким движением Хуан послал рычаг вперед. Рев ракетных двигателей заглушил звук воды.

Хуан молился крылу: — Держись, ну пожалуйста... держись.

Резко кабина рванула вверх и начала подниматься быстрее и быстрее. В это мгновение Хуан увидел движение на обоих берегах реки рядом с бездной. Что-то поднималось змеевидной волной, преграждая вход в ущелье.

— Еще одна сеть, — воскликнула Рин.

Хуан увидел сеть как во сне, зная, что не может избежать ее. Кабина подпрыгнула через поперечное завихрение на гладкую черную поверхность, заполненную этим живым барьером. Он увидел темный рисунок квадратов сетки и сквозь них вода уходила во все более и более крутые течения, которые обрушивались вниз в бездну.

Кабина вломила в сеть, потянула ее, вытягивая и разрывая. Хуана бросило вперед, когда кабина нырнула носом. Он почувствовал, как спинка сиденья ударила его по ребрам. Раздался оглушающий, рвущий, скрежещущий, булькающий звук и неожиданное расслабление.

Моторы неожиданно заглохли — залитые водой или неспособные засасывать топливо. Ревущая вода заполнила кабину.

Хуан потянулся за рулем, осмотрелся вокруг. Кабина плыла почти ровно. Но глаза его увидели движение — мир поворачивался вокруг него — черная стена, зеленая линия джунглей, белая вода.

Кабина скользнула вниз по откосу течения вправо, зацепилась за первую носовую подпорку над потоком. Скрежет и звон металла соревновались с ревом бездны.

Рин вскрикнула что-то, слова затерялись в звуке лавины воды.

Кабина отскакивала от стены скалы, кружилась, стучала по идущим внутрь двум ступеням взрывного течения. Металл трещал и стонал. Спиральный конус водоворота, всасывая все плывущее, выстреливал их в стороны в ритме движения вверх, вниз, как стучащий молот.

Огромные, пульсирующие и ревущие, как океанские, волны оглушили Хуана. Он увидел блестящий уступ на черной скале. Это стена, изогнутая течением, маячила прямо впереди. Кабина ударилась об него и отскочила. А Хуан очутился оторванным от привязных ремней на полу, сплетаясь с Рин. Он схватился правой рукой за основание руля.

Над ним хлопал балдахин. В неопишемом шоке он смотрел на то, как балдахин прыгнул вверх и исчез. Он увидел, как левое крыло подпрыгнуло вверх напротив скалы. Кабину завернуло вправо, предоставив пятнистую дугу неба и другую черную стену.

Сумасшедшее скрежетание ударяющегося крыла усиливало этот грохот.

Хуан думал: «Мы не сможем выбраться из этого. Ничто не может выжить здесь».

Он чувствовал, как Рин вцепилась двумя руками ему за пояс прижалась в ужасе, и голос ее звучал у его правого уха:

— Пожалуйста, заставь ее остановиться, пожалуйста, заставь ее остановиться.

Хуан видел, как нос кабины поднялся, рухнул вниз, увидел белую воду и кипящий водоворот там, где был балдахин. Он увидел, как ружье-распылитель вылетело через это отверстие в реку, и он закрепился покрепче между сидениями и пультом управления. Его пальцы сжались там, где он вцепился в колесо руля. Выкручивающее движение кабины повернуло его голову, и он увидел руки Чен-Лу, вцепившиеся в спинку сидения прямо над собой.

Чен-Лу чувствовал звук, как прямое касание нервов, уможаемое до пределов, близких к непереносимому. Он прокатывался через него неконтролируемым ритмом, подавляя все остальное: оглушающий диссонанс цимбал дико шел наперекор рычащему, разрывающему реву бездны. Он чувствовал, что стал видящим, слышащим и чувствующим рецептором, лишенным любой другой функции.

Рин прижалась лицом к Хуану. Для нее сейчас весь мир заключался в жарком запахе тела Хуана и безумном движении. Она чувствовала, как кабина поднимается... поднимается... поднимается и... летит вниз, переворачиваясь и кружась. Вверх,вниз, вверх, вниз. Это было подобно какому-то сумасшедшему виду секса. Отрывистое, ударяющее движение сотрясало ее, когда кабина стремительно летела вниз, смытая стремниной.

Хуан чувствовал, что все внимание его сконцентрировалось на ужасном напряжении зрения. Он увидел перед собой отверстие в боку кабины, где никакого отверстия не должно было быть — парашют, черную пропасть воды, твердый распылитель, мокрую зеленую тень скалы в расщелинах. Он смотрел прямо вниз в бурлящую спираль течения, когда ле-

тела кабина. Рука его онемела там, где вцепилась в руль. Плечо ныло.

Коричневая масса течения перекатывалась прямо впереди отверстия. Хуан чувствовал, что кабина скользит вверх по этой гладкой поверхности обманчиво мягкими, скользящими движениями, увидел, как река падает где-то в стороне.

— Кабина не сможет больше выдержать это, — говорил он себе.

Кабина шла носом вниз быстрее и быстрее. Хуан уцепился за приборную доску. Он увидел, как зелено-коричневая волна загибается вверх за остаток искореженного крыла — вверх... вверх... вверх.

Кабина проскочила через него.

Зеленая темнота и вода обрушились в кабину. Послышался скрежет металла. Хуан почувствовал, как обломился хвост и упал вниз, поднимая его в размытые сумерки. Он пробивался к сидению, таща с собой Рин, увидел руки Чен-Лу, все еще вцепившиеся там. Вода хлынула из разорванной стороны кабины. Он чувствовал, как оторванная хвостовая часть кабины бьется о скалы, когда кабина выскочила на другую кипящую стену воды.

Сияющий солнечный свет!

Хуан повернулся кругом, полуослепленный сиянием. Он напряженно всматривался в разорванную дыру там, где когда-то были моторы, посмотрел назад вверх, на ущелье. Ревущий шум этого места ворвался в него. Он увидел сумасшедшие волны, обрыв и подумал: «Мы что, действительно прошли сквозь это?»

Он почувствовал воду вокруг лодыжек, повернулся, ожидая увидеть еще один сумасшедший спад быстрины. Но был только широкий бассейн — везде вокруг темнела вода. Она поглотила вихрь ущелья, и от всего этого водопада остались только блестящие пузырьки и быстро расширяющаяся, переходящая в плавное течение струя.

Кабина накренилась под ним. Хуан пошел, шатаясь, по воде, отогнул верхний край кабины, посмотрел вниз на оставшееся крыло, которое, казалось, одно плавает на поверхности реки.

Раздался голос Рин, потрясающий нормальностью тона наперекор моменту: — Может нам лучше выйти? Мы тонем.

Он попытался стряхнуть с себя чувство оцепенения, посмотрел вниз и увидел, что она сидит в своем кресле. Он ус-

лышал, как позади нее пытается выпрямиться Чен-Лу, и увидел, как тот встает.

Раздался грохот металла, и правое крыло исчезло в воде.

Тогда Хуану показалось с раздвоенным чувством подъема, что они еще живы... но грузовик его мертв. И этот подъем ушел.

— Мы задали им хорошую работенку, — сказал Чен-Лу, — но я думаю, что здесь и конец маршрута.

— Неужели? — огрызнулся Хуан. Он чувствовал, как в нем закипает гнев, коснулся большого старинного пистолета Виеро в кармане. Сработал рефлекс, и дурацкая пустота его принесла волну безумного изумления в мозг.

Вообразить, что можно убить этих существ таким оружием.

— Хуан? — сказала Рин.

— Да, — он кивнул ей, повернулся, взобрался на край кабины, выпрямился, стараясь сохранить равновесие, изучал обстановку. Мокрая струя влаги из ущелья дунула на него.

— Эта штука больше не останется на плаву, — сказал Чен-Лу. Он посмотрел вверх на бездну, и мозг его вдруг отказался принять все то, что произошло с ними.

— Я могу проплыть вон до той точки, — сказала Рин. — Ну, а у вас как с этим обстоят дела?

Чен-Лу повернулся, увидел белесый участок земли, выступающий в этот бассейн в сотне метров вниз по течению. Это был хрупкий островок тростника и грязи, принесенный водой и подкрепляемый высокой стеной деревьев. Длинные следы, оставшиеся в грязи под камышами, вели в реку. «След крокодила», — подумал Чен-Лу.

— Я вижу след крокодила, — сказал Хуан. — Лучше, пока можно, оставаться в кабине.

Рин почувствовала, как ужас поднимается вверх до горла, и прошептала.

— Она еще поплывет?

— Если мы будем тихо держаться, — сказал Хуан. — Кажется, мы захватили воздуху где-то под нами — может быть, в крыле левого понтона.

— Никаких признаков... их здесь, — сказала Рин.

— В скором времени их следует ожидать, — сказал Чен-Лу, и он удивился будничности своего голоса.

Хуан изучал маленький полуостров.

К этому моменту кабина уже отплыла и вернулась назад завихрением, и от грязного берега их отделяли только несколько метров частично погруженного конца крыла.

«Где эти чертовы крокодилы?» — размышлял он.

— Мы же не собираемся подходить ближе? — спросил Чен-Лу.

Хуан кивнул в знак согласия и сказал:

— Сначала ты, Рин. Стой на крыле как можно дальше. Мы будем рядом. — Он положил руку на пистолет в кармане, помог ей другой рукой. Она проскользнула на крыло, и оно направилось дальше, пока не задержалось грязью у берега.

Чен-Лу соскользнул вниз за ней и сказал:

— Пошли.

Они пошли по мелководью к берегу, ноги их увязали в грязи, когда они сошли с крыла. Хуан услышал запах горючего, увидел разрисованные узоры на реке. Камышовая возвышенность высилась перед ним со следами Рин и Чен-Лу. Он залез на нее и встал рядом с ними, вглядываясь в джунгли.

— Может с ними возможно договориться? — спросил Чен-Лу.

Хуан поднял ружье-распылитель и сказал:

— Я думаю, это единственный аргумент, который у нас есть. — Он посмотрел на заряд ружья, убедившись, что он полон, повернулся назад, чтобы изучить остатки кабины. Она лежала уже почти погруженная, крыло ее закопалось в грязь, коричневые потоки перекачивались сверху и через разорванные дыры кабины.

— Ты думаешь, мы должны попытаться достать больше оружия из кабины? — спросил Чен-Лу. — С какой целью? Мы же никуда отсюда не собираемся.

«Он прав, конечно,» — думал Хуан. Он увидел, что слова Чен-Лу неосознанно послали Рин в дрожь, и он положил на нее свою руку, пока дрожь не прошла.

— Такая прекрасная домашняя сценка, — сказал Чен-Лу, напряженно глядя на них. А сам подумал: «Они единственная монета, которая у меня есть. Вероятно, наши друзья будут вести торг — двое без борьбы за одного, который уйдет свободно».

Рин почувствовала, что спокойствие пришло. Рука Хуана, обнявшая ее, его молчание, потрясли ее больше, чем все ос-

тальное, что она хотела бы запомнить. «Такая простая вещь, — думала она. — Простое братско-отцовское объятие».

Чен-Лу кашлянул. Она посмотрела на него.

— Джонни, — сказал Чен-Лу. — Дай мне ружье. Я прикрою тебя, пока ты попытаешься достать еще оружие из кабины.

— Вы же сказали, что это лишнее, — сказал Хуан. — Так зачем вам мое ружье?

Рин освободилась от объятия Хуана, неожиданно испуганная выражением глаз Чен-Лу.

— Дай мне ружье, — сказал Чен-Лу ровным голосом.

«Какая разница?» — спросил себя Хуан. Он взглянул в глаза Чен-Лу и увидел в них немигающую ярость. Боже праведный! Что нашло на него? Он почувствовал, что этот взгляд притягивает его, их светящийся эффект, всепоглощающие признаки ярости.

Левая нога Чен-Лу выбросилась вверх, задела левую руку Хуана, послав ружье резким движением в воздух. Хуан почувствовал, что рука немеет, но инстинктивно встал в боевую стойку капоэйра — бразильского дзюдо. Почти слепой от боли, он получил другой удар ногой и отпрыгнул в сторону.

— Рин, ружье, — кричал Чен-Лу, и он стал наступать на Хуана.

На секунду мозг Рин отказался действовать. Она потрясла головой, посмотрела туда, куда упало ружье прикладом в камыши. Оно смотрело вверх, а приклад был в грязи. «Ружье?» — спросила она себя. Ну, да, оно остановит человека на этом расстоянии. Она вытащила ружье и оторвала растения, прилипшие к прикладу, направила его на двух мужчин, прикладывая и становясь в стойку, как будто в волшебном танце.

Чен-Лу увидел ее, отпрыгнул назад, согнулся.

Хуан выпрямился, сжимая травмированную руку.

— Правильно, Рин, — сказал Чен-Лу. — Возьми его на мушку.

С чувством ужаса за себя Рин поняла, что ствол ружья поворачивается на Хуана.

Хуан стал доставать из кармана пистолет, но остановился. Он почувствовал только болезненную пустоту вместе с отчаянием. «Пусть она убьет меня, если собирается это сделать», — думал он.

«Ты сукин сын!» — подумала она и нажала курок.

Тяжелый поток яда и бутилоносителя выскочил из ствола, впелся в Чен-Лу, качнул его. Он попытался пробиться сквозь него, но заряд попал в лицо и сбил его с ног. Он катался и извивался, борясь с нарастающим оцепенением по мере того, как носитель оказывал свое воздействие. Движения его стали медленнее — толчок, остановка, толчок.

Рин стояла, направив ружье на Чен-Лу, пока не иссяк заряд, затем отбросила оружие от себя.

Чен-Лу последний раз дернулся в конвульсивном движении и затих. На нем нельзя было различить ни единой черты на лице, весь он был в липкой серо-черно-оранжевой массе.

Рин поняла, что тяжело дышит, глотнула, попыталась сделать глубокий вдох, но не смогла.

Хуан подошел к ней, и она увидела, что в руке у него пистолет. Левая рука его беспомощно висела сбоку.

— Твоя рука, — сказала она.

— Сломана, — сказал он. — Посмотри на деревья.

Она посмотрела в том направлении, увидела порхающее движение в тени. Порыв ветра шевелил там листья, а перед джунглями появилась фигура индейца. Это произошло так, как будто его туда занесло колдовством, создавшим образ единым движением. Эбонитовые глаза сверкали фасеточным огнем из прямых прорезей челки. Красные завитки ахиота шли по лицу. Ярко-красные перья ары торчали из перевязи тесьмы на дельтовидной мышце левой руки. На нем были тряпичные бриджи, а с пояса свисал мешок из обезьяней шкуры.

Замечательная точность типажа, несмотря на ужас, поражала. Вдруг Рин вспомнила летающих муравьев своего детства и серую порхающую волну, которая поглотила лагерь МЭО. Она повернулась к Хуану, умоляя:

— Хуан... Джонни, пожалуйста, пожалуйста застрели меня. Не позволяй им взять меня.

Он хотел повернуться и бежать, но мышцы не слушались его.

— Если ты любишь меня, — умоляла она, — пожалуйста...

Он не мог не ответить на мольбу в ее голосе. Пистолет появился в руке, как будто по собственной воле, точно на месте.

— Я люблю тебя, Хуан, — прошептала она и закрыла глаза.

Слезы слепили Хуану глаза. Он увидел ее лицо сквозь туман. «Я должен, — думал он. — Боже, помоги мне... Я должен». Он нажал курок.

Пистолет загремел, отдавая в руку.

Рин качнулась назад, как будто ее толкнула гигантская рука. Она сделала полуоборот и упала лицом вниз, в траву.

Хуан отвернулся, не в состоянии смотреть, уставился на пистолет в руке. Движение на деревьях привлекло его внимание. Он смахнул слезы и уставился на шеренгу созданий, выступившую из леса. Одни были, как индейцы, которые украл его с отцом... еще похожие на лесных индейцев... фигура Томе из его отряда... еще другой человек, худой в черном костюме, волосы сверкающие серебром.

«Даже мой отец! — думал Хуан. Они копируют даже моего отца!»

Он поднял пистолет вверх, дуло смотрело в сердце. Он не чувствовал ярости, только огромную печаль, когда нажал на курок.

Темнота навалилась на него.

Глава 10

Был сон, в котором его куда-то несли, сон слез и крика, сон резких протестов, демонстративного неповиновения и отказа.

Хуан пробудился от желто-оранжевого света, и фигура, которая не могла быть его отцом, склонилась над ним, протягивая руку и говоря: — Ну тогда проверь мою руку, если ты не веришь!

«Это не может быть моим отцом, — думал Хуан. Я мертвый... он мертвый. Они скопировали его... мимикрия, ничего более».

Ошеломляющий ужас заполнил сознание Хуана.

«Как я здесь оказался?» — думал он. Ум его искал ответа в памяти, и тогда он увидел себя, убивающего Рин пистолетом Виеро, а затем направляющего оружие на себя.

Что-то двигалось позади фигуры, которая не могла быть его отцом. Внимание Хуана резко переключилось туда, он увидел гигантское лицо, по крайней мере два метра высоты.

Это было злобное лицо в странном свете, глаза блестящие и сверкающие... огромные глаза со зрачками внутри зрачков. Лицо отвернулось, и Хуан увидел, что толщиной оно не более двух сантиметров. Лицо снова повернулось. Странные глаза сосредоточились на ногах Хуана.

Хуан заставил себя посмотреть вниз, подняв голову, затем повалившись назад от могучего потрясения. Там, где должны были быть его ноги, он увидел пенистый зеленый кокон. Хуан поднял левую руку, вспомнив, что она была сломана, но рука поднялась без боли, и он увидел, что кожа зеленого оттенка, как и кокон.

— Пощупай мою руку! — приказала фигура старого человека возле него. — Я приказываю это!

— Он не совсем проснулся.

Это был гудящий голос, резонирующий, сотрясающий воздух вокруг, и Хуану казалось, что голос исходил откуда-то снизу огромного лица.

«Что это за кошмар? — спрашивал себя Хуан. — Я что, в аду?»

Резким сильным движением Хуан потянулся и сжал предложенную руку.

Она была на ощупь теплой... человеческой.

Глаза Хуана наполнились слезами. Он потряс головой, чтобы смахнуть их, вспомнил... где-то... делал то же самое. Но кроме воспоминаний были две более весомые вещи. Рука на ощупь была настоящая... свои слезы он тоже чувствовал.

— Как это может быть? — прошептал он.

Хуан всматривался в знакомое лицо. Это действительно был его отец, ошибки быть не могло, все до последней черточки. — Но... твоё сердце, — сказал Хуан.

— Мой насос, — сказал старик. — Посмотри. — Он отвел руку в сторону, повернулся, чтобы продемонстрировать, что спина его костюма была отрезана, концы ее были скреплены каким-то липким веществом. Маслянисто-желтая поверхность пульсировала между концами материи.

Хуан увидел линию парика, разнообразные фигуры. Он снова ушел в себя.

Итак, это только копия, еще один из их трюков.

Старик повернулся и посмотрел ему в лицо, и Хуан не мог пройти мимо юношеского блеска его глаз. Это не фасетные глаза, это настоящие.

— Старый насос отказал, и они дали мне новый, — сказал отец. — Он гонит кровь и оживляет меня. Он даст мне еще несколько полезных лет. Как ты думаешь, что об этом скажут наши медики?

— Так это действительно ты? — задохнулся от волнения Хуан.

— Все, за исключением насоса, — сказал старик. — Но ты, ты то бестолковый дурачина! Какое месиво ты сделал из себя и той бедной женщины.

— Рин, — прошептал Хуан.

— Вышиб сердца и часть легких, — сказал отец. — А ты упал прямо в середину всей той коррозионной отравы, которую вы разбрызгали везде по поверхности. Они не только вынуждены были заменить вам сердца, но дать всю новую кровеносную систему!

Хуан поднял руки, уставился на зеленую кожу, ему сделалось дурно от одного ее вида, и никак не мог отделаться от ощущения, что все окружающее происходит во сне.

— Они знают такие медицинские штучки, о которых мы даже не имели понятия, — сказал его отец. — Я никогда так не волновался с самого детства. Я едва могу дождаться, чтобы вернуться и... Хуан! Что с тобой?

Хуан рывком поднялся, взглянул на старика. — Мы больше не люди! Мы не люди, если... Мы не люди!

— О, потише, — сказал его отец.

— Если это... Они же контролируют! — запротестовал Хуан. Он заставил себя взглянуть на гигантское лицо позади отца. — Они же будут править нами!

Он опустил назад, задыхаясь от волнения.

— Мы будем их рабами, — шептал Хуан.

— Такая глупость, — загремел голос-барабан.

— Он всегда был мелодраматичен, — сказал старший Мартиньо. — Посмотрите, какое месиво он устроил из этих людей, там, на берегу реки. Конечно, вы тоже приложили к этому руку. Если бы вы только прислушались ко мне, доверяли мне.

— Теперь у нас есть заложник, — прогремел Мозг. — Сейчас мы можем позволить себе доверять вам.

— Вы уже получили заложника с того момента, когда поставили мне этот насос, — сказал старик.

— Я не понимаю ту цену, которую вы даете вашей индивидуальной единице, — сказал Мозг. — В конце концов, мы пожертвуем почти любой единицей, чтобы спасти улей.

— Но не королевой, — сказал старик. — Вы не жертвуете королевой. Ну, а как насчет вас? Вы бы пожертвовали собой?

— Непостижимо, — пробормотал Мозг.

Хуан медленно повернул голову и посмотрел в то место под гигантской головой, откуда исходил голос. Он увидел белую массу около четырех метров шириной и пульсирующий желтый мешок, выступающий из него. По ней ползали бескрылые насекомые, в щелях на его поверхности и внизу, на каменном полу пещеры. Лицо выходило вверх из этой массы, поддерживаемое десятками круглых стеблей. Чешуйчатая поверхность выдавала их структуру.

Сквозь шок в Хуана начала проникать реальность ситуации.

— Рин? — прошептал он.

— Ваша супруга в безопасности, — прогремел Мозг. — Изменена, как вы, но жива.

Хуан продолжал смотреть на белую массу на полу пещеры. Он увидел, что голос исходил из пульсирующего желтого мешка.

— Ваше внимание привлечено к способу ответов на ваши угрозы нам, — сказал Мозг. — Это наш Мозг. Он уязвим, но силен... точно также, как и ваш.

Хуан подавил дрожь отвращения.

— Скажите мне, — сказал Мозг. — Как вы определяете, что такое раб.

— Я сейчас раб, — прошептал Хуан. — Я в долгу перед вами. Я должен повиноваться, иначе вы можете убить меня.

— Но вы сами пытались убить себя, — сказал Мозг.

Мысль все больше и больше разворачивалась в сознании Хуана.

— Раб — это тот, кто должен производить богатство для другого, — сказал Мозг. — Во всей вселенной есть только одно истинное богатство, часть его я дал вам. Часть его я дал вашему отцу и вашей супруге. И вашим друзьям. Это богатство — продолжительность жизни. Время. Мы что рабы, потому что дали вам больше времени для жизни?

Хуан взглянул вверх от голосового мешка на гигантские сверкающие глаза. Он подумал, что заметил в них удовольствие.

— Мы пощадили и продлили жизнь всем тем, кто были с тобой, — гремел голос. — Это делает нас вашими рабами, не так ли?

— Но что вы берете взамен? — спросил Хуан строго.

— Ах, ах! — голос почти залаял. — Суть за суть! Та вещь называется бизнес, которого я не понимаю. Твой отец скоро уйдет отсюда, чтобы поговорить с людьми своего правительства. Он наш посланник. Он торгует с нами своим временем. Он тоже наш раб, не так ли? Мы связаны друг с другом узами взаимного рабства, которые нельзя разорвать. Их никогда нельзя сломать... как бы сильно вы ни старались этого сделать.

— Это очень просто, когда ты начинаешь понимать взаимозависимость, — сказал отец Хуана.

— Понимать что?

— Некоторые из нашего рода жили когда-то в теплицах, — гремел голос, — клетки их помнят об этом. Ты, конечно, знаешь о теплицах.

Гигантское лицо отвернулось, чтобы посмотреть на вход в пещеру, где рассвет начинался с того, что делал его серым. — То, что там снаружи — это тоже теплица, — он снова взглянул вниз на Хуана, а гигантские глаза блестели. — Чтобы сохранить жизнь, в теплице должно поддерживаться тонкое состояние равновесия жизни, которая находится в ней — достаточно одного химиката, достаточно другого, когда требуется и третьего вещества. То, что сначала было отравой, на следующий день может стать самой сладкой пищей.

— Что все это имеет общего с рабством? — спросил Хуан, чувствуя нетерпение в собственном голосе.

— Жизнь развивалась миллионы лет в теплице Земли, — гремел Мозг. — Иногда она развивалась в ядовитых выбросах другой жизни... и тогда этот яд становился необходимой ей. Без вещества, производимого земляными червями, трава саванн умрет... со временем.

Хуан внимательно всматривался в скальный потолок пещеры, мысли его переворачивались, как карты в колоде. — Китай — запрещенная земля! — сказал он.

— Именно так, — сказал Мозг. — Без веществ, производимых насекомыми, другие формы жизни, ваш вид, исчезли

бы. Иногда нужна лишь мельчайшая частица вещества, такого, как специальная медь, производимая арахнидами. Иногда вещество должно пройти через многие валентности, слегка измененное каждый раз, прежде, чем оно может быть использовано жизненной формой в конце этой цепи. Сломай эту цепь, и все умрет. Чем больше существует различных форм жизни, тем больше жизни может поддерживать теплица Земли. Самая лучшая теплица должна содержать много форм жизни — чем больше форм жизни, тем больше здоровья для всех.

— Чен-Лу, — сказал Хуан. — Он мог бы помочь. Он мог бы пойти с моим отцом, сказать им... Вы спасли Чен-Лу?

— Китаец, — сказал Мозг. — Можно отдать приказ, чтобы он жил, хотя вы жестоко обошлись с ним. Существенные структуры мозга живы благодаря нашему оперативному вмешательству.

Хуан смотрел на взбагрывающуюся, расходящуюся массу на полу пещеры. Он отвернулся.

— Они дали мне доказательства, чтобы я мог взять их назад с собой, — сказал отец Хуана. — В них нельзя сомневаться. Никто не будет сомневаться в них. Мы должны прекратить убивать и изменять насекомых.

— И позволить им взять власть на Земле, — прошептал Хуан.

— Мы говорим, что вы должны перестать убивать себя, — гремел голос. — Уже народ вашего Чен-Лу... как я полагаю, вновь переселяет насекомых на своей земле. Может быть они успеют вовремя, может быть нет. Но ведь это никогда не поздно. В Китае они были осторожны и тщательны... и может быть, им понадобится наша помощь.

— Но вы будете нашими хозяевами, — сказал Хуан. А сам подумал: Рин... Рин, где ты?

— Мы уже почти достигли нового баланса, — сказал Мозг. — Интересно будет посмотреть. Но у нас будет время обсудить это позднее. Вы можете свободно двигаться... и способны делать это. Но сейчас чувствуйте себя свободными и выйдите наружу, чтобы встретиться со своей супругой. Сегодня утром сияет солнце. Пусть солнце сделает свою работу на вашей коже и с хлорофиллом вашей крови. И когда вы вернетесь сюда назад, скажите мне, является ли солнце вашим рабом.

Глаза Гейзенберга

Глава 1

Они могли бы не планировать дождь на это утро, думал д-р Тей Свенгаард. Дождь всегда заставляет тревожиться родителей... собственно говоря, и врачей тоже.

Порыв зимней мокроты плеснул в окно за его письменным столом. Он встал, подумал наглухо закрыть окна, но Дюраны — родители, записанные на это утро — могли бы еще больше встревожиться неестественной тишиной в такой день.

Д-р Свенграад подошел к окну, взглянул вниз на интенсивное движение пешеходов — дневные смены шли на работу в мегаполис, ночные смены направлялись на свой беспорядочный отдых. Было ощущение силы и движения в этих приходах и уходах людей, несмотря на их троглодитное существование. Он знал, что большинство из них были бездетными стерри... стерильными. Они приходили и уходили, считаемые, но бесчетные.

Он оставил внутреннюю телефонную связь открытой в приемной и слышал, как его сестра, миссис Вашингтон, отвлекала Дюранов вопросами и формальностями.

Обычный распорядок.

Это был девиз. Все должно казаться нормальным, обычным распорядком. Дюраны и все другие, которым невероятно посчастливилось попасть в число избранных и стать родителями, никогда не должны догадываться об истинном положении.

Д-р Свенгаард переключил свой мозг подальше от таких мыслей, напоминая себе о том, что вина — непозволительная эмоция для члена медицинской профессии. Вина неизбежно ведет к выдаче тайны... а выдача тайны ведет к неприятным последствиям. Оптимены были чрезвычайно щепетильны во всем, что касалось программы размножения.

Такая крамольная мысль наполнила Свенгаарда ощущением сиюминутного беспокойства. Он, проглотив комок в горле, позволил себе поразмышлять об ответе народа оптименам: «ОНИ власть, которая любит нас и заботится о нас.»

Он отвернулся от окна со вздохом, окинул взглядом стол, прошел к двери, которая вела через подготовительную комнату в лабораторию. В подготовительной комнате он остановился, чтобы взглянуть на себя в зеркало: седые волосы, темно-карие глаза, сильный подбородок, высокий лоб и до-

вольно злые губы под орлиным носом. Он всегда гордился отдаленным достоинством своего профиля и пришел к выводу о необходимости корректировки этой отдаленности. Сейчас он смягчил линию рта и придал взгляду сочувствующий интерес.

Да, этого будет достаточно для Дюранов — пожаловать им точность их эмоционального профиля.

Сестра Вашингтон уже впускала Дюранов в лабораторию, когда он входил туда через личный вход. Всполохи на небесах над ними дополнились дробью и шелестом дождя. Такая погода показалась неожиданно подходящей атмосфере комнаты: вымытое стекло, сталь, пластмасса и кафель... все обезличенное. Дождь обрушился на всех... а все человеческие существа должны были пройти через комнату такую, как эта... даже оптимены.

Д-р Свенгаард почувствовал на мгновение неприязнь к родителям. Гарви Дюран был гибкий человек футов шести с кудрявыми белыми волосами, голубыми глазами. Лицо было широкое с явно выраженными невинностью и молодостью. Его жена Лизбет была почти одного с ним роста, и тоже блондинка, голубоглазая и молодая. Фигура ее наводила на предположение свойственного валькириям здоровья. На серебряной цепочке на шее она носила вездесущий талисман народа, медную фигуру женщины оптименов Калапиты. От д-ра Свенгаарда не ускользнули откровенный культ размножения и религиозная тональность фигурки. Он подавил презрительную усмешку.

Однако, Дюраны были родителями, и здоровыми — живое свидетельство искусства хирурга, который создал их. Д-р Свенгаард позволил себе ощутить минутную гордость за свою профессию. Немногим людям дано было войти в эту сплоченную маленькую группу подклеточных инженеров, которые держали в рамках разнообразие типов людей.

Сестра Вашингтон задержалась у двери позади Дюранов и сказала: — Д-р Свенгаард, Гарви и Лизбет Дюраны. — Она ушла, не ожидая результатов представления. Осмотрительность и расчет сестры Вашингтон были всегда утонченно правильны.

— Дюраны, как прекрасно, — сказал д-р Свенгаард — Я надеюсь, моя сестра не слишком утомила вас всеми этими формальностями и вопросами. Но я думаю, вы знали, что вас

ждут все эти рутинные процедуры, когда попросили наблюдения.

— Мы понимаем, — сказал Гарви Дюран. А про себя подумал: «Действительно, просили наблюдения! Неужели эта старая лиса думает задурить нас своими обычными хитростями?»

Д-р Свенгаард отметил богатый повелительный баритон голоса мужчины. Это причинило ему беспокойство и усилило неприязнь.

— Мы не хотим занимать у вас больше времени, чем считается абсолютно необходимым, — сказала Лизбет Дюран. Она взяла мужа за руку и одним лишь им известным кодом нажатия пальцев сказала: — Ты видишь его реакцию? Он испытывает неприязнь к нам.

Пальцы Гарви ответили: — Он стерильный самодовольный сноб, так переполненный гордостью за свое положение и не видящий ничего далее своего носа.

Рассудительный тон женщины раздражал д-ра Свенгаарда. Она уже осматривала лабораторию быстрым, внимательным, изучающим взглядом. «Здесь мне нужен неусыпный контроль, » — подумал он. Он подошел к ним, поздоровался за руку. Ладони были потные.

«Нервничают. Хорошо, » — думал д-р Свенгаард.

Звук вианасоса слева от него показался ему в этот момент убедительно громким. Можно было рассчитывать на эффект насоса, чтобы заставить родителей нервничать. Именно по этому эти насосы и были громкими. Д-р Свенгаард обернулся на звук, указал на герметичный хрустальный чан на подставке силового поля в центре лаборатории. Звук насоса выходил из-за чана.

— Вот мы и пришли, — сказал д-р Свенгаард.

Лизбет внимательно изучала молочно-прозрачную поверхность чана. Она провела языком по губам. — Там внутри?

— Самое безопасное место из всех возможных, — сказал д-р Свенгаард.

Он еще лелеял небольшую надежду тогда, что Дюраны могут еще уйти, пойти домой и ждать результата.

Гарви взял руку жены и погладил ее. Он тоже внимательно рассматривал чан. — Мы понимаем, что вы призвали этого специалиста... — сказал он.

— Д-р Поттер, — сказал Свенгаард — Из Централы. — Он бросил взгляд на нервные движения рук Дюранов, заме-

тил вездесущие татуированные указательные пальцы — генотип и место жизни. «Они могли бы составить заветный знак V,» — подумал он и подавил вспыхнувшую зависть.

— Да, д-р Поттер, — сказал Гарви. С помощью языка рук он послал сигнал Лизбет: — Заметила, как он произнес Централ?..

— Как я могла бы пройти мимо этого? — ответила она.

«Централ, — думал он. — Это место связано с картинами могучих оптименов. » Но ее это заставило подумать о Кибборгах, которые противостоят оптименам, а все это наполнило ее чувством сильного беспокойства. Она не могла себе позволить думать ни о чем, кроме своего сына.

— Мы знаем, что Поттер там лучший, — сказала она, — и мы не хотим, чтобы вы думали про нас, что мы чересчур эмоциональны и испуганы...

— ... но мы хотели бы наблюдать, — сказал Гарви. А про себя подумал: «Этому надменному хирургу следует понять, что нам известны наши юридические права. »

— Понимаю, — сказал д-р Свенгаард. «Черт бы их побрал этих дураков!» — подумал он. Но он придал своему голосу успокаивающий ровный тон и сказал: — Ваша забота — дело престижа, и я восхищаюсь им. Однако, последствия...

Он оставил эти слова повиснувшими, напоминая им, что у него тоже есть юридические права и что он может воспользоваться ими с их разрешения или без него и не будет нести ответственность за расстроенные чувства родителей. Обще-ственный Закон 10927 был четок и прям. Родители могли воспользоваться правом наблюдения, но оно могло быть пресечено по указанию хирурга. У человеческой расы было спланированное будущее, которое исключало генетических монстров и случаи диких отклонений.

Гарви кивнул быстрым и выразительным движением. Он плотно взял жену за руку. Разные ужасные истории, живущие в народе, и официальные мифы смешались в его мозгу. Он видел Свенгаарда через призму этих историй и лишь отчасти запрещенной правящими кланами литературы, которой подпольно снабжали Кибборги Родительский нелегальный центр: Стедмана и Мерка, Шекспира и Хаксли. Он был молод и смог пока что прочесть небольшую часть литературы, которая не могла рассеять все его предрассудки и заблуждения, посеянные официальным воспитанием.

Кивок Элизабет не был таким ээнергичным. Она знала, что должно быть здесь их главной заботой, все-таки, в этом чане находился ее сын.

— Вы уверены, — спросила она, намеренно бросая вызов Свенгаарду, — что там нет боли?

Границы народной глупости, ради которой и была создана атмосфера общественной безграмотности, вызвали у д-ра Свенгаарда лишь раздражение. Он знал, что должен закончить эту беседу быстро. То, что он мог бы сказать этим людям, продолжало настойчиво оставаться в памяти, мешая тому, что он должен был сказать им.

— Этот удобренный овум не имеет пока нервов, — сказал он. — Физический возраст его не более трех часов, рост его задерживается контролируемым распылением нитратов. Боль? Это понятие неприменимо к нему.

Д-р Свенгаард знал, что технические термины мало что говорят им, и произносятся лишь с целью подчеркнуть разницу между простыми родителями и подклочным инженером.

— Догадываюсь, что с моей стороны это было довольно глупо, — сказала Лизбет, — Это... оно такое простое, еще даже не похожее по-настоящему на человека? — И она подала сигнал рукой Гарви: — Ну какой же он простак! На нем все написано, как на ребенке.

Дождь отбивал тарантеллу на фоне небесного света. Д-р Свенгаард подождал, пока она закончится, а затем сказал: — Конечно. А теперь давайте не будем делать ошибок. — А сам подумал, что наступил такой отличный момент, чтобы преподать этим дуракам премудрости для прочищения мозгов. — Вашему эмбриону меньше, чем три часа, но он уже содержит все основные ферменты, которые ему будут нужны, когда он полностью разовьется. Чрезвычайно сложный организм.

Гарви уставился на него с видом напускного ужаса перед величием, которому доступно понимание таких тайн, как формирование и регулирование жизни.

Лизбет взглянула на чан.

Два дня назад взятые у Гарви и у нее половые клетки были соединены в нем, переведены в плазменное состояние, прошли через ограниченное непрямоое деление. В результате этого процесса — возник жизнеспособный эмбрион — не слишком распространенная вещь в их мире, где лишь избран-

ное меньшинство было освобождено от контрацептивного газа, и ему было позволено иметь потомство, и даже среди них были редки случаи получения жизнеспособных эмбрионов. Не предполагалось, что она должна была понимать все тонкости этого процесса, а то, что она действительно понимала процесс, должно было скрываться во всех случаях. ОНИ — генетические оптимены Централа — сурово пресекали малейшую угрозу своему превосходству. И ОНИ считали, что знания в чужих руках, это самая большая угроза.

— Какой... большой... он сейчас? — спросила она.

— Десятая доля миллиметра в диаметре или меньше, — сказал д-р Свенгаард. Лицо его расслабилось в улыбку: — Это морула, и в самом начале развития. Она еще даже не дошла бы до матки. Это та стадия, когда она самая восприимчивая для нас. Мы должны делать работу сейчас до образования трофобласта.

Дюраны в ужасе кивнули.

Д-р Свенгаард купался в их уважении. Он ощущал, как мозги их спотыкаются на плохо запоминаемых определениях из ограниченного школьного запаса, к которому они были допущены. В личных делах их было записано, что она библиотекарка детского сада, а он инструктор молодежи — для каждой из этих профессий не требовалось большого образования.

Гарви коснулся чана и отдернул руку назад. Хрустальная поверхность была на ощупь теплой, наполненной слабыми вибрациями. А также было постоянное трамп-трамп-трамп насоса. Он чувствовал преднамеренность этого раздражающего звука, читая реакцию, которой был обучен в подпольной школе, выраженную в слабых знаках, выдающих тайное в поведении Свенгаарда. Он обвел взглядом лабораторию — стеклянные трубки, квадратные серые шкафчики, блестящие углы и изгибы пластмассовых вездесущих индикаторов, как немигающие глаза. В комнате царил запах дезинфицирующих средств и экзотических химикалий. Все в этой лаборатории несло в себе двойной смысл — функциональный и, одновременно, рассчитанный на внушение благоговейного страха не посвященным.

Лизбет сосредоточила внимание на одной бытовой черте этого места, которую она определила наверняка правильно — кафельную раковину с блестящими фасетами. Раковина

была втиснута между двумя таинственными конструкциями из скрученного стекла и тускло-серой пластмассы.

Раковина беспокоила Лизбет. Она представляла собой место, куда выкидывали ненужное. Вы бросаете мусор в раковину для перемолки прежде, чем смыть в систему утилизации отходов. Любая малая частица могла попасть в раковину и затеряться.

Навсегда.

Любая.

— Меня не следует отговаривать от наблюдения, — сказала она.

«Черт возьми!» — подумал д-р Свенгаард. В ее голосе была хитрость. Та маленькая хитрость, которая выдает колебание. Оно никак не подходило к ее смелой внешности. Чрезмерная подчеркнутость готовности к материнству в ее фигуре... во всем остальном, касающемся ее, труд хирурга был вполне успешен.

— Наше дело заботиться как о вас, так и о вашем ребенке. — сказал д-р Свенгаард. — Правила...

— Закон дает нам право. — сказал Гарви. И он дал сигнал Лизбет: — Все идет более или менее так, как мы ожидали.

«Доверять такому болвану знать законы, » — думал д-р Свенгаард. Он вздохнул. Статические данные говорили, что из ста тысяч родителей одна пара будет настаивать, несмотря на тонкое и не так уж тонкое давление. Однако, статистика и достоверный факт — два совершенно разных дела. Свенгаард отметил, как посмотрел на него Гарви. Формация этого мужчины сильно склонялась в сторону мужского протекционизма — очевидно, слишком сильно. Он не мог терпеть, когда у него на глазах перечат его жене. Несомненно, он отличный добытчик, идеальный муж, никогда не участвовал в оргиях стирильных — явный лидер. Болван.

— Закон, — сказал д-р Свенгаард, и голос его выразил упрек, — также требует, чтобы я указал родителям на опасности психологической травмы. Я не собирался и не пытаюсь помешать вам наблюдать.

— Мы собираемся наблюдать, — сказала Лизбет.

Тогда Гарви почувствовал вспыхнувшее в нем восхищение ею. Она так прекрасно играла свою роль, даже вплоть до хитрости в ее голосе.

— Иначе я просто не смогу вынести ожидания, — сказала Лизбет. — Не знаю...

Д-р Свенгаард размышлял, стоит ли ему употребить нажим в этом деле — вероятно, можно сыграть на очевидном их чувстве страха, может быть, показать свою Власть. Один лишь взгляд на квадратные плечи Гарви и умоляющие глаза Лизбет разубедил его в этом. Они собираются следить.

— Очень хорошо, — вздохнул доктор Свенгаард.

— Мы сможем наблюдать отсюда? — спросил Гарви.

Д-р Свенгаард был шокирован. — Конечно, нет! — Какие примитивные эти болваны. Но он удержался в мысли, что такое невежество проистекает из тщательно поддерживаемой тайны, которая окружает генную инженерию. Он сказал более спокойным тоном: — У вас есть личная комната с телевидением, по замкнутому закрытому кольцу связанная с лабораторией. Моя сестра проводит вас.

Тогда свою компетентность доказала сестра Вашингтон, появившаяся в дверях. Конечно, она подслушивала. Хорошая сестра никогда не пускала такие дела на самотек.

— Это все, что мы можем посмотреть здесь? — спросила Лизбет.

Д-р Свенгаард услышал умоляющие нотки, заметил, как она избегает прямо смотреть на чан. Когда она произнесла это, все его потаенное презрение вылилось в его голосе: — А что здесь еще смотреть, миссис Дюран? Надеюсь, вы не ожидали увидеть морулу?

Гарви потащил жену за руку и сказал: — Спасибо вам, доктор.

Глаза Лизбет еще раз окинули комнату, избегая смотреть на чан. — Да, спасибо вам за это, что вы показали нам... эту комнату. Это помогает увидеть... готовит вас к... на случай чрезвычайной ситуации? — Глаза ее сосредоточились на раковине.

— Пожалуйста, все будет в порядке, я уверен, — сказал д-р Свенгаард, — сестра Вашингтон предоставит вам список всевозможных имен для вашего сына, если вы еще не сделали этого. — Он кивнул сестре: — Проводите, пожалуйста, Дюранов в комнату для отдыха номер 5.

Сестра Вашингтон сказала: — Следуйте, пожалуйста, за мной. — Она повернулась с видом чрезмерного терпения, которое, как полагал Свенгаард, все сестры получают вместе с дипломом. Дюраны послушно пошли всед за ней.

Свенгаард повернулся спиной к чану.

Ну вот и все дела — Поттер, специалист из Централа, в течение часа... и он не очень-то будет счастлив иметь дело с Дюранами. У людей так мало понимания того, что приходится терпеть медикам. Психоаналитическая подготовка родителей отнимает столько времени, которое можно было бы посвятить более важным делам... и, конечно, усложняет проблему безопасности. Свенгаард подумал о пяти директивах «Уничтожить после чтения», которые он получил от Макса Олгуда, босса Т-безопасности Централа, за последний месяц. Это вызывало тревожное чувство, как будто какая-то новая опасность заставила Т-Безопасность суетиться.

Но Централ настаивал на организации общественной работы с родителями. У оптименов, должно быть, были на это серьезные основания, решил Свенгаард. Большинство того, что ОНИ делали, оставляло удивительное ощущение. Свенгаард знал, что иногда он впадает в чувство сиротства, существования без прошлого. Все, что заставляло его выбраться из этого эмоционального болота, было созерцание момента: «ОНИ власть, которая любит нас и которая заботится о нас. » ОНИ твердо держали мир в своих тисках, будущее спланировано — место для каждого человека, и каждый человек на своем месте. Некоторые элементы старой мечты — космическое путешествие, новые философские концепции, морские фермы — все это временно положено на полку, отставлено в сторону для решения более важных дел. Хотя придет такой день, как только ОНИ решат все неизвестные, что кроются за субмолекулярной инженерией.

А тем временем для желающих была работа — поддержание популяции рабочих, подавление случаев отклонения, выращивание генетического фонда, из которого возникали даже оптимены.

Свенгаард повернул мезонный микроскоп над чаном Дюранов, настроил на малое увеличение, чтобы свести к минимуму эффект Гейзенберга. Еще один взгляд не повредит, просто на случай, вдруг он заметит опытную клетку и облегчит задачу Поттера. Даже когда склонялся над микроскопом, Свенгаард знал, что просто ищет оправдания. Просто он не мог удержаться от того, чтобы еще раз не исследовать эту морулу, которая явно имела потенциал и могла бы сформироваться в оптимума. Чудеса бывают так редко. Он сделал наводку и сфокусировал.

У него вырвался неожиданный вздох: — А-ах...

Такая пассивная при слабом увеличении морула, нет пульса, когда она лежит в стизе — и все-таки такая красивая в своей полудреме... такая маленькая, чтобы сделать намек на то, что она является ареной таких древних битв.

Свенгаард, опустив руку на увеличительный рычаг, помедлил. Сильное увеличение содержало свои опасности, но Поттер мог сделать небольшие поправки мезонного вмешательства. А увидеть увеличенное изображение было очень соблазнительно.

Он удвоил увеличение.

Еще раз.

Увеличение всегда уменьшало эффект стиза. Элементы здесь двигались, и с нефокусированного расстояния их мелькания были, как резкие повороты рыб. Вверх из этой кишашей арены выходила тройная спираль нуклеотидов, которая заставила его позвать Поттера. Почти оптимен. Почти то прекрасное совершенство формы и ума, которые может принять неопределенное балансирование жизни посредством тонко рассчитанных доз ферментов.

Ощущение утраты завладело Свенгаардом. Его собственные предписания, пока он поддерживал его живым, медленно убивали его. Такова была судьба всех мужчин. Они могли бы жить двести лет, иногда даже больше... но окончательно балансирующего действия не удавалось достичь никому, кроме оптименов. Они были совершенны, ограниченные только физическим бесплодием, но эта была судьба многих людей, и это ничего не отнимало у бесконечной жизни.

Его собственное состояние бездетного давало Свенгаарду ощущение общности с оптименами. Может быть, когда-нибудь и ОНИ так решат...

Он сосредоточил внимание на моруле. Недостаточность содержания сульфаминокислоты показывало слабое движение и при таком увеличении. С чувством шока Свенгаард узнал его: — изоваятин — генетический показатель латентной микседемы, предупреждение потенциальной недостаточности щитовидной железы. Это был беспокойный симптом при почти полном совершенстве в остальном. Это должно заставить Поттера насторожиться.

Вдруг на краю микроскопического поля появилось мелькающее движение.

Свенгаард застыл, подумал: «Боже мой, нет!»

Он стоял застывший от неожиданности явления, которое в поле зрения геной инженерии попадало за всю историю лишь восемь раз.

Тонкая линия, как след инверсии, проникла в клеточную структуру слева. Она завивалась через плотную спираль винтовой линии альфы, находила сложные концы полипептидных цепей молекулы миозина, извивалась и рассыпалась.

Там, где только что был след, находилась новая структура диаметром в четыре ангстрема и тысячу ангстремов длиной — проталин спермы богатой аргинином. Вокруг него фабрики белка из цитоплазмы видоизменялись, борясь со стизом. Свенгаард знал, что происходит из описания восьми предыдущих случаев. Система обмена АДП — АДР становилась все более сложной «сопротивляемой». Работа хирурга становилась в бесконечной степени более сложной.

«Поттер придет в ярость, » — думал Свенгаард.

Свенгаард отвернулся от микроскопа, выпрямился. Он вытер с рук пот, взглянул на часы в лаборатории. Прошло менее двух минут. Дюраны не дошли еще даже до комнаты отдыха. Но за эти две минуты какая-то сила... какая-то энергия извне уже сделала явно целенаправленную настройку эмбриона.

«Может быть, это и было тем, что насторожило Безопасность... и оптименов?» — размышлял Свенгаард.

Он слышал раньше, как описывали это явление, читал отчеты... но чтобы действительно увидеть самому! Увидеть, как это делается уверенно и целенаправленно...

Он потряс головой. Нет! Это не целенаправлено! Это только случайность, простое совпадение, ничего более.

Но увиденная картина стояла перед глазами.

Свенгаард начал делать последние проверки резервуаров с ферментами и соединил их с компьютерным дозовым контролем — масса цитохрома-h5 и гемопротейна Р-450, хороший запас убиквинона и сульфидрила, арсеката, азида и олигопицина, достаточное количество фосфохистидина с обилием протеина. Он перешел на следующую полку — ацилотирующие агенты, запас (2, 4 — динитрофенола) и групп азоксазолидона-3 с уменьшением НДДХ.

Он обратился к физическому оборудованию, проверил мезонный скальпельный микромеханизм, сверил измерительные приборы жизненных систем на чане и распечатку механизма стазиса.

Все в порядке.

Так и должно было быть. Эмбрион Дюранов, это прекрасная вещь с чудесным потенциалом, сейчас стойкий — генетически неизвестный... если только Поттеру удастся то, с чем не справились другие.

Глава 2

Д-р Вацлав Поттер остановился у отдела регистрации по пути в больницу. Он был слегка утомлен после долгого переезда в метро от Централа до Ситакского мегаполиса, но все же он рассказал бесцветную шутку о примитивном воспроизведении седовласой дежурной сестре. Она захихикала, когда разыскивала последнее сообщение Свенгаарда об эмбрионе Дюранов. Она положила сообщение на стойку и пристально посмотрела на Поттера.

Он взглянул на обложку папки и поверх нее и встретился со взглядом сестры.

«Разве такое возможно? — раздумывал он. — Но... она слишком стара — не подошла бы даже в роли хорошей подруги детства. Во всяком случае, великие психиатры не дали бы нам разрешения на потомство. » И он напомнил о себе: «Я Зик... Ж 1 1118 2 R. » В регионе Тимбукту Мегаполис в начале девяностых годов генная инженерия Зика прошла через краткий период популярности. Среди ее достижений были такие, как получение кудрявых черных волос, кожи с оттенком чуть светлее шоколада с молоком, мягких карих глаз и цвета лица пудинга с вареньем и выражением высшей степени добросердечности на высоком сильном теле. Зик. Вацлав Поттер.

Он должен был только произвести оптимена мужчину или женщину, и никогда вещь, сравнимую с жизнеспособной половой клеткой.

Поттер уже давно отказался от этой идеи. Он был одним из тех, кто голосовал за то, чтобы прекратить существование Зика. Он думал об оптименах, с которыми имел дело, и усмехался над собой. Ничего, кроме карих глаз... Но его усмешка не имела оттенка горечи.

— Знаете, — сказал он, улыбаясь сестре. — Эти Дюраны, чей эмбрион я получил этим утром — я формировал их обоих. И ведь я был занят этим делом очень давно.

— Ах, ну что вы, доктор, — сказала она, поворачивая голову в его сторону. — Вы еще даже не в среднем возрасте. Вам и дня не дать больше ста лет.

Он посмотрел на папку. — Но вот эти двое приносят мне формировать свой эмбрион, и я... — Он пожал плечами.

— Вы собираетесь рассказать им? — спросила она. — Я имею в виду то, что они тоже были у вас.

— Я, вероятно, даже не увижусь с ними, — сказал он. — Вы знаете, как все это бывает. Во всяком случае, люди иногда бывают не очень довольны своей внешностью... иногда им хотелось бы немного больше того, меньше этого. И они склонны обвинять хирурга. Они не понимают, не могут понять тех проблем, с которыми мы сталкиваемся здесь в хирургическом кабинете.

— Но, кажется, эти Дюраны получили очень удачные внешности, — сказала она. — Нормальные, счастливые, вероятно, чуть более обеспокоенные судьбой сына, но...

— Их генотип являлся самым удачным, — сказал он. Он постучал по палке указательным пальцем. — И вот доказательство: у них жизнеспособный эмбрион с потенциалом. — Он поднял большой палец жестом, присущим почетным оптименам.

— Вы должны очень гордиться ими, — сказала она. — В моей семье было только пятнадцать жизнеспособных из ста восьмидесяти.

Он сжал губы в презрительную гримасу, удивляясь тому, как он позволил себе втянуть себя в эти разговоры с женщинами, особенно с сестрами. Вероятно, виновато то зерно надежды, которое никогда не умирает, размышлял он. Он был сформирован из тех же материалов, которые породили дикие слухи, «врачи — улучшатели породы», шаманы и черный рынок в лекарствах на все случаи жизни в «истинном улучшении породы.» Это было то, что даст возможность продавать маленькие фигурки оптимена-Калапины, благодаря необоснованным слухам о том, что она произвела жизнеспособного эмбриона. Это было то, что заставляет надеющихся целовать носки ног идолов плодородия.

Его презрительная гримаса сочувствия перешла в циничную усмешку. Надеющиеся! Если бы они только знали.

— Вы знали о том, что Дюраны намерены наблюдать? — спросила сестра.

Голова его дернулась вверх, и он уставился на нее.

— Они уже в больнице, — сказала она — Безопасность соблюдена. Дюранов сканировали, и они находятся в комнате отдыха номер 5 с внутренней телевизионной связью с хирургическим кабинетом.

Его пронзил гнев.

— Пошло все к черту! Разве могут додуматься до чего-нибудь стоящего в этом глупейшем месте?

— Но, доктор. — сказала она, застыв в позе диктатора главного отдела. — Нет никаких причин, чтобы вызывать ваш гнев. Дюраны воспользовались этим правом по закону. Это связывает нам руки, и вы знаете об этом.

— Тупой чертов закон, — пробормотал Поттер, но гнев его прошел. «Закон! — думал он. — Еще один чертов маскарад. » Хотя он вынужден был признать, что им нужен закон. Если бы не общественный закон 10927, люди могли бы задавать разного рода каверзные вопросы. И нет сомнения в том, что Свенгаард сделал все, что было в его силах, чтобы отговорить Дюранов.

Поттер горестно усмехнулся и сказал: — Простите, что я так сорвался. У меня была неудачная неделя. — Он вздохнул. — Просто они не понимают.

— Вам дать еще какую-нибудь папку, доктор? — спросила она.

Поттер видел, что гармония пропала: — Нет, спасибо, — сказал он. Он взял папку Дюранов, направился в кабинет Свенгаарда. Да, это просто удача для него: пара наблюдателей. Это означало массу дополнительной работы. Это естественно!

Дюраны не могли бы удовлетвориться, просто увидев ленту после формирования. О, нет. Они должны присутствовать при этой сцене. А это значило, что Дюраны не такие невинные простачки, как могло бы показаться, что бы ни говорили работники Безопасности больницы.

Статическое меньшинство, которое открыто не повинуетя генетическому формированию, требует сейчас особого внимания.

И Поттер напомнил себе: «Я же сам формировал эту пару. Там нет ошибки. »

Он столкнулся со Свенгаардом, когда тот вышел из кабинета, выслушал, как тот подвел краткое резюме. Затем Свенгаард начал бубнить что-то о своих мероприятиях по организации Безопасности.

— Я ломаного гроша не дам за то, что говорят ваши сотрудники Безопасности, — рявкнул Поттер. — У нас новые инструкции. В каждом подобном случае должно быть оповещено Отделение чрезвычайной ситуации Централы.

Они вошли в кабинет Свенгаарда. Панели его были сделаны под дерево — угловая комната с видом на цветники на крышах и террасах, построенная из вездесущного трехфазового восстанавливающегося пласмелда, или как его в народе называли «пластика.» Ничего не должно было стариться или деградировать в этом лучшем из миров, мире оптименов. Ничего, за исключением людей.

— Отдел Чрезвычайной ситуации Централы? — спросил Свенгаард.

— Никаких исключений, — сказал Поттер. Он сел в кресло Свенгаарда и положил ноги на письменный стол. Он вытащил маленький телефонный аппарат цвета слоновой кости, поставил его на живот так, что его экран был в нескольких дюймах от лица. Он набрал номер отдела Безопасности и свой код идентификации.

Свенгаард сел на угол стола напротив него. Он казался рассерженным и набыченным. — Говорю вам, их сканировали, — сказал он. — При них нет необычных приборов. В них нет ничего необычного.

— За исключением того, что они настаивают на наблюдении, — сказал Поттер. Он подергал ключ телефона. — Ну, что они там спят, эти кретины?

— Но, закон... — сказал Свенгаард.

— К черту закон, — сказал Поттер. — Вы знаете так же как и я, что мы можем соединить телевизионный кабель через компьютер и показать родителям все, что нам заблагорассудится. Вам не приходило в голову поинтересоваться, почему мы не делаем этого?

— Почему... они... а... — Свенгаард потряс головой. Вопрос вывел его из равновесия. Почему это не делалось? Статистика показывала, что определенное число родителей настаивают на наблюдении и...

— Это было проверено, — сказал Поттер, — родители замечали руку компьютера в этом процессе.

— Как?

— Мы не знаем.

— А разве родителей не спрашивали и...

— Они убивали себя.

— Убивали се... Как?

— Мы не знаем.

Свенгаард попытался проглотить комок в пересохшем горле. Он вошел в состояние крайнего возбуждения прямо перед экраном отдела Безопасности. Он сказал: — А что насчет статистического соотношения...

— Статистический... святая простота! — сказал Поттер.

Низкий мужской голос раздался из телефона: — С кем вы разговариваете?

Поттер навел фокус на экран и сказал: — Я разговаривал со Свеном. Он вызвал меня по поводу жизнеспособного эмбриона...

— Он жизнеспособный?

— Да! Он жизнеспособный с полным потенциалом, но родители настаивают на наблюдении...

— Десять минут на метро и у вас там будет полная команда, — сказал голос в телефоне. — Они в Фрискополисе. Им еще надо несколько минут.

Свенгаард вытер вспотевшие ладони о бока рабочего костюма. Ему не видно было лица в аппарате, но голос был похож на голос Макса Олгуда, босса отдела Т-Безопасности.

— Мы задержим операцию, пока не придут ваши люди. — сказал Поттер. — Все данные уже посланы факсом и будут на вашем столе через несколько минут. Тут еще...

— Эмбрион, это все, что нам было сказано? — спросил голос в аппарате. — Какие-нибудь ошибки?

— Латентная микседема, выступающий ошибочный сердечный клапан, но...

— Ладно я позвоню вам после того, как посмотрю,

— Черт бы все побрал! — взорвался Поттер. — Вы можете позволить мне вымолвить свои десять слов не прерывая? — Он посмотрел на экран. — Здесь есть нечто более важное, чем ошибки и родители. — Поттер взглянул на Свенгаарда, который сидел спиной к аппарату. — Свен сообщает, что видел внешнее приспособление к аргинитной недостаточности.

Из аппарата послышался тихий свист, а затем: — Это надежная информация?

— Можно полагаться на нее.

— Она соответствует образцу восьми других?

Поттер посмотрел на Свенгаарда, который кивнул.

— Свен говорит, что да.

— ИМ это не понравится.

— Мне тоже.

— Свен видел достаточно, чтобы получить... какие-то новые соображения по этому поводу?

Свенгаард покачал головой.

— Нет, — сказал Поттер.

— Здесь большая вероятность того, что это незначительно, — сказал человек в аппарате. — В системе все возрастающего детерминизма...

— О, да, — ухмыльнулся Поттер. — В системе все возрастающего детерминизма вы получаете все больше и больше недетерминизма. Вы могли бы так же сказать, что в фуфрамe все растущей чертовщины...

— Ну, ладно, это то, что ОНИ считают.

— Так говорят ОНИ. Я полагаю, что природа не любит, когда в нее вмешиваются.

Поттер уставился на экран. По какой-то непонятной причине ему вспомнилась молодость, начало занятий медициной и тот день, когда он узнал о том, как близок был его генотип к оптимену. Он понял, что вместо старого чувства ненависти пришли слегка изумленное терпение и цинизм.

— Я не могу понять, почему они мирятся с тобой. — сказал голос в телефоне.

— Потому что я был очень близок, — прошептал Поттер. Затем ему стало интересно, как близок будет к ним эмбрион Дюранов. «Я сделаю все, что от меня зависит, » — подумал он.

Голос в трубке кашлянул и сказал: — Да, ну хорошо, жду информации от вас, чтобы утрясти дела с этим эмбрионом. Эмбрион должен дать некое подтверждение внешней интер...

— Не будьте полнейшим ослом, — сорвался Поттер. — Эмбрион соответствует докладу Свена до последнего фермента. Вы делайте свою работу, а нам оставьте нашу. — Он резко выключил аппарат, засунул его снова в стол и сел, уставившись на Свена. «Помпезная чертовщина... нет — он есть то, что он есть, потому что он то, что он есть. Происходит от живущего, слишком близкого к НИМ. Происходит от первоначального формирования. Может быть, я был бы тоже ослом, если бы был тем, кем должен был бы стать. »

Свенгаард попытался проглотить сухой ком. Он никогда раньше не слышал такого аргумента или такого откровенного разговора от людей, которые заправляли всем в Центrale.

— Ну, что, шокирован, Свен? — спросил Поттер. Он отпустил ноги на пол.

Свенгаард пожал плечами. Он чувствовал себя не в своей тарелке.

Поттер молча изучал его. Свенгаард был хорош в своих пределах, но ему не хватает творческого воображения. Блестящий хирург, но без этого специального качества он часто был просто орудием.

— Вы хороший человек, Свен. — сказал Поттер. — Надежный. То, что говорится в вашей характеристике, вы знаете. Вы никогда не будете ничем иным. Вы не были для того предназначены. Хотя, в вашей особенной нише, вы фигура не последняя.

Свенгаард услышал в этом только похвалу и сказал: — Конечно, хорошо, когда ценят, но...

— Но у нас есть работа, которую надо делать.

— Это будет трудно, — сказал Свенгаард. — Ну, что же?

— Вы думаете, то внешнее приспособление было случайным? — спросил Поттер.

— Я — хотел бы этому верить. — Свенгаард провел языком по губам... — это не было детерминированным. Это не было фактором...

— Вы бы хотели отнести это за счет неопределенности, к эффекту Гейзенберга? — сказал Поттер. — Принцип неопределенности, какой-то результат нашего собственного вмешательства — все является случайным в этой капризной вселенной.

Свенгаард почувствовал себя уязвленным количеством грубости в голосе Поттера и сказал: — Не совсем так. Я имел в виду только то, что никакой сверхслучайный фактор не мог приложить руку к...

— Бог? Вы же не хотите действительно сказать, что боитесь того, что это дело какого-то божества?

Свенгаард отвернулся. — Я вспоминаю школу. Вы читали лекцию. Вы сказали, что мы всегда готовы смотреть в лицо тому факту, что действительность, которую мы видим, будет шокирующим образом отличаться от всего того, к чему вели нас наши теории.

— Я действительно говорил так? Я говорил это?

— Да.

— Что-то там не так, да? Есть нечто за нашими инструментами. Оно никогда не слышало о Гейзенберге. И оно вовсе

никакое не неопределенное. Оно движается. — Голос его стал тихим. — Оно движется прямо. Оно приспособливает вещи. — Он склонил голову набок. — Ах-ха-ха! Призрак Гейзенберга снова примешивается!

Свенгаард с любопытством смотрел на Поттера. Человек высмеивал его. Он сказал напряженно: — Гейзенберг действительно указывал, что у всех нас есть свои пределы.

— Вы правы, — сказал Поттер. — В нашей вселенной есть место для чуда. Он учил нас этому. Всегда есть что-то, чего мы не можем объяснить, понять... или измерить. И сейчас он поставил нас перед этой дилемой, да? — Поттер взглянул на часы на пальце, затем снова на Свенгаарда. — Мы пытаемся объяснить все вокруг нас, пропуская это через понятия, которые близки нам. Наша цивилизация глядит неопределенно в глаза Гейзенберга. Если он учил нас правильно, как мы можем сказать, является ли неизвестное случайным или преднамеренным действием Бога? Какой смысл даже спрашивать об этом?

Свенгаард говорил, как бы защищаясь: — Кажется, нам, все же, удалось чего-то достигнуть?

Поттер поразил его, рассмеявшись. Голова его откинулась назад, а тело тряслось от удовольствия. Наконец, смех утих, и Поттер сказал: — Свен, вы самоцвет. Я действительно хочу это сказать. Если бы не такие, как вы, мы еще оставались бы там в прошлом, в грязи и навозе, убегая от ледников и саблезубых тигров.

Свенгаард старался сдержать в голосе гнев, говоря: — А что ОНИ думают о том, что такое аргинитное приспособление?

Поттер уставился на него оценивающим взглядом, а затем сказал: — Черт возьми! Кажется, я недооценил вас, Свен. Мои извинения, а?

Свенгаард пожал плечами. Сегодня Поттер вел себя странно — удивительные реакции, странные взрывы эмоций. — Вы знаете, что ОНИ говорят об этом? — спросил он.

— Вы слышали, что говорил Макс по телефону, — сказал Поттер.

«Так это действительно был Олгун, » — подумал Свенгаард.

— Конечно, я знаю, — огрызнулся Поттер. — Макс воспринимает все это не так. ОНИ говорят, что генная инженерия навязывает себя природе — природе, которая никогда не

может сводиться к механическим системам и, следовательно, к неподвижности. Нельзя остановить движение, понятно? Это явление расширенной системы, энергия, требующая уровня, который...

— Расширяющейся системы? — спросил Свенгаард.

Поттер взглянул на насущенное лицо говорившего. Неожиданный вопрос привлек внимание Поттера к различиям в образе мыслей между теми, что живут близко к Централу, и тех, кто касается мира оптименов только через сообщения и связи через вторые руки.

«Мы так различны, — думал Поттер. — Точно так же, как оптимены отличаются от нас, а Свен отличается от бесплодных и улучшателей породы. Мы отколоты друг от друга... и никто из нас не имеет прошлого. Только у оптименов есть прошлое. Но у каждого индивидуальное прошлое... эгоистичное, личное... и древнее.»

— Расширенная система, — сказал Поттер. — От микрокосмоса к микрокосмосу, ОНИ говорят, что все есть порядок и системы. Идея материи является несущественной. Все есть столкновения энергии — некоторые кажутся большими, быстрыми и зрелищными... некоторые маленькими, мягкими и медленными. Но это тоже относительно. Аспекты энергии беспредельны. Все зависит от точки зрения наблюдателя, правила энергии изменяются. Существует бесконечное количество правил энергии, каждый комплекс зависит от двояких аспектов точки зрения и основания. В этой расширенной системе вещь извне принимает вид узла, появляющегося на стоячей волне. Вот, что ОНИ говорят.

Свенгаард слез со стола и стоял в экстазе благоговейного страха. Он осознавал, что имел лишь отдаленный взгляд, разрозненные клочки понимания, которые проникали в каждый вопрос, который он мог задать о вселенной. Это могло быть и потому, что он работает вне Центра, размышлял он.

— Это великая мудрость, не так ли? — настойчиво спросил Поттер. Он встал. — Поистине великая мысль! — он поперхнулся на смешке. — Вы знаете, парень по имени Дидерот высказал эту мысль. Это было где-то в 1750 году и приблизительно в это время. А они сейчас кормят нас ей из ложечки Великая мудрость!

— Может быть, Дидерот был один из них, — сделал предположение Свенгаар.

Поттер вздохнул, подумав, каким поверхностным может стать человек, который сидит на диете подтасованной истории. И тогда он стал размышлять о том, как его собственная диета прилажена и управляема.

— Дидерот был один из нас, — проворчал Поттер.

Свенгаард уставился на него, лишенный слов от шока богохульства этого человека.

— Все идет к тому, — сказал Поттер. — Природа не любит, чтобы в нее вмешивались.

Под столом Свенгаарда раздался звонок.

— Безопасность? — спросил Поттер.

— Все ясно, — сказал Свенгаард. — Они уже тут как тут.

— Вся Безопасность Централа на месте, — сказал Поттер.

— Заметь, они не придут доложить вам или мне. Вы знаете, они следят за нами тоже.

— А у меня... нечего скрывать, — сказал Свенгаард.

— Конечно, — сказал Поттер. Он обошел вокруг стола и положил руку на плечи Свенгаарда. — Ну, ну. Нам пора надевать маску Арчеуса. Мы собираемся придать форму и организацию живому организму. Мы ведь истинные боги.

Свенгаард все еще чувствовал себя растерянным. — Что они сделают... Дюранам? — спросил он.

— Сделают? Ничего — если только Дюраны не вынудят их. Дюраны даже не будут знать, что за ними наблюдают. Но маленькие парни Централа будут знать обо всем, что происходит в этой комнате отдыха. Дюраны даже не смогут рыгнуть без того, что их газ тут же не был подвергнут полному анализу. Ну, пошли.

Но Свенгаард оттягивал.

— Д-р Поттер, — спросил он, — а что, по-вашему, ввело эту аргинную цепь в морулу Дюранов?

— Я более близок к вашему мнению, чем вы думаете, — сказал Поттер. — Мы боремся с... нестабильностью. Мы потревожили биологическую стабильность наследственности своими фальшивыми изомерами и ферментными приспособлениями, а также мезонными лучами. Мы подорвали химическую стабильность молекул в бактериальной плазме. Вы врач. Посмотрите на предписания ферментов, которые все мы должны принимать... какое глубокое приспособление мы должны делать, чтобы выжить. Так не всегда было. И что бы там ни устанавливало эту первоначальную стабильность, мы все еще там и боремся. Вот что я думаю.

Глава 3

Сестры хирургического кабинета установили чан под ферментный консоль, подготовили трубки и компьютерное табло анализа питания. Они работали спокойно, эффективно, пока Поттер и Свенгаард проверяли свои измерительные приборы. Компьютерная сестра положила на полку свои ленты, там послышалось бурление и тикание, когда она проверяла свой щит.

Поттер чувствовал, как сам наполняется тем осторожным беспокойством, которое всегда находило на него перед операцией. Он знал, что скоро оно уйдет и уступит место выверенной уверенности действия, но он чувствовал, что в данный момент его одолевает сварливость. Он взглянул на измерительные приборы чана. Цикл Кребса держался на 86,9 с хорошим запасом шестидесяти с лишним баллов выше уровня смерти. Подошла сестра, ответственная за чан, проверила его дыхательную маску. Он проверил свой микрофон. «У моей Мери есть одна славненькая штучка» — хирург взял себе за правило... проверять этой древней шуткой всех женщин.

Он услышал, как хихикнула сестра у компьютера, взглянул на нее, но она стояла спиной к нему, и лицо ее было спрятано под маской.

Сестра у чана сказала: — Микрофон работает, доктор.

Он не видел, как двигались ее губы под маской, но щеки ее вздрагивали, когда она говорила.

Свенгаард разминал пальцы в перчатках, сделал глубокий вдох. Стоял легкий запах аммония. Он размышлял о том, почему Поттер всегда шутит с сестрами. Казалось, что это в какой-то степени унижало его достоинство.

Поттер подошел к чану. Его стерильный костюм шуршал знакомым щелкающим шипением, когда он шел. Он взглянул вверх на настенный экран, проигрывающий монитор, который показывал приблизительно то, что видел хирург и что было доступно наблюдению родителей. Экран показал его, когда он подносил ко лбу линзы.

«Чертовы родители, — думал он. — Они заставят меня чувствовать свою вину... все родители.»

Он перевел внимание на хрустальный чан, который сейчас блестел инструментами. Громкий звук насоса действовал ему на нервы.

Свенгаард подошел к чану с другой стороны и ждал. Дыхательная маска скрывала нижнюю часть его лица, но глаза его казались спокойными. Они излучали чувство спокойствия и надежности.

«А что он чувствует на самом деле?» — раздумывал Поттер. И он напомнил себе, что в случаях чрезвычайной ситуации не было лучшего ассистента, чем Свен.

— Вы можете начинать увеличивать подачу пирувичной кислоты, — сказал Поттер.

Свенгаард кивнул, ослабил ключ питания.

Компьютерная сестра начала свои вихревые повороты лент.

Они следили за показаниями приборов, когда цикл Кребса начал расти — 87, 0... 87, 8... 88, 5... 90, 5... 91, 9...

«Ну, — сказал себе Поттер, — необратимое движение рота началось. Его может остановить только смерть. »

— Скажите мне, когда цикл Кребса достигнет показателя сто десять, — приказал он.

Он перевел микроскоп и микроскопические манипуляторы на место, облокотился на стойки. «Увижу ли я то, что видел Свен?» — заинтересовался он. Впрочем, это было маловероятным. Молния со стороны никогда не ударяет в одно и то же место. Но она пришла. Она сделала то, что не могла бы сделать ни одна человеческая рука. И она ушла.

«Куда?» — размышлял Поттер.

В фокус выплыли межрибозональные пространства. Он просканировал их, усилил увеличение и пошел дальше в спирали ДНК. Да там была ситуация, которую описывал Свен. Эмбрион Дюранов был одним из тех, который может оказаться выше человеческой области Централы... если это удастся хирургу.

Подтверждение этого странно потрясло Поттера. Он перевел внимание на место хондриальных структур, увидел свидетельство аргинитного вторжения. Оно точно совпадало с описанием Свена, спираль-Альфа начала укрепляться, вскрывая тепложаловые пососчатости в акуриновых сдвигах. Только одно это могло противостоять хирургу. И это было первостепенной проблемой.

Поттер выпрямился.

— Ну? — спросил Свенгаард.

— Очень похоже на то, что вы описывали, — сказал Поттер — Неотложная работа. — Это было сказано для наблюдающих родителей.

Теперь ему показалось интересным, а что же увидели в Дюранах агенты Безопасности. Нагрузят ли эту пару различными поисковыми и пробными устройствами, замаскированными под обычные старинные предметы? Вероятно. Но ходили слухи о том, что вводится новая техника подпольного Центра родителей... и о Киборгах, выползающих из темных теней, которые скрывали их веками. — А существуют ли вообще Киборги? Поттер не был в этом убежден.

Свенгаард сказал компьютерной сестре: — Начинайте убирать назад пирувик.

— Убирать назад пирувик, — сказала она.

Поттер переключил внимание на главную полку перед ним, проверил наличие в первом ряду пиримидилов, нуклеиновых кислот и белков, затем ацуриновых, рибоормевиновых, пиридоксиновых, пантотетичных кислот, оролической кислоты, хомена, ипозитола сульфидрила...

Он кашлянул, составляя план атаки на защитные функции морулы. — Я попытаюсь найти плавающую клетку, маскируя цистеин в единую цепочку, — сказал он. — Стойте рядом с сульфидрилом и подготовьте промежуточную ленту для синтеза белков.

— Готов к маскировке, — сказал Свенгаард. Он кивнул компьютерной сестре, которая вставила промежуточную ленту в положение мягкой уверенности.

— Цикл Кребса? — спросил Поттер.

— Подходит к ста десяти, — сказал Свенгаард.

Тишина.

— Отметка сто десять. — сказал Свенгаард.

Снова Поттер склонился над микроскопом.

— Начинайте запуск ленты, — сказал он. — Два минимума сульфидрила.

Поттер, медленно усиливая увеличение, выбрал клетку для маскировки. Моментальное затемнение вторжения очистилось, и он исследовал окружающие клетки в поисках ключей, от которых могла бы оттолкнуться митоза на его направленную прямую. Оно было медленное... медленное. Он только что начал, а руки его в перчатках уже вспотели.

— Стойте рядом с аденозинным трифосфатом, — сказал он.

Свенгаард вставил трубку питания в микроманипулятор, кивнул сестре у чана: — АТП готов. Это будет трудная задача.

— Начинайте с одного минимума АТП, — сказал Поттер.

Свенгаард ослабил ключ питания. Жужжание компьютерных лент прозвучало слишком громко. Поттер моментально поднял голову, тряхнул ею.

— Не та клетка, — сказал он. — Попытаемся с другой. Та же самая процедура.

И снова он нагнулся над микроскопом, опираясь на подставки, двинул микроманипуляторы, усиливая увеличение на одну шкалу одновременно. Он медленно нащупывал путь в клеточную массу. Мягко... Мягко. Сам микроскоп мог нанести здесь невосполнимый урон.

«Ах-х,» — думал он, узнавая активную глубину клетки в моруле. Статис чана давал здесь лишь относительные показания. Клетка представляла собой сцену интенсивной химической деятельности. Он узнал двойные основные пары, когда они вошли в изогнутую спираль сахарного фосфата.

Первоначальное волнение его ушло, и он почувствовал былую уверенность с часто возвращающимся ощущением того, что морула — это океан, в котором он плавает, что внутренность клетки является его естественным местом обитания.

— Два минимума сульфидрила, — сказал Поттер.

— Сульфидрил, два минимума, — сказал Свенгаард. — Стойте рядом с АТП.

— АТП, — сказал затем Поттер, — Я собираюсь затормозить реакцию обмена в митохондриальных системах. Начинайте вводить олиголипид и азид.

Свенгаард показал, на что он способен, действуя без колебаний. Единственное опасение, которое он испытывал в этой процедуре, было в вопросе: «Буду ли я готов к несоединяющемуся агенту?»

— Стойте рядом с солью мышьяковой кислоты в номере один, — сказал Поттер.

— Цикл Кребса идет вниз, — сообщила компьютерная сестра. — Восемьдесят девять целых четыре десятых.

— Эффект вторжения, — сказал Поттер. — Дайте мне шесть десятых минимума азида.

Свенгаард отпустил ключ.

— Четыре десятых минимума олигоципина, — сказал Поттер.

— Олигоцин, четыре десятых, — сказал Свенгаард.

Поттер чувствовал, что вся его жизнь заключена сейчас в зрении, обращенном в микроскоп, и в руках на микроманипуляторах. Все его существо переселилось в морулу, смешалось с ней.

Зрение сказала ему, что периферийная мистоза прекратилась... как и должна была в этих условиях. — Я думаю, нам удалось, — сказал он. Он установил показатель микроскопа на нужное положение, сместил фокус и пошел вниз в спираль ДНК, ища гидроксильную деформацию, ошибку, которая могла бы привести к ненормальному сердечному клапану. Вот в этом он был художник, мастер экстра-класса — плавающая клетка найдена. Сейчас ему предстояло переформировать тончайшую химическую фабрику внутренней структуры.

— Приготовиться к формированию, — сказал он.

Свенгаард зарядил мезонный генератор. — Заряжен, — сказал он.

— Цикл Кребса семьдесят один, — сказала компьютерная сестра.

— Первый срез — сказал Поттер. Он выпустил одиночный направленный взрыв, проследил за бурлящим хаосом, который последовал за ним. Гидроксильный придаток исчез. Нуклеотиды перестроились.

— Гемопротейн Р-450, — сказал Поттер. — Стойте рядом, чтобы сократить его с помощью НДДХ. — Он ждал, изучая глобулярные белки, которые формировались перед ним, следя за биологически активными молекулами. Есть! Инстинкт в сочетании с опытом подсказали ему точный момент. — Два с половиной минимума Р-450, — сказал он.

Угол суматохи переместился в группу полипептидных цепей в сердце клетки.

— Сократите его, — сказал Поттер.

Свенгаард коснулся ключа питания НДДХ. Он не мог видеть то, что видел Поттер, но линзы на лбу хирурга воспроизводили слегка смещенный вид поля зрения микроскопа. Этот вид и указания Поттера говорили о медленном распространении изменения в клетке.

— Цикл Кребса пятьдесят восемь, — сказала компьютерная сестра.

— Второй срез, — сказал Поттер.

— Заряжена, — сказал Свенгаард.

Поттер выискивал микседемальный латентный изовалтин, нашел его. — Дайте мне ленту структуры, — сказал он. — S(изо- пропилокбоксиментил) цистент.

Компьютерная лента прошипела в вихре, остановилась, возобновила медленный стабильный ход. В верхнем правом квадрате микроскопического поля Поттера появился образ изовалтинного сравнения.

Он сравнивал структуры точка за точкой и сказал: — Убрать ленту.

Образ сравнения исчез.

— Цикл Кребса сорок семь, — сказала компьютерная сестра.

Поттер сделал глубокий дрожащий вздох. Еще двадцать семь баллов, и они окажутся у уровня смерти. Эмбрион Дюранов тогда погибнет.

Он проглотил комок, произвел нацеленный мезонный взрыв. Изовалтин распался.

— Готов с циклозерином, — сказал Свенгаард.

«Ах, как хорош старик Свен, — подумал Поттер. — Вам не нужно подсказывать ему следующий шаг, он сам знает, что надо делать.»

— Сравнение Д-4-аминазоксазолидона-3, — сказал Поттер.

Компьютерная сестра приготовила ленту и сказала: — Сравнение готово.

В поле зрения Поттера появился образ сравнения.

— Проверено, — сказал он. Образ исчез. — Одна целая, восемь десятых минимума. — Он следил за взаимодействием ферментных функциональных групп, пока Свенгаард управлялся с циклозерином. Аминогруппа показала прекрасное открытое поле родства. Переносные РНК с готовностью устремились в ниши.

— Цикл Кребса тридцать восемь целых и шесть десятых, — сказала компьютерная сестра.

«Мы должны использовать этот шанс. — подумал Поттер. — Этот эмбрион больше не выдержит приспособлений.»

— Сократить наполовину стизу чана, — сказал он. — Увеличьте АТП. Дайте мне микропитание на десять минимумов пирувичной кислоты

— Сокращаю стизу, — сказал Свенгаард, а сам подумал: «Мы подошли слишком близко.» Он включил ключи питания АТП и пирувичной кислоты.

— Давайте мне показания цикла Кребса через половину балла, — сказал Поттер.

— Тридцать пять, — сказала сестра. — Тридцать четыре и пять десятых. — Голос ее набирал скорость с шокирующей безостановочностью. — Тридцать три... тридцать два... тридцать один... тридцать... двадцать девять...

— Освободить все стизы, — сказал Поттер. — Подать полный аминоспектр с активированным хистидином. Начать подачу пиридоксина — четыре целых и две десятых минимума.

Руки Свенгаарда металась над ключами.

— Ленту обратной подпитки белков, — приказал Поттер. — Поставьте его на полную запись ДНК компьютерной автоматикки.

Ленты шуршали в вихре.

— Он снижается. — сказал Свенгаард.

— Двадцать два, — сказала компьютерная сестра. — Двадцать один и девять... двадцать два и один... двадцать два и два... Двадцать два и один... двадцать два и два... двадцать два и три... двадцать два и четыре... двадцать два и три... двадцать два и четыре... двадцать два и пять... двадцать два и шесть... двадцать два и пять...

Поттер чувствовал напряженную борьбу, которая проходила через каждый его нерв. Морула находилась на нижнем краю уровня смерти. Она могла выжить или умереть в любую из следующих нескольких минут. Или она могла бы выбраться из этой ситуации исковерканной. Такие вещи тоже случались. Когда ошибка была слишком большой, тогда чан переворачивали и выплескивали. Но Поттер сейчас чувствовал, что не может позволить себе потерять его.

— Мутагенный набор возвращения в нормальное состояние! — сказал он.

Свенгаард заколебался. Цикл Кребса следовал по медленной синусоидальной кривой, которая опасно опускалась сейчас в цикл смерти. Он знал, почему Поттер принял такое решение, но следовало взвесить канцерогеническую опас-

ность. Он раздумывал, стоит ли ему спорить против этого шанса. Эмбрион висел менее чем на четыре балла от смертельного погружения в распад. Химические мутагены, применяемые на этой точке, могли бы дать резкий толчок к росту или уничтожить его. Даже если мутагенное средство сработает, оно могло бы сделать эмбрион восприимчивым к раку.

— Мутагенный прибор возвращения в нормальное состояние, — повторил Поттер.

— Дозировка? — спросил Свенгаард.

— Половина минимума на частично-минимальном питании. Я проконтролирую его здесь.

Свенгаард передвинул ключи питания, а глаза его неотрывно следили за показателем цикла Кребса. Он никогда не слышал о применении такой резкой дозировки на уровне, близком к окончательной границе. Мутагены обычно использовались как запасное средство для имеющих частичные недостатки стерри-эмбрионов, шаг, который иногда приводил к драматическим результатам. Он был равносильен встряске ведра с песком до уровня грома. Иногда плазма вируса, представленная вместе с мутагеном, отчасти выходила на лучший уровень. Это могло бы даже привести к получению жизнеспособного эмбриона... но оптимена никогда.

Поттер уменьшил увеличение, изучил течение движения в эмбрионе. Он мягко освобождал ключ питания, искал знаки оптимена. Клеточное движение оставалось нестабильным, до конца неясным.

— Цикл Кребса двадцать два и восемь, — сказала компьютерная сестра. «Понемногу ползем вверх,» — думал Поттер.

— Очень медленно, — сказал Свенгаард.

Поттер продолжал свое бдение внутри морулы. Она росла, расширялась толчками и периодами, борясь всей огромной силой, заключенной в этом крошечном поле.

— Цикл Кребса тридцать один и четыре, — сказал Свенгаард.

— Я убираю мутагены, — сказал Поттер. Он отвел микроскоп на перефериическую клетку, привел в норму нуклеиновые белки, выискивая ошибочные построения.

Клетка была чиста.

Поттер проследовал вниз в закругленную кольцами цепь спирали ДНК с все растущим изумлением.

— Цикл Кребса тридцать шесть и восемь, он поднимается, — сказал Свенгаард. — Начать подачу хопина и сенурина?

Поттер отвечал автоматически, все внимание его было сосредоточено на генной структуре клетки. — Да, начинайте с них. — Он закончил цикл прослеживания, переключился на другую периферическую клетку.

Идентична.

Еще одна клетка — та же самая.

Измененная генная структура сохранилась, но это был образец, понимал Поттер, которого еще не видело человечество со второго века генной инженерии. Он подумал о том, чтобы для большей уверенности вызвать ленту сравнения. Компьютер бы выдал ее, конечно. Ни одна запись не терялась и не выкидывалась. Но не посмел... в этом слишком много ставилось на кон. Хотя он знал, что ему и так не надо никакого сравнения. Это была классическая форма, школьная норма, на которую он смотрел внимательно почти ежедневно в течение всего курса изучения медицины.

Супергениальный образец, который заставил Свена вызвать специалиста Централа, был здесь, укрепленный с помощью приспособлений хирургического кабинета. Он был близок к парному, хотя с полностью стабильным образцом плодородия. Основы долголетия лежали замкнутыми в конфигурациях генной структуры.

Если бы этот эмбрион достиг зрелости и встретил плодоносящую супругу, он мог бы вырастить здоровых живых детей без вмешательства генного хирурга. Ему не нужны предписания ферментов, чтобы выжить. Он мог бы пережить десять нормальных людей без этого предписания, и с несколькими ферментными приспособлениями мог бы вступить в ряды бессмертных.

Эмбрион Дюранов мог бы начать новую расу — подобную вечножителям Централа, но драматически не похожую на них. Потомство этого эмбриона могло бы войти в ритмы естественного отбора... совершенно не зависящего от контроля оптименов.

Это был шаблонный образец, от которого не мог бы отклониться слишком далеко ни один человек, и все же это была единственная вещь, которую больше всего боялись в Центrale.

Каждому генному инженеру вбивали это в голову в течение всего курса обучения: «Естественный отбор — это сума-

существо, которое заставляет свои жертвы вслепую пробиваться в пустой жизни.»

Разум оптименов и логика оптименов должны делать лекцию.

Время как-будто остановилось, Поттер чувствовал глубокую уверенность, что эмбрион Дюранов, если он доживет до зрелости, встретит жену, дающую потомство. Этот эмбрион получил свой дар свыше — богатство спермоаргинина, ключ к плодородному образцу. В потоке мутагена, который открыл активные центры ДНА, генные образцы этого эмбриона привели к такой стабильной форме, о которой ни один человек не осмелился бы мечтать.

«Почему я ввел мутагены именно тогда? — раздумывал Поттер. — Я знал, что это необходимая вещь. Почему я знал это? Неужели я был инструментом какой-то другой силы?»

— Цикл Кребса пятьдесят восемь и постоянно поднимается, — сказал Свенгаард.

Поттеру нужна была свобода, чтобы обсудить эту проблему со Свенгаардом... но здесь были проклятые родители и люди Безопасности... тоже наблюдатели. «Возможно ли, что среди них был кто-то другой, кто видел и был достаточно знаком с этим образцом, чтобы понять, что здесь произошло? — размышлял он. — Почему я ввел мутагены?»

— Вы уже видите образец? — спросил Свенгаард.

— Нет еще, — солгал Поттер.

Сейчас эмбрион быстро рос. Поттер изучал пролиферацию стабильных клеток. Это было красиво.

— Цикл Кребса шестьдесят четыре и семь, — сказал Свенгаард.

«Я слишком долго ждал, — думал Поттер. — Шишки Централа спросят, почему я ждал так долго, чтобы убить этого эмбриона. Я не могу убить его. Он слишком красив.»

Централ сохранял власть, держа остальной мир в неведении по праву сильного, заполняя жизненное время предписаниями драгоценных ферментов своим полуживым рабам.

У народа была пословица: «В этом мире существует два мира — один, который не работает и живет вечно, и второй, который не живет, а работает вечно.»

Здесь, в этом хрустальном чане лежал крошечный шарик клеток, живое существо, менее шести десятых миллиметра диаметром, и оно несло в себе реальную силу прожить свою жизнь вне контроля Централа.

Эта морула должна была умереть.

«Они прикажут, чтобы ее убили, — думал Поттер. — А я буду подозреваемым... конченным. А если это существо вырвется в жизнь, что тогда? Что тогда случится с генной инженерией? Может мы вернемся снова к исправлению мелких дефектов... так как было до того, как мы начали формировать суперменов.»

Супермены?

Мысленно он делал то, что не мог делать ни один голос: он проклинал оптименов. Они были огромной властью, мгновенной жизнью или смертью. Многие были гениями. Но они также зависели от рациона ферментов, как и группы бесплодных и улучшателей породы. Среди бесплодных и улучшателей породы... среди хирургов также были блестящие умы.

Но никто из них не мог жить вечно, безопасно при этой конечной жестокой власти.

— Цикл Кребса ровно сто, — сказал Свенгаард.

— Мы уже перешли крайний высший рубеж, — сказал Поттер. Он рискнул взглянуть на компьютерную сестру, но она стояла к нему спиной, занятая своим табло. Без той компьютерной записи можно было бы скрыть то, что здесь произошло. Если эту запись изучат Безопасность и оптимены, ничего нельзя будет скрыть. Свенгаард видел недостаточно, чтобы понять. Линзы на его лбу давали лишь приблизительную картину полного поля видения микроскопа. Сестры, отвечающие за чан, не могли даже догадаться об этом. Только компьютерная сестра с ее крошечным экраном монитора могла бы знать... а полная запись лежала сейчас в ее машине — рисунок магнитических волн на полосах ленты.

— Это был самый низкий уровень, какой я когда-нибудь видел у эмбрионов, которых не убили, — сказал Свенгаард.

— Насколько низок? — спросил Поттер.

— Двадцать один и девять, — сказал Свенгаард. — Двадцать, конечно, это нижняя граница, но я никогда раньше не слышал, чтобы эмбрион выживал, опускавшийся ниже двадцати пяти, а вы, доктор?

— Нет. — сказал Поттер.

— Это тот образец, который мы хотим? — спросил Свенгаард.

— Пока я не хочу слишком влезать в это, — сказал Поттер.

— Конечно, — сказал Свенгаард — Что бы ни произошло, это была вдохновенная операция.

«Вдохновенная операция! — подумал Поттер. — Что бы сказал этот олух, если бы я ему сказал, что у нас здесь? Полностью жизнеспособный эмбрион! Полностью. Он бы сказал, убейте его. Ему не нужно будет предписаний ферментов, и он может дать потомство. У него нет дефектов... ни одного. Он бы сказал, убейте его. Он преданный раб. Всю печальную историю генной инженерии можно было бы противопоставить одному только эмбриону. Но в ту же минуту, когда они увидят эту ленту в Центrale, эмбрион будет уничтожен.»

Они сказали бы... уничтожьте его... потому что им не нравится употреблять слова убить или умертвить.

Поттер склонился над микроскопом. Как прекрасен этот эмбрион в своем устрашающем виде.

Он рискнул бросить еще один взгляд на компьютерную сестру. Она повернулась, маска ее опущена, встретилась с ним взглядом, улыбнулась. Это была знающая, таинственная улыбка, улыбка конспиратора. Сейчас она вытянула руку, чтобы вытереть с лица пот. Ее рукав задел выключатель. Хриплый визгливый вскрик послышался от компьютерного табло. Она быстро повернулась на него, вскрикнула: — О боже мой! — Руки ее заматались по доске, но лента продолжала шипеть через катушку импульсного повторителя. Она повернулась, попыталась открыть крышку записывающей консоли. Большой вихрь с сумасшедшей скоростью крутился под крышкой катушки.

— Она несется со страшной скоростью, — закричала она.

— Она замкнута на стирание, — выпалил Свенгаард. Он подскочил к ней с боку, попытался снять крышку катушки. Она застряла на его дорожках.

Поттер следил, как человек во сне, когда последний отрезок ленты не промелькнул через головки, начал наматываться в ненужную кипу.

— О, доктор, мы лишились записи, — завывала компьютерная сестра.

Поттер сосредоточил внимание на маленьком экране монитора на пульте компьютерной сестры. «Пристально ли она следила за операцией? — спросил он себя. — Иногда они следят за каждым срезом, за каждым движением... а компьютерные сестры — кумекающее племя. Если она следила, то у нее прекрасное представление о том, что произошло. И в

самом лучшем случае, она может подозревать. А случайно ли была стерта эта лента? Могу ли я надеяться?»

Она повернулась, встретила с ним взглядом: — О, доктор, мне очень жаль, — сказала она.

— Ничего, бывает, сестра, — сказал Поттер. — Ничего особенного в этом эмбрионе нет, кроме того факта, что он будет жить.

— Мы упустили его, да? — спросил Свенгаард. — Это все, должно быть, мутагены.

— Да, — сказал Поттер, — Но без них он бы умер.

Поттер пристально посмотрел на сестру. Он не мог быть уверен, но подумал, что увидел, как глубокое облегчение размыло ее черты.

— Я дам словесную ленту операции, — сказал Поттер. — Для этого эмбриона этого будет достаточно.

А сам подумал: «Когда начинается конспирация? Это начало ее!»

Но этой конспирации следовало сделать еще так много. Ни один понимающий глаз не должен еще раз посмотреть на этот эмбрион в микроскоп, если это не будет частью конспирации... либо разоблачение.

— У нас еще есть лента синтеза белков, — сказал Свенгаард. — Она даст нам косвенные химические факторы и распределение по времени.

Поттер подумал о ленте синтеза белков. Есть ли в ней опасность? Нет, она является лишь ссылкой на то, что была операция... а не то, как что-то использовалось.

— Да, конечно, — сказал Поттер. — Да, конечно. — Он указал на экран монитора. — Операция закончена. Вы можете выключить внутреннее телевидение и провести родителей в приемную комнату. Мне очень жаль, что не удалось сделать большего, чем мы сделали, но это будет здоровый человек.

— Бесплодный? — спросил Свенгаард.

— Слишком рано говорить об этом, — сказал Поттер. Он посмотрел на компьютерную сестру. Ей удалось наконец достать крышку, и она остановила ленту. — Есть какие-либо предположения, как это случилось?

— Вероятно, подвел соленоид, — сказал Свенгаард.

— Это оборудование довольно старое, — сказала сестра. — Я несколько раз просила заменить части, но, кажется, мы не справляемся с первостепенными нуждами вовремя.

«А в Центrale неохотно признают, что что-то может износиться,» — подумал Поттер.

— Да, — сказал Поттер. — Осмелюсь сказать, что сейчас мы получим замену.

«Кто-нибудь еще мог увидеть, как она зацепила выключатель?» — размышлял Поттер. Он попытался вспомнить, где находился каждый в комнате и куда они смотрели; обеспокоенный тем, что за ней мог наблюдать какой-нибудь второстепенный агент Безопасности. «Если бюро Безопасности видело это, ей не жить, — подумал Поттер. — И мне тоже.»

— Частью доклада об этом случае будет сообщение техника о ремонте, — сказал Свенгаард. — Я полагаю, что вы...

— Я лично прослежу за этим, доктор, — сказала она.

Отвернувшись, Поттер подумал, что у них с компьютерной сестрой сейчас состоялся молчаливый разговор. Он заметил, что большой экран уже зияет серой пустотой, Дюраны уже не наблюдают больше. «Следует мне самому встретиться с ними? — размышлял он. — Если они входят в подпольный Центр, они смогли бы помочь. Что-то необходимо предпринять с этим эмбрионом. Самым безопасным было бы совсем убрать его отсюда... но как?»

— Я позабочусь о дальнейших контактных связях, — сказал Свенгаард. Он начал проверять герметичность чана, дубликаты жизненных систем, разборку мезонного генератора.

«Кто-то должен встретиться с родителями,» — подумал Поттер.

— Родители будут разочарованы, — сказал Свенгаард. — Они обычно знают, почему вызывают специалиста... и, вероятно, надеются.

Дверь из комнаты готовности открылась, и появился человек, в котором Поттер признал агента Безопасности из Централа. Это был круглолицый блондин с такими чертами лица, которые обычно забываются через пять минут после того, как человек ушел. Человек прошел через комнату и направился к Поттеру.

«Это конец мне?» — размышлял Поттер. Он заставил голос звучать как обычно и спросил: — Как насчет родителей?

— Они чисты, — сказал агент. — Никаких недозволенных приборов — разговор нормальный... разный мелкий разговор, но нормальный.

— Никаких намеков на другое? — спросил Поттер. — Какие-нибудь способы, с помощью которых они могли бы проникнуть в отдел Безопасности без инструментов?

— Невозможно, — пропыхтел человек.

— Доктор Свенгаард полагает, что у отца излишнее чувство мужского покровительства, а у матери чрезмерный инстинкт материнства, — сказал Поттер.

— Записи показывают, что это вы их формировали, — сказал агент.

— Возможно, — сказал Поттер. — Иногда приходится сосредоточить внимание на главных моментах формирования, чтобы спасти эмбрион. Мелкие детали ускользают.

— Что-нибудь ускользнуло сегодня? — спросил агент. — Я понимаю, была стерта лента... случайность.

«Он подозревает?» — спросил себя Поттер. Степень собственного участия и личной опасности угрожала заполнить все его существо Поттера. Ему требовалось величайшее усилие, чтобы поддерживать обычный тон.

— Конечно, всякое бывает, — сказал Поттер. Он пожал плечами. — Но не думаю, что здесь есть что-то необычное. Мы потеряли оптиформу, спасая эмбрион, но это случается. Мы не можем всегда одерживать победы.

— Нам следует восстановить запись эмбриона? — спросил агент.

«Он продолжал закидывать удочку,» — сказал себе Поттер. А сам сказал: — Как вас устроит. Я составлю словесную ленту операции довольно скоро — почти так же, как обычную. Вы можете подождать и проанализировать ее прежде, чем решите.

— Я так и сделаю, — сказал агент.

Свенгаард уже убрал микроскоп с чана. Поттер слегка расслабился. Никто не собирается бросить случайный и опасный взгляд на эмбрион.

— Я полагаю, что мы устроили вам ложный вызов на охоту на диких гусей, — сказал Поттер. — Сожалею, но они действительно настаивали на наблюдении.

— Лучше десять охот на диких гусей, чем один случай с родителями, которые слишком много знают, — сказал агент. — Как была стерта лента?

— Случайно, — сказал Поттер. — Изношенное оборудование. Мы скоро представим вам технический отчет.

— Опустите в отчете изношенное оборудование, — сказал агент. — Я приму это как устное сообщение. Олгуд должен показывать сейчас каждое сообщение в Тууре.

Поттер понимающе кивнул: — Конечно. — Люди, которые работали вне Централы, знали о таких вещах. Мелкие, пусть и тревожные, проблемы скрывали от оптименов.

Агент осмотрел хирургический кабинет оценивающим взглядом и сказал: — Когда-нибудь нам не нужно будет соблюдать всю эту секретность. Но это будет очень не скоро. — Он отвернулся.

Поттер проследил, как тот удалился, думая о том, как четко агент вник в нужды его профессии. Прекрасная операция, только с одной ошибкой — слишком все гладко, слишком много холодной логики, недостаточно творческого любопытства и готовности исследовать пути случайности.

«Если бы он нажал на меня, он бы достал меня, — подумал Поттер. — Ему следовало бы побольше проявить любопытства относительно этого случая. Но все мы стремимся подражать нашим хозяевам — даже в их слепоте.»

У Поттера начало появляться больше уверенности в успехе опаснейшего предприятия. Он вернулся, чтобы помочь Свенгаарду с окончательными деталями, удивляясь: «Откуда мне знать, что агент удовлетворен моим объяснением.» Никакого чувства беспокойства не присутствовало в вопросе. «Я знаю, что он удовлетворен, но откуда я это знаю?» — спрашивал себя Поттер.

Затем он понял, что мозг его занят корреляцией генной информации — внутренней работой клеток, их внешними проявлениями — он занимался этим столько лет, что вес данных перешел в новый уровень понимания. Он уже мог читать мельчайшие детали, выдающие реакции генного типа.

Я уже читаю по лицам людей!

Это было поразительное открытие. Он осмотрел комнату, бросив взгляд на сестер, помогающих закончить разборку. Когда он встретился взглядом с компьютерной сестрой, он понял, что она преднамеренно уничтожила ленту записи. Он знал это.

Глава 4

Лизбет и Гарви Дюран шли из больницы после беседы с докторами Поттером и Свенгаардом, взявшись за руки. Они улыбались и размахивали сомкнутыми руками, как дети на пикнике — кем по существу они и были.

Утренний дождь закончился, и тучи уносились на восток к высоким вершинам, которые выходили на сеатский Мегполис. Высокое небо светилось чистой ясной голубизной, а в нем высоко царило солнце.

Толпа людей в порядке свободного движения проходила через парк поперек дороги, очевидно, это было время упражнений на воздухе для команды какой-нибудь фабрики или рабочей группы. Однообразие их рабочей формы прерывалось всплесками красок — оранжевый шарф на женской голове, желтый шнур на груди мужчины, ярко-красный талисман плодородия свисающий на золотой петле из уха женщины. Один мужчина надел на себя яркие зеленые туфли.

Трогательные попытки проявить индивидуальность в мире генетически штампованной однородности проникали уколами сквозь защитные реакции Лизбет. Она отвернулась, чтобы эта сцена не сняла улыбку с ее губ, и спросила: — Куда мы пойдем?

— Хм-м-м? — Гарви держал ее за спину, ожидая, когда перейдет дорожку группы.

Некоторые из марширующих поворачивались, с завистью глядя на Гарви и Лизбет. Все понимали, почему Дюраны ходили туда. Больница, огромная глыба пласмелда позади них, тот факт, что они были мужчиной и женщиной и шли вместе, особая одежда, улыбки — все говорило о том, что Дюраны получили отпуск по случаю их потомства, и поэтому свободны от своих повседневных трудов.

Каждый индивидуум в этой толпе надеялся с затаенным отчаянием на такой побег от рутины, которая связывала их всех. Жизнеспособные половые клетки, отпуск для посещения селекционера — это было всеобщей мечтой. Даже известные стерри надеялись и оказывали покровительство шаманам, улучшателям породы и производителям заветных талисманов.

«У них нет прошлого, — думала Лизбет, вдруг вспомнив давние наблюдения народных философов. — Они все люди без прошлого, и только надежда на будущее еще держится в них. Наше прошлое потерялось где-то в океане темноты. Оптимены и генные хирурги уничтожили наше прошлое.»

Перед лицом этого даже их собственный отпуск на посещение улучшателя породы терял свое особое сияние. Дюраны могли не напрягаться и не вскакивать по звонку, чтобы спешить в разные стороны на работу, но все же они до сих пор были людьми без прошлого... да и будущее их могло потеряться в одно мгновение. Ребенок, который формируется в больничном чане... каким-то малым образом он мог быть их частью, но хирурги изменили его. Они резко отрезали его от прошлого.

Лизбет вспомнила своих родителей, чувство отчуждения от них, различия, которые были глубже, чем кровь.

«Они только частично были моими родителями, — думала она. — Они это знали... и я это знала.»

Она почувствовала начало отчуждения от своего собственного, не сформированного еще сына — эмоция, которая высветила необходимость их поступка. «В чем здесь польза?» — размышляла она. Но она знала, в чем эта польза — навсегда покончить с этой ампутацией прошлого.

Последний с завистью на лице прошел. Толпа превратилась в движущиеся спины, кусочки цвета. Они повернули за угол и ушли, из ниоткуда в никуда.

«Это мы повернули за угол, и нет пути назад?» — размышляла Лизбет.

— Давай пойдем к подземке, проходящей через весь город, — сказал Гарви.

— Через парк? — спросила она.

— Да, — сказал Гарви. — Подумай только — десять месяцев.

— И мы сможем взять сына домой. Нам очень повезло.

— Кажется, это так долго — десять месяцев, — сказал Гарви.

Лизбет ответила, когда они перешли улицу и вошли в парк. — Да, но мы можем приходить навещать его каждую неделю, когда они перенесут его в большой чан — а это уже через три месяца.

— Ты права, — сказал Гарви. — Не успеем опомниться, и они уже пройдут. И слава всемогущим, что он не специа-

лист или что-нибудь еще. Мы можем воспитывать его дома. Время работы нам сократят.

— Этот доктор Поттер чудесный, — сказала она.

Когда они разговаривали, их соединенные руки двигались легкими пожатиями и движениями пальцев в тайном разговоре — ручной код, — несказанное слово, — который говорил о их отношении к группе подпольного Центра родителей.

— Они до сих пор следят за нами, — просигналил Гарви.

— Я знаю.

— Свенгаард не в счет — раб структуры власти.

— Очевидно. Знаешь, я понятия не имела, что компьютерная сестра — одна из нас.

— Ты тоже это заметила?

— Поттер глядел на нее, когда она зацепила выключатель.

— Ты думаешь агенты Безопасности видели ее?

— Несомненно нет. Они все были заняты нами.

— Может быть, она и не одна из нас, — просигналил Гарви. А вслух сказал: — Не правда ли, сегодня прекрасный день. Давай пойдем по тропинке, где трава.

Пальцы Лизбет дали ответ: — Ты думаешь, что у сестры это вышло случайно?

— Могло быть. Вероятно, она поняла, что сотворил Поттер и поняла, что это единственный способ спасти эмбрион.

— Тогда кто-то должен связаться с ней немедленно.

— Осторожно. Может быть, она не стабильна, эмоциональна — селекционер-неврастеник.

— А как насчет Поттера?

— Мы должны сразу же послать к нему людей. Нам понадобится его помощь, чтобы вызволить оттуда эмбрион.

— Тогда об этом узнают девять хирургов Централы, — сказала она.

— Если он только согласится, — просигналил Гарви.

Она посмотрела на него с улыбкой, которая полностью скрыла внезапную озабоченность: — У тебя сомнения?

— Только потому, что он видел меня насквозь в то время, когда я читал по лицу его мысли.

— Да, ты прав, — сказала она. — Но он делал это так медленно и неуверенно, по сравнению с нами.

— Вот так я и прочитал его мысли. Похоже, что он читал мысли впервые, как любитель самоучка, спотыкаясь, набираясь уверенности по мере того, как у него получалось.

— Он не подготовленный, — сказала она. — Это очевидно. Я беспокоилась, что ты прочитал то, что не увидела я.

— Думаю, ты права.

По всему парку пыль заслоняла солнечный свет, поднимаясь столбами, которые стояли в лесном питомнике. Лизбет пристально всматривалась в эту картину и сказала: — В этом нет сомнения, дорогой. У него природный дар, он наткнулся на свой талант случайно. Ты же знаешь, что такие люди встречаются — они должны быть. Ничто не может нам помешать общаться с ними.

— Но ОНИ, конечно, попытаются.

— Да, — просигналила она. — Сегодня ОНИ внимательно за этим следили, сканировали и проверяли нас в этой комнате отдыха. Но люди, которые мыслят механически, никогда не догадаются — я имею в виду, что наше оружие — люди, а не вещи.

— Это их самое уязвимое, смертельное место, — согласился он. — Они сейчас так глубоко увязли, что не могут смотреть через край и в сторону, ОНИ озабочены лишь сохранением своей власти.

— А эта широкая, широкая вселенная зовет нас, — просигналила она.

Глава 5

Шеф Тахи-Безопасности Централа Макс Олгуд шел вверх по пластмассовым ступеням отдела Администрации немного впереди сопровождающих его двух хирургов, как приличествует директору быстрой и ужасной руки власти оптименов.

Утреннее солнце позади троицы посылало их мелькающие тени на белые углы и панели здания.

Их допустили до серебряных теней входного портика, где опускался барьер для неизбежной задержки. Карантинные сканеры прошупывали и проверяли их вплоть до мельчайших микробов.

Олгуд повернулся в терпеливой позе давно привыкшего к этой процедуре, он изучал своих спутников Бумура и Игана. Его забавляло, что здесь они перестают быть хирургами. В эту часть не допускали никаких врачей. Здесь они должны быть фармацевтами. Титул «доктор» нес в себе что-то, что

вызывало беспокойство среди оптименов. ОНИ знали о врачах, но только так, как знают министры о простых людях. Слово доктор здесь стало эвфемизмом, точно так же здесь не говорили смерть или убить, и даже применительно к машинам или каким-то структурам ОНИ говорили изнашивается. Только новые оптимены в самом начале их ученичества или простые смертные молодой наружности работали в Централье, хотя некоторых из этих простых смертных хозяева держали довольно продолжительное время.

Бумур и Иган оба прошли проверку на молодой возраст, хотя лицо Бумура было измученное, похожее на эльфа, которое позволяло говорить о возрасте прежде времени. Это был большой, широкоплечий, мощный человек. Иган выглядел тонким и хрупким рядом с ним. И лицо у него было остроконечное с длинной челюстью и маленьким плотно сжатым ртом. Глаза обоих мужчин были такого же цвета, как у оптименов — синие, пронизывающие. Оба они, вероятно, были почти оптами. Такими были большинство хирургов-фармацевтов Централы.

Эти двое беспокойно двигались под взглядом Олгуда, избегая смотреть ему в глаза. Бумур начал говорить что-то Игану, положив ему руку на плечо, нервно двигаясь и как бы массируя плечо. Движение руки Бумура на плече Игана носило оттенок странной фамильярности и напомнило Олгуду, что он уже видел что-то подобное раньше. Но он не мог припомнить, где это было.

Испытательное карантинное сканирование продолжалось. Олгуду показалось, что оно длилось дольше, чем обычно. Он обратил внимание на то, что происходило перед зданием на той стороне дороги. Обстановка была мирная, никак не вяжущаяся с настроением Централы, какое знал Олгуд.

Олгуд понимал, что доступ к секретным записям и даже к старым книгам давал ему ранее не доступные сведения о Централье. Владения оптименов простирались через лиги, которые когда-то были политическими реалиями Канады и северных Соединенных Штатов. Оно занимало круг, приблизительно в семьсот километров диаметром, а под землей было двести уровней. Это был район с многочисленными видами контроля — контроля погоды, генный контроль, бактериологический контроль, ферментный контроль... человеческий контроль...

В этом маленьком уголке, сердце Администрации, землям был придан вид итальянского ландшафта — черное и серое с оттенком пастели. Оптимены были людьми, которые в мгновение ока могли подстричь гору согласно своей прихоти: «Немного снять с макушки и оставить бачки.» По всему Централу природа была сглажена, лишена своей опасной остроты. Даже когда оптимены устраивали какую-нибудь естественную выставку, она была лишена элемента драмы, которая вообще не присутствовала как таковая в их жизни.

Олгуд часто удивлялся этому. Он смотрел фильмы периода до оптименов и видел различия. Все эти отманикюренные прелести оптименов казались ему связанными с вездесущими красными треугольниками, обозначающими фармацевтические пункты, где оптимены могли бы проверить свои предписания ферментов.

— Они всегда это так долго проделывают или дело здесь просто во мне? — спросил Бумур. В голосе его слышался ропот.

— Спокойствие, — сказал Иган. В его голосе слышалась мягкость тенора.

— Да, — сказал Олгуд, — терпение — лучший союзник человека.

Бумур взглянул на шефа Безопасности, изучая его и раздумывая. Олгуд говорил редко, за исключением тех случаев, когда играл на эффект. Он, а не оптимены, был величайшей угрозой Конспирации. Он душой и телом служил хозяевам, супермарионетка. «Почему он приказал нам сопровождать его сегодня? — размышлял Бумур. — Он знает? Он хочет разоблачить нас?»

В Олгуде была какая-то особая безобразность, которая завораживала Бумура. Шеф Безопасности был приземистым маленьким простым смертным из народа с круглым лицом и бегающими миндалевидными глазами и темной щеткой волос, низко опущенных на лоб — по облику его генных инженеров соответствовал типу шанга.

Олгуд повернулся к карантинному барьеру, и с неожиданной остротой Бумур понял, что безобразность исходит изнутри этого человека. Эта безобразность была от страха, созданного страха, личного страха. Это открытие принесло Бумуру резкое ощущение облегчения, которое он просигналил Игану нажатием пальцев на его плечо.

Иган перевел взгляд и пристально посмотрел на улицу через дорогу перед зданием, где они стояли. «Конечно, Макс Олгуд боится, — думал он. — Он живет в окружении страхов, имеющих название и не имеющих таковых... точно так же, как и оптимены... несчастные.»

Вид напротив Централа начал проникать в ощущения Игана. Здесь в этот момент был день абсолютной Весны, спланированный в самом могучем центре Контроля Погоды. Лестница Администрации выходила на озеро, круглое и совершенное, как эмалированные синие музыкальные тарелки. На низком холме у узора пластмелдовые плитусы выступали, как белые камни: шапки лифтов, уходящих замкнутой цепью с большой быстротой вниз во владения оптименов (внизу — двести уровней).

Далеко за холмами небо становилось темно-синим и маслянистым. Неожиданно его пререзали красные, зеленые и пурпурные огни довольно плоского рисунка. Вскоре послышался отдаленный раскат грома. Какой-то из Высших оптименов за пределами Централа устраивал для развлечения прирученную грозу.

Она поразила Игана своей никчемностью, лишенная опасности или драмы, эти два слова, по его мнению, обозначали одно и то же.

Гроза была первым, что увидел в этот день Олгуд, что совпало с его пониманием внутренних ритмов Централа. Явления всемогущей природы представили образец его видения Централа. Люди исчезали внутри его, чтобы никогда не появиться вновь, и только он, Олгуд, шеф Тахи-Безопасности, или несколько агентов, кому он доверял, знали об их судьбе. Олгуд чувствовал, что раскат грома гармонирует с его настроением, звук этот предполагал абсолютную власть. Под грозовым небом, превращающимся сейчас в ядовито-желтое, уничтожающим вид весны, плитусы на холме над озером стали языческими погребальными памятниками, выступающими на фоне земли как пурпурно-зеленые ромашки.

— Пора, — сказал Бумур.

Олгуд повернулся и увидел, что барьер поднят. Он направился в Зал Совета со сверкающими алмазными стенами, над рядами пустых пласмелдовых скамеек. Все трое двигались сквозь языки пахучих испарений, которые отходили в сторону, когда они касались их грудью.

Помощники оптименов, в зеленых накидках, прикрепленных на плечах бриллиантовыми пряжками, вышли из боковых теней, чтобы сопровождать их. Под цвет их зеленых накидок были платановые трубки, и они размахивали золотыми кадилами, которые выпускали облачка антисептического розового дыма вокруг.

Олгуд не спускал глаз с конца зала. Там висел огромный шар, красный, как стебель мандрагора, в перекрещивающихся лучах. Он был около сорока метров диаметром, а одна секция его отходила назад, как долька апельсина, и открывала внутренности. Это был контрольный центр Туера, инструмент незнакомых возможностей и ощущений, с помощью которого они наблюдали и управляли своими подчиненными. В нем вспыхивали огни, фосфорно-зеленые с синими арками разводов. Огромные круглые приборы выписывали послания буквами, а красные огни мигали и выдавали ответы. Цифры летели по воздуху на лучах, а в лентах света плясали запутанные символы.

Сверху через середину, как сердцевина фрукта, тянулась белая колонна, поддерживающая треугольную платформу в центре шара. На краях треугольника, на золотистых пласмелдовых тронах сидели три оптимена, известные как Туеры — друзья, компаньоны, избранные правители этой страны, которым оставалось править еще семьдесят восемь лет. В их жизни это было лишь мгновение, раздражающая вещь, часто беспокойная, потому что они должны встречаться с реальностью, которая для других оптименов была лишь эвфемизмом.

Прислужники остановились в двадцати шагах от красного шара, но продолжали размахивать кадилами. Олгуд вышел на шаг вперед, приказав знаком Бумуру и Игану оставаться позади него. Шеф Безопасности чувствовал и знал, как далеко он может пройти здесь, он знал здесь свои пределы. «ОНИ нуждаются во мне,» — говорил он себе. Но он знал также, что эта беседа могла нести ему и опасности.

Олгуд посмотрел вверх в шар. Танцующие кружева власти поместили обманчивую прозрачность внутри. Через этот занавес были видны фигуры, очертания — то ясные, то затуманенные.

— Я пришел, — сказал Олгуд.

Бумур и Игал повторили приветствие вслед за ним, напомнив себе обо всех пунктах протокола и формах обращения, которые должны здесь соблюдаться: «Всегда называйте

имя оптимена, к которому вы обращаетесь. Если вы не знаете имени, покорно спросите о нем.»

Олгуд ждал, когда ответят Туеры. Иногда, чувствовал он, у них не было ощущения времени, по крайней мере секунд, минут и, вероятно, даже дней. Это могло быть правдой. У людей с бесконечной жизнью может и не быть такого ощущения замечать, как проходят времена года, как тикают часы.

Подставка трона повернулась, представляя одного за другим Туеров. Они сидели в облегающих прозрачных костюмах почти голые, афишируя свое сходство с простыми смертными. Лицом к открытому сегменту сейчас был Нурс, фигура греческого бога с тяжеловесным лицом, тяжелыми бровями, выпуклыми мышцами груди, которые колыхались, когда он дышал, с явно контролируемой медлительностью.

Основание повернулось, представило Шруилла, тонкой кости, непредсказуемого, с огромными круглыми глазами, высокими скулами и плоским носом над ртом, который, казалось, всегда вытянут в тонкую нить неодобрения. Он был опасен. Некоторые говорили, что он высказывает такое, что не могут сказать другие оптимены. Однажды в присутствии Олгуда он сказал «смерть». И хотя речь шла о бабочке, все же...

Основание снова повернулось — теперь здесь была Калапина, платье ее было подпоясано пластроном. Это была тонкая женщина с высокой грудью, золотисто-каштановыми волосами и холодными наглыми глазами, полными губами и длинным носом над заостренным подбородком. Олгуд заметил, что она наблюдает за ним очень странно для данного случая. В таких случаях он пытался не думать об оптименах, которые афишировали ложное товарищество.

Нурс заговорил с Калапиной, смотря на нее через призматический отражатель, который возвышался у плеча над каждым тронem, она ответила, но слова не доходили до пола зала.

Олгуд наблюдал за этим обменом репликами для того, чтобы судить о их настроении. Среди народа было известно, что Нурс и Калапина долгое время делили спальное ложе. У Нурса была репутация, включающая силу и предсказуемость, но Калапину знали как женщину с диким нравом. Если кто-то упоминал ее имя, то его тут же спрашивали: «Ну, и что же она сделала на этот раз?» И говорилось это с оттен-

ком восхищения и страха. Олгуд знал этот страх. Он работал и с другими правящими тройками, но ни разу с такой, как эта троица... особенно Калапина.

Основание трона остановилось, и лицом к открытому сегменту был Нурс. — Вы пришли, — прогремел он. — Конечно, вы пришли. Вол знает своего хозяина, а осел кормушку хозяина.

«Так, кажется, это будет тот еще разговор, — думал Олгуд. — Ирония! Это может обозначать только то, что они знают, что я споткнулся...»

Калапина повернула свой трон, чтобы посмотреть вниз на простых смертных. Зал Совета был оформлен по образцу римского сената, с ложными колоннами по краям, ряды скамеек под блестящими сканирующими глазами.. Все сконцентрировано было на фигуры, стоящие в стороне от помощников.

Взглянув вверх, Иган напомнил себе, что он боялся и ненавидел этих существ всю жизнь — даже в то время, когда жалел их. Каким же счастливым он является, что при формировании он не стал оптименом. Он был близок к этому, но его спасли. Он помнил ненависть, которую испытывал к ним с детства до того, как она стала усиливаться еще и жалостью. Тогда это была чистая вещь, резкая и реальная, светящаяся и направленная против тех, кто дает Время.

— Мы пришли, как нас просили, по поводу сообщения о Дюранах. — сказал Олгуд. Он сделал два глубоких вдоха, чтобы успокоить нервы. Встречи эти всегда были опасными, но вдвойне опасными с тех пор, как он обнаружил своих двойников, которых они растят. Могла быть только одна причина, по которой они дублируют его. Ну да, они узнали.

Калапина изучала Олгуда, рассуждая о том, наступило ли время поискать отклонения у этого безобразного мужчины из народа. Может быть, здесь есть хотя бы ответ на скуку. Как Шруилл, так и Нурс снисходительны. Казалось, она вспомнила, как проделала это с другим Максом, но не могла вспомнить, помогло ли это ей тогда избавиться от скуки.

— Скажите, что мы вам даем, маленький Макс, — сказала она.

Ее женский голос, мягкий и вкрадчивый слог, ужаснул его. Олгуд проглотил сухой комок. — Вы даете жизнь, Калапина.

— Скажите, сколько у вас прекрасных лет, — приказала она.

Олгуд почувствовал, что в горле у него ни капли влаги: — Почти четыреста, Калапина, — прохрипел он.

Нурс хихикнул. — Впереди у вас еще намного больше прекрасных лет, если вы будете нам хорошо служить, — сказал он.

Это было уже очень близко к прямой угрозе, которую Олгуд когда-либо слышал от оптимена. ОНИ проводили всегда свою волю непрямым путем, с помощью тонких эвфемизмов. ОНИ осуществляли ее с помощью простых смертных, которые могли воспринимать такие концепции, как смерть или убийство.

«Кого они сформировали, чтобы уничтожить меня?» — раздумывал Олгуд.

— Хватит, — огрызнулся Шруилл. Он презирал эти беседы с низшими классами такими способами, какими Калапина ловила на удочку простолюдинов. Он повернул свой трон, и теперь все трое Туеров находились лицом к открытому сегменту. Шруилл посмотрел на свои пальцы, вечно молодую кожу и удивился, почему он так сорвался. Ферментная разбалансированность? Эта мысль доставила ему беспокойство. Обычно во время таких бесед он хранил молчание — как защитник, потому что он имел склонность питать сентиментальность в отношении к этим жалким простым смертным, а после этого презирал себя за это.

Бумур шагнул вперед, встал рядом с Олгудом и сказал: — Желают ли Туеры послушать сейчас сообщение о Дюранах?

Шруилл с трудом подавил гнев от того, что его прервали. Разве этот дурак не знает, что в таких беседах инициатива всегда должна быть у оптименов?

— Слова и образы вашего сообщения просмотрены, проанализированы и отложены, — прогремел Нурс. — Сейчас мы желаем не простого сообщения.

«Не простое сообщение? — спросил себя Олгуд. — Он думает, что мы скрыли что-то?»

— Маленький Макс, — сказала Калапина. — Вы исполнили нашу волю и допросили компьютерную сестру под наркозом?

«Вот оно что,» — подумал Олгуд. Он глубоко вздохнул и сказал: — Ее допросили, Калапина.

Иган встал рядом с Бумуром и сказал: — Я хотел бы что-то сказать об этом, если...

— Придержите язык, фармацевт, — сказал Нурс. — Мы разговариваем с Максом.

Иган наклонил голову и подумал: «Как опасно все это! И все из-за этой дуры сестры. Она даже не одна из нас. Нет, Киборг журнала регистрации знает ее. Не член ячейки или отряда. Случайная, стерри, и она ставит нас под такую угрозу!»

Олгуд увидел, что руки Игана трясутся и подумал: «Что движет этими хирургами? Не могут ведь они быть такими дураками.»

— То, что сделала сестра, было не преднамеренно? — спросила Калапина.

— Да, Калапина, — сказал Олгуд.

— Ваши агенты не видели этого, но все же мы знаем, что это должно было быть, — сказала Калапина. Она сейчас изучала приборы контрольного центра, затем обратила внимание на Олгуда. — Теперь скажите, почему это было.

Олгуд вздохнул. — Для меня нет оправдания, Калапина. Агентам следует вынести порицание.

— А теперь скажите, почему сестра поступила так? — приказала Калапина.

Олгуд облизал губы языком и взглянул на Бумура и Игана. Они смотрели в пол. Он снова посмотрел на Калапину, на ее лицо, мерцающее в шаре. — Нам не удалось узнать ее мотивы, Калапина.

— Не удалось? — строго спросил Нурс.

— Она... а-а... прекратила существование во время допроса, Нурс, — сказал Олгуд. Когда троица Туеров застыла, сев прямо в своих трогах, он добавил: — Ошибка при ее генном формировании, так объяснили мне фармацевты.

— Бесконечно жаль, — сказал Нурс, откидываясь.

Иган взглянул вверх и пробормотал: — Это не могло быть преднамеренным самоуничтожением, Нурс.

«Чертов болван!» — думал Олгуд.

Но сейчас Нурс пристально смотрел на Игана. — Вы присутствовали, Иган?

— Бумур и я отвечали за наркотики.

«Да, она умерла, — подумал Иган. — Но мы не убивали ее. Она умерла, а мы будем виноваты в этом. Откуда она

могла узнать о способе остановки своего сердца? Только во власти Киборгов знать и обучать этому.»

— Преднамеренное... самоуничтожение? — спросил Нурс. Даже если эту мысль рассматривать не в прямом плане, сама мысль содержит ужасающую подоплеку.

— Макс! — сказала Калапина. — А теперь скажите нам, применяли ли вы излишнюю... жестокость? — Она наклонилась вперед, удивляясь себе, почему хотела, чтобы он признал факт варварства.

— Она никак не страдала, Калапина, — сказал Олгуд.

Калапина снова села прямо, разочарованная. Может ли быть так, что он лжет? Она посмотрела на показания приборов. Спокойствие. Он не солгал.

— Фармацевт, — сказал Нурс, — Выскажите ваши мнения.

— Мы тщательно исследовали ее, — сказал Иган. — Наркотики не могли иметь к этому случаю никакого отношения. Не было никакого способа.

— Некоторые из нас думают, что это генетическая ошибка, — сказал Бумур.

— Но некоторые не согласны, — сказал Иган. Он взглянул на Олгуда, чувствуя его несогласие. Хотя это должно было быть сделано. Оптимены должны быть так устроены, чтобы чувствовать обеспокоенность. Если их завлечь в действие эмоционально, они делают ошибки. Задуманное требует, чтобы они делали ошибки. Их надо выбить из равновесия — тонко, деликатно.

— Ваше мнение, Макс? — спросил Нурс. Он внимательно следил. Недавно они делали модели и похуже, дегенерация двойника.

— Мы уже взяли клеточное вещество, Нурс, — сказал Олгуд, — и выращиваем двойника. Если мы получим настоящую копию, мы проверим проблему генетической ошибки.

— Очень жаль, но у двойника не будет памяти оригинала, — сказал Нурс.

— Чрезвычайно жаль, — сказала Калапина. Она посмотрела на Шруилла. — Не так ли, Шруилл?

Шруилл взглянул на нее не отвечая. Неужели она думает, что может поймать его на удочку, как простого смертного?

— У этой женщины был муж? — спросил Нурс.

— Да, Нурс, — сказал Олгуд.

— Плодоносный союз?

— Нет, Нурс, — сказал Олгуд. — Стерри.

— Дайте компенсацию супругу, — сказал Нурс. — Другую женщину, немного отдыха. Дайте ему понять, что она была верна нам.

Олгуд кивнул и сказал: — Мы дадим ему женщину, Нурс, которая будет держать его под постоянным наблюдением.

Со стороны Калапины послышался смех. — Почему никто не упомянул этого Поттера, гениального инженера? — спросила она.

— Я только собирался это сделать, Калапина. — сказал Олгуд.

— Кто-нибудь проверял эмбрион? — спросил Шруилл. неожиданно взглянув вверх.

— Нет, Шруилл, — сказал Олгуд.

— Почему?

— Если это согласованное действие, чтобы избежать генетического контроля, Шруилл, мы не хотим, чтобы члены организации знали, что мы их подозреваем, еще не время. Сначала мы должны узнать все об этих людях — Дюранах, их друзьях, Поттере... обо всех.

— Но ключ ко всему этому делу — эмбрион, — сказал Шруилл. — Что сделано в этом плане? Что это?

— Это приманка, Шруилл, — сказал Олгуд.

— Приманка?

— Да, Шруилл, чтобы узнать, кто еще задействован в этом деле.

— Но что было сделано в этом плане?

— Какое это может иметь значение, Шруилл, пока мы можем... до тех пор, пока мы полностью контролируем это.

— Надеюсь, что за эмбрионом очень тщательно наблюдают, — сказал Нурс.

— Очень тщательно, Нурс.

— Пришлите нам фармацевта Свенгаарда, — приказала Калапина.

— Свенгаарда... Калапина? — спросил Олгуд.

— Вам необязательно знать зачем, — сказала она. — Просто пришлите его.

— Да, Калапина.

Она встала, показывая этим самым, что беседа закончена. Помощники повернулись кругом, все еще размахивая кадилами, готовые теперь сопровождать простых смертных из зала. Но Калапина еще не закончила. Они внимательно

посмотрела на Олгуда и сказала: — Посмотрите на меня, Макс.

Он посмотрел на нее внимательно, уловив этот странный, изучающий взгляд в ее глазах.

— Разве я не красива? — спросила она.

Олгуд пристально смотрел на нее, стройная фигура, очертания смягчены платьем. Она была красива, как многие женщины оптименов. Но эта красота отталкивала его своим угрожающим совершенством. Она будет жить неопределенное количество лет, уже прожила сорок или пятьдесят тысяч лет. Но однажды его плоть отвергнет медицинские замены и ферментные предписания. Он умрет, а она будет жить все дальше и дальше.

Его низшая плоть отвергала ее.

— Вы прекрасны, Калапина, — сказал он.

— По вашим глазам этого не скажешь, — сказала она.

— Что ты хочешь, Кал? — спросил Нурс. — Ты хочешь этого... ты хочешь Макса?

— Я хочу его глаза, — сказала она. — Только его глаза.

Нурс посмотрел на Олгуда и сказал: — Женщины. — В его голосе чувствовались нотки ложного товарищества.

Олгуд стоял пораженный. Он еще никогда не слышал такого тона от оптимена.

— Я начала говорить, — сказала Калапина, — не прерывайте мои слова мужскими шутками. А если на полную чистоту, Макс, что вы чувствуете ко мне?

— А-ах, даже так, — сказал Нурс. Он кивнул.

— Я скажу это за вас, — сказала она, так как Олгуд молчал. — Вы обожают меня. Никогда не забывайте об этом, Макс. Вы обожают меня. — Она посмотрела на Бумура и Игана, отпустила их жестом руки.

Олгуд опустил глаза, чувствуя правду в ее словах. Он повернулся и повел Игана и Бумура из зала в сопровождении помощников по бокам.

Когда они подошли к ступеням, помощники повернули назад и барьер опустился. Иган и Бумур повернули налево, заметив новое здание в конце длинной площадки для прогулок, которая находилась перед зданием администрации. Они увидели стены с навесными бойницами, открытые пространства со вставленными цветными фильтрами, которые отбрасывали красные, синие и зеленые пучки света в окружающее пространство, и они увидели, что здание загродило путь, ко-

торым они намерены были выйти из Централы. Неожиданно возведенное здание — еще одна игрушка оптименов. Они увидели его и автоматически выбирали путь, что говорило о том, что они регулярно появляются во владениях оптименов. Казалось, что простые смертные и жители Централы находят выход в лабиринте улиц и проспектов, полагаясь на инстинкт. Это место бросало вызов картографам, потому что оптимены были слишком подвержены изменению и прихоти.

— Иган.

Это сзади позвал их Олгуд.

Они повернулись и подождали, пока он поравняется с ними.

Олгуд остановился прямо перед ними, упер руки в бока и сказал: — Вы тоже ее обожаете?

— Не говорите глупостей, — сказал Бумур.

— Нет, — сказал Олгуд. Казалось, что глаза его глубоко опустились в глазницы над скулами — Я не принадлежу ни к культу народа, ни к сословию селекционеров. Как я могу обожать ее.

— Но ведь вы действительно ее обожаете, — сказал Иган.

— Да!

— Они являются настоящей религией нашего мира, — сказал Иган, — вам не обязательно придерживаться культа или носить талисман, чтобы признать это. Калапина так прямо и сказала вам об этом, если существует заговор, то те, кто вовлечены в него, являются еретиками.

— Разве она это хотела сказать?

— Конечно.

— А она должна знать, что делают с еретиками, — сказал Олгуд.

— Несомненно, — сказал Бумур.

Глава 6

Свенгаард видел это здание в телепередачах и развлекательных видиках. Он слышал описания Зала Совета — но чтобы самому действительно стоять здесь у карантинной стены с медным сиянием солнечного заката над холмами напротив него... он даже никогда не мечтал об этом.

Шапки лифтов виднелись, как пласмелдовые бородавки на холме перед ним. Вокруг были другие низкие холмы, а

над ними возвышались здания, которые можно было бы принять по ошибке за куски сала.

Одинокая женщина прошла мимо него по прогулочной дорожке, таща наземную тележку, наполненную узелками странной формы. Свенгаард вдруг поймал себя на том, что ему интересно: что могло быть в этих узелках, но он знал, что не осмелится спросить или проявить неподобающее случаю любопытство.

Красный треугольник фармацевтического центра сиял на колонне рядом с ним. Он прошел мимо и оглянулся назад на свой эскорт.

Он проехал половину пути через континент в подземке в вагоне, предоставленном целиком в его распоряжение, не считая сопровождающего, агента Т-Безопасности.

Свенгаард начал подниматься по ступенькам.

Централ уже начинал давить на него. Вокруг этого места было какое-то ощущение несчастья. Даже если бы он и подозревал об источнике этого чувства, он не смог бы избавиться от него. Конечно, здесь присутствовали и все те народные небылицы, от которых вы никуда не уйдете, решил он. Простые смертные были, по большей части, люди без легенд или древних мифов, за исключением того, что касалось оптименов. В народной памяти Централ и оптимены совмещались со зловещими признаками, смешанными с благоговейным страхом и низкопоклонством.

«Зачем меня вызвали?» — спрашивал себя Свенгаард. Агент отказался ответить на этот вопрос.

Их остановила стена, и сейчас они ждали, молчаливо и нервозно.

Нервничал даже агент, Свенгаард видел это.

Зачем они вызвали меня?

Агент кашлянул и сказал: — С протоколом у вас все в порядке?

— Думаю да, — сказал Свенгаард.

— Как только войдете в зал, не отставайте от помощников, которые будут сопровождать вас туда. С вами будут беседовать Туеры — Нурс, Шруилл и Калапина. Не забывайте называть их по именам, когда вы будете обращаться к каждому из них индивидуально. Не употребляйте таких слов, как смерть, убить или умереть. Если можете избегайте даже самих этих понятий. Пусть они сами ведут беседу. Лучше всего ничего по своей воле не предпринимать.

Свенгаард сделал дрожащий вдох.

«Может быть, они вызвали меня сюда, чтобы предложить мне продвижение? — раздумывал он. — Должно быть, для этого. Я прошел свой испытательный срок под руководством таких людей, как Поттер и Иган. Меня сейчас выдвигают в Централ.»

— И не говорите «доктор», — сказал сопровождающий. — —здесь врачей называют фармацевтами или генными инженерами.

— Я понимаю, — сказал Свенгаард.

— Олгуд хочет, чтобы вы дали ему полный отчет после беседы, — сказал агент.

— Да, конечно, — сказал Свенгаард.

Карантинный барьер поднялся.

— Идите в здание, — сказал агент.

— Вы не идете со мной? — спросил Свенгаард.

— Не приглашен, — сказал агент. Он повернулся и пошел вниз по ступенькам.

Свенгаард проглотил комок в горле, вошел в серебряный полумрак портика, перешагнул через порог и очутился в длинном зале с эскортом из шести помощников, трое с каждой стороны, размахивающих кадилами, из которых поднимался розовый дым.

Доминирующее положение в конце этого зала занимал большой красный шар. В открытом сегменте его сверкали и мигали огни, движущиеся фигуры внутри зачаровывали Свенгаарда.

Помощники остановили его в двадцати шагах от открытого сегмента, и он посмотрел вверх на Туеров, узнавая их через занавес власти — Нурс в центре, а по бокам Калапина и Шруилл.

— Я пришел. — сказал Свенгаард, выразив приветствие, которому научил его сопровождающий агент. Он вытер вспотевшие ладони о свою лучшую тунику.

Заговорил Нурс громовым голосом. — Вы генный инженер, Свенгаард?

— Да, я Свенгаард... Нурс. — Он сделал глубокий вдох, размышляя о том, заметили ли они заминку, когда он вспомнил, что надо сказать имя оптимена.

Нурс улыбнулся.

— Вы ассистировали недавно в операции по генетическим изменениям эмбриона четы по имени Дюран, — сказал Нурс.

— Главным инженером операции был Поттер.

— Да, я был ассистентом, Нурс.

— Во время этой операции была случайность, — сказала Калапина.

В голосе ее была странная музыкальная тональность, и Свенгаард понял, что она не задавала вопрос, а напомнила ему деталь, на которую она хотела, чтобы он обратил внимание. И здесь он почувствовал начало величайшего беспокойства.

— Случайность, да... Калапина, — сказал он.

— Вы внимательно следили за операцией? — спросил Нурс.

— Да, Нурс. — И Свенгаард почувствовал, что его внимание переключилось на Шруилла, который сидел там безмолвный и задумчивый.

— Ну, тогда, — сказала Калапина, — Вы сможете рассказать нам, что скрыл Поттер об этом генетическом изменении.

Свенгаард понял, что потерял голос. Он смог только потрясти головой.

— Он ничего не скрыл? — спросил Нурс. — Это вы хотите сказать?

Свенгаард кивнул.

— Мы не хотим причинить тебе никакого вреда, Свенгаард, — сказала Калапина. — Ты можешь говорить.

Свенгаард проглотил ком в горле, откашлялся. — Я, — сказал он, — ... не знаю... Я ничего не видел... скрытого. — Он замолчал, затем вспомнил, что ему следует назвать ее имя и сказал — Калапина, — как раз в тот момент, когда начал говорить Нурс.

Нурс остановился, нахмурился.

Калапина захихикала.

Нурс сказал: — Но вы же сказали, что следили за генетическими изменениями.

— Я не смотрел в микроскоп вместе с ним каждую секунду, — сказал Свенгаард. — Нурс. Я... у меня... обязанности ассистента — инструкции компьютерной сестре, работа с ключами питания и т. д.

— А теперь скажи, была ли компьютерная сестра твоим собственным другом, — приказала Калапина.

— Я... она бы... — Свенгаард облизнул губы языком. — Чего они хотят?

— Мы работали вместе ряд лет, Калапина. Я могу сказать, что она была другом. Мы работали вместе.

— Вы исследовали эмбрион после операции? — спросил Нурс.

Шруилл сел прямо и уставился на Свенгаарда.

— Нет, Нурс, — сказал Свенгаард. — В мои обязанности входило обеспечить чан, проверить жизнеобеспечивающие системы

Он сделал глубокий вдох. Вероятно, они просто проверяют его, в конце концов... но такие странные вопросы!

— А теперь скажи, является ли Поттер твоим особым другом, — приказала Калапина.

— Он один из моих учителей, Калапина, тот, с кем я работал над сложными генетическими проблемами.

— Но не входил в ваш узкий круг, — сказал Нурс.

Свенгаард потряс головой. Он снова почувствовал угрозу. Он не знал, чего ему ожидать — тот огромный шар скатится; раздавит его, превратит тело в расщепленные атомы. Но нет, оптимены не могли бы сделать такое. Он изучал их лица, когда они стали четко различимы сквозь занавеси власти, ища какой-нибудь знак. Чистые стерильные лица. Он видел в их чертах генетических творцов — они могли бы быть любимыми стерри из народа, если бы не аура таинственности оптименов. Народные слухи говорили, что они являются стерильными по выбору, что в потомстве ОНИ видят начало смерти, но генетические особенности их черт говорили Свенгаарду о другом.

— Почему вы позвали Поттера для решения именно этой проблемы? — спросил Нурс.

Свенгаард сделал судорожный вдох и сказал: — Он... генетическая конфигурация эмбриона... близкая к опту. Поттер известен в нашей больнице. Он... Я в нем уверен; блестящий хи... генетический инженер.

— Скажи сейчас, дружен ли ты с другими фармацевтами, — сказала Калапина.

— Они... Я работаю с ними, когда они приходят в наше здание, — сказал Свенгаард.

— Калапина, — поправил его Нурс.

Ее сотрясал приступ смеха.

В горле Свенгаарда начала нарастать тугая напряженность. Он начинал сердиться. Что все это значит? Что им больше нечего делать, а только сидеть, насмехаться и задавать вопросы?

Гнев вернул Свенгаарду контроль над голосом, и он сказал: — Я глава генной инженерии только в одном корпусе, Нурс, — простой районный инженер. Я делаю обычные операции. Когда что-либо требует специалиста, я следую инструкции и вызываю специалиста. На этот случай был назначен Поттер.

— Один из специалистов, — сказал Нурс.

— Тот, кого я знаю и уважаю, — сказал Свенгаард. Он даже не потрудился добавить имя оптимена.

— А сейчас скажи, сердился ли ты, — приказала Калапина, и в ее голосе снова зазвучала музыкальность.

— Я зол.

— Скажи почему.

— Почему я здесь? — спросил Свенгаард. — Что это за допрос? Я что-то сделал не так? Мне высказывается недоверие?

Нурс наклонился вперед, руки положил на колени. — Ты смеешь задавать нам вопросы?

Свенгаард пристально посмотрел на оптимена. Несмотря на тон вопроса, квадратное с массивными скулами его лицо казалось разубеждающим, успокаивающим. — Я сделаю все, что могу, чтобы помочь вам, — сказал Свенгаард. — Все. Но как я могу помочь или ответить вам, если я не знаю, чего вы хотите?

Калапина начала говорить, но остановилась, когда Нурс поднял руку.

— Наше самое большое желание то, которое мы сказали тебе, — сказал Нурс. — Но, конечно, ты знаешь, что между нами не может быть настоящего разговора. Как можешь ты понять то, что понимаем мы? Может деревянная чаша содержать серную кислоту? Доверяй нам. Мы хотим того, что лучше для тебя.

Ощущение теплоты и благодарности пронизало все существо Свенгаарда. Конечно, он доверял им. Они были генетической вершиной человечества. Он напомнил себе: «Они власть, которая любит нас, и которая заботится о нас.»

Свенгаард вздохнул: — Что вы хотите от меня?

— Ты ответил на все наши вопросы, — сказал Нурс. — Даже на несказанные.

— А сейчас ты забудешь все, что произошло здесь между нами, — сказала Калапина. — Ты не повторишь наш разговор никому.

Свенгаард откашлялся: — Никому... Калапина?

— Никому.

— Макс Олгуд просил, чтобы я доложил ему...

— Максу следует отказать, — сказала она. — Никакого страха, Свенгаард. Мы защитим тебя.

— Как прикажете, — сказал Свенгаард. — Калапина.

— Мы вовсе не хотим, чтобы ты думал, что мы неблагодарны за твою верность и службу, — сказал Нурс. — Мы заботимся о твоём добром имени, и пусть ни холодность, ни отчуждение не появляются в твоих глазах. Знай, что наша забота о лучшей доле для всех людей.

— Да, Нурс. — сказал Свенгаард.

Это была благодарная речь, тон ее беспокоил Свенгаарда, но она помогла прояснить его разум. Он начал понимать направление их любопытства, ощущать их подозрения. Сейчас эти подозрения стали его подозрениями. Неужели Поттер предал его доверие? Дело с нечаянно уничтоженной лентой не было вовсе случайным. Очень хорошо — преступники заплатят.

— Сейчас ты можешь идти, — сказал Нурс.

— С нашим благословением, — сказала Калапина.

Свенгаард поклонился. Он отметил, что Шруилл не говорил и не двигался во время всей беседы. Свенгаард удивлялся, почему сам по себе этот факт должен быть вдруг таким страшным. Колени его дрожали, когда он повернулся и покинул зал в сопровождении помощников, которые раскачивали кадила с обеих сторон.

Туеры следили, пока позади Свенгаарда не опустился барьер.

— Еще один, который не знает, чего достиг Поттер, — сказала Калапина.

— Вы уверены, что Макс не знает? — спросил Шруилл.

— Я уверена, — сказала она.

— Тогда нам следовало бы сказать ему.

— А если бы мы сказали, то как бы мы узнали? — спросила она.

— Это Свенгаард, он один из надежных, — сказал Нурс.

— Говорят, что мы ходим по острию ножа, — сказал Шруилл. — Когда идешь по острию ножа, следует тщательно следить за тем, как ставишь ногу.

— Что за отвратительная мысль, — сказала Калапина. Она повернулась к Нурсу. — Мой дражайший, ты все еще занимаешься на досуге да Винчи?

— Его почерк, — сказал Нурс. — Самая точная дисциплина. Я бы не достиг такого и через сорок или пятьдесят лет. Во всяком случае, скоро.

— При условии, что точно будешь рассчитывать каждый свой шаг, — сказал Шруилл.

Наконец, Нурс сказал: — Иногда, Шруилл, твой цинизм переходит все границы дозволенного. — Он повернулся, изучая все приборы, сенсоры, глазки и дисплеи, расположенные напротив Калапины на внутренней стороне шара. — Сегодня все довольно тихо. Мы можем оставить контроль Шруиллу, Кал, и сходить поплавать и принять сеанс фармакологии.

— Тонус тела, тонус тела, — пожаловался Шруилл. — Вы когда-нибудь думали о том, чтобы проплыть бассейн двадцать пять раз, вместо двадцати?

— С недавних пор ты говоришь удивительные вещи, — сказала Калапина. — Ты хочешь, чтобы Нурс нарушил ферментный баланс? Все мои попытки понять тебя потерпели крах.

— Неудачные попытки, — сказал Шруилл.

— Мы чем-нибудь можем помочь тебе? — спросила она.

— Мой цикл погрузил меня в странную монотонность, — сказал Шруилл. — Есть ли какое-либо средство против нее?

Нурс посмотрел на Шруилла через призматический рефлектор. В последнее время его голос с нотками нытья стал все более раздражающим. Нурс начинал сожалеть о том, что общество требований к вкусам и физическим кондициям объединила их в одну группу с ним. Вероятно, когда закончится срок Туеров...

— Монотонность, — сказала Калапина. Она пожала плечами.

— В хорошей рассчитанной монотонности есть определенный триумф, — сказал Нурс. — Я думаю, это сказал Вольтер.

— Это прозвучало, как чистейшей воды изречение Нурса, — сказал Шруилл.

— Иногда я считаю полезным, — сказала Калапина, — призывать благословенную заботу о народе.

— Даже среди нас? — спросил Шруилл.

— Только подумайте о судьбе несчастной компьютерной сестры, — сказала она. — Естественно, абстрактно. Вы чувствуете печаль и жалость?

— Жалость — ничемная эмоция, — сказал Шруилл. — Печаль родственна цинизму. Когда сила вольется в вас, подумайте обо мне здесь.

Нурс и Калапина встали, вызвали лучи переноса.

— Желаю эффективности, — сказал Нурс. — Мы должны стремиться к большей эффективности в наших любимцах. Надо, чтобы все протекало более гладко.

Шруилл посмотрел на них, ожидая лучей. Он хотел только освободиться от надоевшего треска их голосов. Они не поняли главного, они не хотели его понять.

— Эффективность? — спросила Калапина. — Вероятно, ты прав.

Шруилл больше не мог сдержать эмоции, которые так и распирали его: — Эффективность — это противоположное мастерству. Подумайте об этом.

Пришли лучи. Нурс и Калапина скользнули вниз и прочь, не отвечая, оставив Шруилла закрывать сегмент. Наконец, он сел один в зелено-сине-красном мигании центра контроля — один, за исключением сверкающих глаз сканеров, задействованных вдоль верхнего кольца шара. Он насчитал из них восемьдесят один, направленных на него и на ответственные центры шара. Восемьдесят один из его собратьев или групп собратьев наблюдают сейчас за ним, за его работой, как он наблюдал за народом и его работой.

Сканеры доставляли некоторое неудобство Шруиллу. До своей службы в Туерах он не помнил, чтобы он наблюдал когда-либо за центром контроля и его деятельностью. Здесь случилось слишком много болезненного и того, чего даже невозможно было вообразить. Или бывшие ответственные за центр контроля теперь интересовались тем, как новое трио справляется со своими обязанностями? Кто эти те, кто наблюдают?

Шруилл переключил внимание на приборы. В моменты, подобные этим, он часто чувствовал себя, как Чен Цу-ань-ский Хозяин темной правды, который видел весь мир в зеленой бутылке. Здесь была эта зеленая бутылка — этот шар.

Мерцание энергетического кольца на ручке трона, и он мог следить затем, как в Марзополисе пара занимается любовью, изучать содержимое в чане эмбриона в великом Лондоне или пустить газ гипноза с заданием приручения в «муравейник» Нового Пекина. Прикосновение к ключу, и он мог анализировать смещение мотивации всей рабочей силы в мегаполисе Рима.

Порывшись в себе, Шруилл не смог найти импульса, чтобы двинуть ключ хоть одного контроля.

Он стал вспоминать прошлое, пытаясь припомнить, сколько сканеров следили за работой Туеров в первые годы. Он был уверен, что число их не превышало десять или двенадцать. А сейчас — восемьдесят один.

«Я должен был бы предупредить их о Свенгаарде, — думал он. — Я мог бы сказать, что мы не должны бы полагаться на предположение, что существует специальное Провидение для дураков. Свенгаард — это дурак, который меня беспокоит.»

Но Нурс и Калапина стали бы защищать Свенгаарда. Он знал об этом. Они бы стали настаивать на том, что он надежен, честен, лоялен. Они могли бы поклясться в этом всем, чем угодно.

«Всем? — размышлял Шруилл. — Есть ли хоть что-нибудь, чего бы они не рискнули поставить на верность Свенгаарда?»

Шруилл почти слышал, как Нурс провозглашает: «Наше суждение о Свенгаарде правильное.»

«А это и есть то, — думал Шруилл, — что беспокоит меня. Свенгаард работает на нас... как и Макс, но обожание — это на девять десятых страх.»

Со временем все становится страхом.

Шруилл взглянул на следящие сканеры и заговорил вслух:

— Время-время-время...

«Пусть они жуют свои жизненно важные вещи,» — думал он.

Глава 7

Место, в которое они пришли, было насосной станцией для системы переработки отходов ситакского Мегаполиса. Оно находилось на уровне тысячи ста футов на линии, которая посылала ирригационную воду побочных продуктов в систему Гранд Кули. Четырехэтажная коробка образцовых труб, компьютерных консолей и многочисленные узкие мостики, ярко освещенная сильными уравновешенными огнями, пульсировала, как гигантские турбины, которые она контролировала.

Дюраны прошли вниз через подземку для персонала во время вечернего часа пик, двигаясь такими этажами, чтобы легко было убедиться в том, что за ними нет слежки агентов или каких-либо приборов. Они уже прошли без слежки пять отрезков подземки.

И все же они были внимательны и читали по лицам и жестам людей, которые торопливо проходили мимо. Многие люди были скучными страницами для чтения, они спешили, занятые своими делами. Изредка они обменивались пристальными взглядами с другими курьерами или узнавали официальных лиц низшего ранга, которых послали сюда оптимены с заданиями, которые наполняли их сейчас страхом.

Никто не обращал внимание на пару загорелых рабочих, которые шли, взявшись за руки, и появились на узком мостике номер пять насосной станции.

Там Дюраны остановились, чтобы изучить окружающую обстановку. Они были усталыми, в приподнятом настроении, и их немного одолевал священный трепет, оттого что их вызвали в контрольное сердце подпольного Центра Родителей. Запах углеводородов наполнял окружающий воздух. Лизбет принялась.

Их беззвучный разговор сквозь сомкнуты руки носил отенок напряженности. Гарви старался разубедить ее.

— Вероятно, это наш Глиссон захотел встретиться с нами, — сказал он.

— Могут быть и другие Киборги с такими же именами, — сказала она.

— Маловероятно.

Он вывел ее на узкий мостик мимо нависающего света. Они свернули по переходу влево мимо двух рабочих, которые

записывали показания воздушных приборов, на лицах их были странные тени, которые шли от нижнего освещения.

Лизбет чувствовала одинокую беззащитность их положения здесь и просигналила: — Как мы можем быть уверены в том, что они не следят здесь за нами?

— Это, должно быть, одно из наших мест, ты же знаешь, — сказал он.

— А как это можно сделать?

— Направить сканеры через проверяемые компьютеры, — сказал он. — Тогда опты видят только то, что мы позволяем им видеть.

— Чувствовать уверенность во всем этом опасно, — сказала она. А затем прибавила: — Зачем они нас вызвали?

— Мы узнаем через несколько минут, — сказал он.

Дорожка шла через шлюзный отсек, исключаящий наличие пыли в машинном отделении, серые стены здесь периодически размещали выходы для труб передачи, неизбежные в таких местах мерцания компьютерного контроля, тиканье, скрежетание, завихрения. В этом месте приятно пахло маслом.

Когда шлюз плотно закрылся за Дюранами, слева от них вышла фигура и села на мягкую скамейку напротив них.

Дюраны молча пристально посмотрели, распознавая, а узнав, неприятно были поражены. По очертаниям фигуры нельзя было сказать мужчина это или женщина. Она сидела здесь, как приклеенная к месту, а когда они присмотрелись, то увидели, как она вытащила тонкие кабели из карманов серого комбинезона, вставила концы кабелей в компьютерную стенку.

Гарви обратил внимание на квадратное в глубоких морщинах лицо и светло-серые глаза с их пристальным взглядом прямой откровенности, которые холодно оценивали наблюдаемый объект, что было характерной чертой Киборгов.

— Глиссон, — сказал Гарви, — Вы вызывали нас?

— Я вызвал вас, — сказал Киборг. — Прошло уже так много лет, Дюран. Ты все еще боишься нас? Я вижу, что боишься. Вы опоздали.

— Нам незнакомо это место, — сказал Гарви.

— Мы шли очень осторожно, — сказала Лизбет.

— Тогда я хорошо учил вас, — сказал Глиссон. — Вы оказались довольно хорошими учениками.

Через сомкнутые руки Лизбет просигналила: — Их очень трудно прочесть, но произошло что-то неприятное. — Она отвела взгляд от Киборга, испытывая озноб под его пристальным тяжелым взглядом. Как бы ни старалась она думать о них, как о живой плоти и крови, разум ее никак не мог избежать мысли о том, что в их тела вставлены мини-компьютеры, соединенные с мозгом, и что их руки — это не руки, а протезированные инструменты и оружие. А голос — в нем всегда присутствует такое отрывистое и невыразительное качество.

— Вы не должны нас бояться, мадам, — сказал Глиссон. — Если, конечно, вы Лизбет Дюран.

Гарви не удалось подавить вспышку гнева, когда он сказал: — Не разговаривайте с ней в таком тоне. Мы не принадлежим вам.

— Какой был первый урок, который я преподавал вам после того, как вас завербовали? — спросил Глиссон.

Гарви взял себя в руки, на лице его появилась принужденная улыбка. — Сдерживать наш нрав, — сказал он, рука Лизбет все еще вздрагивала в его руке.

— Этот урок вы не усвоили хорошо, — сказал Глиссон. — Я проглядел в нем ваши погрешности.

Через руки Лизбет дала ему сигнал: — Я была готова к тому, что против нас применяют насилие.

Гарви согласился.

— Во-первых, — сказал Глиссон. — вы сообщите о генетической операции. — Здесь была пауза, пока Киборг изменил положение кабелей в компьютерной стенке. — Не обращайтесь внимания на мою работу. Я распределяю инструменты — итак, — он нашел обозначение машинного отделения... — это место, которое появляется на их экранах, как пространство, наполненное инструментами, такое место никогда не вызовет подозрений.

Скамейка переместилась от стены вправо от Дюранов. — Если вы устали, садитесь, — сказал Глиссон. Киборг указал кабельными соединениями на компьютерную стенку. — Я сижу только для того, чтобы мог продолжать работу этого пространства, пока мы разговариваем. — Киборг улыбнулся, напряженная гримасса, которая должна была дать понять Дюранам, что такие, как Глиссон, не чувствуют усталости.

Гарви убедил Лизбет сесть на скамейку. Она сadiлась, когда он просигналил: — Осторожно. Глиссон старается обойти нас. Что-то от нас прячут.

Глиссон слегка повернулся к ним, чтобы видеть их, и сказал: — Словесный, насыщенный мелочами полный отчет. Ничего не выпускайте, даже то, что для вас может показаться тривиальным. У меня безграничные возможности оценки данных.

Они начали передавать все, что они наблюдали во время генетической операции, сменяя друг друга, без перерыва, как учили этому хороших курьеров. Во время этого рассказа Гарви испытывал странное чувство, что он и Лизбет стали частью механизма Киборга. Вопросы сыпались с губ Киборга так механически. Ответы их тоже были соответствующими. Он должен был напомнить себе: мы ведь обсуждаем то, что касается нашего сына.

Наконец, Глиссон сказал: — Кажется, нет никаких сомнений в том, что мы имеем еще один жизнеспособный эмбрион с иммунитетом против газа. Ваши данные полностью подтверждают эту картину. Вы знаете то, что у нас есть и другие данные.

— Я не знала, что хирург является одним из нас, — сказала Лизбет.

Наступила пауза, во время которой глаза Глиссона стали еще более пустыми, чем были. Дюраны чувствовали, что могут почти видеть эти мистические формулы, которые поступают в банк мыслей Глиссона. Говорили, что Киборги составляют большинство своих мыслей только в категориях высшей математики, переводя обычный язык в пригодный для них язык формул.

— Хирург не один из нас, — сказал Киборг. — Но скоро он будет нашим.

«Какие стратегические формулы вывели эти слова,» — размышлял Гарви. — Что там случилось с компьютерной лентой на операции, — спросил он.

— Она уничтожена, — сказал Глиссон. — И все же, сейчас ваш эмбрион переносят в более безопасное место. Скоро вы увидите его. — Механический смехок слетел с губ Киборга.

Лизбет вздрогнула. Гарви почувствовал ее напряжение через сомкнутые руки. Он сказал: — Наш сын в безопасности?

— В безопасности, — сказал Глиссон. — Наши планы предусматривают такую безопасность.

— Как? — спросила Лизбет.

— Скоро вы поймете, — сказал Глиссон. — Специальное и надежное безопасное укрытие. Будьте уверены: жизнеспособный эмбрион — ценное оружие. Мы не подвергаем риску наши ценные виды оружия.

Лизбет просигналила: — Операция — спроси сейчас.

Гарви провел языком по губам и спросил: — Существуют... когда Централ вызывает хирурга, обычно это значит, что эмбрион должен формироваться в оптимена. Они что... является ли наш сын...

Ноздри Глиссона раздулись. Лицо приняло надменное выражение, которое говорило, что такое невежество оскорбительно для Киборга. Резкий голос сказал: — Только получив полную ленту записи, включая ферментные данные, можно строить догадки. Лента пропала. Лишь хирург знает точно результат операции. Мы еще должны допросить его.

Лизбет сказала: — Свенгаард или компьютерная сестра могли рассказать что-то...

— Свенгаард — болван, — сказал Киборг. — Компьютерная сестра мертва.

— ОНИ убили ее? — прошептала Лизбет.

— Как она умерла — это неважно, — сказал Глиссон. — Она сослужила свою службу.

Гарви дал сигнал рукой: — Киборги имеют какое-то отношение к ее смерти.

— Я вижу, — ответила она.

Гарви сказал: — А вы... нам позволят поговорить с Поттером?

— Поттеру будет предложен полный статус Киборга, — сказал Глиссон. — А разговаривать ли с вами... он примет это решение после этого.

— Но мы хотим знать о судьбе нашего сына, — вспыхнула Лизбет.

Гарви с сумасшедшей скоростью просигналил: — Извинись.

— Мадам, — сказал Глиссон, — позвольте мне напомнить вам, что так называемый сформированный оптимен не является тем состоянием, к которому мы стремимся. Вспомните вашу клятву.

Она схватила Гарви за руку, чтобы послать молчаливый успокоительный сигнал, и сказала: — Извините за такой срыв. Для меня было просто шоком узнать... возможность...

— Ваши эмоциональные излишества принимаются во внимание, как смягчающие обстоятельства, — сказал Глиссон. — Поэтому хорошо, что я предупредил вас о том, что произойдет. Вы услышите о вашем сыне то, что не должно волновать вас.

— Что? — прошептала Лизбет.

— Внешняя сила неизвестного происхождения иногда вмешивается в ожидаемый курс генетической операции, — сказал Глиссон. — Есть основание полагать, что это произошло с вашим сыном.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Гарви.

— Хочу сказать? — усмехнулся Глиссон. — Вы задаете вопросы, на которые нет ответа.

— Что эта... вещь делает? — добавила Лизбет.

Глиссон посмотрел на нее. — Она ведет себя неким образом, как заряженная частица, проникает в генетическое ядро и изменяет его структуру. Если это произошло с вашим сыном, вы можете это считать благоприятным, потому что, вероятно, оно предотвращает формирование оптимена.

Дюраны пытались переварить то, что услышали.

Наконец, Гарви сказал: — Вы требуете еще что-нибудь от нас? Или нам можно идти?

— Вы останетесь здесь, — сказал Глиссон.

Они уставились на него.

— Вы будете ждать дальнейших приказаний, — сказал Глиссон.

— Но нас потеряют, — сказала Лизбет. — Наша квартира, ОНИ...

— Мы вырастили двойников, которые будут играть ваши роли столько, сколько потребуется, чтобы вы скрылись из Ситака. — сказал Глиссон. — Вы никогда не сможете вернуться туда. Вам следует бы знать об этом.

Тогда губы Гарви задвигались и произнесли: — Убежать? Что это... зачем...

— Существует угроза насилия, — сказал Глиссон. — Даже сейчас. Наступает культ желания смерти. — Киборг поднял взор к потолку. — Война... кровь... убийства. Будет так, как было перед тем, когда небеса вспыхнули и земля расплавилась.

Гарви кашлянул. Войны... слова Глиссона производили впечатление того, что войны эти были недавно, чуть ли не вчера. Что касается этого Киборга, то это могло быть и правдой. Говорили, что дед Глиссона сражался в войне Киборгов против оптименов. Никто из простых людей подпольного Центра не знал, сколько идентификаций прожил Глиссон.

— Куда мы пойдем? — спросил Гарви. Он просигналил Лизбет, чтобы она не вмешивалась.

— Место уже приготовлено, — сказал Глиссон.

Киборг поднялся, отсоединил кабели от компьютерной панели и сказал: — Вы подождете здесь. Не пытайтесь уйти. Вас обеспечат всем, что необходимо.

Глиссон ушел через шлюз, и тот закрылся с тяжелым стуком.

— Они такие же плохие, как и оптимены, — просигналила Лизбет.

— Наступит день, когда мы освободимся и от тех, и от других, — сказал Гарви.

— Этого никогда не будет, — сказала она.

— Ну, не скажи, — упрямо заявил он.

— Если бы только знать, что хирург к нам дружелюбен, — сказала она. — Мы бы могли взять сына и убежать.

— Но это же глупо! Как бы мы смогли обслуживать чан без всех этих механизмов и...

— У меня этот механизм внутри, — сказала она. — Я... родилась с ним.

Гарви уставился на нее, потрясенный до глубины души и лишившийся дара речи.

— Я не хочу, чтобы Киборги или опыты контролировали жизнь нашего сына, — сказала она, — регулировали его мозг с помощью гипнотического газа, делали из него двойников ради каких-то своих целей, толкали его и вели его и...

— Не заводись, — сказал он.

— Ты же слышал, что он сказал, — сказала она. — Двойники! Они могут управлять всем — даже нашим существованием! Они могут привести нас в состояние... чтобы мы... сделали все, что угодно! Из всего, что нам известно, они сделали так, что мы сейчас очутились здесь!

— Лиз, ну будь благоразумной.

— Благоразумной! Посмотри на меня! Они могут взять часть моей кожи и вырастить идентичную копию. Меня!

Идентичную мне! И как ты тогда отличишь, где я? Как ты узнаешь, что это та самая я? Ну как?

Он схватил ее свободную руку и на мгновение не мог найти нужных слов. Наконец, он заставил себя расслабиться, потрянул головой. — Ты, это ты, Лиз. Ты не плоть, выращенная из клетки. Ты... все, через что мы прошли вместе, и были... и сделали вместе. Они ведь не могут сделать двойник памяти... это недоступно двойнику.

Она прижалась щекой к грубой ткани его куртки, ища в ней успокоения, живого ощущения того, что бы сказала ее телу, что он здесь, что он настоящий.

— Они сделают двойников из нашего сына, — сказала она. — Вот каковы их планы. Ты знаешь об этом.

— Тогда у нас будет много сыновей.

— С какой целью? — она взглянула на него, ресницы ее были влажными от непролитых слез. — Ты слышал, что сказал Глиссон. Что-то извне помогло формированию нашего эмбриона. Что это было?

— Откуда мне знать?

— Кто-то должен знать.

— Я знаю тебя, — сказал он. — Ты можешь верить, что это бог.

— А что еще это могло быть?

— Любое — шанс, случайность, какой-нибудь манипулятор высшего порядка. Может быть, кто-то открыл такое, о чем они и не подозревают. •

— Один из нас? Они бы не смогли!

— Тогда сама природа, — сказал Гарви. — Природа сама встала на защиту интересов человека.

— Иногда ты говоришь как приверженец культа.

— Но это же не Киборги, — сказал он. — Мы знаем это.

— Глиссон сказал, что это благоприятно.

— Но это же генетическое формирование. Это же для них богохульство. Физическое изменение биорамы, вот что это такое по-ихнему.

— Таких, как Глиссон, — сказала она. — Это робот с человеческой плотью. — Она снова прижалась к нему щекой. — Вот чего я боюсь — они сделают это с нашим сыном, с нашими сыновьями. •

— Служба курьеров считает, что Киборгов приходится один на сотню, — сказал он, — Пока мы будем держаться вместе, мы победим.

— Но мы ведь просто плоть, — сказала она, — и такие слабые.

— И мы можем сделать то, что все эти стерри, взятые вместе, не смогут сделать, — напомнил он ей. — Мы можем сохранить навсегда наш род.

— Какое это имеет значение? — спросила она. — Оптимены никогда не умирают.

Глава 8

Свенгаард подождал до вечера и проверил все места через экраны наблюдения в своем кабинете прежде, чем идти в комнату с чаном. Несмотря на то, что это была его больница, и у него были здесь все права, он сознавал, что совершает недозволенное. Значимость беседы в Центrale не ускользнула от него. Оптименам это бы не понравилось, но он должен был взглянуть в этот чан.

Он задержался в темноте комнаты с чаном, постоял там возле двери, ощущая то непривычное чувство, что он никогда не присутствовал в этой комнате без того, чтобы она не была полностью в блеске огней. Видны были только сияющие лампы в приборах и записывающих устройствах — слабые точки и кружки люминесценции, по которым он ориентировался.

Звук — трам-трам-трам — жизнеобеспечивающих насосов создавал странный контрапунктный ритм, который наполнял полумрак ощущением срочности. Свенгаард представил все эмбрионы (по утренним подсчетам двадцать один), клетки их вытягивались, двоились и еще раздваивались, и еще раз в странном экстазе роста — становясь уникальными, отличными, разными индивидуальностями.

Контрацептивный газ, который пронизывал все пространство, в котором находились простые смертные, был не для них. Еще не для них. Сейчас они могли расти почти так же, как их предки вырастали до того, как появились генные инженеры.

Свенгаард принялся.

Обоняние его, инстинктивно обостренное темнотой, ощущало аминотическую засоленность воздуха. Из-за этого запаха эту комнату можно было бы принять за естественный берег моря с бурлящей жизнью его живительного озона.

Свенгаард встряхнулся и напомнил себе: «Я субмолекулярный инженер, генный хирург, и здесь нет ничего необычного.»

Но даже и эта мысль не действовала.

Он оторвался от двери, направился по линии, ведущей к чану с эмбрионом Дюранов. В мозгу у него ясно запечатлелась картина, которую он увидел в этом эмбрионе — вторжение, которое наполнило клетки аргинином. Вторжение. Откуда оно взялось? Может Поттер был прав? Это какой-то неизвестный создатель стабильности? Стабильности... порядка... систем. Расширенных систем... бесконечных аспектов энергии, которая оставляла все вещество несубстанциальным.

В шепчущей темноте эти мысли вдруг стали устрашающими. Он споткнулся о низкую подставку для инструментов, тихонько ругнулся. Желудок его напрягся от ощущения срочности, тревоги и страстным желанием закончить визит до того, как дежурная сестра пойдет с ежечасным обходом.

Фигура насекомого, тень против тени, выступила на стене перед ним. Он застыл на месте, и ему понадобилась минута, чтобы узнать в тени знакомые очертания мезонного микроскопа.

Свенгаард повернулся к светящимся цифрам на чанах — двенадцать, тринадцать, четырнадцать... пятнадцать. Вот наконец и нужный. Он проверил фамилию на надписи, прочитав ее при свете лампочки прибора: «Дюран.»

Что-то в этом эмбрионе заставило встревожиться оптименов, а в Безопасности поднялся шум. Его постоянная компьютерная сестра ушла — куда, никто не мог сказать. Замена ее ходила, как мужчина.

Свенгаард обошел вокруг микроскопа, мягко двигаясь в темноте, установив инструмент над чаном, устроил удобно ноги. Под пальцами ощущалось биение в чане. Он настроил на сканирование и наклонился.

Из бурлящей клеточной массы вверх шел гидрофелический генный сегмент. Он сфокусировал на него, забыв про темноту, когда он направил взор в поле зрения микроскопа. Мезонные пробы скользили вниз... вниз в митохондриальную структуру. Он нашел альфогеничные структуры и начал проверять полипептидные цепи.

На лбу у него появилась хмурая озадаченность. Он перешел еще на одну клетку, затем еще одну.

В клетке сейчас было мало аргенина — он видел это. Мысли пронеслись в мозгу, когда он рыскал взглядом и выискивал нужное, как могло в эмбрионе Дюранов из всех других эмбрионов, быть так мало аргенина? Любому нормальный мужчина имел бы больше проталина спермы, чем этот. Как могла система обмена АДП-АТФ не иметь даже признаков оптимена? Формирование не могло бы привести к такому большому различию.

Внезапно Свенгаард послал инструмент в идентификатор пола, просканировал нависающие спирали.

Женские!

Он выпрямился, проверил номер и табличку: «Пятнадцать. Дюран.»

Свенгаард наклонился к инспекционной карте, прочитал на светящихся приборах. Она отражала записи дежурной сестры на восемьдесят первый час. Он взглянул на часы: еще двадцать минут до того, как она проведет проверку восемьдесят второго часа.

«Эмбрион Дюранов никоим образом не мог быть женским, — думал он, — несмотря на операцию Поттера».

Он понял, что кто-то подменил эмбрионы. Один эмбрион реагировал на жизнеобеспечивающие системы чана точно так же, как и другой. Без наблюдения в микроскоп такое изменение нельзя заметить.

Кто?

В уме Свенгаарда самыми вероятными кандидатами на такую подмену были оптимены. Они заменили эмбрион Дюранов, а его перенесли в другое безопасное место.

Почему?

«Наживка, — думал он, — приманка.»

Он выпрямился, во рту у него пересохло, сердце бешено колотилось. Звук на стене слева заставил его резко обернуться. Компьютерная панель чрезвычайной ситуации комнаты с чанами пришла в движение, ленты начали вращаться, огни мигать. Табло считки затрещало.

Но никакого оператора не было!

Свенгаард резко повернулся, чтобы выбежать из комнаты, столкнулся с неподвижно ставшей на пути преградой. Руки и кисти сжали его с безжалостной силой, и он увидел, как за спиной схватившего его секция стены открылась и в открытом пространстве в тусклом свете было видно движение.

В черепе разлилась темнота.

Глава 9

Новая компьютерная сестра ситакской больницы вызвала по телефону Макса Олгуда только после короткой задержки, пока агенты Безопасности отыскиали его. Глаза Олгуда казались ввалившимися. Рот вытянулся в тонкую линию.

— Да, — сказал он. — Ага, это вы.

— Произошло что-то важное, — сказала она. — В комнате для чанов Свенгаард изучает под микроскопом эмбрион Дюранов.

Глаза Олгуда округлились: — О-о, ради всех... Это поэтому вы вытащили меня из... вот почему вы вызвали меня?

— Но был шум, и вы сказали...

— Забудьте об этом.

— Я говорю вам, что в той комнате было какое-то движение, а сейчас пришел д-р Свенгаард. Я не видела, когда он уходил.

— Он, вероятно, ушел через другую дверь.

— Но другой двери нет.

— Послушайте, золотко, у меня там полсотни агентов, прикрывающих эту дверь, как одеялом. Туда не может и муха влететь, чтобы ее не засекли сканеры.

— Тогда проверьте с ними, куда ушел Свенгаард.

— О-о, ради...

— Проверьте!

— Ладно! — Олгуд переключился на экстренную связь, вызвал дежурного агента. Компьютерная сестра слышала, как он говорит по свободной линии: — Где Свенгаард?

Смешавшийся голос ответил: — Только что вошел и изучал эмбрион Дюранов под микроскопом, потом ушел.

— Вышел через дверь?

— Только что вышел.

Лицо Олгуда снова появилось на экране сестры. — Вы слышали это?

— Я слышала, но я была в конце зала с тех пор, как он вошел. Он не выходил.

— Вероятно, вы отвернулись на пять секунд?

— Ну...

— Вы отворачивались не так ли?

— Может быть, я могла бы отвернуться только на секунду, но...

— Итак, вы упустили его.

— Но я слышала там какой-то шум!

— Если бы там было что-нибудь не в порядке, то мне бы сообщили об этом агенты. Ну, а теперь забудьте об этом. Свенгаард — это не проблема. ОНИ говорили, что он, вероятно, сделает это, и мы можем не обращать на это внимание. ОНИ никогда не ошибаются в таких делах.

— Ну, если вы уверены.

— Я уверен.

— Скажите, почему мы так печемся об этом эмбрионе?

— Вам, милочка, не следует этого знать. Отправляйтесь на работу, а мне дайте хоть немного соснуть.

Она прервала связь, все еще размышляя о том шуме, который там слышала. Было похоже, что там что-то били.

Олгуд сидел, уставясь в пустой экран после того, как сестра отключилась. Шум? Возня? Он округлил рот, медленно выдохнул. Ненормальная сестра, черт бы ее побрал!

Он резко встал, вернулся на кровать. Гуляющая девка, которую он привел на ночь, лежала там в розовом свете ночника, полусонная, глядя на него. Глаза ее под длинными ресницами наполнили его неожиданной яростью.

— Пошла отсюда вон, к чертовой матери, — взревел он.

Она села прямо в кровати, сразу же проснувшись, и уставилась на него.

— Вон, — сказал он, указывая на дверь.

Она скатилась с кровати, схватила одежду и выбежала за дверь, мелькнув голым телом.

Только после того, как она ушла, Олгуд понял, кого она напоминала ему — Калапину, глупую Калапину. Тогда он удивился про себя. Киборг сказал, что те приспособления, которые они сделали, помогут ему контролировать свои эмоции, помогут ему безнаказанно врать даже оптименам. А сейчас этот взрыв — он испугал его. Он уставился на один из своих шлепанцев на сером ковре, его пара куда-то исчезла. Он пнул тапок, начал шагать назад, вперед.

Что-то было не так. Он чувствовал это. Он уже прожил четыреста прекрасных лет, почти все они на службе у оптименов. У него уже хорошо сформировался инстинкт на доброе и плохое.

Что-то дурное произошло.

Что, Киборг соврал ему? Неужели они используют его в каких-то своих целях?

Он споткнулся о тапочек, не обращая на него внимания.
Шум. Возня.

С тихим проклятием он включил срочную связь, вызвал дежурного агента. Лицо человека на экране было как у младенца — пухлые губы, большие вопрошающие глаза.

— Идите в комнату для эмбрионов и проверьте все, — сказал Олгуд. — Все до былинки. Ищите признаки возни.

— Но если нас кто-нибудь увидит...

— К черту все! Делайте, как я сказал!

— Да, сэр!

Агент отключился.

Олгуд сбросил пижаму, забыв про весь сон, принял быстро душ и начал одеваться.

Что-то плохое произошло. Он чувствовал это. Перед тем, как уйти из из квартиры, он позвонил, чтобы взяли Свенгарда и привели его на допрос.

Глава 10

К восьми часам утра улицы и переулки промышленного северного района Ситака кишели от машинного и пешеходного движения — спешащие безликие люди, следующие по обжитым каналам своих личных забот. Контроль погоды объявил, что днем будет держаться до приятных семидесяти восьми градусов по Фаренгейту и будет безоблачно. Через час после этого, когда день вступал в свой привычный рабочий ритм, движение становилось менее интенсивным. Д-р Поттер видел город в его рабочем режиме много раз, но никогда раньше ему не приходилось смешиваться с этой спящей в обе стороны толпой.

Он понимал, что подпольный Центр Родителей выбрал это время для естественного прикрытия. Он и его сопровождающий были здесь лишь еще двумя безликими. Кто заметит их? Хотя это не уменьшало его возбужденного интереса к картине, которая была новой для него.

Большая толстая стерри в зелено-белой полосатой форме оператора машинного пресса комплекса тяжелой индустрии проталкивалась вперед мимо него. Она была для Поттера, как одна из серии B2022419*Г8 с кремовой кожей и тяжелыми чертами лица. В правом ухе в виде золотой петли она носила прыгающую куклу, знак селекционера.

Почти в ногу с ней немного позади шел низкий мужчина со сгорбленными плечами, несущий короткую медную трость. Он метнул презрительную усмешку на Поттера, когда они проходили мимо, как бы говоря: «Вот единственный способ пробиться через такую толпу, как эта.»

Сопровождающий Поттера завел его в дорожку ступенью ниже, а затем в боковую улицу. Сопровождающий был для Поттера непостижимой загадкой, так как он никак не мог припомнить тип его генного формирования. На гиде был простой коричневый рабочий костюм, почти болезненная кожа. Его глубоко посаженные глаза блестели, почти как линзы. Кепка почти скрывала его волосы, за исключением нескольких темно-каштановых прядей, которые были похожи на искусственные. Руки его, когда он трогал Поттера, чтобы указать направление, были холодные и вызывали слегка отталкивающее чувство.

Толпа здесь поредела, когда они пошли по дорожке ступенькой ниже и повернули за угол в боковой каньон между возвышающимися зданиями без окон. На этой извилистой улице, поднимающейся вверх и почти скрывающейся среди отдаленных мостов, была пыль. Поттер размышлял о природе этой пыли. Было похоже на то, что директор местного бюро погоды разрешил выпустить сюда пыль, в подсознательном стремлении к естественности.

Мимо них быстро прошел мускулистый мужчина, и Поттер поймал себя на том, что смотрит на его кисти — толстые запястья, узловатые пальцы, заостренные мозоли. Он понятия не имел, что работа может вызывать такие деформации.

Гид вел его сейчас по последовательно опускающимся дорожкам в пещеру аллеи. Толпа осталась сзади. Чувство причастности охватило Поттера. Он чувствовал, что вновь переживает старое и знакомое состояние.

«Почему я пошел с этим человеком?» — удивлялся он.

На гиде был блузон с колесом водителя транспорта на плечах, но он сразу сказал, что пришел от родительского подпольного Центра.

— Я знаю, что вы сделали для нас, — сказал он. — Теперь мы сделаем что-то для вас. Поворот головы. — Пошли.

После этого они говорили только урывками, но Поттер знал с самого начала, что гид представился правильно. Здесь не было подвоха.

«Тогда почему я принял его предложение?» — спрашивал Поттер себя. Конечно, в этом не было завуалированных обещаний продлить жизнь и дать мгновенные знания. Конечно, за этим стояли Киборги, и он подозревал, что гид мог быть одним из них. Большинство оптименов и обслуживающих верхи не хотели верить в народные слухи о том, что Киборги действительно существуют. Но Поттер никогда не присоединялся ни к циникам, ни к злопыхателям. Он больше ничем не мог объяснить свое присутствие здесь, в этой аллеинной пещере, шагая между темными пласмелдовыми стенами, освещенными мерцающими, как привидения, осветительными трубками наверху.

Поттер подозревал, что он, наконец, восстал против одного из трех курсов века — сдержанности, наркотиков и алкоголя. В свое время наркотические удовольствия и алкоголь притягивали его и, в конце концов, умеренность. Он знал, что это ненормально для таких времен. Лучше уж связаться с одним из диких культов секса. Но бесцельный секс, даже без малейшей надежды на результат, надоел ему, хотя он знал, что это уже знак окончательного распада.

Аллея привела на одну из затерянных площадей мегаполиса — треугольник асфальта и фонтан, который был похож на натуральный камень, зеленый от слизи веков.

«Оптимены не знают об этом месте, — подумал Поттер. — Они презирали камень, который съеден эрозией и износился — в свое время. Самовосстанавливающийся пласмелд — это вещь. Он стоял неподвижный и несдвигающийся на все времена.»

Гид замедлил шаг, когда они вышли на открытое место. Поттер заметил, что от человека слабо пахнет химикалиями, приятный запах бензина, а также тонкий шрам, который шел по диагонали вниз по шее за воротник.

«Почему он даже не пытался шантажировать меня на вступление? — изумлялся Поттер. — Может быть, он был так уверен? Может ли вообще меня кто-нибудь знать так хорошо?»

— У нас есть для вас работа, — сказал гид. — Операция, которую вы должны сделать.

«Любопытство — это моя слабость, — подумал Поттер. — Вот почему я здесь.»

Гид положил ладонь на руку Поттера и сказал: — Стойте. Ждите не двигаясь.

Тон был разговорный, спокойный, но Поттер почувствовал внутреннее скрытое напряжение. Он взглянул вверх, вокруг. Здания были без окон, безликие. На углу другой аллеи впереди выступала широкая дверь. Они почти обошли фонтан, не встретив ни одного человека. Вокруг них ничего не колыхалось и не двигалось. Стоял лишь слабый гул далеко работающих машин.

— Что это? — прошептал Поттер. — Почему мы ждем?

— Ничего, — сказал гид. — Ждите.

Поттер пожал плечами.

Память его унеслась назад к первой встрече с этим существом. «Как они могли узнать о том, чего я достиг в операции с этим эмбрионом? Должно быть, это компьютерная сестра. Она одна из них.»

Гид отказался отвечать на этот вопрос.

«Я пришел, потому что надеюсь, что они помогут мне решить тайну эмбриона Дюранов, — подумал он. — Они были причиной вторжения аргинина — вот, что я подозреваю.»

Он думал об описании Свенгаарда — похожее на инверсионного типа вторжение. Оно разместило богатые органином проталины спермы во все закрученные альфа-спирали клеток эмбриона. Затем подошла операция — в цистеиновой маске, нейтрализованный сульфидрилом и фазой АТФ... олигамицинном и азидом... реакция обмена заторможена.

Поттер взглянул на клочок синего неба, ограниченный зданиями, образующими площадь. Память его сосредоточилась на формировании Дюрана, к нему пришла новая мысль. Он больше не смотрел на небо. Сознание его снова вернулось в бурлящую клеточную структуру, следуя за митохондриальными системами, как подводный охотник.

— Ее можно было бы повторить, — прошептал он.

— Тихо. — прошипел гид.

Поттер кивнул. «Совсем на любом эмбрионе, — думал он. — Ключ — аргининное наводнение. Я бы мог это повторить сам, на базе описания Свена. Боги! Мы могли бы сделать миллиарды Дюрановых эмбрионов! И каждый из них жизнеспособный!»

Он сделал глубокий вдох, потрясенный этим пониманием — при том, что стерта запись — его память могла быть единственным источником всей операции и ее приложений. Свенгаард и компьютерная сестра могли иметь только ее часть. Они не были там, погруженные в сердце клетки.

Блестящий хирург мог бы вывести заключение того, что случилось, и смог бы воспроизвести операцию из частичных записей, но только если бы перед ним поставили такую проблему. Кто мог бы когда-нибудь взяться за эту проблему? Не оптимены. Не этот болван Свенгаард.

Гид потянул Поттера за руку.

Поттер взглянул на это плоское лицо с холодными глазами без признаков генетической идентификации.

— Нас заметили, — сказал гид странным обезличенным тоном. — Слушайте меня внимательно. Ваша жизнь зависит от этого.

Поттер тряхнул головой, замигал. Он чувствовал, что отгорожен от личного «я», стал только сгустком ощущений, чтобы запомнить слова и действия гида.

— Вы пойдете через эту дверь впереди вас, — сказал гид.

Поттер повернулся, посмотрел на дверь. Два мужчины, несущие завернутые в бумагу пакеты, появились из аллеи перед ней, поспешили вокруг площади напротив них. Гид не обратил на них внимания. Поттер услышал гул молодых голосов, становящийся громче в аллее. Гид не обратил на него тоже никакого внимания.

— Внутри этого здания вы войдете в первую дверь налево, — сказал он, — Вы увидите там женщину, которая управляет коробкой голосов. Вы скажите ей: «Мне жмет туфля.» Она ответит: «У каждого свои заботы.» После этого она возьмет на себя заботу о вас.

Поттер обрел голос: — А что, если... ее нет там?

— Тогда пройдете в дверь за ее столом, а оттуда через прилегающий кабинет в задний зал. Поверните налево и идите к заднему зданию. Там вы найдете человека в форме надзирателя грузчиков, с серыми и черными полосами. Вы повторите процедуру с ним.

— А что с вами? — спросил Поттер.

— Это не ваша забота. Ну, быстро. Гид подтолкнул его в спину.

Поттер, запинаясь, пошел к двери, когда из аллеи между ним и входом в здание появилась женщина в форме учительницы, ведущая колонну ребятишек.

Ощущения Поттера при виде этой сцены были введены в шок — дети, одетые в облегающие шорты, оставляя открытыми длинные, как у фламинго, ноги. Они сейчас же окружили его, и он должен был пробиваться сквозь них к двери.

Кто-то вскрикнул позади него.

Поттер метнулся к двери, нащупал ручку, оглянулся назад.

Его гид ушел на противоположную сторону фонтана, который теперь скрывал его до пояса, но то, что оставалось видно, было достаточным, чтобы Поттер задохнулся от волнения и застыл. Грудь человека была голой, открывающей один молочно-белый купол, из которого струился незабываемый сжигающий свет.

Поттер повернул налево, увидел шеренгу людей, появляющихся из другой аллеи, именно их поражал и сжигал этот испепеляющий свет. Дети кричали, плакали, убегали назад в аллею, из которой они появились, но Поттер не замечал их, он был зачарован этой машиной уничтожения, которой было это человеческое существо.

Одна из рук гида поднялась, указывая вверх над головой. Из растопыренных пальцев вырывались вверх голубые сжигающие полосы. Там, где свет заканчивался, с неба падали авиакары. Воздух вокруг стал адом озонового треска, взрывов, криков, визга.

Поттер стоял, наблюдая, не способный сдвинуться; забыв о данных ему инструкциях, про дверь и про руку на ручке двери.

На гида сейчас обрушился ответный огонь. Его одежда задымилась, исчезла в дыме, открыв вооруженное мышцами тело, которые, должно быть, были из пластмелдовых волокон. Страшные лучи продолжали изливаться из его рук и груди.

Поттер понял, что не может больше смотреть. Он с силой рванул дверь, ввалился, споткнувшись, в относительный полумрак фойе с желтыми стенами. Он с силой захлопнул за собой дверь, когда здание потряс взрыв. Дверь позади него затрещала.

Слева от него распахнулась дверь. В дверях стояла крошечная голубоглазая блондинка и пристально смотрела на него. Поттер поймал себя на том, что даже сейчас узнает следы ее генетического типа. В комнате позади нее он увидел коробку с голосами и пульт управления.

— Мне жмет ботинок, — сказал Поттер.

Она выдавила: — У всех свои беды.

— Я д-р Поттер, — сказал он. — Я думаю, что моего сопровождающего только что убили.

Она шагнула в сторону, сказала: — Сюда.

Поттер проскочил за ней в кабинет с линиями пустых столов. В голове у него был сумбур. Он чувствовал, что потрясен до основания проявлениями насилия, которые он только что наблюдал.

Женщина взяла его за руку, повела к другой двери. — Сюда, — сказала она. — Мы должны добраться до подземки для служащих. Это единственный путь. Они через несколько минут окружат это место.

Поттер остановился, буквально как вкопанный. Он не рассчитывал. Он не знал, что его ожидает, но только не насилие.

— Куда мы идем? — потребовал он. — Что вы хотите от меня?

— Разве вы не знаете? — спросила она.

— Нет... он так и не сказал.

— Вам все объяснят, — сказала она. — Поспешите.

— Я не сдвинусь ни на йоту, пока вы не скажите, — сказал он.

Крепкое уличное ругательство сорвалось с ее губ. Она сказала: — Если я должна, то должна. Вы должны имплантировать эмбрион Дюранов в чрево матери. Это единственный способ, откуда мы можем его получить.

— В мать?

— Древним способом, — сказала она. — Я знаю, что это отвратительно, но это единственный способ. Ну, быстреей.

Поттер позволил увести себя через эту дверь.

Глава 11

В центре контроля, в красном Шаре Обзора, Туеры заняли свои троны на поворачивающемся треугольнике, снова и снова просматривая данные — соотнося, делая выводы, суммируя. 120-градусный скан изогнутой стены, доступный каждому из них, зажигал данные о многочисленных видах — картины из шпионских экранов наблюдения, как функции вероятности в математических дисплеях, как глубинно-модульные аналоги решений, в качестве внешних и внутренних единиц пропорциональных распределений, видео сообщений, как мотивационные кривые, отягощенные данными для действия и представленные в виде бегущих зеленых линий...

В верхних квадратах, мерцали глаза сканеров, чтобы показать, сколько оптименов следили за деятельностью в шаре — в это утро свыше тысячи.

Калапина, которую беспокоило кольцо предписания на большом пальце левой руки, чувствовала жужжание власти в нем, когда она прижимала или скользила им по коже. Она была беспокойна, ее наполняли требования, для которых она не могла найти нужных слов. Обязанности, связанные с деятельностью в шаре, становились отталкивающими, а ее спутники ненавистными. Здесь внутри время стало непрерывным пятном без дней и ночей. Каждый компаньон, которого она когда-либо знала, становился таким же компаньоном, поглощенным, бесконечно поглощенным.

— Я снова изучил ленту синтеза белков эмбриона Дюранов, — сказал Нурс. Он взглянул на Калапину в рефлекторе возле своей головы, постукал пальцами, которые двигались взад и вперед по ручке трона, по выгравированному пласмелду.

— Что-то мы упустили, что-то упустили, — съехидничала Калапина. Она посмотрела на Шруилла, захватила момент, когда он вытирал ладони о платье на бедрах, движение, которое, казалось, так и сверкало искрами, выдающими его нервозность.

— Кажется, сейчас я обнаружил то, что мы упустили, — сказал Нурс.

Движение головы Шруилла привлекло внимание Нурса. Он повернулся. Мгновение они пристально смотрели друг на друга в призмы. Нурсу показалось интересным то, что Шруилл не скрыл крошечное пятно на коже возле носа.

«Странно, — подумал Нурс. — Как может один из нас иметь пятно, подобное этому? Конечно, может же быть ферментная несбалансированность.»

— Ну, что еще там? — потребовал Шруилл.

— У тебя пятно около носа, — сказал Нурс.

Шруилл пристально посмотрел на него.

— Ты заключил это после анализа ленты эмбриона? — спросила Калапина.

— А-о? О-о, ... конечно нет.

— Тогда, что же ты обнаружил?

— Да. Ну... сейчас кажется довольно очевидным, что операция, проведенная Поттером, может быть повторена — если

дать общий тип эмбриона и достаточное снабжение проталином спермы.

Шруилл вздрогнул.

— Ты сделал заключение из хода операции? — спросила Калапина.

— Не из самой операции, но в общих чертах, да,

— Поттер мог бы повторить ее? — спросила она.

— Вероятно, даже Свенгаард.

— Убереги и сохрани нас, — пробормотала Калапина. Это было ритуальное изречение, чей смысл редко доходил до сознания оптименов, но она услышала себя на этот раз, и слово «сохрани» выделилось, как будто вычерченное огнем.

Она резко отвернулась.

— Где Макс? — спросил Шруилл.

Хныканье в голосе Шруилла вызвало усмешку на губах Нурса.

— Макс работает, — сказал Нурс. — Он занят.

Шруилл взглянул на светящиеся сканеры, думая о всех тех товарищах, скрытых за линзами глаз — Акционисты, рассматривая события как спрос на свои таланты; не понимающие, что здесь может быть взрыв насилия; Эмоционалы, боящиеся и жалующиеся, доведенные чувством вины до состояния почти полной неэффективности; Циники, заинтересованные новой дичью (большинство наблюдателей, чувствовал Шруилл — циники); Гедонисты, рассерженные текущими ощущениями срочности чрезвычайного положения, обеспокоенные, потому что такие дела мешали им развлекаться; и Изнеженные, смотрящие на все это, как на что-то новое, над чем можно поиздеваться.

«Не следует ли сейчас начать формировать новую партию? — спросил себя Шруилл. — Может быть, нам стоило бы иметь Жестоких, вся чувствительность которых была бы направлена на нужды самосохранения? Нурс и Калапина даже не задумывались еще над этим.»

Он снова вздрогнул.

— Вызывает Макс, — сказала Калапина. — Я вижу его на своем переносном экране.

Шруилл и Нурс включили свои дубликаторы канала, взглянули на противную, плотную, мускулистую фигуру Олгуда на переносных экранах.

— Я сообщаю, — сказал Олгуд.

Калапина следила за лицом шефа Безопасности. Он кажется странно несосредоточенным, испуганным.

— Что с Поттером? — спросил Нурс.

Олгуд заморгал.

— Почему он медлит с ответом? — спросил Шруилл.

— Это потому, что он обожает нас, — сказала Калапина.

— Обожание — продукт страха, — сказал Шруилл. — Вероятно, он желает что-то показать нам, проекцию или дополнительные данные. Не так ли, Макс?

Олгуд уставился на них с экрана, переводя взгляд с одного на другого. Они снова завязли в этом ощущении потерянного времени, бесконечная игра слов и непочтение ко времени в этих вопросах о данных — этом побочном эффекте бесконечной жизни, бесконечностью занятости тривиальностями. На этот раз, он боялся, этому не будет конца.

— Где Поттер? — потребовал Нурс.

Олгуд проглотил комок. — Поттер... временно ускользнул от нас, — он знал, что сейчас лучше лавировать, чем лгать.

— Ускользнул? — спросил Шруилл.

— Как? — спросил Нурс.

— Там было... насилие. — сказал Олгуд.

— Покажи нам это насилие, — сказал Шруилл.

— Нет, — сказала Калапина. — Мне достаточно слова Макса вместо этого.

— Вы сомневаетесь в Максе? — спросил Нурс.

— Не сомневаюсь, — сказал Шруилл. — Но я хочу увидеть это насилие.

— Как ты можешь? — спросила Калапина.

— Уйди, если хочешь, — сказал Шруилл. Он подбирал нужные слова: — Я... хочу... видеть... это... насилие. Он посмотрел на Олгуда: — Макс?

Олгуд проглотил комок. Такого развития событий он не ожидал.

— Это произошло, — сказал Нурс. — Мы знаем об этом, Шруилл.

— Конечно, это произошло, — сказал Шруилл. — Я увидел отметку там, где его стерли с наших каналов. Насилие. А сейчас я хочу обойти клапан безопасности, который защищает нашу чувствительность... — Он еще раз повторил: — Чувствительность!

Нурс внимательно посмотрел на него, заметив, что все следы нытья исчезли из голоса Шруилла.

Шруилл взглянул на сканеры, увидев, что многие отключились. Он привел в отвращение даже циников, в этом не было сомнения. Хотя некоторые остались.

«Останутся ли они, досмотрев сцену до конца?» — размышлял он.

— Покажите насилие, Макс, — приказал Шруилл.

Олгуд вздрогнул.

Нурс повернул трон кругом, подставив спину экрану, Калапина закрыла лицо руками.

— Как прикажете, — сказал Олгуд. Лицо его исчезло с экрана, его заменил вид сверху вниз на маленькую площадь между зданиями без окон. Две крошечные фигуры шли вокруг фонтана на площади. Они остановились, и вид крупным планом показал их лица — Поттер и незнакомец, странного вида человек с пугающе холодными глазами.

Снова вид изменился — два других человека появились из аллеи, неся завернутые в бумагу свертки. За ними вышла колонна детей со взрослым воспитателем в форме учителя.

Внезапно Поттер стал убежать, протискиваясь через толпу детей. Его сопровождающий бежал в другую сторону вокруг фонтана.

Шруилл рискнул бросить взгляд на Калапину, успев увидеть, что она подглядывает сквозь пальцы.

Пронзительный крик с экрана привлек его внимание, он снова уселся назад.

Сопровождающий Поттера стал существом, извергающим ужас, одежда с него упала, молочно-белый купол поднялся из груди и стал метать сверкающий свет.

Экран погас, снова ожил и показал сцену немного под другим углом.

Быстрый взгляд показал, что Калапина прекратила все притворство с закрытием глаз и внимательно смотрела на экран. Нурс тоже следил через плечо.

Еще одна вспышка огня прорвалась из фигуры на экран, снова экран потух.

— Это Киборг, — сказал Шруилл. — Знайте об этом, когда наблюдаете.

Снова ожил экран, теперь с другого угла, на этот раз высоко сверху. Действие в пласмелдовом каньоне сократилось до движения неясных фигур, но было не очень трудно найти центр насилия. Струи сверкающего огня прыгали вверх от

бегущей фигуры на площади. Авиакары взрывались и разбивались в воздухе на куски.

Одна машина безопасности появилась позади Киборга. Пульсирующий луч различного света появился из нее и пустил длинный след к стене здания. Киборг повернулся, поднял руку, из которой ослепляющий синий палец, казалось, вытягивался до бесконечности. Палец встретил нырнувшую машину, расщепил ее пополам. Одна половина ударилась в здание, отскочила рикошетом и влетела прямо в Киборга.

На площади появился шар желтого сияния. Через секунду оглушительный взрыв потряс сцену.

Шруилл взглянул вверх и увидел, что круг следящих сканеров исчез, каждый линзовый глаз горел красным цветом.

Калапина кашлянула. — Поттер вошел в это здание направо.

— Это все, что ты можешь сказать? — спросил Шруилл.

Нурс повернул свой трон, взглянул на Шруилла.

— Разве было неинтересно? — спросил Шруилл.

— Интересно? — переспросил Нурс.

— Это называется военные действия, — сказал Шруилл.

На экране снова появилось лицо Олгуда, смотрящее на них с завуалированной напряженностью.

«Естественно, ему любопытно увидеть нашу реакцию,» — подумал Шруилл.

— Вы знаете о наших видах оружия, Макс? — спросил Шруилл.

— Я знаю ваши виды оружия, — сказал Олгуд. — Они полностью обеспечивают безопасность ваших личностей.

— Конечно, у нас есть виды оружия, — закричал Нурс. — Но почему должны мы...

— Нурс, ты унижаешь себя, — сказала Калапина.

Нурс снова опустился в трон, ладони его схватили ручки трона. — Унижаюсь!

— Давайте сделаем обзор этих новых событий, — сказал Шруилл. — Мы знали, что Киборги существуют. Они постоянно избегают нас. Таким образом, они контролируют каналы, дающие записи через компьютеры, и они пользуются сочувствием среди простых смертных. Таким образом, мы видим, у них есть Рука Действия, которые могут приносить в жертву... Я говорю, они могут пожертвовать одним членом для блага всех.

Нурс уставился на него, широко открыв глаза, впитывая его слова.

— И мы, — сказал Шруилл, — Мы уже забыли, что такое быть действительно жестоким.

— Фу-у-у! — рявкнул Нурс.

— Можно ли ранить человека с оружием, — сказал Шруилл, — Кто имеет ответственность: эта группа людей, оружие или те, кто размахивает им?

— Объяснитесь, — прошептала Калапина.

Шруилл указал на Олгуда на экране. — Существует наше оружие. Мы размахивали им бесчисленное количество раз, пока оно не научилось размахивать само. Мы не забыли, как быть жестокими, мы просто забыли, что были жестокие.

— Какая чушь, — сказал Нурс.

— Посмотрите, — сказал Шруилл. Он указал вверх на следящие сканеры, все они снова ожили. — Вот мое свидетельство. — сказал Шруилл. — Когда еще так много следили за деятельностью в этом шаре?

Несколько огоньков замигали и погасли, но снова возвращались, когда в канал включались другие наблюдатели.

Олгуд, наблюдая с экрана, чувствовал себя просто полностью зачарованным. Острое ощущение в груди мешало ему глубоко дышать, но он не замечал этого. Оптимены наблюдали за насилием! После пожизненной игры эвфемизмами Олгуд считал, что это почти невозможно. Все произошло так быстро. Но ведь это были вечноживущие, люди, которые никогда не ошибаются. Что же происходит сейчас в их головах?

Шруилл, обычно молчаливый и наблюдательный, взглянул на Олгуда и сказал: — Кто еще ускользнул от нас, Макс?

Олгуд почувствовал, что не может говорить.

— Дюраны пропали, — сказал Шруилл, — Свенгаард не найден. Кто еще?

— Никто, Шруилл. Никто.

— Мы хотим, чтобы их схватили, — сказал Шруилл.

— Конечно, Шруилл.

— Живыми, — сказала Калапина.

— Живыми, Калапина, — сказал Олгуд.

— Если это возможно, — сказал Шруилл.

Олгуд кивнул: — Повинуюсь, Шруилл.

— Ты можешь возвращаться на работу, — сказал Шруилл.

Экран потух.

Шруилл занялся приборами контроля на ручке трона.

— Что ты делаешь? — спросил Нурс и, услышав раздражение в собственном голосе, выразил ему презрение.

— Я вынимаю сенсоры, которые исключили насилие из нашего видения, за исключением оставленных данных, — сказал Шруилл. — Настало время, когда мы должны следовать реальности своей земли.

Нурс вздохнул: — Если ты считаешь это необходимым.

— Я знаю, что это необходимо.

— Очень интересно, — сказала Калапина.

Нурс посмотрел на нее. — Что ты находишь интересного в этом бесстыдстве?

— Я чувствую приятное возбуждение, — сказала она. — Это очень интересно.

Нурс отвернулся от нее, посмотрел на Шруилла. Сейчас он определенно мог видеть, что на лице Шруилла было пятно на коже — около носа.

Глава 12

Для Свенгаарда, выросшего в мире приказов оптименов, мысль о том, что ОНИ уязвимы, пришла, как ересь. Он пытался выкинуть ее из головы и ушей. Быть уязвимым значит подвергаться опасности смерти. Только существа низшего порядка страдали от этого. Но не оптимены. Как могли ОНИ быть уязвимы?

Он знал хирурга, сидящего перед ним в тусклом свете, который просачивался через узкие щели в куполе потолка. Человеком этим был Тур Иган, один из хирургической элиты Централы, человек, которому доверялись самые тонкие генетико-медицинские проблемы.

Комната, которую они занимали, была тесным маленьким помещением, встроеным в промежутке между стенами шапки воздушной системы, обслуживающей подземные «муравейники» комплекса каскадов. Свенгаард сидел в удобном кресле, но руки и ноги его были связаны. Другие люди, которые заполняли это пространство, были позади небольшого стола, где сидел Иган. У людей были странного вида пакеты. По большей части они игнорировали Игана и его спутника.

Свенгаард изучал темные, напряженные черты лица хирурга Централы. Углубленные линии на лице человека вы-

давали начало ферментного разбалансирования. Он начинал стареть. Но глаза были синевы летнего неба и еще молодые.

— Вы должны выбрать на чьей вы стороне, — сказал ему Иган.

Свенгаард позволил себе немного отвлечься и осмотреться. Прошел человек, несущий золотистый металлический шар. Из одного кармана у него высовывалась короткая серебряная цепочка, на которой болтался знак селекционера в виде лингама.

— Вы должны ответить, — сказал Иган.

Свенгаард посмотрел на стену рядом с собой — пластмелд, неизбежный пласмелд. Во всем пространстве чувствовалось зловоние дезинфицирующих средств и парниковый эффект использования средств очистки воздуха.

Люди продолжали проходить. Одинаковость их одежды начинала давить на Свенгаарда. Кто эти люди? То, что они члены подпольного Центра Родителей, было очевидным. Но кто они такие?

Женщина коснулась его, проталкиваясь мимо. Свенгаард посмотрел на белозубую улыбку на черном лице, узнал в женщине тип Зиков, лицо, похожее на Поттера, но кожа темнее... ошибка хирурга. На правом запястье ее был браслет из человеческих волос. Волосы были белые. Свенгаард упорно смотрел на браслет, пока женщина не скрылась из вида за углом комнаты.

— Сейчас это открытая борьба, — сказал Иган. — Вы должны верить мне. От этого зависит ваша собственная жизнь.

«Моя собственная жизнь?» — размышлял Свенгаард. Он попытался думать о своей собственной жизни, идентифицировать ее. У него была третичная жена, нечто чуть большее, чем любовница, женщина, как и он сам, на каждую просьбу которой к селекционеру о разрешении иметь детей она получала отрицательный ответ. Он попытался на мгновение вспомнить ее лицо, но не смог, оно затерялось в памяти о предыдущих женах и любовницах.

«Она не является моей жизнью, — думал он. — Кто моя жизнь?»

Он сознавал усталость, которая доходила до костей, и остатки воздействия наркотиков, которые использовали прошлым вечером его похитители. Он вспомнил руки, охватившие его, этот дикий взгляд на стену, которая не могла быть дверью, но была ею, освещенное пространство поза-

ди. И он вспомнил свое пробуждение здесь, а Иган сидел напротив него.

— Я ничего не скрыл, — сказал Иган. — Я все вам рассказал. Поттер едва успел скрыться, чтобы спасти свою жизнь. Уже вышел приказ, чтобы взять вас. Ваша компьютерная сестра мертва. Но умрут еще многие. ОНИ должны быть уверены, разве вы не понимаете? ОНИ не могут ничего предоставить случаю.

«Что такое моя жизнь?» — спросил себя Свенгаард, и он подумал сейчас о своей удобной квартире, старинных предметах, предметах для развлечения, справочной литературе, друзьях, об обычных гарантиях безопасности своего положения.

— Но куда я пойду? — спросил Свенгаард.

— Место уже подготовлено.

— Но от них не найти безопасного места, — сказал Свенгаард. Произнося эту фразу, он впервые в жизни ощутил всю глубину собственной неприязни к оптименам.

— Есть много безопасных мест, — сказал Иган. — ОНИ просто притворяются, что у них сверхчувствительное восприятие. А истинные их способности заключены в машинах и приборах, а также секретной службе наблюдения. Но машины и инструменты могут быть использованы в других целях. А чтобы осуществлять насилие, оптимены зависят от простых смертных людей.

Свенгаард потряс головой: — Но ведь это все чушь.

— За исключением одного, — сказал Иган, — все они, как и мы — совершенно разные. Мы знаем это по опыту.

— Но зачем им надо делать все то, в чем вы их обвиняете? — запротестовал Свенгаард. — Это же бессмысленно. ОНИ действительно добры к нам.

— Единственный их интерес состоит в сохранении себя, — сказал Иган. — Они ходят по скользкой дорожке. Пока не будет сколько-нибудь значительных изменений в условиях их жизни, они будут продолжать жить... неопределенно долго. Но как только существенные перемены вкрадутся в их жизнь, и они, как мы, будут подвержены капризам природы. Вы видите, что для них не может быть природы — живой природы, которую бы они не контролировали.

— Я не верю этому, — сказал Свенгаард. — ОНИ же, кто любит нас и заботится о нас. Посмотрите на все, что ОНИ сделали для нас.

— Я уже посмотрелся, — Иган тряхнул головой. Свенгаард был еще более пустоголовый, чем они ожидали. Он отгораживался от всех аргументов и придерживался старых догм.

— Вы хотите, чтобы ОНИ лишили нас эволюции, — сказал Иган.

Свенгаард уставился на него. — Чего?

— ОНИ сделали себя единственными свободными личностями в нашем мире, — сказал Иган. — Но личности не эволюционируют. Эволюционируют популяции, а не личности. У нас нет населения.

— Но народ...

— Да, народ. Кому из нас дозволено иметь потомство? — Иган потряс головой. — Вы генный хирург, мужчина! Разве вы еще не опознали образец?

— Образец? Какой образец? Что вы этим хотите сказать! — Свенгаард дернулся, чтобы встать со стула, ругнулся на то, что связан. Руки и ноги его онемели.

— Оптимены придерживаются одного кардинального правила в вопросах продолжения рода, — сказал Иган. — Возврат к нормативному среднему. Они допускают непреднамеренный обмен с нормативным средним фашизмом, чтобы подавлять развитие уникальных личностей. Такие несколько уникальных личностей, когда они встречаются, не имеют права иметь потомство.

Свенгаард тряхнул головой: — Я не верю вам, — сказал он. Но он почувствовал начало сомнений. Взять хотя бы его самого — какую бы он жену себе ни выбирал, ему отказывали в праве на потомство. Он сам проверил генетические черты своих жен и видел сам, что мог бы получить жизнеспособный эмбрион, но оптимены сказали нет.

— Но вы же действительно верите мне, — сказал Иган.

— Но посмотрите, какую долгую жизнь ОНИ нам дают, — сказал Свенгаард. — Я могу рассчитывать почти на двести лет.

— Медицина дает это, не оптимены, — сказал Иган. — Тонко рассчитанные предписания ферментов — вот ключ. Это, плюс точно расписанная жизнь, в которой эмоциональные неприятности сведены к минимуму. Подобранные упражнения и диеты для ваших специфических нужд. Это можно было бы сделать почти для каждого.

— Неопределенная жизнь? — прошептал Свенгаард.

— Нет! Но долгая жизнь, намного дольше, чем мы получаем сейчас. Я сам собираюсь прожить четыреста лет — как и несколько моих современников. Почти четыреста прекрасных лет, — сказал он, вспоминая злобную фразу Калапины... и смехок Нурса.

— Четыреста — вы? — спросил Свенгаард.

— Я согласен, что это ничто по сравнению с их многими тысячами, — сказал Иган. — Но почти каждый мог бы иметь эти же самые годы, да только вот они не разрешают.

— Почему? — спросил Свенгаард.

— Таким путем они могут продлевать жизнь лишь немногим избранным, — сказал Иган, — награда за службу. Без этого правила у них не было бы монеты, чтобы купить нас. Вы знали об этом. Вы сами пытались продать себя им за свою жизнь.

Свенгаард посмотрел вниз на свои связанные руки. «И это моя жизнь? — удивлялся он. — Связанные руки? Кто купит мои связанные руки?»

— И вам следовало бы послушать, как хихикал Нурс над моими жалкими четырехстами годами, — сказал Иган.

— Нурс?

— Да, Нурс из Туеров. Нурс — циник, Нурс, которому уже более сорока тысяч лет. Почему, по-вашему, Нурс является циником? — спросил Иган. — Есть и постарше оптимены, намного старше. Большинство из них не циники.

— Я не понимаю, — сказал Свенгаард. Он устался на Игана, чувствуя что слабеет, заходит в тупик, не может противостоять силе этих слов и аргументов.

— Я забыл, что вы не из Централа, — сказал Иган. — ОНИ классифицируются по тончайшим долям эмоций, которые им разрешены. ОНИ — акционисты, эмоционалы, циники, гедонисты и изнеженные. ОНИ проходят через цинизм по пути к гедонизму. Туеры уже вплотную заняты погоней за личными удовольствиями.

Иган изучал Свенгаарда, взвешивая эффект своих слов. Это было существо, стоящее лишь чуть выше уровня простого смертного. Это был человек средневековья. Для него Централ и оптимены были главными двигателями всех систем небожителей. За пределами Централа находился только райский дом создателя... а для свенгаардов мира было лишь малое различие между оптименом и Создателем. Оба они были выше луны и абсолютно бесспорны.

— Куда мы можем убежать? — спросил Свенгаард — Нет такого места, где можно спрятаться. Они контролируют ферментные предписания. В ту же минуту, когда каждый из нас явится в аптеку для получения очередной дозы, там ему и конец.

— У нас есть свои источники, — сказал Иган.

— Но почему вам нужен я? — спросил Свенгаард. Он не поднимал глаз от своих связанных рук.

— Потому что вы уникальная личность, — сказал Иган. — Потому что вы нужны Поттеру. Потому что вы знаете об эмбрионе Дюранов.

«Эмбрион Дюранов, — подумал Свенгаард. — В чем значение этого эмбриона Дюранов? Все опять возвращается к этому эмбриону.»

Он взглянул вверх, встретился со взглядом Игана.

— Вам трудно узнать оптименов в моем описании их, — сказал Иган.

— Да.

— Они являются чумой на лице земли, — сказал Иган.

— Они болезнь земли!

Свенгаард встрепнулся от горечи в голосе Игана.

— Саул стер с лица земли тысячи, и Давид — десять тысяч, — сказал Иган. — Но оптимены стирают будущее.

Плотная фигура мужчины втиснулась в узкое пространство у стола и устроилась спиной к Свенгаарду.

— Ну? — спросил он. В голосе звучали тревожные ноты неотложности, просто в одном этом слове. Свенгаард попытался разглядеть лицо человека, но не мог сдвинуться так далеко в сторону. Была только эта широкая спина в серой куртке с поясом.

— Я не знаю, — сказал Иган.

— Больше мы не можем терять времени, — сказал вновь пришедший. — Поттер закончил работу.

— Результат? — спросил Иган.

— Он говорит успешный. Он использовал ферментную инъекцию для быстрого восстановления. Мать скоро сможет ходить. Плотная рука показалась через плечо, указывая большим пальцем на Свенгаарда. — Что нам делать с ним?

— Берите его, — сказал Иган. — Что делает Централ?

— Приказано арестовать и заключить в тюрьму всех хирургов.

— Так быстро? Они взяли д-ра Хэнда.?

— Да, но он сыграл в ящик.

— Остановил сердце, — сказал Иган. — Это единственное и правильное решение. Мы не можем позволить им допросить хоть одного из нас. Сколько нас всего осталось?

— Семь.

— Включая Свенгаарда?

— Тогда восемь.

— Мы поддержим Свенгаарда пока некоторое время, — сказал Иган.

— Они начинают вытаскивать своих особых людей из Ситака, — сказал большой мужчина.

Свенгаарду была видна только половина лица Игана из-за незнакомца, но эта часть была сильно нахмурена и сосредоточена. Один видимый ему глаз смотрел на Свенгаарда, но не видел его.

— Тогда ясно, — сказал Иган.

— Да — они собираются уничтожить мегаполис.

— Не уничтожить, стерилизовать.

— Ты слышал, как Олгуд говорил о народе?

— Много раз. Паразиты в своих муравейниках. Он наступит на целый район без тошноты. Все готово к действию?

— Можно сказать готово.

— Шофер?

— Запрограммирован на желательный ответ.

— Тогда дай этому Свенгаарду пулю, чтобы успокоился. У нас нет на него времени, если мы встали на этот путь.

Свенгаард застыл.

Могучая спина повернулась. Свенгаард взглянул в блестящие глаза, серые, оценивающие, лишённые эмоций. Одна из могучих рук поднялась, держа выстреливаемую ампулу. Рука коснулась его шеи, и он почувствовал толчок.

Свенгаард уставился вверх на это большое лицо, и через мозг его прошли суетливые волны. Горло его отяжелело, язык отнялся. Он хотел протестовать, но не мог выдать ни звука. Сознание его превратилось в уплотняющийся шар, сконцентрированный на крохотном пятчке с целевыми отверстиями. Это пространство становилось все меньше и меньше — пока не сократилось с сумасшедшей скоростью до окружности величиной с глаз с узкими щелями зрачков.

Он провалился в мягкий колодец темноты.

Глава 13

Лизбет лежала на скамейке, а рядом с ней, успокаивая ее, сидел Гарви. В этом кубическом пространстве размером не более большого упаковочного ящика, было пять человек. Единственная осветительная трубка в углу над ее головой освещала внутренность ядовито-желтым светом. Она видела врачей Игана и Бумура на грубой скамейке напротив нее, ноги их были вытянуты над связанным, с кляпом во рту Свенгаардом, который без сознания лежал на полу.

«Гарви сказал, что на улице уже ночь. Это должно было означать, что они проехали довольно большое расстояние,» — думала она. Ее немного поташнивало, и она чувствовала боль в животе, вокруг швов. Мысль, что она внутри себя носит своего сына, приносила странную неуверенность. В животе чувствовалась наполненность. Поттер сказал, что она может обходиться без регулярных приемов ферментов, пока вынашивает эмбрион. Он, вероятно, думал, что эмбрион переместят в чан, когда они доберутся до безопасного места. Но она знала, что будет против этого. Она хотела выносить своего сына полный положенный срок. Ни одна женщина не делала этого в течение тысяч лет, а она хотела этого.

— Мы набираем скорость, — сказал Иган. — Мы уже, должно быть, скоро выберемся из подземки в воздушный путь.

— Будут ли какие-нибудь проверки? — спросил Бумур.

— Должны быть.

Гарви почувствовал точность оценки Игана. Скорость? Да — тела их испытывали большую нагрузку на поворотах. Воздух проходил немного быстрее через вентилятор над скамейкой Лизбет. К состоянию подвешенности добавилась новая тяжесть кроме эффекта притяжения земли — меньше тряски. Звук турбин громко отдавался в узком ящике, и он чувствовал запах несгоревшей углекислоты.

Проверки? Агенты Безопасности будут использовать все средства, чтобы не дать никому ускользнуть из Ситака. Он хотел знать, что же тогда должно случиться с мегаполисом. Хирурги говорили об отравляющем газе в вентиляторах, звуковых барьерах. У Централы много видов оружия, говорили они. Гарви выставил руку, чтобы поддержать Лизбет, когда они делали крутой поворот.

Он еще не знал, какое чувство испытывает к Лизбет, когда она носит их сына в своем теле. Это было странно. Не то, чтобы отвращение или непристойность, просто странно. Внутри его зародился какой-то инстинктивный рефлекс, и он оглянулся вокруг, ища опасность, от которой он мог бы защитить ее. Но здесь была только коробка, заполненная запахом кислого пота и бензина.

— Что это за груз вокруг нас? — спросил Бумур.

— Всякая всячина, — сказал Иган. — Части машин, некоторые старые произведения искусств, несущественные мелочи. Мы брали все, что могли похитить, чтобы составить по виду нормальный груз.

«Несущественные мелочи, — думал Гарви. Он чувствовал, как его захватило это открытие. — Несущественные мелочи. Они везли части к вещам, которые могут быть никогда не построены.»

Рука Лизбет вытянулась, нашла его: — Гарви?

Он нагнулся над ней. — Да, дорогая?

— Я чувствую... так... необычно.

Гарви бросил отчаянный взгляд на врачей.

— С ней все в порядке, — сказал Иган.

— Гарви, я боюсь, — сказала она. — Мы можем не выпутаться из всего этого.

— Вот об этом вы не должны думать, — сказал Иган.

Она взглянула вверх, нашла лицо генного хирурга, изучающее ее через узкое пространство коробки. Глаза его были похожи на сверкающие инструменты на узком, надменном лице. «Он тоже Киборг?» — раздумывала она. Эта холодная манера, с которой глаза изучающе смотрят на нее, прорвались через ее контроль.

— Я не о себе забочусь, — прошептала она. — А о своем сыне.

— Лучше успокоиться, мадам. — сказал Иган.

— Я не могу, — сказала она. — Нам с этим не справиться!

— А вот это не разговор, — сказал Иган. — Наш шофер — лучший из возможных Киборгов.

— Он никогда не провезет нас мимо них, — простонала она.

— Вам бы стоило успокоиться, — сказал Иган.

Наконец, Гарви нашел объект, от которого следовало защитить жену. — Не разговаривайте с ней в таком тоне, — рявкнул он.

Иган заговорил в терпеливом тоне: — Ну и вы туда же, Дюран. На полтона ниже. Вы же знаете так же, как и я, что на всей воздушной трассе у них подслушивающие станции. Нам не следует разговаривать, разве что только в случае крайней необходимости.

— Сегодня, ничего не может проскочить мимо них, — прошептала Лизбет.

— Наш шофер — это не просто оболочка плоти вокруг компьютера, — сказал Иган. — Он запрограммирован как раз на выполнение таких задач. Он провезет нас, уж если только кто и может, так это он.

— Если кто-нибудь может, — прошептала она. Она начала плакать — раскачивающиеся, вздрагивающие движения сотрясали все ее тело.

— Видите, что вы наделали! — сказал Гарви.

Иган вздохнул, вытащил руку с капсулой и протянул капсулу Гарви: — Дайте ей это.

— Что это? — строго спросил Гарви.

— Просто успокоительное.

— Я не хочу успокоительного, — рыдала она.

— Это для вашего же блага, дорогая, — сказал Иган. — Эти рыдания могут привести к выкидышу эмбриона. Вы должны оставаться спокойной и тихой. Прошло так мало времени после операции.

— Она не хочет, — сказал Гарви. Глаза его горели от гнева.

— Она должна принять это, — сказал Иган. — Даже если она не хочет.

Иган старался придать голосу убедительность: — Дюран, я только стараюсь спасти нам жизнь. Сейчас вы злы и...

— Вы правы, черт бы вас побрал, я зол! Я уже устал от того, что все вокруг приказывают мне!

— Если я чем-нибудь обидел вас, прошу прощения, Дюран. — сказал Иган. — Но я должен предупредить вас, что реакция ваша на данную ситуацию предопределена вашим генным формированием. У вас чрезмерная тяга мужчины к опеке, защите. С вашей женой все будет в порядке. Это успокоительное безвредно. У нее реакция истерики, потому что у нее слишком большое стремление к материнству. Это ошибки в вашем генном формировании, но с вами двумя все будет в порядке, если вы будете оставаться спокойными.

— Кто говорит, что в нас ошибки? — потребовал Гарви.
— Могу держать пари, что вы стерри, которые никогда...

— Этого вполне достаточно, Дюран, — сказал другой врач. Голос его был раскатистый и властный.

Гарви посмотрел на Бумура, заметил его заостренное, похожее на эльфа лицо на большом теле. Хирург казался мощным и опасным, а лицо его странно нечеловеческим.

— Мы не можем драться между собой, — прогремел Бумур. — Мы, должно быть, близко от проверочного пункта. И у них, конечно, есть подслушивающие устройства.

— Нет у нас никаких ошибок, — огрызнулся Гарви.

— Может быть, вы правы, — сказал Иган. — Но вы оба уменьшаете наши шансы на успешный побег. Если кто-нибудь из вас взорвется на пропускном пункте, всем нам конец. — Он передвинул руку к Лизбет: — Пожалуйста, примите это, мадам. Она содержит успокаивающее средство. Совершенно безвредно. Уверю вас.

Лизбет заколебалась, но взяла капсулу. На ощупь она была холодная и студенистая — отталкивающая. Она хотела запустить ее в Игана, но Гарви тронул ее за щеку.

— Может быть, тебе лучше принять ее, — сказал он. — Для ребенка.

Она поднесла руку вверх, положила капсулу на конец языка и проглотила. Наверное, она безвредная, если Гарви согласился. Но ей не понравился уязвленный, вызывающий взгляд.

— А сейчас расслабьтесь, — сказал Иган. — Это быстродействующее — три или четыре минуты, и вы почувствуете себя совершенно спокойной. — Он откинулся назад, взглянул на Свенгаарда. Распростертая фигура все еще, казалось, была без сознания, грудь вздымалась и опускалась в ровном ритме.

В течение всего, теперь уже продолжительного, как казалось Свенгаарду, времени, он ощущал нарастающее чувство голода и забытия, и раскачивающее движение, которое откачивало его тело о какую-то твердую поверхность. В этом движении было ощущение быстроты. Он ощущал запах человеческого пота, слышал рев турбин. Звук начинал давить на сознание. Сквозь неподвластные ему веки он ощущал свет, тусклый и мерцающий. Он почувствовал колющий губы кляп и связанные руки и ноги.

Свенгаард открыл глаза.

На мгновение все расплылось, но затем он почувствовал, что смотрит на низкий потолок, крошечную осветительную трубку в углу, под которой разговорный динамик выступал рядом с красным позывным огнем. Потолок казался слишком близко от него, а справа от него была тень в пятнах какой-то фигуры — протянутая над ним нога. Единственный свет испускал желтое свечение, которое почти не могло рассеять темноту.

Рубиновый свет начал мигать, красный свет то появлялся, то исчезал, то появлялся, то исчезал.

— Пропускной пункт, — прошептал Иган. — Все тихо.

Они чувствовали, что скорость стала снижаться. Давление воздуха все меньше и меньше. Турбины снижали обороты. Они остановились, и турбины заглохли.

Взгляд Свенгаарда метался по замкнутому пространству. Грубая скамейка над ним и справа... на ней сидящие две фигуры. Острый край металла высывался из ножки скамьи возле его щеки. Мягко, осторожно Свенгаард подвинул голову к металлическому выступу, почувствовал, как острие прошло через кляп. Он сделал мягкий толчок головой вверх, и кляп слегка поддался вниз. Выступ корябал щеку, но он не обращал на это внимания. Еще один мягкий толчок, и кляп опустился еще на долю миллиметра. Он повернул глаза, проверяя окружение, увидел лицо Лизбет над ним слева, глаза ее закрыты, руки перед ртом. В ней было ощущение застывшего ужаса.

Свенгаард снова двинул головой.

Где-то в отдалении слышались голоса — резкие звуки вопросов, бормотание ответов.

Руки Лизбет опустились и открыли рот. Губы ее беззвучно двигались.

Звук разговора прекратился.

Транспорт начал движение.

Свенгаард резко мотнул головой. Кляп его вылетел. Он выкинул его изо рта кашлем и закричал: — Помогите! Помогите! Я пленник! Помогите!

Иган и Бумур подпрыгнули в шоке. Лизбет вскрикнула: — Нет! О, нет!

Гарви бросился вперед, нанес удар кулаком в челюсть Свенгаарда, упал на него и одной рукой закрыл ему рот. Они оставались в этом положении, напряженно прислушиваясь, когда транспорт продолжал набирать скорость.

Иган сделал дрожащий вдох, посмотрел на противоположную сторону в напряженно смотрящие глаза Лизбет.

Через разговорный динамик послышался голос водителя: — Что там стряслось? Разве нельзя соблюдать простейшие меры предосторожности?

Лишенный эмоций голос, в котором звучали обвинения, вызвал у Гарви дрожь. Затем он стал размышлять о водителе, почему это существо выбрало этот тон, а не просто сказало им, что они себя раскрыли. Он почувствовал, что Свенгаард под ним обмяк и лежит без сознания. Он испытывал дикое желание задушить хирурга здесь и сейчас, он почти ощутил, что руки его тянутся к горлу человека.

— Они слышали нас? — прошептал Иган.

— Очевидно, нет, — прохрипел водитель. — Нет признаков преследования. Я полагаю, вы больше не допустите еще такого грубого просчета. Пожалуйста, сообщите, что произошло.

— Свенгаард очнулся от наркотика раньше, чем предполагали.

— Но у него был кляп.

— Ему... удалось как-то вытащить кляп.

— Вероятно, вам стоило бы убить его. Очевидно, он не примет новые условия.

Гарви оторвался от Свенгаарда. Сейчас, когда Киборг сделал предложение, он больше не чувствовал желание убить Свенгаарда. «Кто находился там в кабине транспорта?» — размышлял Гарви. Голоса всех Киборгов, кажется, звучат похоже, компьютерная характеристика, соединенная с логикой мышления, уровень которой казался намного выше человеческого. Голос этого, однако, показался ему еще более отдален от человеческого, чем обычно.

— Мы... решим, что делать, — сказал Иган.

— Свенгаард снова в безопасности?

— О нем позаботились.

— Не благодаря вашим усилиям, — сказал Гарви, уставясь на Игана. — Вы были прямо над ним.

Лицо Игана побледнело. Он вспомнил свою застывшую неподвижность после прыжка от страха. Его пронзил гнев. Какое право имеет этот болван допрашивать хирурга? Он заговорил напряженно: — Сожалею, что я не человек насилия.

— Вам бы следовало лучше научиться чему-то, — сказал Гарви. Он почувствовал руку Лизбет на плече, позволил ей

посадить себя назад на скамейку. — Если у вас есть еще этот нокаутирующий состав, может быть, вы бы дали ему еще одну дозу до того, как он очнется снова.

Иган подавил резкий ответ.

— В сумке под нашей скамейкой, — сказал Бумур. — Разумное предложение.

Иган вытащил стреляющую капсулу и механически заученными движением усыпил Свенгаарда.

Снова через переговорное устройство рявкнул голос водителя: — Внимание! Мы не должны исходить из предположения о незамеченных признаках немедленного и очевидного преследования, что им не удалось услышать выкрик. Я выполняю план Гамма.

— Кто этот водитель? — прошептал Гарви.

— Я не видел, которого они программировали. — Он изучал Гарви. Это был ожидаемый вопрос. Голос водителя действительно звучал странно, намного необычайней, чем привычная аномальность голоса Киборга. Говорили, что водителем будет запрограммированный рефлекторный компьютер, машина, предназначенная давать самый уверенный ответ, чтобы совершить удачный побег. Кого они выбрали для этой программы?

— Что это за план Гамма? — прошептала Лизбет.

— Мы сходим с подготовленного маршрута побега, — сказал Бумур. Он уставился на переднюю стенку их коробки. Уход с намеченного маршрута... это означало, что они будут полностью зависеть от способности водителя Киборга... а какие бы оставшиеся ячейки подпольного Центра были еще доступны. Конечно, с любой из этих ячеек можно было бы найти компромисс. Обычно крепкая натура Бумура начала испытывать странные наплывы страха.

— Водитель! — позвал Гарви.

— Молчать! — рявкнул водитель.

— Придерживайтесь намеченного плана, — сказал Гарви. — У них там приготовлены медицинские условия, если моя жена...

— Безопасность вашей жены — не превалирующий фактор, — сказал водитель. — Элементы вдоль подготовленного маршрута не должны быть раскрыты. Не отвлекайте меня вашими протестами. Выполняется план Гамма.

— Выбирает, что легче, — сказал Бумур, когда Гарви со-
сврался вперед, опираясь рукой о скамейку. — Что вы можете
сделать, Дюран?

Гарви опустилсЯ снова на скамейку, поискал и нашел ру-
ку Лизбет. Она схватила ее, просигналила: — Подожди. Раз-
ве ты не читаешь мысли врачей? Они тоже испуганы... и
обеспокоены.

— Я беспокоюсь за тебя, — просигналил Гарви.

Итак ее безопасность — а предположительно и наша —
не являются превалирующей задачей. Какую же программу
выполняет наш компьютер во плоти?

Глава 14

Только Нурс из Туеров занимал трон в шаре обзора, внима-
ние его было занято лучами, мигающими огнями и прибо-
рами, каскадом световых данных, которые сообщали о делах
народа. Передатчик новостей сказал ему, что на улице в этом
полушарии ночь — темнота протянулась по земле от Ситака
да мегаполиса Ново-Скотия. Он увидел физическую темноту
как знак устрашающих событий и хотел, чтобы быстрее верну-
лись Шруилл и Калапина.

На экране появился визуальный доклад. Нурс повернул-
ся, чтобы просмотреть его, и увидел появляющееся там лицо
Олгуда. Босс Безопасности поклонился Нурсу.

— Что это? — спросил Нурс.

— Восточный пропускной пункт Ситака сообщает, что
проследовал транспорт со странным грузом контейнеров,
Нурс. Турбины его заглушали звуки, которые мы расшифро-
вали. Скрытые звуки включали дыхание — пять человек,
спрятанных в грузе. Голоса выкрикивали из транспорта, ког-
да он двинулся в путь. Действуя по вашим указаниям, мы
пометили транспорт и сейчас держим его под наблюдением.
Каковы ваши приказания?

«Начинается, — подумал Нурс, — когда я здесь один.»

Нурс посмотрел на приборы, покрывающие пропускной
пункт Востока Ситака. На экране транспорт был движущейся
зеленой точкой. Он прочитал бинары банка сведений, опи-
сывающие инцидент, сравнил их с общим планом мотиваци-
онного анализа. Аналогии вероятности, которые он получил,
наполнили его чувством обреченности.

— Голоса были идентифицированы, Нурс, — сказал Олгуд, — оттиски голосов были...

— Свенгаард и Лизбет Дюран, — сказал Нурс.

— Там, где она, поблизости должен быть и муж, — сказал Олгуд.

Логически малые объяснения Олгуда стали раздражать Нурса. Он сдерживал эмоции, пока замечал, что человек забывает использовать имя оптимена, обращаясь к нему. Это был малый знак, но значительный, особенно, когда Олгуд, казалось, не замечал своей ошибки.

— Что представляют еще двое неидентифицированных, — сказал Нурс.

— Мы можем сделать догадку по образованию... Нурс.

Нурс взглянул на аналогии вероятности, сказал: — Двое из наших фармацевтов.

— Одним, может быть, был Поттер, Нурс.

Нурс покачал головой: — Поттер остается в Ситаке.

— У них может быть переносной чан, Нурс, и этот эмбрион с ними, — сказал Олгуд, — но нам не удалось засечь подходящие механизмы.

— Вы не услышите об использовании механизмов, — сказал Нурс, — или, услышав, не идентифицируете их.

Нурс взглянул на банки данных сканеров — каждый из них ожил — они показывали, что оптимены наблюдают за Шаром обзора. Будь то ночь или день, а каналы слежки перегружены. «Они знают, что я имею в виду, — думал он. — Может быть, они испытывают отвращение, или это еще один интересный аспект насилия?»

— Как можно было предположить, — сказал Олгуд, — мне не удалось понять, что имеет в виду Нурс.

— Необязательно, — сказал Нурс. Он смотрел в лицо на экран. Оно показалось таким молодым, что Нурс вдруг подумал: «В Центrale много кажущихся молодыми, но нет молодости. Даже слуги стерри вписывались в эту общую картину, различимую невооруженным взглядом.» Вдруг он почувствовал себя сам, как простой смертный стерри, следя за каждым вторым о признаках старения, надеясь, что при сравнении их собственная внешность будет процветающей.

— Каковы указания Нурса? — спросил Олгуд.

— Выкрик Свенгаарда говорит о том, что он пленник, — сказал Нурс. — Но мы не должны исключать возможность,

что это преднамеренный трюк. Он говорил сдержанным усталым голосом.

— Должны ли мы уничтожить транспорт, Нурс?

— Уничтожить... — Нурс вздрогнул. — Нет, пока нет. Держите его под наблюдением. Введите положение о всеобщей готовности. Мы должны узнать, куда они направляются. Каждый их контакт следует взять на заметку и сделать знаки для наблюдения за ними.

— Если они ускользнут от нас, Нурс, можно ли...

— Вы отменили соответствующие ферментные предписания?

— Да, Нурс.

— Тогда, они не могут улететь далеко... надолго.

— Как прикажете, Нурс.

— Вы можете идти, — сказал Нурс.

Он долго смотрел на экран после того, как он погас. Уничтожить транспорт? Это было бы окончанием. Он чувствовал, что не хочет, чтобы эта игра кончалась — никогда. Удивительное чувство восторга охватило его.

Сегмент входа в Шар распахнулся перед ним. Вошла Калапина, за ней Шруилл. Они прибыли на лучах, которые доставили их до мест на треугольнике. Все молчали. Казалось, они сдержаны, странно спокойны. Нурс подумал о сдерживаемой буре, когда посмотрел на них — в нем сдерживались и гром, и молния, так чтобы не навредить своим товарищам.

— Разве не время? — спросила Калапина.

У Нурса вырвался вздох.

Шруилл активировал сенсорный контакт со сканерами в горах. На принимающих экранах вдруг появился лунный свет, звуки ночных птиц, шуршание сухих листьев. Далеко за холмами, облитыми холодным лунным светом, лежали линии и пятна света, пересекающие побережье и гавани мегаполиса и многоуровневые сети воздушных путей.

Калапина пристально смотрела на сцену, думая о драгоценных и случайных безделушках, развлекательных вещах бесцельного времяпрепровождения. На протяжении нескольких веков у нее не было склонности к занятиям с этими игрушками. «Почему я должна думать об этом сейчас? — изумилась она. — Ведь все эти огни — далеко не игрушки.»

Нурс изучал бинарные пирамиды, аналогии действия, показывающие курс деятельности народа в мегаполисе.

— Все нормально... и в готовности, — сказал он.

— Нормально! — сказал Шруилл.

— Который из нас? — прошептала Калапина.

— Я уже давным-давно видел эту необходимость, — сказал Шруилл. — Я сделаю это. — Он покрутил петлю кольца ручки своего трона, и когда он двинул ее, он был утрашен быстротой действия. Это кольцо и силы, которые оно контролировало, были в руках вечности. Все, что оно потребовало — движения руки и воли, скрытых за этой ручкой.

Калапина следила за картиной на своих экранах — лунный свет на горах, за ним мегаполис, предмет оживленной игрушки ее прихотей. Последний кадр о специальном персонале ушел, осознала она. Незаменимые объекты, которым могла угрожать опасность, были перевезены. Все было готово и обречено.

Начали появляться мигающие вспышки через ожерелья огней — золотисто-желтые вспышки. Экраны Туеров покрылись помехами, когда завибрировали звуковые барьеры отдаленных сканеров. Начали исчезать огни. Огни исчезали по всему району — целыми группами и поодиночке. Над всей картиной простирался низкий зеленый туман, заполняющий долины, переваливающийся через холмы.

Вскоре стали не видны огни. Остался только зеленый туман. Он продолжал выползать под безличной луной, двигаясь все дальше и шире, пока оставался только он и ничего больше.

Шруилл следил за накопившимися численными аналогами, этими рапортами, лишенными эмоций, которые просто считали, предоставляли выводы явлений, остатки... нули. Не было показаний того, что в подземках и «муравейниках»... на улицах... на местах работы... игр умирал народ.

Нурс сидел и плакал.

«Они все мертвые, все мертвы,» — думал он. Мертвые. Это слово оставляло особое чувство в его мозгу, лишенное личного значения. Это был термин, который, вероятно, мог быть применим к бактериям... или сорнякам. Так стерилизовались площади, куда затем переносили прекрасные цветы. «Почему я плачу?» — Он пытался вспомнить, плакал ли когда-нибудь раньше. «Вероятно, было время, когда я плакал, — думал он. — Но это было так давно. Много... много... много... лет тому назад... плакал... плакал.» Теперь это стало словами, не имеющими значения. «Вот в этом беда бесконеч-

ной жизни, — думал он. — При наличии такого огромного количества повторений все теряет значение.»

Шруилл изучал зеленый туман на своих экранах. «Немного переделок, и мы сможем послать туда новый народ, — думал он. — Мы заселим его народом более безопасной формации.» Затем он стал размышлять над тем, где же они найдут этот более безопасный народ. Табло анализа в Шаре показали, что проблема Ситака была лишь одной из многих, которые им предстояло решить. Симптомы отовсюду одинаковые.

Он видел ошибку. В корне ее лежала изоляция одного поколения от другого. Отсутствие традиций и преемственности стало болезнью народа... потому что, казалось, они продолжали общение, несмотря на все репрессии, которые были использованы. Народные пословицы дадут всходы и покажут глубокие подводные течения.

Шруилл процитировал себя: «Когда Бог впервые создал неудовлетворенного человека, Он поместил этого человека за пределами Центра.»

«Но мы создали этот народ, — думал Шруилл. — Как же мы создали неудовлетворенных людей?»

Он повернулся и увидел, что Калапина и Нурс плакали.

— Почему вы плачете? — требовательно спросил он.

Но они не ответили.

Глава 15

Там, где заканчивался последний воздушный путь, транспорт свернул от подземки под горой и пошел по широкому наземному пути по лестеровскому отвлечению. Он вел вверх через старые туннели к диким местам и покинутым селекционерами курортам вдоль почти пустынной дороги, открытой воздушным потокам. Здесь не было сервисного освещения рабоб, только луна и пучки лучей прожекторов транспорта.

Случайный омнибус прошел мимо них, пассажирские места в нем занимали тихие, задумчивые пары, их отпуск по уходу за потомством закончился, и они направлялись в мегаполис. Если кто-нибудь из них и обратил внимание на этот транспорт, то тут же забыл о нем.

На крутом повороте ниже Голишского курортного комплекса Киборг-водитель сделал ряд настроек своих жизненных

систем. Магистралы сужались. Мягкость передвижения транспорта исчезла. турбинный рев взмывал ввысь до почти разрушительных для слуха высот. Транспорт свернул с дороги.

Внутри узкой коробки, которая скрывала их, Гарви Дюран держался одной рукой за скамейку, а другой придерживал Лизбет, когда транспорт нырял и подскакивал на выбоинах и пригорках древней дороги справа от шоссе, прокладывая путь через заслон черной ольхи, и свернул на звериную тропу, которая шла от шоссе вверх через заросли рододендронов.

— Что происходит? — взмолилась Лизбет.

Голос водителя прохрипел через переговорное устройство: — Мы свернули с дороги. Нет причин для страха.

«Нет причин для страха,» — думал Гарви. Мысль эта показалась такой нелепой, что он должен был подавить смех, который, как он полагал, был близок к истерике.

Водитель выключил все внешние световые сигналы и полагался сейчас только на луну и свое инфракрасное зрение.

Присущее Киборгам зрение выявило тропу, змейкой извивающуюся в кустах. Транспорт проковылял по ней около двух километров, оставив пыльный вихрь с поднятыми сухими листьями, до той точки, где звериная тропа пересекала дорогу лесного патруля — очищенную трассу, устланную сухими козьими ивами и разбитую от прохождения патрульный машин. Здесь он свернул вправо, как огромный шипящий доисторический монстр, въехал вверх по холму, с шумом спустился вниз по другую сторону вершины, а затем на вершину следующего холма, где и остановился.

Турбины сбавили ход и затихли, а транспорт опустился на свои опоры. Появился водитель, плотная фигура с короткими ногами и блестящими протезными руками, прикрепленными для выполнения данной задачи. Панель отодвинулась, и Киборг начал разгружать груз, без разбора швыряя его вниз через стенку крапчатого болиголова в глубокий овраг.

Внутри своего помещения Иган вскочил на ноги, приложил губы к переговорному устройству и прошипел: — Где мы?

Тишина.

— Это было глупо, — сказал Гарви. — Как по вашему, почему он остановился?

Иган игнорировал оскорбительный выпад. Он, в конце концов, исходил от полубразованного болвана. — Вы слышите, что он передвигает груз, — сказал Иган. Он нагнулся над Гарви, постучал ладонью по стенке ящика. — Что там происходит?

— Да сядьте вы, — сказал Гарви. Он положил ладонь на грудь Игана и оттолкнул его. Хирург откатился назад на скамейку напротив.

Иган пытался вскочить снова, лицо его потемнело, глаза сверкали, Бумур остановил его, прогремев: — Спокойствие, дружище Иган.

Иган уселся на свое место. Спокойное выражение лица медленно возвращалось на его лицо. — Странно, — сказал он, — как эмоции берут верх, несмотря на...

— Это пройдет, — сказал Бумур.

Гарви нашел руку Лизбет, сжал ее, просигналил: — Грудь Игана — она выгнутая и твердая, как из пласмелда. Я почувствовал это под его курткой.

— Ты думаешь, что он Киборг?

— Он нормально дышит.

— И у него эмоции. Я читаю в них страх.

— Да... но...

— Мы будем осторожны.

Бумур сказал: — Вам бы следовало больше доверять нам, Дюран. Д-р Иган сделал вывод, что нашему водителю не следовало бы двигать груз, если некоторые звуки не являются безопасными.

— Откуда нам знать, кто двигает груз? — спросил Гарви.

Бумур бросил осторожный взгляд, который изменил черты его массивного спокойного лица.

Гарви прочел его, улыбнулся.

— Гарви, — сказала Лизбет — Тебе не кажется, что...

— Это водитель там, — успокоил ее Гарви. — Я ощущаю запахи дикой природы в воздухе. Там не было никаких звуков борьбы. Нельзя взять Киборга без борьбы.

— Но где мы? — спросила она.

— В горах в дикой местности, — сказал Гарви. — Судя по характеру передвижения, мы залетели далеко от центральных путей сообщения.

Внезапно их помещение качнулось в сторону, задвигалось. Единственный свет потух. В неожиданной темноте стенка позади Гарви опустилась. Он схватил Лизбет, резко

повернулся, почувствовал, что смотрит в темноту... лунный свет... их водитель, массивная тень на фоне отдаленной панорамы мегаполиса с мерцающей сетью огней. Луна посеребрила вершины деревьев внизу под ними, и был резкий запах лесной подстилки, резины, сырости. Кругом была тишина дикого места, которая как бы ждала, анализируя вторжение.

— Выходите, — сказал водитель.

Киборг повернулся. Гарви, увидев черты лица, неожиданно освещенные луной, сказал: — Глиссон!

— Приветствую, Дюран, — сказал Глиссон.

— А почему вы? — спросил Гарви.

— А почему бы нет? — спросил Глиссон. — Ну-ка, выбирайтесь оттуда.

Гарви сказал: — Но моя жена не...

— Я знаю о вашей жене, Дюран. У нее было достаточно времени после лечения. Она может ходить, но только если не будет чрезмерно утруждать себя.

Иган сказал на ухо Гарви: — У нее все в порядке. Посадите ее осторожно и дайте сойти вниз.

— Я... я чувствую себя нормально, — сказала Лизбет. — Ну вот. — Она положила руку на плечо Гарви. Вместе они сошли на землю.

Иган последовал за ними. — Где мы?

— Мы в одном месте, из которого направляемся еще в одно место, — сказал Глиссон. — Каково состояние нашего пленника?

Из помещения раздался голос Бумура: — Он приходит в себя. Помогите мне поднять его и вынести.

— Почему мы остановились? — спросил Гари.

— Впереди крутой подъем, — сказал Глиссон. — Мы сбрасываем груз. Транспорт не предназначен для такой работы.

Бумур и Иган провели мимо них Свенгаарда, положили его спиной к стволу рядом с дорогой.

— Подождите здесь, пока я разгружу трейлер, — сказал Глиссон. — Вы тут пока обсудите, следует ли нам брать с собой Свенгаарда.

Услышав свое имя, Свенгаард открыл глаза, обнаружил, что смотрит вдаль и вниз на отдаленные огни мегаполиса. Челюсть его, куда ударил его Гарви, болела, и в голове стучало. Он почувствовал, что голоден и хочет пить. Руки его затекли, так как были связаны. Сухой запах вечнозеленых игл наполнил его нос, он чихнул.

— Вероятно, мы должны избавиться от Свенгаарда, — сказал Иган.

— Думаю, что нет, — сказал Бумур. — Он обученный человек, возможный союзник. Нам нужны будут обученные люди.

Свенгаард посмотрел в направлении голосов. Они стояли возле транспорта, который казался длинной серебристой фигурой позади приземистой двойной кабины. Там стоял звон металла. Трейлер заскользил назад, почти на два метра, прежде чем остановился у возвышения из грязи.

Глиссон вернулся, остановился и присел у Свенгаарда. — Каково наше решение? — спросил Киборг. — Убить его или оставить в живых?

Гарви сделал глубокий вдох, почувствовал, как Лизбет схватила его за руку.

— Давайте немного подождем, — сказал Бумур.

— Если он не будет доставлять нам больше неприятностей, — сказал Иган.

— Мы всегда можем использовать его части, — сказал Глиссон. — Или попытаться вырастить нового Свенгаарда и вновь подготовить его. — Киборг встал. — Здесь не нужно немедленное решение. Над этим следует подумать.

Свенгаард продолжал молчать, застыв от невыразимой ясности речи. «Жесткий, жестокий человек, — думал он. — Жесткий человек, готовый к любому насилию. Убийца.»

— Тогда в кабину с ним, — сказал Глиссон. — Все в кабину. Мы должны добраться... — Киборг, не закончив мысль, пристально посмотрел на мегаполис.

Свенгаард повернулся к полосам бело-синего цвета, светящимся далеко вдали. Среди огней налево появилась мигающая золотистая вспышка. За ней взвилась другая — огромный костер появился на фоне далеких, залитых холодным лунным светом гор. Направо появились еще желтые вспышки. Пронизывающий до костей звук на высоких частотах потряс его, отозвался звоном металлического диссонанса сочувствия в транспорте.

— Что происходит? — прошептала Лизбет.

— Тихо! — сказал Глиссон. — Не разговаривайте и наблюдайте.

— О пресвятые боги! — шептала Лизбет — Что это?

— Это смерть мегаполиса, — сказал Бумур.

И снова металлический звон отозвался в транспорте.

— Это причиняет боль, — застонала Лизбет.

Гарви притянул ее поближе к себе, пробормотал: — К чертям их!

— Здесь вверху он поражает, — сказал Иган, голос его звучал ужасающе безэмоционально. — Там внизу он убивает.

Зеленый туман начал появляться из дикой местности примерно в десяти километрах ниже их. Он катился в стороны и вниз, как бушующее море под луной, поглощая все — холмы, жемчужные огни и желтые вспышки.

— Думали ли вы, что ОНИ применят смертельный туман? — спросил Бумур.

— Мы знали, что ОНИ будут применять его, — сказал Глиссон.

— Полагаю, что так, — сказал Бумур. — Стерилизуют пространство.

— Что это? — настоятельно спросил Гарви.

— Он выходит из вентиляционных труб, через которые они пускали контрацептивный газ, — сказал Бумур. — Одна капля на вашей коже, и вам конец.

Иган повернулся кругом и пристально посмотрел вниз на лежащего Свенгаарда. — ОНИ те, кто любит нас и заботится о нас, — горько иронизировал он.

— Что происходит? — спросил Свенгаард.

— Разве вы не слышите? — спросил Иган. — Разве вы не видите? Ваши друзья оптимены стерилизуют Ситак. У вас там есть друзья?

— Друзья? — В голосе Свенгаарда что-то сломалось. Он оглянулся назад, чтобы пристально рассмотреть зеленый туман. Далекие огни все погасли.

И снова звуковые волны прошли сквозь них, сотрясли землю, отозвались звоном в транспорте.

— А сейчас, что вы думаете о них? — спросил Иган.

— Оставьте его в покое, — сказал Гарви. — У нас свои печали. Разве у вас не осталось никаких чувств?

— Он видит это и не верит, — сказал Иган.

— Как они могли? — прошептала Лизбет.

— Самосохранение, — прогремел Бумур. — Черта, которая, кажется, отсутствует у нашего друга Свенгаарда. Вероятно, ее вырезали у него, когда его формировали.

Свенгаард тупо уставился на катящееся зеленое облако. Оно было такое тихое и крадущееся. Огромное пространство

темноты, где когда-то был свет и жизнь, наполнило его зачатками понимания своей собственной смертности. Он подумал о друзьях, там внизу — сотрудники больницы, эмбрионы, его полулегальная жена.

Все уничтожено.

Свенгаард чувствовал себя опустошенным, неспособным ни к каким эмоциям — даже к печали. Он смог лишь вымолвить: — Какова была их цель?

— В кабину с ним? — сказал Глиссон. — На пол назад.

Грубые руки подняли Свенгаарда — он узнал Бумура и Глиссона. Лишенное эмоций отношение Глиссона привело Свенгаарда в замешательство. Он никогда раньше не встречал такого совершенно абстрактного отношения к действительности ни в одном человеческом существе.

Они затолкнули его на пол кабины. Острый край сиденья глубоко впился ему в бок. Вокруг него везде появились ноги. Кто-то поставил ему ноги на живот, убрал. Турбины ожили. Дверь захлопнулась. Они отправились в путь.

Свенгаард впал в какое-то оцепенение.

Лизбет, которая сидела над ним, испустила глубокий вздох. Услышав его, Свенгаард вдруг почувствовал возникшее в нем чувство сострадания к ней, первое проявление эмоций с момента шока при виде смерти мегаполиса.

«Зачем они это сделали?» — спрашивал он себя. Зачем?

В темноте Лизбет нашла руку Гарви. В случайных отрывках лунного света ей было видно очертание Глиссона, находящегося прямо перед ней. Рациональный минимум движений Киборга, ощущение силы в каждом движении наполняли ее растущим беспокойством. Послеоперационный шов вызывал зуд. Она хотела почесать, но боялась обратить на себя внимание.

Гарви просигналил через сомкнутые руки: — Бумур и Иган, я сейчас их читаю. Они новые Киборги. Вероятно, просто первое звено имплантированных компьютеров. Они только сейчас познают цену, проявляя нормальные человеческие эмоциональные реакции, обучаясь противостоять эмоциям.

Она впитывала это, смотря на них с помощью логических выводов Гарви. Он часто читал людей лучше, чем она. Она вновь прочитала то, что видела об этих двух фигурах.

— Ты читаешь это? — просигналил он.

— Ты прав. Да.

— Это означает полный разрыв с Централом. Они никогда не смогут возвратиться назад.

— Это объясняет Ситак, — просигналила она. Она начала дрожать.

— И мы не можем доверять им, — сказал Гарви. Он крепче прижал, утешая ее.

Транспорт пробирался через подножья гор с раскинувшимися открытыми лугами, следуя по древним дорогам, случайным руслам речушек. Незадолго до рассвета он свернул влево, в просеку, оставшуюся после пожара, в окружение сосен и кедров, пробирался по узкой тропе, а выхлопные трубы поднимали вверх тяжелое облако лесной подстилки позади транспорта. Глиссон остановил машину позади старого здания, на стенах его был мох, в маленьких окнах занавески. Псевдоутки с чернотой сорняков и признаками выросших на траве, которых разводили здесь годами, составляли маленькую шеренгу у здания — бледные лунные фигуры в свете единственной лампы высоко под карнизом здания.

Турбины взвыли и затихли. Тогда им стали слышны звуки работающих машин и, вглядываясь в сторону звука, они увидели тусклые серебристые очертания вентиляционной вышки среди деревьев.

Открылась дверь на углу здания. Появился человек с тяжелой головой и большой челюстью, сутулый, громко сморкающийся в красный платок. Он выглядел очень старым, лицо его избороздили морщины.

Глиссон сказал: — Это условленный знак. Здесь все безопасно... на данный момент. — Он соскочил вниз, приблизился к старику, кашлянул.

— В эти дни кругом полно болезней, — сказал старик. Голос его был таким же древним, как и его лицо, с одышкой, глотающий согласные.

— Вы не одиноки с проблемами, — сказал Глиссон.

Старик выпрямился, отбросил нахмуренный взгляд и услужливую манеру. — Может вам надо местечко для укрытия, — сказал он. — Не знаю, спокойно ли здесь. Даже не знаю, должен ли я прятать вас.

— Здесь приказывать буду я, — сказал Киборг. — А вы будет подчиняться.

Старик мгновение изучал Глиссона, затем лицо его окатила волна гнева. — Черт бы побрал вас, Киборги! — сказал он.

— Придержи язык, — сказал Глиссон, голос его был ровным. — Нам нужна пища, безопасное место на день. Мне понадобится твоя помощь, чтобы спрятать транспорт. Ты должен знать окружающую местность. А ты достанешь нам другой транспорт.

— Лучше его разрезать и закопать, — сказал старик ворчливо. — Потревожили осиное гнездо. Догадываюсь, что знали об этом.

— Мы знаем, — сказал Глиссон. Он повернулся, дал знак транспорту. — Пошли. Приведите Свенгаарда.

Вскоре к нему присоединились остальные. Бумур и Иган вели Свенгаарда. Ноги Свенгаарда были развязаны, но казалось, что он едва ли может передвигаться самостоятельно. Лизбет шла осторожно, согнувшись и говорила, что неуверена, зажил ли шов, несмотря на ускоренное обеспечение.

— Мы пробудем здесь дневное время, — сказал Глиссон. — Этот человек проводит вас в помещение.

— Какие вести из Ситака? — спросил Иган.

Глиссон посмотрел на старика, сказал: — Отвечай.

Старик пожал плечами: — Курьер оттуда прибыл пару часов назад. Сказал, живых не осталось.

— Какие-нибудь вести о д-ре Поттере? — проворчал Свенгаард.

Глиссон резко повернулся, уставился на Свенгаарда.

— Не знаю, — сказал старик. — Что у него за маршрут?

Иган кашлянул, взглянул на Глиссона, затем на старика. — Поттер? Я полагаю, что он был в группе, выходящей по подземным энергетическим коммуникациям.

Старик метнул взгляд на вентиляционную вышку, возвышающуюся отчетливо среди деревьев в ту секунду, когда луч дневного света прополз сквозь горы. — Из подземки никто не пришел, — сказал он. — Они отключили вентиляцию и заполнили газом подземку в первую очередь. — Он посмотрел на Игана. — Вентиляторы заработали снова около трех часов назад.

Глиссон изучающе смотрел на Свенгаарда, спросил: — Почему интересуетесь Поттером?

Свенгаард не ответил.

— Отвечайте мне, — приказал он.

Свенгаард попытался проглотить ком в горле. Горло его болело. Он чувствовал, что его загнали в угол. Слова Глиссона привели его в ярость. Без предупреждения Свенгаард

бросился вперед, таща за собой Бумура и Игана, пнул Глиссона ногой.

Киборг уклонился быстрым движением, поймал ногу, выдернул Свенгаарда из рук хирургов, размахнулся, широким рывком закрутил Свенгаарда и выпустил. Свенгаард упал на спину, покатился по земле, остановился. Прежде, чем он смог двинуться, Киборг уже стоял над ним. Свенгаард лежал там и рыдал.

— Почему вы интересуетесь Поттером? — потребовал Глиссон.

— Убирайтесь, убирайтесь, убирайтесь, — рыдал Свенгаард.

Глиссон выпрямился, взглянул на Игана и Бумура. — Вы понимаете это?

Иган пожал плечами: — Это эмоции.

— Вероятно, реакция шока, — сказал Бумур.

С помощью рук Гарви просигналил Лизбет: — Он был в шоке, это значит, что он выходит из него. Они же медики! Неужели они не могут ничего прочесть?

— Глиссон читает это, — ответила она. — Он проверял их.

Глиссон повернулся, посмотрел насупившись на Гарви. Смелое понимание в глазах Киборга отдалось волной страха, который прошел сквозь Гарви.

— Осторожно, — просигналила Лизбет. — Он подозревает нас.

— Увидите Свенгаарда в дом, — сказал Глиссон.

Свенгаард взглянул на водителя. Глиссон, называли его Дюраны. Но старик из здания назвал Глиссона Киборгом. Возможно ли это? Неужели эти полулюди возродились, чтобы еще раз бросить вызов оптименам? Какова была причина смерти Ситака?

Бумур и Иган подняли его, проверили, прочно ли завязаны руки. — Давайте больше не будем делать глупостей, — сказал Бумур.

«Они такие же, как Глиссон? — спрашивал себя Свенгаард. — Они тоже частично люди, а частично машины? А что насчет этих Дюранов?»

Свенгаард почувствовал слезы на глазах. «Истерика, — подумал он. — Выхожу из шока.» Тогда он начал размышлять о себе и почувствовал странное ощущение вины. Почему меня так поразила смерть Поттера, больше, чем смерть всего

Мегалополиса, исчезновение жены и друзей? Что для меня олицетворял Поттер?

Его полунесли, полувели в дом, по узкому залу в плохо освещенную, мрачную, большую комнату с потолком, который вел вверх к голым балкам двумя этажами выше. Они бросили его на пыльную кушетку — простые пластиковые гидравлические контур-шойперы, которые неохотно прогнулись. Свет шел от двух светящихся шаров высоко над балками. Он открыл взору странную мебель, разбросанную везде по комнате, и странных форм возвышения, покрытые гладким лоснящимся материалом. Слева от него стол, сделанный из досок. Дерево! За ним стояла раскладушка и древнее шведское бюро без одного выдвижного ящика, а также разного стиля стулья. Камин, запятнанный и замазанный сажей, рядом с ним железный кран, доходящий до отверстия каминна, подобно виселице, занимал половину стены напротив него. Вся комната пропахла сыростью и гнилью. Полы трескали, когда по ним ходили люди. Деревянное покрытие!

Свенгаард взглянул вверх на крохотные окна, пропускающие скудный серый дневной свет, который с каждой секундой становился ярче. Даже если он будет самым ярким, понимал он, он не сможет разогнать полутьму этого помещения. Здесь была печаль, которая заставляла его думать о людях без числа — мертвых, забытых. Слезы катились по его щекам.

«Что со мной происходит?» — удивлялся он.

Со двора послышался звук, это включили зажигание турбин транспорта. Он слышал, как тот поднялся, уехал... звук его замер. В комнату вошли Гарви и Лизбет.

Лизбет посмотрела на Свенгаарда, затем на Бумура и Игана, которые расположились на раскладушке. Осторожными шагами, согнувшись она направилась к Свенгаарду, тронула его за плечо. Она увидела на его глазах слезы, свидетельство человечности, и тогда она захотела, чтобы он был ее врачом. Вероятно, это выход. Она решила спросить Гарви.

— Пожалуйста, доверяйте нам, — сказала она. — Мы не причиним вам вреда. ОНИ это те, кто убил вашу жену и друзей, не мы.

Свенгаард отодвинулся.

«Как смеет она жалеть меня?» — думал он. Но она затронула какую-то струну в нем. Он чувствовал себя растерянным.

В комнате наступила гнетущая тишина.

Подожел Гарви, повел жену к стулу у стола.

— Это дерево, — сказала она, потрогав поверхность, в голосе ее почувствовалось удивление. Затем обратилась к Гарви: — Гарви, я очень хочу есть.

— Они принесут нам пищу, как только разделяются с транспортом, — сказал он.

Она сжала руку, и Свенгаард следил, заинтригованный нервным движением ее пальцев.

Вскоре вернулись Глиссон и старик, с шумом захлопнув за собой дверь. Здание заскрипело от этого движения.

— Для следующего этапа пути у нас будет машина лесного патруля, — сказал Глиссон. — Немного безопаснее. Здесь есть одна вещь, которую сейчас должны знать все, — Киборг переводил холодный оценивающий взгляд с одного лица на другое. — На верхушке транспорта, на грузовом отсеке, который мы бросили прошлой ночью, был опознавательный знак.

— Опознавательный знак? — сказала Лизбет.

— Приспособление, чтобы следить за нами, преследовать нас, — сказал Глиссон.

— О-о-о! — Лизбет прикрыла рот ладонью.

— Я не знаю, как близко они следили за нами, — сказал Глиссон — Меня поставили на выполнение этой задачи, как запасного, и я оставил там некоторые из своих приборов. Они могут знать, где мы сейчас находимся.

Гарви потряс головой. — Но зачем?..

— Почему они выступили против нас? — спросил Глиссон. — Очевидно, они надеются, что мы выведем их на жизненно важные центры нашей организации. — Что-то похожее на ярость исказило черты лица Киборга. — Может случиться так, что мы удивим их.

Глава 16

В комнате обзора внутренние стены заполненного приборами огромного шара находились в состоянии относительного покоя. Калапина и Шруилл из Туеров занимали свои места на

подставке для трех тронов. Диск медленно поворачивался, позволяя им сканировать всю поверхность. Калейдоскоп красочных инструментов отражался торжественной зримой мелодией на лице Калапины — волны зелени, красноты, пурпура.

Она чувствовала усталость от ощущения определенной эмоции жалости к себе. Что-то нарушилось в ферментных анализаторах. Она чувствовала, раздумывая над тем, мог ли подпольный Центр каким-нибудь образом нарушить функции фармакологических компьютеров.

От Шруилла помощи не могло быть. Он лишь посмеялся бы над этим предположением.

Черты лица Олгуда появились на экране перед Калапиной. Она остановила движение диска, когда он поклонился, сказал: — Я вызвал вас доложить, Калапина. — Она отметила темные круги под его глазами, свидетельство приема наркотиков в том, как напряженно прямо он держал голову.

— Вы нашли их? — спросила Калапина.

— Они где-то в дикой местности, Калапина. — сказал Олгуд. — Они должны быть там.

— Должны быть! — сказала с сомнением она. — Вы глупый оптимист, Макс.

— Мы знаем несколько потайных мест, которые они могли бы выбрать, Калапина.

— На каждое одно место, о котором вы знаете, у них есть девять, — сказала она.

— Я держу в окружении весь район, Калапина. Мы медленно двигаемся внутрь, проверяя все по пути. Они там, и мы найдем их.

— Он блефует, — сказала Калапина, взглянув на Шруилла.

Шруилл ответил улыбкой, лишенной жалости, взглянул на Олгуда сквозь призматический рефлектор. — Макс, вы нашли источник подмены эмбриона?

— Нет еще, Шруилл.

Он напряженно смотрел на них, лицо его выдавало очевидное замешательство от воинственности и насилия его оптименов.

— Вы стремитесь в Ситак? — грозно спросила Калапина.

Олгуд провел по губам языком.

— С этим все, — рывкнула она. А-а-а, страх в его глазах.

— Мы ищем там, Калапина, но...

— Вы полагаете, мы были слишком безрассудны? — спросила она.

Он потряс головой.

— Вы странно себя ведете, — сказал Шруилл. — Вы боитесь нас?

Он заколебался, затем сказал: — Да, Шруилл.

— Да, Шруилл, — передразнила Калапина.

Олгуд посмотрел на нее, страх в его глазах переходил в гнев. — Я предпринимаю все возможные действия, Калапина.

Она отметила неожиданную точность в манере, скрытой за гневом. Глаза ее расширились от удивления. Возможно ли такое? Она посмотрела на Шруилла, интересуясь, заметил ли он это тоже.

— Макс, почему вы вызвали нас? — спросил Шруилл.

— Я... чтобы сообщить, Шруилл.

— Вы ничего не сообщили.

Поколебавшись, Калапина привела в действие специальные приборы на проверку Олгуда, уставилась на результат. Ужас смешался в ней с яростью. Киборг! Они осквернили Макса! Ее Макса!

— У вас есть единственная необходимость — подчиняться нам, — сказал Шруилл.

Олгуд кивнул, промолчал.

— Вы! — прошипела Калапина. Она наклонилась к экрану. — Вы посмели! Почему? Почему, Макс?

Шруилл сказал: — Что?..

Но по самому тону ее вопросов Олгуд понял, что он разоблачен. Он знал, что это его конец, он увидел это в ее глазах. — Я видел... я нашел двойников, — заикаясь, сказал он.

Гневным движением руки она перевела кольцо на ручке трона. Звуковые генераторы создали убийственную волну звуков вокруг Олгуда, вызвав помехи в его изображении. Губы его двигали беззвучно, глаза смотрели в одну точку. Он рухнул.

— Зачем вы сделали это? — спросил Шруилл.

— Он был Киборгом! — прохрипела она и показала на свидетельство приборов.

— Макс? Наш Макс? — он посмотрел на приборы, кивнул.

— Мой Макс, — сказала она.

— Но он боготворил тебя, любил тебя.

— Теперь он это не делает, — прошептала она. Она отключила экран, продолжая пристально смотреть в пустоту. Инцидент уже начинал уходить из ее памяти.

— Тебе нравится прямое действие? — спросил Шруилл.

Она поймала его взгляд в рефлекторе. Наслаждаться прямым действием? В... насилии было действительно что-то вроде возвышающего чувства.

— У нас сейчас нет Макса, — сказал Шруилл.

— Мы пробудим его двойника, — сказала она. — На данное время Безопасность может функционировать без него.

— Кто пробудит двойника? — спросил Шруилл. — Иган и Бумур больше не с нами. Фармацевт Хэнд ушел.

— Почему задерживается Нурс? — спросила она.

— Ферментная проблема, — сказал Шруилл, в голосе его проскользнула нотка ликования. — Он говорил что-то о необходимости перенастройки предписания. Полагаю, производные гармона Боннелиа.

— Нурс может пробудить двойника, — сказала Калапина. На секунду она задумалась, зачем им нужен двойник. Ах да, Макса нет.

— Здесь надо не просто пробудить двойника, — сказал Шруилл. — Они сейчас не так хороши, как были когда-то, ты знаешь. Нужны недели... месяцы.

— Тогда один из нас может управлять Безопасностью, — сказала она.

— Ты думаешь, мы готовы к этому? — спросил Шруилл.

— В этом есть какое-то волнение, в принятии решения, — сказала она. — Теперь я могу сказать, что за последние несколько сот лет я чувствовала глубокую скуку. Но сейчас — сейчас я чувствую, что ожила, жизнерадостна, напряжена, зачарована. — Она взглянула вверх на мерцающие банки данных сканеров, целая группа их, показывающая, что их друзья оптимены следят за деятельностью в комнате Обзора. — И в этом я не одинока.

Шруилл взглянул вверх на мерцающий центральный круг внутренней стен шара. — Оживление, — пробормотал он. — Но Макс... он мертв. Она опять все вспомнила, сказала: — Любого Макса можно заменить. — Она посмотрела на Шруилла, повернув голову, чтобы смотреть мимо призмы. — Ты сегодня очень тупой, Шруилл. Ты дважды сказал о смерти, насколько я помню.

— Тупой? Я? — Он качнул головой. — Но я не стирал Макса.

Она громко засмеялась. — Мои собственные реакции возбуждают меня, Шруилл.

— А ты находишь изменение в своих ферментных потребностях?

— Несколько. Что из того? Времена меняются. Это часть бытия. Какие-то изменения должны делаться.

— Действительно, — сказала он.

— Где они нашли замену эмбриону Дюранов? — спросила она, мозг ее направлялся по касательной.

— Вероятно, новый Макс найдет, — сказал Шруилл.

— Не насмехайся надо мной, Шруилл.

— Я бы не посмел.

Она снова прямо посмотрела на него.

— А что, если они произвели свой собственный эмбрион для замены? — спросил Шруилл.

Она отвернулась. — Во имя всего, что достойно, как?

— Воздух можно очистить фильтрами от контрацептивного газа, — сказал Шруилл.

— Ты отвратителен.

— Я? Но разве тебе неинтересно, что скрыл Поттер?

— Поттер? Мы знаем, что он скрыл.

— Лицо, посвященное сохранению жизни... это звучит так, — сказал Шруилл. — Что он скрыл в уме?

— Поттера больше нет.

— Но что он скрыл?

— Ты думаешь, что он знал источник... внешнего вмешательства?

— Вероятно. И он бы знал, где найти эмбрион.

— Тогда запись покажет источник, ты сам это сказал.

— Я уже пересматривал.

Она уставилась на него через призму. — Это невозможно?

— Что я мог пересмотреть?

— Ты знаешь, что я имею в виду — о чем ты думаешь.

— Но это возможно.

— Нет, невозможно.

— Ты просто упрямисься, Кал. Женщина должна быть последним существом, чтобы отрицать это.

— Ну а теперь ты действительно просто отвратителен!

— Мы знаем, что Поттер нашел жизнеспособный эмбрион, самостоятельно себя защищающий, — нажимал Шруилл.

— Они могли бы получить много таких эмбрионов — мужских и женских. Мы знаем исторические возможности таких сырых союзов. Это часть наших естественных предков.

— Тебя не переговоришь, — выдохнула она.

— Ты можешь рассмотреть концепцию смерти, но не этой, — сказал Шруилл. — Чрезвычайно интересно.

— Отвратительно, — огрызнулась она.

— Но возможно, — сказал Шруилл.

— Запасной эмбрион не был обеспечивающим свою жизнеспособность, — отпаривала она.

— Тем более оснований полагать, что они взяли эмбрион, там где брали когда-то.

— Что?

— Они поместили эмбрион Дюранов назад, вовнутрь матери.

Калапина лишилась дара речи. Она почувствовала во рту кислый привкус, почувствовала, что чувство шока вызывает у нее ощущение рвоты. «Что-то разбалансировалось в моей ферментной системе,» — подумала она.

Она заговорила медленно, точно: — Я сейчас сообщаю фармакологическому центру, Шруилл. Я плохо себя чувствую.

— Конечно, конечно, — сказал Шруилл. Он взглянул вверх и кругом на наблюдающие сканеры — полный круг.

Калапина осторожно поднялась с трона, скользнула вниз по лучу на закрытый сегмент. Прежде, чем покинуть место, она бросила взгляд на данные, смутно припомнила: «Который Макс был стерт? — спросила она у себя. — У нас было много их... удачная модель нашего отдела Безопасности.» Она подумала о других, Макс, еще Макс, каждый исчезал, когда его внешность начинала раздражать хозяев. Они тянулись в бесконечность, как образы в бесконечной системе зеркал.

«Что значит исчезновение такого, как Макс? — размышляла она. Я представляю собой непрерываемую длительность существования. Но двойник не помнит. Двойник прерывает длительность. Если клетки не помнят. Память... клетки... эмбрион.»

Она думала об эмбрионе внутри Лизбет Дюран. Отвратительно, но просто. Так прекрасно просто. Ее чрезмерный аппетит стал расти. Резко повернувшись, Калапина опустилась в Зал Совета, побежала к ближайшему фармакологическому

центру. Когда она бежала, она сжимала руку, которая убила Макса и могла уничтожить мегаполис.

Глава 17

Говорю вам, она больна!

Гарви склонился над Иганом, стараясь разбудить его. Они находились в узкой комнате с земляным полом, потолком из пласмелдовых балок, в одном углу тускло светил желтый круглый плафон. У стен были разложены спальные матрацы. Бумур и Иган спали на двух из них головами в разные стороны, на другом была согнутая фигура Свенгаарда, еще два были свободны.

— Подойдите быстрее, — умолял Гарви. — Она больна.

Иган застонал, сел. Он взглянул на ручные часы — на улице почти время захода солнца. Они заползли сюда как раз перед наступлением дня и после утомительного ночного перехода пешком по кажущимся бесконечными лесным тропам за гидом Лесного Патруля. У Игана до сих пор все болело после такой непривычной нагрузки.

— Лизбет больна?

Прошло три дня с тех пор, как эмбрион был пересажен в нее. Другие залечили бы это быстрее, но они не ходили по ночам, спотыкаясь, по грубым лесным тропам.

— Пожалуйста побыстрее, — умолял Гарви.

— Я иду, — сказал Иган. А сам подумал: «Стоит послушать, каким тоном он заговорил сейчас, когда я ему нужен.»

Бумур сел напротив, спросил: — Может мне пойти с вами?

— Подожди здесь Глиссона, — сказал Иган.

— Глиссон говорил, куда идет?

— Договориться о другом гиде. Скоро стемнеет.

— Он когда-нибудь спит? — спросил Бумур.

— Пожалуйста, — просил Гарви.

— Да! — рявкнул Иган. — Каковы симптомы?

— Рвет... говорит несвязно.

— Дайте мне взять инструменты. — Иган вытащил толстый черный чемодан с пола у изголовья, бросив взгляд на Свенгаарда. Дыхание его все еще показывало ровный режим наркотического воздействия, который они дали ему прежде, чем лечь спать самим. Что-то нужно было делать со Свенгаардом. Он замедлял их продвижение.

Гарви тянул Игана за рукав.

— Я иду, иду! — сказал Иган. Он высвободил руку, последовал за Гарви через низкое отверстие в конце комнаты, в комнату, похожую на ту, из которой они только что вышли. Лизбет лежала на подстилке под единственной лампой, напротив них. Она стонала.

Гарви опустился на колени рядом с ней: — Я уже здесь.

— Гарви, — зашептала она. — О-о, Гарви.

Иган встал рядом, взял из сумки пульмометр-сфажнометр. Он прижал его к ее шее, посмотрел на показания.

— Где у вас болит? — спросил он.

— О-о-о, — стонала она.

— Пожалуйста, — сказал Гарви, глядя на Игана — Пожалуйста, сделайте что-нибудь.

— Отойдите, дайте подойти, — сказал Иган.

Гарви встал, отошел на два шага назад. — Что это? — шептал он.

Иган не обращал на него внимание, сделал повязку энзимного прибора на левое запястье Лизбет, посмотрел показания.

— Что с ней случилось? — теребил его Гарви.

Иган отстегнул инструмент, сложил их обратно в сумку. — С ней ничего страшного.

— Но она...

— Все у нее совершенно нормально. У других тоже бывает такая реакция. Это перестройка ферментной системы.

— А здесь нет чего-нибудь...

— Успокойтесь! — Иган встал, взглянул в лицо Гарви. — Ей едва ли нужно что-нибудь из лекарств. Очень скоро она сможет вообще обходиться без них. Здоровье ее лучше, чем ваше. И она могла бы хоть сейчас идти в фармакологический центр, и никто ни в чем не мог бы ее заподозрить.

— Тогда почему она...

— Это эмбрион. Он берет из нее ферменты, чтобы компенсировать свои нужды. Это происходит автоматически.

— Но она больна.

— Небольшое расстройство желез, ничего больше. — Иган взял свою сумку. — Это все часть древнего процесса. Эмбрион требует дать это, дать то. Она производит это. Это дает дополнительную нагрузку на ее организм.

— Разве вы не можете ничего для нее сделать?

— Конечно, я могу. Немного погода она почувствует сильный голод. Я дам ей что-нибудь, чтобы нормализовать деятельность желудка, а затем накормлю ее. При условии, что они смогут добыть какую-нибудь пищу в этой дыре.

Лизбет застонала: — Гарви?

Он встал перед ней на колени, взял ее за руки: — Да, дорогая?

— Я очень ужасно себя чувствую.

— Они дадут тебе что-то через несколько минут.

— О-х, о-х.

Гарви бросил хмурый взгляд на Игана.

— Мы сделаем как можно быстрее, — сказал Иган. — Не беспокойтесь. Все нормально. — Он повернулся, нырнул в другую комнату.

— Что со мной? — прошептала Лизбет.

— Это эмбрион, — сказал Гарви. — Разве ты не слышала?

— Да. Голова болит.

Иган вернулся с капсулой и чашкой воды, наклонился над Лизбет: — Примите это. Это успокоит желудок.

Гарви помог ей сесть, придерживал ее, пока она глотала капсулу.

Она судорожно вдохнула, вернула чашку. — Извините меня за...

— Ничего, все в порядке, — сказал Иган. Он посмотрел на Гарви. — Лучше перевести ее в другую комнату. Глиссон вернется через несколько минут. Он должен добыть пищу и гида.

Гарви помог жене встать на ноги, поддерживал ее, когда они проследовали за Иганом в другую комнату. Они увидели, что Свенгаард сидит и смотрит на свои связанные руки.

— Вы слышали наш разговор? — спросил Иган.

Свенгаард посмотрел на Лизбет. — Да.

— Вы подумали насчет Ситака?

— Да, я подумал.

— Вы не думаете, что пора развязать его? — сказал Гарви.

— Он очень замедляет наше передвижение, — сказал Иган. — Мы не можем развязать его.

— Ну тогда, вероятно, я должен еще что-то предпринять относительно его, — сказал Гарви.

— Что вы предлагаете, Дюран. — спросил Бумур.

— Он представляет опасность для нас, — сказал Гарви.

— А-а, — сказал Бумур. — Ну тогда мы оставляем его вам.

— Гарви, — сказала Лизбет. Она хотела спросить его, не сошел ли он с ума. Он так отреагировал на ее просьбу иметь в качестве врача Свенгаарда?

Но Гарви вспомнил стоны Лизбет. — Если дело стоит так: он или мой сын, — сказал он, — то выбор ясен.

Лизбет взяла его руку, просигналила: — Что ты делаешь? Ты ведь не можешь иметь в виду это?

— А что он такое, в самом деле? — спросил Гарви, глядя в упор на Игана. А Лизбет он просигналил: — Подожди. Наблюдай.

Она поняла, что передал ей муж, отстранилась.

— Он генный инженер, — сказал Гарви. Голос его выражал укор. — Он существовал ради них. Может он оправдать свое существование? Он нежизнеспособен, неживущее ничтожество. У него нет будущего.

— Это ваше решение? — спросил Бумур.

Свенгаард взглянул на Гарви. — Вы говорите о моей смерти? — спросил он. Отсутствие эмоций в его голосе удивило Гарви.

— Вы не протестуете? — спросил Бумур.

Свенгаард старался проглотить сухой комок. Он чувствовал, что в горле у него полно сухого хлопка. Он смотрел на Гарви, оценивая его фигуру, напряженные мышцы. Он вспомнил об излишней степени мужского покровительства в природе Гарви, ошибка генетика сделала его рабом малейшей прихоти Лизбет.

— А почему я должен спорить, — сказал Свенгаард, — когда многое из того, что он говорит, правда и когда он уже принял решение?

— Как вы сделаете это, Дюран? — спросил Бумур.

— А как бы вы хотели, чтобы я это сделал? — спросил Гарви.

— Удушение могло бы быть интересным, — сказал Бумур, а Гарви хотелось знать, может ли Свенгаард тоже слышать эти циничные ноты в голосе Киборга.

— Простой зажим горла быстрее, — сказал Иган. — Или инъекция. Я мог бы дать несколько ампул из моего запаса.

Гарви чувствовал, как Лизбет трясется за его спиной. Он похлопал ее по руке, отодвинулся от нее.

— Гарви, — сказала она.

Он тряхнул головой, направился к Свенгаарду.

Иган отошел и встал рядом с Бумуром, наблюдая.

Гарви встал на колени рядом со Свенгаардом, приложил пальцы вокруг горла хирурга, наклонился к уху, дальнему от присутствующих. Шепотом, слышным только Свенгаарду, Гарви сказал: — Они все равно будут скоро настаивать на вашей смерти. Им все равно, как это сделать. А что вы скажете на это?

Свенгаард чувствовал руки на горле. Он знал, что может дотянуться руками и попытаться убрать эти схватившие его пальцы, но он знал, что ему не справиться. Сомнений в силе Гарви у него не было.

— Ваш собственный выбор? — прошептал Гарви.

— Ну, делай же это, человек. — позвал его Бумур.

Только несколько секунд назад Свенгаард, поняв, что приговорен к смерти, хотел умереть. Вдруг это желание стало самым последним из того, что он хотел.

— Я хочу жить, — прохрипел он.

— Это ваш выбор? — прошептал Гарви.

— Да!

— Вы разговариваете с ним? — спросил Бумур.

— Зачем вы хотите жить? — спросил Гарви нормальным голосом. Он слегка ослабил пальцы на горле, чтобы сохранить лишь легкую возможность общения со Свенгаардом. Даже нетренированный человек мог бы прочесть это.

— Потому что я никогда еще не жил, — сказал Свенгаард. — Я хочу попытаться сделать это.

— Но как вы можете оправдать свое существование? — спросил Гарви, и он позволил пальцам чуть сильнее сжать горло.

Свенгаард посмотрел на Лизбет, ощущая последнее направление мыслей Гарви. Он взглянул на Бумура и Игана.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказал Бумур. — Что вы обсуждаете с нашим пленником?

— Они оба Киборги? — спросил Свенгаард.

— Бесповоротно, — сказал Гарви. — Без человеческих чувств — или достаточно близко к тому, что практически одно и то же.

— Тогда как же вы можете доверять им заботу о жене?

Пальцы Гарви расслабились.

— Вот путь, которым я могу оправдать свое существование, — сказал Свенгаард.

Гарви снял руки с горла Свенгаарда, сжал его за плечи. Это был момент общения больше, чем слова, то, что шло из плоти в плоть. Свенгаард знал, что у него есть союзник.

Бумур сделал шаг вперед, чтобы встать над ними, требуя: — Так вы собираетесь его убить или нет?

— Никто здесь не собирается его убивать, — сказал Гарви.

— Тогда, что же вы делали?

— Решал проблему, — сказал Гарви. Он продолжал держать ладонь на руке Свенгаарда. Свенгаард осознал, что может понять намерение Гарви простым нажатием этой руки. А рука говорила: — Подожди. Молчи. Дай мне решить это дело.

— И какое же ваше намерение сейчас в отношении нашего пленника? — потребовал Бумур.

— Я намерен освободить его и поручить ему заботу о моей жене, — сказал Гарви.

Бумур с удивлением взглянул на него. — А если это вызовет наше неудовольствие?

— Что за идиотизм! — разъярился Иган. — Как вы можете доверять ему, когда мы сами можем делать это?

— Это человек, — сказал Гарви. — То, что он будет делать моей жене, будет из побуждения человечности, а не механическое лечение и не обращение с ней, как с машиной для переноски эмбриона.

— Это чушь! — рявкнул Иган. Но он понял, что Гарви уже узнал о их сущности Киборгов.

Бумур поднял руку, чтобы успокоить его, так как Иган хотел продолжить разговор. — Вы не указали, как вы собираетесь сделать это, если мы будем против, — сказал он.

— Вы ведь не полностью Киборги, — сказал Гарви. — Я вижу, что вы знакомы со страхом и неуверенностью. Для вас это ново, и вы изменяетесь. Я подозреваю, что вы очень уязвимы.

Бумур отступил на три шага назад, глаза его оценивающе смотрели на Гарви. — А Глиссон? — спросил Бумур.

— Глиссону нужны только союзники, которым он может доверять, — сказал Гарви. — Я даю ему надежного союзника.

— Почему вы уверены, что можете доверять Свенгаарду? — настойчиво спросил Иган.

— Если вы спрашиваете об этом, значит этим самым вы выдаете свою неэффективность, — сказал Гарви. Он повернулся и начал развязывать руки Свенгаарда.

— Отвечаете за него головой, — сказал Бумур.

Гарви освободил руки Свенгаарда, встал на колени и снял веревки с ног.

— Я иду за Глиссоном, — сказал Иган. Он вышел из комнаты. Гарви встал, взглянул в лицо Свенгаарду. — Вы знаете о состоянии моей жены? — спросил он.

— Я слышал, что говорил Иган, — сказал Свенгаард. — Каждый хирург изучает историю и генетическое происхождение. У меня научные знания о ее состоянии.

Бумур презрительно хмыкнул.

— Вот медицинские инструменты Игана, — сказал Гарви, указывая на чемодан на полу. — Скажите мне, почему моей жене так плохо?

— Вы не удовлетворены объяснениями Игана? — спросил Бумур. Казалось, одна лишь мысль об этом приводила его в ярость.

— Он сказал, что все естественно, — сказал Гарви. — Как может болезнь быть естественной?

— Она получила медицинские препараты, — сказал Свенгаард. — Вы знаете, что это за лекарства?

— На нем была та же надпись, как на таблетках, которые он ей давал в транспорте, — сказал Гарви. — Он называл его тогда успокоительным.

Свенгаард подошел к Лизбет, осмотрел глаза, кожу.

— Принесите инструменты, — сказал он, кивнув Гарви. Он проводил Лизбет к пустой подстилке, чувствуя, что сам заинтересован результатами этого осмотра. Когда-то он думал об этом с отвращением; сейчас, когда мысль о том, что Лизбет носит эмбрион в себе таким древним способом, представляла для него лишь тайну, вызывая глубочайший интерес.

Лизбет вопрошающе посмотрела на Гарви, когда Свенгаард опустил ее спину на подстилку. Гарви утвердительно кивнул. Она попыталась улыбнуться, но на нее напал страшный страх. Страх этот был связан не со Свенгаардом. Руки его излучали мягкую уверенность. Но сама перспектива осмотра пугала ее. Она чувствовала страх, связанный с лекарством, который давал ей Иган.

Свенгаард открыл ящик с инструментами, вспоминая диаграммы и объяснения с учебных лент своих студенческих лет. Тогда они были предметом сквернословных шуток, но даже эти шутки помогли ему сейчас, потому что они обычно фиксировали самые важные факты в памяти.

Держись за стенку, а то упадешь,
А если так, то уж поползешь.

В памяти его всплыл звон и громкий взрыв смеха.

Свенгаард приступил к осмотру, исключив все остальное, кроме пациента и себя. Давление крови... ферменты... производство гормонов... выделения организма...

Наконец он сел, нахмурился.

— Что-нибудь не в порядке? — спросил Гарви.

Бумур встал позади Гарви, сложил руки: — Да, действительно, скажите нам, — сказал он.

— Слишком высок менструальный гормон, — сказал Свенгаард. А сам подумал: «Держись за стенку...»

— Эмбрион контролирует эти изменения, — сказал Бумур.

Свенгаард пропустил мимо ушей его издевательский тон, взглянул на Бумура. — Вы уже делали это раньше. Были ли у ваших пациентов случаи спонтанных выкидышей?

Бумур нахмурился.

— Ну? — спросил Свенгаард.

— Несколько. — Он выдал эту информацию неохотно.

— Я подозреваю, что эмбрион не твердо прикреплен к эндометриуму, — сказал Свенгаард. — К стенкам матки, — сказал он, увидев в глазах Гарви необходимость в пояснениях, — Эмбрион должен плотно прилегать к стенке матки. Способ для этого готовится гормонами, присутствующими во время менструального цикла.

Бумур пожал плечами: — Ну, мы ожидаем потерю определенного процента.

— Моя жена не является определенным процентом, — огрызнулся Гарви. Он повернулся, сконцентрировал свое внимание во взгляде на Бумура, что заставило того отступить на три шага.

— Но такие вещи случаются, — сказал Бумур. Он посмотрел на Свенгаарда, который готовился сделать вливание ампулы из запасов Игана. — Что вы делаете?

— Даю ей немного ферментной стимуляции для производства гормонов, которые ей нужны, — сказал Свенгаард. Он взглянул на Гарви, видя его страх и необходимость в его поддержке. — Это самое лучшее, что мы можем сейчас сделать, Дюран. Оно должно сработать, если ее организм не слишком угнетен всем тем, что она вытерпела. — Он взмахнул рукой, их полет, эмоциональный стресс, усталость.

— Делайте все, что считаете нужным, — сказал Гарви, — Я знаю, что это лучшее, что у вас есть.

Свенгаард сделал вливание, похлопал Лизбет по руке. — Попытайтесь отдохнуть. Расслабьтесь. Не двигайтесь, если в этом нет необходимости.

Лизбет кивнула. Она читала Свенгаарда, видя его искреннюю заботу о ней. Его попытка убедить Гарви тронула ее, но вот слезы свои она подавить не сумела.

— Глиссон, — прошептала она.

Свенгаард уловил направление ее мысли, сказал: — Я не разрешу ему передвигать вас, пока не буду полностью уверен в том, что все в порядке. Ему и его гиду просто придется немного подождать.

И, как будто в подтверждение его слов, земля вокруг них загудела и вздрогнула. Через низкий вход влетело облако пыли и, как по мановению волшебника, материализовался Глиссон, когда скрывающая его пыль осела.

При первом признаке беспокойства Гарви опустился на пол рядом с Лизбет. Он держал ее за плечи, прикрывая своим телом.

Свенгаард все еще стоял на колене перед медицинским ящиком.

Бумур резко повернулся и уставился на Глиссона. — Звуковые волны? — прошипел Бумур.

— Нет, не звуковые волны, — сказал Глиссон. Обычный ровный голос Киборга имел певучее звучание.

— У него нет рук, — сказал Гарви.

Теперь они все заметили это. С плеч вниз, где были раньше руки Киборга, сейчас болтались лишь пустые звенья для протезных приспособлений.

— Они нас взяли здесь в кольцо, — сказал Глиссон. И снова этот певучий призыв, как-будто в нем что-то сломалось. — Как вы видите, я лишен рук. Вы находите это забавным? Вы видите сейчас, почему мы никогда не боролись

с ними в открытую? Когда они хотят, они могут уничтожить все... всех.

— Иган? — прошептал Бумур.

— Иганов легко уничтожить, — сказал Глиссон. — Я видел это. Принимайте факт.

— Но что мы будем делать? — спросил Гарви.

— Делать? — Глиссон посмотрел вниз на него. — Мы будем ждать.

— Один из вас мог бы выстоять против всех сил Безопасности, чтобы отстоять Поттера, — сказал Бумур. — Но все, что вы можете сделать сейчас, это ждать?

— Насилие — не моя функция, — сказал Глиссон. — Вы увидите.

— Что они сделают? — прохрипела Лизбет.

— Все, что им заблагорассудится сделать, — сказал Глиссон.

Глава 18

Ну вот, дело сделано, — сказала Калапина.

Она смотрела на Шруилла и Нурса в рефлекторы.

Шруилл указал на цепочки кинетических аналогов на внутренней стене Шара Обозрения — Ты наблюдала эмоцию Свенгаарда?

— Он был испуган до смерти, — сказала Калапина.

Шруилл сжал губы, изучая ее отражение. Сеанс в фармакологическом центре восстановил ее спокойствие, но она заняла свой трон в подавленном настроении. Калейдоскопическая игра огней на стене придавала нездоровый оттенок ее коже. На всех чертах лица было определенное выражение.

Нурс взглянул вверх на огни наблюдателей — вся ширина северной стены мерцала тусклым красным напряжением, все места заняты. Все сообщество оптименов, за редким исключением, следило за развитием событий.

— Мы должны принять решение, — сказал Нурс.

— Ты выглядишь бледным, Нурс, — сказала Калапина.

— У тебя неприятности с фармакологией?

— Не больше, чем у тебя, — он говорил задиристо. — Просто ферментное гетероделение. Оно легко устраняется.

— Я говорю, что их надо привезти сюда сейчас, — сказал Шруилл.

— С какой целью? — спросил Нурс. — У нас зафиксирован их побег очень хорошо. Зачем позволять им снова ускользнуть?

— Мне не нравится сама мысль о незарегистрированных защищающих себя жизнеспособных — кто знает, сколько их... бегающих на свободе, — сказал Шруилл.

— Вы уверены, что мы можем взять их живыми? — спросила Калапина.

— Киборг признает свою неэффективность против нас, — сказал Шруилл.

— Если это не ловушка, — сказал Нурс.

— Я не думаю, — сказала Калапина, — А как только они попадут к нам, мы можем извлечь информацию, которую нам надо, из их сырых мозгов с самой большой точностью.

Нурс повернулся, пристально посмотрел на нее. Он не мог понять, что случилось с Калапиной. Она говорила с грубой жестокостью женщины из народа. Она была похожа на разбуженного вампира, как будто насилие было для нее знаком пробуждения.

«Какой же тогда знак ее усмирить?» — размышлял он. И его шокировала собственная мысль.

— Если у них есть средства уничтожить себя? — спросил Нурс. — Я напоминаю вам о компьютерной сестре и печальном ряде наших собственных хирургов, которые оказались в одной организации с этими преступниками. Мы были бессильны предотвратить их самоуничтожение.

— Как ты груб, Нурс, — сказала Калапина.

— Груб? Я? — он потряс головой. — Просто я желаю помешать увеличению боли. Давайте уничтожим их сами и продолжим отсюда.

— Глиссон — полный Киборг, — сказал Шруилл. — Вы не можете себе даже представить, что могли бы нам открыть банки его памяти.

— Я помню того, кто сопровождал Поттера, — сказал Нурс. — Давайте не будем рисковать. Его спокойствие может быть уловкой.

— Пустить наркотик в их потайную дыру, — сказал Шруилл. — Вот мое предложение.

— А откуда мы можем знать, как он подействует на Киборгов? — спросил Нурс.

— Тогда им еще удастся убежать, — сказал Шруилл. — Конечно, они были трижды правы, наши люди в Централье. Мы вычислили тех, но...

— Я говорю, задержим их сейчас! — рявкнул Нурс.

— Я согласна со Шруиллом, — сказала Калапина. — В чем риск?

— Чем скорее мы остановим их, тем быстрее сможем вернуться к своим делам, — сказал Нурс.

— Это и есть наше дело, — сказал Шруилл.

— Тебе нравится мысль стерилизовать еще один мегаполис, не так ли, Шруилл? — ехидно усмехнулся Нурс — Который на этот раз? Что скажешь насчет Лувиля?

— Один раз было достаточно, — сказал Шруилл. — Но наши привязанности и неприязни в действительности не имеют к этому никакого отношения.

— Тогда давайте проголосуем, — сказала Калапина.

— Потому что вас двое против меня, да? — сказал Нурс.

— Она имеет в виду всеобщее голосование, — сказал Шруилл. Он взглянул на огни наблюдателей. — У нас, очевидно, полный кворум.

Нурс усталился на индикаторы, зная, что его лихо заманили в ловушку. Он не мог протестовать против всеобщего голосования — любого голосования. А двое его спутников казались такими уверенными в себе. — Это и есть наше дело.

— Мы позволили вмешаться Киборгам, — сказал Нурс, — Потому что они увеличили пропорцию жизнеспособных в генетическом резерве. Мы что, делали это просто для того, чтобы потом уничтожить генетический резерв?

Шруилл указал на банк данных бинарных пирамид на стене Шара. — Если они представляют угрозу нам, то конечно. Но проблема заключается в незарегистрированных само-сохраняемых жизнеспособных, их возможному иммунитету к контрацептивному газу. Откуда бы они еще могли получить замену эмбриону?

— Если пошло на то, нам не нужен ни один из них, — сказала Калапина.

— Уничтожить их всех? — спросил Нурс. — Весь народ?

— И вырастить новый урожай двойников, — сказала она. — А почему бы и нет?

— Двойники не всегда соответствуют оригиналу, — сказал Нурс.

— Нас ничто не ограничивает, — сказал Шруилл.

— Наше солнце не вечно, — сказал Нурс.

— Мы решим это, когда возникнет необходимость, — сказала Калапина. — Какая проблема может мешать нам? Мы не ограничены во времени.

— И все же, мы стерильны, — сказал Нурс. — Наши половые клетки не хотят соединяться.

— Ну и хорошо делают, — сказал Шруилл — Я бы не хотел, чтобы было иначе.

— Все, что мы хотим сейчас, это простое голосование, — сказала Калапина. — Простое голосование по поводу того, поймать ли и привезти сюда маленькую банду преступников. Почему это должно вызывать такие крупные споры?

Нурс хотел что-то сказать, но передумал. Он потряс головой, переводя взгляд с Калапины на Шруилла.

— Ну? — спросил Шруилл.

— Я думаю, что эта маленькая банда и есть настоящая проблема, — сказал Нурс. — Один стрерри-хирург, два Киборга и два жизнеспособных.

— Но Дюран был готов убить стерри, — сказал Шруилл.

— Нет. — Это был голос Калапины. — Он не собирался никого уничтожать. — Она вдруг заинтересовалась ходом мысли Нурса. В конце концов, это были его логика и доводы, которые всегда привлекали ее.

Шруилл, видя, что она колеблется, сказал: — Калапина!

— Мы все видели эмоцию Дюрана, — сказал Нурс. Он махнул на стену с приборами перед ним. — Он бы никого не убил. Он... просто воспитывал Свенгаарда, разговаривал со Свенгаардом с помощью своих рук.

— Как они это делают между собой, он и его жена, — сказала Калапина.

— Вы говорите, что мы должны вырастить новый урожай двойников, — сказал Нурс. — Чье семя мы используем? Вероятно, жителей Ситака?

— Мы могли бы взять сначала клетки семян, — сказал Шруилл и размышлял, как это он вдруг перешел в оборону. — Я говорю, давайте голосовать по этому вопросу. Привозить их сюда для полного допроса или уничтожить их.

— Нет необходимости, — сказала Нурс. — Я изменил решение. Привезите их сюда... если сможете.

— Тогда решено, — сказал Шруилл. Он повернул сигнал в ручке своего трона. — Увидите, это действительно очень просто.

— Неужели? — спросил Нурс. — Тогда почему вдруг мы с Калапиной вдруг не захотели использовать насилие? Почему мы вспоминаем те старые дни, когда Макс прикрывал нас от самих себя?

Глава 19

Зал Совета не видел такого собрания с тех пор, как проходили дебаты по поводу легализации экспериментов Кибборгов над себе подобными около трех тысяч лет тому назад. Оптимены занимали радугу вспыхивающих многоцветных подушек на банках длинных пласмелдовых скамеек. Некоторые казались голыми, но большинство, осознавая традицию таких собраний, пришли в нарядах, которые соответствовали их историческим приверженностям, занимающим их в данный момент. Они были в тогах, шотландских юбках, платьях с жестокими стоящими воротниками, в треугольных шляпах и котелках, набедренных повязках и шкурах, тканях и стилях, уходящих далеко в историю.

Те, кто не смог попасть в переполненный зал, следили через полмиллиона глаз сканнеров, которые сверкали вдоль верхних линий стен.

Над Централом едва начинался день, но ни один из оптименов не спал.

Шар Обозрения был отодвинут, и Туеры занимали место в центре первой скамьи в конце зала. Пленников привезли помощники на плавающих тележках. Они сидели на плоской поверхности тележек обездвиженные бледно-голубыми пласмелдовыми пластронами, которые оставляли возможность лишь поверхностного дыхания.

Когда она посмотрела на них вниз со скамьи и увидела эти пять фигур так жестко сжатых, Калапина даже позволила себе чуть-чуть их пожалеть. Женщина — в глазах у нее такой ужас. На лице Гарви Дюрана ярость. Сдержанное ожидание у Глиссона и Бумура. Взгляд настороженного ожидания у Свенгаарда.

И все же, Калапина чувствовала, что чего-то тут не хватает. Она не смогла бы точно сказать, что здесь отсутствовало, она чувствовала лишь какую-то пустоту внутри.

«Нурс прав, — думала она. — Эти пятеро важны.»

Кто-то из оптименов в первых рядах зала принес маленький проигрыватель, и звон колокольчиков можно было услышать над шепотом и бормотанием толпы в зале. Звук этот стал слышнее, когда оптимены затихли в ожидании.

Вдруг мелодии оборвалась на середине.

В зале становилось все тише и тише.

Несмотря на страх, Лизбет внимательно осматривалась в нарастающей тишине. Она никогда раньше не видела живых оптименов — только с экранов общественной системы объявлений. (за время ее жизни это в основном были члены Туеров, хотя старшее поколение народа еще помнило троицу Кагисс, предшесвовавшую нынешним Туерам). Они все были такие разные и многоцветные — и такие далекие. У нее было тягостное чувство предрешенности оттого, что ничего в этот момент не происходило случайно, а во всем царила устрашающая симметрия, в том, что они находятся здесь в таком окружении.

— Они полностью обездвижены, — сказал Шруилл. — Бояться нечего.

— К тому же, они напуганы, — сказал Нурс. И он неожиданно вспомнил случай из своей юности. Его взяли в один антикварный дом, где один из гедонистов с гордостью устраивал выставку пласмелдовых копий пропавших статуй. Там была огромная рыба, одна фигура без головы на лошади (очень жуткая), монах в капюшоне и мужчина и женщина, которые прижались друг к другу в объятии страха. Мужчина и женщина, он вспомнил сейчас, были похожи лицами на Лизбет и Гарви Дюранов.

«Они являются, в каком-то смысле, нашими родителями, — думал Нурс. — Мы ведем свой род от народа.»

Вдруг Калапина поняла, кого ей тут не хватает. Это был Макс. Он умер, она знала, и на секунду она вспомнила, что же с ним произошло. Пережил свою полезность, решила она. Новый Макс еще, должно быть, не готов.

«Странно, что Макс должен был уйти именно так, — подумала она. Но жизни простых смертных были похожими на осеннюю паутину. Однажды вы увидели их, на следующий день вы увидите лишь место, где они были. — Я должна спросить, что случилось с Максом.» Но она знала, что никогда бы не приблизилась к этому. Ответ потребовал бы отвратительного слова, понятия, в котором даже эвфемизмы были бы отвратительны.

— Обратите особое внимание на Киборга Глиссона, — сказал Шруилл. — Разве не странно, что наши инструменты не отражают никаких его эмоций?

— Вероятно, у него нет эмоций, — сказала Калапина.

— Я не доверяю ему, — сказал Нурс. — Мой дед говорил о коварстве Киборгов.

— Фактически, он ведь робот, — сказал Шруилл. — Запрограммированный давать самый точный ответ на вопрос о сохранении его бытия. Его сегодняшняя покорность очень интересна.

— Разве наша цель не состоит в их допросе? — спросил Нурс.

— Минуточку терпения, — сказал Шруилл. — Мы вскроем их до самого мозга и откроем их память для нашего исследования. Сначала надо хорошо изучить их.

— Ты такой бесчувственный, Шруилл, — сказала Калапина.

Шум одобрения разнесся по залу.

Шруилл взглянул на нее. Голос Калапины прозвучал тогда так странно. Он сам почувствовал какое-то беспокойство.

Глаза Киборга Глиссона двигались, прикрытые тяжелыми веками, холодные, изучающие, поблескивающие сменяющимися линзами, которые давали ему более широкое поле обозрения.

— Вы видите это, Дюран? — спросил он, голос его прерывался из-за необходимости делать короткие поверхностные вдохи.

Гарви, наконец, обрел дар речи: — Я... не могу... поверить... этому.

— Они разговаривают, — сказала Калапина, голос ее звучал ярко. Она посмотрела на Дюрана, в глазах его увидела удивленное презрение и жалость.

— Жалость? — удивилась она.

Взгляд на крошечный прибор на ее запястье подтвердил оценку эмоции на Шаре Обзора. «Жалость! Как он смеет жалеть меня!»

— Гарви, — прошептала Лизбет.

Сдерживаемая ярость искажила черты Гарви. Он повернул глаза, но не мог окинуть взглядом так далеко, чтобы увидеть ее. — Лиз, — пробормотал он. — Лиз, я люблю тебя.

— Это время для ненависти, а не для любви, — сказал Глиссон, его сдержанный тон придавал словам оттенок нереальности. — Ненависти и мести, — сказал Глиссон.

— Что вы говорите? — спросил Свенгаард. Он прислушивался к их словам с возрастающим интересом. На какое-то время он даже думал умолять оптименов, говоря, что он пленник, которого держали против воли, но шестое чувство подсказало ему, что такая попытка была бы бесполезной. Он был ничем для этих горделивых созданий. Он был пеной набежавшей волны у подножья скалы. ОНИ были скалой.

— Посмотри на них как врач, — сказал Глиссон. — ОНИ умирают.

— Это правда, — сказал Гарви.

Лизбет плотно закрыла глаза, чтобы не заплакать. Сейчас глаза ее распахнулись, и она пристально смотрела на людей вокруг, видя их глазами Гарви и Глиссона.

— ОНИ умирают, — выдохнула она.

Вот где было поле деятельности для курьера подпольного Центра, она могла читать их тренированным взглядом. Печать смерти на лицах бессмертных! Глиссон видел это, конечно, благодаря своим способностям читать и отражать.

— Этот народ временами бывает такой безобразный, — сказала Калапина.

— Их бессмертие кончается, — сказал Свенгаард. В голосе его был тон, не поддающийся чтению, и Лизбет хотела знать, что это за тон. В голосе его не было отчаяния, которого можно было бы ожидать.

— Я говорю вам, что они отвратительны! — сказала Калапина, придав голосу такую эмоциональную тональность, что ни один простой фармаколог не осмелился бы противоречить ей.

Бумур пробудился от глубокого забытья. Настраивающаяся логика компьютера в нем записала разговор, проиграла его вновь, извлекла ключевые значения. Но он, пока еще новый и неполный Киборг, смог уловить лишь слабые признаки того, что что-то разладилось у этих вечножителей. Шок этого открытия оставил у Бумура ощущение, что он должен ответить на это открытие какой-то эмоцией, на которую он более не был способен.

— Их слова, — сказал Нурс, — Я нахожу в их разговоре полнейшее отсутствие смысла. О чем они говорят, Шруилл?

— Давайте спросим их сейчас о самосохраняющихся жизнеспособных, — сказала Калапина. — И о резервном эмбрионе. Не забывайте о резервном эмбрионе.

— Посмотрите туда, на верхний ряд, — сказал Глиссон. — Вон тот высокий. Посмотрите на морщины его лица, видите?

— Он выглядит таким старым, — прошептала Лизбет. Она чувствовала удивительную пустоту чувств. До тех пор, пока оптимены были там — неизменные вечные — ее мир содержал основание, которое было непоколебимо. Даже при всем том, что она выступала против них, она почувствовала это. Киборги умирали... иногда. Простые смертные умирали. Но оптимены все продолжали и продолжали жить...

— Что это? — спросил Свенгаард — Что с ними происходит?

— Второй ряд налево, — сказал Глиссон. — Женщина с рыжими волосами. У нее запали глаза, остановился взгляд.

Бумур повернул глаза, чтобы увидеть женщину. Болезненные проявления плоти оптименов бросались в глаза, когда его взгляд совершал короткую дугу, на которую был способен.

— Что они говорят? — потребовала Калапина. — Что это? — Голос ее звучал брюзжаще, даже для своих собственных ушей. Она чувствовала раздражение и досаду от появившихся слабых болей.

Бормочущий звук неодобрения прошел вверх по скамьям. Раздавались слабые смешки, взрывы сварливого гнева, смеха.

«Нам положено допросить этих преступников, — думала Калапина. — Но почему этого никто не начинает? Неужели я должна начать?»

Она посмотрела на Шруилла. Он перегнулся вниз со своего места, рассматривая Гарви Дюрана. Она повернулась к Нурсу, встретила презрительную полуулыбку на его лице, отдаленный взгляд. На шее Нурса пульсировала жилка, которую она никогда раньше не замечала, морщинистое пятно из красных вен выступило на его щеке.

«Они все оставляют на меня,» — подумала она.

Раздраженным движением плеч она тронула свои браслеты контроля. Сверкающий пурпурный свет залил гигантский шар в стороне от зала. Пучок света выдвинулся с вершины шара, спустился на пол. Он дошел до пленников.

Шруилл следил за игрой света. Вскоре пленники будут сырыми кричащими созданиями, он знал это. Они будут выплескивать все свои знания на приборы Туеров для последующего анализа. От них ничего не останется, кроме нервных волокон, по которым будет распространяться сжигающий свет, впитывающий память, опыт, знания.

— Подожди, — сказал Нурс.

Он изучал свет. Он прекратил движение к пленникам по его команде. Он чувствовал, что они совершают какую-то грубейшую ошибку, известную лишь ему одному, и он посмотрел на внезапно притихший зал, желая узнать, не заметил ли этой ошибки кто-нибудь другой или, может быть, кто-нибудь скажет о ней. Весь секрет их правления заключался в том, что все спланировано, запрограммировано, предписано. И каким-то образом сюда вошла грубая неожиданность голой жизни. Это была ошибка, которая могла разрушить весь тысячелетиями отлаженный механизм.

— Почему мы ждем? — спросила Калапина.

Нурс попытался вспомнить. Он знал, что выступал против этого действия. Почему?

Боль!

— Мы не должны причинять боль, — сказал он. — Мы должны дать им возможность говорить самим, пусть даже под угрозой смерти.

— Они сошли с ума, — прошептала Лизбет.

— А мы победили, — сказал Глиссон. — Моими глазами все мои товарищи видят — мы победили.

— Они собираются уничтожить нас, — сказал Бумур.

— Но мы победили, — сказал Глиссон.

— Как? — спросил Свенгаард. И громче: — Как?

— Мы дали им Поттера, как наживку, и дали им вкусить насилие, — сказал Глиссон. — Мы знали, что они будут смотреть. Они должны были смотреть.

— Почему? — прошептал Свенгаард.

— Потому что мы изменили обстановку, — сказал Глиссон, — Маленькими дозами, здесь давление, там шокирующий Киборг. И мы дали им почувствовать вкус насилия, вкус борьбы.

— Как? — спросил Свенгаард. — Зачем?

— Инстинкт, — сказал Глиссон. Слово несло в себе компьютеризированную законченность, чувство нечеловеческой логики, от которой невозможно было скрыться. — Борьба —

это инстинкт людей. Война. Насилие. Но их жизненные системы поддерживались таким тонким балансом на протяжении многих тысяч лет. За это они заплатили страшную цену — спокойствие, отвлеченность, скука, и вдруг приходит насилие со своими требованиями, а их способность изменяться, приспосабливаться давным давно атрофирована. Их рвут противоречия, и они все дальше и дальше уходят от той линии вечной жизни. Скоро они умрут.

— Война? — Свенгаард слышал истории о насилии, от которого оптимены сохраняли народ. — Этого не может быть, — сказал он. — Наверное, это какая-то новая болезнь. Или...

— Я изложил вам факт, как вычисленный до последней частицы логики, — сказал Глиссон.

Калапина вскрикнула: — Что они говорят?

Она отчетливо слышала слова пленников, но значение их ускользало от нее. Они говори абсурдные вещи. Она слышала слово, регистрировала его, но следующее слово заменяло его без связи с предыдущим. Не было логической связи. Только одни непристойности. Она схватила руку Шруилла: — Что они говорят?

— Через минуту мы допросим их и узнаем, — сказал Шруилл.

— Да, — сказала Калапина. — Давно пора.

— Как это возможно? — выдохнул Свенгаард. Он видел, как две пары танцуют на скамейках высоко в конце зала. Были пары, которые обнимались, занимались любовью. Два оптимена начали кричать друг на друга справа от него — нос к носу. Свенгаард чувствовал, что наблюдает, как здания рушатся, земля разверзается и изрыгает языки пламени.

— Наблюдайте за ними! — сказал Глиссон.

— Почему они не могут найти компенсацию за это... изменение? — спросил Свенгаард.

— Их способность к компенсации атрофирована, — сказал Глиссон. — И вы должны понимать, что сама компенсация — это новая окружающая среда. Она создает еще больше требований. Посмотрите на них! Они прямо сейчас выходят из под контроля.

— Заставьте их заткнуться! — закричала Калапина. Она вскочила на ноги, стала приближаться к пленникам.

Гарви следил зачарованный и до смерти запуганный. В ее движениях была разбалансированность, в каждом рефлексе

— за исключением гнева. Из ее глаз на него летела огненная ярость, сильная дрожь сотрясала все его тело.

— Ты! — сказала Калапина, указывая на Гарви. — Почему ты уставился на меня и бормочешь? Отвечай!

Гарви застыл в молчании, не из-за страха перед ее гневом, а от неожиданного понимания возраста Калапины. Сколько же ей лет? Тридцать, сорок тысяч? Может быть, если она была из самых первых — восемьдесят тысяч или даже более?

— Высказывайся и скажи, что ты хочешь? — потребовала Калапина. — Я, Калапина, приказываю это. Подчинись сейчас, и, вероятно, мы будем снисходительны потом.

Гарви уставился на нее не в силах вымолвить слово. Она, казалось, не осознает, что происходит вокруг.

— Дюран, — сказал Глиссон, — Вы должны помнить, что существуют тайные вещи, называемые инстинктами, которые направляют судьбу по неисследованным потокам реки. Это изменение. Посмотри, оно вокруг нас. Изменение — это единственная константа.

— Но она умирает, — сказал Гарви.

Калапина не могла понять смысла его слов, но она ощущала, что тронута чувством заботы о ней в его голосе. Она проверила догадку с помощью браслета с табло Шара. Забота! Он заботится о ней, о Калапине, не о себе или своей жене!

Она вошла в странную обволакивающую ее темноту, рухнула во весь рост на пол, протягивая руки к скамейкам.

Безжалостный смехок сорвался с губ Глиссона.

— Мы должны что-то сделать для них, — сказал Гарви. — Они должны понять, что они делают с собой!

Неожиданно Шруилл зашевелился, взглянул вверх на противоположную стену, увидел темные пятна сканнеров, которые были отключены, покинуты теми оптименами, которые не могли попасть в зал. Он почувствовал внезапную тревогу о приливах в толпе вокруг. Некоторые люди уходили — раскачивались, убегали, смеялись...

«Но мы пришли допрашивать пленников,» — подумал Шруилл.

Истерия в зале медленно давила на чувства Шруилла. Он посмотрел на Нурса.

Нурс сидел, закрыв глаза, бормоча про себя. — Кипящее масло, — сказал Нурс. — Но это слишком неожиданно. Нам нужно что-то более тонкое, более выносимое.

Шруилл наклонился вперед: — У меня вопрос к человеку Гарви Дюрану.

— Что это? — спросил Нурс. Он открыл глаза, дернулся вперед, успокоился.

— Чего он надеялся достичь своими действиями? — спросил Шруилл.

— Очень хорошо, — сказал Нурс. — Ответьте на вопрос, Гарви Дюран.

Нурс тронул свой браслет. Пурпурный пучок света придвинулся ближе к пленникам.

— Я не хотел, чтобы вы умирали, — сказал Гарви. — Только не это.

— Отвечайте на вопрос! — разъярился Шруилл.

Гарви проглотил комок: — Я хотел...

— Мы хотели иметь семью, — сказала Лизбет. Она говорила ясно, рассудительно. — Это все. Мы хотели жить семьей. — В глазах у нее появились слезы, и она подумала, каким бы мог быть ее ребенок. Конечно, никому из них не удастся выжить в этом безумстве.

— Что это? — спросил Шруилл. — Что это за чушь такая семья?

— Где вы взяли запасного эмбриона? — спросил Нурс. — Отвечайте, и мы можем быть снисходительны. — Сжигающий свет снова двинулся к пленникам.

— У нас есть самозащищающиеся жизнеспособные с иммунитетом против контрацептивного газа, — сказал Глиссон. — Их много.

— Видите? — сказал Шруилл. — Я говорил вам.

— Где эти самозащищающиеся жизнеспособные? — спросил Нурс. Он чувствовал, что его правая рука дрожит, посмотрел на нее, удивляясь.

— Прямо у вас под носом, — сказал Глиссон. — Разбросаны среди всего населения. И не просите меня идентифицировать их. Я их не знаю всех. Никто не знает.

— Никто от нас не убежит, — сказал Шруилл.

— Никто, — эхом откликнулся Нурс.

— Если нужно, — сказал Шруилл, — Мы стерилизуем всех, кроме Централа, и начнем все с начала.

— С чего вы начнете сначала? — спросил Глиссон.

— С чего? — выкрикнул Шруилл слова Киборга.

— Где вы возьмете генетический запас, с которого начинать? — спросил Глиссон. — Вы стерильны и вымираете.

— Нам нужна только одна клетка, чтобы сделать двойник оригинала, — сказал Шруилл, в голосе его была презрительная усмешка.

— Тогда почему вы не делаете своих двойников? — спросил Глиссон.

— Ты осмеливаешься спрашивать нас? — грозно спросил Нурс.

— Тогда я отвечу за вас, — сказал Глиссон. — Вы не выбрали процесс двойников, потому что двойник нестабилен. Они очень быстро умирают.

Калапина слышала отдельные слова: — Стерилл... уничтожение... нестабильный... вымирание... — Это были страшные слова, которые вползали в глубину, где она лежала, наблюдая парад жирных колбас в сияющем порядке ее осознания. Они были, как семена, в сверкающем сиянии, движущиеся на фоне засаленного старого вельвета. Колбасы, семена. Она увидела их затем не совсем, как семена, а как жизнь, заключенную в капсулу — находящуюся за стенами, защищенную, соединяющую мостиком с этим неблагоприятным периодом жизни. Это сделало мысль о семенах менее отвратительной для нее. Они были жизнью... всегда жизнью...

— Нам не нужен генетический запас, — сказал Шруилл.

Калапина ясно слышала его голос, чувствовала, что читает его мысли. У нас есть наши миллионы в Центrale. Нас самих достаточно. Слабые, живущие короткую жизнь смертные — отвратительное напоминание о прошлом. Они были нашими любимцами, но мы больше не нуждаемся в любимцах.

— Я решил, что мы сделаем с этими преступниками, — сказал Нурс. Он говорил громко, чтобы покрыть своим голосом нарастающий гул в зале. — Мы будем применять возбуждение нервов по микрону за один раз. Боль будет чрезвычайная и будет тянуться веками.

— Но ты сказал, что не хочешь причинять боль, — кричал Шруилл.

— Неужели? — голос Нурса звучал обеспокоенно.

«Я чувствую себя плохо, — думала Калапина. — Мне нужен долгосрочный прием в фармакологическом центре.» Фармакология. Это слово было ключом, который вернул ей сознание. Она почувствовала, что лежит, вытянувшись на

полу, ощутила боль и мокроту под носом, там, где она ударилась об пол при падении.

— Однако, твое предложение содержит зерно, — сказал Шруилл. — Мы сможем восстанавливать нервы нашими приборами, и наказание будет длиться бесконечно. Исключительная боль навсегда!

— Ад, — сказал Нурс. — Приемлемо.

— Они сошли с ума, чтобы додуматься до этого, — прохрипел Свенгаард. — Как мы можем остановить их?

— Глиссон! — сказал Лизбет, — сделайте что-нибудь!

Но Киборг не отвечал.

— Это то, чего вы не предугадали, не так ли, Глиссон? — сказал Свенгаард.

Киборг все еще продолжал молчать.

— Отвечайте же, — разъярился Свенгаард.

— Предполагалось, что они просто умрут, — сказал Глиссон бесстрастным голосом.

— Но они могут стерилизовать всю землю, за исключением Централа, и продолжать безумства сами, — сказал Свенгаард. — А нас будут вечно пытаться!

— Не вечно! — сказал Глиссон. — Они умирают.

В зале творилось нечто невообразимое. Кто-то из оптимистов продолжал танцевать. Кто-то уже лежал либо без чувств, либо мертвый. Некоторые дрались между собой. Собрание бессмертных превратилось в толпу безумных, а Нурс скандировал: — Хорошо! Отлично! Отлично!

Калапина поднялась с пола. Нос и рот болели и были залиты чем-то неприятным, она слышала только одно, как Нурс скандирует: — Хорошо! — Калапина осмотрелась, и увидела ужасную картину. Зал был охвачен каким-то непонятным возбуждением, неизвестным им доселе.

Вдруг над толпой поднялось голое тело, повернулось и снова опустилось вниз с тупым тяжелым ударом. И снова крик одобрения сотряс зал.

«Что они делают? — изумилась Калапина. — Они бьют друг друга — сами себя.»

Она провела рукой по носу и рту, посмотрела на руки. Кровь. Она могла чувствовать сейчас ее запах, завораживающий запах. Ее собственная кровь. Это завораживало ее. Она сделала шаг по направлению к пленникам, показала руку Гарви Дюрану.

— Кровь, — сказала она. Она коснулась носа. Боль!

— Болит, — сказала она. — Почему болит, Гарви Дюран? — она напряженно смотрела в его глаза. Такое сочувствие в его глазах. Он был человеком. Он испытывал заботу.

Гарви посмотрел на нее, глаза их были почти на одном уровне из-за положения тележки над полом. Вдруг он почувствовал к ней глубокое сострадание. Она была Лизбет; она была Калапина; она олицетворяла всех женщин. Он увидел сосредоточенную напряженность ее внимания и сиюминутное осознание, которое исключало все, кроме необходимости услышать его слова.

— Мне тоже больно, Калапина, — сказал он. — Но ваша смерть причинила бы мне еще большую боль.

На мгновение Калапина подумала, что в зале вокруг стало тихо. Она поняла тогда, что крики в толпе продолжаются, не уменьшаясь. Она слышала, как Нурс скандирует: — Хорошо! Хорошо! — а Шруилл говорит: — Отлично! Отлично! — Она вдруг поняла, что она единственная, кто слышит эти странные слова Дюрана. Это богохульство. Она прожила столько лет, подавляя любое понятие о личной смерти. Его нельзя было ни говорить, ни иметь в мыслях. Но она услышала эти слова. Она хотела отвернуться, поверить в то, что этих слов никогда не было. Но что-то в том внимании, которое она сосредоточила на Гарви Дюране, привязывало ее невидимой цепью к значению его слов. Только несколько минут назад она была там, где зерно жизни посылало вечность.

— Пожалуйста, — прошептала Лизбет. — Освободите нас. Вы женщина. Вы должны иметь сострадание. Что мы сделали такого, чтобы навредить вам? Разве это преступление хотеть любить и жить? Мы не хотели причинять вам зло.

Калапина даже не подала знака того, что слышит. В ее мозгу нависали и давили только слова Гарви: «Ваша смерть... ваша смерть... ваша смерть... »

Странное мерцание жары и озноба прошло через все ее тело. Она услышала еще один клич одобрения из толпы на дальних скамейках. Она чувствовала собственную болезнь и растущее понимание того, что очутилась в ловушке. Ее охватил гнев. Она склонилась над контрольной панелью тележек, нажала кнопку тележки Глиссона. Щитки раковины, которые держали Киборга, начали закрываться. Глаза Глиссона широко раскрылись. Скрипучий стон вырвался из него. Калапина захихикала, нажала другую кнопку на панели. Ра-

ковина вернулась в прежнее положение. Глиссон глотал воздух.

Она повернулась к контролю над тележкой Гарви, нажала пальцем на кнопки. — Объясните ваше отвратительное нарушение норм поведения!

Гарви сохранял суровое молчание. Она собиралась раздавить его!

Свенгаард начал смеяться. Он знал свое положение, первый класс второго сорта. Почему его выбрали для такого момента — увидеть Глиссона и Бумура без слов, Нурса и Шруилла, бормочущих что-то на своей скамье, оптименов в маленьких узлах и приливах сумасшедшего насилия, Калапину, готовую убить своих пленников и потом через десять секунд, несомненно, забыть об этом. Его смех выходил за пределы допустимого.

— Прекратите этот смех! — взвизгнула Калапина.

Свенгаард дрожал в истерике. Он хватал воздух, чтобы сделать вдох. Удар ее голоса помог ему вернуть контроль над собой, но все это продолжало оставаться в чрезвычайной степени смехотворным.

— Дурак! — сказала Калапина. — Объяснись!

Свенгаард уставился на нее. Сейчас он мог ощущать только жалость. Он вспомнил море медицинского курорта в Лапуше и подумал, что только сейчас понял, почему оптимены выбрали это место, так далеко от океана. Инстинкт. Море производило волны, прибой — постоянное напоминание того, что они устроились над волнами вечности. Они не могли видеть этого.

— Отвечай мне, — сказала Калапина. Рука ее рыскала над панелью контроля за его раковиной.

Свенгаард мог только пристально смотреть на нее и оптименов в их сумасшествии позади нее. Они стояли перед ним обнаженные, как будто тела их были открыты осколкам извивающихся спиралей на полу.

«У них души только с одним шрамом,» — подумал Свенгаард.

Он наносился на них изо дня в день, из века в век, из вечности в вечность — отложение паники того, что их благословенная вечность могла бы быть иллюзией, что у нее, в конце концов, мог бы быть и конец. Никогда раньше он и не подозревал, какую цену заплатили оптимены за эту вечность. Чем больше они владели ей, тем более огромной ста-

новилась эта цена. Чем больше цена, тем больше страх потерять ее. Это давление продолжало расти и расти.... вечно.

Но должен был наступить переломный момент. Киборги предвидели это, а их лишенный эмоций разум не предусмотрел действительных последствий.

Оптимены убаюкивали себя эвфемизмами. У них фармакологи, не врачи, потому что само понятие врача включало болезнь, травму, а это приравнивалось к недопустимому, немислимому. У них была только ферментология и ее бесчисленные центры, расположенные в нескольких шагах от оптимена. Они никогда не покидали Централа и его изощренную самозащиту. Они существовали как вечные подростки, заключенные в тюрьме детского сада.

— Так ты не будешь говорить, — сказала Калапина.

— Подождите, — сказал Свенгаард, когда рука ее двинулась в направлении кнопок его контроля. — Когда вы убьете всех жизнеспособных и останетесь только вы, когда вы увидите, что сами умираете один за другим, что тогда?

— Как ты смеешь! — сказала Калапина. — Ты задаешь вопросы оптимену, чей жизненный опыт делает твой не больше чем это! — она щелкнула пальцами.

Он смотрел на ее расшибленный нос, кровь.

— Оптимен, — сказал Свенгаард. — это стерри, чье строение приемлет ферментную настройку для бесконечной жизни... пока не придет разрушение структуры. Я думаю, вы хотите умереть.

Калапина поднялась, в изумлении уставилась на него. Когда она встала, то осознала, что в зале наступила неожиданная тишина. Она бросила взгляд вокруг себя, увидела напряженное внимание в каждом взоре, устремленном на нее. Медленно приходило понимание. Они видят кровь на моем лице.

— У вас была бесконечная жизнь, — сказал Свенгаард. — Разве это обязательно делает вас более блестящими, более умными? Нет. Вы просто жили дольше, у вас было больше времени для опыта и образования. Вполне вероятно, что большинство из вас имеет знаний больше, чем может использовать, иначе вы задолго до этого могли бы предвидеть, что этот момент неизбежен — тонкий баланс уничтожен, все вы умираете.

Калапина сделала шаг назад. Слова его ранили, как ножи, сжигали ее нервы.

— Посмотрите на себя! — сказал Свенгаард. — Вы все больны. Что делает ваша драгоценная фармакология? Я знаю и без того, что вы мне скажите: — Она предписывает все более и более широкий круг вариантов предписаний, все более частые дозы. Она старается остановить колебания, потому что ее так запрограммировали. Она и будет продолжать пытаться делать это, пока вы позволяете это ей, но это не спасет вас.

Кто-то взвизгнул позади нее: — Заставьте его замолчать!

Этот крик был поддержан всем залом, оглушающее скандирование, топот ног, хлопки рук: — Заставь его молчать! Заставь его молчать! Заставь его молчать!

Калапина зажала уши руками. Она все еще продолжала ощущать это скандирование кожей. И сейчас она увидела, как оптимены двинулись со своих скамеек вниз по направлению к пленникам. Она знала, что от кровавого насилия их отделяет только одно мгновение.

Они остановились.

Она не могла понять: почему, и отпустила руки, которыми затыкала уши. Но на нее обрушились крики. В них упоминались имена давно забытых богов. Глаза были устремлены на что-то на полу во главе зала.

Калапина резко повернулась, увидела, как там извивается Нурс, вокруг рта его выливается пена. Кожа его покрылась красновато-пурпурными и желтыми пятнами. Скрюченные руки вытягиваются и царапают пол.

— Сделайте что-нибудь! — закричал Свенгаард. — Он умирает! — Даже когда он прокричал это, он почувствовал странность своих слов. Сделайте что-нибудь! В нем заговорила медицинская подготовка, и она выходила на поверхность и заставляла говорить, несмотря на все, что происходило вокруг.

Калапина попятилась, вытянула руки предупреждающим жестом, как в старом колдовстве. Шруилл вскочил на ноги, встал на скамейку, на которой сидел. Рот его двигался беззвучно.

— Калапина, — сказал Свенгаард, — если вы не можете помочь ему, освободите меня, так чтобы я смог это сделать.

Она подскочила, чтобы выполнить это, заполненная благодарностью, что может передать эту странную ответственность другому.

Ограничивающие свободу стенки ракушки упали при ее прикосновении. Свенгаард прыгнул вниз, почти упал. Ноги и руки его заплетались от долгого заключения. Он пробился к Нурсу, глаза и ум его работали, пока он двигался. Желтые пятна на коже — это была, скорее всего, иммунная реакция на пантоженичную кислоту и неудачные попытки ее подавления адреналином.

Красный треугольник фармакологического центра сиял на стене слева над скамьями. Свенгаард наклонился, поднял корчащееся тело Нурса, начал пробираться вверх к знаку входа. Человек на его руках вдруг повис неожиданно тяжелым весом смерти, никакого движения, кроме поверхностного дыхания груди.

Оптимены отступали от него, как будто он нес чуму. Внезапно кто-то над ним закричал: — Дайте мне выйти.

Толпа обернулась. По пласмелду прогремели тяжелые шаги. Они все устремились вверх к выходам, цеплялись, лезли вверх друг на друга. Послышались визги, проклятия, хриплые крики. Это было похоже на стадо скота, в середину которого выпустили хищника.

Часть сознания Свенгаарда остановилась на женщине справа. Он прошел мимо нее. Она лежала, вытянувшись поперек двух сидений, спина ее выгнулась странным углом, рот хватал воздух, глаза устремлены в одну точку, на руках и шее кровь. Признаков дыхания не было. Он пробирался вверх мимо мужчины, который тащился вверх по скамейкам, одна нога его бездействовала, глаза устремлены на знак центра и выход, который, оказалось, был уже заполнен извивающимися телами.

Руки Свенгаарда ныли от груза. Он споткнулся, почти упал на последних двух ступенях, когда опустил тело Нурса рядом с входом в центр.

Внизу под ним он услышал голоса — Дюран и Бумур кричали, чтобы их освободили.

«Позднее,» — подумал Свенгаард. Он положил руку на контроль двери фармакологического центра. Дверь не открылась. «Конечно, — подумал он, — я не оптимен.» Он поднял Нурса, положил одну его руку на контроль. Двери скользнули в сторону. За ними оказались обычные полки, нагруженные всякими предметами первой необходимости — пирамидины, анурины.

«Анурин и иноситол, — подумал он. — Должны противодействовать иммунной реакции.»

Знакомое табло анализа занимало место справа для введения руки, а из желобов виднелись обычные иглы-вампиры. Свенгаард подергал ключи на главном желобе, открыл панель. Он проследил выходы введения анурина и иноситола, нейтрализовал другие, втиснул руку Нурса под иглы. Они нашли вены, вошли в плоть. Приборы сверху закрылись.

Свенгаард отключил встречную линию, чтобы остановить обратную связь. Снова приборы захлопнулись.

Осторожно Свенгаард освободил руку Нурса от игл, положил его во весь рост на пол. Лицо его сейчас принимало один цвет, бледно-белый, но дыхание углубилось. Веки заморгали. Тело его было холодным, липким.

«Шок,» — подумал Свенгаард. Он снял свой пиджак, укрыл им Нурса, начал массировать руки, чтобы восстановить кровообращение.

Справа от него появилась Калапина, села у изголовья Нурса. Руки ее были сцеплены вместе, суставы побелели. На лице ее была странная ясность, глаза устремлены в пространство. Она почувствовала, что прошла намного большее расстояние, чем просто поднялась вверх от пола зала, притягиваемая воспоминаниями, которые нельзя было обойти. Она знала, что прошла сквозь безумие, чтобы прийти в ясную странность здорового ума.

Красный мяч Шара Обозрения попал в поле ее зрения, яйцо огромнейшей силы, которое налагало свои обязанности даже сейчас. Она думала о Нурсе, многократном партнере плотских забав. Партнер и игрушка.

— Он умрет? — спросила она. Она повернулась, чтобы наблюдать за Свенгаардом.

— Не сейчас, — сказал Свенгаард. — Но этот последний взрыв истерии... он причинил невосполнимый ущерб организму.

Он вдруг заметил, что из зала доносятся лишь бессловесные стоны и неясные команды.

— Я освободила Бумура и Дюранов и послала просьбу о большей... медицинской помощи, — сказала Калапина. — Есть много... мертвых... много травмированных.

«Мертвые, — думала она. — Какое странное слово в отношении оптимена. Мертвые... мертвые... мертвые...»

Затем она почувствовала, как необходимость привела ее в новое ощущение жизни, новый ритм. Это произошло там внизу, в нахлынувших воспоминаниях, которые тянулись все эти сорок тысяч лет. Никакие из них не покинули ее — ни один случай доброты, ни одно проявление жестокости. Она помнила все: Макса Огуда, Ситак... каждого любовника, каждую игрушку... Нурса.

Свенгаард оглянулся на шуршащий звук, увидел Бумура, приближающегося с бессознательным телом женщины на руках. На щеке и челюсти ее был синий синяк. Руки свисали, как плети.

— Можно воспользоваться этим инструментом? — спросил Бумур. В голосе его чувствовался призыв холодности Киборга, но в глазах его застыли боль и ужас.

— Вы должны управлять доской вручную, — сказал Свенгаард. — Я отключил систему требований обратной связи.

Бумур тяжело остановился и обошел вокруг него с женщиной на руках. Какой хрупкой она казалась. На шее ее прямо пульсировала вена.

— Я должен применить расслабитель мышц до того, как мы можем поместить ее в больницу, — сказал Бумур. — Она сломала обе руки — контрамышечное напряжение.

Калапина узнала это лицо, вспомнила, как они слегка поспорили однажды по поводу мужчины — любовника.

Свенгаард перешел к правой руке Нурса, продолжая массаж. Это передвижение позволило ему увидеть центр зала и коляску. Глиссон сидел там бесстрастный, безрукий в ограничивающей его движение раковине. Сбоку от тележки лежала Лизбет, а около нее, встав на колено, склонился Гарви.

— Миссис Дюран! — сказал Свенгаард, вспомнив о своих обязанностях.

— С ней все в порядке, — сказал Бумур. — Неподвижность в последние несколько часов было самое лучшее для нее, что можно было сделать.

«Лучшее! — подумал Свенгаард. — Дюран был прав. Эти Киборги бесчувственны, как машины.»

— Заставьте его молчать, — прошептал Нурс.

Свенгаард взглянул вниз на бледное лицо, увидел разрывы вен на щеках, провисшую, нечувствительную плоть. Веки Нурса заморгали, открылись.

— Оставьте его мне, — сказала Калапина.

Нурс повернул голову, попытался посмотреть на нее. Он заморгал, очевидно, в глазах у него еще все плыло. Глаза его стали слезиться.

Калапина подняла его голову, просунула туда ноги, пока он не оказался у нее на коленях. Она погладила его лоб.

— Ему это нравилось, — сказала она. — Идите и помогите другим, доктор.

— Кал, — сказал Нурс. — О, Кал... Я... у меня болит.

Глава 20

Почему вы помогаете им? — спросил Глиссон. — Я не понимаю вас, Бумур. Ваши действия нелогичны. Какая польза от помощи им?

Он смотрел вверх через открытый сегмент Шара Обзора на Калапину, сидящую в одиночестве на помосте Туеров. Внутренние огни отбивали медленный ритм на ее лице. Сверкающая пирамида выступающих бинаров танцевала в воздухе перед ней.

Глиссона освободили из ракушки заточения, но он все еще сидел на тележке, а соединения рук его болтались пустыми. Для Лизбет Дюран принесли медицинскую кушетку. Она лежала на ней, а рядом сидел Гарви. Бумур стоял спиной к Глиссону, глядя в шар. Пальцы его нервно двигались, сжимались, разжимались. На правом рукаве его была полоска засохшей крови. Лицо его, похожее на эльфа, выражало крайнее недоумение.

Из-за шара вышел Свенгаард, медленнодвигающаяся фигура среди красных теней. Внезапно зал осветился светом. Главные шары сработали автоматически, когда на улице наступила темнота. Свенгаард остановился, чтобы осмотреть Лизбет, потрепал Гарви по плечу. — С ней будет все в порядке. Она сильная.

Глаза Лизбет следили за ним, когда он двинулся вокруг, чтобы заглянуть в Шар Обзора. Плечи Свенгаарда опустились от усталости, но на лице его было удовлетворение. Он был человеком, который нашел себя.

— Калапина, — сказал Свенгаард, — Это был последний, кого мы направили в больницу.

— Я вижу, — сказала она. Она взглянула вверх на сканеры, все они светились. Почти половина оптименов была

под наблюдением — сумасшедшие. Тысячи умерли. Многие лежали с серьезными травмами. Те, кто остались, следили за Шаром. Она вздохнула, желая знать, что было в их мыслях, как они восприняли тот факт, который свалился на них с натянутой струны бессмертия. Ее смущали собственные эмоции. В груди у нее было странное чувство облегчения.

— Что со Шруиллом? — спросила она.

— Раздавлен в дверях, — сказал Свенгаард. — Он... мертв.

Она вздохнула. — А Нурс?

— Поддается лечению.

— Разве вы не понимаете, что с вами произошло. — Глаза его сверкали, когда он бросил взгляд вверх на Калапину.

Калапина посмотрела вниз на него, ясно произнесла: — Мы пережили эмоциональный стресс, который изменил тонкий баланс обмена веществ, — сказала она. — Растянули нас в это. Вывод совершенно ясен — назад пути нет.

— Значит, вы понимаете, — сказал Глиссон. — Любая попытка силой ввести ваш организм в старые рамки приведет к скуке и постепенному переходу в апатию.

Калапина улыбнулась: — Да, Глиссон. Нам бы не хотелось этого. Мы уже почувствовали причастность к нового рода... оживлению, о существовании которого мы не знали.

— Тогда вы действительно понимаете, — сказал Глиссон, и в голосе его появился призыв зависти.

— Мы сломали ритм жизни, — сказала Калапина. — Вся жизнь умещается в ритме, но мы сбились с шага. Я понимаю, что причиной тому было внешнее вмешательство в те эмбрионы — ритм, утверждающий себя.

— Ну, и тогда, — сказал Глиссон, — чем скорее вы вернете все это нам, тем скорее все утвердится в...

— Вам? — спросила укоряюще Калапина. Она взглянула в быстрые контрасты мерцающего света в зале. Каким все было черно-белым. — Я бы скорее прокляла вас всех, — сказала она.

— Но вы же умираете!

— Вы тоже, — сказала Калапина.

Свенгаард проглотил комок в горле. Он видел, что старую враждебность не так-то просто можно преодолеть. И он удивился себе, второсортному хирургу, который неожиданно нашел себя как врач, полезный людям, которым он нужен.

— Я могу предложить вам план, который можно было бы принять, Калапина, — сказал Свенгаард.

— Вас мы слушаем, — сказала Калапина, и в голосе ее появилась привязанность. Она изучала Свенгаарда, когда он старался подобрать нужные слова, помня о том, что этот человек спас жизнь Нурсу и многим другим.

«Мы не составляли планов для непостижимого, — думала она. — Возможно ли такое, что этот никто, который был когда-то объектом для насмешек, может спасти нас?» Она даже не смела позволить себе надеяться.

— У Киборгов есть технология приведения эмоций в более или менее управляемое состояние, — сказал Свенгаард. — Как только мы достигнем этого, я полагаю, что знаю способ смягчить ферментные колебания, присущие большинству из вас.

Калапина проглотила сухой комок. Огни сканеров над ней начали вспыхивать, когда следящие стали подавать ей сигналы о том, чтобы позволить ей включить их в каналы коммуникации. У них, конечно, были вопросы. У нее были свои собственные вопросы, но она не знала, можно ли ей высказать их вслух. Она поймала отражение собственного лица в одной из призм, оно напомнило ей взгляд Лизбет, когда женщина умоляла ее с тележки.

— Я не могу обещать бесконечной жизни, — сказал Свенгаард, — но полагаю, что многие из вас смогут прожить еще много тысяч лет.

— Почему мы должны соглашаться помочь им? — грозно спросил Глиссон. В голосе его чувствовались ворчливые нотки.

— Вы тоже неудачники, — сказал Свенгаард. — Разве вы не видите этого? — Он понял, что кричит в полную силу голоса, лишившись еще одной иллюзии.

— Не кричите на меня, — рявкнул Глиссон.

«Так у них действительно есть эмоции, — подумал Свенгаард. — Гордость... гнев...»

— Вы все еще страдаете от того, что лишились иллюзий добиться контроля над ситуацией? — спросил Свенгаард. Он указал на Калапину. — Одна эта женщина там, все еще может истребить все на этой земле.

— Послушай его, дурья твоя голова Киборга, — сказала Калапина.

— Давайте будем осторожнее обращаться с этим словом «дурак», — сказал Свенгаард. Он пристально взглянул на Калапину.

— Следите за своими выражениями, Свенгаард, — сказала Калапина. — Наше терпение имеет пределы.

— Как и ваша благодарность, да? — сказал Свенгаард.

Горькая усмешка тронула ее губы. — Мы говорили о выживании, — сказала она.

Свенгаард вздохнул. Он задумался о том, можно ли вообще когда-либо сломать образ мыслей, порожденный иллюзией бесконечности жизни? Она вновь заговорила здесь в духе мышления старых Туеров. А раньше его поразила в ней способность быстро восстанавливать физические и духовные силы.

Этот взрыв снова затронул страх Гарви за Лизбет. Он взглянул на Свенгаарда, затем на Глиссона, пытаясь контролировать свой страх и робость. Зал этот внушал ему ужас своей огромностью и происходившим здесь бедламом. Шар нависал над ним — чудовищная сила, которая могла бы сокрушить их всех.

— Да о выживании, — сказал Свенгаард.

— Давайте пойдем друг друга, — сказала Калапина. — Среди нас есть те, которые скажут, что ваша помощь была просто вашей обязанностью. Вы все еще наши пленники. Есть те, которые потребуют, чтобы вы сдались и открыли нам весь ваш подпольный Центр.

— Да, давайте пойдем друг друга, — сказал Свенгаард. — Кто ваши пленники? Я — человек, который не член подполья и мало знает о нем. У вас есть Глиссон, который знает больше, но, безусловно, не все. У вас есть Бумур, тот, кто убежал от фармакологов, который знает еще меньше, чем Глиссон. У вас есть Дюраны, знания которых едва ли выходят за рамки их маленькой ячейки. Чего вы добьетесь, если вы выпотрошите нас?

— Ваш план спасти нас, — сказала Калапина.

— Мой план требует сотрудничества, а не принуждения, — сказал Свенгаард.

— И он даст нам только продление, а не восстановление нас в первоначальные условия, не так ли? — спросила Калапина.

— Вы должны были бы приветствовать это, — сказал Свенгаард, — он дал бы вам возможность стать зрелыми, по-

лезными. — Он взмахнул рукой, указывая на окружающую обстановку. — Вы заморозили здесь себя в состоянии незрелости! Вы играли в игрушки! Я предлагаю вам шанс выжить!

«Что это? — размышляла Калапина. — Является ли это новое оживление побочным продуктом знания о том, что мы должны умереть?»

— Я совсем не уверен, что мы будем сотрудничать, — сказал Глиссон.

Это было уже выше того, что мог стерпеть Гарви. Он вскочил на ноги, взглянул на Глиссона. — Ты, робот, ты хочешь, чтобы человеческий род умер! Вы! Вы это еще один смертельный исход!

— Болтовня! — сказал Глиссон.

— Послушайте, — сказала Калапина. Она начала подключать каналы коммуникации. Части предложений врываются в зал:

— Мы можем восстановить ферментный баланс собственными силами!... Уничтожить этих созданий!... Каков его план? Каков его план?... Начинать стерилизацию!... его план!... Сколько мы еще продержимся, если... Нет сомнения в том, что мы можем...

Калапина успокоила голоса, повернув выключатель. — Это будет поставлено на голосование, — сказала она. — Я напоминаю вам об этом.

— Вы умрете и скоро, если мы не будем сотрудничать, — сказал Глиссон. — Я хочу, чтобы вы полностью осознали это.

— Вы знаете план Свенгаарда? — сказала Калапина.

— Ход его мыслей прозрачен, — сказал Глиссон.

— Думаю, что нет, — сказала Калапина. — Я видела, как он работал с Нурсом. Чтобы достичь компенсации, он использовал опасную передозировку анурина и иноситола. Помня об этом, я все время спрашиваю себя, что дает эта передозировка, и что будет, если я применю ее к себе? И какое отношение это все имеет к охватившему нас волнению. И в чем выход. И еще тьма других вопросов.

— Я знаю его план, — усмехнулся презрительно Глиссон. — Подавить ваши эмоции и каждому из вас дать ферментную имплантацию. — Напряженная усмешка вытянула губы и показала край зубов на лице Глиссона. — Это действительно ваша надежда. Приняв его, вы будете, наконец, потеряны для нас.

Калапина взглянула с изумлением вниз на него и была шокирована.

Гарви поймал себя на том, что улавливает подлость в голосе Глиссона. Его собственный опыт в подполье показывал, что Киборги очень расчетливы, ограничены, чтобы им можно было доверять решение простых человеческих проблем, но никогда еще он не видел, чтобы этот факт был так ярко продемонстрирован.

— Это ваш план, Свенгаард? — потребовала пояснений Калапина.

Гарви вскочил: — Нет! Это не его план!

Свенгаард кивнул себе. Конечно! Человек и отец, конечно бы, понял.

— Вы претендуете на то, что знаете то, чего я, Киборг, не знаю? — спросил Глиссон.

Свенгаард взглянул на Гарви, подняв в удивлении брови.

— Эмбрионы, — сказал Гарви.

Свенгаард кивнул, посмотрел вверх на Калапину. — Я предлагаю поддерживать вас, постоянно имплантируя вам живые эмбрионы, — сказал он. — Живые мониторы, которые будут сами делать приспособления, необходимые вам. Вы обретете свои эмоции... свою страсть к жизни, это волнение — ваша цена.

— Вы предлагаете сделать нас живыми чанами для эмбрионов? — спросила Калапина, удивление порывалось в ее голосе.

— Период беременности можно будет продлить на сотни лет, — сказал Свенгаард. — При должном подборе гормонов это может быть применимо и для мужчин, конечно, с кесаревым сечением, но оно не обязательно будет болезненным... или частым!

Калапина взвешивала его слова, удивляясь, что не чувствует отвращения к этому предложению. Но почему же она почувствовала отвращение, поняв, что Лизбет Дюран носит в себе эмбрион? Калапина вдруг поняла, что отвращение ее основывалось на ревности. Она знала, что не все оптимены примут это. Некоторые будут за возвращение к старому. Она взглянула на показания табло. Никому не удалось скрыться от неприятного волнения. Но они вынуждены будут понять, что все они умрут рано или поздно. У них был только выбор времени.

«В конце концов, мы не имеем бессмертия, — думала она, — это только иллюзия. Но ее мы имели... в течение многих веков.»

— Калапина! — сказал Глиссон. — Вы не собираетесь принять это глупое предложение?

«Механический человек пришел в ярость от столь жизненного, человеческого решения,» — думала она. Она сказала: — Бумур, что вы скажите?

— Да, — сказал Глиссон, — выскажись, Бумур. Укажи нелогичность этого предложения.

Бумур повернулся, изучающе посмотрел на Глиссона, взглянул на Свенгаарда, на Дюранов, пристально посмотрел вверх на Калапину. В узком лице Бумура было выражение скрытой мудрости: — Я все еще помню, как это было, — сказал он. — Я думаю, что было лучше... перед тем, как я был изменен.

— Бумур, — сказал Глиссон.

«Задело его гордость,» — подумал Свенгаард.

Глиссон смотрел на Калапину с механической напряженностью. — Еще не решено, будем ли мы помогать вам!

— А кто нуждается в вас? — спросил Свенгаард. — У вас нет монополии на технику. Вы бы могли сберечь время и немного избавить нас от забот, вот и все. Мы можем сами найти эмбрионы.

Глиссон переводил пристальный взгляд с одного на другого. — Но ведь такой путь не был предусмотрен! Предполагалось, что вы не должны помогать им!

Киборг замолчал, глаза его остекленели.

— Доктор Свенгаард, — сказала Калапина, — Не могли бы вы дать нам лучшие, жизнеспособные эмбрионы, такие как эмбрион Дюранов? Вы видели вторжение аргинина. Нурс полагает, что это возможно.

— Да, возможно, — сказал Свенгаард. Он еще подумал: «Да, это... вероятно.»

Калапина взглянула вверх на сканеры. — Если мы примем это предложение, — сказала она, — мы будем продолжать жить. Вы чувствуете это? Мы живы сейчас, но мы помним совсем недавнее время, когда мы умираем.

— Мы поможем, если должны, — сказал Глиссон, и в голосе его был язвительный тон.

Только Лизбет, понимая своим деревенским благоразумием свою беременность, узнавая смятение своих эмоций, по-

дозревала о логическом факте, который заставил Киборга изменить решение. Благоразумных людей можно контролировать. Вот о чем думал Глиссон. Она могла прочитать это в нем, понимая его полностью впервые теперь, когда знала, что у него есть гордость и гнев.

Калапина, читая на доске Шара Обозрения все растущее напряжение единственного вопроса со стороны публики оптименов, установила систему аналогов для ответа. Она быстро пришла, и сканеры видели ее. — Этот процесс мог бы обеспечить от восьми до двенадцати тысяч лет дополнительной жизни даже для народа.

— Даже для народа, — прошептала Калапина. И скрыть от него будет невозможно, она знала это. Сейчас не могло быть больше Безопасности. Как выяснилось, даже Шар Обозрения имеет свои недостатки и ограничения. Глиссон знал об этом. Она могла сказать это, читая его молчаливое отступление там внизу. Свенгаард, конечно, поймет это. Возможно, даже Дюран.

Она посмотрела на Свенгаарда, зная, что она должна делать. Было бы легко потерять народ в этот момент, потерять их полностью.

— Если это будет сделано, — сказала Калапина, — это будет сделано для всех, кто пожелает — смертный или оптимен.

«Это политика, — думала она. — Вот тот путь, по которому бы следовали Туеры... даже Шруилл. Особенно Шруилл. Умный Шруилл. Мертвый Шруилл.» Она почти была уверена, что слышит, как он хихикает.

— Может быть это сделано для народа? — спросил Гарви.

— Для любого, — сказала она и улыбнулась Глиссону, давая ему знать, как она выиграла. — Я думаю, что мы можем сейчас поставить это на голосование.

Еще раз она взглянула вверх на сканеры, желая знать, правильно ли она оценила своих людей. Конечно, большинство из них поняли, что она сделала. Но будут некоторые, цепляющиеся за надежду, что смогут восстановить полный ферментный баланс. Она знала лучше их, что этот путь невозможен. Тело ее знало. Но будут и такие, которые попытаются встать на этот опасный курс назад, к скуке и апатии.

— Зеленый за предложение доктора Свенгаарда, — сказала она. — Золотой против.

Медленно, затем со все нарастающей скоростью, круг лампочек сканеров менял цвета — зеленый... зеленый... зеленый заливал экран, лишь отдельные точки то тут, то там цвета золота. Это было больше, чем подавляющее большинство, которого она ожидала, и это сделало ее подозрительной и напряженной. Она доверяла своему инстинкту голосования. Подавляющее большинство. Она сверилась с приборами Шара, прочла репрезентацию ответа: «Киборга нельзя обойти через его веру во всемогущество логики.»

Калапина кивнула себе, думая о своем сумасшествии. «И жизнь нельзя обойти против интересов жизни,» — подумала она.

— Предложение принято, — сказала она.

И она поняла, что ей не нравится этот неожиданный хищный взгляд на лице Глиссона. «Мы что-то проглядели, — подумала она. — Но мы найдем это... раз мы стали вновь приспособляемыми.»

Свенгаард повернулся, чтобы посмотреть на Гарви Дюрана, позволил себе широко улыбнуться. «Это было, как в операционной, — думал он. — Одна операция до мелочей, и следует широкий образец. Его можно сделать с точностью, так как он делается в клетке.»

Гарви оценивал усмешку Свенгаарда, читая эмоциональные признаки на его лице. Все лица вокруг него несли собственные выражения в это мгновение, все они были открыты для прочтения курьером, подготовленным в подполье. Это было высокомерие между могущественными. У народа еще мог быть шанс — тысячи лет шанса, если можно было верить Калапине — а она верила в это сама. Генетическая среда была сформирована в новый образец, и он мог видеть это. Это был неопределенный образец, полный неопределенности. Гейзенбергу мог бы понравиться этот образец. Сами двигатели были продвинуты и изменены самим движением.

— Когда мы с Лизбет можем уйти отсюда? — спросил Гарви.

Фрэнк Херберт

(1920 — 1986 гг.)

краткий обзор творчества

ФРЭНК ХЕРБЕРТ родился 8 октября 1920 г. в Такоме, штат Вашингтон. Окончил университет штата Вашингтон в г. Сизтл. Работал репортером и редактором в ряде газет Западного побережья, после этого стал профессиональным писателем.

Начал публиковаться с фантастического рассказа «Looking for something?» в 1952 году. В течении следующего десятилетия изредка печатался в НФ журналах, написав менее 20 коротких рассказов (они, тем не менее, составляют большую часть его малой прозы; в этом жанре ему так и не удалось создать ничего значительного). В тот же период написал один роман «The Dragon in the sea» (1956) «Морской дракон»/варианты названия — «Субмарина 21 века», «Под давлением»/, вызвавший множество похвальных отзывов триллер со сложными психологическими исследованиями, действия в котором происходят на борту подводной лодки будущего. Как автор крупных форм Херберт выступил с публикацией в ASF в 1963-64 «Мира Дюны» — первой части серии о Дюне. За ним, в 1965 г. последовал «Пророк Дюны»; обе части были объединены в «Дюну» (1965), получившую первую премию Небьюла за лучший роман, разделившую премию Хьюго и ставшую одним из самых знаменитых НФ романов.

«Дюна» — роман необычайной сложности. Здесь затронуты темы межгалактической политики, политики решительно феодальной природы, развития религии с медленной, но неизбежной эволюцией протагониста в мессию, а также войны. Первоначальной же темой является экология — тема, находящаяся на острие внимания современных читателей и писателей НФ. Пустынная планета Арракис, с ее гигантскими песчаными червями и похожими на бедуинов жителями, фрименами — это, возможно, самая убедительная окружающая среда «чужого» мира, созданная когда-либо фантастами. Своей смесью сложного интеллектуального рассуждения и византийской интриги «Дюна» дала образец для более зна-

чительной работы Херберта. Продолжения знаменитого романа Херберт публиковал вплоть до своей смерти.

С 1965 года Херберт начинает публиковать романы регулярно: «Зеленый мозг» (1966), в котором видоизмененные насекомые достигают корпоративного разума; «Направление — пустота» (1966) — тема кибернетики; «Глаза Гейзенберга» (1966), о геной инженерии и бессмертии; «Барьер Сантароги», описывающий разум высшего порядка, развивающийся в изолированном, околонутопическом сообществе. Развитие разума — это всепроникающая тема творчества Херберта (включая и разум насекомых в «Зеленом мозге» и разум машины в «Направление — пустота»). Он не только настойчиво старается предложить различные виды разума, но и подробно описать их. Разум «чужих» исследуется в «Звезде под бичом» и в ее продолжении «Досадийский эксперимент» (1977), где автор создавая сюжет многоуровневой интриги, подробно, в деталях, описывает несколько различных видов «чужих», рассматривает воздействие эксперимента в условиях крайнего перенаселения и развивает в герое и героине пси-силы, включая полный трансфер разума.

Другие НФ романы Херберта — «Создатели Бога» (1972), в котором Бог создается стараниями людей и «Улей Хеллстрома» (1973). Последнюю книгу, берущую свое название из фильма «Хроника Хеллстрома» (1971), но в остальном мало с ним связанную, можно считать самым успешным романом Херберта после «Дюны». Здесь с убедительной подробностью описывается подземная колония селекционно выведенных, по различным специализациям, людей — по принципу семьи насекомых. Это общество, в котором существование, жизнь индивида представляется незначительной и маловажной. Первостепенным здесь является продолжение существования улья как функционирующего организма. Роман показывает противоречия общества, которое по своим меркам является Утопией, но со стороны, с человеческой точки зрения, оно ужасающе.

Многие произведения Херберта — чтение трудное. Его идеи — это настоящие концепции, а не просто декоративные понятия, иногда воплощенные в чрезвычайно сложную фабулу, рассказанные прозой, которая не всегда соответствует уровню мышления. Лучшие его романы — произведения интеллекта, имеющие мало соперников в современной НФ.

Библиография.

1. Under pressure. 1956 — *Под давлением.*
2. Dune. 1965 — *Дюна.*
3. The eyes of Heisenberg. 1966 — *Глаза Гейзенберга.*
4. Destination: void. 1966 — *Направление — пустота.*
5. The green brain. 1966 — *Зеленый мозг.*
6. The Santaroga barrier. 1968 — *Барьер Сантароги.*
7. The heaven makers. 1968 — *Создатели небес.*
8. Dune messiah. 1969 — *Мессия Дюны.*
9. The worlds of Frank Herbert. 1970 — *Миры Фрэнка Херберта(сб.)*
10. Whipping star. 1970 — *Звезда под бичом.*
11. The God makers. 1972 — *Создатели Бога.*
12. Soul catcher. 1972 — *Ловец души.*
13. The book of Frank Herbert. 1973 — *Книга Фрэнка Херберта(сб.)*
14. Hellstrom's hive. 1973 — *Улей Хеллстрема.*
15. The best of Frank Herbert. 1975 — *Лучшее Фрэнка Херберта(сб.)*
16. Childrens of Dune. 1976 — *Дети Дюны.*
17. The Dosadi experiment. 1977 — *Досадийский эксперимент.*
18. The Jesus incident. 1979 (с Биллом Рэндомом) — *Инцидент с Иисусом.*
19. Direct descent. 1980 — *Прямой спуск.*
20. The priests of Psi and other stories. 1980 — *Святые Пси(сб.)*
21. The God-Emperor of Dune. 1981 — *Бог-Император Дюны.*
22. The white plaque. 1982 — *Белая чума.*
23. The Lasarus effect. 1983 (с Биллом Рэндомом) — *Эффект Лазаря.*
24. Heretics of Dune. 1984 — *Еретики Дюны.*
25. Chapterhouse: Dune. 1985 — *Дом глав родов: Дюна.*

СОДЕРЖАНИЕ

Звезда под бичом. <i>Роман</i>	5
Зеленый мозг. <i>Роман</i>	183
Глаза Гейзенберга. <i>Роман</i>	355

Х39

Херберт Фрэнк. Зеленый мозг: научно-фантаст. романы /Пер. с англ. Н. Родновой — Ангарск: Амбер, Лтд. — 528 с. — (Англо-американская фантастика XX века)

В книге представлены ранее не издававшиеся романы Ф. Херберта.

Х 470310100-13

И 22(03)

без объявления

ХЕРБЕРТ Фрэнк
Зеленый мозг

Литературно-художественное издание

Редактор Н. Бархатов
Корректор Н. Суворова

Сдано в набор 10.07.92. Подписано в печать 10.01.93. Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ф. п. л. 16,5. Тираж 100 000 экз. С-1. Заказ 877.
Амбер, Лтд. 665830 г. Ангарск 76-9.
Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

Фирма «IFT-99» ПРЕДСТАВИТ

**Ваши интересы на Московской нефтяной бирже
и
Тюменской товарно-фондовой бирже .**

Мы предлагаем:

- нефть и нефтепродукты;
- контракты на переработку нефти;
- прямые поставки товаров;
- рынки недвижимости;
- строительство.

Контактный телефон (факс): (095) 233-88-41.

Коммерческий банк «Ангарский»

спонсор издателя этой книги —
ваш надежный партнер!

*Пайщики банка —
крупнейшие предприятия города:*

- ПО «Ангарскнефтеоргсинтез»
- Строительно-промышленное акционерное общество «Ангарское управление строительства»
- Производственное лесозаготовительное объединение «Китойлес»
- Ангарский цементно-горный комбинат
- Ангарский керамический завод
- Ангарский электромеханический завод
- Ангарский завод химреактивов
- ПО «Иркутскбиопром»
- Ангарская птицефабрика
- Ангарское опытно-конструкторское бюро ав-
томатики
- Иркутская ТЭЦ-9
- Иркутская ТЭЦ-1
- Ангарские Электрические сети

Приглашаем к сотрудничеству

Контактные телефоны:

(39518) 2-25-66, 2-20-70, 2-28-68

«Амбер, Лтд.» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Избранные произведения
американских писателей—фантастов

Ларри НАЙВЕНА

в двух томах

том первый

Мир птавов
Дар Земли
Рассказы

том второй

Мир кольцо
Защитник
Летающие колдуны

А. Э. ВАН ВОГТА

в трех томах

том первый

Слен
Шелки
Библия Пта

том второй

Империя атома
Волшебник Линна
Вопрос для будущего

том третий

Путешествие космического «Биггля»
Война против рулл
Утеряно 50 солнц

АМБЕР ЛТД